ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Журнал издается с 2006 года **№ 26/2014**
Выходит 4 раза в год

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования (ФГБОУ ВПО) «Кемеровский государственный университет культуры и искусств»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Главный редактор
Е. Л. Кудрина, доктор педагогических наук, профессор, ректор КемГУКИ
Зам. главного редактора
А. В. Шунков, кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной и инновационной деятельности КемГУКИ
Ответственный секретарь
О. Ю. Астахов, кандидат культурологии, доцент

Редакторы *Н. Ю. Мальцева, Ю. А. Сивушкина, О. В. Шомшина*

Перевод *А. А. Щербинин,*
член Союза переводчиков России

Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*
Дизайн *А. В. Сергеев*

Адрес редакции:
650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17.
Журнал «Вестник КемГУКИ»
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Электронная версия журнала:
http://vestnik.kemguki.ru/

ISSN 2078-1768

© ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств», 2014

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY OF CULTURE AND ARTS

JOURNAL OF THEORETICAL AND APPLIED RESEARCH

Journal is published since 2006 **№ 26/2014**
Published quarterly

Founder
Federal State-Funded Educational Institution of Higher Professional Education (FSFEI HPE) «Kemerovo State University of Culture and Arts»

EDITORIAL BOARD
Editor-in-Chief
E. L. Kudrina, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of KemGUKI
Assistant Chief Editor
A. V. Shunkov, Candidate of Philological Sciences, Docent, Vice-Rector for Research and Innovation of KemGUKI
Administrative Secretary
O. Yu. Astakhov, Candidate of Culturology, Docent

Editors *N. Yu. Maltseva, Yu. A. Sivushkina, O. V. Shomshina*

Translation *A. A. Sherbinin,*
member of the Union of Translators of Russia

Computer layout *M. B. Sorokina*
Design *A. V. Sergeyev*

Address of the Publisher:
650029, Kemerovo, 17 Voroshilov Street.
Journal «Bulletin of KemGUKI»
Tel.: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Web Journal link:
http://vestnik. kemguki.ru/

ISSN 2078-1768

© FSFEI HPE «Kemerovo State University of Culture and Arts», 2014

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА

Председатель совета:

Колин К. К., доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук (Австрия), Российской академии естественных наук и Международной академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики Российской академии наук (г. Москва).

Члены совета:

Абдулатипов Р. Г., доктор философских наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области культуры 2010 года, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Президент Республики Дагестан (г. Махачкала, Республика Дагестан).

Ариарский М. А., доктор культурологии, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации, вице-президент Ассоциации работников музеев России, директор Научно-образовательного центра педагогической культурологии ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств» (г. Санкт-Петербург).

Астафьева О. Н., доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой ЮНЕСКО Международного института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, начальник Отдела стратегий социокультурной политики и модернизационных процессов Российского института культурологии (г. Москва).

Белозерова М. В., доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории этносоциальных проблем Сочинского научно-исследовательского центра Российской академии наук (г. Сочи).

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

Chairman of the editorial council:

Kolin K. K., Doctor of Technical Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Current Member of the International Academy of Sciences (Austria), the Russian Academy of Natural Sciences and the International Academy of Higher Education, Senior Research Fellow of the Institute of Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Members of council:

Abdulatipov R. G., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Academician of the Academy of Natural Sciences, Laureate of the Government of the Russian Federation Award in the Field of Culture in 2010, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, President of the Republic of Dagestan (Makhachkala, Republic of Dagestan).

Ariarskiy M. A., Doctor of Culturology, Professor, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation, Vice President of the Russian Association of Museum Staff, Director of Research and Education Center of Pedagogical Culturology of FSFEI HPE “St. Petersburg State University of Culture and Arts” (St. Petersburg).

Astafieva O. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Deputy Head of the UNESCO Chair of the International Institute of State Service and Administration of the Russian Academy of National Economy and State Administration under the President of the Russian Federation, Head of the Department for Strategies of Socio-Cultural Policy and Modernisation Processes of Russian Institute for Culturology (Moscow).

Belozerova M. V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher at the Laboratory of Ethno-social Problems of the Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi).

Быховская И. М., доктор философских наук, профессор, начальник отдела прикладных культурологических исследований и образования в сфере культуры и искусства, руководитель Научно-образовательного центра Российского института культурологии (г. Москва).

Влодарчик Эдвард, доктор исторических наук, профессор, ректор Щецинского университета (Польша).

Волк П. Л., доктор культурологии, профессор, начальник Департамента по культуре и туризму Томской области (г. Томск).

Гавров С. Н., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальной антропологии Московского государственного университета дизайна и технологии (г. Москва).

Гениева Е. Ю., доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, генеральный директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы имени М. И. Рудомино (г. Москва).

Гринченко С. Н., доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем информатики Российской академии наук, вице-президент Биокосмологической ассоциации от Европейской части России, член редакционного совета электронного журнала «Biocosmology-neo-Aristotelism» (г. Москва).

Демин В. П., доктор искусствоведения, профессор, академик РАО, заведующий Отделом дополнительного образования Института художественного образования РАО (г. Москва).

Долженко О. В., доктор философских наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, профессор Национального института бизнеса Московского гуманитарного университета (г. Москва).

Донских О. А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления (г. Новосибирск).

Bykhovskaya I. M., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of Department of Applied Cultural Research and Education in the Field of Culture and Art, Head of the Scientific and Educational Center of Russian Institute for Culturology (Moscow).

Wlodarczyk Edward, Doctor of Historical Sciences, Professor, Rector of the University of Szczecin (Poland).

Volk P. L., Doctor of Culturology, Professor, Head of the Department of Culture and Tourism of Tomsk Region (Tomsk).

Gavrov S. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Professor of the Chair of Sociology and Social Anthropology, Moscow State University of Design and Technology (Moscow).

Genieva E. Y., Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Philological Sciences, General Director of M. I. Rudomino All-Russian State Library for Foreign Literature (Moscow).

Grinchenko S. N., Doctor of Technical Sciences, Professor, Senior Researcher at the Institute of Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences, Vice President of the Association of Biocosmology from the European Part of Russia, Member of the Editorial Board of the Electronic Journal “Biocosmology-neo-Aristotelism” (Moscow).

Demin V. P., Doctor of History of Arts, Professor, Academician of RAS, Head of Department of Additional Education of the Institute of Art Education of the RAS (Moscow).

Dolzenko O. V., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Current Member of the International Academy of Higher Education, Professor at the National Business Institute of Moscow University for the Humanities (Moscow).

Donskikh O. A., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Chair of the Philosophy of Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk).

Игумнова Н. П., доктор педагогических наук, главный научный сотрудник Российской национальной библиотеки, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Москва).

Иконникова С. Н., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук, Международной академии информатизации, Международной академии наук высшей школы, заведующая кафедрой теории и истории культуры ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств» (г. Санкт-Петербург).

Кинелев В. Г., доктор технических наук, профессор, академик РАО, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Общество знаний и новые информационные технологии» Российского нового университета (г. Москва).

Луков В. А., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Международной академии наук (Австрия), Международной академии наук педагогического образования, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета (г. Москва).

Мазур Петр, профессор, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой педагогики Высшей государственной профессиональной школы в Хелме (г. Хелм, Польша).

Разлогов К. Э., доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, почетный член Бразильской академии философии, член научного совета РАН по комплексной проблеме «История мировой культуры», руководитель Комиссии научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, академик Российской академии естественных наук, академик-секретарь Национальной академии кинематографических искусств и наук России (г. Москва).

Igumnova N. P., Doctor of Pedagogical Sciences, Senior Resercher of the Russian National Library, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (Moscow).

Ikonnikova S. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, the International Academy of Informatization, International Academy of Higher Education, Chair of Theory and History of Culture of FSFEI HPE “St. Petersburg State University of Culture and Arts” (St. Petersburg).

Kinelev V. G., Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the RAS, UNESCO Chair “Knowledge Society and New Information Technology” of the Russian New University (Moscow).

Lukov Val. A., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the International Academy of Sciences (Austria), International Academy of Sciences Teacher Education, Vice Rector for Science and Publishing, Director of the Institute of Fundamental and Applied Research of Moscow Humanitarian University (Moscow).

Piotr Mazur, Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Chair of Pedagogy of the Higher State Vocational School in Chelm (Chelm, Poland).

Razlogov K. E., Doctor of History of Arts, Professor, Honorary Worker of Arts of the Russian Federation, Honorary Member of the Brazilian Academy of Philosophy, Member of the Scientific Council of Russian Academy of Sciences on Complex Problem “History of World Culture”, Head of the Commission of the Scientific Council for the Study and Protection of Cultural and Natural Heritage, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Academician-Secretary of the National Academy of Motion Picture Arts and Sciences of Russia (Moscow).

Садовой А. Н., доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией этносоциальных проблем Сочинского научно-исследовательского центра Российской академии наук (г. Сочи).

Смолянинова О. Г., доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, директор Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

Сунь Юйхуа, доктор педагогических наук, профессор, ректор Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь, КНР).

Тер-Минасова С. Г., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории преподавания иностранных языков, президент факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва), лауреат Ломоносовской и Фулбрайтовской премий, почетный доктор Бирмингемского университета (Великобритания) и Нью-Йоркского университета (США).

Урсул А. Д., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Академии наук Молдавии, президент Международной академии ноосферы (устойчивого развития), профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва).

Хандке Ришард, профессор, ректор Академии искусств (г. Щецин, Польша).

Хесус Лау, доктор философии, профессор, председатель секции информационной грамотности ИФЛА, директор Исследовательского центра Университета Веракруза (Мексика).

Чжао Цзиминь, профессор, ректор Чанчуньского государственного педагогического университета (г. Чанчунь, КНР).

Sadovoi A. N., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Ethnosocial Problems of the Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi).

Smolyaninova O. G., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Corresponding Member of the RAS, Director of Institute of Pedagogy, Psychology and Sociology of Siberian Federal University (Krasnoyarsk).

Sun Yuhua, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China).

Ter-Minasova S. G., Doctor of Philologic Sciences, Professor, Chair of the Theory of Teaching the Foreign Languages, President of the Faculty of Foreign Languages and Regional Stady of M. V. Lomonosov Moscow State University (Moscow), Winner of the Lomonosov and Fulbright Awards, Honorary Doctor of the University of Birmingham (UK) and New York University (USA).

Ursul A. D., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the Academy of Sciences of Moldova, President of the International Academy of the Noosphere (Sustainable Development), Professor of M. V. Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Handke Ryszard, Professor, Rector of the Academy of Arts (Szczecin, Poland).

Jesús Lau, Doctor of Philosopy, Professor, Chair of the IFLA Section of Information Literacy, Director of Research Center of the University of Veracruz (Mexico).

Zhao Jimin, Professor, Rector of Changchun State Pedagogical University (Changchun, China).

СОСТАВ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Научные редакторы разделов

Раздел «Документальная информация»

Гендина Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, академик МАН ВШ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член Постоянного комитета IFLA по информационной грамотности, эксперт ЮНЕСКО по проблемам разработки индикаторов медиа- и информационной грамотности, директор НИИ информационных технологий социальной сферы Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Пилко Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе Кемеровского государственного университета культуры и искусств, член Совета Российской библиотечной ассоциации (г. Кемерово).

Раздел «Культурология»

Мартынов Анатолий Иванович, доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН, профессор кафедры музейного дела Кемеровского государственного университета культуры и искусств, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Кемерово).

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (г. Кемерово).

Раздел «Философия»

Гук Алексей Александрович, доктор философских наук, доцент, директор НИИ прикладной культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD OF THE JUOURNAL

Scientific Editors of Sections

Section of Documentary Information

Gendina Natalia Ivanovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of IAS HS, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Member of the IFLA Standing Committee on Information Literacy, UNESCO Expert on the Development of Indicators of Media and Information Literacy, Director of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Pilko Irina Semyonovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice Rector for Academic Work of Kemerovo State University of Culture and Arts, Member of the Russian Library Association Council (Kemerovo).

Section of Culturology

Martynov Anatolii Ivanovitch, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of RANS, Professor of the Museums Affairs Department, Kemerovo State University of Culture and Arts, Honored Scientist of the Russian Federation (Kemerovo).

Minenko Gennady Nikolayevich, Doctor of Culturology, Professor, Professor of Chair of Culturology of Kemerovo State University of Culture and Arts, Correspondent Member of Petrovsky Academy of Sciences and Arts, Member of International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture (Kemerovo).

Section of Philosophy

Guk Aleksey Aleksandrovich, Doctor of Philosophic Sciences, Docent, Director of R&D Institute of Applied Culturology of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Красиков Владимир Иванович, доктор философских наук, профессор кафедры философии Кемеровского государственного университета, член-корреспондент Российской академии естествознания, председатель Кемеровского областного отделения Российского философского общества (г. Кемерово).

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор кафедры культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Раздел «Социально-культурная деятельность»

Пономарёв Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, проректор по творческой и международной деятельности Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Ярошенко Николай Николаевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности Московского государственного университета культуры и искусств (г. Москва).

Раздел «Искусствоведение»

Прокопова Наталья Леонидовна, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, профессор, заведующая лабораторией теоретических и методических проблем искусствоведения, директор института театра Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Степанская Тамара Михайловна, доктор искусствоведения, профессор, член-корреспондент Российской академии естествознания, заведующая кафедрой истории отечественного и зарубежного искусства Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

Умнова Ирина Геннадьевна, доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой музыкознания и музыкально-прикладного искусства Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Krasikov Vladimir Ivanovich, Doctor of Philosophic Sciences, Professor of the Philosophy Department, the Kemerovo State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Science, the Chairman of the Kemerovo Regional Branch of the Russian Philosophical Society (Kemerovo).

Markov Viktor Ivanovich, Doctor of Culturology, Candidate of Philosophical Sciences, Professor of Chair of Culturology of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Section of Socio-cultural Activities

Ponomaryov Valery Dmitrievich, Doctor of Pedagogical Sciences, Docent, Vice Rector for Creative and International Activity of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Yaroshenko Nikolay Nikolaevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Chair of Sociocultural Activity of Moscow State University of Culture and Arts (Moscow).

Section of Art studies

Prokopova Natalia Leonidovna, Doctor of Culturology, Candidate of Arts, Professor, Head of Laboratory of Theoretical and Methodological Problems of Art, Director of Institute of Theatre of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Stepanskaya Tamara Mikhailovna, Doctor of Arts, Professor, Correspondent Member of Russian Academy of Natural Sciences, Chair of History of Native and Foreign Art of Altai State University (Barnaul).

Umnova Irina Gennadievna, Doctor of Arts, Professor, Chair of Musicology and Musical Arts of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Раздел «Филология»

Араева Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, действительный член МАН ВШ, заведующая кафедрой стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово).

Крейдлин Григорий Ефимович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва).

Севастьянова Светлана Климентьевна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).

Силантьев Игорь Витальевич, доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).

Раздел «Педагогика»

Заруба Наталья Андреевна, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук, заслуженный учитель Российской Федерации, профессор кафедры педагогики и психологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Панина Татьяна Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель Российской Федерации, действительный член Академии педагогических и социальных наук, директор института дополнительного профессионального образования Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева (г. Кемерово).

Раздел «Научная жизнь университета»

Егле Людмила Юрьевна, кандидат культурологии, доцент, начальник научного управления Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Section of Philology

Arayeva Lyudmila Alekseyevna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Full Member of IAS HS, Chair of Stylistics and Rhetoric of Kemerovo State University (Kemerovo).

Kreidlin Grigorii Efimovitch, Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian Language Department, the Institute of Linguistics of the Russian State Humanitarian University (Moscow).

Sevastianova Svetlana Klimentievna, Doctor of Philological Sciences, Senior Research Fellow, Department of Literature Institute of Philology, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk).

Silantiev Igor Vitalievitch, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk).

Section of Pedagogy

Zaruba Natalia Andreyevna, Doctor of Sociologic Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Honored Teacher of the Russian Federation, Professor of the Chair of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Panina Tatiana Semenovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Teacher of the Russian Federation, Member of the Academy of Pedagogical and Social Sciences, Director of the Institute for Continuing Professional Education of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo).

Section of Scientific Life of the University

Egle Ludmila Yurievna, Candidate of Culturology, Docent, Head of Scientific Department of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Колин К. К. Славянская культура как стратегический фактор обеспечения единства и безопасности славянского мира..... 13

Золотухин В. М. Социокультурная идентичность и право на толерантность..... 18

Усков И. Ю. Краеведческая генеалогия: местная практика становления..... 24

Покровская А. Ф. Унификация процессов управления музейными коллекциями в государственных музеях Кемеровской области..... 33

Тихонов В. В. Перспективы музеефикации историко-культурного наследия переселенцев периода столыпинской аграрной реформы Предбайкалья..... 48

Реховская Т. А. Трансформация традиций питания у русских переселенцев западной Сибири в начале XX века..... 56

Хотько Е. Г. Исторические предпосылки возникновения и развития ярмарочного досуга в контексте ярмарочной культуры в России..... 62

Хотько Е. Г. Кукольный театр виклеим как феномен ярмарочной культуры..... 69

Ултургашева Н. Д., Новиков Д. В., Ултургашева И. Г. Традиционность в повседневной жизнедеятельности современных телеутов (на примере д. Шанда Гурьевского района Кемеровской области)..... 75

К 20-летию кафедры культурологии ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств»

Миненко Г. Н., Двуреченская А. С. Кемеровская культурологическая школа: итоги и перспективы..... 85

Двуреченская А. С. Специфика культурологии как гуманитарной дисциплины..... 89

Думанский Д. В. Проблема роста научного знания в сфере социокультурной макродинамики..... 93

Миненко Г. Н., Рябчевская Ж. А. О специфике эсхатологизма в русской культуре..... 102

Оленич Л. В. Роскошь в русском художественном сознании Средневековья и Нового времени..... 112

Астахов О. Ю. Жизнетворческое содержание слова в эстетике Андрея Белого (на материале статьи «Магия слов»)..... 118

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Саратовский С. Н. Русская культурная традиция как фактор интерпретации этюдов С. М. Ляпунова..... 122

Синельникова О. В. Страницы русской истории сквозь призму жизни и творчества Родиона Щедрина..... 134

Прокопова Н. Л. Художественная значимость речевого искусства как результат объединения разных ценностных установок (на материале спектакля «футуризмЗрим»)..... 141

Дмитриев А. И. Герои В. М. Шукшина как носители русского национального характера..... 154

Шестакова И. В. Приемы «интеллектуального кино» в новелле «Думы» (фильм «Странные люди») В. Шукшина..... 158

Черняева Е. Н. Формирование идеального образа советского человека в практиках художественной культуры 1920-х годов..... 163

Попова Н. С. Особенности творческого метода архитектора Й. Б. Ван Лохема (на примере голландских периодов творчества)..... 170
Бегунова Е. А. Эволюция храмовых типов в византийской империи..... 175

ФИЛОСОФИЯ

Филин Д. А. Личность Сократа в святоотеческой традиции..... 180
Ковалева Г. П. Эмпирические истоки категории «духовность» в онтологии трансцендентного космизма..... 185
Гаврилов Е. О. Микро- и макроизмерение социального бытия религии: проблема координации..... 193

ФИЛОЛОГИЯ

Иванова Неля Стефанова Пространственные образы концепта «успех» в болгарском языке..... 201
Дюльгерова Кремена Каменова Семантические параллели в описании внешнего вида человека в болгарском и русском языках..... 204
Ангелова София Ангелова Амнезия и идентичность (социальные и психологические аспекты амнезии в романах «Весы» Павла Вежинова и «Желтый дом» Дончо Цончева)..... 208
Йорданова Марина Владева История как тема. История как текст (наблюдения над развитием исторической белетристики в сербской литературе начала XIX – середины XX века)..... 214
Алефиренко Н. Ф. Знаково-семасиологические аспекты соотношения слова и предложения..... 221

ПЕДАГОГИКА

Заруба Н. А. Подготовка профессионально-компетентных кадров для сферы культуры в условиях транзитивного общества..... 228
Рубцова Т. Ю., Губанова М. И. Особенности формирования актуализированных жизненных перспектив будущих абитуриентов вуза..... 232
Иванова Тинка Димитрова Обучение православию в болгарской школе..... 236

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Калимуллина О. А. Досуг как сфера проявления и развития творческой направленности личности..... 241
Пешкова В. П. Социально-культурные технологии формирования корпоративной культуры студенческой молодежи..... 248

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Сдобникова М. Ю. Становление сети библиотек Владимирской Губернии в первые десятилетия советской власти (20–30-е годы XX века)..... 256
Новинская Л. В. Разработка алгоритма внедрения АБИС..... 265

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

Марков В. И. Диссертационный культурологический совет Кемеровского государственного университета культуры и искусств: новые направления развития..... 278
Веселовская Е. В., Двуреченская А. С., Киселев А. В., Сечина И. А. Итоги Всероссийского конкурса методических работ «Образование. Культура. Творчество»..... 280
Юдина А. И., Ртищева О. В., Родионова Д. Д., Трусова Н. М., Мухамедиева С. А., Насонов А. А. Всероссийский научно-просветительский молодежный форум «Внутренний туризм как основа устойчивого развития регионов России»..... 283
Ивлева Т. Н. Конкурс «Я – менеджер» набирает обороты..... 289
Сведения об авторах..... 292

CONTENTS

CULTUROLOGY

Kolin K. K. Slavic Culture as a Strategic Factor Ensuring the Unity and Security of the Slavic World... 13

Zolotukhin V. M. Socio-cultural Identity and the Right to Tolerance... 18

Uskov I. Yu. Regional Genealogy: Local Practice of Formation... 24

Pokrovskaya A. F. The Unification of Processes Aimed at the Conservation of Museum Collections in State Museums in Kemerovo Region... 33

Tikhonov V. V. Prospects of Musefication of the Migrants' Historical and Cultural Heritage of Stolypin Agrarian Reform Period in Predbaikal'ye... 48

Rekhovskaya T. A. The Transformation of Russian Migrants' Food Traditions in Western Siberia in the 1900s... 56

Khotko E. G. Historical Background and Development of the Leisure Fair in the Context of Fair Culture in Russia... 62

Khotko E. G. Puppet Theatre Vikleimul as a Phenomenon of Fair Culture... 69

Ulturgasheva N. D., Novikov D. V., Ulturgasheva I. G. Traditional Character in Daily Activity of Modern Teleuts (on the Example of Shanda Village of Guryevsky District in Kemerovo Region)... 75

To the 20th Anniversary of the Chair of Culturology of FSBEI HPE "Kemerovo State University Culture and Arts"

Minenko G. N., Dvurechenskaya A. V. Kemerovo Culturological School: Results and Prospects... 85

Dvurechenskaya A. S. The Specificity of Culturology as Humanitarian Discipline... 89

Dumansky D. V. The Problem of Growth of Scientific Knowledge in the Theory of Sociocultural Macrodynamics... 93

Minenko G. N., Ryabchevskaya Zh. A. About Eschatologizm's Specifics in the Russian Culture... 102

Olenich L. V. Luxury in Russian Artistic Medieval Consciousness of Modern Times... 112

Astakhov O. Yu. Life Creating Contents of Speech in Aesthetics of Andrei Bely (on the Article "Magic Words")... 118

ART STUDIES

Saratovsky S. N. Awareness of Russian Cultural Tradition as a Factor in Interpreting Sergei Lyapunov's Études... 122

Sinelnikova O. V. The Russian History Through Rodion Shchedrin's Life and Creative Work... 134

Prokopova N. L. Artistic Importance of the Speech Art as a Result of Combination of the Different Values (as in Play "futurizmZrim")... 141

Dmitriev A. I. Heroes of V. M. Shukshin as Medias of Russian National Character... 154

Shestakova I. V. Methods of Intellectual Cinema in the Short Story "Dumy" (the Film "Strange People") by V. Shukshin... 158

Chernyaeva E. N. Creating the Perfect Image of the Soviet Man in the 1920-s Art Culture Practices.... 163

Popova N. S. Features of Architect J. B. Van Lochem Creative Methods (in His Dutch Creative Period).. 170

Begunova E. A. Evolution of Temple Types in the Byzantine Empire..... 175

PHILOSOPHY

Filin D. A. The Personality of Socrates in the Patristic Tradition..... 180

Kovaleva G. P. Empiric Sources of the Category "Spiritualism" in Ontology of Transcendental Cosmism..... 185

Gavrilov E. O. Micro and Macromeasurement of Social Life of Religion: Problem Coordination..... 193

PHILOLOGY

Ivanova Nelly Stefanova Space Images of the Concept "Success" in the Bulgarian Language..... 201

Dyulgerova Kremena Kamenova Bulgarian and Russian Semantic Parallels of Verbal Phrases Describing the Man's Appearance on the Basis of Comparison..... 204

Angelova Sophia Angelova Amnesia and Identity (Social and Psychological Aspects of Amnesia in the Novel "Libra" by Pavel Vezhinov and "The Yellow House" by Doncho Tsonchev)..... 208

Jordanova Marina Vladeva History as a Subject. History as Text (Observations on the Development of Historical Fiction in Serbian Literature at the Beginning of the XIX to the Mid-Twentieth Century)... 214

Alefirenko N. F. Character and Semiological Problems of Word and Sentence Correlation..... 221

PEDAGOGICS

Zaruba N. A. Preparation of Competent Professional Services Personnel for Culture in Transitive Society..... 228

Rubtsova T. Yu., Gubanova M. I. The Formation Features of the Future Higher Education Entrants' Updated Vital Perspectives..... 232

Ivanova Tinka Dimitrova Education of Orthodoxy in Bulgarian School..... 236

SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES

Kalimullina O. A. Leisure as a Scope and Creative Direction of a Personality..... 241

Peshkova V. P. Socio-cultural Technologies of Forming the Corporate Culture of Studentship..... 248

DOCUMENTARY INFORMATION

Sdobnikova M. Yu. Formation of the Library Network of Vladimir Gubernia in the First Decades of the Soviet Rule (1920–1930s)..... 256

Novinskaya L. V. Algorithm Development of Alis Implementation..... 265

SCIENTIFIC LIFE OF THE UNIVERSITY

Markov V. I. Dissertational Culturological Council of Kemerovo State University of Culture and Arts: New Directions..... 278

Veselovskaya E. V., Dvurechenskaya A. S., Kiselev A. V., Sechina I. A. The Results of All-Russian Competition of Methodical Work "Education. Culture. Creativity"..... 280

Yudina A. I., Rtischeva O. V., Rodionova D. D., Trusova N. M., Mukhamedieva S. A., Nasonov A. A. All-Russian Scientific and Educational Youth Forum "Domestic Tourism as a Basis for Sustainable Regions' Development of Russia"..... 283

Ivleva T. N. The Competition "I Am a MANAGER" Gains Momentum..... 289

Information about the Authors..... 292

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
CULTUROLOGY

УДК 008

К. К. Колин

СЛАВЯНСКАЯ КУЛЬТУРА КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕДИНСТВА И БЕЗОПАСНОСТИ СЛАВЯНСКОГО МИРА

В статье анализируются гуманитарные аспекты проблемы обеспечения безопасного и устойчивого развития современного общества. Показано, что благодаря особенностям своей древней культуры и языка, славянский мир обладает мощным духовно-нравственным потенциалом. В условиях системного кризиса цивилизации этот потенциал становится стратегическим фактором обеспечения безопасности не только для стран, входящих в состав славянского мира, но также и для других стран, которые ищут пути выхода из этого кризиса. Поэтому укрепление единства славянского мира – это стратегическая задача для всего человечества.

Ключевые слова: глобальная безопасность, духовные ценности, когнитивный потенциал, русский язык, славянская культура, устойчивое развитие.

K. K. Kolin

SLAVIC CULTURE AS A STRATEGIC FACTOR ENSURING THE UNITY AND SECURITY OF THE SLAVIC WORLD

In modern conditions, the appeal of traditional cultural systems, associated with the growth of the crisis tendencies of civilization, becomes important. The Slavic world takes a special place in the development of human society. This system was formed on the basis of traditions of Slavic culture, which is based on moral principles of the Orthodoxy. Studies show that today these moral principles are again popular, as they allow you to form attitudes and models of human behavior necessary for the survival of mankind in the face of rapidly growing global problems.

The Slavic world has a strong moral and spiritual potential, based on the features of the ancient culture and language. In a systemic crisis of civilization, this potential becomes a strategic factor for the safety not only of the countries belonging to the Slavic world, but also in other countries, which are now looking for a way out of this crisis. Therefore, strengthening the unity of the Slavic world today is a strategic task for the mankind. It is noted that this unity should promote the spiritual and moral elevation of man, what is happening today to suspend the hazardous process of moral degradation of society. Culture of the Slavic world can and should be the blueprint for the formation of a new culture of peace and security as a prerequisite for survival of the mankind in the face of global challenges.

Keywords: global security, spiritual values, cognitive potential, Russian, Slavic culture, sustainable development.

Современный мир и гуманитарные аспекты национальной и глобальной безопасности

В последние годы мир стремительно меняется. Он становится все более сложным, взаимосвязанным, непредсказуемым и опасным. Многие ученые считают, что современная цивилизация переживает системный кризис, последствия которого сегодня трудно прогнозировать. Весьма вероятно, что для человечества наступает «час истины», когда приоритетными и жизненно важными становятся не развитие экономики, промышленности и технологий, а те нравственные ценности, которые будут определять цели и смысл всей дальнейшей жизнедеятельности общества. Ведь именно они, в конечном счете, и определяют те жизненные пути, которые человек выбирает для себя, своей семьи и своей страны в современном мире.

Славянский мир занимает в развитии человеческого общества особое место, благодаря своей собственной, отличной от других цивилизаций, системе духовных ценностей. Эта система сформирова-

лась на основе традиций славянской культуры, в основе которой лежат нравственные установки православия. Исследования показывают, что сегодня именно эти нравственные установки являются вновь востребованными, так как они позволяют сформировать мировоззрение и модели поведения человека, необходимые для выживания человечества перед лицом быстро нарастающих глобальных проблем. Ведь все эти проблемы, начиная с истощения природных ресурсов и кончая все более заметными глобальными изменениями климата, являются результатами деятельности самого человека. Человек стал самой главной разрушительной силой на нашей планете, источником той глобальной угрозы, которая поставила на повестку дня вопрос о возможности выживания человечества как биологического вида.

Таким образом, проблема глобальной безопасности имеет гуманитарную первопричину. Она заключается в том, что жизнедеятельность людей, которая определяется их современным мировоззрением и культурой, вошла в непримиримое противоречие с ресурсными возможностями нашей планеты. Следовательно, *и мировоззрение, и культура становятся сегодня стратегическими факторами для обеспечения национальной и глобальной безопасности.*

Но ведь культура бывает разной в различные периоды исторического времени. Сегодня в ней все более сильно проявляются разрушительные тенденции. Агрессивная экспансия концепций и методов рыночной экономики, ориентированной, главным образом, на получение прибыли, все более широкое распространение культа денег и потребительского образа жизни, извращенные представления о нравственности, о свободе человека и его ответственности перед другими людьми – все эти негативные тенденции в современной культуре не только доминируют, но и продолжают нарастать.

Наглядным примером здесь могут служить последние события во Франции, где только что принят закон, разрешающий государственную регистрацию однополых браков. Многомиллионные демонстрации противников этого закона не остановили его вступление в силу, и регистрация двух однополых браков уже состоялась – под охраной полиции и в присутствии высших должностных лиц города, а также большого количества представителей СМИ.

В качестве следующего шага в данном направлении планируется исключить из гражданских документов такие понятия, как «мать» и «отец», чтобы не ущемлять чувства представителей нетрадиционной сексуальной ориентации. Они будут заменены понятиями «родители»: «родитель 1» и «родитель 2». Таким образом, самые дорогие для каждого человека слова «мама» и «папа», которые он узнает с первых дней своей жизни, будут считаться пережитком прошлого и в скором времени могут вообще исчезнуть из повседневной речи, по крайней мере, во Франции.

Еще один свежий пример – это поистине грандиозный гей-парад, который состоялся 2 июня 2013 года в бразильском городе Сан-Паулу. В нем под охраной двух тысяч полицейских приняли участие более 3,5 млн человек. Хотелось бы отметить, что в некоторых штатах Бразилии однополые браки сегодня уже узаконены.

Таким образом, реальностью нашего времени стали такие проявления в культуре общества, которые еще несколько лет назад казались невероятными и нормальному человеку не могли привидеться даже в кошмарном сне. Невольно здесь вспоминаются слова одного из героев романа Ф. М. Достоевского: «Если Бога нет, то всё дозволено».

А что будет дальше? В Норвегии и Швеции уже обсуждается вопрос об отмене уголовных наказаний за инцест и педофилию, а в Норвегии к этим преступлениям и сегодня относятся вполне терпимо, а виновных в их совершении в уголовном порядке, как правило, не наказывают.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют тот уровень нравственной деградации культуры западного общества, которая основана на идеологии наживы, потребительского образа жизни, эгоизма и социальной безответственности. К сожалению, эта идеология продолжает активно насаждаться и в странах славянского мира. И она еще не получает должного отпора ни со стороны культурной элиты этих стран, ни со стороны органов государственной власти. А ведь, как было показано выше, именно в культуре и в системе духовных ценностей общества кроются первопричины многих глобальных проблем современности.

Нравственные ценности славянской культуры как основа для формирования культуры мира и безопасности человека и общества

Сегодня становится все более ясным, что единственный путь выхода из системного кризиса современной цивилизации состоит в том, чтобы сформировать новую культуру, которую можно было бы назвать *культурой мира и безопасности*. Наиболее важными отличительными чертами этой культуры должно стать бережное отношение человека к живой и неживой природе, уважение и терпимость к другим людям, независимо от их этнической и конфессиональной принадлежности, уровня образования и положения в обществе. Но самым главным в этой культуре должно стать чувство личной ответственности человека за сохранение жизни на нашей планете.

Это те самые человеческие качества, которые российский академик Н. Н. Моисеев назвал «нравственным императивом», а немецкий философ И. Кант – «моральным законом» внутри человека. Действительно, ведь только моральный закон в душе каждого человека может стать реальной и самой надежной гарантией дальнейшего безопасного развития общества. Никакие законодательные или же административные меры таких гарантий дать принципиально не могут.

Так что же может стать концептуальной основой для формирования в современном обществе новой культуры мира и безопасности? Анализ показывает, что такой основой может стать традиционная славянская культура. Ведь именно этой культуре свойственны такие черты, как миролюбие, терпимость и уважение к представителям других народов и религий, великодушие, приоритет справедливости, отзывчивость и сострадание к обездоленным, коллективизм и взаимопомощь, чувство долга и готовность к служению отчизне, уважение к старшим, а также высокая значимость семейных ценностей.

Все эти отличительные качества славянской культуры хорошо известны. Они формировались тысячелетиями под влиянием не только учения православной церкви, но также и той исторической судьбы, которая была уготована славянским народам в мировой истории. Сегодня многие из этих черт уже не так ярко выражены, а некоторые и вовсе утрачены под натиском культурной экспансии Запада в эпоху глобализации. Тем не менее многие важные отличительные качества традиционной славянской культуры все еще сохраняются в генетической памяти славянских народов. И это – самое главное богатство славянского мира, которое должно быть бережно сохранено, проанализировано и эффективно использовано в качестве основного гуманитарного ресурса для преодоления глобального кризиса цивилизации.

Наукоемкая экономика и когнитивный потенциал славянской культуры

В последние годы наблюдается еще одна стратегически важная по своим последствиям тенденция развития общества. Она состоит в том, что на фоне глобального финансово-экономического кризиса во многих странах осуществляется целенаправленный *переход к новому технологическому укладу общества*. Этот уклад некоторые специалисты весьма образно называют «умной экономикой». Технологическое ядро этого уклада составляет новый комплекс промышленного производства, который уже формируется в развитых странах на основе принципиально новых технологий. Темпы роста этого комплекса очень высоки – около 35 % в год. Происходит это, главным образом, за счет интеграции нано-, био-, информационно-коммуникационных и других технологий.

По имеющимся прогнозам, новый технологический уклад будет сформирован в развитых странах уже в ближайшие годы и приведет к радикальным переменам в экономике и социальной сфере. В частности, прогнозируется существенное сокращение энергопотребления как в сфере промышленного производства, так и в основных системах жизнеобеспечения общества. Так, например, Германия планирует резко сократить свои потребности в углеводородных энергоносителях, так как уже к 2020 году почти половина потребностей ее экономики будет обеспечиваться энергией из альтернативных источников.

Понятно, что переход к новому технологическому укладу требует *качественно нового уровня развития образования*, которое в настоящее время существенно отстает от темпов развития научно-технического прогресса. При этом роль фундаментальной и прикладной науки быстро возрастает,

а *качество человеческого потенциала* становится определяющим фактором не только экономического развития той или иной страны и ее конкурентоспособности на мировом рынке, но также фактором национальной безопасности.

Это уже поняли руководители ряда стран, которые стараются перейти на траекторию опережающего развития и освоить перспективные ниши в новом технологическом укладе общества и международной системе разделения труда. Так, например, Китай, экономика которого сохраняет достаточно высокие темпы роста даже в условиях глобального финансово-экономического кризиса, поставил задачу к 2020 году обеспечить количество специалистов с высшим образованием в структуре занятого населения на уровне 30 %. Для страны с численностью населения порядка 1400 млн человек это очень высокий показатель развития образования.

Возникают закономерные вопросы: «А каков когнитивный потенциал славянского мира в условиях перехода к новому технологическому укладу общества? И какие факторы являются здесь наиболее важными?». Отвечая на эти вопросы, я хотел бы обратить внимание читателей на еще одно главное богатство славянской культуры. *Этим богатством является русский язык, который обладает колоссальным когнитивным потенциалом.* Ведь язык – это не только средство общения между людьми, но также и «пространство мысли». Это тот важнейший инструмент познания, при помощи которого человек постигает сущность наблюдаемых им процессов или явлений, моделируя их в своем сознании. При этом очень большое значение имеет богатство, разнообразие и качество самого языка. И здесь славянскому миру крупно повезло, так как ему достался один из самых выразительных и богатых по своему разнообразию языков мира – русский язык.

Информационная наука показывает, что только очень мощная и высокоразвитая информационная система позволяет строить достаточно адекватные модели сложных процессов или явлений. Именно такой системой и является русский язык. И это одно из самых важных стратегических преимуществ славянского мира в условиях новой научно-технологической революции. Поэтому те люди, которые свободно владеют русским языком и могут на нем не только общаться, но и думать, получают в этих условиях существенные конкурентные преимущества перед другими людьми.

К сожалению, это важное достоинство русского языка в настоящее время еще недостаточно осознано в странах славянского мира. Однако в некоторых других странах его уже поняли и принимают определенные меры на государственном уровне. Так, например, в Китае русский язык сегодня изучают уже более 2 млн человек, а в мае 2012 года в парламент Израиля был внесен проект закона о придании русскому языку статуса второго государственного языка этой страны. При этом Израиль вовсе не собирается в ближайшем будущем вступать в состав Союзного государства «Россия-Белоруссия». Его, прежде всего, беспокоят интересы граждан самого Израиля. Причем, не только русскоязычной диаспоры, которая составляет третью часть общей численности населения, но также и тех граждан Израиля, которые русским языком сегодня не владеют.

Ведь если этот закон будет принят, то русский язык станет обязательным предметом в школьных программах, и, изучив его, новое поколение граждан Израиля сможет не только читать в подлинниках русскую художественную литературу и лучше понимать передачи российского телевидения, но также использовать без перевода научную литературу, техническую и технологическую документацию, юридические документы и политические материалы. А это в условиях новой научно-технологической революции является исключительно важным фактором для развития экономики страны и обеспечения ее национальной безопасности.

Повышение единства как первоочередная задача славянского мира

Одной из первоочередных задач славянского мира является задача повышения его единства. Сегодня славянские народы разобщены, а их представители стали гораздо хуже понимать друг друга по сравнению с тем, как это было еще 20–25 лет тому назад. Ведь тогда основным языком межнационального общения славянских народов был русский язык, который сегодня еще понимают представители старшего поколения в Болгарии, Сербии, Молдавии и других странах. Но молодое поколение граждан этих стран русского языка уже практически не знает. По имеющимся данным, русский язык в Болгарии

сегодня изучают всего 160 тыс. человек, в то время как английский – 650 тыс. Как говорится, почувствуйте разницу!

И как же в этих условиях можно будет изучать и использовать новую научно-техническую литературу на русском языке? Переводить ее на английский или болгарский? Это и долго, и дорого. Кроме того, при переводе, как правило, возникают и терминологические проблемы, так как в болгарском языке целый ряд новых научно-технических терминов сегодня просто отсутствует. И быстро изменить эту ситуацию не удастся.

Нам представляется, что решать данную лингвистическую проблему нужно совсем по-другому, а именно так, как ее предполагается решать в Израиле. *Нужно коренным образом изменить существующую систему изучения русского языка в странах славянского мира*, включая Россию, для того, чтобы сделать ее существенно более эффективной и качественной. Тогда все представители славянского мира получат хорошее знание русского языка и, следовательно, приобретут новое эффективное средство и для своего развития, и для межнационального общения.

В последнее время Правительством России для решения этой проблемы создаются новые возможности. Так, на семинаре, который состоялся в сентябре 2012 года в Федеральном агентстве «Россотрудничество» с участием председателя Правительства России Д. А. Медведева, Министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова и министра культуры РФ В. Р. Мединского, были приняты важные решения по активизации деятельности российских центров сотрудничества с другими странами. Количество таких центров за пределами России планируется увеличить с 59 до 140–150, а их задачи – существенно расширить. В частности, предлагается возложить на эти центры решение ряда задач по обеспечению международного сотрудничества в сфере образования.

Нам представляется, что начинать эту важную и полезную деятельность нужно, прежде всего, с организации повышения квалификации преподавателей и библиотечных работников общеобразовательных школ в странах славянского мира и создавать для этих целей постоянно действующие в этих странах научно-образовательные центры.

О необходимости такой деятельности говорили многие участники Международного форума «Опережающее образование для устойчивого развития», который состоялся в мае 2012 году в Софии. Автор данной статьи был участником этого Форума и выступил на нем с докладом о проблемах и информационных аспектах развития опережающего образования, содержание которого опубликовано в Международном журнале для европейской интеллектуальной элиты “E&Msmarteducation” [2].

Выводы и рекомендации. Благодаря особенностям своей древней культуры и языка, славянский мир обладает мощным духовно-нравственным потенциалом. В условиях системного кризиса цивилизации этот потенциал становится стратегическим фактором обеспечения безопасности не только для стран, входящих в состав славянского мира, но также и для других стран, которые сегодня ищут пути выхода из этого кризиса. Поэтому укрепление единства славянского мира – это сегодня стратегическая задача для всего человечества.

При этом следует подчеркнуть, что это единство не будет направлено против других стран, а должно содействовать духовно-нравственному возвышению человека, приостановке происходящего сегодня процесса моральной деградации общества, который является очень опасным. Культура славянского мира может и должна стать концептуальной основой для формирования новой культуры мира и безопасности как необходимого условия выживания человечества перед лицом глобальных проблем [1].

Учреждение в Болгарии новой газеты «Славянско слово» является важным шагом на пути решения этой стратегически важной задачи. Однако нам представляется, что следующим шагом должно стать создание в Болгарии *Международного университета славянской культуры,* а также его филиалов в других странах славянского мира, включая Россию. Этот Университет должен функционировать под эгидой ЮНЕСКО и стать новым научно-образовательным центром кристаллизации культуры мира и безопасности, основанной на современном понимании духовных ценностей славянской культуры.

Учитывая актуальность и особую важность этой задачи, мы обращаемся к Генеральному директору ЮНЕСКО госпоже Ирине Боковой с просьбой рассмотреть данное предложение и поддержать его соответствующим решением ЮНЕСКО.

Мы также выражаем глубокую признательность Редакционной коллегии газеты «Славянско слово» и лично академику Асену Богданову за предоставленную возможность изложить на страницах этой газеты свою точку зрения на актуальные проблемы культуры славянского мира и ее роли в решении глобальных задач современности [4].

Литература

1. Колин К. К. Духовная культура общества как стратегический фактор обеспечения национальной и международной безопасности // Вестн. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – 2010. – Т. 21, № 1. – С. 27–45.
2. Колин К. К. Наука об информации в XXI веке: основные проблемы и перспективы развития // International scientific journal for the European intellectual elite "E&M smart education". – 2012. – № 1. – С. 9–20.
3. Колин К. К. Овладение информатизацией – стратегическая проблема развития цивилизации в XXI веке // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 25. – С. 14–30.
4. Колин К. К. Славянската култура – стратегически фактор за осигуряване на единството и безопасността на славянски свят // Славянско слово. Вестн. за образование, наука, култура и общество. – Монтана. – 13.06. 2013. – С. 1, 5.

Literatura

1. Kolin K. K. Duhovnaja kul'tura obshchestva kak strategicheskij faktor obespechenija nacional'noj i mezhdunarodnoj bezopasnosti // Vestn. Cheljabin. gos. akad. kul'tury i iskusstv. – 2010. – T. 21, № 1. – S. 27–45.
2. Kolin K. K. Nauka ob informacii v XXI veke: osnovnye problemy i perspektivy razvitija // International scientific journal for the European elite "E&M smart education". – 2012. – № 1. – S. 9–20.
3. Kolin K. K. Ovladenie informatizaciej – strategicheskaja problema razvitija civilizacii v XXI veke // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul'tury i iskusstv. – 2013. – № 25. – S. 14–30.
4. Kolin K. K. Slavjanskata kultura – strategicheski faktor za osigurjavane na edinstvoto i bezopasnostta na slavjanski svjat // Slavjansko slovo. Vestn. za obrazovanie, nauka, kultura i obshchestvo. – Montana. – 13.06. 2013. – S. 1, 5.

УДК 138.2

В. М. Золотухин

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРАВО НА ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Статья посвящена анализу социокультурной идентичности, связи ее с существованием и реализацией толерантности в обществе. Подчеркивается современное негативное отношение к феномену толерантности в связи с практикой ее применения и в то же время ее актуализации как способа сохранения социокультурной идентичности и достижения согласия в обществе при помощи правовой нормативности.

Ключевые слова: культура, идентичность, нормативность, право, толерантность.

V. M. Zolotukhin

SOCIO-CULTURAL IDENTITY AND THE RIGHT TO TOLERANCE

Human adaptation to the outside world plays an important role in the change of the functional behavior, of the formation of the "new" standards of conduct, which would become virtually the only generator of everyday behavior patterns. Socio-cultural model of objectivization of the "new" becomes a principle of rationalization, where pluralism establishes the image of a subject of culture as "a man playing", having a high creative potential and a sufficient level of practical tools. Value orientation of the given subject is not only new aspirations, but also self-expression through such behavioural priorities as freedom of choice and the opportunity to legitimately defend their own opinions.

Acting as a counterbalancing mechanism of aggressive reactions, tolerance is opposed to any form of violence, and has a "paradox of tolerance", when non-compliance is unlimited, turns into its opposite. It is closely linked with the right (the "due"), dates back to the rationalistic tradition and closely connected with the interpretation of the Golden rule of morality by I. Kant. The relationship of tolerance and rights can be traced at the level of finding possible ways to achieve

mutually acceptable compromises. Based on the freedom of thought, tolerance allows a person and society as a whole to preserve their own identity and achieve excellence. Providing "the mutual priority" of all the points of view, it shows a culture of respect for the values of the other as an equal, or at least wants to be so, because tolerance is manifested through dialectical balance "weak" and "strong". In order to adequately feel internal measure of tolerance and intolerance, a person should be inside the socio-cultural environment, to be able to optimally create favourable forms of socio-cultural communication, ensure the conditions for the manifestation of humanity, mutual respect and trust.

It is emphasized that "the right to tolerance" sets a limit of patience. Its value lies in the implementation of the act of "resistance". The measure is determined by "tolerance", established by the man himself, and is opposed to the regime to determine incidence of his personality. As implementation of the "right to indulgence" tolerance becomes duty execution of the accepted norms, aimed to balancing the mutual claims of the subjects in the social processes. Preservation and development of cultural traditions is opposed to the practice of manipulating the boundaries of "permitted". An important component of the acts responsibility of the individual for his thoughts, deeds and actions, and the "ethics of discourse", where the control over observance of the interests of self-preservation and interests in shaping the morality under civil agreements.

Keywords: culture, identity, normativity, right, tolerance.

Как целостная система культура базируется на дозволяемых и воспроизводимых обществом (этносом, нацией, государством) нормах и ценностях. Процессы общественного воспроизводства зависят от решаемых гражданским обществом и государственными институтами тех или иных политических, экономических, социальных задач (сохранения государственной идентичности, экономическая стабильность, миграционная политика и т. д.). «Открытость» общества своим собственным изменениям и инновациям означает одновременно и открытость его вовне, иным культурным нормам и принципам.

На современном этапе развития, где все чаще и чаще воспроизводятся кризисные ситуации, инновационные процессы сознательно продуцируются обществом и культурой и предстают как своеобразный «регулятив», некое формообразующее начало социокультурного развития, если не полностью вытесняющее в этом качестве традицию, то, по крайней мере, доминирующее над ней. Процесс воспроизводства «нового» и реализация его правового механизм зависит от носителя социокультурной идентичности. Таким образом, социокультурная модель «нового» социума становится принципом рационализации, где плюрализм утверждает образ субъекта культуры – «человека играющего», обладающего высоким потенциалом самовыражения через такие поведенческие приоритеты, как свобода выбора и возможность легитимным образом отстаивать собственное мнение.

Адаптация человека к окружающему миру играет большую роль в изменении функционального поведения, формирования «новых» стандартов поведения, способных стать практически единственным генератором повседневных (ожидаемых обществом и/или институтами власти) образцов поведения. С одной стороны, это должно стать «барьером на пути всеобщего распада», а с другой – способствовать выработке новых моделей поведения и ценностных ориентаций. Взаимосвязь толерантности и идентичности приобретает доминирующее значение, ибо толерантность проявляет себя через диалектику уравновешивания «слабого» и «сильного» посредством «притяжения середины» [2, с. 5]. Идентичность же позволяет субъекту (человеку, нации, государству) осознать самого себя, определять границы сосуществования с «Другими» и удерживать самого себя в этих границах.

Само же отношение к феномену толерантности сегодня является неоднозначным, прежде всего из-за практики его широкого применения (политика европейской мультикультурности и т. д.), когда из-за угроз радикализма и терроризма слышен призыв о том, что «надо менее придерживаться принципа пассивной толерантности последних лет» (Д. Кэмерон). В этом ряду стоит и миграционная политика государств, подразумевающая, что люди, представляющие разные культурные традиции, могут мирно сосуществовать друг с другом, но при этом малоэффективная, по причинам социальной напряженности внутри этих государств. В противовес такому подходу выступает идея беспристрастности в толерантности. Ее важным компонентом является ответственность, ибо мы должны не просто выслушать аргументы, мы обязаны нести ответственность, отвечать за то, как наши действия влияют на других людей [5, с. 275].

Выступая в качестве уравновешивающего механизма агрессивных реакций, толерантность противопоставлена любым формам проявления насилия. Это не просто единство противоположностей, но «единство единства и противоположностей» (Гегель), или «связь связного и несвязанного». Последнее гарантирует, что в каждой последовательности, возникающей по пути, снова будет воспроизводиться и на каждой ступени производиться жалящая душу сущность диссонанса, различия. Данный процесс направлен на воспроизводство живого в динамическом равновесии и постоянный поиск гармонии.

Связывая толерантность с принципом верификации различных миров, К. Поппер предлагает утилитаристскую формулу – «стремись к наибольшему счастью для возможно большего числа людей» – заменить формулой – «меньше для всех страданий, которых можно избежать». Подобная замена мотивируется признанием права на свободу, равенство и милосердие, ибо первая формула ведет к добровольному подчинению диктатуре. Подобное соотношение дает основание пониманию «парадокса терпимости». Более того – «право на толерантность» связано с рационалистической традицией. Рационализм «связан с представлением о том, что другой человек имеет право быть услышанным и право отстаивать свои доводы» [5, с. 275]. Это еще раз подтверждает основания кантовской философии, а именно трактовку «золотого правила» нравственности.

Наличие у человека самоопределенности и открытости к восприимчивости чужих мировоззренческих конструкций способствует достижению «золотой середины». С точки зрения деятельности, толерантность предполагает наличие свободы выбора относительно своих переживаний и направлена на его персонификацию. Объективная сторона связана с поиском согласованности человека с миром, где есть место неосознанному порыву, но нет вопроса о том, как это происходит, а субъективная – с нетерпимостью (интолерантностью) как проявлением агрессивности, неуравновешенности поведения, и, как следствие, – зависимость от естественных инстинктов, не подвергнутых культурной обработке. Поэтому толерантность включает в себя отрицание истинностной привилегированности любой позиции, в том числе и своей собственной, давая возможность реализовать «взаимный приоритет» всех выдвигаемых точек зрения.

«Право на толерантность» задает предел терпению. Ценность этого права определяется, с одной стороны, помощью человеку «выстоять среди опасностей», а с другой – есть неосознанность и отчаяние, вынуждающие терпеть любые условия, даже если он считает их несправедливыми, но молчаливо их воспринимает. Акт «сопротивления», в том числе оформления требования равенства, позволил А. Камю внести в свой нравственно-философский кодекс «братство с другими в беде и защите от нее» и наметить переход к праву, то есть переход от формулы «нужно было бы, чтобы это существовало» к формуле «я хочу, чтобы было так» [3, с. 69–61]. В «бунте» происходит самосознание человека и определяется мера «толерантности», которая устанавливается самим человеком и противопоставлена режиму, угнетающему его индивидуальность. Данная мера проявляется в «решительном протесте против любого вмешательства, которое воспринимается как просто нестерпимое». Она характеризуется убежденностью бунтаря в своей «доброй воле» и связывается с «правом на толерантность».

Воспроизведение дисциплинарной системы возможно с учетом многообразия мнений как основы самовоспитания и самоопределенности человека. Регулирование со стороны властных структур и саморегулирование социокультурного процесса при нормальном (эволюционном) развитии общественных отношений носят характер взаимоподдержки. Данной взаимосвязи присуща напряженность, выраженная в соблюдении баланса между всеми субъектами, реализующими социальные, экологические, культурные и другие программы в системе отношений обмена. Реализация «права на терпимость» превращается в обязанность выполнения общепринятых норм, направленных на уравновешивание взаимных притязаний субъектов в социальных процессах. Данный процесс происходит в «антропологическом пространстве», где «актуализируется набор существ, имеющих фундаментально различную конституцию личности и идентичности, но при этом совершающих всевозможные и непрестанные взаимопревращения» [11, с. 84].

Сохранение и развитие культурных традиций противопоставляется практике манипулирования границами «дозволенного» знания и веры. Социокультурная модель «нового» ставит на первое место «этику дискурса», где самосохранение, контроль за соблюдением интересов и их учет помогают фор-

мировать мораль в рамках гражданского соглашения. Противопоставление «Я» и «мира» и их нейтральность дают возможность реализации неуправляемого произвола, в том числе в форме репрессивной толерантности. Гражданское мужество («должное») как форма сопротивления заложена в механизм образования, послушно разуму и позволяет человеку выстоять в ситуациях предельной опасности, с одной стороны, наделяет человека знанием и технологией применения мужества, а с другой – позволяет государству определять границы манипулирования сознанием человека в границах взаимоприемлемого компромисса.

Ни сам человек (нация, государство и т. д.), ни его окружение заранее не располагают теми категориями, какие необходимы для осознания своего потенциала инноваций. Гораздо хуже ситуация, когда субъект вынужден признать сделанный им выбор неправильным, поскольку выбранный путь не позволяет ему максимально раскрыть свои таланты. И еще более глубокий кризис идентичности будет результатом его неспособности обнаружить в своей прошлой жизни что-либо воспроизводящее себя. Целостность сознания может быть достигнута лишь в результате контакта и противоборства с миром, причем существует оптимальная мера противостояния (мера допущения чужой свободы).

Сознание не способно вобрать в себя все то, что кажется возможным: оно не реализует подразумеваемую им тотальность. Мир не может не нарушить целостность сознания, ибо переполняет его; чрезвычайное богатство мира разрушает последовательность, необходимую для целостности сознания. Научиться интуитивно постигать оптимальную меру, раскрывать и в то же время контролировать свои таланты чрезвычайно важно для идентификации «я» с самостью. В этом случае даже достижение золотой середины приводит к кризису идентичности, к потере смысла, угасанию «самости» и дальнейшего и развития.

Немногие люди могут сохранить свою идентичность в неприкосновенности, если сталкиваются с беспричинным презрением со стороны своего окружения, особенно же тех людей, которых они уважают. Однако завышенные оценки, даваемые им друзьями, также не идут на пользу, поскольку и в этом случае человек понимает, что его образ, сложившийся в глазах других людей, не соответствует реальности. Однако забавно и даже удивительно, как быстро люди привыкают обычно к своему образу в глазах других людей: они верят лести так же искренне, как и раскаиваются в своем поведении, осужденном другими без сколько-нибудь убедительных моральных аргументов.

Но не только конфликт между моим представлением о себе и «социальным Я», созданным другими людьми, может породить проблемы идентичности: не менее опасны и противоречивые представления обо мне других людей. Как друг, я могу иметь другие обязанности, чем как гражданин, и неспособность занять промежуточное положение между ними может причинять страдания «я», особенно «я» морального человека, который серьезно относится к своим обязанностям.

Мера ответственности человека должна опираться не только на репрессивность правовых законов, но и на добровольное уважение прав человека. Там, где человек активно отстаивает свои права и признает права «Других», а также относится к ним с пониманием, толерантность имеет глубокие корни. Возможно совпадение ожидания ответа государства с самостоятельным действием.

Человек может обрести стабильную идентичность только в случае, если сумеет преодолеть негативное отношение к «Другим» и/или к «Другому». Этот процесс не может инициироваться теми, от кого он должен освободиться. Такие императивы, как «больше не подчиняйся мне», вызывают у человека противоречивую реакцию: ведь если я подчиняюсь приказу, то я не подчиняюсь, если же не подчиняюсь – то как раз подчиняюсь. Однако кризисы идентичности вызываются не только слишком жесткими моделями взаимоотношений, они могут быть результатом разочарования человека в свойственных ему моделях общения.

Переоценка нормативистских и логико-методологических концепций характеризуется преобладанием релятивизма норм в социальной деятельности и связана с программой антисциентистского либерализма. Данный подход мы можем найти в работах таких представителей «философии науки», как: У. Селларс, С. Э. Тулмин, Т. Кун, И. Лакатос, Дж. Агасси и П. Фейрабенд. Его своеобразие заключается в способе подхода к основам развития общества, а «терпимое отношение» получает практическую значимость. Развивая идею свободного общества, П. Фейрабенд подчеркивает: «Свобод-

ным обществом является то, в котором все традиции имеют равные права и равный доступ к центрам власти» [9, с. 470]. Данное определение противопоставлено пониманию общества, в котором равные права основаны на заданности традиций. Позиция П. Фейрабенда основана на том, что эти права «придают смысл жизни тем, кто участвует» в их осуществлении, включая посторонних, для которых они «должны и могут представлять интерес» [9, с. 470]. Равные права должны быть предоставлены и всем духовным традициям, законодательно закрепленным, ибо «во многих странах люди постепенно осознают, что закон дает им большую свободу действий, чем они предполагали; они шаг за шагом завоевывают это пространство, которое до сих пор было занято». Более того, «свободные общества возникнут в результате таких действий», то есть посредством повсеместной признанности закона, а «не благодаря претензиционным теоретическим схемам» [9, с. 471].

С течением времени происходит актуализация необходимости регулирования этого процесса в правовом поле. Примером может служить практика принятия законов о свободе совести как в отдельно взятых странах, так и на международном уровне в целом. Истоки этого заключены в духовной природе человека, выражаются в нравственно-правовом характере общественного бытия (С. Л. Франк) и порождают бесчисленные, порой трагические конфликты и недоразумения в человеческой жизни. Возникает потребность в поиске общечеловеческих и/или социокультурных критериев поведения. Данные критерии поведения могут быть выражены как в «конкретном (юридическом) законе», так и «культурной (бытовой) норме». Они обусловлены наличием в глубине человека права свободного выбора «между началом солидарности и началом индивидуальной свободы, между властью, охраняющей интересы целого, и анархическими тенденциями, между силами центростремительными и центробежными» [10, с. 96].

Наличие морального права тесно связано с осуществлением прав человека. Особенно это касается российской практики, где мы можем услышать о самоотречении, об отказе от личных интересов в пользу блага ближних и т. д., но при этом будет нарушаться закон ради каких-то высших интересов. Вместе с тем, отечественная философская традиция говорит о том, что свобода онтологически базируется на единстве «разделенности» и «взаимопроникновения», а толерантность обосновывается как проявление «должного», ибо из «природы общества как органического многоединства, из необходимого сочетания в духовной жизни, лежащей в основе общества, начале солидарности и свободы, следует расчленение общества на отдельных субъектов прав, связанных между собой» [10, с. 142].

Как характеристика «должного» толерантность понимается А. П. Куницыным, подчеркивающим, что человечество должно развиваться и совершенствоваться только благодаря добровольному соглашению и при выполнении следующих условий: взаимность уступок, взаимопомощь и уважение. Базируясь на свободомыслии, она «управляет своими желаниями, не нарушая при этом свободы других людей» [4, с. 235]. Данное право налагает на человека обязанность не противиться вреду, происходящему от законных деяний других; распространяясь на право «свободно объяснять свои мысли другим», способствует достижению человеком совершенства, ибо «каждый имеет случай проверить собственные суждения и убедиться в том, что признает сомнительным» [4, с. 236]. В. Соловьев усиливает это положение и связывает толерантность с реальным осуществлением справедливости, границы которой установлены государством и имеют как субъективное, так и объективное основание. Истина достигается путем столкновения различных точек зрения, «требуя выбора в свою пользу и тем самым волей-неволей подвергая свои притязания исследованию свободной мысли» [8, с. 763].

Сознательное конструирование социальной реальности в рамках «социального конструктивизма» (П. Бергер и Т. Лукман) позволяет выстраивать социальный порядок и функционирование социальных организаций в соответствии с ценностными предпочтениями социального (индивидуального и коллективного) субъекта. Креативность социальных институтов позволяет управлять рисками социального развития при прохождении кризисных ситуаций, в которых субъект выступает в роли актера, активно конструирующего локальную и более отдаленную социокультурную среду, превращая ее в организованный, упорядоченный процесс с определенной структурой отношений, правилами поведения и ответственностью.

Культура, устанавливая пределы определяет «зоны толерантности» (Э. Бош), поведение в которых может казаться «дерзким» или «необычным», но не рассматривается в качестве «девиантного». Обеспечивая специальные ниши для девиантного поведения (личности, которые у европейцев определяются как шизофреничными или истеричными, но которым в других культурах приписывают роли ясновидящих и шаманов), «зоны толерантности» имеют в культуре особое значение для создания «нового», ибо, по мнению Боша, культура предлагает «возможности действия». Она создает те ощущения защищенности и безопасности, легкости ориентации («прозрачности») и предсказуемости, которые мы осознаем лучше всего, когда, например, в качестве эмигранта, лишаемся их. Это «ощущение того, что ты находишься дома», создает почву, на которой развиваются идентификации с «принадлежностью» культуре; но также и сильные стремления «куда-нибудь в другое место» и к «инаковости» [12].

Данный процесс хорошо иллюстрируется на примере поиска «центра» той или иной культуры, своего рода репрезентаций всех главных национальных стихий мира. По мнению В. Россмана, «вся история русской культуры пробегает перед нами калейдоскопом отраженной в самоваре», где «самовар – баланс и средоточие русского мира и русского мифа» [7, с. 50]. Более того, «цивилизационные различия могут восприниматься не как отрицание всеобщности прав человека, а как обогащение практики их реализации. В противном случае защита прав человека грозит превратиться в свою противоположность» [6, с. 41]. То, что для носителя европейской культуры выглядит унижением и неравенством, представитель исламской цивилизации может воспринимать как вполне естественное и даже одобряемое. И, наоборот, нормы, которые для европейца ассоциируются со свободой и правом выбора, мусульманин может считать символом вседозволенности, распущенности, унижения достоинства человека.

Идентичность развивается в процессах долговременной кристаллизации коллективного опыта членов одного сообщества и является интегральной частью социокультурной среды современности, выраженной посредством ценностей, образов поведения и отношений, оказывающих сильное влияние на все сферы общественной жизни.В случае признания индивидом некоторых всеобщих ценностей, остается нерешенной проблема формы участия в их реализации. По мнению В. Виндельбанда, «всякое согласие относительно чего-либо, что люди должны признавать как властвующую над ними норму, предполагает это нормативное сознание» [1, с. 52]. На эмпирическом уровне, сознание и поведение фактически отражают состояние общественных связей и взаимодействий во всем их многообразии, противоречивости, случайности и необходимости. Актуальным является то, что подлинное бытие (в том числе и социокультурной среды) проявляется не в комплексе норм, а в переживании конкретных ситуаций. Адекватно почувствовать внутреннюю меру свободы и несвободы, толерантности и насилия (агрессии) со стороны подчас весьма сложно, хотя для человека, находящегося в данной социокультурной среде, не составляет особого труда. Оптимальное сочетание рациональных и эмоциональных начал позволяет создать благоприятные формы социокультурного общения, обеспечить условия для их сплочения, их гуманность, взаимоуважение, взаимопонимание и доверие.

Формирование толерантного сознания в обществе связано с осмыслением толерантности и ее ценностей, позволяющих расширить качество нормотворческой и правоприменительной деятельности. Декларативность политико-правовых предписаний обусловлена не только причинами экономического свойства, но и социокультурными и мировоззренческими. Поэтому, неапробированность и невостребовательность толерантности современной практикой в значительной степени предопределяет низкий коэффициент реализации конституционных прав граждан (свобода, равенство, возможность политической реализации). Данная ситуация является следствием бытового и даже профессионального уровня правосознания, формируемого через доминирующее представление о нежизнеспособности конституционных норм в сфере реализации прав человека.

Формируясь на базе социокультурного опыта того или иного национально-государственного образования, толерантность проявляется в различных формах с учетом этого опыта. Культура выступает в качестве аксиологического основания толерантного сознания, а связь с правом прослеживается на уровне нахождения возможных способов достижения взаимоприемлемых компромиссов. На пути по-

иска этих компромиссов существует множество факторов (технико-экономические, организационно-управленческие, социально-психологические и прочие), которые, в зависимости от позитивного или негативного проявления толерантности, способствуют или препятствуют развитию социокультурной идентичности.

Литература

1. Виндельбанд В. Избр.: Дух и история. – М.: Юрист, 1995. – 378 с.
2. См.: Золотухин В. М. Толерантность. – Кемерово: Изд-во Кузбас. гос. техн. ун-та, 2001. – 145 с.
3. Камю А. Бунтующий человек. – М.: Политиздат, 1990. – 465 с.
4. Куницын А. П. Право естественное // Русские просветители: в 2 т. – М.: Мысль, 1966. – Т. 2. – 340 с.
5. Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. – М.: Культурная инициатива, 1992. – Т. 2. – 526 с.
6. Поленина С. В. Проблема национально-культурной идентичности в свете взаимодействия правовых систем современности // Государство и право. – 2008. – № 1. – С. 37–43.
7. Россман В. Мистерия центра: Идентичность и организация социального пространства в современных и традиционных обществах // Вопр. философии. – 2008. – № 2. – С. 42–57.
8. Соловьев В. Оправдание добра. Нравственная философия // Соч.: в 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – 892 с.
9. Фейрабенд П. Наука в свободном обществе // Избр. раб. по методологии науки. – М.: Мысль, 1986. – 560 с.
10. Франк С. Л. Духовные основы жизни общества. – М.: Республика, 1992. – 511 с.
11. Хоружий С. С. Конституция личности и идентичности в перспективе опыта древних и современных практик себя // Вопр. философии. – 2007. – № 1. – С. 77–85.
12. Boesch E. E. Symbolic Action Theory and Cultural Psychology. – Berlin; Heidelberg; N. Y.; L.; Paris; Tokyo; Hongkong; Barselona; Budapest: Springel-Verlag, 1991. – P. 36.

Literatura

1. Vindel'band V. Izbr.: Duh i istorija. – M.: Jurist, 1995. – 378 s.
2. Sm.: Zolotuhin V. M. Tolerantnost'. – Kemerovo: Izd-vo Kuzbas. gos. tehn. un-ta, 2001. – 145 s.
3. Kamju A. Buntujushchij chelovek. – M.: Politizdat, 1990. – 465 s.
4. Kunicyn A. P. Pravo estestvennoe // Russkie prosvetiteli: v 2 t. – M.: Mysl', 1966. – T. 2. – 340 s.
5. Popper K. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi: v 2 t. – M.: Kul'turnaja iniciativa, 1992. – T. 2. – 526 s.
6. Polenina S. V. Problema nacional'no-kul'turnoj identichnosti v svete vzaimodejstvija pravovyh sistem sovremennosti // Gosudarstvo i pravo. – 2008. – № 1. – S. 37–43.
7. Rossman V. Misterija centra: Identichnost' i organizacija social'nogo prostranstva v sovremennyh i tradicionnyh obshchestvah // Vopr. filosofii. – 2008. – № 2. – S. 42–57.
8. Solov'ev V. Opravdanie dobra. Nravstvennaja filosofija // Soch.: v 2 t. – M.: Mysl', 1990. – T. 1. – 892 s.
9. Fejrabend P. Nauka v svobodnom obshchestve // Izbr. rab. po metodologii nauki. – M.: Mysl'. – 1986. – 560 s.
10. Frank S. L. Duhovnye osnovy zhizni obshchestva. – M.: Respublika, 1992. – 511 s.
11. Horuzhij S. S. Konstitucija lichnosti i identichnosti v perspektive opyta drevnih i sovremennyh praktik sebja // Vopr. filosofii. – 2007. – № 1. – S. 77–85.
12. Boesch E. E. Symbolic Action Theory and Cultural Psychology. – Berlin; Heidelberg; N. Y.; L.; Paris; Tokyo; Hongkong; Barselona; Budapest: Springel-Verlag, 1991. – R. 36.

УДК 929.5 (571.17)"198/201"

И. Ю. Усков

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ: МЕСТНАЯ ПРАКТИКА СТАНОВЛЕНИЯ

В статье рассмотрен процесс формирования нового исследовательского направления в кузбасской историографии – краеведческой генеалогии. Обобщен опыт развития на локальном уровне в конце XX – начале XXI веков, приведена оценка современного состояния, раскрыты научный и дидактический потенциалы, определены знаковые события, выявлены причины проблемы сохранения истории семьи в регионе.

Ключевые слова: краеведческая генеалогия, семейная история, архивные источники, нравственное воспитание.

I. Yu. Uskov

REGIONAL GENEALOGY: LOCAL PRACTICE OF FORMATION

The article describes the process of forming the new research direction in the historiography of Kuzbass regional genealogy. The experience of development at the local level at the end of XX – beginning of XXI century was summed up, and given an estimate of the current state, disclosed scientific and didactic potentials, identified significant events, causes of problems of family history preservation in the region.

The study methodological basis were approaches, principles, instructional techniques and methods exploring the region, as set out in the works of representatives of cultural historical destinations of local movement in Russia in the 1920s and updated by modern researchers within the civilizational paradigm in explaining the "homeland" construct, as well as solving the problem of family ancestral memory as a form of realization of universal memory. The empirical data for research became the public initiatives (media publications, Kemerovo branch of the Amateur Association of Genealogists' activities, Competition "The Tree is Strong by Roots", exhibition on the family history, Round Table of the Public Chamber of Kemerovo region), science projects (almanac "Kuzbass Rodoved" monographs researchers, etc.) and pedagogical practice (drawing of pedigrees as an integral part of work of students in the system of additional education). The accumulated research experience is very significant. The published series of "Sources of historical genealogy of Kuzbass", dedicated to the characterization of different kinds of genealogical documents (parish registers, civil registration, registered tales, lists of evacuees in 1941–1942 of the cities and regions in Kemerovo region), is a model studying genealogy underprivileged classes, with certain variations suitable for any region of Russia.

Prospects for the development of research direction will be associated with a number of Kuzbass historiography topical issues, such as the history of rural settlements, "oral" history (were present examples of transformation among the descendants of old last names representations about their progenitors). Pedagogical potential of local history genealogy due to its humanistic possibilities for patriotic, moral education (didactic model: through the knowledge of family history to the knowledge of local history, then, to the country's history).

Keywords: local history genealogy, family history, archival sources, moral education.

Произошедшие изменения в методологии творческого поиска обратили повышенное внимание исследователей на изучение микроуровня исторического бытия, деятельность человека в его ближайшей исторической среде, в связи с чем был значительно актуализирован потенциал таких дисциплин, как историческое краеведение и генеалогия. Выяснение вопроса о взаимоотношениях двух дисциплин позволило исследователям говорить о том, что «в интегративной роли генеалогического знания при изучении краеведческих вопросов кроется подлинная, глубинная связь этих дисциплин, позволяющая говорить не просто о генеалогии и краеведении, а о *краеведческой генеалогии* как подразделении краеведения, занимающимся изучением семейной истории, родословием отдельных лиц и фамилий, их социально-культурной ролью на локальном уровне» (здесь и далее курсив наш. – *И. У.*) [38, с. 179]. Актуализированное исследовательское поле характеризуется также как направление в историческом краеведении – *краеведение историко-генеалогическое* (или историко-родословное) [3, с. 9].

В историографическом контексте дисциплинарное поле генеалогии стало продуктивно осваиваться в краеведческое познание в период его «золотого десятилетия» (1917/1918–1927/1929 годы), когда сформировались основные теоретико-методологические подходы, принципы, методические приемы и способы культурно-исторического и историко-производственного направления в познании местного края [18]. Наиболее активно научный потенциал родословия привлекало антропологическое культурно-историческое направление, ориентированное на изучение человека «места» – «антропогеографическое исследование района». Краеведческое обследование, как указывал ведущий теоретик и практик краеведческого изучения села 1920-х годов М. Я. Феноменов, следует вести в строгом соответствии с обследованием евгеническим. Необходимо рассмотреть историю отдельных дворов, составить их генеалогию и сопоставить все это с итогами экономического обследования [46, с. 162]. Значение генеалогии в изучении местного края подчеркивал профессор Саратовского университета С. Н. Чернов: «Выявление крестьянских генеалогий может повлечь за собой чрезвычайно важные последствия в

смысле облегчения изучения сложных вопросов, как история колонизации и культурного влияния… массовое изучение крестьянских генеалогий приведет и к важным и значительным наблюдениям практического свойства» [49, с. 130].

Эвристический потенциал генеалогии актуализируется цивилизационной парадигмой отечественного краеведения, в контексте которой открылась возможность концептуализировать (сущностно определить) «край» как материализованную геоисторическую (пространственно-временная) форму ментальности «родной край». Носителем микротипа «край» является локальная самобытная этносоциокультурная общность людей, основанная на самоидентификации с определенной территорией в качестве своей малой родины и объединенная идентичностью менталитета «родной край» [19].

Теоретические положения о складывающемся научном направлении актуальны при их подтверждении на региональном уровне. Поэтому в настоящей статье поставлена задача: рассмотреть процесс формирования краеведческой генеалогии в Кузбассе в конце XX – начале XXI веков на уровне определения знаковых событий, исследовательских проектов, педагогической практики, а также перспектив развития.

Обращение к общечеловеческим ценностям родства, закономерной связи поколений стало характерным признаком советской публицистики второй половины 1980-х годов.

14 октября 1987 года в областной газете «Кузбасс» началась публикация полемических заметок журналиста Б. Синявского «Семейный альбом», при этом страница газеты была проанонсирована заголовком «наша генеалогия». Данный материал, в котором констатировалась проблема безразличия большей части населения к собственной родословной, можно считать своеобразной точкой отсчета на пути становления краеведческой генеалогии в регионе. Главным рупором, освещавшим проблемы семейной истории, являлась в это время газета «Кузбасс», помещавшая материалы в рубрике «Исторический курьер» (журналист Т. Малышкина) [21; 22; 23].

В 1990–1991 годах возросший в обществе интерес к генеалогии обретает организационные формы. Характер всероссийских родословных обществ получают восстановленные Историко-генеалогическое общество в г. Москве, Русское генеалогическое общество в г. Санкт-Петербурге, а также созданная в г. Перми Ассоциация генеалогов-любителей (АГЛ). В различных регионах Российской Федерации проходят организационные собрания по учреждению отделений данных обществ. Целью их создания было объединение любителей генеалогии, ведущих самостоятельные исследования по истории и генеалогии отдельных родов, а также для сбора, обмена и распространения соответствующих материалов.

25 марта 1995 года прошло организационное собрание Кемеровского отделения АГЛ. На заседаниях отделения проходило обсуждение докладов, в основу которых ставились вопросы краеведческой генеалогии, информация доводилась до средств массовой информации. Участниками генеалогического семинара были студенты-историки, преподаватели университета, архивисты, сотрудники областного краеведческого музея [39, с. 120; 48]. В 1998 году работа отделения прекратилась. Основной причиной этого был достаточно узкий по социальному составу круг участников, фактически ограниченный представителями исторического сообщества. Кроме того, на рубеже столетий основной организационной формой общения генеалогов становится Internet. Созданный в 1999 году форум «Всероссийское генеалогическое древо», который ежедневно посещают десятки тысяч человек, – одна из первых в нашем государстве социальная сеть. Еще одним немаловажным фактором в трансформации традиционной формы общения любителей генеалогических исследований стало появление в этот период рынка услуг по составлению родословных, как со стороны государственных структур (госархивы), так и частных [9].

Этапным событием в развитии историко-генеалогических исследований в регионе можно считать открытие 22 мая 2001 года в государственном архиве Кемеровской области выставки документов, посвященных истории кузбасской семьи и проблеме восстановления родственных связей. Впервые выставка приурочивалась не к каким-либо политическим или экономическим событиям, а прослеживала историю края через семейные документы. На ней были представлены свыше ста документов и фотографий, позволяющих реконструировать историю семей с конца XVIII века по 80-е годы XX столетия.

За пять дней мероприятие посетили более ста человек, которые могли убедиться в источниковедческой возможности составления достаточно протяженных во времени родословных [42].

В начале XXI века Госархив Кемеровской области как ни одно другое учреждение внес вклад в распространение родоведческих знаний в регионе. На его базе были подготовлены и изданы пять выпусков серии «Источники по исторической генеалогии Кузбасса», посвященные характеристике различных видов документов (метрических книг, записей актов гражданского состояния, ревизских сказок, списков эвакуированного населения в 1941–1942 годов в города и районы Кемеровской области) [2; 14; 15; 44; 45]. Тем самым было положено начало создания источниковедческого фундамента, позволяющего удовлетворить методические и информационные запросы исследователей конкретных семей, предложена модель изучения генеалогии непривилегированных сословий, пригодной с определенными вариациями для любого региона России [30; 31]. Актуальность издательского проекта была связана и с тем, что в местной историографии долгое время данные аспекты не получали раскрытия. Так, в одной из статей, посвященной источникам по истории Кузбасса, отсутствовала информация о массиве документов учета населения в регионе в XVIII – начале XX века [16]. Опыт кузбасских архивистов по совершенствованию научно-справочного аппарата коллекции метрических книг стал востребованным специалистами госархивов [29].

Практический опыт применения указанной модели нашел свое отражение в трех выпусках историко-краеведческого альманаха «Кузбасский родовед» (Кемерово, 2001–2004) в которых были представлены материалы по семьям различного социального статуса, а также авторские исследовательские и издательские проекты. Положительные отклики в печати на альманах свидетельствовали о перманентном интересе общества к общечеловеческим ценностям родства [17; 50].

Своеобразным показателем уровня развития родословного знания в регионе стал выход монографии, посвященный истории крестьянского рода Щегловых, одного из основателей будущего областного центра [24]. Авторы при поддержке администрации города провели работу по выявлению источников и составлению родословной, насчитывавшей более 2400 представителей рода XVIII–XX веков. Помимо научной составляющей монография несла большое патриотическое, нравственное значение. Представленная на IV Балибаловских чтениях (2005 год) книга собрала многих представителей рода, которые зачастую и не подозревали о существовании друг друга. В последующем в областном краеведческом музее прошло несколько выставок, основу которых составили материалы монографии. Тем самым книга способствовала тому, что достаточно широкий круг горожан мог, по крайней мере, задуматься о своем происхождении.

Проделанная работа позволила уточнить некоторые сведения по истории будущего областного центра. Так, в сознании кемеровчан ранее не вызывал сомнение факт нахождения заимки Щеглова «на левом берегу Томи, близ устья Искитима (безымянной речки)» [10, с. 186]. Однако первоисточники, в том числе «Дозорная книга Томского уезда 1703 года», опровергают данную информацию. Заимка находилась на правом берегу реки Томи, сменив впоследствии название на Красный Яр. Приведенный пример расширяет исследовательские возможности заложенного в краеведческой генеалогии научного потенциала. Историки отмечают, что важной задачей краеведов является освещение процесса исторического заселения края, изучение истории всех без исключения населенных пунктов [6, с. 171; 40, с. 29]. Во многом данную проблему можно решить с помощью генеалогических методов: «изучение истории крестьянских семей может дать важные сведения для ряда аспектов колонизируемых окраин: выявление мест выхода переселенцев и внутренних миграционных путей; датировка основания сельских населенных пунктов; рост этих поселений; специфика структуры семьи на разных этапах заселения; родственные связи с коренным населением; степень устойчивости проживания на новых местах; соотношение естественного и механического прироста населения и др.» [11, с. 197]. Таким образом, в контексте современного состояния местной историографии очевиден высокий познавательный потенциал краеведческой генеалогии, расширяющий проблемное поле истории населенных пунктов Кузбасса.

Плодотворное сотрудничество краеведения и генеалогии проявляется в *устной истории* – достаточно актуализированного направления в современной историографии.

На II Всесоюзной конференции по историческому краеведению (1989 год) в выступлениях участников отмечалось: «История семьи, которой часто занимаются ее члены, в будущем может быть источником для историков… Генеалогия из науки, обрабатывающей исторический материал по истории семьи, добытый из различных источников, способна и должна превратиться в науку, собирающую такой материал у самых различных семей, сохраняющую современную устную историческую память для будущих историков» [7]. Среди наиболее актуальных направлений краеведческой генеалогии П. А. Свищев выделил сбор устной родословной традиции, которая позволит заполнить документальные лакуны и создать новый источник массовых сведений по генеалогии [38, с. 178].

Изучение динамики исторической памяти в части трансформации представлений о родоначальниках может стать самостоятельной темой исследования. Приведем пример из истории знаковых для областного центра фамилий Щегловых и Кемеровых. Их родоначальники – Михаил Щегол и Степан Кемеров – в конце XVII века были пашенными крестьянами Верхотомского острога [35, л. 891 об., 892 об.]. Между тем, по семейным преданиям предок Кемеровых становится «беглым солдатом екатерининского времени, у которого были основания укрыться в глухой деревушке и назваться ее именем» [5, с. 68], а «Щегловы были крестьяне, бежавшие в Сибирь от феодального гнета из северной части России в надежде получить свободу и землю-кормилицу» [13]. Основатель деревни Мозжухиной, Егор Васильевич Козловский (р. ок. 1720 года), происходящий из семьи «детей боярских», в семейных преданиях превращается в беглого казака [12, л. 11; 36, л. 461]. Как видим, для всех приведенных семейных легенд характерен мотив бегства родоначальника из европейской России в далекую Сибирь в поисках лучшей жизненной доли. В данном случае исследователь должен разобраться с конфигурацией наслоения фактов, мифов и ценностных императивов, оставивших свои следы в историческом сознании потомков. Решение указанной проблемы приближает к корректному историко-психологическому пониманию сущности традиции в жизни народа.

Помимо научного потенциала краеведческая генеалогия обладает значительным дидактическим потенциалом.

Громадное воспитательное значение исторического краеведения общепризнанно. Приведем лишь слова академика Д. С. Лихачева: «Любовь к родному краю, знание его истории – основа, на которой только и может осуществляться рост духовной культуры всего общества» [27, с. 224]. Сущностной функцией генеалогии является формирование и развитие положительных нравственных качеств личности. Русский философ начала XX века священник Павел Флоренский отмечал: «Жизненная задача всякого – познать строение и форму своего рода, его задачу, закон его роста, критические точки, соотношение отдельных ветвей и их частные задачи, а на фоне всего этого – познать собственное свое место в роде и собственную свою задачу, не индивидуальную свою, поставленную в себе, а свою – как члена рода как органа высшего целого. Только *при этом родовом самопознании возможно сознательное отношение к жизни своего народа и к истории человечества*, но обычно не понимают этого и родовым самопознанием пренебрегают, почитая его в худшем случае – за предмет пустого тщеславия, а в лучшем – за законный, исторически заработанный повод к гордости» [47, с. 112–113].

В изучении феномена *семейно-родовой памяти* как формы реализации общечеловеческой памяти значительный вклад внесли работы современного исследователя Л. Ю. Логуновой. Автором выявлены основные характеристики семейно-родовой памяти как программы сохранения и передачи социального опыта [28]. В полидисциплинарном исследовании проблемы был задействован и методологический опыт генеалогии, а эмпирической основой стали родословные студентов ряда кузбасских образовательных учреждений.

Затянувшиеся поиски выхода современного российского общества из духовного кризиса обуславливают остроту проблемы нравственного воспитания молодого специалиста в вузе, так как «можно закончить вуз, приобрести знания и быть безнравственным. Сами по себе знания малого стоят, если не влияют на чувства, не становятся основой глубоких и прочных убеждений» [33, с. 144].

Гуманистическая концепция преподавания курса по историческому краеведению в определенной степени позволяет решать задачи формирования нравственного облика студента. *Через познание истории своей семьи к познанию истории родного края, затем истории страны* – это путь, пройдя который у молодого специалиста будет воспитано не абстрактное чувство любви к Родине, а истинное чувство патриотизма, глубокой преданности к своей малой и большой Родине (подробно см. [43]). Представляется, что предложенный путь более перспективен, нежели бросание нашего общества в поисках путей выхода из кризиса из всеобщего атеизма в другую крайность – в религиозную веру, наделение конфессиональных учреждений функцией «духовных спасителей».

Проблема патриотического воспитания подрастающего поколения в начале XXI века была поставлена и на государственном уровне [34]. Почитание предков, осознание себя и своего места на земле предков – является очевидной истиной воспитания патриотического чувства. Со стороны общественности был выдвинут ряд социальных проектов, направленных в данное русло. Один из них – Всероссийский конкурс «Корнями дерево сильно», который стал проводиться в различных субъектах РФ с 2003 года. В Кемеровской области конкурс впервые был проведен в 2006 году. Участниками конкурса стали 416 человек из 34 городов и районов. Они исследовали родословные собственных семей и составили генеалогические древа фамилий, собрав уникальные документы и фотографии. При этом глубина исследования многих работ доходила до 6–9 колена.

II областной конкурс состоялся в рамках всероссийской программы «Мой род», посвященной Году семьи в России и 65-летию Кемеровской области (сентябрь 2008 – январь 2009 года). В оргкомитет конкурса поступило 296 заявок из 33 муниципальных образований Кемеровской области. Большой интерес к исследованию родословной своей семьи проявили участники младшей возрастной группы – 10–13 лет (157 заявок). В средней возрастной группе (14–16 лет) представлены 102 исследования. Несмотря на то, что самыми старшими участниками конкурса могли стать молодые люди 17–20 лет, интерес к теме истории своей семьи проявили и более взрослые конкурсанты, одному из которых 26 лет. Всего в старшей возрастной группе представлено 37 заявок [37]. Необходимо отметить, что, прежде чем отправить работу на областной конкурс, во всех муниципальных образованиях области были проведены свои конкурсы «Древо жизни».

Составление собственной родословной стало неотъемлемой частью краеведческой работы школьников в рамках системы дополнительного образования. Так, одна из первых областных программ «Живи, Кузнецкая земля!» предусматривала работу секции «Родословие» [4, с. 4–5]. Сейчас практически ни одна из конференций школьников не обходится без данной секции.

Несмотря на расширение круга пользователей генеалогическим знанием в начале XXI века, он все еще остается незначительным среди населения Кузбасса. Между тем данная проблема заключает в себе еще один аспект – медицинский, а именно профилактику здоровья жителей региона. Так, заведующая медико-генетической консультацией Кемеровской областной клинической больницы С. Нерсесян отметила: «Наши посетители не интересуются даже своими ближайшими родственниками. Когда начинаешь спрашивать, в каком возрасте и от чего умерли их родные бабушки и дедушки, только пожимают плечами. Хотя это подчас важно для прогноза их собственного здоровья» (цит. по [1]).

Проблема сохранения истории семей в Кузбассе остается весьма актуальной и злободневной. Среди причин можно отметить следующие:

1) Некая элитарность в овладении генеалогическим знанием в регионе объясняется особенностью формирования населения Кузбасса. Кемеровская область достаточно молодой по историческим меркам регион Российской Федерации, при этом самый урбанизированный в Сибири. Большинство кузбасских городов (15 из 20) возникли в 1930–1960-х годах, сложившись, как правило, вокруг градообразующих предприятий, на строительство которых население приезжало со всей страны. Высокая территориальная мобильность населения не способствует возникновению чувства исторической привязанности к региону – одному из основных поводов обращения к своим корням.

2) Среди старожильческого населения региона исторически так же не сложилась традиция сохранения архивов. Так, еще в середине XIX века обозреватель «Томских губернских ведомостей» с горестью замечал: «Никто из них [томских старожилов] не вел ни Томской летописи, ни записок каких-нибудь, хоть бы и с грехом пополам, ни даже обыкновенного дневника» [41]. Поэтому дошедшая до нас «Памятная историческая записка» кузнецкого купца И. С. Конюхова [20] остается всего лишь исключением.

3) К сожалению, в обществе сохраняется низкий уровень культуры передачи семейных архивов из поколения в поколение. В лучшем случае, если человек отличился своей служебной или научной деятельностью, его документы передаются родственниками в различные архивы и государственные или ведомственные музеи, в худшем – просто выбрасываются [25; 26].

Проблеме сохранения истории семьи в Кузбассе был посвящен круглый стол Общественной палаты Кемеровской области, организованный комиссией по культуре и духовно-нравственному воспитанию 12 апреля 2012 года, в результате работы которого был выдвинут ряд инициатив по ее решению [32].

Как представляется изложенные положения о научном и воспитательном потенциале краеведческой генеалогии позволяют оптимистически смотреть на будущее развитие в регионе формирующегося исследовательского направления.

Литература

1. Акимова В. Родословная – в тумане // Кузбасс. – 2010. – 12 ноября.
2. Акты гражданского состояния населенных пунктов Кемеровской области. – Кемерово: Азия, 2001. – 40 с.
3. Александрова Н. А. Историко-генеалогическое краеведение учащихся: формирование, опыт, перспективы // Гербовед. – 2002. – № 3 (57). – С. 8–12.
4. Архандеева Г. А. Живи, Кузнецкая земля!: программа дополн. образования. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – 24 с.
5. Балибалов И. Берег Михайлы Волкова // Огни Кузбасса: литературно-художеств. и обществ.-полит. альманах. – 1987. – № 3. – С. 67–73.
6. Булыгин Ю. С. Об изучении истории населенных пунктов Алтайского края // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в Древности и Средневековье. – Барнаул, 1994. – С. 171–174.
7. Бычкова М. Е. Генеалогия в современном краеведении // II Всесоюзная конференция по историческому краеведению: тез. докл. и сообщ. – Пенза, 1989. – С. 111–112.
8. Водарский Я. Е. История и историческое краеведение // Первая всесоюзная научная конференция по историческому краеведению: тез. докл. и сообщ. – Киев, 1987. – С. 15–16.
9. Генеалогия как бизнес-идея // Forbes Style. – 2011. Осень. – С. 36–37.
10. Города России: энцикл. / гл. ред. Г. М. Лаппо. – М.: Большая рос. энцикл., 1994. – 559 с.: ил.
11. Громыко М. М. Социально-экономические аспекты изучения генеалогии непривилегированных сословий феодальной Сибири // История и генеалогия: С. Б. Веселовский и проблемы ист.-генеал. исслед.: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т истории СССР. – М.: Наука, 1977. – С. 197–236.
12. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). – Ф. п-483, оп. 1, д. 166.
13. Грякова Г. Заимка Щеглово // Комсомолец Кузбасса. – 1988. – 31 марта.
14. Ермолаев А. Н. Эвакуация населения в Кемеровскую область (указатель архивных материалов). – Кемерово: Алкор, 2002. – 67 с.
15. Иудейский некрополь г. Мариинска и Мариинского уезда Томской губернии (1884–1918) / сост. В. В. Шиллер. – Кемерово: Алкор, 2002. – 106 с.
16. Заболотская К. А. Исторические источники по истории Кузбасса [Текст] // Историческая энциклопедия Кузбасса. – Кемерово, 1996. – Т. 1. – С. 299–306.
17. Кардаш И. Загляни в «Кузбасский родовед» [Текст] // Кузбасс. – 2002. – 9 июля.
18. Киселев А. В. Опыт историко-краеведческого исследования населенных пунктов: моногр. – Кемерово: Кузбас. регион. ин-т повышения квалификации и переподготовки работников образования, 2002. – 221 с.
19. Киселев А. В. Цивилизационная объяснительная модель концепта «край» – «краеведение» [Текст] // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2011. – № 15. – С. 85–96.
20. Конюхов И. С. Кузнецкая летопись. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1995. – 183 с.
21. Кузбасс. – 1989. – 8 ноября.

22. Кузбасс. – 1990. – 25 января.
23. Кузбасс. – 1990. – 2 марта.
24. Кузнецова Л. Ф., Усков И. Ю. Щегловы: истор.-генеал. исслед. – Кемерово: Скиф, 2005. – 160 с.
25. Кузнецова Л. Что имеем, то храним // Кузбасс. – 1994. – 15 июля.
26. Кушникова М., Тогулев В. О судьбах частных архивов и коллекций в Кузбассе // Кузбасс. – 1994. – 20 мая.
27. Лихачев Д. С. Раздумья. – М.: Дет. лит., 1991. – 318 с.
28. Логунова Л. Ю. Социально-философский анализ семейно-родовой памяти как программы социального наследования: автореф. дис. … д-ра филос. наук. – Кемерово, 2011. – 39 с.
29. Мамонтова Е. А. Метрические книги ГАНО: подходы к созданию научно-справочного аппарата // Новосибирская область в контексте российской истории. – Новосибирск, 2001. – С. 93.
30. Наумов О. Н. Метрические книги приходов Кемеровской области [Рец.] // Отечественные архивы. – 1999. – № 4. – С. 105.
31. Наумов О. Н. О серии «Источники по исторической генеалогии Кузбасса» // Кузбасский родовед. – Кемерово, 2001. – Вып. 1. – С. 10–12.
32. Патриотизм через историю семьи // Вестн. Обществ. палата Кемеров. обл. – 2012. – № 2 (10). – Апрель – июнь. – С. 10.
33. Пашаев С. Ш. Наука и нравственное воспитание. – М.: Высш. школа, 1984. – 152 с.
34. Постановление Правительства РФ от 16.02.2001 № 122 «О Государственной программе “Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы”» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.referent.ru/1/43139 (дата обращения: 10.12.2013).
35. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 214, оп. 1, д. 868.
36. РГАДА. – Ф. 350, оп. 2, д. 3579.
37. Кемеровская региональная общественная организация Общероссийской общественной организации «Российский союз молодежи» Союз молодежи Кузбасса [Электронный ресурс]: сайт. – URL: http://www.smkrsm.ru/smk/news. php?action=zoom&id=217&page (дата обращения: 10.12.2013).
38. Свищев П. А. Генеалогия и краеведение // Земля Курганская: прошлое и настоящее. – Курган, 1993. – Вып. 6. – С. 176–179.
39. Сергиенко В. А. ГАКО: семинар по генеалогии // Отечественные архивы. – 1996. – № 3. – С. 120.
40. Тихвинский С. Л. Состояние и задачи дальнейшего развития исторического краеведения в СССР [Текст] // Вопр. истории. – 1988. – № 1. – С. 24–31.
41. Томские губернские ведомости. – 1858. – № 13 (4 апреля), часть неофиц.
42. Усков И. Ю. В Кузбассе растет интерес к генеалогии // Отечественные архивы. – 2002. – № 2. – С. 108.
43. Усков И. Ю. Нравственный аспект в преподавании курса «Историческое краеведение» // Сибирь в истории России (к 100-летию Зинаиды Георгиевны Карпенко): мат-лы регион. науч. конф. / отв. ред. В. А. Волчек, А. М. Адаменко. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – С. 311–315.
44. Усков И. Ю. Метрические книги приходов Кемеровской области. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1998. – 56 с.
45. Усков И. Ю. Ревизские сказки волостей Кемеровской области. – Кемерово: Азия, 2001. – 60 с.
46. Феноменов М. Я. Задачи губернского общества изучения местного края в деле плановой организации краеведной работы (Из опыта работы общества изучения Московской губ.) // Краеведение. – 1926. – № 2. – С. 153–165.
47. Флоренский П. А. Время и пространство // Социологические исследования. – 1988. – № 1. – С. 107–114.
48. Хроника работы Кемеровского отделения Ассоциации генеалогов-любителей // Кузбасский родовед. – Кемерово, 2011. – Вып. 1. – С. 4–6.
49. Чернов С. Н. История и современность в работах краеведа // Первые шаги краеведа: сб. ст. / под ред. Н. А. Дорогутина и М. В. Муратова. – Ивано-Вознесенск: Основа, 1926. – С. 99–142.
50. Штраус О. Слово о родстве, или «Квартиросъемщик» ли ты в своем краю? [Текст] // Кузнецкий край. – 2002. – 6 июля.

Literatura

1. Akimova V. Rodoslovnaja – v tumane // Kuzbass. – 2010. – 12 nojabrja.
2. Akty grazhdanskogo sostojanija naselennyh punktov Kemerovskoj oblasti. – Kemerovo: Azija, 2001. – 40 s.
3. Aleksandrova N. A. Istoriko-genealogicheskoe kraevedenie uchashchihsja: formirovanie, opyt, perspektivy // Gerboved. – 2002. – № 3 (57). – S. 8–12.
4. Arhandeeva G. A. Zhivi, Kuzneckaja zemlja!: programma dopoln. obrazovanija. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999. – 24 s.

5. Balibalov I. Bereg Mihajly Volkova // Ogni Kuzbassa: literature.-hudozhestv. i obshchestv. polit. al'manah. – 1987. – № 3. – S. 67–73.
6. Bulygin Ju. S. Ob izuchenii istorii naselennyh punktov Altajskogo kraja // Paleodemografija i migracionnye processy v Zapadnoj Sibiri v Drevnosti i Sredneve-kov'e. – Barnaul, 1994. – S. 171.
7. Bychkova M. E. Genealogija v sovremennom kraevedenii // II Vsesojuznaja konferencija po istoricheskomu kraevedeniju: tez. dokl. i soobshch. – Penza, 1989. – S. 111–112.
8. Vodarskij Ja. E. Istorija i istoricheskoe kraevedenie // Pervaja vsesojuznaja nauchnaja konferencija po istoricheskomu kraevedeniju: tez. dokl. i soobshch. – Kiev, 1987. – S. 15–16.
9. Genealogija kak biznes-ideja // Forbes Style. – 2011. – Osen'. – S. 36–37.
10. Goroda Rossii: encikl. / gl. red. G. M. Lappo. – M.: Bol'shaja ros. encikl., 1994. – 559 s.: il.
11. Gromyko M. M. Social'no-ekonomicheskie aspekty izuchenija genealogii neprivilegirovannyh soslovij feodal'noj Sibiri // Istorija i genealogija: S. B. Veselovskij i problemy ist.-geneal. issled.: [sb. st.] / AN SSSR, In-t istorii SSSR. – M.: Nauka, 1977. – S. 197–236.
12. Gosudarstvennyj arhiv Kemerovskoj oblasti (GAKO). – F. p-483, op. 1, d. 166.
13. Grjakova G. Zaimka Shcheglovo // Komsomolec Kuzbassa. – 1988. – 31 marta.
14. Ermolaev A. N. Evakuacija naselenija v Kemerovskuju oblast' (ukazatel' arhivnyh materialov). – Kemerovo: Alkor, 2002. – 67 s.
15. Iudejskij nekropol' g. Mariinska i Mariinskogo uezda Tomskoj gubernii (1884–1918) / sost. V. V. Shiller. – Kemerovo: Alkor, 2002. – 106 s.
16. Zabolotskaja K. A. Istoricheskie istochniki po istorii Kuzbassa // Istoricheskaja enciklopedija Kuzbassa. – Kemerovo, 1996. – T. 1. – S. 299–306.
17. Kardash I. Zagljani v "Kuzbasskij rodoved" // Kuzbass. – 2002. – 9 ijulja.
18. Kiselev A. V. Opyt istoriko-kraevedcheskogo issledovanija naselennyh punktov (monogr.). – Kemerovo: Kuzbas. region. in-t povyshenija kvalifikacii i perepodgotovki rabotnikov obrazovanija, 2002. – 221 s.
19. Kiselev A. V. Civilizacionnaja obŭjasnitel'naja model' koncepta "kraj" – "krae-vedenie" // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul'tury i iskusstv. – Kemerovo. – 2011. – № 15. – S. 85–96.
20. Konjuhov I. S. Kuzneckaja letopis'. – Novokuzneck: Kuzneckaja krepost', 1995. – 183 s.
21. Kuzbass. – 1989. – 8 nojabrja.
22. Kuzbass. – 1990. – 25 janvarja.
23. Kuzbass. – 1990. – 2 marta.
24. Kuznecova L. F., Uskov I. Ju. Shcheglovy: istor.-geneal. issled. – Kemerovo: Skif, 2005. – 160 s.
25. Kuznecova L. Chto imeem, to hranim // Kuzbass. – 1994. – 15 ijulja.
26. Kushnikova M., Togulev V. O sud'bah chastnyh arhivov i kollekcij v Kuzbasse // Kuzbass. – 1994. – 20 maja.
27. Lihachev D. S. Razdum'ja. – M.: Det. lit., 1991. – 318 s.
28. Logunova L. Ju. Social'no-filosofskij analiz semejno-rodovoj pamjati kak programmy social'nogo nasledovanija: avtoref. dis. … d-ra filos. nauk. – Kemerovo, 2011. – 39 s.
29. Mamontova E. A. Metricheskie knigi GANO: podhody k sozdaniju nauchno-spravochnogo apparata // Novosibirskaja oblast' v kontekste rossijskoj istorii. – Novosibirsk, 2001. – S. 93.
30. Naumov O. N. Metricheskie knigi prihodov Kemerovskoj oblasti [Rec.] [Tekst] // Otechestvennye arhivy. – 1999. – № 4. – S. 105.
31. Naumov O. N. O serii "Istochniki po istoricheskoj genealogii Kuzbassa" // Kuzbasskij rodoved. – Kemerovo, 2001. – Vyp. 1. – S. 10–12.
32. Patriotizm cherez istoriju sem'i // Vestn. Obshhestvennaja palata Kemerovskoj oblasti. – 2012. – № 2 (10). – Aprel' – ijun'. – S. 10.
33. Pashaev S. Sh. Nauka i nravstvennoe vospitanie. – M.: Vyssh. shk., 1984. – 152 s.
34. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 16.02.2001 № 122 «O Gosudarstvennoj programme "Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossijskoj Federacii na 2001–2005 gody"» [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.referent.ru/1/43139 (data obrashchenija: 10.12.2013).
35. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA). – F. 214, op. 1, d. 868.
36. RGADA. – F. 350, op. 2, d. 3579.
37. Kemerovskaja regional'naja obshchestvennaja organizacja Obshcherossijskoj obshchestvennoj organizacii «Rossijskij sojuz molodezhi» Sojuz molodezhi Kuzbassa [Elektronnyj resurs]: sait. – URL: http://www.smkrsm.ru/smk/news. php?action=zoom&id=217&page (data obrashchenija: 10.12.2013).

38. Svishhev P. A. Genealogija i kraevedenie // Zemlja Kurganskaja: proshloe i nastojashchee. – Kurgan, 1993. – Vyp. 6. – S. 176–179.
39. Sergienko V. A. GAKO: seminar po genealogii // Otechestvennye arhivy. – 1996. – № 3. – S. 120.
40. Tihvinskij S. L. Sostojanie i zadachi dal'nejshego razvitija istoricheskogo kraevedenija v SSSR // Vopr. istorii. – 1988. – № 1. – S. 24–31.
41. Tomskie gubernskie vedomosti. – 1858. – № 13 (4 aprelja), chast' neofic.
42. Uskov I. Ju. V Kuzbasse rastet interes k genealogii // Otechestvennye arhivy. – 2002. – № 2. – S. 108.
43. Uskov I. Ju. Nravstvennyj aspekt v prepodavanii kursa «Istoricheskoe kraevedenie» // Sibir' v istorii Rossii (k 100-letiju Zinaidy Georgievny Karpenko): mat-ly region. nauch. konf. / otv. red. V. A. Volchek, A. M. Adamenko. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2006. – S. 311–315.
44. Uskov I. Ju. Metricheskie knigi prihodov Kemerovskoj oblasti. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1998. – 56 s.
45. Uskov I. Ju. Revizskie skazki volostej Kemerovskoj oblasti. – Kemerovo: Azija, 2001. – 60 s.
46. Fenomenov M. Ja. Zadachi gubernskogo obshchestva izuchenija mestnogo kraja v dele planovoj organizacii kraevednoj raboty (Iz opyta raboty obshchestva izuchenija Moskovskoj gub.) // Kraevedenie. – 1926. – № 2. – S. 153–165.
47. Florenskij P. A. Vremja i prostranstvo [Tekst] // Sociologicheskie issledovanija. – 1988. – № 1. – S. 107–114.
48. Hronika raboty Kemerovskogo otdelenija Associacii genealogov-ljubitelej // Kuzbasskij rodoved. – Kemerovo, 2011. – Vyp. 1. – S. 4–6.
49. Chernov S. N. Istorija i sovremennost' v rabotah kraeveda // Pervye shagi kraeveda: sb. st. / pod red. N. A. Dorogutina i M. V. Muratova. – Ivano-Voznesensk: Osnova, 1926. – S. 99–142.
50. Shtraus O. Slovo o rodstve, ili "Kvartiros#emshchik" li ty v svoem kraju? // Kuzneckij kraj. – 2002. – 6 ijulja.

УДК 069.6

А. Ф. Покровская

УНИФИКАЦИЯ ПРОЦЕССОВ УПРАВЛЕНИЯ МУЗЕЙНЫМИ КОЛЛЕКЦИЯМИ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ МУЗЕЯХ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье анализируются подходы к изучению музея как объекта управления. С точки зрения процессного подхода рассматриваются особенности деятельности музеев в России в период проведения бюджетной реформы. Предложена авторская модель унификации процессов, направленных на сохранение музейных коллекций, находящихся в государственных и муниципальных музеях Кемеровской области.

Ключевые слова: музей – объект управления, процессный подход к управлению, макропроцессы, унификация процессов управления коллекциями.

A. F. Pokrovskaya

THE UNIFICATION OF PROCESSES AIMED AT THE CONSERVATION OF MUSEUM COLLECTIONS IN STATE MUSEUMS IN KEMEROVO REGION

In this article on the basis of the studied literature, legislation governing the activities of museums and experience of state museums in Kemerovo region, an attempt was made to create a unified management processes of the museum collections, acceptable and for museums in other regions and other organizational forms.

Having examined the various approaches to the definition of "Museum", its socio-cultural functions, and definitionof its place in a modern society, we have come to the conclusion that the modern museology offers a wide range of different concepts, each of which reflects the characteristics of a research approach to the Museum as an object of cognition. It shows that common science-based definition of the Museum as a specific object of cultural space until was not originated, this work continues now with the new achievements of the museology and related sciences.

At present the problem of information maintenance for management decision-making of the various functions of the contemporary Museum in the Russian Federation is an issue of the day.

Based on the definition of the Museum as a social institution that performs certain functions in society, one can select macro-processes or first-level processes, processes (processes) and sub-processes (third-level processes) taking place in museums.

Because of the uniqueness of the Museum as an institution, above all, its social mission is to preserve our cultural memory, an attempt was made to design of the structure of the macro-process of collections management in the museums of Kemerovo region.

After we made the unification of processes aimed at the conservation of museum collections, this model could be a first step in the standardization of Museum activities.

Museums are an instrument of State control of the cultural values that are included in the Museum Fund of the Russian Federation. The museums' tasks are important, because the museums activity is based on a continuous process of monitoring the state of a particular kind of wealth, providing the achievement of objectives. The monitoring process consists of three stages:

- development of the standards of the activities of the system, which are subject to verification;
- comparing the results to expected results;
- adjustment of management processes, if the results are significantly different from established standards.

The main advantage of this model is to unify processes aimed at safeguarding Museum objects deposited in State and municipal museums in the Kemerovo region. This model is, in our view, acceptable in other regions.

Keywords: a museum is the management object, process approach to management, macroprocesses, unification of processes of collections' control.

На рубеже XX–XXI веков наблюдается резкий рост интереса к музею у широкой публики. Прежде всего это связано с тем, что в деятельности музеев возникают новые формы и принципы работы. В музееведческой литературе появляются труды, в которых анализируются вопросы экономической составляющей деятельности музея. В музейную практику прочно входят такие понятия, как менеджмент и маркетинг. Это нашло отражение в работах В. Ю. Дукельского, М. Гнедовского, Л. Н. Годуновой и других исследователей. Музей как субъект экономических отношений, по мнению указанных авторов, нуждается в расширении поля экономической деятельности (см. [2, с. 6–27]). Сборник «Музей и власть», вышедший в 1991 году, объединил в себе статьи, посвященные анализу взаимоотношений отечественной государственной власти и музея как института культуры в течение XVIII–XX веков [14].

Музеи в последние десятилетия переживают период поиска и перемен, адаптируются к требованиям XXI столетия.

В 2012 году ИКОМ издан новый словарь «Ключевые понятия музеологии», составителями которого являются Андре Девалье и Франсуа Мересс. Авторы словаря выделяют следующие подходы к определению музея:

- концептуальный подход (сущность музея определяется такими понятиями, как наследие, институт, общество, этика,музеальность);
- теоретико-прикладной (сущность музея определяется понятиями музеология, музеография);
- функциональный (сущность музея определяется понятиями предмет, коллекция, музеефикация);
- коммуникативный (сущность музея определяется через его участников: музейные специалисты, публика);
- деятельностный (сущность музея определяется через ведущуюся им деятельность: хранение, исследование, коммуникация, образование, выставочная деятельность, интерпретация, менеджмент, архитектура) [5, с. 21–22].

Важный вывод, к которому пришли Андре Девалье и Франсуа Мересс, заключается в том, что одним из наиболее важных различий между прошлой музейной деятельностью и сегодняшней является рост значения, которое придается понятиям, охватываемым термином «менеджмент». Авторы считают, что по причине специфичности музейного менеджмента его также следует рассматривать как музейную функцию.

В России научное направление, интерпретирующее музей как социальный институт, выполняющий в обществе определенные функции, появляется в 60-е годы XX века. Начало этим исследованиям поло-

жили работы А. М. Разгона. Он выделил четыре основные функции музея: 1) документирования исторического процесса; 2) хранительская; 3) научно-исследовательская; 4) образовательно-воспитательная [13, с. 16].

В научной среде дискуссия относительно использования функционального подхода в музейном деле велась по следующим направлениям: число музейных функций; характеристика каждой функции и перспективы ее развития; органичность отдельных функций для музея (см. [14, с. 187–189]).

Опираясь на базовую модель, предложенную А. М. Разгоном, Д. А. Равикович дополнила ее функцией организации свободного времени. А. И. Фролов, подтверждая плодотворность функционального подхода, предложил проводить дифференцированный анализ социальных функций музеев различных типов – научных, учебных, общедоступных (публичных) [16, с. 201–204]. В. Ю. Дукельский выделяет дополнительно следующие функции современного музея: формирование мировоззрения и системы ценностей; консолидация и демократизация общества; социализация и развитие творческой активности личности; формирование национального, регионального и профессионального самосознания; обеспечение исторической преемственности; расширение возможностей человеческого познания [17, с. 205–209]. Динамика социальных функций музеев в исторической перспективе рассматривалась А. Б. Закс. Анализируя приоритетность тех или иных функций в конкретные периоды советской истории, автор аргументировано доказала, что она зависела не только от общественных потребностей и запросов, но и во многом определялась политикой директивных органов, включавших музей в русло идеологической работы [3].

Дискуссия в целом подтвердила значимость функционального подхода для понимания роли и места музея в обществе, а также определения путей его дальнейшего развития.

Определению понятия «музея» посвящен ряд статей А. М. Кулемзина. Исследователь предлагает универсальное, приемлемое для различных сообществ определение: музей – это социальный институт сохранения, презентации и трансляции исторического, культурного и природного наследия [12, с. 84].

Изучению музея как социокультурного института посвящена докторская диссертация Е. М. Акулича [1]. По мнению автора, в период реформирования экономики и вхождения России в рыночные отношения в конце 80-х годов начался поиск новых подходов к исследованию музеев, которые соответствовали бы реалиям времени и способствовали модернизации отрасли.

Маркетинговому подходу к управлению музеями посвящена статья Е. С. Соболевой и М. З. Эпштейн «Эволюция концепции музеев в меняющемся мире» [20]. По мнению авторов, необходимо учесть особенность положения музеев как бесприбыльных организаций, роль которых в обществе заметно отличается от той, что характерна для коммерческих предприятий. Соответственно и музейный маркетинг определяется как процесс, направленный на реализацию миссии музея путем определения, предвидения и удовлетворения потребностей разных групп населения [20].

Анализ публикаций позволяет сделать следующий вывод – применение маркетинговой деятельности в музее имеет свою специфику. В качестве продукта в музее выступают выставочная и образовательная деятельность. Потребитель получает в обмен на денежные средства не материальные блага и услуги, а эстетическое и духовное удовольствие, удовлетворение потребностей в образовании и культурном досуге. Некоммерческие организации культуры во всех странах получают бюджетную финансовую поддержку, поэтому цены на их услуги, как правило, регулируются государством и не могут изменяться в широком диапазоне в зависимости от спроса.

Проблема исследования музея как объекта управления носит междисплинарный характер. В кандидатской диссертации по экономике С. А. Копацкой (см. [11]) сформулировано понятие музейного комплекса, функционирующего в условиях рыночной экономики и действующего в соответствии с законодательством. По мнению исследователя, музейный комплекс представляет собой совокупность организаций государственного, коммерческого и некоммерческого секторов, объединенных единой целью по сохранению, созданию, изучению и распространению культурного наследия. Автором разработана схема организации музейного комплекса, представляющая многоуровневую систему, в которой музей,

являясь центральным элементом, оказывает влияние на функционирование всех остальных составляющих и, в свою очередь, испытывает на себе их воздействие. Введение в научный оборот такого определения музейного комплекса, на наш взгляд, недостаточно оправданно, тем не менее представляет интерес подход автора к организации системы управления музеем, в структуре «музейного комплекса». В рамках этого подхода менеджер выступает как организующее начало, осуществляет руководство сотрудниками, имеющими определенные обязанности по выполнению различных сторон миссии музея. При этом внешняя среда оказывает непосредственное влияние на формальную структуру управления музеем. Кроме того, неформальная структура управления, чьим действием невозможно пренебречь в современной ситуации, влияя на формальную структуру управления музеем, также в свою очередь испытывает на себе определенное воздействие внешней среды. Такая организация системы управления обеспечивает возможность гибкого реагирования на вероятные изменения окружающей маркетинговой среды и дает музею возможность успешно взаимодействовать со всеми составляющими музейного комплекса [11, с. 12].

Изучению коммуникационного подхода в управлении современным музеем посвящен ряд работ Ю. Э. Комлева [6, 7, 8, 9, 10]. Исследователь подчеркивает, что нельзя упрощать и сводить музейную коммуникацию только к диалогу общества в лице посетителей музея и музейных работников. Музейная коммуникация есть многоуровневое, многопространственное и многовременное переплетение различных информационных потоков и взаимодействующих друг с другом различных управляющих сигналов [6]. В статье «Музейная коммуникация и управление коммуникационной деятельностью музея» Ю. Э. Комлев утверждает, что руководитель тратит на коммуникации около 75–95 % своего времени [7]. Соглашаясь с автором, отметим, что успешное владение коммуникацией – залог эффективного управления. С позиций коммуникационного похода могут быть рассмотрены классические аспекты стратегического менеджмента, такие как анализ окружающей среды, определение целей и средств, а также деятельностный подход стратегического менеджмента. Деятельностный подход акцентирует внимание на последовательности действий для осуществления стратегического управления. Применительно к музею это может быть определено как составление и содержание конкретных планов музея, организацию обеспечения их выполнения; формирование требований к контролю выполнения планов и персоналу.

Изучив различные подходы к определению понятия «музей», его социокультурных функций, а также определению его мест в современном обществе, мы пришли к выводу, что современная музеология располагает обширным набором разнообразных концепций, каждая из которых отражает особенности того или иного исследовательского подхода к музею как к объекту познания. Это свидетельствует о том, что единой научно обоснованной концепции музея как специфического объекта культурного пространства не выработано, эта работа продолжается в настоящее время с использованием новых достижений как собственно музееведения, так и смежных наук.

На сегодняшний день остается актуальной проблема обновления информационного обеспечения принятия управленческих решений в реализации различных функций современным музеем в Российской Федерации. Например, реализация функции документирования и хранения музейных ценностей до сих пор регламентируется инструкцией, принятой министерством культуры СССР в 1985 году [4]. Кроме того, в новых экономических условиях музеи Российской Федерации работают на основе государственных и муниципальных заданий. Участие в разработке, а также осуществление работ и оказание услуг в рамках выполнения государственных и муниципальных заданий требует разработки и внедрения музейных стандартов и других нормативных документов. Сегодня в ряде регионов России разработаны модельные стандарты деятельности музеев. Создание таких документов регионального уровня инициировано органами управления, для которых, в результате получения дополнительных властных полномочий, остро стоит задача не только финансирования, но и контроля над подведомственными учреждениями культуры. Речь идет о необходимости закрепления в виде нормативов минимально необходимых параметров, которые могут обеспечить жизнедеятельность музеев в современных условиях. Анализ некоторых модельных стандартов деятельности музеев представлен в статье

А. А. Никоновой «Стандартизация музейной деятельности: proetcontra» [18]. А. А. Никонова приходит к выводу, что на данном этапе развития музея в России процессы стандартизации и концептуализации музейной деятельности осуществляются независимо друг от друга. Модельные стандарты не требуют экспертных оценок профессионального сообщества, они созданы для управления и контроля учреждений культуры органами власти, которые их финансируют, поэтому основная часть этих документов содержит нормативные документы по оснащению культинвентарем и техническими средствами, расходу хозяйственных товаров, расходу на текущий и капитальный ремонт здания музея, рекомендации по определению штатной численности работников, обеспечению подписными изданиями и пополнению библиотечных фондов. В некоторые нормативные документы включены и рекомендации по формированию имиджа музея муниципального образования, где акцент делается на информационный, архитектурный, фондовый, оформительский аспекты создания имиджа, а также способы поддержания корпоративной культуры. Но в то же время в раздел нормативных ресурсов модельного стандарта обычно не включается «Концепция (создания или) развития музея» как отдельный и необходимый для музея документ. Учредительными документами музеев являются уставы, локальными актами – коллективный договор; штатное расписание; структура музея; положение о структурных подразделениях; правила внутреннего трудового распорядка; должностные инструкции и т. д. Таким образом, автор отмечает значительное несоответствие в новых модельных стандартах между определением целей и задач музея, сформулированных в музееведческой теории, и тем, как это осуществляется на практике, что подчеркивает актуальность проблемы информационного обеспечения управленческой деятельности музеев на современном этапе.

В связи с проводимой в конце первого десятилетия XX века в России реформой бюджетной сферы, изменились организационно-правовые формы музеев, что в очередной раз обострило проблемы эффективного управления, которые впервые возникли перед музеями страны в конце XX века. В настоящее время музеи в Российской Федерации в своей управленческой деятельности начинают активно использовать методы и приемы стратегического менеджмента.

На наш взгляд, актуальным является изучение процессного подхода к управлению современным музеем.

Современные словари русского языка трактуют процесс как ход, развитие какого-нибудь явления; последовательная закономерная смена состояний в развитии чего-нибудь. Авторы словаря терминов системы менеджмента качества ИСО 9000 утверждают, что любая деятельность, в которой используются ресурсы для преобразования входов в выходы, есть процесс [19].

Таким образом, деятельность музея также может рассматриваться как процесс. Целью данной статьи является унификация процесса управления музейными коллекциями в государственных и муниципальных музеях Кемеровской области.

Международный стандарт менеджмента качества ИСО 9000 обосновывает необходимость внедрение процессного подхода в управление любой организацией тем, что желаемый результат достигается эффективнее, когда деятельностью и соответствующими ресурсами управляют как процессом [19].

Изучение опыта внедрения процессного похода к управлению в бизнес-сфере позволяет говорить о возможности внедрения и эффективного использования процессного подхода в управлении музеем.

В соответствии с современными требованиями каждый вид деятельности музея должен нормироваться, измеряться, уточняться и улучшаться, преследуя конечную цель – повышение качества услуг, оказываемых населению музейными учреждениями.

Исходя из того, что музей как учреждение выполняет в обществе определенные функции, можно выделить макропроцессы или процессы первого уровня, процессы (процессы второго уровня) и подпроцессы (процессы третьего уровня), протекающие в музеях.

Макропроцессы или процессы первого уровня следующие:

- процесс управления музейными ценностями, находящимися в составе коллекций музея;
- процесс управления историческим природным ландшафтом, являющийся одним из основных процессов для музеев-заповедников;

- процесс управления нематериальными культурными ценностями;
- процесс управления памятниками истории и культуры;
- процесс управления жизнеобеспечением хозяйства музея;
- процесс управления финансовыми ресурсами учреждения;
- процесс управления развитием творческого потенциала детей и молодежи.

В соответствии с целями создания музеев в РФ в музейных учреждениях протекают следующие процессы (процессы первого уровня):

- выявление предметов, имеющих культурную и историческую ценность;
- организация экспертизы предметов, имеющих культурную и историческую ценность, с целью включения их в состав Государственной части Музейного фонда РФ;
- учет и хранение предметов, находящихся в музейных фондах, в том числе оружия и предметов, содержащих драгоценные металлы и драгоценные камни;
- создание на своей базе новых экспозиций и комплексов;
- разработка научных концепций и программ развития, тематико-экспозиционных планов постоянных экспозиций, стационарных и временных передвижных выставок;
- выявление, учет и паспортизация памятников истории и культуры;
- организация реставрации памятников истории и культуры, входящих в состав музеев и музеев-заповедников, осуществление методического, оперативного контроля и технического надзора за ходом проектных, реставрационных, ремонтных и других работ на объектах культурного наследия;
- экскурсионное, лекционное и консультативное обслуживание посетителей;
- осуществление рекламно-информационной и издательской деятельности;
- организация повышения квалификации специалистов музея;
- организация и проведение экспедиционных исследований;
- проведение фольклорных и тематических праздников, концертных и развлекательных программ, связанных со спецификой музея;
- мероприятия по пропаганде историко-культурного наследия и возрождения народных промыслов.

Так как уникальность музея как учреждения обоснована, прежде всего, возложенной на него обществом миссии – сохранение культурной памяти, нами предпринята попытка проектирования структуры макропроцесса управления музейными ценностями, находящимися в составе коллекций музеев Кемеровской области. На рисунке 1 представлена структурированная потоковая диаграмма процесса выявления, хранения, учета и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций.

Далее нами проведена унификация процессов, направленных на обеспечение сохранности музейных предметов и музейных коллекций, которая может стать первым этапом стандартизации деятельности музеев по управлению музейными фондами, находящимися в составе коллекций государственных и муниципальных музеев Кемеровской области. Описание процессов представлено в таблице 1.

Сами музеи выступают как инструмент государственного контроля в отношении группы предметов материального мира – культурных ценностей, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации. Задачи музея тем более важны, что в основе музейной работы лежит непрерывный процесс контроля за состоянием особого вида материальных ценностей, обеспечивающий достижение поставленных целей. Процесс контроля состоит из трех связанных этапов:

- установление стандартов деятельности системы, подлежащих проверке;
- сравнение достигнутых результатов с ожидаемыми результатами;
- корректировка управленческих процессов, если достигнутые результаты существенно отличаются от установленных стандартов.

Главное преимущество настоящей модели заключается в унификации процессов, направленных на обеспечение сохранности музейных предметов, находящихся на хранении в государственных и муниципальных музеях Кемеровской области. Данная модель, на наш взгляд, приемлема и в других регионах.

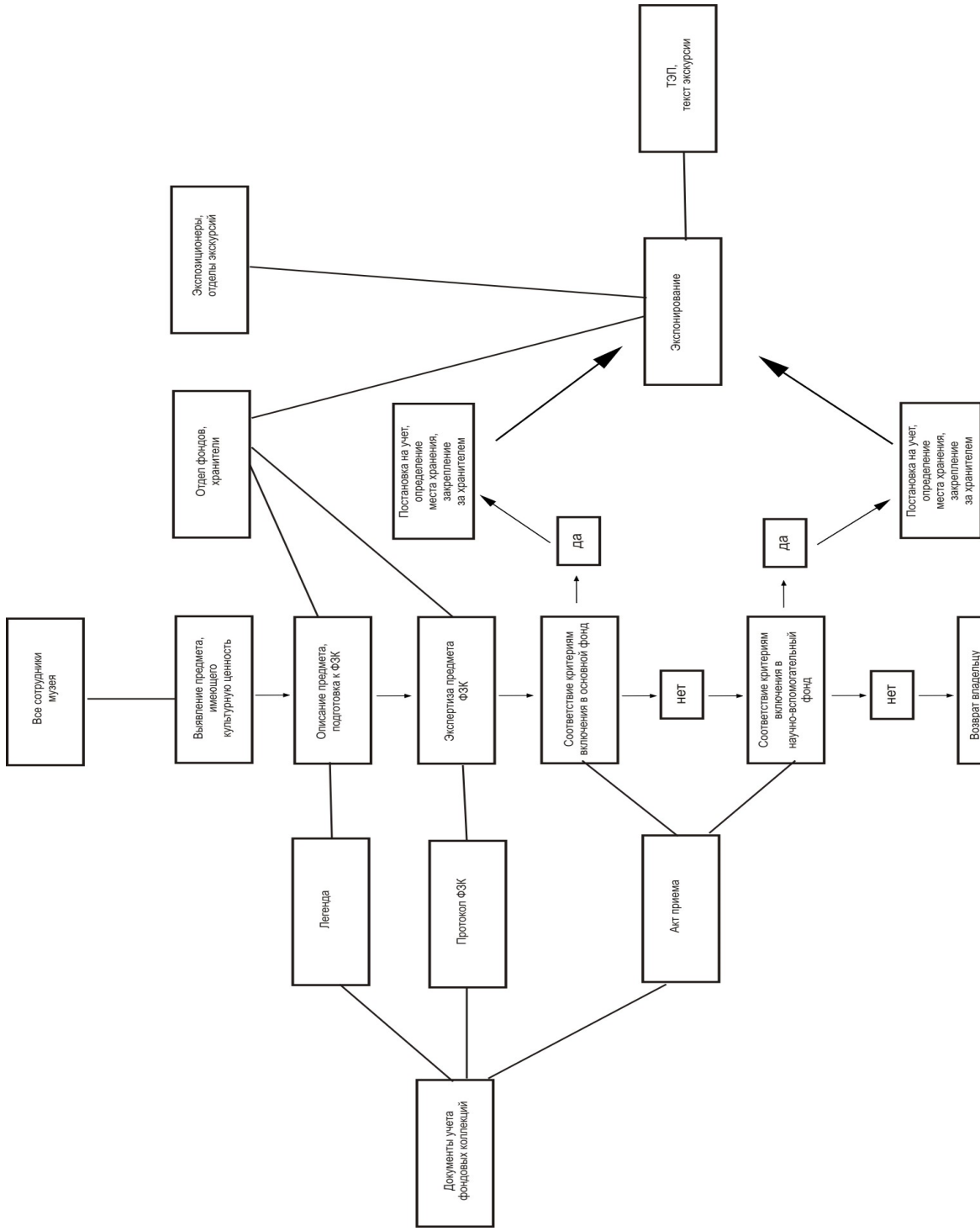


Рис. 1. Структурированная потоковая диаграмма процесса выявления, хранения, учета и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций

Таблица 1

Характеристика процессов, направленных на обеспечение сохранности музейных предметов и музейных коллекций

Наименование процесса	Исполнитель	Документы и нормативные акты	Действия по реализации процесса	Сроки исполнения	Результаты
1. Выявление предметов, имеющих культурную и историческую ценность	Все сотрудники музея	- Годовой план работы музея; - Программа экспедиционных исследований;	Научные экспедиции	В соответствии с планом работы музея	Дофондовое хранение предметов, предположительно имеющих культурную или историческую ценность
2. Прием на дофондовое хранение	Отдел фондов музея	- Приказ Министерства культуры СССР от 17 июля 1985 года № 290 «Об утверждении “Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР”»; - Внутримузейная инструкция по учету и хранению музейный ценностей; - Должностная инструкция научного сотрудника отдела фондов	Составление акта приема, внесение записи в книгу регистрации актов	В день приема предмета на временное хранение	Акты приема на временное хранение, запись в книге регистрации актов
3. Научное описание предметов, находящихся на дофондовом хранении	Научный сотрудник музея, имеющий необходимую квалификацию для работы с определенным предметом. При необходимости	- Приказ Министерства культуры СССР от 17 июля 1985 года № 290 «Об утверждении “Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР”»; - Внутримузейная инструкция по учету и хранению музейный ценностей; - Должностная инструкция научного сотрудника музея-заповедника; - Договор оказания возмездных услуг (в случае привлечения сторонних специалистов)	- Идентификация предмета; - Определение формальных признаков предмета; - Определение времени создания/бытования предмета; - Определение материала и техники изготовления; - Измерение предмета (не менее четырех раз)	Один месяц со дня поступления предмета на дофондовое хранение	Представление на рассмотрение Фондово-закупочной комиссии (ФЗК)

Продолжение таблицы 1

Наименование процесса	Исполнитель	Документы и нормативные акты	Действия по реализации процесса	Сроки исполнения	Результаты
	привлеченный специалист, работающий по договору		- Взвешивание предмета (для предметов, предположительно содержащих драгоценные металлы и/или камни)		
4. Организация экспертизы культурных ценностей, находящихся на дофондовом хранении	Главный хранитель музея	Положение о ФЗК музея	Заседание ФЗК	Не реже одного раза в квартал	Протокол заседания ФЗК
5. Прием музейного предмета на постоянное хранение	- Главный хранитель музея; - Ответственный хранитель коллекции	- Приказ Министерства культуры СССР от 17 июля 1985 года № 290 «Об утверждении “Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР”»; - Внутримузейная инструкция по учету и хранению музейный ценностей; - Договор ответственного хранения	- Составление акта приема предмета на постоянное хранение; - Внесение записи в книгу регистрации актов приема/выдачи; - Внесение записи в книгу поступлений	- В день приема; - В течение месяца	- Акт приема; - Запись в книге регистрации актов; - Запись в книге поступлений
6. Хранение музейных предметов	Ответственный хранитель	- Приказ Министерства культуры СССР от 17 июля 1985 года № 290 «Об утверждении “Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР”»; - Внутримузейная инструкция по учету и хранению музейный ценностей; - Договор ответственного хранения	- Контроль температурно-влажностного режима; - Мониторинг состояния предметов с целью защиты от биологических повреждений	- Ежедневно; - Ежемесячно	- Записи в журнале наблюдений за температурно-влажностным режимом; - Запись в журнале наблюдений за состоянием предмета

Продолжение таблицы 1

Наименование процесса	Исполнитель	Документы и нормативные акты	Действия по реализации процесса	Сроки исполнения	Результаты
7. Обеспечение оптимального санитарного и противопожарного состояния помещений для хранения и экспонирования предметов	Хозяйственные службы	- Приказ Министерства культуры СССР от 17 июля 1985 года № 290 «Об утверждении “Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР”»; - Внутримузейная инструкция по учету и хранению музейный ценостей; - Должностная инструкция; - Приказ Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий от 18 июня 2003 года № 313 «Об утверждении “Правил пожарной безопасности в Российской Федерации (ППБ 01-03)”»; - Правила пожарной безопасности для учреждений культуры Российской Федерации ВППБ 13-01-94) (введены в действие Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 1 ноября 1994 года № 736)	- Контроль за санитарным и противопожарным состоянием помещений музея	- Постоянно	- Физическая сохранность музейных предметов и коллекций
8. Обеспечение защиты музейных предметов и музейных коллекций от умышленной порчи и воровства сторонними лицами	Администрация музея	- Примерное положение о службе безопасности музеев и библиотек Российской Федерации, направленное письмом Министерства культуры Российской Федерации от 16 февраля 1995 года № 01-32/16-25	Оборудование помещений современными системами охранной сигнализации (в том числе при необходимости камерами видеонаблюдения), звукового оповещения об опасности	При определении предмета на хранение или экспонирование	Помещения оборудованы современными системами охранной сигнализации (в том числе при необходимости камерами видеонаблюдения), звукового оповещения об опасности

Продолжение таблицы 1

Наименование процесса	Исполнитель	Документы и нормативные акты	Действия по реализации процесса	Сроки исполнения	Результаты
9. Обеспечение защиты музейных предметов и музейных коллекций от утраты юридических прав	Юрист музея	- Закон РФ от 15 апреля 1993 года № 4804-I «О вывозе и ввозе культурных ценностей»; - Постановление Правительства Российской Федерации от 12 февраля 1998 года № 179 «Об утверждении “Положения о Музейном фонде Российской Федерации, о Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации, о лицензировании деятельности музеев в Российской Федерации”»; - Федеральный закон от 26 мая 1996 года № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»	Составление договоров, заявлений в правоохранительные органы, представление музея в суде	В трехдневный срок с момента происшествия	Предотвращение политических рисков утраты музейных предметов и ценностей
10. Учет музейных предметов и музейных ценностей	Отдел фондов	- Приказ Министерства культуры СССР от 17 июля 1985 года № 290 «Об утверждении “Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР”»; - Внутримузейная инструкция по учету и хранению музейных ценностей	Сверка наличия предметов	В соответствии с графиком, утвержденным директором музея-заповедника, но не менее 3000 единиц хранения в год	Акты сверки
11. Научное описание	Ответственный хранитель	- Постановление Правительства Российской Федерации от 12 февраля 1998 года № 179 «Об утверждении “Положения о Музейном фонде Российской Федерации, о Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации,	- Ведение инвентарной книги; - Составление инвентарных и тематических карточек;	Не менее 50 предметов в месяц	- Записи в инвентарной книге; - Наличие инвентарных карточек;

Продолжение таблицы 1

Наименование процесса	Исполнитель	Документы и нормативные акты	Действия по реализации процесса	Сроки исполнения	Результаты
		о лицензировании деятельности музеев в Российской Федерации”»; - Федеральный закон от 26 мая 1996 года № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»; - Приказ Министерства культуры СССР от 17 июля 1985 года № 290 «Об утверждении “Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР”»; - Внутримузейная инструкция по учету и хранению музейный ценностей; - Договор ответственного хранения	- Внесение данных о предмете в электронный каталог коллекции; - Составление топографической описи хранения предметов		- Наличие тематических карточек; - Данные в электронном каталоге; - Топографические описи
12. Организация внутреннего контроля за учетом и хранением музейных предметов и музейных ценностей	Заместитель директора по научной работе	- Федеральный закон от 26 мая 1996 года № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»; - Приказ Министерства культуры СССР от 17 июля 1985 года № 290 «Об утверждении “Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР”»; - Внутримузейная инструкция по учету и хранению музейный ценностей; - Положение о ФЗК музея; - Должностная инструкция	- Проверка ведения книг поступлений; - Ревизия инвентарных книг; - Проверка ведения журналов мониторинга состояния предметов и температурно-влажностного режима; - Проверка топографических описей	- Ежемесячно	- Запись о результатах проверки с рекомендациями в журнале внутренней проверки фондовой документации, который находится у главного хранителя
13. Организация исправления нарушений ведения фондовой документации	- Заместитель директора по научной работе; - Главный хранитель	- Должностная инструкция	Составление плана исправления нарушений, выявленных в ходе внутренней проверки	В день появления записи в журнале внутренней проверки	План по устранению нарушений

Продолжение таблицы 1

Наименование процесса	Исполнитель	Документы и нормативные акты	Действия по реализации процесса	Сроки исполнения	Результаты
14. Организация контроля за выполнением плана устранения нарушений учета и хранения музейных предметов и музейных коллекций	Заместитель директора по научной работе	Должностная инструкция	Сбор и изучение отчетов главного хранителя	Еженедельно	Устранение нарушений учета и хранения
15. Организация государственного контроля за оборотом музейных ценностей	- Директор музея; - Главный хранитель; - Юрист	- Постановление Правительства Российской Федерации от 12 февраля 1998 года № 179 «Об утверждении “Положения о Музейном фонде Российской Федерации, о Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации, о лицензировании деятельности музеев в Российской Федерации”»; - Федеральный закон от 26 мая 1996 года № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»	Подготовка к постановке на учет музейных ценностей в Министерстве культуры РФ и органах самоуправления Кемеровской области	В соответствии с планом-графиком сверки	Договоры с Министерством культуры РФ и Департаментом культуры и национальной политики Кемеровской области о передаче в оперативное управление музею музейных ценностей, находящихся в федеральной собственности и государственной собственности Кемеровской области
16. Организация научного изучения музейных предметов и музейных коллекций	Заместитель директора по научной работе	- План работы музея; - Должностная инструкция	Планирование публикаций научных сотрудников	В соответствии с планом	Статьи, монографии, каталоги коллекций

Окончание таблицы 1

Наименование процесса	Исполнитель	Документы и нормативные акты	Действия по реализации процесса	Сроки исполнения	Результаты
17. Организация публичного представления музейных предметов и музейных коллекций	- Экспозиционный отдел; - Отдел фондов; - Администрация музея	Должностные инструкции	- Создание ТЭПов постоянных экспозиций и временных выставок; - Подготовка материалов для разработки текстов экскурсий; - Монтаж экспозиций и выставок	В соответствии с планом работы музея	Постоянные экспозиции и временные выставки
	Отдел экскурсий	Должностные инструкции	- Проведение рекламной кампании новых экспозиций и выставок; - Подготовка и введение в оборот текстов экскурсий; - Прием заявок от потребителей на проведение экскурсий	Непосредственно при введении в эксплуатацию новых экспозиций и выставок	- Тексты экскурсий; - Высокий процент потребителей, удовлетворенных экскурсионным обслуживанием
	Отдел ИТ	Должностные инструкции	Размещение информации о музейных предметах и коллекциях на сайте музея	В течение одного дня с момента поступления информации от сотрудников музея	Актуальная информация на сайте музея

Литература

1. Акулич Е. М. Музей как социокультурный институт: автореф. дис. … д-ра социол. наук. – Тюмень, 2004. – 23 с.
2. Беззубова О. В. Некоторые аспекты теоретического осмысления музея как феномена культуры // Триумф музея?: сб. ст. – СПб.: Осипов, 2005. – С. 6–27.
3. Закс А. Б. Динамика социальных функций музеев СССР // Музеи мира. – М., 1991. – С. 51–62.
4. Инструкция по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР [Электронный ресурс]. – URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=100972 (дата обращения: 07.12.2013).
5. Ключевые понятия музеологии. – М., 2012. – С. 21–22.
6. Комлев Ю. Э. Методология исследования управления музейными коммуникациями [Электронный ресурс]. – URL: http://www.teoria-practica.ru/-5-2011/culture/komlev.pdf (дата обращения: 07.12.2013).
7. Комлев Ю. Э. Музейная коммуникация и управление коммуникационной деятельностью музея [Электронный ресурс]. – URL: http://elibrary. ru/contents. asp?issueid=962042 (дата обращения: 07.12.2013).
8. Комлев Ю. Э. Коммуникационный потенциал музея в патриотическом воспитании // Материалы межвуз. науч.-практ. конф. – Оренбург: ИПУ ГОУ ОГУ, 2006. – С. 29–35.
9. Комлев Ю. Э. Менеджмент коммерческой деятельности музея // Музейное дело западного Казахстана: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. – Уральск, 2006. – С. 42–46.
10. Комлев Ю. Э. Этнокультурная коммуникация в музейной деятельности // Этнохудожественная культура села: некоторые аспекты социокультурной деятельности Оренбуржья: сб. Межрегион. науч.-практ. конф. – Оренбург: Константа-сервис, 2006. – С. 189–198.
11. Копацкая С. А. Управление музеем в рамках стратегии создания музейных комплексов: автореф. дис. … канд. эконом. наук. – СПб.: С.-Петерб. ун-т экономики и финансов, 2000. – 18 с.
12. Кулемзин А. М. Музеи – мосты между временами и культурами // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2007. – № 2. – С. 81–85.
13. Музей в современном мире // Труды ГИМ. – М., 1999. – Вып. 104. – С. 10–35.
14. Музей и власть: сб. науч. тр. / отв. ред. С. А. Каспаринская: в 2 ч. – М.: НИИ культуры при Мин-ве культуры РСФСР, 1991. – Ч. II. – 315 с.
15. На пути к музею XXI века: сб. науч. тр. НИИ культуры. – М., 1989. – С. 187–189.
16. На пути к музею XXI века: сб. науч. тр. НИИ культуры. – М., 1989. – С. 201–204.
17. На пути к музею XXI века: сб. науч. тр. НИИ культуры. – М., 1989. – С. 205–209.
18. Никонова А. А. Стандартизация музейной деятельности: proetcontra [Электронный ресурс] // Вопр. музеологии. – 2011. – № 2 (4). – URL: http://history. spbu. ru/userfiles/VM_2(4)_Nikonova.pdf (дата обращения: 07.12.2013).
19. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь ISO 9000:2005 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gcgie. ru/TK380/DocTK/GOST_R_ISO_9000-2008.pdf (дата обращения: 07.12.2013).
20. Соболева Е. С., Эпштейн М. З. Эволюция концепции музеев в меняющемся мире [Электронный ресурс]. – 2011. – № 2 (4). – URL: http://history.spbu. ru/userfiles/VM2011_Soboleva.pdf (дата обращения: 07.12.2013).

Literatura

1. Akulich E. M. Muzej kak sociokul'turnyj institut: avtoref. dis. … d-ra sociol. nauk. – Tjumen', 2004. – 23 s.
2. Bezzubova O. V. Nekotorye aspekty teoreticheskogo osmyslenija muzeja kak fenomena kul'tury // Triumf muzeja?: sb. st. – SPb.: Osipov, 2005. – S. 6–27.
3. Zaks A. B. Dinamika social'nyh funkcij muzeev SSSR // Muzei mira. – M., 1991. – S. 51–62.
4. Instrukcija po uchetu i hraneniju muzejnyh cennostej, nahodjashchihsja v gosudarstvennyh muzejah SSSR [Elektronnyj resurs]. – URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=100972 (data obrashchenija: 07.12.2013).
5. Kljuchevye ponjatija muzeologii. – M., 2012. – S. 21–22.
6. Komlev Ju. E. Metodologija issledovanija upravlenija muzejnymi kommunikacijami [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.teoria-practica.ru/-5-2011/culture/komlev.pdf (data obrashchenija: 07.12.2013).
7. Komlev Ju. E. Muzejnaja kommunikacija i upravlenie kommunikacionnoj dejatel'nost'ju muzeja [Elektronnyj resurs] – URL: http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=962042 (data obrashchenija: 07.12.2013).
8. Komlev Ju. E. Kommunikacionnyj potencial muzeja v patrioticheskom vospitanii // Materialy mezhvuz. nauch.-prakt. konf. – Orenburg: IPU GOU OGU, 2006. – S. 29–35.

9. Komlev Ju. E. Menedzhment kommercheskoj dejatel'nosti muzeja // Muzejnoe delo zapadnogo Kazahstana: mat-ly Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Ural'sk, 2006. – S. 42–46.
10. Komlev Ju. E. Etnokul'turnaja kommunikacija v muzejnoj dejatel'nosti // Etnohudozhestvennaja kul'tura sela: nekotorye aspekty sociokul'turnoj dejatel'nosti Orenburzh'ja: sb. Mezhregion. nauch.-prakt. konf. – Orenburg: Konstanta-servis, 2006. – S. 189–198.
11. Kopackaja S. A. Upravlenie muzeem v ramkah strategii sozdanija muzejnyh kompleksov: avtoref. dis. … kand. ekonom. nauk. – SPb.: S.-Peterb. un-t ekonomiki i finansov, 2000. – 18 s.
12. Kulemzin A. M. Muzei – mosty mezhdu vremenami i kul'turami // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul'tury i iskusstv. – 2007. – Vyp. 2. – S. 81–85.
13. Muzej v sovremennom mire // Trudy GIM. – M., 1999. – Vyp. 104. – S. 10–35.
14. Muzej i vlast': sb. nauch. tr. / otv. red. S. A. Kasparinskaja: v 2 ch. – M.: NII kul'tury pri Min-ve kul'tury RSFSR, 1991. – Ch. II. – 315 s.
15. Na puti k muzeju XXI veka: sb. nauch. tr. NII kul'tury. – M., 1989. – S. 187–189.
16. Na puti k muzeju XXI veka: sb. nauch. tr. NII kul'tury. – M., 1989. – S. 201–204.
17. Na puti k muzeju XXI veka: sb. nauch. tr. NII kul'tury. – M., 1989. – S. 205–209.
18. Nikonova A. A. Standartizacija muzejnoj dejatel'nosti: proetcontra [Elektronnyj resurs] // Vopr. muzeologii. – 2011. – № 2 (4). – URL: http://history.spbu.ru/userfiles/VM_2(4)_Nikonova.pdf (data obrashchenija: 07.12.2013).
19. Sistemy menedzhmenta kachestva. Osnovnye polozhenija i slovar' ISO 9000:2005 [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.gcgie.ru/TK380/DocTK/GOST_R_ISO_9000-2008.pdf (data obrashchenija: 07.12.2013).
20. Soboleva E. S., Epshtejn M. Z. Evoljucija koncepcii muzeev v menjajushchemsja mire [Elektronnyj resurs]. – 2011. – № 2 (4). – URL: http://history.spbu.ru/userfiles/VM2011_Soboleva.pdf (data obrashchenija: 07.12.2013).

УДК 39 (571.53) (069)

В. В. Тихонов

ПЕРСПЕКТИВЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ПЕРИОДА СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ ПРЕДБАЙКАЛЬЯ

В статье представлен анализ историко-культурного потенциала переселенцев периода столыпинской аграрной реформы в Предбайкалье, рассматриваются этнические группы переселенцев, которые по результатам историко-культурного зонирования региона, в связи с наличием у них резкоотличительных элементов в материальных носителях культуры по сравнению с другими этносами и этническими группами, проживающими в Предбайкалье, имеют перспективы сохранить в дальнейшем эти материальные носители посредством их музеефикации, в том числе методом этнографических комплексов под открытым небом.

Ключевые слова: переселенцы, русские, голендры, поляки, белорусы, татары, украинцы.

V. V. Tikhonov

PROSPECTS OF MUSEFICATION OF THE MIGRANTS' HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF STOLYPIN AGRARIAN REFORM PERIOD IN PREDBAIKAL'YE

In the article, the analysis of historical and cultural potential of immigrants of the period of Stolypin agrarian reform in Predbaykalye is presented. Ethnic groups of immigrants, which by results of historical and cultural zoning of the region, in connection with existence of different elements in material carriers of culture in comparison with other ethnoses and the ethnic groups living in Predbaykalye, have prospects to keep further these material carriers by means of their musefication, including the method of ethnographic open-air complexes are considered.

Belarusians, Ukrainians, Tatars, Golendry and Poles, such ethnoses and ethnic groups of immigrants are such groups. The houses, made from timber blocks and at the initial stage of resettlement of a roof covered with straw, belong to

ethnomarking elements of Belarusians. The Ukrainian features are the huts covered with clay outside and whitewashed, the Tatar feature of houses is a lack of windows on the street and construction of mosques. The technology of construction of houses of Golendry brought to Siberia is an economic yard under a uniform roof. Poles, Polish miners, who weren't carriers of construction traditions, had churches as a feature of their material culture.

Keywords: immigrants, Russian, Golendry, Poles, Belarusians, Tatars, Ukrainians.

Несмотря на то что строительство экспозиционной инфраструктуры музейного комплекса «Тальцы» (г. Иркутск) ведется с 70-х годов XX века, тем не менее в процессе его дальнейшего развития, по мере изучения историко-культурного потенциала музеефицируемой территории – Предбайкалья, эволюционно претерпевает изменение и тематика концепции формирования экспозиционной инфраструктуры. Проведенное в конце 90-х годов XX века и в начале 2000-х годов историко-культурное зонирование территории Предбайкалья позволило в его пределах выделить десять историко-культурных зон: ангаро-илимскую, верхоленскую, трактовую, бодайбинскую золотопромышленную, городскую – и этнические зоны: бурятскую, эвенкийскую, тофаларскую и переселенческую. Выделение переселенческой историко-культурной зоны было произведено в 2003–2004 годах.

Переселенческий процесс в Предбайкалье с запада, начавшийся во второй половине XVIII века, практически продолжается до наших дней, лишь меняясь в объемах переселения. Переселенческое движение в регионе можно разделить на четыре этапа. Первый этап – с середины XVII века до 1892 года, когда переселение (колонизация) в Предбайкалье в большей степени носило стихийный характер, хотя и были попытки организованного переселения крестьян из центральных губерний России. Так, в XVIII веке на поселение в Иркутский, Илимский уезды и районы Московского тракта переселялись отдельные партии крестьян [11, с. 41]. Необходимость заселения Иркутской губернии и, в частности, Нижнеудинского уезда и полосы Московского тракта отмечалась в изданном правительством законе от 1806 года [11, с. 44]. Организация заселения Сибири, в том числе Иркутской губернии, вменялась в обязанности губернатора.

Еще одной формой заселения края служила ссылка и направление в край служивых людей. Однако ссылка и посылка служивых людей вносили в общий объем переселенческого процесса незначительную долю. Основным поставщиком переселенцев так и оставалось практически неконтролируемое государством самовольное переселение главным образом крестьян.

Второй этап (1892–1905 годы) обусловлен значительным обострением аграрного кризиса, разрушением общин и в первую очередь обустройством наиболее удобного пути переселения за счет строительства Сибирской железной дороги.

12 июня 1892 года Государственный совет решил: действие правил о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли распространить на территории Иркутской и Енисейской губерний, приравняв эти губернии, в отношении отводов казенных земель переселенцам и предоставленных им льгот, к Тобольской и Томской губерниям. Решено также учредить при иркутском генерал-губернаторе должность чиновника особых поручений по переселенческим делам. В 1893 году был образован Комитет Сибирской железной дороги, в функции которого входила помощь в передвижении переселенцев по железной дороге и их обустройстве. Для переселенцев начали создавать на железнодорожных станциях переселенческие пункты. Был установлен льготный железнодорожный тариф, примерно в три раза меньше (0,3 к. за версту) обычного. Фактически в этот период Комитет Сибирской железной дороги взял на себя отвод земель переселенцам вдоль железной дороги, выплату путевых и домообзаводных ссуд. С 1892 по 1905 год, несмотря на интенсификацию переселенческого процесса в Предбайкалье, по сравнению с прежними годами, общая масса переселенцев была незначительна, а сам переселенческий процесс сократился практически полностью в 1904–1905 годах в связи с Русско-японской войной и революцией.

Третий этап переселения в Предбайкалье охватывает 1906–1917 годы и обусловливается исключительно столыпинской аграрной реформой. В основу этого этапа переселенческой политики легло «Временное правило о добровольном переселении сельских обывателей и мещан земледельцев» от

6 июня 1904 года [5]. Если в прежние времена правительство не всегда поощряло переселенческие процессы и ограничивало переселение в Предбайкалье, то с 1906 года желающих переселиться в Предбайкалье и заниматься хлебопашеством стали поощрять. Это было вызвано тем, что, с одной стороны, правительство наконец осознало необходимость с помощью крестьянства, основной осваивающей территории силы, колонизовать в определенной степени безлюдные территории, с другой стороны, снять социальную напряженность, возникшую в Центральной России вследствие большого числа свободных крестьян (23 млн человек) и значительного количества малоземельных крестьян [6, с. 70]. Несмотря на то, что крестьян и представителей других сословий на переселение в Предбайкалье толкали в каждом случае свои причины, в основном все-таки это было малоземелье или полное отсутствие земли и надежда, хотя бы и на новом месте, но получить достаточный земельный надел для обеспечения неотложных жизненных нужд. В Предбайкалье ехали как бедные, так и средние по достатку крестьяне, надеясь на лучшее будущее. Подталкивала крестьян к переселению и возможность выйти из общины, получить свой надел земли и продать его. Полученные за проданные земельный участок и имущество в Центральной России деньги обычно становились стартовым капиталом. Для обустройства на новом месте переселенцам выдавали ссуду – от 60 до 100 р.

Одним из уникальных явлений столыпинской аграрной реформы было ходачество. Ходоки – выборные от населения или представители семей, вызвавшиеся ехать в Сибирь на 2 года для ознакомления с условиями жизни, выделенными земельными участками и их регистрации за собой или обществом, пославшим их. Циркуляром от 20 января 1897 года предварительная посылка ходоков делалась обязательной для получения разрешения на переселение. Ходокам выдавалось походное свидетельство, дающее право на льготный железнодорожный проезд в Сибирь и обратно, получение медицинской и продовольственной помощи; наиболее нуждавшимся выдавалось денежное пособие в 25 р.

Обустройством переселенцев, прибывших на места водворения, распределением участков, выдачей казенных ссуд, организацией крестьянского общественного управления до 1908 года ведали чиновники Главного управления землеустройства и земледелия, носившие на местах звание «заведующих водворением», в последующем вплоть до 1917 года эту роль выполнял «заведующий землеустройством и переселением» [1, л. 3 об.].

В годы Первой мировой войны переселенческие организации в основном занимались обустройством беженцев из западных районов, где происходили боевые действия. Эти организации действовали в соответствии с «Руководящим положением по устройству беженцев» [3, с. 123], которое подразумевало следующие виды помощи:

- бесплатная (за казенный счет) перевозка по железной дороге и водным путям;
- продовольствие как в пути, так и на местах нового водворения;
- предоставление помещения с отоплением и освещением;
- обеспечение врачебной помощи;
- удовлетворение религиозных и образовательных нужд;
- призрение детей беженцев и инвалидов;
- подыскание заработка, предоставление юридической помощи;
- снабжение одеждой, бельем и обувью;
- выдача ссуд по правилам, оговоренным особо;
- сохранение багажа и хозяйственного инвентаря в пути и на местах временного поселения.

Следует отметить, что в 1914–1917 годах поток беженцев в Предбайкалье был незначительный в сравнении с переселением 1906–1913 годов. Наибольший поток переселенцев в регион отмечался в период столыпинской аграрной реформы в 1910–1912 годы. В общем, с 1897 по 1914 год население в регионе, в основном за счет переселенцев, увеличилось в 1,8 раза [4, с. 50]. На такой прирост населения естественным путем понадобилось бы не менее 50 лет.

Основная масса переселенцев прибывала в Предбайкалье в 1905–1914 годах из Могилевской, Витебской, Смоленской, Минской, Вятской, Псковской, Орловской, Гродненской, Пензенской, Тамбовской, Полтавской, Черниговской, Подольской, Киевской губерний. Уже в 1910 году здесь было заселено

244 переселенческих участка. Несмотря на то, что переселенцев стремились расселить вдоль железной дороги, в 70–100 верстах по обе ее стороны, в связи с нехваткой свободных земель вдоль железной дороги переселенцев стали размещать и в глубине Иркутской губернии, в основном по Якутскому тракту. Для этого в 1909 году были образованы, уже на бурятских землях, переселенческие участки в Холотском, Баяндаевском и Ольхонском ведомствах с их общей площадью 89 460 десятин свободной под заселение земли.

Наибольший объем переселенческих участков был в Нижнеудинском, Балаганском (Зиминский и Ока-Тагнинский подрайоны) и Верхоленском (Южно-Верхоленский подрайон) уездах. К 1914 году на эти уезды приходилось 83 % переселенческих участков губерний, это 1 498 786 десятин земли. На 1917 год под переселенческие нужды в Предбайкалье было отведено около 2 млн десятин земли. По линии железной дороги для обеспечения неотложных нужд переселенцев было создано в Иркутской губернии 13 врачебно-продовольственных пунктов, в том числе в Бирюсинске, Нижнеудинске, Тырети, Иркутске, Тулуне, Куйтуне, Черемхово, Зиме, Заларях, Мальте. Итогом аграрной столыпинской реформы явилось переселение в Предбайкалье, Иркутскую губернию порядка 178 тыс. переселенцев из 8 млн переселенцев по России.

Четвертый этап переселенческого движения в Предбайкалье – это советский период с 1917 года по 80-е годы. Уже в 1918 году в «Законе о национализации земли», разработанном советским правительством, в ст. 33 говорилось: «Переселение земледельцев на новые места должно производиться за счет государства» [2, оп. 5, д. 269, л. 49]. 14 января 1918 года в телеграмме народного комиссара по вопросам земледелия разъяснялось: «Непосредственное руководство делами колонизации на местах принадлежит местной переселенческой организации под общим наблюдением исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [2, оп. 4, д. 82, л. 18]. Основной поток переселенцев-земледельцев на еще неосвоенные земли Предбайкалья наблюдался в конце 20-х – начале 30-х годов XX века. С середины 30-х годов основной объем переселенцев составляли рабочие на стройках пятилеток. В конце 80-х годов XX века, в связи с прекращением индустриализации, поток переселенцев в регион иссяк, сменившись на миграционный отток.

В 90-х годах XX века – начале 2000-х годов автором проведен значительный объем экспедиционных и архивных исследований в Предбайкалье на предмет возможности отражения традиционной культуры переселенцев в региональном этнографическом музейном комплексе под открытым небом «Тальцы» и сохранения ее в виде усадебных музейных комплексов – резерватов в их естественной среде, на месте их возникновения. Анализ материала показал, что традиционная культура переселенцев в Предбайкалье, имеющая резкоотличительные элементы в материальных носителях культуры, сохранилась только от переселенческого процесса 1906–1914 годов, то есть периода столыпинской аграрной реформы. Это объясняется тем, что особенностью этого периода было водворение на один переселенческий участок, чаще в образовавшееся село, переселенцев, перевезенных с их исторической родины, чаще всего из одного села, волости, уезда или губернии. Таким образом осуществлялась политика адаптации переселенцев на новом месте. Ведь многие переселенческие группы даже не владели русским языком. А в своей этнической среде адаптация происходила более безболезненно.

По итогам историко-культурного зонирования, автором выделены этнические группы, сохранившие в условиях Предбайкалья свою этническую самобытность, особенно в материальных носителях культуры. Это поляки, голендры, украинцы, белорусы, татары [9, с. 90–98]. Остальные этнические группы и этносы на новом месте водворения оригинальных элементов в материальных носителях культуры, отличающих их от старожильческого населения Предбайкалья, не имели. Это в особенности относится к русским переселенцам. Несмотря на их компактное расселение и существование поселков, в которых они поселились, до настоящего времени, они в Предбайкалье принесли тот же культурный пласт, который сложился и в старожильческих поселениях. Если говорить о переселенческих процессах, предшествовавших столыпинской аграрной реформе и последовавших за ней, то в это время культура переселенцев растворилась в общей культуре старожильческого и городского населения, не оставив ярких этнических особенностей культур этнических групп в материальной составляющей, которую можно было бы музеефицировать в отдельной этнической экспозиции.

Несмотря на бытующее мнение, что в период столыпинской аграрной реформы в Сибирь переселялись только крестьяне, это не так. Вместе с крестьянами в потоке переселенцев были, хотя и в незначительном объеме, рабочие и мещане.

Голендры. Голендры – небольшая народность, проживающая на юго-западе Украины. Образовалась в результате смешанных браков украинцев, немцев, поляков. Язык польско-украинский. В Иркутскую губернию на новое местожительство в начале XX века их переехало не более 500 человек (точных данных по этому вопросу не имеется). Голендры были расселены в Хор-Тагнинской волости, по р. Хор-Тагне (в переводе с бурятского «Черная река»), на которой они образовали три небольших селения: Пихтинск, Средний Пихтинск и Дагник. От Московского тракта селения голендров были удалены на 90 км. С целью соединения их и других близлежащих к ним деревень с трактом Переселенческим управлением в 1912 году была построена грунтовая дорога, получившая в народе название Столыпинской.

Главное занятие голендров – земледелие. Система землепользования – трехполье. Основными земледельческими культурами, возделываемыми голендрами, были рожь, пшеница, ячмень, овес, просо, гречиха, а также лен, который до переселенцев начала XX века в Иркутской губернии не выращивался. Орудия обработки почвы были типичными для всех земледельческих народов, населявших на этот период Предбайкалье: плуг, соха-пермянка, бороны железные, орудия сева – лукошко, для обмолота зерновых употреблялись цеп и молотило. Животноводство и огородничество велись для домашнего потребления. Был развит домашний промысел ткачество. Национальная одежда не сохранилась, по рассказам жителей с. Пихтинск, она была близка польской национальной одежде. Планировка сел уличная с двухсторонней застройкой, улица широкая. Усадьба представляла собой погонный двор, в котором дом, стайки, гумно, продолжая друг друга, покрывались одной двухскатной крышей. Такое устройство двора было типичным для голендров на их прежнем месте жительства. Все строения имели внутреннее соединение через серединный коридорчик, перекрываемый в каждом отделении дверью. Снаружи, со двора, каждое строение имело самостоятельный вход. Амбар ставился отдельно и, огороженный вместе с погонным двором, образовывал второй открытый двор. Рядом с амбаром была будка для собаки. За огородом на берегу р. Хор-Тагны ставились бани. По вероисповеданию голендры – лютеране.

В настоящее время процесс музеефикации традиционной культуры голендров ведется по двум направлениям [7]. Первое – это музеефикация элементов традиционной культуры на историческом месте. В этом направлении автором в 2012 году выкуплен на собственные средства дом с усадьбой голендра Гимборга и в пос. Среднем Пихтинске создан усадебный этнографический музейный комплекс, который передан в дар государству. В настоящее время усадебный этнографический музейный комплекс «Усадьба голендра Гимборга» (1912 год) функционирует как отдел музея «Тальцы».

Второе направление музеефикации – это перенос в переселенческую экспозицию Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» двух домов голендров из поселков Пихтинска и Среднего Пихтинска с формированием полноценных усадеб.

Поляки. В 1910 году часть безработных польских шахтеров из населенных пунктов Блэндув, Олькуш, Чубровице, Сосновец и Хрущебруд Домбровского угольного района Царства Польского, входившего в состав Российской империи до 1918 года, начала переселение в Сибирь, в том числе в Иркутскую губернию. Для окончательного расселения польских мигрантов был определен Трубачеевский участок по долине р. Иды в 130 км от железной дороги, заселение которого началось ранней осенью 1910 года. На конец 1910 года на Трубачеевском участке Вершак уже имелось 59 дворов. Приехав осенью, необходимо было подготовиться к зиме: построить хотя бы временное жилье, завести скот, обеспечить на зиму его кормом, начать вырубку леса и раскорчевку земли под будущие посевы. В первый год житья строили землянки. Общеизвестно, что носителями строительных традиций являются крестьяне. Переселившиеся шахтеры таковыми не были, поэтому при строительстве использовали опыт местных жителей, живущих по соседству, бурят.

К 1912 году на Трубачеевском участке образовался поселок Вершина, состоявший из 76 домов с населением 377 душ, коим было выделено 203 доли, составлявшие 3 045 десятин земли. В 1912 году

была открыта трехлетняя школа для 36 мальчиков и 31 девочки возрастом от 7 до 12 лет. В 1915 году был построен костел во имя Святого Станислава.

Музеефикация традиционной культуры польских переселенцев периода столыпинской аграрной реформы, как и голендров, ведется по двум направлениям [8]. Первое – это музеефикация элементов – резерватов. В этом плане в 2010–2011 году автором при финансовой поддержке Консульства Республики Польша в пос. Вершина была перевезена (так как на старом месте ее сохранить было невозможно) на берег ручья, соответственно инстолляции, усадьба польского переселенца Зелинского, состоящая из дома с сенями, амбара, в 60-х годах XX века переделанного в зимовье, стайки, навеса для скота, колодца и поскотины. В усадьбе создан этнографический музейный комплекс. Он работает в составе польской культурной общины. Дальнейший его статус определяется.

Второе направление – это музеефикация традиционной культуры польских переселенцев в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы». Здесь возникают определенные проблемы. Для отражения традиционной культуры польской этнической группы необходимо наличие культового сооружения – костела. Таковой сохранился в г. Усолье-Сибирском, построен в 1884 году, в настоящее время используется под жилье. Вторым элементом экспозиции должен быть дом. Однако пока дома польского переселенца постройки до 1917 года не выявлено. Рассматривается возможность размещения в экспозиции более позднего дома или реконструкции дома Зелинского.

Белорусы. По переписи 1926 года, в Иркутской губернии их проживало 26,7 тыс. человек. Выходцы из Витебской, Минской и Могилевской губерний, они были расселены в юго-западном регионе Предбайкалья, составив в современном Тулунском и Нижнеудинском районах большинство населения. Язык белорусский сегодня утрачен. Главное занятие белорусов – земледелие. Система обработки земли – трехполье. Основные культуры, выращиваемые ими, были рожь, пшеница, ячмень, просо, гречиха, а также лен, имевший на их родине товарное значение. В Иркутской губернии лен сеяли для домашнего потребления. Орудия труда для обработки земли были: плуг, соха-пермянка, широкое распространение получила завезенная сюда переселенцами минская соха. Ее наличие выявлено экспедициями 2000 года в села Одэр, Нижний и Верхний Бурбук Тулунского района. Орудия обмолота хлеба типичны для конца XIX – начала XX века для всех земледельческих народов Иркутской губернии: цеп, молотилка. Животноводство, огородничество и пчеловодство, сильно распространенное у белорусов, велись для домашнего потребления. Планировка переселенческих населенных пунктов всех народов, приехавших в Предбайкалье по столыпинской реформе, относится к улично-квартальному типу. Границы широких улиц нарезались плугом или сохой по разметкам землемеров Переселенческого управления еще до заселения их новоселами. При этом улицы чаще всего намечались с севера на юг. Новоселы получали участки по жеребьевке и должны были их застраивать по строго линейному плану. Однако натурные обследования белорусских селений, проведенные сотрудниками музея «Тальцы» в 1999–2000 годах, выявили, что крестьяне нарушали данную установку и старались устроить традиционную их культуре планировку усадеб. Так, в селах Пушкино и Чехово Нижнеудинского района амбары были вынесены за пределы усадьбы и установлены посередине улицы, разделив ее таким образом на две равные части. В селах Нижний Бурбук, Верхний Бурбук, Одэр амбары и бани также были вынесены за пределы усадьбы. Их строили на межах, отделявших одну усадьбу от другой. Таким образом, и тут просматривается стремление крестьян к сохранению традиционного устройства улицы и двора.

Распространенным типом устройства усадьбы является веночный двор, при котором дом и хозяйственные постройки стояли по периметру прямоугольника. Помещения для скота занимали противоположную воротам сторону, составляли единое целое с чистым двором и были отгорожены от него только жердевым загоном для выгула скота. Хлев для свиней строился под навесом чистого двора, был без крыши. Двухкамерные дома белорусов, состоявшие из жилого помещения и сеней, имели стропильную кровлю, которая была двух видов. Первый вид – двухскатная, крытая коротким драньем в три ряда. Фронтоны такой кровли зашивались тесом. Над срубом в нижней части крыши устраивался дополнительный козырек, покрытие верхней части крыши с западной или северной стороны (в зависимости от расположения дома) выдвигалось вверх выше другой примерно на 20 см. Второй вид кровли – четырех-

скатная, также сохранял традиционность, крыша была высокой и составляла примерно 2/3 высоты сруба. При этом склоны покрытия были довольно крутые. По вероисповеданию белорусы православные.

Музеефикация традиционной культуры белорусских переселенцев возможна также в двух вариантах. Первый вариант, уже осуществляемый, – это формирование двух усадебных комплексов в переселенческой экспозиции Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Один дом из с. Тургеневка уже вывезен, возможность вывоза второй усадьбы рассматривается. Второй вариант – создание этнографического музейного комплекса – резервата пока не прорабатывается.

Украинцы. Были расселены главным образом в Зиминском районе. Язык украинский. У старшего поколения сохранился до настоящего времени. Основное занятие – земледелие, система землепользования – трехполье. Высеваемые земледельческие культуры, орудия труда для обработки почвы и зерна типичны для земледельческих народов Иркутской губернии. Планировка сел типична для переселенческих населенных пунктов. Застройка усадьбы свободная, характерной особенностью ее планировки является расположение дома в глубине двора. Дом от улицы отделял либо забор, либо палисадник. Палисадник также был характерен для украинских селений. Дом, двухкамерная изба, состоит из жилой части и сеней. Рублен способом «в обло» из круглых или окантованных бревен. Бревна снаружи обмазывались глиной и белились. Кровля стропильная, двухскатная и четырехскатная. Сохранившиеся первые дома по размерам были небольшие (5 х 4 м) (пример – дом постройки 1908 года, с. Батама, Зиминский район). По вероисповедованию украинцы – православные. От языческого прошлого сохранилось почитание родников, так, например, жители с. Батама почитают родник, расположенный в километре от селения, считают его воды целебными. По поверью, вода родника при умывании снимает головную боль. На этом роднике население Батамы встречает праздник Крещение Господне.

В настоящее время пока рассматривается возможность музеефикации традиционной культуры украинских переселенцев периода столыпинской аграрной реформы только путем переноса объектов в создающуюся в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» переселенческую экспозицию.

Татары. Основной поток татар-переселенцев на юго-западные земли Предбайкалья пришелся на 1906–1913 годы, время столыпинской реформы. Большая часть их прибыла из Казанской и Уфимской губерний. В Предбайкалье они были расселены в современных Тайшетском и Чунском таежных районах, отдельные поселения татар встречаются в Нижнеудинском, Заларинском и Черемховском районах. Татарские населенные пункты были значительно удалены от тракта, дороги в них не были построены, поэтому даже в настоящее время до некоторых населенных пунктов во время дождей можно доехать только на специальном транспорте. Язык татарский. Основное занятие – земледелие. Система землепользования, трехполье, была завезена сюда из прежних мест обитания. Сеяли рожь, пшеницу, овес, ячмень. В животноводстве, игравшем вспомогательную роль, большое внимание отводилось разведению лошадей. Конь, любимое животное татар, считался чистым животным, и мясо его употреблялось в пищу.

В экспедиции 2000 года по исследованию быта и культуры переселенческих народов Предбайкалья были обследованы три татарских поселения: с. Талые Ключи, Нижнеудинский район, пос. Залари, районный центр, с. Биликтуй, Черемховский район. В двух последних населенных пунктах татары живут вместе с русскими. Время основания этих поселений татарами неизвестно. Проезжавший по Московскому тракту в 1849 году чиновник Паршин, давая характеристику населенных пунктов, через который следовал его путь, отмечал, что Биликтуй негласно разделен на две части. В одной живут русские, на их конце стоит церковь, в другой – татары, в их части селения поставлена мечеть. Мечеть в 1870-е годы была построена также в Заларях. Село Талые Ключи было заселено татарами в 1929 году. Проживавшее в нем русское население было раскулачено и отправлено на Север. В пустующие дома из Тайшетского района были переселены татары-переселенцы, которые из-за своей бедности не могли освоить земли в этом месте и советской властью были переселены в освободившиеся дома в с. Талые Ключи. Став владельцами готовых домов и уже обработанных полей, татары окрепли и вскоре вступили в колхоз. В остальные населенные пункты проживания татар в Нижнеудинском и Заларинском районах экспедиция не могла попасть из-за бездорожья. В исследованных же селениях планировка аналогична русской.

Дома построены по-русски и не несут в себе никаких национальных особенностей. По словам информатора Г. Н. Макогон, в конце XIX – начале XX века татарские дома отличались от русских только интерьером, по центру стояла печь, а к стенам примыкали нары с лавками. В центре стены, расположенной напротив входа, было отведено место для хранения вещей культового назначения. Г. Н. Макогон отмечала также, что, по рассказам стариков, татарские дома раньше строились на подклете и окон на улицу не было либо было одно окно, которое устраивалось довольно высоко. Делалось это для того, чтобы чужой мужчина не мог увидеть лица проживающей в доме женщины. У татар полностью сохранилась национальная кухня. Одежда утрачена. По характеру татары подвижны, склонны к переездам, многие из них переехали в город. Любимое занятие – торговля. Тема проживания татар в Предбайкалье почти не изучена и требует дальнейших исследований.

Музеефикация традиционной культуры татарских переселенцев в настоящее время рассматривается пока только в виде формирования татарской экспозиции в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» посредством реконструкции культового объекта – мечети и формирования усадьбы с переносом дома.

Литература

1. Государственный архив Иркутской области. – Ф. 25, оп. 10, карт. 1064, д. 2471.
2. Государственный архив Иркутской области. – Ф. 171.
3. Законы и распоряжения о беженцах. – М., 1916.
4. Занданова Л. В. Влияние экономической политики государства на переселение в Сибирь в XX веке // Россия и Сибирь: проблемы взаимодействия в региональной политике в исторической ретроспективе. – Иркутск, 2004. – Ч. II, III.
5. Полн. собр. законов. – III. – Т. XXIV. – Ст. 2470.
6. Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в годы столыпинской аграрной реформы. – Л., 1962.
7. Тихонов В. В. К вопросу о музеефикации сохранившихся элементов материальной и духовной культуры голендров Предбайкалья // Тальцы. – 2004. – № 4 (23). – С. 116–124.
8. Тихонов В. В. О музеефикации традиционной культуры польских переселенцев Предбайкалья // Тальцы. – 2005. – № 4 (27). – С. 126–131.
9. Тихонов В. В., Нефедьева А. К. Основные направления развития Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». – Иркутск, 2006.
10. Тихонов В. В. Отличительные элементы материального наследия этносов и этнических групп, сформировавших историко-культурный потенциал Предбайкалья второй половины XIX – начала XX века // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 23. – С. 93–100.
11. Тюкавкин В. Г. Переселение крестьян в Восточную Сибирь в период столыпинской аграрной реформы. – Иркутск, 1958.

Literatura

1. Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti. – F. 25, op. 10, kart. 1064, d. 2471.
2. Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti. – F. 171.
3. Zakony i rasporjazhenija o bezhencah. – M., 1916.
4. Zandanova L. V. Vlijanie ekonomicheskoj politiki gosudarstva na pereselenie v Sibir’ v XX veke // Rossija i Sibir’: problemy vzaimodejstvija v regional’noj politike v istoricheskoj retrospektive. – Irkutsk, 2004. – Ch. II, III.
5. Poln. sobr. zakonov. – III. – T. XXIV. – St. 2470.
6. Skljarov L. F. Pereselenie i zemleustrojstvo v gody stolypinskoj agrarnoj reformy. – L., 1962.
7. Tihonov V. V. K voprosu o muzeefikacii sohranivshihsja elementov material’noj i duhovnoj kul’tury golendrov Predbajkal’ja // Tal’cy. – 2004. – № 4 (23). – S. 116–124.
8. Tihonov V. V. O muzeefikacii tradicionnoj kul’tury pol’skih pereselencev Predbajkal’ja // Tal’cy. – 2005. – № 4 (27). – S. 126–131.
9. Tihonov V. V., Nefed’eva A. K. Osnovnye napravlenija razvitija Arhitekturno-etnograficheskogo muzeja “Tal’cy”. – Irkutsk, 2006.
10. Tihonov V. V. Otlichitel’nye elementy material’nogo nasledija etnosov i etnicheskih grupp, sformirovavshih istoriko-kul’turnyj potencial Predbajkal’ja vtoroj polovinйfy XIX – nachala XX veka // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul’tury i iskusstv. – 2013. – № 23. – S. 93–100.
11. Tjukavkin V. G. Pereselenie krest’jan v Vostochnuju Sibir’ v period stolypinskoj agrarnoj reformy. – Irkutsk, 1958.

УДК 94(571)

Т. А. Реховская

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИЙ ПИТАНИЯ У РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В данной статье рассматриваются вопросы трансформации традиций питания у русских крестьян-переселенцев Западной Сибири в начале XX века. Выявляются причины, повлиявшие на эти изменения, а также степень и формы изменения традиций питания. Отмечается роль государства в вопросах переселения крестьян. Анализируются формы взаимодействия русских крестьян-переселенцев с местным населением.

Ключевые слова: Западная Сибирь, переселенцы, крестьяне, питание, традиции, трансформации.

T. A. Rekhovskaya

THE TRANSFORMATION OF RUSSIAN MIGRANTS' FOOD TRADITIONS IN WESTERN SIBERIA IN THE 1900S

This article is devoted to the problems of resettlement of Russian peasants to Western Siberia in the 1900s, as well as to food traditions changes and identification of factors that influenced these changes. In connection with the resettlement process of Russian peasants, there were changes in food traditions due to new climatic, socio-economic and cultural context of the new region. Most peasants' conditions in the first years of life in the new land were dire, that was connected with the need of the original arrangement: construction of houses, plowing the land, purchase of livestock. In this period, the peasants fed themselves poorly, because all money were spent for household needs.

In the future, the fate of all evolved differently: most of the farmers had got rich, but some did not cope with the difficulties leaving back home. The remaining peasants due to the increases term of their stay in the region started to feed themselves on more qualitative base, they have consumed more meat and dairy products.

A significant role in the organization of migration of economy was played by the state. State bodies helped to relocation, provided the food of the peasants in their first years of life in Western Siberia. Migrants trying to settle in those places, where had already been established peasant life, as here they could engage in the work for prosperous peasants and have additional income. Many peasants were gathering nuts, mushrooms, to improve their nutrition.

Russian peasants were mostly engaged in agriculture than in cattle breeding, which was reflected on their food in the diet prevailed flour dishes, porridge that contained a lot of carbohydrates. In connection with the harsh Siberian climate, the traditions changed supply in the diet, increased the number of food containing fats and proteins, i. e. have to use more meat and dairy products. The peasants, who had surplus food, sold it on the local market, having additional income. Siberian butter was especially popular. Therefore, farmers sold milk to producers of butter or produced it themselves, and then handed it over to dealers.

Peasants immigrants preserved their religious traditions, including the food tradition. Food of Russian peasants varied in the result of interaction with other peoples living in Western Siberia. Settlers took from them from their traditional dishes, including them in their diet. Now, under the influence of many factors, there were changes in the traditions of supply Russian farmers, settlers, but there was a radical transformation, since this was not the global reason. New conditions of life largely coincided with the terms of their homelands, facilitating the adaptation of migrants to the new conditions and, consequently, didn't affect crucially on their way of life.

Keywords: Western Siberia, settlements, peasants, food, traditions, transformations.

Традиции питания, как и любые другие традиции, соблюдаемые народом, характеризуют его как отдельную самостоятельную общность, отличную от остальных. В то же время анализ традиций может выявить такие компоненты, на основании которых можно установить связь определенного народа с другими этносами. Это в свою очередь поможет лучше понять закономерности и пути развития изучаемой этнической общности.

Питание как фактор, характеризующий определенную этническую группу, изучалось учеными-этнографами постоянно. Процесс питания с точки зрения физиологии человека также всесторонне ис-

следовался учеными-биологами и медиками. Ученые-экономисты рассматривали проблемы питания с точки зрения организации производства продуктов питания, а ученые-аграрии – с точки зрения изготовления сырья для них. Вместе с тем понятия «питание», «пища» – это более многогранные категории и могут исследоваться в более широком контексте, учеными разных областей знания: как гуманитарного, так и социально-экономического.

Несмотря на важность изучения вопросов питания, на протяжении долгого времени эти проблемы, как и ряд других социальных явлений, не становились объектами исследования ученых. В период существования Советского государства, когда официальная идеология определяла приоритетными направления развития научных исследований, тема питания, продовольственного обеспечения попала в число, если не запрещенных тем, то не особо актуальных. Это объясняется в целом позицией государства относительно решения социальных вопросов в стране.

В настоящее время изучение вопросов питания ведется по всевозможным направлениям, разные исследователи анализируют различные аспекты этой проблемы. Цель данной статьи рассмотреть, как трансформируются традиции питания населения, попавшего в иную природно-климатическую, социально-экономическую и культурную среду, выявить факторы, повлиявшие на эти изменения. Некоторые исследователи считают, что среди всех традиций, сохраняемых отдельным этносом, традиции питания являются наиболее устойчивыми [1, с. 10].

Источниками при изучении данной темы являются: проводимые в начале XX века исследования переселенческих хозяйств, результаты которых были опубликованы в статистических сборниках; описания уездов, быт и занятия переселенцев в том числе, предоставляемые в качестве отчетов администрации отдельных уездов Томской губернии.

На наш взгляд, на вопрос о причинах сохранения традиций питания надо посмотреть и с точки зрения духовной составляющей человека, и с точки зрения его деятельности, а также с позиции изменений социально-экономических условий его жизни, с позиции природно-климатических и географических факторов. В этом контексте понятие «духовность» можно трактовать по-разному. Сохранение собственных традиций питания как способ поддержания связи с предками или соблюдение религиозных канонов – это одна составляющая духовности. Способ сохранить собственную идентичность, собственную культуру при взаимодействии с иной, чуждой духовной средой, а порой и при выживании в ней, – это другая сторона духовности.

Сберечь собственные традиции, в том числе и традиции питания, возможно в условиях относительной сохранности ареала обитания этноса, если сохраняются природно-климатические условия, выступающие как традиционные составляющие его развития, к минимуму сведены внешние факторы, влияющие на развитие и сохранение народа. Если же эти факторы не соблюдаются, то трудно говорить о сохранении устоявшегося образа жизни и поддержании традиций, в том числе и традиций питания. Еще более проблематично сохранять традиции, если происходит миграция населения, так как в этом случае человек попадает не только в иную культурную среду, но часто и иные природно-климатические условия. Как изменится его образ жизни, насколько он будет соблюдать традиции, в каждом отдельном случае зависит от многих объективных и субъективных факторов.

В начале XX века происходило активное переселение русского населения из Европейской части России в Сибирь. Основная причина переселения – получение земли и, как следствие, стремление к улучшению своего материального положения. Количество переселенцев росло с каждым днем, чему способствовала и деятельность государства. Вполне можно согласиться с мнением, что внутренняя политика государства выступает в качестве одного из существенных факторов воздействия на возможную адаптацию населения к новым природным условиям [10, с. 136].

Переселявшиеся крестьяне были из разных уголков России (преимущественно русские, но были и представители иных национальностей), у них сложились собственные стереотипы относительно ведения хозяйства, обусловленные природно-климатическими условиями мест их выхода. На новых территориях они старались занять по возможности лучшие земли или поселиться в тех районах Сибири, которые по сочетанию географических факторов были приближенны к условиям их Родины. Так, вплоть до начала XX века не все земли южно-сибирского региона были привлекательны для русских

переселенцев. Это было обусловлено как раз их географическим положением и климатическими условиями, непригодными для основных видов деятельности русских крестьян [2, с. 119].

По таким важным для сельского хозяйства факторам, как температурный режим, плодородие почвы, количество осадков, рельеф местности, Западная Сибирь, безусловно, отличалась от большинства регионов европейской части России. Прежде всего тяжелым испытанием для переселенцев были суровые зимы. Все эти факторы должны были учитываться крестьянами при устройстве на новом месте, эти факторы в дальнейшем будут влиять на население, изменяя его быт. Суровость климата, например, требовала больших энергетических затрат от населения, а это в свою очередь вело к изменению рациона и традиций питания.

Вместе с тем неправильно было бы говорить, что переселившиеся в Западную Сибирь крестьяне, вынуждены были полностью менять свою бытовую культуру, существовавшую на Родине, так как их новая среда обитания не отличалась кардинальным образом от территорий их выхода.

В новых местах поселения основным занятием продолжало оставаться земледелие. Во многих регионах европейской части России основной зерновой культурой была рожь, сохраняется ее приоритет перед другими зерновыми культурами и в Западной Сибири. К примеру, среди обследованных переселенческих крестьянских хозяйств в 1906 году общая площадь посева ржи составляла 85,29 десятин, а посев пшеницы – 58,55 десятин. Овес занимал 30,79 десятин, а ячмень – 13,1 десятины. Вновь прибывшие переселенцы преимущественно выращивали рожь – 0,44 десятины и ячмень – 0,84 десятины; овес вообще не выращивали в первые годы, а под пшеницу отводили только 0,06 десятины пахотной земли. Связано это, по-видимому, было с определенной неустойчивостью крестьянского хозяйства и с большей прихотливостью пшеницы.

Чем продолжительнее был период жизни крестьян в Западной Сибири, тем все больше изменялась структура крестьянского земледельческого хозяйства. Крестьяне, прожившие в регионе около восьми лет, предпочтение отдавали именно пшенице. Этой культурой засевалось 48,43 десятины земли, рожью только – 38,40 десятин. Урожайность пшеницы была выше урожайности ржи. Средняя урожайность ржи с десятины составляла 43,5 пудов, а пшеницы – 83,2. В отношении сбора к высеву (сам) пшеница тоже имела преимущества над рожью: сам ржи – 5,2, а пшеницы – 8,4. Урожайность в группе крестьянских хозяйств, живущих в регионе более продолжительное время, была выше, чем средняя урожайность всех переселенческих хозяйств. Урожайность пшеницы в таких хозяйствах достигала 83,2 пуда с десятины, а «сам» составлял – 9,3 [7, с. 32].

Такие особенности сельскохозяйственного производства и определяли в рационе русских преобладание мучных и крупяных изделий. К мучным изделиям относится хлеб, разного рода пироги, блины, оладьи; крупяные изделия – это всевозможные каши. На Алтае в связи с большим количеством производимой пшеницы даже сложилась традиция приготовления «мягкого завтрака», который составляла выпечка из пшеничного опарного теста. В праздничную выпечку вошли городские изделия Европейской части России: вафли, хворост и др. [5, с. 34].

В рационе питания были и продукты животного происхождения: мясо, молоко, сливочное масло, сметана и творог. При этом животноводство занимало второстепенное место в структуре крестьянского хозяйства. По наблюдениям работников местной администрации, переселявшиеся крестьяне в первую очередь распахивали землю, а уже потом строили загоны для скота. В результате недосмотра за скотом он становился объектом нападения диких животных [3].

По мере увеличения срока проживания крестьян в сибирском регионе поголовье скота увеличивается и улучшается его содержание. Причем если сравнить рост доходов от земледелия и рост доходов от скотоводства за один и тот же восьмилетний период проживания, то доход от скотоводства за это время увеличивается в три раза, а доход от земледелия – только в два. Несмотря на более высокие темпы доходов скотоводства, крестьяне по-прежнему отдавали приоритет занятиям земледелием. В структуре доходов крестьянского хозяйства доход от продажи скота составляет только 17,8 %, намного уступая доходам от реализации продуктов земледелия [7, с. 38].

Исходя из такой структуры хозяйства складывались и пищевые предпочтения крестьян-переселенцев, которые можно проиллюстрировать следующими цифрами: одним человеком в год по-

треблялось 16,56 пудов зерновых продуктов; 8,09 пудов картофеля; 2,6 пудов овощей. При этом потреблялось всего 0,78 пуда мяса и сала, 0,14 пуда рыбы, 7,48 пудов молока, 0,05 пуда коровьего масла и 0,12 пуда яиц [7, с. 15].

Положение вновь переселившихся крестьян несколько первых лет было достаточно тяжелым. Уходил ни один год на то, чтобы поднять хозяйство: распахать землю, развести скот, засеять огород, обзавестись постройками и т. д. Все эти сложности с обзаведением хозяйством, безусловно, сказывались на качестве питания населения. Переселенцы, живущие на новой территории, в первые годы тратили значительные суммы на строительство жилья, на обзаведение хозяйством. По наблюдениям современников, вначале крестьяне не доедали, ютились в землянках, наскоро сколоченных банях, донашивали привезенную одежду, но сразу же старались купить лошадь, плуг и произвести посев на новой земле.

В дальнейшем хозяйственные расходы сокращаются, и люди начинают больше тратить на удовлетворение иных потребностей. В частности, из года в год росли расходы на питание. У переселенцев, проживших в Западной Сибири два года, затраты на продукты питания на одного человека в год составляли 12 р. 98 к. У проживших в регионе около 8 лет эти затраты достигали 24 р. 21 к. [7, с. 12]. За период адаптации переселенцев не менялись структура и традиции их питания, но менялась качественная сторона их потребления, вначале, как правило, в сторону ухудшения.

В этот период происходило не только сокращение потребляемых продуктов питания, но иногда над семьей нависала угроза голода. В Сибири цены на хлеб были нестабильные, а также периодически случались неурожаи. Сибиряки говорили в таких случаях, что у них при урожае нельзя хлеба продать, а при неурожае – нельзя купить [9, с. 95]. Пути выхода из создавшейся ситуации были различные. С одной стороны, деятельность государства, с другой – активная позиция самих переселенцев.

Предвидя возможные осложнения с продовольственным обеспечением переселенцев, государство создавало хлебозапасные магазины, фондами которых и могли пользоваться крестьяне. Сами же вновь прибывшие люди могли наниматься на работу к старожилам. За работу они получали от хозяина денежное вознаграждение или же денежное вознаграждение и продукты питания. Вновь прибывшие люди питались в основном покупными продуктами. Именно поэтому переселенцы хотели селиться не на новых территориях, которые были не обжитыми, а предпочитали вселяться в старые поселения, где существовала развитая инфраструктура.

Другой путь пополнения семейного бюджета, а следовательно, и улучшения качества питания – занятие крестьян различными промыслами. Промыслы состояли, например, в осуществлении перевозок или других подобных видах деятельности. Так крестьяне получали дополнительные деньги, которые могли использовать на покупку продуктов питания. В качестве промыслов мог выступать сбор кедрового ореха или дикоросов. Это уже напрямую влияло не только на увеличение количественной составляющей рациона питания, но и на изменение традиций питания: приспособление питания переселенцев к местным условиям.

По мере увеличения сроков проживания крестьян улучшалось и качество их питания. На одного человека в год среди только прибывших приходилось 13,24 пуда зерновых продуктов, а на одного человека, прожившего в регионе какое-то время, приходилось уже 17,82 пуда. Хоть и незначительно, но увеличивалось потребление мяса и сала – 0,32 пуда среди переселенцев первых лет и 0,87 пуда – среди прижившихся переселенцев; аналогичной была ситуация и с потреблением молока, соотношение было следующим – 4,35 и 8,31 пуда соответственно [7, с. 15]. Вместе с тем были и другие случаи, когда неимущие переселенцы так и не могли «встать на ноги»: не могли построить жилье, не могли обзавестись скотом и распахать землю. Такие крестьяне либо попадали в зависимость от местных зажиточных крестьян, либо возвращались на родину, что тоже сулило им массу неприятностей.

Крестьяне-переселенцы испытывали влияние не только новых природно-климатических условий, но и новых экономических факторов. В новых сибирских экономических условиях, при наличии большого количества земли, возможности разведения большого количества скота, связи с рынком, перестраивается структура крестьянского хозяйства. Если крестьяне могли получить дополнительную прибыль за счет продажи продуктов питания, произведенных внутри своего хозяйства, то они это делали. Эти хозяйственные явления были характерны как для старожильческих хозяйств, так и для переселенцев.

Значительное развитие мукомольной промышленности объяснялось, например, тем, что хлеб в зерне практически не находил сбыта за пределами Сибири (из-за таможенного заградительного барьера), а продажа муки давала значительные прибыли.

Аналогичная ситуация сложилась с производством и реализацией сливочного масла. Сибирское масло пользовалось большим спросом на мировом рынке, следовательно, крестьяне, производившие масло для продажи, могли иметь постоянный и стабильный доход. Большинство крестьян Западной Сибири стали производить масло сами или продавать молоко скупщикам. Эти действия приобрели широкий размах, крестьяне в погоне за прибылью реализовывали в том или ином виде все молоко, производимое в хозяйстве. Это явление повлияло на качество питания самих крестьян, из их рациона исчезли молочные продукты. Местные ученые вынуждены были проводить лекции среди крестьян и объяснять им важность употребления молочных продуктов, особенно детьми [4, с. 11]. Молочное скотоводство развивалось в ущерб мясному, и это при том, что мясных продуктов в рационе питания было не так уж и много, особенно у вновь прибывших крестьян.

Хозяйства крестьян при благоприятных условиях развития были ориентированы на рынок, то есть избыток сельскохозяйственной продукции продавался. Ассортимент поставляемых на рынок товаров колебался и зависел от места и срока проживания переселенцев в Западной Сибири. Самыми ходовыми товарами были хлеб, скот и молочные продукты. Как правило, товарными становились хозяйства переселенцев, проживших в данной местности не менее трех лет, а остальные хозяйства, как было отмечено выше, часто сами нуждались в покупке продовольствия. Среднее стабильное хозяйство поставляло на рынок хлеба на сумму 40 р. (степной район), скота – на сумму 29 р. (таежный район), молочных продуктов – на сумму 35 р. (лесостепной район) [7, с. 147].

Климатические условия в определенной степени также могли повлиять на традиции питания русских переселенцев: более тяжелые климатические условия, более суровые зимы требовали более калорийного рациона питания. Более тяжелые условия работы: распашка целины, строительство жилья и хозяйственных построек практически заново – также требовали более качественного питания, с увеличением белковой его составляющей. Все это приводило к постепенным изменениям в традициях питания – увеличению количества потребляемых белковых продуктов и жиров.

Следовательно, у крестьян-переселенцев наблюдались, хоть и незначительные, изменения в традициях питания, обусловленные сменой условий жизни и влиянием внешних факторов. По своим моделям питания они приближались к старожильческому населению Западной Сибири. По сведениям современников, посещавших Сибирь, сибиряки любили хорошо поесть. В ходу был больше пшеничный хлеб (о чем уже упоминалось выше), который сибирячки пекли очень вкусным и мягким. Славилась сибирская шаньга – хлеб особого печения, иногда с крупой, картофелем и сметаной. Мясо было в большом ходу. В Барабе почти половина домохозяев ест мясо каждый день, кроме постных дней. Обычным являлось питье чая, преимущественно без сахара [9, с. 74].

Не последнюю роль в питании населения играл и религиозный фактор, как это было отмечено выше. У поздних переселенцев проблем с сохранением религиозных традиций не наблюдалось, так как они переселялись в близкую им в религиозном плане среду, сформированную в Западной Сибири переселенцами предыдущих волн. Ведущим вероисповеданием в Сибири начала XX века являлось православие, которое всемерно поддерживалось государством [8, с. 115–116]. В соответствии с религиозными традициями крестьяне-переселенцы в Западной Сибири, как и у себя на родине, придерживались режима питания, предписанного Православной церковью: ограничение в потреблении мяса, соблюдение постов и т. д.

В Сибирь переселялись крестьяне из всех уголков России. Много было переселенцев из Курской губернии, Тамбовской, Воронежской, Рязанской, приезжали из близких с Западной Сибирью регионов – Вятской и Пермской губерний. Меньше было переселенцев из Московской, Калужской, Тверской, Смоленской, Петербуржской, Псковской губерний, а также из прибалтийских, юго-западных и польских губерний. Переселенцы из отдельных губерний могли селиться компактно или рядом с выходцами из других губерний. Про поселения последнего типа говорили: «У нас разногуберщина!» [9, с. 81].

Много было в Западной Сибири переселенцев – представителей других этносов: украинцев, белорусов, эстонцев, греков и др. Естественным был обмен между представителями различных этносов культурными традициями, в том числе и традициями питания. Так, вначале в рацион русских переселенцев вошло такое традиционное блюдо, как пельмени, а затем его позаимствовали представители других народностей. Белорусы, например, живя в Сибири, начали выращивать пшеницу, предпочитая ее ржи. Греки выращивали малоизвестные сибирякам овощи: фасоль, кабачки, баклажаны [6, с. 100, 103, 107]. Можно предположить заимствование русскими крестьянами этих видов огородных культур и введение их в свой пищевой рацион.

В результате анализа имеющихся данных мы делаем вывод, что в традициях питания переселившихся в Западную Сибирь крестьян происходила определенная трансформация. В качестве причин таких изменений выступали, прежде всего, природно-климатические и социально-экономические факторы. Вместе с тем эти изменения не носили кардинального характера.

Литература

1. Арутюнов С. А. Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. – М.: Наука, 2001. – С. 10–17.
2. Белозерова М. В. Переселенческая политика и некоторые проблемы хозяйственного освоения южной Сибири в 1910–1920-е годы // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2010. – № 1. – С. 118–123.
3. ГАТО. – Ф. Ф-234. – Оп. 1. – Д. 401. – Л. 1.
4. Кауфман А. А. Сибирские вопросы в сельскохозяйственных комитетах 1902 года // Сибирские вопросы. – 1905. – № 1. – С. 5–32.
5. Липинская В. А. Адаптивно-адаптационные процессы в народной культуре питания русских // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. – М.: Наука, 2001. – С. 18–40.
6. Майничева А. Ю. Питание белорусов, греков и эстонцев Верхнего Приобья в первой половине XX века // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. – М.: Наука, 2001. – С. 99–111.
7. Материалы по обследованию переселенческих хозяйств. – СПб., 1906. – Вып. 24.
8. Насонов А. А. Механизм распространения мировых религий в Сибири (по материалам территорий современной Кемеровской области и сопредельных регионов) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 23. – С. 112–123.
9. Рубакин Н. Рассказы о Западной Сибири или о губерниях Тобольской и Томской и как там живут люди. – М., 1908. – 187 с.
10. Садовой А. Н. Исследования лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики КемГУ в области этнопотестарной истории и традиционной экономики населения Алтае-Саянского экорегиона // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2010. – № 1. – С. 136–142.

Literatura

1. Arutjunov S. A. Osnovnye pishchevye modeli i ih lokal’nye varianty u narodov Rossii // Tradicionnaja pishcha kak vyrazhenie etnicheskogo samosoznanija. – M.: Nauka, 2001. – S. 10–17.
2. Belozjorova M. V. Pereselencheskaja politika i nekotorye problemy hozjajstvennogo osvoenija juzhnoj Sibiri v 1910–1920-e gody // Vestn. Tom. gos. un-ta. – 2010. – № 1. – S. 118–123.
3. GATO. – F. F-234. – Op. 1. – D. 401, l.1.
4. Kaufman A. A. Sibirskie voprosy v sel’skohozjajstvennyh komitetah 1902 goda // Sibirskie voprosy. – 1905. – № 1. – S. 5–32.
5. Lipinskaja V. A. Adaptivno-adaptacionnye processy v narodnoj kul’ture pitanija russkih // Tradicionnaja pishcha kak vyrazhenie etnicheskogo samosoznanija. – M.: Nauka, 2001. – S. 18–40.
6. Majnicheva A. Ju. Pitanie belorusov, grekov i estoncev Verhnego Priob’ja v pervoj polovine XX veka // Tradicionnaja pishcha kak vyrazhenie etnicheskogo samosoznanija. – M.: Nauka, 2001. – S. 99–111.
7. Materialy po obsledovaniju pereselencheskih hozjajstv. – SPb., 1906. – Vyp. 24.
8. Nasonov A. A. Mehanizm rasprostranenija mirovyh religij v Sibiri (po materialam territorij sovremennoj Kemerovskoj oblasti i sopredel’nyh regionov) // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul’tury i iskusstv. – 2013. – № 23. – S. 112–123.
9. Rubakin N. Rasskazy o Zapadnoj Sibiri ili o gubernijah Tobol’skoj i Tomskoj i kak tam zhivut ljudi. – M., 1908. – 187 s.
10. Sadovoj A. N. Issledovanija laboratorii etnosocial’noj i etnoekologicheskoj geoinformatiki KemGU v oblasti etnopotestarnoj istorii i tradicionnoj ekonomiki naselenija Altaje-Sajanskogo ekoregiona // Vestn. Tom. gos. un-ta. – 2010. – № 1. – S. 136–142.

УДК 008:001.8 13.09

Е. Г. Хотько

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЯРМАРОЧНОГО ДОСУГА В КОНТЕКСТЕ ЯРМАРОЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

Статья рассматривает исторические корни возникновения ярмарочного досуга в России. Вместе с ярмарочными формами торговли и особенностями ведения рыночных отношений рассматриваются зрелищно-игровые формы ярмарочной культуры. В частности, особое внимание уделяется специфике кукольного театра как одному из ярких феноменов ярмарочной культуры.

Ключевые слова: ярмарка, ярмарочная торговля, театр Петрушки.

E. G. Khotko

HISTORICAL BACKGROUND AND DEVELOPMENT OF THE LEISURE FAIR IN THE CONTEXT OF FAIR CULTURE IN RUSSIA

The article examines the historical roots of Leisure Fair in Russia. Par with fair trade and forms of market relations peculiarities of running fairground forms of culture are reviewed. In view of the close trade relations between Russia and Europe, it is clear that the forms of trade fairs and business features were borrowed from Europe.

Together with fair trade and forms of market relations in peculiarities of Russia could be found numerous spectacular and game forms of European culture as fun game puppet shows, circus acts with animals, performances of jugglers and acrobats. At one level, theatrical guests with sales representatives have made significant changes and influence on the development of free trade and fair areal holidays in Russia. At the same time, art is not art only but also goods. Thus, on a par with traditional, unheard and unseen played a major role in street art. The uniqueness of Russian culture was just in ability to take all of New England, Poland, Romania, France, Holland and adapt a combination of different genres on Russian soil.

Fair for the Russian people was perceived as a holiday with freedom of speech, equality, uncontrollable laughter. A puppet theater was in special demand on the fairgrounds, it could be considered one of the most striking phenomena of culture. Variety of forms and types of puppet theaters in St. Petersburg aroused great interest among the public. At fairs and festivals especially popular performances of petrushechniks. Comedy was unprecedented condemning the power of laughter. Popularity puppet comedy was so great that the inspired writers, poets, composers, playwrights used Petrushka dolls for their works. M.Gorky, N. Nekrasov, F. Dostoevsky enthusiastically wrote about Petrushka. I. Stravinsky turned to comedy theater Petrushka in creative works.

Thus, there has been some retail space spread that mixes commerce and entertainment. Incredible combination of all sorts of entertainment and commercial transactions did not only trade at the fair, but was a kind of spiritual center, which combined tastes and customs of the people.

Keywords: fair, exhibition trade, Petrushka puppet theater.

Ярмарки (Jahrmark, Messe, фр. Foire, англ. Fare) – места периодических съездов торговцев и привоза товаров, главным образом, для оптового торга. Jarmarchat (ярмарки) в Европе известны с X века. Неудобные пути сообщения между центрами торговли и отсутствие безопасности для торгующих при перевозки товаров с давних времен заставляли доставлять эти товары в те места, которые имели охрану и были менее обременены пошлинами и поборами местных властей. Ярмарки были и местом оптового торга, и путями перемещения массы товаров для их правильного распределения. Подобное значение европейские ярмарки начинают приобретать уже в XI–XII веках, прежде всего во Франции, развившей свою торговлю ранее других европейских государств [13, с. 811]. До конца XIII столетия основной товарообмен в Европе совершался непосредственно на ярмарках. Развитие ярмарок во многом зависе-

ло от их географического положения. Так, например, Лейпциг находился между крупными торговыми центрами Вены и Праги, между устьями рек Рейна и Бреславля, устьем Вислы и Майна, поскольку здесь был завязан узел трех основных водных артерий страны: Рейна, Эльбы и Дуная. Первые сведения о Лейпцигских ярмарках относятся к 1170 году. По решению императора Максимилиана I, ярмарки получали «пакетное право», по которому на 15 миль вокруг Лейпцига не могла осуществляться никакая оптовая торговля [12].

В XVIII веке с развитием европейской промышленности ярмарочные прилавки наполняются новыми товарами. Главным поставщиком льна и пеньки для Германии становится Россия. Через Россию поступают на Лейпцигские ярмарки материи и парча, вытканные золотом и серебром, сало, кожи, воск, щетина, кость. Роль Лейпцигской ярмарки как главного торгового центра повышается благодаря России. Лейпцигская ярмарочная культура, совершенствуя формы своей деятельности, переходит к торговле по образцам. К услугам торгующих на этих ярмарках имелись промышленные выставки, устраиваемые во время ярмарочного торга, и постоянные выставки образцов.

Поскольку ярмарки соответствовали главным церковным праздникам, то проводились основные торги в период Рождества, Нового года и Пасхи. Начало такой торговой недели обозначалось колокольным звоном. Заведовали всей торговлей восемь гильдий – гильдия торговли голландской, колониальной, москательной, суконной, полотняными товарами, мехом, рыбой и вином.

В течение XVI–XVII веков ярмарки настолько увеличили продажи, что продолжались более трех недель. Некоторые торговые представители начинали оптовые продажи задолго до официального начала торговых недель, таким образом, пасхальная и осенняя ярмарки получили название оптовых. Такие оптовые ярмарки долго оставались главными торговыми точками, к которым стекались все основные товары, шедшие из Европы в Россию.

В виду тесных торговых связей между Россией и Европой, совершенно очевидно, что ярмарочные формы торговли и особенности ведения торговли были заимствованы из Европы. Так, в Европе владельцы больших территорий, на которых располагались ярмарки, получали дополнительные доходы в виде сборов и пошлин. В России увеличение ярмарочных торгов в городах и уездах вносило в казну дополнительные казенные сборы, установление же особого процентного сбора с гильдейских капиталов позволяло купцам I гильдии иметь право на беспроцентную торговлю на всех ярмарках страны [19].

Сведения о русских ярмарках мы находим у австрийского дипломата XVI века Герберштейна, который упоминает и о ярмарке на реке Молог, при городке Холопьем, куда «во время ярмарки стекаются люди разных племен из самых отдаленных мест», и о ярмарке в Нижнем Новгороде, и о московских ярмарках, и об особенностях ведения торговли русскими купцами [5, с. 464]. Со временем ярмарочный торг развился в других регионах страны, как приморских, так и во внутренних. Петр I в регламенте 1721 года главному магистрату вменял в обязанность заботиться об умножении ярмарок. Увеличилось число и роль мелких ярмарок, на которые периодически доставлялся товар, раньше находившийся далеко от покупателей, в более крупных торговых центрах.

Однако, учитывая характерные черты существовавших уже к тому времени сельских базаров и торжков, крупные ярмарки претерпели некоторые видоизменения. Перепись ярмарок в России в 90-х годах XIX века показала перспективы развития и угасания различных видов ярмарочной торговли: однодневных – 64,29 %, от 2 до 7 дней – 32,56 % и только 3,15 % выпадало на долю ярмарок, продолжительностью более недели. Абсолютное число последних не превышало 525. Среди них только 11 работали более месяца. Увеличению мелких ярмарок способствовала, с одной стороны, недостаточность постоянных мест розничной и мелочной торговли, а с другой – возможность для крестьян сбывать на ярмарках свои продукты и покупать товары без всяких посредников [8, с. 4].

С расширением торговых отношений в XIX столетии и с упразднением внутренних пошлинных сборов, с проведением железных дорог, с развитием деятельности коммивояжеров, значимость ярмарок уменьшается: большинство закрывается или становится местом незначительного торга, некоторые принимают новую форму коммерческих организаций – форму аукционов и расчетных палат.

Вместе с ярмарочными формами торговли и особенностями ведения рыночных отношений Россия открыла для себя и многочисленные зрелищно-игровые формы европейской культуры – смеховые пьесы кукольных представлений, цирковые номера с дрессурой животных, выступления жонглеров и акробатов. Наравне с торговыми представителями Россию наводнили и гастролеры всякого толка, которые повлияли на свободное развитие ярмарочно-площадных гуляний в России и внесли в них существенные изменения. Уникальность русской ярмарочной культуры заключалась в умении принимать все новое из Англии, Польши, Румынии, Франции, Голландии и адаптировать сочетания различных жанров на русской почве.

Карнавалы, смеховые пьесы, увеселения с участием дрессированных зверей, выступления артистов, карликов, уродов, великанов, шутов, акробатов и многих других представителей европейской западной площадной культуры создавали для простого народа, – по словам М. Бахтина, – «второй мир» [2, с. 25].

Общий уклад жизни русского человека объединял эстетические и экономические стороны ярмарочной культуры. Ярмарка воспринималась как праздник с его свободным словом, фамильярностью, равенством, безудержностью смеха. «Торговля, – по словам русского писателя В. Белова, – всегда сопровождалась обменом культурных ценностей. Национальные мелодии, орнаменты, элементы танца и костюма, жесты и, наконец, национальный словарь одалживались и пополнялись за счет национальных богатств других народов, не теряя при этом основы и самобытности» [3].

Именно на городской ярмарке сельские жители старались провести свое свободное время, видимо, по этой причине отдельные виды сельских празднеств и забав переносятся с оттоком деревенского населения в города.

С течением времени сотни деревенских затейников нашли экономическую выгоду в своем ремесле и сумели «продать» свое искусство потешника на городской ярмарке. Окончательно оторвавшись от деревенского уклада, они стали настоящими профессионалами в ремесле потешника. Забавники сельских увеселений в разных странах имели свои названия. В Польше – франты, в Болгарии – кукеры, в Германии – шпильманы, в России – скоморохи. На первом этапе такого творчества искусство шпильманов-скоморохов отличалось синкретизмом, каждый из них мог танцевать, петь, рассказывать сказки и былины, играть на музыкальном инструменте. На втором этапе творчество шпильманов-скоморохов уже подразделялось по видам: кто-то владел комическим искусством, кто-то цирковым, обладатели дара рассказчика и певцы именовались трубадурами. Отдельные представители творческого и музыкального дара именовались жонглерами (от лат. Jogulator – потешник). Одновременно с творчеством трубадуров развивается творчество вагантов (от лат. Vagari – бродяжничество). Творчество вагантов процветало в XII–XIII веках в Германии, Англии, реже в Северной Италии. Особой популярность ваганты пользовались во Франции, славившейся своей вольностью нравов.

Во 2-й половине XII века в Германии под влиянием творчества трубадуров появляются миннезингеры с песнями, восхваляющими крестовые походы [21]. В творчестве вагантов активно прослеживается бунтарский и антицерковный дух. Выступления артистов основываются на пародии церковных гимнов и обрядов, что в свою очередь вызывает негодование священнослужителей. И трубадуры, и ваганты за свою фривольность были гонимы церковью. Однако, несмотря на явные вольности в этом виде творчества, ни светская власть, ни духовенство не могли устоять перед соблазном просмотра веселых выступлений артистов подобного рода [4].

В XVIII веке в виду особого удачного географического положения и умелой политики Петра I Петербург стал «Окном в Европу» и перевалочным пунктом, местом адаптации зарубежных трупп и отдельных актеров к новым российским условиям и вкусам. С конца XVIII века Петербург представлял собой «вавилонское» смешение языков и традиций. Жизнь северной столицы, в противоположность Москве с ее семейным патриархальным бытом, была сосредоточена на улице. Уличный Петербург имел свой язык, атмосферу, дух ярмарочной стихии. В XVIII веке, замешанном на игровой стихии, театральностью был пронизан быт и государственная деятельность. Сама жизнь воспринималась сквозь призму игры.

Большой популярностью у жителей Северной Пальмиры пользовались заезжие «показыватели кукол» [16, с. 9]. В XVIII «играющем веке» кукольные представления вошли в силу и стали пользоваться огромной популярностью [6, с. 178–179].

Разнообразие форм и видов театра кукол в Петербурге этой поры поражало и вызывало огромный интерес у публики. На ярмарках и гуляниях особой популярностью пользовались выступления петрушечников, каждый из кукольников проигрывал комедию до 10 раз в день и никогда не ощущал недостатка в зрителях.

Первые гастроли русских кукольников начались с благословения Петра Великого. Труппа, состоящая из иностранных кукольников, под руководством Яна Сплавского, отправилась из Москвы по городам Поволжья, с ними же в труппе давал представления и «русской человек Петрушка Иванов» [18].

Многие исследователи сходятся во мнении, что театр Петрушки возник в результате проникновения на ярмарочную площадь наравне с торговыми представителями комедиантов и кукольников из Германии, Франции или Италии. По мнению Б. Голдовского, на формирование кукольного театра в России повлияли представления немецкого кукольника Иоганна Зигмунда со спектаклями «Дон Жуан», «Доротея», «Эсфирь» [6].

Кукольные представления относятся к явлениям фольклорного театра. Эти представления характеризуются высокой степенью условности, именно этому способствует сама природа куклы. После выхода книги М. Бахтина о Франсуа Рабле стала очевидной связь Петрушки и его европейских собратьев с карнавальной культурой Средневековья [2].

Рассмотрим самый яркий персонаж театра «бураттини» – Пульчинелла. Существует мнение, что прототипом Пульчинеллы послужил живой актер. Однако, после раскопок в 1726 году, когда была найдена бронзовая статуя в точности воспроизводящая фигуру и костюм Пульчинеллы, встает вопрос, так кто же был первым из них, кто выступил первый в этой роли – фонтош[1] или живой актер? Несомненным остается лишь одно, Пульчинелла на протяжении многих веков есть и остается душой театра марионеток. Где бы ни ставился балаганчик – везде появлялся Пульчинелла, в Риме – Полличинелла, во Франции – Пунч, в Германии – Гансвурдт, в Испании – Дон Кристоваль Поличинелла, и везде в низменном белом широком костюме, перетянутым кожаным поясом, в остроконечном колпаке, с черной полумаской на лице, с крючковатым носом и большим родимым пятном на щеке. Такая голова и костюм как нельзя больше представляли совершенный тип бураттино и имели наибольшее удобство для того, чтобы привести куклу в движение тремя пальцами. Неизменно Пульчинелла оставался хитрым и безрассудным, а иногда сдержанным и молчаливым, жадным и злым на язык, с неизменной палкой в руках, которую пускал в ход для того, чтобы побить по голове или рогатого дьявола, или полицейского.

Весельчак и остряк, носитель сатирического начала в комедии дель арте Пульчинелла вдохновил писателя А. Толстого в сказочной повести «Золотой ключик, или Приключения Буратино» наделить своего персонажа не только итальянским именем, но и в некоторой степени приписать ему характерные черты Пульчинеллы. Однако Буратино по своему складу больше похож на русского Петрушку – и характером, и сюжетом. Взять хотя бы основную сцену, где Петрушка непременно встречается с городовыми, полицейским или дворником. Герой сказки А. Толстого в своих приключениях так же сталкивается с городовым и подвергается преследованию полицейских. Буратино имеет и такую отличительную черту характера Петрушки, как природная грубость. Вот некоторые высказывания Буратино в адрес Мальвины – «дура девчонка», или Пьеро – «Пьеро, катись к озеру…», или сверчка, в которого он кинул палку, – «я здесь хозяин, убирайся отсюда» [22, с. 4–5]. И, тем не менее, простодушная и доверчивая кукла Буратино, местами хамоватая, грубая и хвастливая, как итальянский Пульчинелла, отражает русские черты характера – это бескорыстие, зачастую во вред себе, отсутствие жадности, нерасчетливость.

Русский Петрушка долго сохранял костюм своих европейских собратьев, кукольных шутов и дураков, мудрецов и забияк: остроконечный колпак, бубенцы, красный кафтан, обязательный горб и огром-

[1] «Фантошей» – итал. – «fantoccini» – фантоши предназначались для увеселения простого народа. Что касается слова «бураттини», то оно применялось к фигуркам, предназначенным для сценок, состоявшим из головы и рук (без туловища), соединенных широким плащом, под которым пряталась рука актера.

ный нос [14, с. 17]. Подчеркнутая семантика гротескного тела – наличие горба и огромного горбатого носа, – амбивалентность образов, где одновременно похвала и брань, разоблачение и смех ставят Петрушку на одну ступень с народной смеховой культурой [17, с. 23–24]. От остальной кукольной братии Петрушка отличается своим писклявым голосом, для чего использовался специальный инструмент – пищик. В театре Петрушки пищик выполнял двоякую роль: первая, где модератор служил для речевой характеристики главного героя, вторая – смех Петрушки – стал основной музыкальной темой спектакля.

Комедия Петрушки представляла ряд сцен, не связанных друг с другом, и была ограничена несколькими куклами, имеющимися в распоряжении кукольника. Представление легко можно было прервать в любой момент, либо поменять сцены местами, либо добавить новые, подходящее к данному моменту. В этом одна из причин популярности представлений театра Петрушки. Легкая приспособляемость, проницательность, злободневность, пропуск сцен без ущерба для всего представления – все-это говорит о том, что комедия Петрушки была самостоятельным представлением, поскольку она при меняла три основные элемента, характерные для комедии дель арте: пользовалась постоянными героями – как главным, так и эпизодическими; показывала этих персонажей в изменяющихся обстоятельствах и в различных взаимоотношениях с партнерами; пользовалась импровизацией [26, с. 166].

Популярность кукольной комедии была так велика, что вдохновила писателей, композиторов использовать образ Петрушки для своих произведений.

Так, Иван Щеглов назвал Петрушку главным героем ярмарки: «… вон… на краю поля белеется низенькая, невзрачная на вид палатка с развивающимся на крыше носовым платком вместо флага… Но, почтение, господа, к этой убогой палатке: в ней живет сам Петр Иванович Уксусов!.. Посмотрите, пожалуйста, около его балаганчика всегда самая плотная и самая довольная толпа… Здесь это какая-то совсем особая нервно-возбужденная толпа, и на всех лицах, от детей до стариков, написано такое напряженно-любопытное ожидание, точно готовится невесть какое блистательное зрелище, – хотя всем отлично известно, что готовится появиться всего лишь маленькая кукольная фигурка с длинным носом и горбом на спине. И вот – о радость! – раздается знакомый пронзительно-гнусавый окрик и в боковой прорехе палатки, образующей нечто вроде открытой сцены, появляется он – главный герой ярмарки – Петрушка… » [25, с. 117].

Е. Сперанский говорил о Петрушке, что он шире понятий «отрицательный» и «положительный», народ выдумал его себе на забаву и на страх властям предержащим [24].

О веселой кукле с восторгом писали М. Горький и Н. Некрасов. Максим Горький считал Петрушку выдающимся героем народной кукольной комедии, который «побеждает всех и все: полицию, попов, даже черта и смерть, сам же остается бессмертен. В грубом и наивном образе трудовой народ воплотил сам себя и свою веру в то, что – в конце концов – именно он преодолеет все и всех» [7, с. 222–223]. А Николай Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» так описывал кукольные представления:

Комедия не мудрая,
Однако и не глупая,
Хожалому, квартальному
Не в бровь, а прямо в глаз! [15].

Композитор И. Стравинский обращался к комедии театра Петрушки. Закончив отрывок своего будущего произведения он искал название, которое выразило бы одном словом характер музыки, а, следовательно, и образ персонажа. «И вот однажды я вдруг подскочил от радости, – вспоминает композитор, – «Петрушка»! Вечный и несчастный герой всех ярмарок, всех стран!» [10].

Часто обращался к кукольным сравнениям и метафорам в своем творчестве и Ф. М. Достоевский. Так, в произведении «Братья Карамазовы» писатель строил некоторые эпизоды в соответствии с традициями французской комедии дель арте. Митя – герой романа, некоторыми своими повадками и поведением напоминает Петрушку. По словам исследователя творчества Ф. М. Достоевского, О. А. Солян-

киной, «образ Федора Павловича в наибольшей степени соответствует комедийному амплуа старика, и вместе с тем глава семейства Карамазовых напоминает героя французского театра пантомимы Пьеро, – именно так назовёт отца Дмитрий» [23]. В своем дневнике Ф. М. Достоевский описывает встречу в Петербургском клубе с художником и актером И. Ф. Горбуновым, который повел его «слушать Петрушку». «Именно слушать, так как в отличие от своих западноевропейских братьев, русская уличная комедия – это по большей части не комедия действа и ритма, а комедия диалога, текста и анекдота» [9, с. 13].

Комедия о Петрушке не знала себе равных по обличительной силе смеха. Исторические и социальные условия России XIX века, особенно второй его половины, способствовали тому, что выступления народных увеселителей приобретали все более злой, сатирический, остросоциальный характер. Но привлекательность комедии для народа была не в сатирическом изображении полицейского, священнослужителя и т. д., не их «развитие» было интересно зрителю, а их «преодоление», их посрамление. А преодолевало их бунтарское начало, заложенное в победном смехе Петрушки. Здесь действовали законы эксцентрики и сценической гиперболы [1, с. 25].

Кукольные спектакли на основе национальных традиций, постоянно приспосабливаясь к ежедневной ситуации, переходят в XX век, где сохраняют, как трофей, непобедимое качество народного и реалистического театра. Неуклонное развитие торговли приводит к умножению крупных ярмарок по всей России, и их периодичная частота, привязанная к национальным праздникам на протяжении всего года, укореняется все больше.

В то же время ярмарочное искусство – не просто искусство, но и товар, подчиняющийся законам рынка. Поэтому, наравне с традиционным, неслыханное и невиданное играло большую роль в ярмарочных развлечениях. Таким образом, на торговых площадях происходила некая диффузия, которая смешивала в себе торговлю и развлечения. Невероятное сочетание всевозможных увеселений и коммерческих операций делало ярмарку не только торговым, но отчасти и духовным центром, где красочно вырисовывались вкусы и нравы народа.

Литература

1. Асеев Б. Н. Русский драматический театр от его истоков до конца XVIII века. – М., 1977. – С. 25.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М., 1990. – 543 с.
3. Белов В. Лад // Очерки о народной эстетике. – Изд. 2-е, перераб. – Л.: Лениздат, 1984. – Ч. III. – 352 с.
4. Брюнель-Лобришон Ж., Дюамель-Амадо К. Повседневная жизнь во времена трубадуров XII–XIII веков. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 440 с. – (Сер. Живая история: Повседневная жизнь человечества).
5. Герберштейн и его историко-географические известия о России. Соч. Е. Замысловского. С прим. мат-лов для географ. атласа России XVI века. – СПб., 1834. – С. 464.
6. Голдовский Б. Летопись театра кукол в России XV–VIII веков. – М., 1994. – Б-ка «Театра чудес».
7. Горький М. О литературе. – М.; Л., 1937. – С. 222–223.
8. Денисов В. И. Ярмарки. – СПб., 1911. – С. 4.
9. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год // Ученые записки Ленингр. гос. пед. ин-та им. М. Н. Покровского. – Л., 1940. – Вып. 2, т. 4. – С. 13.
10. Игорь Стравинский. Диалоги. Воспоминания, размышления, комментарии / А. Н. Крюков. – Л.: Музыка, 1971. – 450 с.
11. Костылев В. В. Театральные перекрестки провинции «В Муром… на ярмарку с женой… » // Первый Муромский сборник. – Муром, 1993. – С. 120.
12. Миллер П. И. Лейпцигская ярмарка. – СПб.: Тип. В. Каршбаума, 1900.
13. Мурашкинцев А. Ярмарка // Энциклопедический словарь. – СПб.: Изд-во Д. Л. Брокгауз, Н. А. Эфрон, 1890. – Т. 82. – С. 811.
14. Народный театр. – М., 1991. – С. 17.
15. Некрасов Н. А. Кому на Руси жить хорошо // Собр. соч.: в 15 т. – Л.: Наука, 1985. – Т. 5.
16. Некрылова А. Ф. Куклы и Петербург // Кукольники в Петербурге. – СПб., 1995. – С. 9.
17. Некрылова А. Ф. Традиционная архитектоника народной кукольной уличной комедии // Международный симпозиум историков и теоретиков театра кукол: сб. ст. – М., 1984. – С. 23–34.

18. РГАДА. – Ф. 40. – Д. 1. – Л. 4. См.: 1699, 1701, 1702. Ср.: 1750.
19. Регламент или Устав главного магистрата 16 января 1721 года // Реформы Петра I: сб. док. / сост. В. И. Лебедев. – М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1937.
20. Перетц В. Н. Кукольный театр на Руси. Исторический очерк // Отдельный оттиск «Ежегодника императорских театров» сезона 1894–1895 годов. – СПб., 1895; М., 1991. – С. 11.
21. Поэзия трубадуров; Поэзия миннезингеров; Поэзия вагантов. – М., Художест. лит., 1974. – 575 с.
22. Сказки о Деревянном Человечке: сб. – Минск: Изд-во «Універсіеэцкае», 1998. – С. 4–5.
23. Солянкина О. А. Жанровый генезис романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы (традиции комедии, водевиля, фельетона)»: автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 2010.
24. Сперанский Е. В. Актер театра кукол. – М.: ВТО, 1965. – 156 с.
25. Щеглов И. Народ и театр. – СПб., 1911. – С. 117.
26. Юрковский Хенрик. История театра кукол (от Античности до романтизма) / Паньствовы ин-т выдавничи; пер. с пол. И. Жаровцовой. – Варшава, 1970. – Машинописная копия // Архив театра кукол им. С. Образцова, ф. д. № 5257.

Literatura

1. Aseev B. N. Russkij dramaticheskij teatr ot ego istokov do konca XVIII veka. – M., 1977. – S. 25.
2. Bahtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura Srednevekov'ja i Renessansa. – M., 1990. – 543 s.
3. Belov V. Lad // Ocherki o narodnoj estetike. – Izd. 2-e, pererab. – L.: Lenizdat, 1984. – Ch. III. – 352 s.
4. Brjunel'-Lobrishon Zh., Djuamel'-Amado K. Povsednevnaja zhizn' vo vremena trubadurov XII–XIII vekov. – M.: Molodaja gvardija, 2003. – 440 s. – (Ser. Zhivaja istorija: Povsednevnaja zhizn'chelovechestva).
5. Gerbershtejn i ego istoriko-geograficheskie izvestija o Rossii. Soch. E. Zamyslovskogo. S prim. mat-lov dlja geograf. atlasa Rossii XVI veka. – SPb., 1834. – S. 464.
6. Goldovskij B. Letopis' teatra kukol v Rossii XV–VIII vekov. – M., 1994. – Biblioteka Teatra chudes.
7. Gor'kij M. O literature. – M.; L., 1937. – S. 222–223.
8. Denisov V. I. Jarmarki. – SPb., 1911. – S. 4.
9. Dostoevskij F. M. Dnevnik pisatelja za 1876 god // Uchenye zapiski Leningrad. gos. ped. in-ta im.M. N. Pokrovskogo. – 1940. – Vyp. 2, t. 4. – S. 13.
10. Igor' Stravinskij. Dialogi. Vospominanija, razmyshlenija, kommentarii / A. N. Krjukov. – L.: Muzyka, 1971. – 450 s.
11. Kostylev V. V. Teatral'nye perekrestki provincii «V Murom… na jarmarku s zhenoj… » // Pervyj Muromskij sbornik. – Murom, 1993. – S. 120.
12. Miller P. I. Lejpcigskaja jarmarka. – SPb.: Tip. V. Karshbauma, 1900.
13. Murashkincev A. Jarmarka // Enciklopedicheskij slovar'. – SPb.: Izd-vo D. L. Brokgauz, N. A. Jefron, 1890. – T. 82. – S. 811.
14. Narodnyj teatr. – M., 1991. – S. 17.
15. Nekrasov N. A. Komu na Rusi zhit' horosho // Sobr. soch.: v 15 t. – L.: Nauka, 1985. – T. 5.
16. Nekrylova A. F. Kukly i Peterburg // Kukol'niki v Peterburge. – SPb., 1995. – S. 9.
17. Nekrylova A. F. Tradicionnaja arhitektonika narodnoj kukol'noj ulichnoj komedii // Mezhdunarodnyj simpozium istorikov i teoretikov teatra kukol: sb. st. – M., 1984. – S. 23–34.
18. RGADA. – F. 40. – D. 1. – L. 4. Sm.: 1699, 1701, 1702. Sr.: 1750.
19. Reglament ili Ustav glavnogo magistrata 16 janvarja 1721 goda // Reformy Petra I: sb. dok. / sost. V. I. Lebedev. – M.: Gos. soc.-ek. izd-vo, 1937.
20. Peretc V. N. Kukol'nyj teatr na Rusi. Istoricheskij ocherk // Otdel'nyj ottisk «Ezhegodnika imperatorskih teatrov» sezona 1894–1895 godov. – SPb., 1895; M., 1991. – S. 11.
21. Pojezija trubadurov; Pojezija minnezingerov; Pojezija vagantov. – M.: Hudozhestv. lit., 1974. – 575 s.
22. Skazki o Derevjannom Chelovechke: sb. – Minsk: Izd-vo «Universiejeckae», 1998. – S. 4–5.
23. Soljankina O. A. Zhanrovyj genezis romana F. M. Dostoevskogo «Brat'ja Karamazovy (tradicii komedii, vodevilja, fel'etona)»: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. – M., 2010.
24. Speranskij E. V. Akter teatra kukol. – M.: VTO, 1965. – 156 s.
25. Shheglov I. Narod i teatr. – SPb., 1911. – S. 117.
26. Jurkovskij Henrik. Istorija teatra kukol (ot Antichnosti do romantizma) / Pan'stvovy in-t vydavnichi; per. s pol. I. Zharovcovoj. – Varshava, 1970. – Mashinopisnaja kopija // Arhiv teatra kukol im. S. Obrazcova, f. d. № 5257.

УДК 008:001.8 13.09

Е. Г. Хотько

КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР ВИКЛЕИМ КАК ФЕНОМЕН ЯРМАРОЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается феномен народного кукольного театра Румынии – виклеим, ярмарочное представление театра кукол с участием персонажа Василаке, его эволюционирование, влияние европейского, русского и турецкого кукольных театров на развитие светского кукольного театра Румынии.

Ключевые слова: ярмарочные представления, виклеим, кукольный театр Василаке.

E. G. Khotko

PUPPET THEATRE VIKLEIMUL AS A PHENOMENON OF FAIR CULTURE

The article examines the puppet theater in Romania, which was and remains an integral part of the Romanian national, including the fairs and street culture. Puppet street performances are a bright distinctive phenomenon with long history, established traditions, form a stable repertoire and range of basic characters.

Folk puppet theater appeared in Romania at the end of XVII – beginning of XVIII century. There is a perception that the puppet theater of Romania was an imitation of the Turkish puppet theater. However, we cannot exclude other ways influenced the development of the Romanian puppet theater, Ukrainian form of puppet theater *wertep* and Polish *shopka*. Polish shopka went through Ukraine, Belarus, Central Russia, and gave rise to this form of theater.

In Wallachia, a box, in which a puppet show was played, was called Kivot, and it looked like a miniature temple made of boards, paper taped. The main aspect of the action consisted of the main presentation and satirical scenes. Such plays were performed in the homes of villagers and urban neighborhoods. The show was a mixed story, mixed genres and artists who defined the concept of Vikleim. Shopka, Batleika, Wertep had a significant impact on the Romanian puppet theater, which acquired traits in common with the folklore of other nations, so the puppet Romania was originally decorated with art that is firmly linked to the national identity.

There is a whole category of heroes dolls in the history of puppetry, related to the same archetype, namely, expressive, feeling good, morale, supporting confidence in the inexhaustible power of the people. Such a hero in Russia was Petrushka, in England was Punch, in Italy was Pulcinella. These dolls have become folk heroes for puppet comedies, taking over the police, tricksters and even death, they themselves remain immortal.

Just like Parsley, Punch or Pulcinella, Romanian Vasilache was undefeated in his unmasking regard. We can assume that Vasilache his wit and habits resembled Russian Petrushka. This is evidence by the similarity of the trade fair presentation of Russian Petrushka and Romanian Vasilache, dolls' clothes, and puppeteer equipment. Fair Vasilache puppet theater for a long time continued to be the sole representative of the Romanian puppetry art.

Keywords: fair presentation, vikleimul, puppet theatre Vasilake.

Феномену виклеима и главному персонажу ярмарочных представлений – Василаке (румынскому Петрушке) – более ста лет. Однако в отечественной не только учебной, но и в научной современной литературе практически об этом явлении нет никаких развернутых сведений.

Между тем кукольный театр – составная часть румынской национальной, в том числе – ярмарочной культуры. Это – яркое самобытное явление, имеющее свою длительную историю, сложившиеся традиции, формы, устойчивый репертуар и определяющий раз и навсегда круг основных персонажей.

Народный кукольный театр появился на территории Румынии в конце XVII – начале XVIII века. Тогда же появляются и первые, пусть весьма схематичные, тексты, которые были скорее похожи на краткий комплект драматического произведения. В 1805–1806 годах особым успехом пользуются короткие театральные пьесы с оригинальным сатирическим сюжетом. Одна из них называлась «Комедия бана Констандина Канта» и была написана молдавским писателем Констаке Конаки в содружестве с Николаем Димаки и Д. Белдиманом. Вторая пьеса – «Женский суд» – переработка комедии Аристофана, сделанная тем же самым Конаки, была написана в сатирическом стиле [13].

Опираясь на эти сведения, можно утверждать, что в начале XVIII века до появления первых театральных сообществ и до первых светских театральных спектаклей Георгия Асаки в Яссах в домах гетмана Гика или до первых румынских представлений театра «Красный родник» в 1819 году, уже существовала та форма искусства, которая известна как «кукольничество». Где именно игрались названные пьесы и где действовали эти кукольные театры, при дворе или в каком-нибудь общественном месте, не известно [5, с. 6–7].

Не известно также, были ли эти пьесы написаны для театра, в котором принимала участие перчаточная кукла Василаке, или это были пьесы для кукольного виклеима.

Проблема аутентичности, определения степени самобытности румынской игры кукол не может рассматриваться вне влияний, оказанных на ее развитие, но тот факт, что становление в Румынии независимой формы светского театра совпадает с появлением на территории страны пришедшего с востока фарса Карагез имел свои последствия; но ни в коем случае турецкая игра кукол не может считаться определяющим элементом оригинального народного сатирического театра. Четкие похожие черты двух модальностей кукольного театра подчеркнуты Лазэрем Сэиняну в исследовании «Игра кукол, ее взаимоотношения с фарсом Карагез» [11]. Заново находятся общие направления сатиры и некоторая похожесть типажей. Карагез и Хаджи Айват как бы подходят Паяцу и Деду из румынского театра. Предметом внимания и там, и там являются социальная реальность и политические отношения, западная мода и неологизмы, неправильное произношение слов иностранцами, другие похожие мотивы, представленные в том же самом направлении – в сторону гротеска и даже аморальности. Также сохраняется дифференциация типажей в первую очередь по национальности и религии как общая манера индивидуализации персонажей. Нужно отметить, что внешние влияния сохранялись долгое время на уровне придворного театра. Фарс Карагез принадлежал к театру теней, был представлен при дворе командой из шести комедиантов, которые были одеты в белые и красные одежды с посеребренными посохами, с очень высокими головными уборами. Они управляли куклами и импровизировали фарс по известной канве: диалог произносился на румынском, греческом и чаще турецком языке, чтобы быть доступным космополитическому составу приглашенных ко двору. Спектакль развертывался за белой простыней, освещенной светильниками, от которых проецировались силуэты, управляющиеся по технике театра марионеток. Удача этих спектаклей зависела во многом от мастерства комедиантов, а также от того, насколько хорошо зритель видел разворачиваемое действо, полное ясных намеков. О древности термина «Карагез» в румынском языке свидетельствует исследование Дмитрия Кантемира «Иероглифическая история» [17], в котором объясняется эта знаменитая маскарадная кукла.

Определенная связь между игрой румынских кукольников и старыми ателланами (такая же индивидуализация типажей с помощью масок, такая же тенденция к гротеску) дала основание Д. Олэнеску, автору работы «Театр у румын» [6], говорить о развитии кукольного театра Румынии из данной примитивной формы римского фарса. Исследование «Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до конца династии Антонинов» Л. Фридлендера [14], которое цитирует Д. Олэнеску, как и знаменитая «История марионеток» Шарля Маньена, действительно говорят о родстве комедии Полишинеля и ателланских фарсов [18]. Но для Румынии ни один документ не подтверждает проникновение данных форм римского театра на территорию ни до, ни после колонизации Дакии. Будучи обоснованной, гипотеза отодвигает начало существования румынского театра назад в прошлое, а именно в римскую Античность, где соединяет многие аспекты связи с фольклором Европы.

Николай Йорга, в свою очередь, считал румынскую игру кукол «подражанием турецкого театра марионеток, Карагеза», пришедшего в эпоху фанариотов [10]. В поддержку той же гипотезы высказались и Лазэр Сэиняну [11], Н. Картожан [12].

Между двумя историческими этапами, определяющими формирование румынской игры кукол (римская колонизация и эпоха фанариотов), заключающих в себе во времени и пространстве множество возможных элементов влияния, нельзя исключить также и влияния средневекового религиозного театра через трансильванских венгров, пришедших в румынскую провинцию еще в XIII веке.

Нельзя исключать и другие пути воздействия: украинскую форму кукольного театра – вертеп, польскую – шопку. Шопка (уменьшительно - шопа) в польском языке означает шалаш с соломенной

крышей, ясли. Это религиозное представление библейского сюжета, имеющее место в церкви во время Рождества. Со временем некоторые сцены стали принимать все более светский характер, а в XVIII веке шопка и вовсе теряет свою религиозную направленность, распространяется по городам и селам, переносимая бродячими кукольниками [19].

Из Польши шопка проникла в XVIII веке на Украину, Белоруссию, Центральную Россию, где дала начало такой форме как вертеп (шалаш) [15, с. 73–75]. Определение это пришло от ящика для кукольных спектаклей и перешло на характеристику самого представления, которое состояло их двух разных элементов, определяемых структурой ящика. Ящик театра вертеп состоял из нижней части – «земля и ад» и верхней – на этаже домика. Иногда верхний этаж называли – небо. Части накладывались одна на другую. Внизу представляли короткие сцены – сатирические, взятые из реальности, без взаимосвязи одна с другой, вверху – на этаже – представляли эпизоды религиозного характера, как, например, поклонение волхвов, избиение младенцев Иродом и т. д. [16, с. 47].

Известно, что в Валахии ящик, в котором игрались кукольные представления, назывался «“кивот” и выглядел он как миниатюрный храм, сделанный из дощечек, обклеенных бумагой, пропитанной для большой прозрачности растительным маслом. Бумага расписывалась рисунками с видами Вифлеема: сада царя Ирода, части городской площади» [6, с. 95].

В Молдавии ящик назывался хырзоб «он был “одет” изнутри и снаружи цветной бумагой и внизу отделан заячьим мехом. Передняя часть имела два больших стеклянных окна, между окнами отверстие, через которое куклы обращались к зрителю» [4, с. 33].

Содержательная сторона действа состояла из основного представления и сатирических сцен, подсказанных самой социальной реальностью того времени. Игрались такие пьесы в домах сельских жителей, в городских кварталах. Завершались представления обычно библейским сюжетом драмы Ирода. Здесь смешанный сюжет, смешанные жанры и исполнители: представление, инспирированное Библией, религиозный сюжет (Ирода), исполненный актерами, кукольное представление светского характера, названное виклеим.

Такой своеобразный синтетический театр, где одновременно сосуществовала и кукольная игра с разновидностью театра живого актера, поддерживаемого церковью, значительно облегчал доступ кукольника к широким слоям городского и сельского населения. К концу XIX века практика театра виклеима становится антрепризой, кукольный театр теряет все больше и больше зрителей.

Несомненно, румынский кивот и молдавский хырзоб являются тем видом кукольного театра, который известен как польская шопка, белорусская батлейка, вертеп в России – они оказали существенное влияние и воздействие на румынский кукольный театр, который обретал черты, общие с фольклором других народов. Очевидно и то, что кукольное искусство Румынии изначально получило черты искусства, которое крепко связано с местной жизнью, с национальной самобытностью.

Начавшееся с конца XVIII века и продолжавшееся все последующее время ухудшение положения крестьянства все больше усугублялось, а фанариотские князья и тяжелое турецкое иго усиливали угнетение простого народа. Многочисленные заметки иностранных путешественников, проходящих через Румынию, свидетельствуют об отчаянном положении жизни румынского крестьянина.

Эти же документы говорят о злоупотреблениях управляющих, о вооруженных отрядах официальной власти, подавляющих протест масс. Такие реальности подготовили появление «светской куклы» и сделали так, что в первый период становления кукольной игры ее атакующие диалоги были направлены против знаменательных фигур из общественной жизни, иногда похожие до физической идентификации с реальными персонажами: духовенства, армии, феодального боярства и даже представителей верховной власти. Ценным индикатором популярности кукольных представлений, показывающих власть как ее видит простой народ, является документ о запрете представлений – «куклы не будут носить военных одежд или не будут похожи на какую-нибудь личность, а будут обычными и не будут употреблять грязных слов, или затрагивать правительство, либо какую-нибудь личность» [2].

Постепенно игра кукол теряет свою боевитость. Повторные репрессивные меры, навязываемые кукольному уличному театру, цензура тематики, постоянный контроль над командами кукольников

сглаживают ядовитость сатиры. Все запреты, предназначенные покончить с протестной активностью, вызвали волну активности среди жителей Румынии, в комиссариаты полиции в Бухаресте от жителей районов Флэмында, Табач, Влэдика, Пантелимон, Новая Деля было подано множество заявлений для разрешения деятельности кукольных театров. Эти районы объявляют себя гарантами своих команд виклеима и просят разрешения на представления: «без костюмов, которые имитируют военных и духовенство, только с одной флейтой, одним кларнетом и кимвалом, без барабана и только до 12 ночи» обязуется Петраке Григорий из района Слободзия показывать свои кукольные представления вместе с 16 мальчиками, которыми управляет [1, с. 32]. «Не будут носить аморальных костюмов, не будут устраивать беспорядки и не будут пользоваться шумными инструментами», – гарантируют таким же образом Маноле Николай и Йордан Антон [3, с. 8, 50]. «Без костюмов и только с простым Паяцем», – объявляют Александру Константин и Опря Опреску [9, с. 13].

В комиссариаты Бухареста, в префектуры полиции Яссы и других городов страны поданы были сотни гарантийных писем, новых прошений и разрешений на деятельность команд виклеима.

И, тем не менее, критическое отношение народного автора к реальности оставалось в целом тем же. Так, в молдавском тексте, собранным Т. Бурада, кукольное представление начинается с песни чабана и неожиданно заканчивается сценой, в которой появляется Наполеон Бонапарт. И хотя нападки куклы направлены теперь были на гораздо более узкую социальную среду, настроение простого народа остается прежним, они скептически относится к торговцам, представителям духовной власти, завоевателям.

Среди персонажей светского представления, указанных Теодором Бурада, значатся куклы: Василаке, Гачица – его жена, дочь Чубэроаи, могильщик, турок, казак, дьякон из церкви, господин Лейба Бадраган, калека, мышь и кошка.

В варианте из Мунтении, собранном Г. Дем. Теодореску, типы более определенные и более репрезентативные с социальной точки зрения: продавец кисломолочных продуктов, бражник, житель Олта, охотник, госпожа Марица, поп, дьякон, русский, турок.

Для достижения комического эффекта артисты пользуются особенностями произношения иноземцев. Ирония, однако, не обходит ни диалект жителя Олта, ни еще менее скверный французский прононс госпожи Марицы. Однако, супружеская неверность Василаке, капризы старой девы, хвастовство Гиндэ Охотника, конкуренция между яуртником и бражником, другие подобные жизненные аспекты интересуют социальную сатиру только в той мере, в которой доказывают моральное здоровье народа и его вкус. Реалистичное изображение действительности, интерес, который пробуждает в массах игра кукол, переданная устной традицией из поколения в поколение, определяют в комплексе народно-румынской драмы оригинальность и свой собственный способ выражения.

Активное развитие торговли в течение XIX века приводит к умножению больших рынков по всей территории страны, а их частота, привязанная к национальным праздникам на протяжении всего года, укореняется все больше. Купцы настойчиво просят у правительства разрешения таких рынков в своих владениях [8]. Контракты между крестьянами и торговцами становятся все более тесными и благодаря этому возникают перспективы новых социальных отношений.

Выражением хорошего тона и остроты ума становится народный герой кукольного представления по имени Василаке, который с успехом входит в традицию народного ярмарочного театра. Сатирический театр Василаке развивается на рынках при поддержке простой публики, которая находит в представлении протестную позицию.

В истории кукольного искусства существует целая категория героев, родственных одному и тому же архетипу, а именно – выразителю хорошего народного чувства и боевого духа, поддерживающего уверенность в неисчерпаемой силе народа. Таким героем, выразителем боевого народного духа, в России был Петрушка, в Англии – Панч, в Италии – Пульчинелла. Эти куклы стали народными героями кукольных комедий, по очереди побеждающие полицию, обманщиков и даже смерть, сами же оставаясь бессмертными. В грубой и наивной форме игры уличных кукольных представлений народ воплощал уверенность в том, что он тоже остается непобедимым.

Так же, как Петрушка, Панч или Пульчинелла, как и все народные герои, румынский Василаке остается непобежденным в своем демаскирующем отношении. Веселый Василаке страдал от представителей установленного порядка, «которые не переносили кукол с открытым лицом и широкой улыбкой» [5, с. 25], тем более не любили, чтобы Василаке громко говорил неприглядную правду в адрес несправедливого социального устройства.

Несомненно, Василаке, личность отважная и бескомпромиссная, своим острословием и повадками напоминал русского Петрушку. И Василаке, и Петрушка были перчаточными куклами, оба одеты в одежду простолюдина – рубашка с высоким воротом, на голове у той и у другой куклы шутовской колпачок. От Петрушки Василаке отличало лишь лицо – огромные глаза правильной формы, рот с плотно сжатыми губами придавали всему облику благородство и сдержанность натуры, тогда как Петрушка имел миндалевидные чуть раскосые глаза и широко открытый рот. Оба были любимцами публики, острыми на язык, с неизменными дубинками, которые пускались в ход по любому случаю. Представления и русского ярмарочного театра Петрушки, и румынского Василаке имели схожесть по сценкам, и тот, и другой были насыщены национальным материалом – шутками, присказками, пословицами.

Оборудование румынского кукольника на ярмарках было очень простым и легко переносимым: маленькая ширма, холст, который скрывал кукольника и ящик для хранения кукол. Постоянно преследуемый полицией, кукольник был вечно в тревоге – готовый в любой момент к бегству. Так что это мобильная инсталляция была очень удобна.

Искусство кукольника передавалось от отца к сыну, также устно «по наследству» передавались и тексты, которые, не будучи писанными, не подлежали официальной цензуре. Именно поэтому эта категория простых людей, которые добывали свой хлеб честно и без компромиссов, открыто преследовалась.

В начале XX века среди румынских ярмарочных кукольников считались самыми лучшими Константин Пунте и его ученики К. Борцш, Илие Добре и Ионице Георге, кукольник – венгр Штефан Сабо [5, с. 25]. Одевались куклы обычно на руку, иногда управлялись нитями, иногда это были головки кукол, одетые на пальцы рук. Все куклы изготавливались из дерева и материала. Кроме Василаке и Мариоары в представлении участвовали куклы – жандарм, священник, толстый торговец, напыщенный франт и другие похожие фигуры из верхушки румынского общества.

Остается знаменательным тот факт, что публика ярмарок, состоящая, как правило, из простых крестьян, на которых в полной мере и проявлялась сила бояр и влияние церкви, активно поддерживала кукольный театр, способствующий постепенному разрушению авторитета данного класса.

Румынский кукольный театр имеет свои специфические черты. Внедрение кукольного театра в контекст народной драмы в Румынии, с одной стороны, подчеркивает общие условия, в которых эта форма театра возникла, а, с другой стороны, определяет в рамках того же драматического рода народного искусства специфику кукольного театра, его собственный уровень артистической экспрессивности. Взятые из жизни конфликты и ситуации, присущие эпохе, узнаваемые типажи, – все это обеспечивало спектакли фундаментальной размеренностью, реализмом.

Позиция, с которой раскрывается правда в энергично очерченных красках, остается той же, а огромная способность охватывать социальный феномен и широкое влияние, которое она оказывает на массы, приближает игру кукол к тем же целям, которым служат другие формы проявления народного светского театра.

Тексты кукольных представлений проявляют драматическую модальность игры кукол, технику индивидуализации типов, фактуру смешного или комизма, направление данной игры к новым формам развития.

В более новых вариантах адаптирование текста к новым временны́м реальностям, словарный запас персонажей, оснащенный неологизмами, осовременивание музыки, аккомпанирующей представлению, подтверждает одну из основных характеристик жанра: способность оперативно отражать в историческом и лингвистическом аспекте новые реальности ежедневной жизни, мгновенные зарисовки социальной реальности эпохи, порой с прямой и безжалостной сатирической силой, а иногда и наивные эпизоды с сатирической формулировкой, мотивы вдохновения, разная манера поведения –

все вместе представляет драматический материал игры кукол Румынии. Это тот театр, в котором индивидуализируется с драматическими средствами целая галерея социальных типов. Это тот театр, где с неизбежностью в действие вовлекается зритель, а все представление имеет прямую воспитательную функцию.

В таком театре процесс индивидуализации достигается не тонкими психологическими характеристиками, дифференцировка осуществляется непосредственно, по главным чертам, акцентируя внимание зрителя на социальном статусе персонажа в первую очередь. Комизм же проистекает и из рудиментарных форм пародий, и из прямых намеков, и из наивных лингвистических дериваций. Кукольные персонажи вызывают смех своими подчеркнутыми физическими свойствами, гипертрофированными чертами характера. Точное их определение возникает только в развитии действия, когда отрицательная черта, которая достойна осуждения, противопоставляется активным комментарием, когда игра становится зеркалом души.

Кукольный спектакль на ярмарочной площади Румынии занимает все большее пространство и на основе традиций, постоянно приспосабливаясь к ежедневной ситуации, переходит в XX век, где сохраняет как наследство непобедимое качество народного, реалистического театра. Выдавленный на периферию артистической жизни, ярмарочный театр еще долго продолжает оставаться единственным представителем румынского кукольного искусства.

Литература

1. Arhivele Statului. Fond Minister din Lăunturu, Comisia de Negru. – Bucureşti. – Dosar 168/1860. – P. 32.
2. Arhivele Statului. Fond Minister din Lăuntru. – Bucureşti. – Dosar 133/1865.
3. Arhivele Statului. Fond Minister din Lăunturu, Comisia de Negru. – Bucureşti. – Dosar 168/1864. – P. 8, 50.
4. Burada T. Istoria Teatrului în Moldova. – Bucureşti, 1922. – P. 33.
5. Gîtză Letiţia. Teatrul de papuşi romînesc. – Bucureşti, 1963. – 64 p.
6. Ollănescu D. Teatrul la Romîni // Analele Academie Romîne. – Ser. II. – T. XVIII, 1895–1896. – P. 95.
7. Acta păpuşarilor şi irozilor din 1864, Arhiva primăriei din Iaşi.
8. Arhivele Statului. Fond Minister din Lăuntru, Administrative Infiintări de tîrguri şi bîlciuri în tară. – Bucureşti. – Dosar 82/1844, 53/1856, 112/1860, 53/1861.
9. Arhivele Statului. Fond Minister din Lăuntru, Comisia de Albastru. – Bucureşti. – Dosar 20/1869. – P. 13.
10. Iorga N. Dări de seamă despre Teodor Burada, Istoria Teatrului în Moldova // Revista Istorică. – 1915. – Iunie. – Nr. 6. – P. 121.
11. Lazăr Săineanu Jocul păpuşilor şi raporturile sale cu farsa Karagöz. – Bucureşti, 1900.
12. Cartojan M. Cărtile populare în literatura romînească. – Bucureşti, 1938. – Vol. II.
13. Соч. // Primii noştri poeţi. – Bucureşti, 1954.
14. Friedländer L. Moeurs romaines d'Auguste aux Antonins, II. – P. 338–366; tr. Franc., chez Rothschild, 1865–1874.
15. Барышев Г. И. Театральная культура Белоруссии XVIII века. – Минск: Наука и техника, 1992. – 293 с.
16. Виноградов Н. Н. Белорусский вертеп // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. – СПб., 1908. – Т. XIII, кн. 2. – 84 с.
17. Кантимир Д. Иероглифическая история. – Кишинев, 1957. – 432 с.
18. Маньен Ш. История марионеток Европы с древнейших времен до наших дней / пер. Озелли. – Машинописная копия // Архив музея ГАЦТК, ед. хр. Р-220.
19. Юрковский Х. История театра кукол (от Античности до романтизма). Паньствовы институт выдавничи / пер. И. Жаровцевой. – Машинописная копия. – Варшава, 1970 // Архив театра им. С. Образцова, ед. хр. № 5254.

Literatura

1. Arhivele Statului. Fond Minister din Lăunturu, Comisia de Negru. – Bucureşti. – Dosar 168/1860. – P. 32.
2. Arhivele Statului. Fond Minister din Lăuntru. – Bucureşti. – Dosar 133/1865.
3. Arhivele Statului. Fond Minister din Lăunturu, Comisia de Negru. – Bucureşti. – Dosar 168/1864. – P. 8, 50.
4. Burada T. Istoria Teatrului în Moldova. – Bucureşti, 1922. – P. 33.
5. Gîtză Letiţia. Teatrul de papuşi romînesc. – Bucureşti, 1963. – 64 p.
6. Ollănescu D. Teatrul la Romîni // Analele Academie Romîne. – Ser. II. – T. XVIII, 1895–1896. – P. 95.
7. Acta păpuşarilor şi irozilor din 1864, Arhiva primăriei din Iaşi.

8. Arhivele Statului. Fond Minister din Lăuntru, Administrative Infiintări de tîrguri şi bîlciuri în tară. – Bucureşti. – Dosar 82/1844, 53/1856, 112/1860, 53/1861.
9. Arhivele Statului. Fond Minister din Lăuntru, Comisia de Albastru. – Bucureşti. – Dosar 20/1869. – P. 13.
10. Iorga N. Dări de seamă despre Teodor Burada, Istoria Teatrului în Moldova // Revista Istorică. – 1915. – Iunie. – Nr. 6. – P. 121.
11. Lazăr Săineanu Jocul păpuşilor şi raporturile sale cu farsa Karagöz. – Bucureşti, 1900.
12. Cartojan M. Cărtile populare în literatura romînească. – Bucureşti, 1938. – Vol. II.
13. Соч. // Primii noştri poeţi. – Bucureşti, 1954.
14. Friedländer L. Moeurs romaines d'Auguste aux Antonins, II. – P. 338–366; tr. Franc., chez Rothschild, 1865–1874.
15. Baryshev G. I. Teatral'naja kul'tura Belorussii XVIII veka. – Minsk: Nauka i tehnika, 1992. – 293 s.
16. Vinogradov N. N. Belorusskij vertep // Izvestija Otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti Imperatorskoj akademii nauk. – SPb., 1908. – T. XIII, kn. 2. – 84 s.
17. Kantimir D. Ieroglificheskaja istorija. – Kishinev. 1957. – 432 s.
18. Man'en Sh. Istorija marionetok Evropy s drevnejshih vremen do nashih dnej / per. Ozelli. – Mashinopisnaja kopija // Arhiv muzeja GACTK, ed. hr. R-220.
19. Jurkovskij H. Istorija teatra kukol (ot antichnosti do romantizma). Pan'stvovy institut vydavnichi / per. I. Zharovcevoj. – Mashinopisnaja kopija. – Varshava, 1970 // Arhiv teatra im. S. Obrazcova, ed. hr. № 5254.

УДК 39

Н. Д. Ултургашева, Д. В. Новиков, И. Г. Ултургашева

ТРАДИЦИОННОСТЬ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ТЕЛЕУТОВ (на примере д. Шанда Гурьевского района Кемеровской области)

В статье на основе полевых исследований авторов оценивается современная этнокультурная ситуация у телеутов, компактно проживающих в Гурьевском районе Кемеровской области. В этой связи затрагиваются этноэкологические и этносоциальные проблемы указанного исследовательского полигона.

Ключевые слова: телеуты, этническая культура, обряды, преемственность традиций, религиозный синкретизм, инновации в развитии и трансляции телеутской культуры, выживание этноса, экологическое равновесие, маргинализация.

N. D. Ulturgasheva, D. V. Novikov, I. G. Ulturgasheva

TRADITIONAL CHARACTER IN DAILY ACTIVITY OF MODERN TELEUTS (on the example of Shanda village of Guryevsky district in Kemerovo region)

In the summer of 2013, we carried out expedition to Shanda village of Guryevsky district in Kemerovo region. Here representatives of the Teleut ethnos live. The purpose was to reveal nature of modern ethnocultural processes in this environment. Directly the settlement is adjoined by the meadows which considerable part is occupied with dumps of Shestakovsky and Bachatsky coal mines. According to informants, the main economic occupation is agriculture (truck farming). Absence here of lines specific to Teleuts is caused by character borrowed for them. On our vision, confirmed by the informants, number of farms containing the livestock today is rather insignificant. During supervision and conversations with respondents, a high extent of marginalization of the population was revealed. It is shown, for example, in regular alcohol intake by considerable part of Shanda inhabitants. The neighbourhood of coal mines was estimated by our informants as a whole as "disastrous" for the surveyed group of the population. The recreation center functions in the village. In its territory at the time of our research, the ethnic platform was created. The applied art (embroidery, knitting), according to respondents, is not practised today. According to memoirs of our informants, the national clothes were daily used till last decade of the XX-th century. Informants spoke about traditional ways of skin manufacture, sheepskins, tailoring of fur coats only in the past tense. On our supervision (and to estimates of respondents),

kitchen is the most keeping the positions in the household sphere aspect of traditional culture. On religion the informants interrogated by us surely called themselves to Christians. There are also elements of primordial beliefs. Cultural workers in an interview called the traditional musical instruments lost so far. According to local population, national types of songs, oral creativity as a whole remains only among women of middle (on recreation center activities) and senior age groups. Names of national games were also listed. During an interview, respondents noted that representatives of young generation of Teleuts hesitated about the national identity. Certain informants consciously named the elements of traditional way of life. So, representatives of the Uskoyev family planned (at the time of conversation) carrying out the national wedding. As a whole, for today informants note withdrawal of bulk of autochthonic inhabitants of the settlement from the national culture. Regular reproduction of elements of traditional character (often stylized) belongs today to the sphere of art, creativity (the staff of recreation center). Thus, it is possible to state the existence of only separate fragments of traditional character, among the Teleuts surveyed by us. Generally their reproduction is connected with innovative forms of ethnic culture revival (within work of rural recreation center scenic statement of ceremonies, holidays, spoken word creativity and dances; the stylized forms of primordial clothes are used. As a whole, it is possible to draw a conclusion on absence in the territory of national culture surveyed by us as complete system.

Keywords: Teleuts, ethnic culture, ceremonies, continuity of traditions, religious sinkretizm, innovations in development and translation of the Teleut culture, an ethnos survival, ecological equilibrium, marginalization.

Кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного университета культуры и искусств ежегодно отслеживается этнокультурная ситуация в местах компактного проживания автохтонных этносов Кемеровской области. Это осуществляется в рамках фольклорно-этнографической практики студентов.

Так, летом 2013 года нами проводилась экспедиция в д. Шанда (это название в переводе с языка телеутов означает «Звенящая гора») Гурьевского района. Здесь компактно проживают представители телеутского этноса.

Цель экспедиции – выявить характер современных этнокультурных процессов в данной среде. На этой основе были сформулированы следующие задачи:

- рассмотреть состояние традиционных комплексов материальной и духовной культуры телеутов на момент обследования;
- показать роль местной творческой интеллигенции в сохранении и развитии традиционных форм культуры;
- изучить формы хозяйственной специализации данной группы населения;
- определить место традиционной обрядности в современном быту;
- охарактеризовать степень сохранности национальных видов танцев, песен, иных видов народного художественного творчества;
- рассмотреть вопросы функционирования исконных элементов прикладного творчества, национальных ремесел, одежды и традиционной кухни.

Определив телеутское население д. Шанда в качестве обследуемой генеральной совокупности, мы условно разделили его на однородные группы (по возрастному критерию, а также исходя из степени маргинализации), внутри каждой из них провели случайный отбор. Сбор первичных данных проводился методами интервьюирования, опроса информантов (по заранее подготовленному вопроснику), простого наблюдения.

Традиции проживающих на территории Кемеровской области телеутов достаточно полно отражены исследователями. Так, у лингвиста Г. Г. Фисаковой и В. А. Беленко представлен историографический обзор по данной теме до 1990 года. Здесь же содержатся общие сведения об этом этносе; характеризуется состояние культуры (по некоторым духовным и материальным аспектам); детально описаны образцы национальной одежды и фольклора [2; 3; 18; 19]. Сотрудники экомузея «Чолкой» в своей брошюре говорят о практическом значении музея и его экспозиций; приводят основные вехи прошлого телеутского народа, содержание одной из легенд [5]. Этническую историю бачатских телеутов изучает и кандидат культурологии, доцент Т. И. Кимеева, которая анализирует характерные для них хозяйственно-культурные типы, традиционные верования, мировоззрение, игры. Опираясь на мате-

риалы ряда сибирских музеев, Т. И. Кимеева и Л. И. Тыдыкова подробно рассматривают технические и технологические аспекты телеутских ремесел, тенденции их формирования и возможности сохранения [9]. На основании собственных полевых исследований и предшествующих работ профессор Д. В. Кацюба освещает в своих трудах вопросы, касающиеся обрядности, семейно-брачных отношений, религиозных верований, характера отражения духовной культуры в орнаменте, традиционных видов поселений, построек, комплексов одежды, ремесленного производства и предметов быта, национальной кухни, истории телеутов, а также возможности введения этнографии в программу средней школы [6; 7; 8]. Кандидатом исторических наук Е. П. Батьяновой представлена классификация этнографических групп данного народа, основанная на принципе историзма. С позиций системного подхода охарактеризована традиционная телеутская община, изложены результаты ее структурно-функционального анализа [1]. В работах доктора исторических наук, профессора Д. А. Функа детально отражены этническая история бачатских телеутов, способы хозяйствования и материальная культура, духовные традиции. В частности, им подробно рассматриваются технологии и техника национальных способов плетения из кожи (на основе личных наблюдений автора, реконструкций и музейных коллекций); проблемы и перспективы исследований телеутского фольклора в целом, его жанров, сущность национальных игр и развлечений, историография этой тематики; анализируются шаманские и эпические аспекты культуры данного этноса [20; 21; 22; 23; 24]. Кандидатом исторических наук А. А. Насоновым затрагивается история распространения ламаизма в среде телеутов в контексте анализа межконфессионального взаимодействия на юге Западной Сибири рубежа XIX–XX веков [10]. Исследователями КемГУ (доктор исторических наук, профессор А. Н. Садовой, кандидат исторических наук В. В. Поддубиков) в течение последних десятилетий отрабатываются механизмы проведения этнологической экспертизы в местах компактного проживания автохтонного населения. Так, анализу подвергаются социально-экономические, демографические и этнополитические аспекты существования телеутского этноса. В частности, оценивается характер влияния угледобывающих предприятий и других факторов на состояние традиционных систем жизнеобеспечения. В адрес региональных органов власти направляются соответствующие рекомендации [4; 12; 13; 14; 15; 16; 17].

Мы предполагаем, что современное развитие этнической культуры автохтонного населения, проживающего на территории области, выходит за рамки бытовой сферы его жизнедеятельности. Данная ситуация обусловлена потерей многих традиционных черт в результате нивелирующей советской национальной политики.

На наш взгляд, прежде всего, следует охарактеризовать рассматриваемый полигон. Деревня располагается в приграничье лесостепей и лесов. Местность холмистая, пересеченная. Непосредственно к населенному пункту примыкают луга, значительная часть которых занята отвалами угольных разрезов «Шестаковского» и «Бачатского». Наиболее ранняя насыпь покрыта растительностью. Также вблизи находится обрабатываемое поле. Дворы сконцентрированы вокруг возвышенности «Шанту» («Звенящая гора»), имевшей, по сведениям информантов, в традиционном сознании сакральное значение. На вершине установлен памятник местным жителям, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Респонденты (из числа телеутов) сообщили нам русский вариант его названия («Скорбящая мать»). По нашим наблюдениям, отдельные представители старшего поколения (русской части населения) воспринимают памятник как объект христианского поклонения [11].

По словам информантов, основным хозяйственным занятием является земледелие (огородничество) [11]. Набор выращиваемых культур (картофель, свекла, морковь, овощи) является стандартным. Нами зафиксированы указания на практику пашенного земледелия у телеутов в начале XX века. Вероятно, это косвенно свидетельствует о результатах политики перевода полукочевых традиционных обществ Сибири на оседлость в дореволюционный период истории России. Активным проводником данного курса являлась Алтайская духовная миссия [16].

По нашим наблюдениям, подтвержденным информантами, число хозяйств, содержащих домашний скот, сегодня сравнительно невелико. Отмечено использование дикорастущих трав и кустарников в целях заготовки корма для домашних животных.В интервью со стороны респондентов звучали жалобы на сокращение выпасов в результате деятельности разрезов. Результатом явился отказ большинства

хозяйств от разведения домашнего скота. В ходе наблюдений и бесед с респондентами была выявлена высокая степень маргинализации населения. Это проявляется, например, в регулярном употреблении алкоголя значительной частью жителей д. Шанда. К сожалению, мы не имели возможности детального рассмотрения данной проблемы. Констатируя отток молодежи из деревни, наши информанты связывали его, в первую очередь, с отсутствием объектов социальной инфраструктуры (школ, детских садов). В этой связи нам представляется немаловажной и проблема занятости, с которой во многом связан низкий жизненный уровень. Отсутствие рабочих мест в деревне отражает общероссийскую социально-экономическую ситуацию. По сообщениям информантов, местные жители трудоустраиваются в близлежащем совхозе и городах Гурьевске, Белово [11].

Нашими информантами неоднократно отмечалось отсутствие у маргинальной части телеутов (в пределах обследованной нами территории) мотивации к стабильной занятости, иждивенческое отношение к государству и обществу. И здесь мы сталкиваемся с ситуацией, характерной для российского социума в целом, независимо от этнической принадлежности. Пути выхода из нее следует рассматривать в рамках федерального и регионального курсов социальной политики, с учетом мнений специалистов в сфере этнографии. Данную проблему следует рассматривать в комплексе с низкой рождаемостью, старением населения (преобладанием лиц пенсионного возраста). Правда, респонденты, говоря о демографии, возлагали надежды на государственную программу материнского капитала. В изменении указанной ситуации последней отводится решающая роль. Из региональных проектов была отмечена социальная пенсия. По инициативе губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева она выплачивается представительницам автохтонного этноса, достигшим 50 лет. На момент обследования признаков существенного влияния указанных мер на социальную, демографическую ситуацию рассматриваемой территории нами зафиксировано не было [11].

Соседство угольных разрезов было оценено нашими информантами в целом как «гибельное» для обследованной группы населения. Их позиции суммарно можно представить следующим образом:

1. Непосредственное соседство населенного пункта и зоны добычи полезных ископаемых сказывается на жилищных условиях.

2. Нарушено экологическое равновесие (частным проявлением чего являются непригодная для любого использования вода, а также показатели здоровья населения, изменение естественного ландшафта, подавление природных объектов).

3. Отвалы занимают территории, использовавшиеся прежде телеутами как хозяйственные угодья (выпасы).

4. Отсутствие необходимой квалификации не позволяет большинству населения решить проблему занятости за счет разрезов (на наш взгляд, здесь играет роль высокая степень социальной деградации, при этом в маргинальной среде встречается точка зрения, что данная проблема напрямую связана с националистическими позициями руководства предприятий).

5. У местных жителей отсутствуют возможности влиять на ситуацию. Это определяется нехваткой среди них специалистов, способных на взаимовыгодный контакт с руководством «Бачатского» и «Шестаковского» разрезов (было высказано пожелание активной работы Ассоциации телеутского народа «Эне-Байат» в данном направлении).

6. В среде руководства предприятий не прослеживается стремления учитывать нужды обследованного нами населения [11].

Перейдем к рассмотрению состояния этнокультурной сферы в пределах обследованного полигона. В деревне функционирует Дом культуры. На его территории в момент нашего исследования создавалась этническая площадка. По словам директора учреждения В. И. Сатина, основная задача состоит в привлечении внимания к телеутской культуре со стороны региональной общественности, а также самих представителей этноса. Однако здесь мы сталкиваемся с процессами ее возрождения, развития и трансляции в новом формате. Так, сотрудниками Дома культуры была установлена бурятская (не телеутская) войлочная юрта. Сюда же, на наш взгляд, можно условно отнести наличие здесь «обо» (культовое место). Отметим также коновязи, жертвенники, иные культовые и хозяйственные приспособления, макет древнетюркского каменного изваяния. Это пример комбинирования элементов культуры автох-

тонных народов Сибири, имеющих (исконно) аналоги в системах жизнеобеспечения, но различающихся по другим критериям, принятым в этнографии. В здании дома культуры размещены фотоматериалы о фронтовиках из числа телеутов д. Шанда (в частности, о Герое Советского Союза А. С. Четонове), а также о проводимых культурных мероприятиях. Здесь же находятся отдельные предметы, отражающие традиционный быт телеутов. Видимо, это связано с дальнейшими перспективами развития этнической площадки. На момент обследования музейной коллекции в рамках учреждения оформлено еще не было [11].

Прикладное искусство (вышивка, вязание), по данным респондентов, сегодня не практикуется. Однако его изделия (в виде национальной одежды, поясов) сохраняются у отдельных представительниц среднего и старшего поколения. Согласно воспоминаниям наших информантов, национальная одежда повседневно использовалась до последнего десятилетия XX века. С 1990-х годов она сохраняется только у людей пожилого возраста (на момент обследования менее 10 человек). Это летнее платье «телен», весеннее – «сырмал» и «чепкен», зимняя шуба «тон». Сегодня, по словам респондентов, практикуется лишь изготовление воротничков «ештек». Изредка шьют «телены». Помимо шерсти, меха (выдры) в качестве сырья применяли ситец, сатин, бостон, саржу, лавсан. Здесь, видимо, отражено уже инокультурное влияние. Головные уборы (шапки) были упомянуты как праздничный (в основном) элемент одежды. О традиционных способах выделки шкур, овчин, пошива шуб информанты говорили лишь в прошедшем времени. В их памяти остались и некоторые технологические приемы. Например, вымачивание сырья в специальном растворе «ашатхы» (состав которого уже забыт) [11].

По нашим наблюдениям (и оценкам респондентов), кухня – наиболее сохраняющий свои позиции в бытовой сфере аспект традиционной культуры и фигурирует в основном на христианских праздниках. Нам сообщили и названия, и способы приготовления традиционных блюд. Это «тутмаш», «бешбармак», кровяная колбаса «хан», лапша «унаш», «тутманах», «тергем», «хатама» (хворост), «табах хурзах», различная выпечка. Некоторыми респондентами «тутмаш» готовится повседневно. В отдельных случаях к упомянутому списку добавлялись пельмени. Вместе с тем частью респондентов национальная кухня оценивалась как редкое для сегодняшнего дня явление [11].

По вероисповеданию опрошенные нами информанты уверенно отнесли себя к христианам. При этом некоторые из них не назвали ни одного религиозного праздника, обычая. Следует отметить, что ближайшая православная церковь находится в соседней деревне. Респонденты средней возрастной группы, по их словам, посещают культовые заведения близлежащих населенных пунктов. Это приурочено к праздникам. Основную массу посетителей церкви составляют лица от 40 лет, хотя в целом здесь представлены все возрастные группы. Бытуют и элементы исконных верований. В ходе интервью зафиксированы единичные упоминания «сомо». В этой связи, на наш взгляд, представляет интерес сообщение (пожилого информанта), что после перестройки одного из жилых домов данный культовый объект был выброшен владельцами без последующего обновления. Вероятно, это указывает на утрату сакральности в восприятии «сомо», обусловленную историей христианизации коренных тюркоязычных народов, а также советской национальной политикой. Приведем еще частный пример (из наших наблюдений) сохранения некоторых дохристианских представлений. Он относится к обычаю справлять «7 дней» после смерти человека. Траурная процессия возглавлялась мужчиной (как пояснил А. М. Тыдыков, его запрещено опережать), державшим в руках топор, который, согласно исследователям, служит оберегом от вредоносного влияния потусторонних сил. Характерно также, что траур обязателен только для близких родственников. При этом значение данных правил никем раскрыто не было. Также нами был зафиксирован пример крайне негативного отношения к шаманизму (исконной религии телеутов), шаманским обрядам [11].

Отвечая на вопрос о национальных праздниках, местные жители, главным образом, описывали христианские. По их сведениям, в каждой из деревень, где компактно проживают телеуты (речь идет только о Гурьевском и Беловском районах Кемеровской области), отмечается собственный престольный праздник. В д. Шанда это – Прокопьев день (21 июля). Ильин день (2 августа) справляется в пос. Беково. Жители д. Улус празднуют Николин день (дату респонденты не назвали). Вместе с тем, на наш взгляд, здесь прослеживаются черты религиозного синкретизма. К примеру, угощение приготов-

ленными блюдами прохожих в престольный праздник восходит, вероятно, к тюркской традиции. В ходе опроса информантов нами также зафиксированы упоминания о проведении «Пайрама», а также «вечерок» («чертеков»). Последние известны также под названием «колядование» («келеде»). Справляются после встречи Нового года. Сообщение о том, что их проведение характерно и для русского населения, может служить косвенным указанием на иноэтничное (по отношению к телеутам) происхождение данного явления. Отражает ли содержание этого праздника (танцы женщин с закрытыми лицами, на узнавание) традиции собственно телеутов, респонденты не уточнили. В пос. Черта проводится «Пардакай». Регулярное проведение общегосударственных праздников наши информанты отнесли к прошлому. Этнокультурной спецификой, заметным своеобразием (в сравнении с другими этносами) они, по словам опрошенных жителей, не отличаются [11].

Работники культуры в интервью назвали традиционные музыкальные инструменты («топшуур», «кай-комус», «шор», «икили»), утраченные к настоящему времени. Последнее, по их словам, обусловлено целенаправленным «уничтожением» этнической музыки в советский период (1970-е годы). При этом сохранение песенно-танцевальной культуры представляется данным информантам одним из главных условий выживания этноса. Осуществляемое ими возрождение базируется уже на алтайских инструментах. Здесь же было отмечено отсутствие собственной игровой школы. Деградацию основной массы телеутского населения они считают результатом «политики истребления» народа через уничтожение его веры в 1930-е годы [11].

По сведениям местного населения, национальные виды песен, устное творчество (с которыми можно познакомиться на мероприятиях Дома культуры) в целом сохраняются лишь в среде женщин средней и старшей возрастных групп. Представители молодежи признались, что не знакомы с телеутскими сказками, преданиями. Нам перечислили и названия национальных игр («тебек», «камчи», «кур-согужып», «цепи кованные», «келеде», «чертеки»). Из содержания лишь упомянули, что при их проведении традиционно происходил выбор невест. Со слов респондентов можно сделать вывод об исчезновении данного аспекта культуры. Соответствующие знания сохраняются лишь у немногочисленных представителей старшего поколения. Удалось воспроизвести текст лишь одной из священных песен «табыр». Частным примером влияния изменяющихся условий жизни на состояние этнической специфики являются упомянутые «чертеки». По свидетельствам местных жителей, их содержание сегодня в основном сводится к совместному употреблению алкоголя. Традиционная обрядность в целом, по словам информантов, имела место в прошлом. Так, Л. С. Сыркашева по памяти воссоздала некоторые ритуальные действия, направленные на исцеление больного. Однако их смысл объяснить не смогла. Также отметила, что при затяжной болезни пользовались услугами шамана [11].

В ходе интервью респонденты отмечали, что представители молодого поколения телеутов стесняются своей национальной принадлежности. Этим обусловлено, например, отсутствие мотиваций к общению на родном языке (при достаточном для понимания владении им). По нашим наблюдениям, данная ситуация характерна в первую очередь для младшей возрастной группы, что выражается в трудностях воспроизведения телеутской речи. Причину наши респонденты усматривают в длительном проживании семей в русской среде (вне пределов компактного проживания своего этноса), а также в получении начального и среднего образования в русскоязычных населенных пунктах (на момент обследования в д. Шанда школа отсутствовала). Вместе с тем, нам сообщили, что в соседнем пос. Беково (Беловский район) родной язык преподается с 1-го класса. По нашим данным, свою роль здесь сыграла поддержка со стороны Ассоциации телеутского народа «Эне-Байат» (при участии региональных властей). Нам представляется целесообразным вновь актуализировать данный вопрос в Ассоциации и Департаменте культуры и национальной политики областной администрации. Интересно, что некоторые из самих информантов в сохранении языка и обычаев усматривают залог выживания народа [11].

Отдельные опрошенные нами информанты сознательно воспроизводят элементы традиционного уклада жизни. Так, представители рода Ускоевых планировали (на момент беседы) проведение национальной свадьбы. Сюда, по их словам, входит установка «куре» (своеобразных «лавочек» в виде прямоугольника из бревен) на второй день праздника, приготовление баранины в казане. Сообщили нам и о том, что женщинам полагалось праздновать отдельно, в доме. И это должно было найти от-

ражение в предстоявшем обряде. По личной инициативе данных информантов, все присутствующие должны были быть в национальных костюмах. Нам продемонстрировали образцы женской одежды из приданого В. Д. Ускоевой: нагрудник, платок, пояс, шаль (без указаний их телеутских названий). По ее воспоминаниям, ранее повседневно традиционно одевались лишь пожилые женщины. Это частный пример сознательного воспроизведения некоторыми семьями отдельных сторон своей жизнедеятельности в «этническом стиле». Сюда относятся и правила ношения указанных элементов костюма (пояс завязывается на левой стороне, обязателен платок на голове). Отмечен и традиционный способ изготовления одежды вручную, в частности плетение «орчала». В качестве материала был назван бостон. Среди других указанных респондентами деталей отметим обычай одаривания матерью жениха родственников платьями, платками. Воровство невесты, по их данным, сохранялось на протяжении второй половины XX века (советского периода). За кражей следовала «мировая» («чараш чалар»), передача калыма за невесту (в денежном эквиваленте), ее выкуп. Сегодня бытует сватовство. Количество человек на традиционной свадьбе традиционно варьировало в пределах 250–300. Нам также было исполнено несколько благопожеланий «алгыш» с переводом на счастливую жизнь в крепкой семье. Приведена одна из песен (частушек), которые звучат в момент заплетания кос невесте. В этой связи упоминалась деятельность местного ансамбля «Телекей» («Мир», «Свет»). Заплетать должна была тетка со стороны жениха. В целом, информантами отмечалось исчезновение национальной специфики при проведении современных свадеб. Данный обряд оценивался как практически ушедший в прошлое [11].

В целом сегодня информанты отмечают отход основной массы автохтонных жителей населенного пункта от своей национальной культуры. По их оценкам, степень ее сохранности в повседневной жизни приблизительно соответствует 10 %. Традиционность уже не играет своей изначальной роли в среде телеутов д. Шанда. Уклад жизни практически не имеет этнической специфики. Была также отмечена поверхностность существующих ее элементов (без уточнения, в чем конкретно она выражается). Это касается, например, одежды, прикладного искусства. Бытование национальных видов ремесел, как уже упоминалось, было отнесено к довоенному периоду. Аналогично оценена ситуация с различными видами обрядов, а также функционированием предметов быта (полностью вытесненных промышленными изделиями). Отмечается и отсутствие мотивации к развитию культуры у большинства представителей этноса (в том числе и молодежи). Основными факторами забвения традиций опрошенные нами информанты считают социализацию молодого поколения через стандартизированные программы детских садов и школ, исчезновение из повседневного пользования родного языка (содержательной основы культуры), падение уровня жизни. На наш взгляд, утрату различных аспектов исконной культуры, в пределах обследованной территории, также во многом обусловил низкий социальный уровень. Так, респонденты (рожденные в 1940-х годах), относящиеся к неблагополучной категории населения, продемонстрировали неосведомленность в области традиционной культуры (при беглом владении языком). По этой же причине не всеми отмечаются упоминавшиеся христианские праздники. Художественным руководителем СДК подчеркивалось пренебрежительное отношение к деятельности учреждения со стороны магриналов. Опрошенные нами представители этой части населения объясняют свою позицию формированием шаблонов, не всегда соответствующих исторической действительности [11].

Регулярное воспроизведение элементов традиционности (зачастую стилизованных) сегодня относится к сфере искусства, творчества (сотрудников Дома культуры). Происходит оно в сценическом формате. Это касается, например, танцевально-песенного искусства, костюмов, постановок культовых, обрядовых действий. Согласно воспоминаниям исполнителей национальных песен («той-сырен», «табыр», «кечеке», «казыр-тилдар») и танцев, они обучались этому специально. Трансляции подобных знаний и умений между поколениями нами уже не зафиксировано. Данный курс находит поддержку со стороны районной и областной администраций. Однако участие в сценических разработках иноэтничных представителей, по отзывам некоторых работников ДК д. Шанда, сказывается на их достоверности. Как отмечали респонденты, проведение национальных праздников постепенно выходит на областной уровень. В качестве примера был приведен «Пардакай», отмечающийся в микрорайоне «Телеут» г. Белово. Здесь мы сталкиваемся с инновационными формами существования этнической культуры. Они развиваются в рамках движения по возрождению традиций автохтонного населения в последние

десятилетия усилиями Департамента культуры и национальной политики областной администрации, а также общественных объединений телеутов [11].

Что касается развития этнической культуры телеутов, проживающих на территории Кемеровской области в целом, то здесь приоритет отдается пос. Бековo. Опрос некоторых его жителей показал наличие здесь определенной этнокультурной специфики. Так, в содержании престольного праздника (Ильин день) прослеживаются черты синкретизма. Его проведение сопровождается разжиганием огня (отмечено его кормление молоком и мясом в прошлом), национальными видами состязаний (конные скачки «камчи», борьба, сбивание кости, перетягивание каната, поднимание камня). Указанную специфику отражает и традиция «пельменек» (с фиксированной датой – 18 января). Это нанесение визитов и угощение пельменями, в которые помещаются деньги (магическое привлечение удачи). По воспоминаниям респондентов, ранее (в пределах жизни старшего поколения) их приготовление сопровождалось исполнением заговоров, частушек. Здесь информантами усматривается обрядность, назначение которой они не уточнили. Отмечено и существование кукол-оберегов, призванных охранять владельца (от болезней, сглаза, гибели) в течение всей его жизни. Нам объяснили цель изготовления нескольких оберегов для одного человека (запутывание злых духов). Рассказали о некоторых связанных с этим обрядах (кормление молоком и маслом, произнесение заклинаний при болезни), подчеркнув, что это уже относится к прошлому. А. М. Тыдыков, по памяти, воспроизвел историю возникновения своей фамилии. Рассказал и легенду о воине-основателе его рода «Чорос». Здесь же упоминалась работа экомузея «Чолкой» (официально действует в пос. Бековo с 1996 года). В этой связи респондент осветил некоторые стороны материальной культуры телеутов, не представленные сегодня в их повседневной жизни. Это национальная мужская (сапоги, шапки из овечьей шерсти) и женская (платья и нагрудники, платки) одежда. Подчеркнуто заимствование из алтайской традиции орнамента (ромбы, пирамиды). Отмечено и отсутствие украшений для обуви. Сюда же относятся и разновидности жилища. По информации наших респондентов, таковыми исконно являлись землянки, юрты. Зажиточной прослойкой (купцами) использовались русские избы [11].

Таким образом, можно констатировать наличие лишь отдельных фрагментов традиционности в среде обследованных нами телеутов. В основном их воспроизведение связано с инновационными формами возрождения этнической культуры (в рамках работы сельского Дома культуры проводится сценическая постановка обрядов, праздников, устного творчества и танцев; используются стилизованные формы исконной одежды). Силами творческой интеллигенции развертывается этническая площадка. Основной задачей является актуализация национального самосознания, а также интереса к культуре коренных народов Южной Сибири. В качестве исходного средства была избрана демонстрация экспозиций под открытым небом. Кроме того, нами наблюдалось воспроизведение отдельных этнических характеристик в рамках жизнедеятельности некоторых семей. Например, свадебного обряда и сопровождающих его атрибутов, ритуалов. В целом можно сделать вывод об отсутствии на обследованной нами территории национальной культуры как целостной системы. Данная ситуация, на наш взгляд, определяется комплексом факторов. К последним относится низкий уровень жизни, во многом являющийся результатом советской и постсоветской истории (последнего десятилетия XX века). Здесь же отметим неблагоприятные условия проживания. Непосредственная близость угледобывающих предприятий, помимо прочего, полностью исключает возможности функционирования территорий традиционного природопользования. В наблюдавшихся нами способах хозяйствования отчетливой этнической специфики не прослеживается.

Список информантов

1. Есина Маргарита Хакимовна, 1981 г. р., художественный руководитель СДК д. Шанда, житель пос. Бачатский.
2. Кузнецов Дмитрий Михайлович, 1973 г. р., рабочий СДК д. Шанда, житель г. Гурьевска.
3. Сатин Владимир Иосифович, 1961 г. р., директор СДК д. Шанда, житель с. Бековo (уроженец д. Шанда).
4. Сыркашева Людмила Сафроновна, 1958 г. р., пенсионер, житель д. Шанда (уроженка пос. Черта, г. Белово).
5. Тарасова Анна Сидоровна, 1926 г. р., пенсионер, житель д. Шанда (уроженка д. Верховская).
6. Тыдыков Алексей Михайлович, 1987 г. р., студент КемГУКИ, житель с. Бековo.
7. Ускоев Валерий Иванович, 1958 г. р., пенсионер, житель д. Шанда.

8. Ускоев Иван Иванович, 1958 г. р., пенсионер, житель д. Шанда.
9. Ускоева Валентина Дмитриевна, 1959 г. р., пенсионер, житель д. Шанда.
10. Ускоева Тамара Афанасьевна, 1963 г. р., старший продавец сельского магазина, житель д. Шанда.
11. Шадеев Евдоким (Абдек) Михайлович, 1969 г. р., временно безработный, житель д. Шанда.
12. Шадеева Анна Васильевна, 1948 г. р., пенсионер, житель д. Шанда.

Литература

1. Батьянова Е. П. Община у телеутов в XIX – начале XX века // Мат-лы к сер. «Народы и культуры». – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1993. – Вып. XVII, кн. 1: Телеуты. – С. 141–268.
2. Беленко В. А. Телеутский фольклорный коллектив Бековского сельского совета // Телеутская землица и ее коренные жители. – Кемерово, 1990. – Вып. 1. – С. 19–20.
3. Беленко В. А. Национальная одежда телеутов (описание и методические рекомендации с чертежами выкроек для шитья женской и мужской одежды) // Телеутская землица и ее коренные жители. – Кемерово, 1990. – Вып. 1. – С. 21–25.
4. Бойко В. И., Поддубиков В. В., Садовой А. Н., Нечипоренко О. В. Этнологическая экспертиза. Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области. – Новосибирск: Параллель, 2008. – Вып. 2. – 257 с.
5. Историко-этнографический музей «Чолкой» Беловского района. Телеутская землица с. Бековo. – Бековo, 2011. – 22 с.
6. Кацюба Д. В. Духовная культура телеутов. – Кемерово, 1993. – 190 с.
7. Кацюба Д. В. Материальная культура бачатских телеутов. – Кемерово, 1991. – 91 с.
8. Кацюба Д. В. Этнография и школа (очерки духовной культуры телеутов). – Кемерово, 1993. – 151 с.
9. Кимеева Т. И., Тыдыкова Л. И. Традиции и ремесла бачатских телеутов. – Кемерово, 2011. – 120 с.
10. Насонов А. А. Ламаизм в межконфессиональном взаимодействии на юге Западной Сибири (вторая половина XIX – первая треть XX века). – Кемерово: ИНТ, 2013. – С. 3–29, 68–82.
11. Новиков Д. В. Полевой дневник экспедиционных работ. – 2013. – 87 с.
12. Поддубиков В. В. Аборигены и колонизаторы: автохтонное и русское население азиатской части России в условиях этноконтактной ситуации второй половины XIX – начала XXI века (историографический анализ) // Славянский мир. Диалог культур. – Омск; Кемерово: КемГУКИ, 2011. – Ч. I. – С. 183–194.
13. Поддубиков В. В., Осипов К. И. Коренные малочисленные этносы Кемеровской области: основные показатели социально-демографического развития по данным этнологического мониторинга // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности. – Кемерово: Практика, 2013. – С. 110–119.
14. Поддубиков В. В. Культура традиционного природопользования в контексте актуальных проблем регионального менеджмента: методологические и практические аспекты прикладной этнологии // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности. – Кемерово: Практика, 2013. – С. 15–30.
15. Поддубиков В. В. Этнологический мониторинг в регионах Южной Сибири: практический опыт в решении проблем сохранения этнокультурного наследия и традиционного образа жизни коренных малочисленных этносов (науч.-метод. аспект) // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности. – Кемерово: Практика, 2013. – С. 164–190.
16. Садовой А. Н. Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX – начало XX века). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1992. – С. 129–154.
17. Садовой А. Н., Пруель Н. А. Этносоциальный мониторинг: принципы, методы, практика. – Кемерово: КемГУ, 1996. – 277 с.
18. Фисакова Г. Г. Из истории изучения телеутской народности // Телеутская землица и ее коренные жители. – Кемерово, 1990. – Вып. 1. – С. 3–18.
19. Фисакова Г. Г. Образцы фольклора бачатских телеутов // Телеутская землица и ее коренные жители. – Кемерово, 1990. – Вып. 1. – С. 26–33.
20. Функ Д. А. Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века: истор.-этнограф. исслед. // Мат-лы к сер. «Народы и культуры». – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1993. – Вып. XVII, кн. 2: Телеуты. – 325 с.
21. Функ Д. А. Устное творчество, игры и развлечения бачатских телеутов // Мат-лы к сер. «Народы и культуры». – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1993. – Вып. XVII, кн. 1: Телеуты. – С. 5–140.

22. Функ Д. А. Шаманская и эпическая традиция тюрков юга Западной Сибири (историко-этнографическое исследование телеутских и шорских мат-лов второй половины XIX – начала XXI века): автореф. дис. … д-ра ист. наук. – М., 2003. – 50 с.
23. Функ Д. А. Техника плетения из кожи у телеутов. – СПб., 1992. – 34 с.
24. Функ Д. А. Телеутское шаманство: традиционные этнографические интерпретации и новые исследовательские возможности. – М.: ИЭА РАН, 1997. – 268 с.

Literatura

1. Bat'janova E. P. Obshchina u teleutov v XIX – nachale XX veka // Mat-ly k ser. "Narody i kul'tury". – M.: In-t etnologii i antropologii RAN, 1993. – Vyp. XVII, kn. 1: Teleuty. – S. 141–268.
2. Belenko V. A. Teleutskij fol'klornyj kollektiv Bekovskogo sel'skogo soveta // Teleutskaja zemlica i ee korennye zhiteli. – Kemerovo, 1990. – Vyp. 1. – S. 19–20.
3. Belenko V. A. Nacional'naja odezhda teleutov (opisanie i metodicheskie rekomendacii s chertezhami vykroek dlja shit'ja zhenskoj i muzhskoj odezhdy) // Teleutskaja zemlica i ee korennye zhiteli. – Kemerovo, 1990. – Vyp. 1. – S. 21–25.
4. Bojko V. I., Poddubikov V. V., Sadovoj A. N., Nechiporenko O. V. Etnologicheskaja ekspertiza. Etnopoliticheskie, social'no-ekonomicheskie i etnodemograficheskie processy v srede teleutov Belovskogo i Gur'evskogo rajonov Kemerovskoj oblasti. – Novosibirsk: Parallel', 2008. – Vyp. 2. – 257 s.
5. Istoriko-etnograficheskij muzej "Cholkoj" Belovskogo rajona. Teleutskaja zemlica s. Bekovo. – Bekovo, 2011. – 22 s.
6. Kacjuba D. V. Duhovnaja kul'tura teleutov. – Kemerovo, 1993. – 190 s.
7. Kacjuba D. V. Material'naja kul'tura bachatskih teleutov. – Kemerovo, 1991. – 91 s.
8. Kacjuba D. V. Etnografija i shkola (ocherki duhovnoj kul'tury teleutov). – Kemerovo, 1993. – 151 s.
9. Kimeeva T. I., Tydykova L. I. Tradicii i remesla bachatskih teleutov. – Kemerovo, 2011. – 120 s.
10. Nasonov A. A. Lamaizm v mezhkonfessional'nom vzaimodejstvii na juge Zapadnoj Sibiri (vtoraja polovina XIX – pervaja tret' XX veka). – Kemerovo: INT, 2013. – S. 3–29, 68–82.
11. Novikov D. V. Polevoj dnevnik ekspedicionnyh rabot, 2013. – 87 s.
12. Poddubikov V. V. Aborigeny i kolonizatory: avtohtonnoe i russkoe naselenie aziatskoj chasti Rossii v uslovijah etnokontaktnoj situacii vtoroj poloviny XIX – nachala XXI veka (istoriograficheskij analiz) // Slavjanskij mir. Dialog kul'tur. – Omsk; Kemerovo: KemGUKI, 2011. – Ch. I. – S. 183–194.
13. Poddubikov V. V., Osipov K. I. Korennye malochislennye etnosy kemerovskoj oblasti: osnovnye pokazateli social'no-demograficheskogo razvitija po dannym etnologicheskogo monitoringa // Prikladnaja etnologija i aktual'nye problemy gosudarstvennoj etnonacional'noj politiki v regionah Zapadnoj Sibiri: mehanizmy vzaimodejstvija vlasti, nauki, obshchestvennosti. – Kemerovo: Praktika, 2013. – S. 110–119.
14. Poddubikov V. V. Kul'tura tradicionnogo prirodopol'zovanija v kontekste aktual'nyh problem regional'nogo menedzhmenta: metodologicheskie i prakticheskie aspekty prikladnoj etnologii // Prikladnaja etnologija i aktual'nye problemy gosudarstvennoj etnonacional'noj politiki v regionah Zapadnoj Sibiri: mehanizmy vzaimodejstvija vlasti, nauki, obshchestvennosti. – Kemerovo: Praktika, 2013. – S. 15–30.
15. Poddubikov V. V. Etnologicheskij monitoring v regionah Juzhnoj Sibiri: prakticheskij opyt v reshenii problem sohranenija etnokul'turnogo nasledija i tradicionnogo obraza zhizni korennyh malochislennyh etnosov (nauchno-metodicheskij aspekt) // Prikladnaja etnologija i aktual'nye problemy gosudarstvennoj etnonacional'noj politiki v regionah Zapadnoj Sibiri: mehanizmy vzaimodejstvija vlasti, nauki, obshchestvennosti. – Kemerovo: Praktika, 2013. – S. 164–190.
16. Sadovoj A. N. Territorial'naja obshchina Gornogo Altaja i Shorii (konec XIX – nachalo XX veka). – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1992. – S. 129–154.
17. Sadovoj A. N., Pruel' N. A. Etnosocial'nyj monitoring: principy, metody, praktika. – Kemerovo: KemGU, 1996. – 277 s.
18. Fisakova G. G. Iz istorii izuchenija teleutskoj narodnosti // Teleutskaja zemlica i ee korennye zhiteli. – Kemerovo, 1990. – Vyp. 1. – S. 3–18.
19. Fisakova G. G. Obrazcy fol'klora bachatskih teleutov // Teleutskaja zemlica i ee korennye zhiteli. – Kemerovo, 1990. – Vyp. 1. – S. 26–33.
20. Funk D. A. Bachatskie teleuty v XVIII – pervoj chetverti XX veka: istor.-etnograf. issled. // Mat-ly k ser. «Narody i kul'tury». – M.: In-t etnologii i antropologii RAN, 1993. – Vyp. XVII, kn. 2: Teleuty. – 325 s.

21. Funk D. A. Ustnoe tvorchestvo, igry i razvlechenija bachatskih teleutov // Mat-ly k ser. «Narody i kul'tury». – M.: In-t etnologii i antropologii RAN, 1993. – Vyp. XVII, kn. 1: Teleuty. – S. 5–140.
22. Funk D. A. Shamanskaja i epicheskaja tradicija tjurkov juga Zapadnoj Sibiri (istoriko-etnograficheskoe issledovanie teleutskih i shorskih materialov vtoroj poloviny XIX – nachala XXI veka): avtoref. dis. … d-ra ist. nauk. – M., 2003. – 50 s.
23. Funk D. A. Tehnika pletenija iz kozhi u teleutov. – SPb., 1992. – 34 s.
24. Funk D. A. Teleutskoe shamanstvo: tradicionnye etnograficheskie interpretacii i novye issledovatel'skie vozmozhnosti. – M.: IEA RAN, 1997. – 268 s.

К 20-летию кафедры культурологии ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств»

To the 20th Anniversary of the Chair of Culturology of FSBEI HPE "Kemerovo State University Culture and Arts"

УДК 008

Г. Н. Миненко, А. С. Двуреченская

КЕМЕРОВСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Данная статья посвящена осмыслению итогов и перспектив развития кемеровской культурологической школы в лице коллектива кафедры культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Авторы прослеживают путь ее становления и изменения в контексте общей истории формирования отечественной культурологии.

Ключевые слова: гуманитарное знание, отечественная культурология, кемеровская культурологическая школа, кафедра культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств, профиль «Художественная культура», прикладная культурология, профиль «Социокультурное проектирование».

G. N. Minenko, A. V. Dvurechenskaya

KEMEROVO CULTUROLOGICAL SCHOOL: RESULTS AND PROSPECTS

Culturology as a science has a history of formation in Western and domestic scientific traditions. In our country it has attained the status of general education and special discipline in 1989. As the special discipling, it appeared almost simultaneously in centers, such as Moscow, St. Petersburg, Rostov-on-Don, Kemerovo. Culturology as a new discipline was introduced in the range of scientific specialties by the Ministry of Science and HAC of Russia in 1996 to be integrated as the synthesis of diverse knowledge of culture, "invaded" the subject field of philosophy and a range of social sciences and humanities. The original scientific problem of proper demarcation was a problem of methodology of culturology. The main problem, especially the culturological curriculum was its self-determination "in the labor market".

In 1990, Kemerovo State Institute of Culture established a new department of the theory and history of art. 1990–1993 were a time of its formation in relation to staffing, selection of the main professional focus. Initially dominated art criticism orientation, even the name of the department in 1990–1991 was different, the Theory and History of Art. Later training the specialist for high school, "Teacher of world culture", was suggested and the primary version of the curriculum as well. Thus, initially it was planned to strengthen a culturological component of the department. Later the direction for the preparation of such a specialist 020600 "Culturology" and the qualification of the expert, "Culturology, teacher of world culture" were defined. In 1998, the first graduation of the culturologists, specialists of world culture took place.

Total, in 1998–2013, there were trained 233 specialists of "Culturologic" qualification. Having selected the artistic culture for two decades as a basic direction of training the students, the chair was quite fit into the "mainstream" of national culturology, which was within the specified period, of course, humanitarian culturology, as opposed to socio-scientific program of its development.

Specialties of the chair currently are developed dynamically. Since 2011, the chair have been training bachelors of culturology, defined the new professional "niche" of future graduates as "Socio-cultural design". Selecting the new profile is caused by, at least three main reasons. First, socio-cultural design as one of the components of the national self-sufficient Applied Culturology allows "to enter" in foreign cultural studies space and imagine themselves as equal to scientific communities in Europe and America, actualizing the interdisciplinary research. Secondly, teaching staff of the department, choosing the new professional profile of culturology, guided practice-oriented content of FSES HPE direction 033000 "Culturology". Hence the third reason flows inevitably for preferring this profile as the demand for professional culturologists in society. Profile "socio-cultural design" allows you to outline the contours of the real professional and, most importantly, the social demand "niche" of national culturology experts at both, regional and all-Russian level. In this department continues to develop the traditional cultural studies fundamental directions, allowing confidently speak about special Kemerovo culturological school.

Keywords: humanities, domestic culturology, Kemerovo culturological, Chair of Culturology of Kemerovo State University of Culture and Arts, profile "Art Culture", Applied Culturology, profile "Socio-cultural design".

Культурология как наука имеет свою историю формирования и в западной, и в отечественной научной традиции. Она хорошо изучена и отражена в соответствующих публикациях, в частности А. Я. Флиера. Культурология обрела в нашей стране статус общеобразовательной и специальной дисциплины в 1989 году. В качестве направления специального образования она почти одновременно появилась в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Кемерове. Культурология как новая дисциплина, введенная в номенклатуру научных специальностей Министерством науки и ВАК России в 1996 году и претендующая на интеграцию, даже синтез многообразных знаний о культуре, «вторглась» в предметное поле философии и целого ряда социально-гуманитарных наук. Естественно, что исходной собственно научной проблемой ее демаркации была проблема методологии культурологических исследований, по определению должной быть отличной в этом отношении от многообразных «культуроведческих» наук. Основной же проблемой специально-учебной культурологии являлось ее самоопределение, как сейчас говорится, «на рынке труда»: где может найти применение специалист-культуролог и, соответственно, каким должен быть профиль его подготовки?

В Кемеровском государственном институте культуры культурология довольно быстро прошла все необходимые ступени для выстраивания культурологической вертикали, включающей выпускающую кафедру, функционирующую на основе определенного социального заказа на подготовку специалистов, аспирантуру по культурологическому направлению и диссертационный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций на соискание ученых степеней по культурологии.

С чего все началось? В 1990 году в КГИК была образована новая кафедра – теории и истории искусств. 1990–1993 годы были временем ее становления в кадровом отношении, выбора основной профессиональной направленности. Первоначально преобладала искусствоведческая ориентация, даже название кафедры в 1990–1991 годах было иным – кафедра теории и истории искусств. Однако уже на одном из первых заседаний кафедры, состоявшемся в октябре 1990 года, была высказана идея подготовки специалистов для средней школы – «Преподаватель мировой художественной культуры», предложен первичный вариант учебного плана. Таким образом, изначально планировалось усиление культурологической составляющей в работе кафедры. Позднее определилось и направление подготовки такого специалиста – 020600 «Культурология», и квалификация специалиста – «Культуролог, преподаватель мировой художественной культуры».

На волне большого интереса и массового внедрения предмета «Мировая художественная культура» в общеобразовательных школах региона, на основе договора КГИК (ректор – Е. М. Титаренко) с Департаментом образования Кемеровской области (руководитель – Н. В. Бублик), в 1993 году была набрана первая группа студентов на названную специальность. Заказчиком на подготовку специалистов с квалификацией «Культуролог, преподаватель мировой художественной культуры» выступил Департа-

мент образования Кемеровской области, которым и осуществлялось в течение двух лет полное финансирование обучения студентов. Затем поэтапно был осуществлен перевод специализации на бюджетное финансирование. В 1994 году специальность «Культурология» была лицензирована в Государственном комитете РФ по высшему образованию (лицензия № 16Г – 764 от 6 марта 1994 года). Кафедра получила право на ведение образовательной деятельности по специальности «Культурология» по очной, заочной и послевузовской формам подготовки. В 1998 году состоялся первый выпуск специалистов-культурологов, преподавателей мировой художественной культуры. Всего в 1998–2013 годах подготовлено 233 специалиста с квалификацией «Культуролог». Выбрав на два десятилетия художественную культуру как базовое направление подготовки студентов, кафедра вполне вписалась в «мейнстрим» отечественной культурологии, которым являлась в указанный период, несомненно, гуманитарная культурология в противовес социально-научной программе ее развития.

Новое дыхание кафедра приобрела с открытием в КГИиК в 1996 году аспирантуры, вначале по специальностям 24.00.01 «Теория культуры» и 24.00.02 «Историческая культурология», затем, с преобразованием ВАК РФ номенклатуры научных направлений,по специальности 24.00.01 «Теория и история культуры». Это научное направление закреплено открытием в 1998 году на базе КемГАКИ диссертационного совета по культурологическим специальностям. Кафедрой за полтора десятилетия подготовлено несколько десятков докторов, кандидатов наук по культурологии, философии, искусствоведению. В 2013/14 учебном году на ней продолжают обучение 20 аспирантов и соискателей очной и заочной форм обучения по специальностям: 24.00.01 «Теория и история культуры» (по культурологии); 07.00.10 «История науки и техники» (по истории). Их ежегодные отчеты и итоговые научные работы (диссертации) обязывают преподавательский коллектив к профессиональному росту, совершенствованию своей научной подготовки, чтобы справляться с экспертизой и оценкой результатов обучаемых.

Кафедра приняла непосредственное участие в организации (в 1997 году) и деятельности Центра культурологического образования (ЦКО), созданного КГИиК на основе договора о сотрудничестве с Российским институтом культурологии (РИК), входившим в тот период в структуру РАН. Центр принимал активное участие в подготовке и проведении совместных с РИК научно-практических межрегиональных семинаров и конференций в 1997–2002 годах, в подготовке четырех объемных сборников научных материалов этих семинаров и конференций, составителем ответственным редактором которых являлся кандидат философских наук, заведующий кафедрой и директор ЦКО Г. Н. Миненко. Следует отметить самое активное участие в этих мероприятиях со стороны РИК доктора философских наук, профессора И. М. Быховской. Их значение состоит в том, что сибирские гуманитарии, выбравшие в качестве профессионализации культурологию, смогли принять непосредственное участие во всероссийских дискуссиях и обсуждениях методологических и содержательных аспектов рождающейся на отечественной почве новой самостоятельной науки о культуре. В целом кафедрой культурологии опубликовано более двадцати сборников научных трудов, десять научных монографий. Их издания финансировались в грантовой форме такими общепризнанными всероссийскими и региональными фондами, как «Русский мир», грант Президента РФ, ФЦП «Культура России», фонд Михаила Прохорова, а также неоднократно получали активную поддержку со стороны региональных властей (гранты губернатора Кемеровской области). Центр культурологического образования провел также подготовительную работу по организации в 1998 году научной лаборатории по исследованию региональной художественной культуры, в 1999 году – Музея истории костюма, которые позднее как готовые научные подразделения вошли в состав открытого в КемГАКИ НИИ прикладной культурологии.

Специальности кафедры в настоящее время динамично развиваются. С 2000 года обучение студентов было переведено на новый Госстандарт ВПО по культурологии, в котором усилена фундаментальная, в том числе этнологическая, подготовка студентов, а с 2011 года кафедрой начата подготовка бакалавров культурологии. Выпускники кафедры работают в самых разных учреждениях образования и культуры: общеобразовательная школа, гимназии, лицеи, музеи, филармония, частные предприятия художественно-просветительского профиля и т. п. Из этого можно заключить, что специалисты-культурологи достаточно востребованы в регионе. Основой для этого послужило оптимальное соче-

тание академической, фундаментальной подготовки с подготовкой в области технологии и методики общения и преподавания. Достаточно сказать хотя бы, что в свое время методика преподавания мировой художественной культуры читалась в объеме 106 аудиторных часов. Большое место в учебном плане всегда занимала языковая подготовка, а также психолого-педагогический блок.

Кадровый состав на кафедре стабильный, остепенённость (пропорциональное соотношение количества докторов и кандидатов наук, доцентов ВАК) составляет в настоящее время 100 %. Ведущими специалистами являются не только опытные, имеющие значительный стаж работы в вузе профессор, доктор культурологии Г. Н. Миненко, профессор, доктор культурологии В. И. Марков, профессор, кандидат исторических наук М. Е. Сорокин, доцент А. И. Дмитриев и их ученики – доцент, кандидат культурологии О. Ю. Астахов, доцент, кандидат культурологии А. С. Двуреченская, доцент, кандидат искусствоведения Н. С. Попова, доцент, кандидат философских наук Д. А. Филин, но и более молодые уже хорошо себя зарекомендовавшие в науке и педагогике преподаватели – кандидат культурологии Д. В. Думанский, кандидат искусствоведения Е. Н. Черняева. Особенностью кафедры является постоянная практика привлечения в качестве совместителей высококвалифицированных специалистов других вузов Сибирского федерального округа для преподавания общепрофессиональных и специальных дисциплин. В разное время на кафедре работали признанные научные авторитеты: профессор А. И. Мартынов, профессор Я. А. Шер, профессор Л. А. Ходанен, профессор В. В. Иваницкий, профессор О. И. Жукова, профессор С. М. Грачева, доцент В. П. Геращенко, доцент Е. М. Титаренко, доцент А. П. Батурин, доцент В. И. Ожогин, кандидат богословия, протоиерей Н. Сергиевский и многие другие.

В индивидуальной работе преподавателей, в работе со студентами и аспирантами кафедры развиваются такие основные научные направления, как философия культуры, история культуры, теория и история художественной культуры.

В 2014 году заканчивается обучение студентов по профилю «Художественная культура». Помня известную мудрость – «Кто не меняется, тот не живет», – тремя годами раньше определена новая профессиональная «ниша» будущих выпускников – «Социокультурное проектирование» (см. [1]). Это резкий поворот, требующий освоения новой, чрезвычайно интересной и социально востребованной проблематики. Выбор нового профиля обусловливается, по меньшей мере, тремя основными причинами. Во-первых, по верному замечанию отечественных ученых-культурологов, культурология как наука существует и институционально признана в большей степени в российском научном пространстве. В зарубежных же исследованиях, занимающихся изучением теории и методологии культуры, сложились совершенно иные по содержанию и структуре научные направления: культурные исследования (culturalstudies), социология культуры (sociologyofculture) и культурная антропология (culturalanthropology), обращающие внимание на функционирование конкретных антропологических, социальных и культурных практик. Кроме того, в последнее время среди западных ученых-гуманитариев стала популярной идея создания культурных и социальных новаций в рамках междисциплинарного научного поля, а также «ненаучных» повседневных практик. Социокультурное проектирование как одно из самодостаточных направлений отечественной прикладной культурологии позволяет «войти» в зарубежное культурологическое пространство и представить себя на равных в научных сообществах Европы и Америки, актуализируя междисциплинарные исследования.

Во-вторых, недавний переход российского высшего образования на новые федеральные государственные образовательные стандарты в связи с реализацией идей Болонского процесса и подготовку не только специалистов, но и бакалавров, и магистров. Магистральный – компетентностный – подход в их обучении ориентирует студента, прежде всего, на освоение конкретных навыков, умений и владений в своей профессии. Педагогический коллектив кафедры, выбирая новый профессиональный профиль культуролога, руководствовался практико-ориентированным содержанием ФГОС ВПО по направлению 033000 «Культурология».

Отсюда с неизбежностью вытекает третья причина предпочтения данного профиля. Еще в 2007 году на одном из научных мероприятий, которое было организовано по инициативе кафедры культурологии КемГУКИ, нашими учеными было отмечено отсутствие сформулированного социаль-

ного заказа на фундаментальные и прикладные культурологические исследования со стороны государственной власти и общества, что, в свою очередь, затрудняло прогнозирование профессиональной востребованности культурологов [2, с. 160]. В немалой степени это было обусловлено как методологической неопределенностью отечественной культурологии, так и с ориентацией, прежде всего, на теоретические исследования. Тема профессиональной востребованности культурологов в обществе остается дискуссионной и по сей день, что постоянно отмечается на всероссийских культурологических конгрессах РИК, в работе которых постоянным является участие кафедры культурологии в обсуждениях перспектив развития культурологического знания. Одним из вариантов решения круга обсуждаемых вопросов явилась разработка нового направления подготовки бакалавров. Профиль «Социокультурное проектирование» позволяет наметить реальные контуры профессиональной и, что самое главное, социально востребованной «ниши» отечественных специалистов культурологии как на российском, так и региональном уровнях. При этом кафедра продолжает развивать традиционное фундаментальное культурологическое направление, что позволяет с полной уверенностью говорить о становлении и развитии особой кемеровской культурологической школы.

Литература

1. Двуреченская А. С. Профессиональная компетентность культуролога в контексте прикладной культурологии // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 22/2. – С. 109–113.
2. Миненко Г. Н., Астахов О. Ю. Итоги Всероссийской научно-практической конференции «Культурология в социальном измерении» // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2007. – № 2. – С. 159–161.

Literatura

1. Dvurechenskaja A. S. Professional'naja kompetentnost' kul'turologa v kontekste prikladnoj kul'turologii // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul'tury i iskusstv. – 2013. – № 22/2. – S. 109–113.
2. Minenko G. N., Astahov O. Ju. Itogi Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii "Kul'turologija v social'nom izmerenii" // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul'tury i iskusstv. – 2007. – № 2. – S. 159–161.

УДК 008

А. С. Двуреченская

СПЕЦИФИКА КУЛЬТУРОЛОГИИ КАК ГУМАНИТАРНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Статья посвящена рассмотрению проблемы институционализации научного и образовательного статуса культурологии в российской гуманитаристике в контексте различных взглядов и мнений отечественных ученых. Автор аргументирует свою позицию по данной проблеме, опирающуюся на понимание культурологии как интегративной науки.

Ключевые слова: гуманитарные науки, научная парадигма мышления, отечественная культурология, теория и методы культурологии, культурные исследования, социология культуры, педагогический потенциал культурологии.

A. S. Dvurechenskaya

THE SPECIFICITY OF CULTUROLOGY AS HUMANITARIAN DISCIPLINE

There is a discussion for few years among Russian scientists-culturologists, what the theoretical and methodological features of culturology as a modern direction of the Russian researchers are. This article presents the author's reflections on the given topic, not pursuing the goal of conceptual substantiation of the subject and method of contemporary culturology. As A. Agoshkov rightly notes, among the famous Russian cultural views about the subject and object of Culturology changed "from a complete denial of any problematization cultural knowledge... to recognition of culturology its significant cognitive capacity, not realized and not having on it of a chance in the near future" [1, p. 6]. It is noteworthy that Russian scientists are in search of a justification of its own vision of the Russian culturology as science, actively seek the experience of foreign scientists. With certain reservations, because there is no concept of "Culturology" in the American and European Humanities. Instead, foreign scientists use such terms as the school of cultural studies and sociology of culture.

These research directions in Europe and America do not coexist peacefully, and lead, in the words of G. N. Bibikov, “the sharp interdisciplinary struggle”. Unifying trait is that these schools are using a variety of scientific approaches and methods to actively work with the “artifacts” of the modern culture. That research material, which is still practically not mastered by the domestic culturology. An attempt to build a common science of culture has already been in the history of the humanitarian science. These are concepts of L. White, J. Faibleman and K. Girts. However, they have not received adequate recognition in the Western anthropological community. Comparing the situation in foreign and national Humanities, it should be said that today the problem of the choice of approaches and methods in the study of culture is connected, first of all, with the choice of the scientific paradigm of thinking: classical or post-non-classical. In the first case, required strict scientific status, availability of the elaborated theory and methodological technologies, unified conceptual grounds etc. Interdisciplinary approach in the post-non-classical paradigm of thinking is principal, the rejection of classical scientific categories, “contextual relationship”, etc. A tradition of domination of fundamental knowledge historically was formed in the Russian culturology, and, consequently, the classical paradigm of thinking. At the same time, its heuristic potential associated with the post-non-classical model (according to the same A. Y. Flier). If we talk about culturology not only as a science, but also as an educational discipline, its specificity, also building on the cross-disciplinarity and integration, involves synthesis of the positivistic and anthropologic philosophical approaches. This position most of all makes the culturology as actual as a general scientific discipline in the context of the competence oriented approach in modern education. At the same time, professional culturogical education should synthesize classical and post-non-classical model of scientific thinking, first of all, to demand the cultural knowledge and experience in modern socio-cultural practices.

Keywords: humanities, scientific paradigm of thinking, national culturology, theory and methods of culturology, cultural studies, sociology of culture, pedagogical potential of culturology.

Вот уже долгое время в среде отечественных ученых-культурологов идет спор о том, в чем заключаются теоретические и методологические особенности культурологии как современного направления российской гуманитаристики [2]. Особенно показательны споры на данную тему, развернувшиеся два-три года назад в таких серьезных научных журналах, как «Вопросы культурологии» и «Обсерватория культуры». Участие в них приняли и маститые, имеющие солидный опыт культурологи (А. В. Агошков, О. Н. Астафьева, А. С. Запесоцкий, А. Я. Флиер и др.), и молодые исследователи, интересующиеся вопросами институализации культурологии как науки. В определенной степени эта дискуссия внутри российского культурологического сообщества была «спровоцирована» итогами I и II Российского культурологического конгресса, актуализировавшего данную проблематику. Показательно, что состоявшийся недавно (октябрь 2013 года) в Санкт-Петербурге IV Российский культурологический конгресс, несмотря на наличие ключевой темы, также обнаруживает серьезный в теоретическом и методологическом отношении разброс мнений и взглядов, отраженных в докладах и публикациях его участников. Данная статья представляет авторские размышления на эту тему и не преследует цель концептуального обоснования предмета и метода современной культурологии.

Как верно отмечает А. В. Агошков, среди известных российских культурологов мнения о предмете и объекте культурологии колеблются «от полного отрицания какойлибо проблематизированности культурологического знания… до признания за культурологией значительного познавательного потенциала, впрочем, отнюдь не реализованного и не имеющего на это шансов в ближайшем будущем» [1, с. 6]. Например, профессор А. С. Запесоцкий считает, что отечественная культурология практически сформировала модель структуры и динамики культуры, необходимую для методологической концептуализации ее как науки. Опровергая взгляды тех, кто воспринимает культурологию как «не-науку», ученый доказывает, что она обладает всеми «признаками научной парадигмы, описанными в свое время известным философом науки Т. Куном. Речь идет о формировании гуманитарного сообщества, объединенного культуроцентрированным дискурсом и исповедующего определенную методологию интерпретации и понимания культурной реальности…» [6, с. 6]. Междисциплинарность культурологии, которую многие исследователи считают ее отрицательным научным качеством, Запесоцкий отмечает как методологическое достоинство, позволяющее культурологии синтезировать два основных философских подхода: позитивистский, отражающий позицию классической «строгой» философии и науки, и антропологический, акцентированный на образном видении мира. Причем, в большей степени, по его мнению, культурологическая наука опирается на антропологическое «видение мира», позволяя сфор-

мировать у будущего специалиста целостные представления о человеке и культуре. Поэтому Запесоцкий уверен в том, что культурология имеет особое значение, прежде всего, для «будущего педагогики, открывая новые горизонты исследования процессов социализации и инкультурации, понимания базовых механизмов, лежащих в основе образовательной деятельности» [6, с. 10]. С мнением А. С. Запесоцкого согласен и В. М. Строгецкий, полагая, что «…культурология – междисциплинарная область знаний, но от этого она вовсе не теряет свой предмет исследования как наука… Предметом исследования в отечественной культурологии, как и предметом европейской и американской культурной антропологии, является человек, его место и творчество в системе общественных отношений» (цит. по [1, с. 7]).

Противоположную точку зрения, объясняющую причину методологической «неуспешности» российской науки о культуре на данном этапе своего развития, представляет утверждение С. Б. Синецкого об «избыточной ретроориентации» культурологии, что «означает, во-первых, доминирование исследований, описывающих историю культуры вне связи с актуальными проблемами современности, и, во-вторых, подготовку специалистов-культурологов вне ориентации на активную работу в современном экономическом и социокультурном пространстве» (цит. по [5, с. 9]). Как несостоявшуюся науку, находящуюся в проектной стадии своего развития, культурологию рассматривают А. Я. Флиер и Ю. М. Резник.

В частности, Флиер интересно трактует модель эволюции научной, общественной и философской мысли XVIII–XX веков. В. М. Межова («натуроцентризм» – «социоцентризм» – «культороцентризм») применительно к задачам современной культурологии. Он отмечает, что «в настоящее время… возросла в своей социальной значимости целеустановка на культурную саморепрезентацию или манифестацию человека, в какой-то мере начав превосходить и его стремление к непосредственной социально-профессиональной самореализации» [8, с. 7]. В этом смысле культурология может заявить о себе в качестве успешной интеллектуальной позиции, так как культурные потребности становятся сегодня определяющим фактором социального развития. Другими словами, «культурология – это современный метод реконструкции и дешифровки смыслов и целей человеческой жизнедеятельности, закодированных в нормах ее осуществления и результатах (культурных артефактах)…» [8, с. 8]. Пока отечественная культурология не выработала свой «методологический инструментарий» по описанию и анализу «артефактов» актуальной культуры, а, следовательно, не может считаться самостоятельной гуманитарной наукой, нацеленной на изучение специализированных объектов. И Синецкий, и Флиер солидарны в том, что российская культурология для формирования собственной оптимистичной научной перспективы должна, прежде всего, исследовать и предлагать пути решения проблем современной постиндустриальной культуры.

Ю. М. Резник, предлагая понимать культурологию как проект общей науки о культуре, не согласен с предложенным А. Я. Флиером методологическим основанием первой. Критикуя московского исследователя, Резник полагает неуместным «искусственное смешение в рамках одной дисциплины двух разных типов научного знания – гуманитарного (модель понимания) и социально-научного (модель объяснения)» [7, с. 7]. Он утверждает, что как интегративная дисциплина культурология должна идти по пути «понимания», «расшифровки» и интерпретации смыслов культурной деятельности человека в различные исторические эпохи, а также во всех сферах его современной жизни. Сравнивая точки зрения Резника и Флиера, нетрудно убедиться, что ученые одинаково понимают главную задачу культурологии как науки, но при этом Флиер в качестве методологического базиса культурологии утверждает интегративный «инструментарий» гуманитарного и социального научного знания, а Резник считает таковым только гуманитарную модель мышления.

Примечательно, что отечественные ученые в поисках обоснования собственного видения российской культурологии как науки активно обращаются к опыту зарубежных ученых. С определенными оговорками, так как в Америке и Европе в гуманитарных науках не существует понятия «культурология». Вместо этого зарубежные ученые пользуются такими терминами, как школа культурных исследований («cultural studies») и социология культуры («sociology of culture»). Обратимся к статье Г. Н. Бибикова, обобщившего основные этапы развития данных научных направлений. Социология культуры как научное направление и университетская дисциплина (в большей степени распространена в Америке)

«ставит своей целью описание и анализ культуры в аспекте включенности культурной компоненты в социальную жизнь общества и его подсистем…», причем «…социологи в большинстве своем пишут в рамках позитивистского подхода…» [3, с. 19–20]. Центры культурных исследований, возникшие в Британии, опирались на кафедры литературы и лингвистики. В основе культурных исследований лежит междисциплинарный подход, для них «характерен интерес к культурным объектам…, технологиям производства, продвижения и потребления культурных продуктов, они имеют выраженный прикладной характер» [3, с. 20]. При этом за школой культурных исследований не закреплено место в рамках традиционных научных дисциплин (сравните с позицией отечественной культурологии в гуманитаристике).

Данные научные направления в Европе и Америке не сосуществуют мирно, а ведут, по выражению Бибикова, «острую междисциплинарную борьбу». Объединяющая их черта заключается, пожалуй, только в том, что эти научные школы, применяя различные научные подходы и методы, активно работают с «артефактами» современной культуры. С тем исследовательским материалом, который пока практически не освоила отечественная культурология. Ю. М. Резник пишет, что и в истории зарубежной гуманитарной науки была попытка сформировать общую науку о культуре: «В западной социально-научной мысли имеется, по крайней мере, три проекта общей науки культуры, которые объединяет их антропологическая принадлежность» [7, с. 5]. Это концепции Л. Уайта, Дж. Фейблмана и К. Гирца. Однако, по замечанию того же Резника, они не получили должного признания в западном антропологическом сообществе.

Сравнивая ситуацию, сложившуюся в зарубежной и отечественной гуманитаристике, следует сказать, что на сегодняшний день проблема выбора подходов и методов в изучении культуры связана, прежде всего, с выбором научной парадигмы мышления: классической или постнеклассической. В первом случае обязателен строгий научный статус, наличие разработанной теории и методологии, единого концептуального основания и т. д. Зарубежная социология культуры тяготеет по своему содержанию к данной модели. В постнеклассической парадигме мышления принципиален междисциплинарный подход, отказ от классических научных категорий, «контекстуальные взаимосвязи» и т. д. К этой модели по своему содержанию ближе школа культурных исследований. В отечественной культурологии исторически сложилась традиция доминирования фундаментальных знаний, а, следовательно, и классической парадигмы мышления. В тоже время ее эвристический потенциал связан с постнеклассической моделью (по утверждению того же А. Я. Флиера).

По выражению С. В. Борисова, «наука в современном обществе перестает быть привилегированным способом познания, теряет свою легитимность. Современность дает нам понять, что наука – это просто одна из многих форм мышления, разработанных людьми, и необязательно самая лучшая… Современное состояние науки как бы бросает культурологии вызов – стать той интегративной дисциплиной, которая позволит представителям многих наук осуществлять свои исследования в ее институциональном поле» [4, с. 1]. Если соглашаться с Синецким и Флиером о первоочередности такой задачи российской культурологии, как теоретическое и прикладное «освоение» современного социокультурного пространства, то в ней должна в проекте актуализироваться постнеклассическая научная парадигма мышления, где параллельно может быть задействована и аналитика, и «понимание». Однако данная парадигма «непригодна» для проектирования общей науки о культуре (по выражению Ю. М. Резника), которая в силу поиска единых теоретических оснований тяготеет к классической научной модели. Следовательно, выбор должен быть сделан в пользу только одной – либо социально-научной, либо гуманитарной модели знания. В таком случае возникают сомнения в главном свойстве культурологии (которое признается многими исследователями) – междисциплинарности.

Если говорить о культурологии не только как о науке, но и как образовательной дисциплине, ее специфика, также строящаяся на междисциплинарности и интегративности, предполагает, по выражению А. С. Запесоцкого, синтез позитивистского и антропологического философских подходов. Такая позиция наиболее всего делает актуальной культурологию как общенаучную дисциплину в контексте компетентностно ориентированного подхода в современном образовании. Подобная интегративность данной дисциплины расширяет ее образовательные и учебно-методические возможности в сравнении с другими общегуманитарными дисциплинами, особенно в сфере формирования обще-

культурных компетенций. В то же время и профессиональное культурологическое образование должно синтезировать классическую и постнеклассическую модели научного мышления, прежде всего, с целью востребованности культурологического знания и опыта в современных социокультурных практиках. «Никакие науки не в состоянии составить конкуренцию культурологии в исследовании постписьменной (экранной, аудиовизуальной) культуры, проявляющейся в современном, преимущественно массовом ее слое (отчасти и в элитарном). Культурология – это в первую очередь наука об “актуальной культуре”…» [8, с. 15].

Литература

1. Агошков А. В., Москаленко К. А. О проблемах современной российской науки о культуре // Вопр. культурологии. – 2012. – № 10. – С. 6–15.
2. Астахов О. Ю. Проблемы развития гуманитарного и социально-научного направления культурологического знания // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 22/2. – С. 105–108.
3. Бибиков Г. Н. Терминологическая борьба за культуру: современные подходы к изучению культурных процессов // Обсерватория культуры. – 2011. – № 1. – С. 19–24.
4. Борисов С. В. К вопросу о возможности культурологии как науки // Вопр. культурологии. – 2012. – № 9. – С. 15–19.
5. Загребин С. С. Культурология и культурологи в контексте научной дискуссии // Вопр. культурологии. – 2012. – № 9. – С. 7–14.
6. Запесоцкий А. С. Становление культурологии как отрасли научного знания (философско-методологический анализ) // Вопр. культурологии. – 2012. – № 2. – С. 4–10.
7. Резник Ю. М. Культурология как проект общей науки о культуре // Обсерватория культуры. – 2011. – № 3. – С. 4–12.
8. Флиер А. Я. Феномен культурологии: Опыт новой интерпретации // Обсерватория культуры. – 2011. – № 2. – С. 4–19.

Literatura

1. Agoshkov A. V., Moskalenko K. A. O problemah sovremennoj rossijskoj nauki o kul’ture // Vopr. kul’turologii. – 2012. – № 10. – S. 6–15.
2. Astahov O. Ju. Problemy razvitija gumanitarnogo i social’no-nauchnogo napravlenija kul’turologicheskogo znanija // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul’tury i iskusstv. – 2013. – № 22/2. – S. 105–108.
3. Bibikov G. N. Terminologicheskaja bor’ba za kul’turu: sovremennye podhody k izucheniju kul’turnyh processov // Observatorija kul’tury. – 2011. – № 1. – S. 19–24.
4. Borisov S. V. K voprosu o vozmozhnosti kul’turologii kak nauki // Vopr. kul’turologii. – 2012. – № 9. – S. 15–19.
5. Zagrebin S. S. Kul’turologija i kul’turologi v kontekste nauchnoj diskussii // Vopr. kul’turologii. – 2012. – № 9. – S. 7–14.
6. Zapesockij A. S. Stanovlenie kul’turologii kak otrasli nauchnogo znanija (filosofsko-metodologicheskij analiz) // Vopr. kul’turologii. – 2012. – № 2. – S. 4–10.
7. Reznik Ju. M. Kul’turologija kak proekt obshchej nauki o kul’ture // Observatorija kul’tury. – 2011. – № 3. – S. 4–12.
8. Flier A. Ja. Fenomen kul’turologii: Opyt novoj interpretacii // Observatorija kul’tury. – 2011. – № 2. – S. 4–19.

УДК 008:001.8:316.73

Д. В. Думанский

ПРОБЛЕМА РОСТА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В ТЕОРИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МАКРОДИНАМИКИ

В статье предпринимается попытка рассмотреть проблему роста научного знания о развитии культуры в целом, на основе интерпретации методологии научно-исследовательских программ И. Лакатоса. Анализируется проблема становления и развития линейно-поступательной научно-исследовательской программы социокультурной макродинамики. Проводиться рациональная реконструкция базисных положений «твердого ядра» данной программы.

Ключевые слова: методология научно-исследовательских программ, рациональная реконструкция, социокультурная макродинамика, линейно-поступательная модель развития культуры.

D. V. Dumansky

THE PROBLEM OF GROWTH OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN THE THEORY OF SOCIOCULTURAL MACRODYNAMICS

The object of this work is to demonstrate the capabilities of the methodology of scientific research programs of Imre Lakatos in addressing the humanities growth. This is done by adapting the methodology to the necessary context and by analyzing the existing experience in this area. As a result we specify progressive development criteria of research programs in the field of humanitarian knowledge and adapt to the requirements of the basic formulation forming the "hard core" of the program. Further, on this basis, we made rational reconstruction of linear translational program of sociocultural macrodynamics. We formulate underlying provisions of "hard core": 1) the main line of culture development exists objectively (culture developing uniformly), 2) development involves stage-wise, progressive improvement of universal culture, and 3) each new stage of development of the universal culture arises on the basis of previous, 4) improvement is a universal culture as a whole. Also, the article examines the progressive and regressive step in the development of the program determined by a sequence of theories forming the history of its development, defined by the theory of protective belt.

Keywords: methodology of scientific research programs, rational reconstruction, sociocultural macrodynamics, linear-progressive model of culture development.

Несмотря на значительный успех гуманитарных исследований, статус положительного знания может бить присвоен лишь некоторым эмпирическим открытиям [11, с. 4]. При этом отношение к таким исследованиям в научной среде часто бывает неопределенным. Однако М. С. Каган отмечает, что «точное, логически развернутое и доказательно фундированное гуманитарное знание нужно не меньше, чем логически строгое научное естествознание» [4, с. 22]. Но здесь нужно понимать, что состоятельность той или иной научной дисциплины характеризуется особым интересом к собственной структуре, истории и методологии. Известно, что проблема роста научного знания является общенаучной и весьма актуальной. Но чаще всего эта проблема решается на материале естественно-научных дисциплин. При этом, исходя из вышеизложенного, актуальность ее высока и для гуманитарных наук, в частности для культурологии [2]. В данной работе мы попытаемся рассмотреть проблему роста научного знания о развитии культуры в целом. Для этого сначала обратимся к методологии научно-исследовательских программ И. Лакатоса, а далее попробуем адаптировать ее к социогуманитарному контексту на конкретном примере одной из научно-исследовательских программ социокультурной макродинамики. Может показаться, что проблема развития культурологического знания не совсем корректна, в силу того, что культурология весьма молодая наука. Однако стоит отметить, что культурологическое знание существовало много ранее, так же как и физическое знание существовало задолго до становления физики как науки.

Начиная с Нового времени, развитие науки ассоциируется с прогрессивным, кумулятивным ростом позитивных эмпирических данных о внешнем мире, который последовательно приближает нас к истине [10, с. 3]. В основе такого подхода лежит тезис о том, что существует или должен существовать абсолютный критерий научной рациональности. Однако квантово-релятивистская научная революция, произошедшая на рубеже XIX и XX веков, заставила пересмотреть позиции многих исследователей в области истории и философии науки. При этом релятивизм, который стал популярным в среде постпозитивистов (Т. Кун, П. Фейрабенд и другие), вряд ли удовлетворительно решает проблему динамики научного знания. Томас Кун полностью отвергает возможность существования абсолютных критериев рациональности и, как следствие, каких бы то ни было объективных критериев оценки роста научного знания. Динамику научного знания он видит в постоянной смене парадигм, внутри которых вырабатываются свои, не соотносимые с прежними критерии рациональности. Но проблема смены парадигм не поддается рациональной реконструкции. Он отмечает лишь то, что она зависима от социального и психологического контекста [6, с. 40–41]. Следовательно, с позиции Куна, смена парадигм иррациональна, как иррациональна и динамика научного знания. Если метакритерии отсутствуют,

встает вопрос о правомерности использования критериев рациональности одной парадигмы по отношению к другим, а тем более к росту научного знания как такового. Кроме того, если рост научного знания априори иррационален, стоит ли вообще пытаться как-то рационально его осмыслить, как это весьма успешно делает Томас Кун. Так или иначе, несмотря на особую популярность куновского подхода к проблеме роста научного знания, он не лишен ряда проблемных мест. Учитывая это, а также критику Куном построений К. Поппера, Имре Лакатосом была создана методология научно-исследовательских программ. Он предлагает (вслед за Куном) рассматривать более долговечные научные образования, чем теория. А именно научно-исследовательские программы, характеризующие зрелую науку. Она отличается от незрелой тем, что предвосхищает новые вспомогательные теории, обладает эвристической силой, располагает теоретической автономией. Кроме того, развитие науки представляется Лакатосу как конкуренция научно-исследовательских программ, а не как чередование периодов «нормальной науки» и «кризисов» (позиция Т. Куна). При этом структура научно-исследовательской программы четко определена. Научно-исследовательская программа есть последовательность теорий связанных между собой непрерывностью. Непрерывность последовательности является здесь определяющей характеристикой, она может быть задана, по мнению Лакатоса, самыми абстрактными утверждениями [8, с. 79]. Но масштаб рассмотрения определенной последовательности теорий как научно-исследовательской программы может быть сколь угодно большим. Собственно наука как таковая может рассматриваться как метаисторическая научно-исследовательская программа.

Перейдем непосредственно к структуре научно-исследовательской программы. Любая программа имеет «твердое ядро», «защитный пояс» и ряд методологических правил, которые составляют две группы – «положительная эвристика» и «отрицательная эвристика». Твердое ядро – неоспоримые постулаты, наиболее абстрактные утверждения о рациональном устройстве изучаемого объекта. Однако неоспоримыми они являются лишь в рамках определенной научно-исследовательской программы. Эта неоспоримость является конвенциональной и обладает определенным рациональным смыслом, который состоит в том, чтобы не позволить «опровержениям» переносить ложность на твердое ядро до тех пор, пока подкрепленное эмпирическое содержание защитного пояса вспомогательных гипотез продолжает увеличиваться [8, с. 83]. Это рациональный смысл и описывает отрицательная эвристика, которая запрещает использовать логическое правило modus tollens (A→B, не-B; следовательно, не-A), когда речь идет об утверждениях, включенных в «твердое ядро». То есть исследователям запрещено что-либо менять в исходной теории, даже если они находят такие «факты», которые вступают в противоречие с этой теорией. Вместо этого необходимо изобретать «вспомогательные гипотезы», которые примиряют теорию с фактами. Эти гипотезы образуют защитный пояс вокруг фундаментальной теории (положений твердого ядра), они принимают на себя удары опытных проверок и в зависимости от силы и количества этих ударов могут изменяться, уточняться или даже полностью заменяться другими гипотезами. Таким образом, защитный пояс составляют вспомогательные гипотезы, а правила положительной эвристики – приемы, с помощью которых можно и нужно изменять «опровержимую» часть программы (защитный пояс), чтобы сохранить в неприкосновенности «неопровержимую» (твердое ядро) ее часть. Если программа обладает хорошо развитой положительной эвристикой, то ее развитие зависит не столько от обнаружения опровергающих фактов, сколько от внутренней логики самой программы. Следовательно, положительная эвристика предполагает работу не столько с объяснением существующих аномалий, сколько с их предвидением и дальнейшей адаптацией: «Если положительная эвристика ясно определена, то трудности программы имеют скорее математический, чем эмпирический характер» [8, с. 87]. Положительная эвристика, как утверждает Лакатос, может быть сформулирована как «метафизический принцип». Поэтому она более «гибкая», чем отрицательная. Таким «метафизическим принципом», например, может являться идея того, что вселенная есть огромный часовой механизм (и система вихрей), в котором толчок является единственной причиной движения (эвристический принцип картезианской метафизики) [8, с. 80]. Кроме определенной структуры, методология И. Лакатоса предполагает и объективные критерии оценки научно-исследовательских программ. Они оцениваются на основании «прогрессивного» и «регрессивного сдвига проблем». Та или иная научно-

исследовательская программа развивается успешно, если обеспечивает прогрессивный сдвиг проблем, и, наоборот, – программа не успешна, если сдвиг проблем регрессивен. Программа прогрессирует, когда каждый следующий шаг ведет к увеличению ее содержания. Таким образом, происходит прогрессивный теоретический сдвиг проблем. К тому же необходимо, чтобы теоретический сдвиг имел и эмпирическое подтверждение, хотя бы ретроспективно, «программа в целом должна рассматриваться как дискретно прогрессивный эмпирический сдвиг» [8, с. 82]. В связи с этим проблема элиминации научно-исследовательской программы не так проста. Она решается скорее ретроспективно, потому как: «Нет ничего такого, что можно было бы назвать решающими экспериментами, по крайней мере, если понимать под ними такие эксперименты, которые способны немедленно опрокидывать исследовательскую программу» [8, с. 146–147]. Программа может долгое время находится в регрессивной стадии, может развиваться, находясь в противоречии с другими более сильными программами. Но если ученый, последователь «побежденной» научно-исследовательской программы, несколько лет спустя предлагает научное объяснение якобы «решающего эксперимента» в рамках якобы разгромленной программы, почетный титул может быть снят и «решающий эксперимент» может превратиться из поражения программы в ее новую победу. Методология научно-исследовательских программ, по замыслу автора, должна была максимально приблизить теоретические представления о научной рациональности к реальной истории науки. Однако И. Лакатос прекрасно понимал, что его рациональная реконструкция динамики научного знания отличается от реальной истории. В своих теоретических изысканиях он следовал следующему тезису: «Философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа» [7, с. 203]. Лакатос предлагает различать «внутреннею историю» и «внешнею». Внутренняя история реконструируется на основании нормативной методологии, тем самым рационально объясняя динамику научного знания. В то время как внешняя истории (реальная история) может выглядеть весьма иррационально. При этом необходимо понимать, что некоторые важные проблемы внешней истории, могут быть сформулированы только на основании внутренней. И. Лакатос убежден, что внутренняя история так или иначе присутствует в любых изложениях внешней истории: «История без некоторых теоретических “установок невозможна”. <…> Конечно, эти установки могут быть скрыты за эклектическим переходом от теории к теории или за теоретической путаницей; но, ни эклектизм, ни путаница не означают отказа от теоретических воззрений» [7, с. 234]. Каждая рациональная реконструкция создает свою, характерную для нее модель рационального роста научного знания. Здесь можно провести аналогию с социокультурной макродинамикой – в исследованиях развития культуры явно или не явно всегда присутствуют теоретические установки. Поэтому говорить о «реальной истории» весьма проблематично.

Теперь попробуем адаптировать методологию И. Лакатоса к гуманитарной сфере на конкретном примере научно-исследовательской программы социокультурной макродинамики. Одной из успешных в данной сфере является программа линейно-поступательного развития культуры. Прежде чем перейти к рассмотрению этой программы, важно отметить следующее. Целью данного исследования не является всестороннее исследование обозначенной программы или доказательство ее превосходства. Основная задача показать то, как может работать методология научно-исследовательских программ в этой сфере, каким потенциалом она обладает. То есть это всего лишь попытка продемонстрировать вариант решения проблемы роста научного знания в гуманитарной сфере посредствам методологии научно-исследовательских программ.

Формирование этой программы было весьма длительным. Эвристический принцип, который лежит в ее основе, был сформулирован еще Ж. Боденом в его работе «Метод легкого познания истории», которая увидела свет в 1566 году. Боден считал, что от «дикости» человечество поднялось до состояния, которое он именовал «гражданским обществом» (civilsocietas) (см. [13, с. 110]). Однако детальной разработки этот принцип не получил, хотя из него уже следуют положения твердого ядра. Заметим, что в силу специфики гуманитарных наук (их «нематематизированности») отделить положительную эвристику от базисных утверждений твердого ядра значительно сложнее. Поэтому прежде чем обратиться к процессу становления этих положений, попробуем наметить основные тре-

бования к постулатам твердого ядра в контексте гуманитарных наук. Такие требования выдвигает Н. С. Розов (см. [12, с. 149–154]). Он модифицировал методологию научно-исследовательских программ с целью ее применения в качестве нормативного плана организации нового перспективного исследования в контексте теоретической истории. Таким образом, мы попытаемся выявить универсальные аспекты этих требований (с учетом специфики не создания научно-исследовательских программ, как у Н. С. Розова, но их выявления). Во-первых, это должны быть тезисы, объясняющие рациональное устройство объекта, логическая форма которых в принципе допускает их опровержение (принцип верификации). Во-вторых, обязательным атрибутом строгой формулировки постулатов твердого ядра должно являться наличие переменных, связанных логическими кванторами («все», «найдется хотя бы один», «один и только один»). В-третьих, общность постулатов ядра должна прямо соответствовать общности претензий исследовательской программы на охват предметной области. Если научно-исследовательская программа направлена на изучение развития культуры в целом, то постулаты должны распространяться на всю историю культуры. При этом важно понимать, что общность исследовательской программы не запрещает создания частных теорий внутри исследовательской программы, объясняющих конкретные фрагменты действительности. Например, постулаты научно-исследовательской программы, касающиеся истории развития культуры в целом, не препятствуют созданию внутри этой программы теорий, объясняющих специфику современной культуры. В-четвертых, вся совокупность постулатов твердого ядра должна позволять делать выводы о самых разных аспектах социокультурной действительности (технология, хозяйство, социальные отношения, поведение и т. д.). В-пятых, в рациональной реконструкции положений твердого ядра должен быть количественный и качественный баланс. Поясним эту мысль. Н. С. Розов считает, что успех программы зависит от баланса продуктивности и неуязвимости постулатов. Абсолют продуктивности обеспечивается максимальной содержательностью и нетривиальностью постулатов, при этом они максимально уязвимы. Абсолют неуязвимости обеспечивается максимальной тривиальностью и «тавтологичностью» постулатов, при этом они максимально непродуктивны. В контексте рациональной реконструкции этот принцип может быть интерпретирован следующим образом. При выявлении той или иной научно-исследовательской программы необходимо реконструировать положения твердого ядра таким образом, чтобы они не были ни максимально абстрактными, ни максимально конкретными (качественный баланс). И в том, и в другом случае мы будем иметь дело с непродуктивной реконструкцией. С одной стороны, существуют опасность всю дисциплину свести к одной программе, с другой – программу к одной или нескольким теориям. Такая же опасность возможна, если не соблюдать количественный баланс, если в твердое ядро включать максимальное количество постулатов или один единственный постулат. Так, например, культурную динамику можно подчинить одному «метафизическому принципу» – «культуру определяет ее развитие».

Итак, возвращаясь к проблеме становления научно-исследовательской программы линейно-поступательного развития, отметим, что формирование постулатов твердого ядра можно обнаружить в работе Анна Робера Жака Тюрго «Рассуждения о всеобщей истории», которая увидела свет приблизительно в 1750 году (см. [13, с. 115]). Тюрго уже разделяет историческое развитие и природное, тем самым выделяя новую сферу развития – развития культуры и общества. Основой его рассуждений является идея целостности человеческого рода. Этим же задается основание для возможности всемирной истории. Но целое теперь есть не неизменность человеческой природы, а единство в совершенствовании рода человеческого. У Тюрго уже можно обнаружить намерение доказать сущность человеческого разума в качестве столь же непогрешимо действующей силы природы, как, например, сила притяжения, которая обеспечивает магистральную линию развития культуры и общества, направленную к достижению единообразного будущего человечества (см. [9, с. 144]). Также Тюрго утверждает наличие определенных стадий развития культуры и общества. Здесь он выдвигает гипотезу, основанную на производственно-экономической типологии стадий развития человечества. Так можно выделить четыре основных стадии: собирательно-охотничья, скотоводческая, земледельческая и торгово-промышленная. При этом торгово-экономические факторы, наряду с последовательными

усовершенствованиями человеческого разума, обеспечивают общее прогрессивное движение. Тюрго отмечает, что, несмотря на все войны и опустошения, «нравы смягчаются и человеческий разум просвещается. Разделенные прежде народы сближаются друг с другом, торговля и международные отношения захватывают, наконец, весь земной шар, и человеческий род путем постоянной смены периодов спокойствия и волнений, счастья и напастей, приближается постепенно, хотя и медленным темпом, все больше к совершенству» (цит. по [3, с. 69]). Таким образом, мы уже можем говорить о некоторых базисных суждениях, которые следует включить в твердое ядро. Прежде всего, это идея единообразия человеческого развития, то есть наличие определяющей магистральной линии развития культуры и общества, имеющей всеобщую ценность. Далее, это идея обязательного стадиального развития, направленного к постоянному совершенствованию. Совершенствование является универсальным, то есть охватывает как индивидуальные, так и общественные добродетели (нравы, разум, производство, экономику).

Дальнейшее развитие этих базисных положений программы связано с работами Ж. А. Н. Кондорсе, ученика А. Р. Ж. Тюрго. В своей работе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (1794 год) Кондорсе развивает теорию рациональной детерминированности линейно-поступательного развития культуры, а также теорию «десяти эпох», но основные постулаты, безусловно, остаются неизменными. Боле того, Кондорсе формулирует тезис, который также необходимо включить в твердое ядро: «...результат, обнаруживаемый в каждый момент, зависит от результатов, достигнутых в предшествующие моменты, и влияет на те, которые должны быть достигнуты в будущем» [5, с. 36]. Таким образом, четвертым постулатом твердого ядра будем считать принцип, согласно которому каждая новая стадия зависит от предшествующей и развивается на ее основе. Разум, знания, науки, по Кондорсе, есть основа прогрессивного развития человечества. Разум – двигатель социокультурного развития. Первоисточником же его собственной активности, согласно Кондорсе, является природная потребность в разнообразных ощущениях или новых идеях (см. [5, с. 63–64]). Прогрессивное развитие человеческой культуры, по Кондорсе, закономерно, оно подчинено общим законам развития. Фактически это законы развития человеческих способностей, которые в прогрессе находят свое естественное завершение, обобщение или укрупнение. В результате законом становится сам прогресс. В доказательство этому тезису Кондорсе, используя максимально богатый исторический материал, анализирует всю историю человечества, выделяя десять основных эпох (см. [5, с. 45–225]). Не будем останавливаться на детальном изложении содержания этих десяти эпох. Отметим лишь то, что Кондорсе успешно доказал состоятельность базовых утверждений твердого ядра на широком эмпирическом материале (обеспечив эмпирически прогрессивный сдвиг), а также ввел дополнительные теории (обеспечив теоретически прогрессивный сдвиг). Такой теорией также является зависимость прогресса рациональности от религиозного сознания, которая в дальнейшем будет разрабатываться О. Контом. Безусловно, торжество разума Кондорсе связывал с секуляризацией. Так, он писал: «Нет ни одной религиозной системы, ни одной сверхъестественной нелепости, которая не основывалась бы на незнании законов природы» [5, с. 188]. Кроме того, Кондорсе делает прогноз, в котором предсказывает несколько значимых фактов социокультурной действительности. Десятая эпоха, которой тогда было только суждено настать, характеризуется им следующим образом. Совершенствование человеческого рода будет осуществляться по пути устранения неравенства между нациями, прогрессом равенства между различными классами того же народа и по пути действительного совершенствования человека (см. [5, с. 197]). Что же касается «отсталых» народов, то их развитие, считает Кондорсе, будет более быстрым и будет происходить с меньшими издержками, поскольку они смогут воспользоваться плодами просвещения и прогресса могущественных европейских наций. Со стороны последних следует ожидать уважения к независимости слабых государств, гуманного отношения к их невежеству и нищете. Сбылся ли прогноз Кондорсе, относительно предсказания ряда фактов социокультурной действительности? Ответ на этот вопрос, скорее всего, связан с конкретной ценностной, мировоззренческой и идеологической ориентацией. Однако формально можно говорить, что прогноз подтвердился. А предсказание новых фактов, по Лакатосу, это безусловный успех научно-исследовательской программы.

Кроме того, необходимо отметить значительный прогресс научно-исследовательской программы линейно-стадиального развития в XIX веке. Известный вклад в развитие этой программы внес

К. Маркс, обеспечив реальный теоретически и эмпирически прогрессивный сдвиг в решение проблем. Также особенно важным обстоятельством является то, что данная программа легла в основу первых работ связанных со становлением науки о культуре. Речь идет об эволюционизме Г. Спенсера, Э. Тайлора, Л. Г. Моргана и других. Так, Спенсером была введена довольно эвристическая теория структурно-функциональной дифференциации. Суть ее можно свести к следующему. Процесс прогрессивно-эволюционного развития является универсальным и движется всегда от простого к сложному; от аморфности к четкости; от однообразия, гомогенности к специализации, гетерогенности; от текучести к стабильности (см. [14, с. 139]). Благодаря этому механизму, считает Спенсер, развитие культуры и общества проходит ряд обязательных стадий. Простые, изолированные друг от друга общества сменяются сложными, в которых появляется разделение труда среди индивидов и разделение функций между частями общества. Эти общества, в свою очередь, сменяются обществами удвоенной сложности, существующими на постоянной территории, с постоянно действующей конституцией и системой законов, и, наконец, на смену им приходят цивилизации – наиболее сложные социальные целостности [14, с. 140]. Э. Тайлор для подтверждения базисных положений программы использовал широкий этнографический материал, обращая внимание на сходство орудий труда, обычаев и верований разных народов. По мнению Тайлора, культура, как и любой другой объект научного познания, подлежит анализу, разложению на составляющие элементы и классификации этих элементов по тому или иному принципу. Таким образом, прослеживая эволюцию отдельных элементов культуры, Тайлор мог говорить об эволюции целого: «В целом представляется, что в тех случаях, когда мы наблюдаем развитые искусства, тайные знания, разветвленную систему общественных институтов, – все это является результатом постепенного развития ранних, более простых и грубых форм жизни. Ни одна стадия развития цивилизации не возникает сама по себе, но вырастает или развивается из предыдущей стадии» (цит. по [16, с. 538]). В целом, работы Тайлора, в силу богатого этнографического материала, обеспечивали мощный эмпирически прогрессивный сдвиг в решении проблем данной программы. Серьезный вклад в развитие программы внес и Л. Г. Морган, который ввел теорию технического детерминизма. Морган считал, что единообразие и непрерывность эволюционно-прогрессивного развития вытекают из универсальности и постоянства человеческих потребностей. Типичные для людей потребности (в пище, жилье, комфорте и другие) стимулируют поиск средств их удовлетворения, приводят к технологическим новшествам. Технологические новшества, в свою очередь, меняют весь характер общества и культуры, в том числе формы семейной жизни, культурные ценности и повседневная жизнь (см. [14, с. 141]). Однако, несмотря на столь серьезные успехи, в конце XIX века начинается регрессивная стадия рассматриваемой нами программы, которая продолжается вплоть до середины XX века. Регресс связан с критикой Франца Боаса в адрес эволюционистов и распространением диффузионизма. Так, в своей работе «Эволюция или диффузия» он анализирует несколько социокультурных общностей, которые в терминологии линейно-стадиальной программы могут быть обозначены как «низшие», и доказательно демонстрирует их реальные различия, в результате чего делает вывод: «Мы думаем, что единообразие древних форм недоказуемо и все ранее рассмотренные феномены говорят в пользу исконной множественности» [1, с. 347]. В среде диффузионистов сложилось мнение, что существует лишь два способа исследования культуры – историческое и научное, причем историческое предполагает хронологическое описание развития культуры во всей его непредвзятости, научное же предполагает обобщение конкретных культурных фактов, выходящее за хронологические рамки (см. [16, с. 541]). Таким образом, целостному осмыслению развития культуры просто не нашлось места. Диффузианисты сосредоточились на этнографических исследованиях. Однако «воскрешение» базисных положений твердого ядра все же произошло, и связанно оно с работами Л. Уайта, который также известен тем, что ввел в научный обиход понятие культурологии как науки. Уайт убедительно и доказательно показал, что кроме научного и исторического изучения культур необходимо и эволюционное изучение (см. [15]). Причем эти три способа исследования не противоречат друг другу, а, наоборот, дополняют. Основной тезис Уайта заключается в следующем: «в культуре существуют три четко разграниченных и вычленимых процесса и, соответственно, существовали и должны суще-

ствовать три соответствующих способа ее интерпретации. Эти три процесса вместе с соответствующими им способами интерпретации культуры суть: 1) временной процесс является хронологической последовательностью единичных событий; его изучает история; 2) формальный процесс представляет явления во вневременном, структурном и функциональном аспектах, что дает нам представления о структуре и функции культуры; 3) формально-временной процесс, представляющий явления в виде временной последовательности форм; его интерпретацией занимается эволюционизм» [15, с. 561]. Таким образом, Уайт теоретически обосновывает необходимость дальнейшего развития линейно-стадиальной программы. Что же касается «основной аномалии Боаса», то Уайт доказывает, что она появилась в результате неправильной интерпретации базисных положений твердого ядра. Суть заключается в том, что никто не отрицал наличия разнообразия в культуре как целом – оно действительно существует. Однако существует и единообразие в развитее, существует магистральный путь, по которому поступательно развивается культура как целое. Уайт убежден, что культура «бесконечно разнообразна в своих конкретных проявлениях, но в то же время содержит единство и единообразие» [16, с. 552]. Кроме того, Уайтом была введена теория энергетического детерминизма, которая, безусловно, основывается на теории технического детерминизма, являясь ее следствием. Культура в контексте данной теории «становится, прежде всего, механизмом преобразования энергии, необходимым, чтобы заставить энергию работать, на благо человека, а уж потом – механизмом формирования и направления его поведения, не связанного напрямую с добыванием пищи, защитой от врагов и борьбой с врагами» [17, с. 462]. Следовательно, культура развивается, осваивая все более мощные источники энергии, преобразовывая ее, что стимулирует развитие технологии. Но именно количество потребляемой энергии напрямую влияет на благополучие людей и развитие культуры, которая по мере собственной эволюции стремится к более высокому уровню интеграции. Таким образом, работы Уайта определили теоретически и эмпирически прогрессивные сдвиги в решении проблем.

Итак, мы рассмотрели пример того, как контраргумент объясненный Уайтом в рамках линейно-стадиальной научно-исследовательской программы превратился в ее новую победу. Были обнаружены также примеры прогрессивных и регрессивных сдвигов, как эмпирических, так и теоретических. На основании уточнений, сделанных Н. С. Розовым к методологии научно-исследовательских программ, а также собственной интерпретации данной методологии были реконструированы положения твердого ядра рассматриваемой программы. В конечном счете их можно свести к следующим: 1) объективно существует магистральная линия развития культуры (культура развивается единообразно); 2) это развитие предполагает стадиальное, поступательное совершенствование общечеловеческой культуры; 3) каждый новый этап развития общечеловеческой культуры возникает на основе предыдущих; 4) совершенствование является универсальным для культуры как целого. Кроме того, намечен ряд теорий, последовательность которых и составляет линейно-стадиальную научно-исследовательскую программу социокультурной макродинамики. Безусловно, эта последовательность не является полной и исчерпывающей, не рассмотрено современное состояние программы (а она успешно развивается), но такой задачи и не стояло. Главное состоит в том, что, наметив основные вехи развития программы, появилась возможность продемонстрировать методологию научно-исследовательских программ применимо к социогуманитарным наукам. Думается, что ее эврестичный потенциал еще только предстоит реализовывать в обозначенном контексте.

Литература

1. Боас Ф. Эволюция или диффузия / пер. с англ. Ю. С. Теречтьевой // Антология исследований культуры. – СПб.: Университет. кн., 1997. – Т. 1: Интерпретация культуры. – С. 343–347.
2. Двуреченская А. С. Профессиональная компетентность культуролога в контексте прикладной культурологии // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 22/2. – С. 109–113.
3. Захер Я. М. Тюрго. – М.: Государств. изд-во, 1919. – 78 с.
4. Каган М. С. Эстетика как философская наука. – СПб.: Петрополис, 1997. – 544 с.
5. Кондорсе Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / пер. И. А. Шапиро. – М., 2010. – 233 с.
6. Кун Т. Логика открытия или психология исследования? / пер. с англ. О. А. Балла // Философия науки. – 1997. – № 3. – С. 20–48.

7. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки. – М.: Прогресс, 1978. – С. 203–269.
8. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / пер. с англ. и предисл. В. Н. Поруса. – М.: Медиум, 1995. – 236 с.
9. Мейнеке Ф. Возникновение историзма / пер. с нем. В. А. Брун-Цехового, Л. Т. Мильской. – М.: РОССПЭН, 2004. – 480 с.
10. Нугаев Р. М. Проблема роста научного знания // Философия науки. – 2006. – № 4. – С. 3–19.
11. Розов Н. С. Возможны ли «быстрые открытия» и накопление знаний в науке // Философия науки. – 2002. – № 3. – С. 3–23.
12. Розов Н. С. Философия и теория истории. – М.: Логос, 2002. – Кн. 1: Пролегомены. – 656 с.
13. Семенов Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). – М.: Современ. тетради, 2003. – 776 с.
14. Штомпка П. П. Социология социальных изменений / пер. с англ., под ред. В. А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
15. Уайт Л. А. История, эволюционизм и функционализм как три типа интерпретации культуры / пер. с англ. М. С. Тростниковой // Антология исследований культуры. – СПб.: Университет. кн., 1997. – Т. 1: Интерпретация культуры. – С. 559–590.
16. Уайт Л. А. Концепция эволюции в культурной антропологии / пер. с англ. М. С. Тростниковой // Антология исследований культуры. – СПб.: Университет. кн., 1997. – Т. 1: Интерпретация культуры. – С. 536–558.
17. Уайт Л. А. Энергия и эволюция культуры / пер. с англ. Е. М. Лазаревой // Антология исследований культуры. – СПб.: Университет. кн., 1997. – Т. 1: Интерпретация культуры. – С. 439–464.

Literatura

1. Boas F. Evoljucija ili diffuzija / per. s angl. Ju. S. Terecht'evoj // Antologija issledovanij kul'tury. – SPb.: Universitet. kn., 1997. – T. 1: Interpretacija kul'tury. – S. 343–347.
2. Dvurechenskaja A. S. Professional'naja kompetentnost' kul'turologa v kontekste prikladnoj kul'turologii // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul'tury i iskusstv. – 2013. – № 22/2. – S. 109–113.
3. Zaher Ja. M. Tjurgo. – M.: Gosudarstv. izd-vo, 1919. – 78 s.
4. Kagan M. S. Estetika kak filosofskaja nauka. – SPb.: Petropolis, 1997. – 544 s.
5. Kondorse Zh. A. Eskiz istoricheskoj kartiny progressa chelovecheskogo razuma / per. I. A. Shapiro. – M, 2010. – 233 s.
6. Kun T. Logika otkrytija ili psihologija issledovanija? / per. s angl. O. A. Balla // Filosofija nauki. – 1997. – № 3. – S. 20–48.
7. Lakatos I. Istorija nauki i ee racional'nye rekonstrukcii // Struktura i razvitie nauki. Iz Bostonskih issledovanij po filosofii nauki. – M.: Progress, 1978. – S. 203–269.
8. Lakatos I. Fal'sifikacija i metodologija nauchno-issledovatel'skih programm / per. s angl. i predisl. V. N. Porusa. – M.: Medium, 1995. – 236 s.
9. Mejneke F. Vozniknovenie istorizma / per. s nem. V. A. Brun-Cehovogo, L. T. Mil'skoj. – M.: ROSSPEN, 2004. – 480 s.
10. Nugaev R. M. Problema rosta nauchnogo znanija // Filosofija nauki. – 2006. – № 4. – S. 3–19.
11. Rozov N. S. Vozmozhny li "bystrye otkrytija" i nakoplenie znanij v nauke // Filosofija nauki. – 2002. – № 3. – S. 3–23.
12. Rozov N. S. Filosofija i teorija istorii. – Kn. 1: Prolegomeny. – M.: Logos, 2002. – 656 s.
13. Semenov Ju. I. Filosofija istorii. (Obshchaja teorija, osnovnye problemy, idei i koncepcii ot drevnosti do nashih dnej). – M.: Sovremen. tetradi, 2003. – 776 s.
14. Shtompka P. P. Sociologija social'nyh izmenenij / per. s angl. pod red. V. A. Jadova. – M.: Aspekt Press, 1996. – 416 s.
15. Uajt L. A. Istorija, Evoljucionizm i funkcionalizm kak tri tipa interpretacii kul'tury / per. s angl. M. S. Trostnikovoj // Antologija issledovanij kul'tury. – SPb.: Universitet. kn., 1997. – T. 1: Interpretacija kul'tury. – S. 559–590.
16. Uajt L. A. Koncepcija evoljucii v kul'turnoj antropologii / per. s angl. M. S. Trostnikovoj // Antologija issledovanij kul'tury. – SPb.: Universitet. kn., 1997. – T. 1: Interpretacija kul'tury. – S. 536–558.
17. Uajt L. A. Energija i evoljucija kul'tury / per. s angl. E. M. Lazarevoj // Antologija issledovanij kul'tury. – SPb.: Universitet. kn., 1997. – T. 1: Interpretacija kul'tury. – S. 439–464.

УДК 130.2

Г. Н. Миненко, Ж. А. Рябчевская

О СПЕЦИФИКЕ ЭСХАТОЛОГИЗМА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье обсуждается проблема генезиса эсхатологизма в русской культуре, его специфические особенности, связанные с историческими обстоятельствами бытования и эволюции православия на русской почве.

Ключевые слова: гностицизм, дуализм, инверсия, манихейство, православие, русская культура, эсхатология.

G. N. Minenko, Zh. A. Ryabchevskaya

ABOUT ESCHATOLOGIZM'S SPECIFICS IN THE RUSSIAN CULTURE

Eschatology is an integral part of Christian dogma about the person and the world, the main component of Christian philosophy of history. According to a position of N. A. Berdyaev and his followers, the Russian national type of the person is an eschatological type, and an eschatologizm is some kind of substantive element of the Russianness. The new reading of eschatologizm developed since the 1990s (A. S. Akhiyezer, etc.) contains the thesis about its central role in an institutionalization of special type of sociocultural dynamics of Russia. This inversion development, being characterized by a sharp transition from one pole of contrast to another, skipping the claiming or mediation, the idea which concretizes N. A. Berdyaev's known thought of absence in Russians of a gift of "median culture" creation. In that and other case, the eschatologizm as a tendency to the end of history is urged to designate a certain primary element of the Russian religious and historical consciousness which, being the ecstatic all-Christian doctrine, is expressed in Russians. And though, in the general plan, it is possible to agree with it, however, from a position of the article authors, it is necessary to approach to a question of an eschatological dominant of the Russian religious consciousness historically. Two moments are most important. The first is a feature arriving from the Balkans in translations into Slavic language of the Christian literature, which majority was selected from monastic libraries of Byzantium. The subject of "a small eschatology" took in it an essential place and was strongly deposited in consciousness of monks of the Russian monasteries, an aristocratic top of the Kiev Rus, then next in the XIV–XV centuries when the real church conversion of simple people was carried out, it was introduced into consciousness of broad masses. The second moment, continuous influence of geopolitical making history of Russia, which was permanently generating imperative calls to the existence of the state and the people. Cumulative action of two specified factors caused a regular sharpening of eschatological moods in consciousness of broad masses of the population, happening at peaks of supertension of the people and the state for the sake of self-preservation and further development. Such an exact way "the eschatological complex" of the Russian consciousness was fixed. Since "the autocratic revolution" Ivan the Terrible and the following Distemper of the first two decades of the XVII century, which defined the most unfavorable for people (extensive, serf, autocratic) vector of economic and political development of the country, the eschatologizm acted as a means of channeling the real discontent and protest of broad masses in the sacral sphere. The diverse historical material given in the article opens details of this process. Thus, the idea of a certain substantive expectation of Russians on forming the "culture of the end" to "culture of the middle" the West can be estimated at a counterbalance only as an abstract, historiosophical design. From the historical point of view, all and in due time details defined concrete decisions of elite and unpredictable textures of geopolitical, natural and event factors, and also influences of mighty will of these or those sovereigns and church figures.

Keywords: gnosticism, dualism, inversion, Manichaeism, Orthodoxy, Russian culture, eschatology.

Эсхатологизм (от греч. eschatos – последний, конечный) как учение о конечных судьбах мира и человека в нем выступал в качестве неотъемлемой составляющей христианского сознания в целом, равно в западной в восточной его модификациях. Об эсхатологизме в общем плане, без разбора исторической конкретики, неоднократно писал в своих работах Н. А. Бердяев. Но он явно ориентировался на прецедент В. С. Соловьева, который наиболее ярко ввел в сознание деятелей культуры и искусства Серебряного века тему о «последних временах» – об эсхатологии, Апокалипсисе. В итоговой работе Н. А. Бердяева «Самопознание» (1948) эта тема возведена им в ранг «окончательной философии»,

а работой, в полной мере выражающей его философское творчество, он считал «Опыт эсхатологической метафизики» (1947). Бердяев придал эсхатологизму нетрадиционное толкование – в такой, например, «формуле»: «…я защищаю творчески-активный эсхатологизм. Переход от исторического христианства, которое отходит в прошлое, к христианству эсхатологическому, которому только и принадлежит будущее, должен означать не возрастание пассивности, а возрастание активности, не возрастание страха, а возрастание дерзновения» [3, с. 559]. Однако эти его идеи стали известными значительно раньше появления названного сочинения. Немец Вальтер Шубарт в вышедшей в 1938 году работе «Европа и душа Востока», противопоставляя русского как человека как «иоаннического» западному – «прометеевскому», определяет русского именно как эсхатологический тип и заключает свою книгу в бердяевском духе: «Таков и XX век. Грядет новый апокалипсис, а с ним Страшный суд и Воскресение. Прометеевский человек уже отмечен печатью смерти. Да явится иоаннический человек!» [16, с. 308]. Эта дихотомия дополняется еще одной в этом же духе – противопоставлением Запада с его «культурой середины» России с ее «культурой конца» [16, с. 379].

Новая версия эсхатологизма и его особой роли в русской истории и культуре разработана в последние два десятилетия в трудах известных исследователей – А. С. Ахиезера, А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко. Эсхатологизм у них является важнейшим элементом обоснования инверсии как особого – российского – типа социокультурной динамики в противоположность западному типу, основанному на медиации, или опосредовании полюсов противоположностей. Отрицать инверсионное развитие невозможно – хотя бы потому, что российские революции и перевороты начала и конца XX столетия проходили именно по схеме инверсии.

Логический итог разработанной ими интерпретации темы эсхатологии в рамках «смыслогенетической культурологии» подведен в работе И. Г. Яковенко, одна из глав которой так и называется «Эсхатологическая компонента российской ментальности: связи, обусловленности, логика актуализации» (см. [17]). Нельзя не согласиться с проводимой здесь мыслью об особой роли эсхатологии в православном сознании, где она предстает «универсальной моделью осмысления реальности». Но вызывает сомнение объяснение ее генезиса, связываемого с манихейством и гностицизмом – идея, заявленная еще А. С. Ахиезером в его теории модифицированных инверсионных циклов, где он указывает на наличие в российской ментальности «особой логики мышления». Ее суть заключается в манихейском видении мира как извечной борьбы добра (Бога) и зла (Дьявола). И дело даже не в жестком разделении мира на две субстанции, а в абсолютизации этих оппозиций. Учение пророка Мани (III век н. э.), имевшее широкое распространение на огромной территории от Китая до Испании, наиболее активно культивировалось в низших социальных слоях. Для манихейства характерна идея об окончательном торжестве добра над злом. Радикализм манихейских установок, истолковывавших государственность и сословность как проявление темных сил, выражался в принципиальном отвержении идеи компромисса в развитии культуры и социальных отношений. Дуалистический характер мышления и абсолютизация логики инверсии, начиная с древней Руси, однозначно связываются указанным автором с манихейством, или его болгарской ветвью – богомильством (см. [1, с. 75]). Причем в процессе секуляризации общества, когда религиозные традиции начинают ослабевать, эсхатологический фактор продолжал оставаться в ментальности как код русской нации (см. [8, с. 327]). И в этом смысле судьбы эсхатологической установки оказались разными в христианстве Запада и России.

В изложенной интерпретации тема эсхатологизма в структуре русского менталитета тесно связана с дуалистическим (манихейско-гностическим по происхождению) и склонным к инверсионным взрывам характером мышления. Нам представляется, что, признавая устойчивость эсхатологической доминанты в религиозном и квазирелигиозном сознании русских на протяжении многих столетий, следует более аналитически подойти к происхождению мышления дуальными оппозициями, к определению характера русской эсхатологии. В решении этого вопроса будем опираться на фундаментальные труды историков А. М. Панченко, П. Паскаля, Г. П. Федотова и др.

Прежде всего, следует отметить, что конкретно-исторический материал не подтверждает наличие манихейской составляющей в православном сознании древней и особенно средневековой Руси.

А. М. Панченко, обсуждая скоморошество, характер древнерусского веселья и смеха, ставит проблему религиозного дуализма и отмечает в духовной культуре наличие элементов «…дуалистического мировоззрения, согласно которому добро и зло, Бог и дьявол равновелики и равноправны» [6, с. 173]. Об этом свидетельствует «Повесть временных лет», в которой под 1071 год сообщается о философском диспуте Яна Вышатича с ярославскими волхвами. Согласно их точке зрения, человека сотворил дьявол, но душу в него вложил Бог, поэтому по смерти тело идет в землю, а душа отходит к Богу. Автор говорит о сходстве воззрений волхвов со взглядами болгарских богомилов и павликиан и отмечает, что «в рамках второго южнославянского влияния эти народные ереси могли получить то или иное отражение на Руси». Однако обобщающий вывод ученого – противоположный и вполне однозначный: «…дуальная конфессия в чистом виде на Руси не привилась» [6, с. 174].

В манихействе дуализм космических начал прочно связан с эсхатологий – учением «о последних вещах, о конечной судьбе мира и человека» [10, с. 268]. Эсхатология зародилась в глубокой древности, она присутствует в ближневосточном и европейском культурном ареале. Длительную эволюцию эсхатология прошла у ветхозаветных евреев, затем была унаследована христианством. С. Н. Трубецкой считает, что «эсхатология в целом является едва ли не одним из первых догматов христианства; первый век был эпохой ее расцвета. Последующие века жили преданиями ранней христианской и отчасти иудейской эсхатологии…». И хотя, по мнению автора, современная мысль относится к эсхатологии индифферентно или отрицательно, христианство, не отказываясь от себя, «…не может отказаться от веры в Богочеловечество и в царство Божие, в конечную, совершенную победу, реализацию Бога на земле…» [10, с. 270]. Таким образом, главный, существенный признак любой эсхатологии – вера в окончательное разрешение земных проблем, противоречий повседневной жизни человека и общества в вечности.

Дуалистические течения, возникавшие на почве обостренного эсхатологического сознания, соперничали с христианством, начиная с раннего гностицизма I–II веков и манихейства III века. Дуалистическая религиозность впоследствии принимала формы павликианства (Армения, VII век), богомильства (Болгария и соседние страны Балканского полуострова, X век и далее). Эстафету приняли катары и альбигойцы (Западная Европа, XI–XII века и далее). Для Древней Руси наиболее важно богомильство, получившее название от имени священника Богомила – основателя вероучения, поскольку именно из Болгарии и Сербии шел основной поток переводов византийских текстов на церковно-славянский язык. Именно поэтому в исторической науке появилось предположение о существенном воздействии этого течения на характер православия на Руси.

В чем же соперничали дуалистические течения с христианством? Ответ очевиден: соперничество разворачивалось на поле *теодицеи* – оправдания Бога за существующее в человеческом мире зло. Автор статьи о богомилах в энциклопедии «Христианство» Н. В. Ястребов так определяет этот аспект богомильской идеологии: «Богомильство стремилось разрешить в теории вопрос о происхождении зла в мире и в зависимости от этого разрешения найти своей жизненной практикой правильный путь для борьбы со злом» [19, с. 270]. Учитывая наличие дуалистического течения в соседней Болгарии, которое и возникло фактически одновременно с Крещением Руси – во второй половине X века при царе Петре, среди ученых еще в XIX веке возникло предположение о происхождении дуалистического, бинарного стиля религиозного мышления русских именно вследствие болгарского влияния в лице богомильства. Начало этому положил знаменитый филолог А. Н. Веселовский в своей книге «Соломон и Китоврас» (1872). Однако позднее, в работе «Разыскания в области русских духовных стихов (1883), он отказался от категоричности тезиса о влиянии богомильской проповеди на религиозное сознание народных слоев в силу неясности «относительно определенных следов этого влияния…» (см. 11, [с. 17, 162]). Тщательное исследование жанра русских духовных стихов и присутствующей в них «трагической безнадежности эсхатологии», привело философа и историка Г. П. Федотова к более решительному выводу: «Мы (вместе с большинством исследователей) отвергли гипотезу о дуалистическом влиянии богомильства» (см. [11, с. 120]). Современный ученыйфольклорист, собиратель и исследователь, знаток духовных стихов С. Е. Никитина подтверждает такую позицию: «В духовных стихах нет дуализма, о котором много писали в научной литературе, основываясь, главным образом, на эпизоде противоборства Правды и Кривды в Стихе о Голубиной книге, – стихе с отчетливой богомильской тенденцией» [5, с. 142].

Тем не менее, своеобразное заострение противоположностей добра и зла, что как раз характерно для манихейской традиции во всех ее исторических модификациях, явно присутствует в русском средневековом сознании. Та же исследовательница фиксирует противопоставление добра и зла, правды и кривды, праведности и греха как внутреннюю пружину сюжета духовных стихов, так как именно эти оппозиции составляют в них базовую аксиологию и объединяют в одно все их типы и виды (см. [5]).

Как же квалифицировать такой «дуализм»? На этот счет Г. П. Федотов высказывает ясный тезис, разводящий христианский дуализм с манихейским: «Этот скорее *этически обоснованный религиозный дуализм* (курсив наш – *авт.*) не имеет ничего общего с космологическим дуализмом манихейства-богомильства…» [11, с. 118]. Нам представляется, что именно первохристианский, апостольский характер православия, воспринятого, по крайней мере, частью восточнославянского населения достаточно глубоко, «экзистенциально» – как конечная истина о человеке и мире, обусловил наличие в русской и российской ментальности обостренно выраженного эсхатологизма и вытекающего из него своеобразного дуализма. Для обоснования заявленного тезиса необходимо дополнительно обратиться к вопросу о специфике русской религиозности. Нельзя не отметить, что до сих пор одним из наиболее значимых исследований по этому вопросу является двухтомный труд Г. П. Федотова, который так и называется «Русская религиозность» (см. [12; 13]).

Итак, если религиозное основание российской ментальности связано с эсхатологизмом, встает вопрос о специфике русского первохристианства. Решить этот вопрос можно лишь конкретно-исторически, и первое что подлежит осмыслению – это вопрос о характере тех источников, из которых славяне Киевской Руси черпали христианские представления. Основополагающим является тот факт, что греко-византийское христианство в языковом отношении изначально опосредовано понятным народу церковнославянским (древнеболгарским) языком, являвшимся общим для церковной книжности Древней Руси, Болгарии, Сербии и ряда других стран. Церковное богослужение также вскоре после крещения Руси осуществлялось на языке, близком к разговорному языку того времени.

Второе обстоятельство – это переводная литература, которая шла из южнославянского региона – Сербии и Болгарии. Первые собственные сочинения русских богословов появились лишь в XVI веке – «Просветитель» Иосифа Волоцкого и «Устав» Нила Сорского. Славяне оказались одним из немногих народов Европы, который получил Евангелие на почти родном языке, и именно эта особенность определила плюсы и минусы первохристианства в Древней Руси. Минусы во многих своих работах отмечал Г. П. Федотов. В частности, восточные славяне оказались оторванными от светской греко-латинской традиции Древней Греции и Рима, которая не могла быть передана иначе, чем через оригинальные языки.

Каков же был характер книжности, определявшей круг чтения христианина Древней Руси? Оригинальных славянских книг было меньшинство, историками называются лишь труды болгарских авторов – Климента Философа, Константина младшего, все остальное – переводы с греческого. Два автора были вне конкуренции – Иоанн Златоуст и Ефрем Сирин. Проповеди и сочинения первого из них носят характер вдохновенного евангельского морализма, в котором преобладает тема любви, милосердия, обличения богатых и немилосердных, социальной справедливости. Ефрем же – это, прежде всего, тема покаяния, греха, смерти. Кроме «Точного изложения православной веры» Иоанна Дамаскина, Нила Синайского и «Лествицы» преподобного Иоанна, других догматических и аскетических сочинений до конца XIV века на Руси не было. Одним из основных источников библейского благочестия и морализма была ветхозаветная «Псалтырь» и неканонические книги – «Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова» и «Книга Премудрости Соломона». Наконец, на Руси имело хождение бесчисленное количество переводных Житий святых. Митрополит Макарий в XVI веке, проводя ревизию книжных фондов, обнаружил более тысячи Житий, преобладающая часть из них оказались византийскими, и лишь 40 написаны русскими о русских святых (см. [12, с. 50–54]).

Что же формировало христианское сознание и поведение жителей Киевской Руси? При углублении в этот вопрос мы видим положительную сторону полученного южными и восточными славянами исторического дара – богослужения, Евангелия и других христианских книг на близком им языке. Церков-

ными и светскими авторами неоднократно отмечалось, что в сознание русского народа глубоко вошло первохристианство, определяемое евангельским духом с его бескомпромиссным выбором олицетворяемого Христом добра. Поэтому, несмотря на то, что христианство Киевской Руси было в основном аристократическим, княжеским, монастырским, к которому весьма мало еще приобщились народные массы, проповедь Христа – Благой вести о грядущем царстве Божием навсегда вошла в душу русского народа.

Характер церковной книжности определил главную особенность русского христианства, которая неизменно обнаруживается на всех этапах его развития, начиная с Киевской Руси. Эта особенность состоит в *социально-моралистическом характере* русского православия. Она не могла быть «импортирована» из Византии, которая в период принятия Русью христианства была крайне далека от эталонов высокой нравственности. Русский христианский морализм носит четко выраженный социальный характер, и в этом смысле резко контрастирует с византийской монашеской и церковной практикой. Примеров этого множество. Сохранилось семь проповедей епископа Владимирского Серапиона, написанных около 1257 года, призывающих к покаянию в связи с поражением от монголов и гибелью русских людей, разрушением городов и церквей. На первом месте у Серапиона – грехи чисто социальные: «…греховные и безжалостные суды, неправедное лихоимство и всякого рода грабежи, воровство, разбой и грязное прелюбодейство… сквернословие, ложь, клевета, божба и доносы и прочие сатанинские деяния…» (цит. по [13, с. 19]).

Монастыри в Киевской Руси строились или в черте города, или возле городов. Главным занятием монахов были дела социального милосердия. В целом русское иночество, хотя и началось с «пещерного», в прямом смысле слова, монашества св. Антония, в дальнейшем пошло преимущественно по пути его ученика – св. Феодосия, который на первое место ставил проповедь и практику христианской любви, помощь ближним, нуждающимся. Это так называемое «каритативное» христианство. Этико-моралистический уклон прослеживается на разном материале. С. Е. Никитина в своем анализе духовных стихов отмечает, например, в «народном христианстве» явную экспансию морализма в эстетическую область: «Этическая оценка в духовных стихах не только является преобладающей, но захватывает территорию, принадлежащую обычно другим видам оценки, в первую очередь эстетической. Так слово “прекрасный” прилагается… к ограниченному числу объектов: это рай и пустыня, иногда сад в пустыне и, конечно, Иосиф Прекрасный. Нетрудно заметить, что все прекрасное этически совершенно» [5, с. 147].

Материал об этико-моралистическом уклоне в русской православной книжности очень обширный, приводить его можно страницами. Разумеется, реальная жизнь расходилась с такого рода поучениями, хотя это характерно не только для Древней Руси, так бывало всегда с идеалами. Тем не менее социальное мировосприятие, оценка общественной жизни в свете евангельского социального морализма, в том числе в свете представлений о социальной справедливости, стала тем феноменом, который прослеживается на всем протяжении русской и российской истории.

В историко-религиозной литературе принято различать, с одной стороны, Большую эсхатологию, связанную с осмыслением судеб мира и истории, истоком которой была эсхатология Израиля, сосредоточенная на судьбе еврейского народа; с другой – Малую эсхатологию, сосредоточенную на проблеме личного спасения в перспективе смерти и посмертного существования. Византийская аскетическая литература почти исключительно занята персонологической эсхатологией. На Руси народное христианство также в центре внимания держит тему личного спасения или погибели. Лишь в мистические периоды, например в ожидании конца света по окончании 7 000 лет с момента Сотворения мира (1492 год), или в философском, ученом сознании религиозная мысль возвышалась до широкого метаисторического видения эсхатологической проблемы.

Особое преломление эсхатология нашла в специфическом пласте религиозного сознания на Руси, представленном в духовных стихах. Этот жанр не считается сугубо фольклорным, духовные стихи создавались «народной интеллигенцией» (Г. Успенский) – профессиональными авторами и исполнителями, часто слепыми, которые ходили с мальчиками-поводырями по Руси («калики перехожие»)

и представляли в вокальном исполнении свое творчество народу близ храмов в момент церковных, престольных и т. п. праздников. Проникновенное описание сильного воздействия этих стихов на простой народ оставил русский этнограф и писатель С. В. Максимов (Бродячая Русь Христа-ради. – СПб., 1877) (см. [9, с. 5–7]).

По наиболее взвешенному мнению историков, духовные стихи зародились в XVII столетии и вобрали в себя эсхатологический дух христианства, актуализированный драматическими событиями «Бунташного века». Первые записи духовных стихов сделал славянофил и собиратель фольклора П. В. Киреевский, издавший в 1848 году сборник «Русские народные стихи». За ним последовали В. Варенцов и другие. Наиболее представительным оказалось двухтомное собрание П. Бессонова «Калеки перехожие» (1861–1864), который кроме своих записей пользовался также архивными материалами П. В. Киреевского. Записывались духовные стихи и в XX веке, о чем свидетельствует недавнее издание (см. [9]). Большой вклад в изучение этого жанра внес знаменитый филолог Ф. И. Буслаев. Он четко определил функцию духовных стихов – быть посредником между христианской письменной и народной устной культурой.

Итак, источник эсхатологического комплекса в сознании русских христиан изначально определяется характером святоотеческой письменности, имевшей хождение со времен Киевской Руси. Существуют конкретные популярные авторы и тексты, в которых наиболее ярко раскрывается тема о «последних временах», о Страшном суде. Это «Слова» Ефрема Сирина и инока Палладия, а также некоторые апокрифы – «Вопросы Иоанна Богослова Господу на горе Фаворской», его же «Вопросы Аврааму» и, наконец, «Хождение Богородицы по мукам», особенно читаемое на Руси (см. [11, с. 106]). Исторические обстоятельства древней и средневековой Руси не ослабляли, а, наоборот, поэтапно усиливали этот комплекс. Исходными обстоятельствами, способствовавшими его сохранению и актуализации, явилась национально-государственная катастрофа – разорение основных центров культуры и государственности Древней Руси татаро-монголами и величайшее напряжение физических и духовных сил народа в период сохранения ига кочевников. Сюда же следует отнести падение Византии в 1453 году, повлекшее за собой острое ощущение русскими конфессиональной изоляции. Но не это главное. Раскол Руси-России – это драма в трех актах, олицетворяемая эпохой и личностью Ивана IV Грозного и последующей Смуты, церковным и культурным расколом при царе Алексее Михайловиче, и, как завершение – реформами и культурным переворотом при императоре Петре I.

Результатом этих исторических катаклизмов является факт, неоднократно отмеченный философами русской истории и культуры – сохранение этически заряженного эсхатологического комплекса у русских в совершенно изменившихся условиях, в том числе в ситуации господства религиозно индифферентного или даже атеистического сознания. Об этом много писал Н. А. Бердяев, и не только он. О взрыве эсхатологических ожиданий в постсоветской России богатый материал собран М. В. Ахметовой, исследовавшей низовую, повседневную религиозность православных верующих, а также идеологию и практику новых религиозных движений христианского толка – Богородичного центра, Белого братства и Церкви Последнего Завета (см. [2, с. 10]).

Историческая подоплека устойчивости эсхатологического комплекса на Руси и в России достаточно прояснена историками. Обратимся к наблюдениям А. М. Панченко. В своей работе «Русская культура в канун Петровских реформ» он подробно анализирует также эпоху и личность Ивана Грозного, показывая, что именно этим государем создана модель социального и культурного раскола Руси-России. Приведем ключевой отрывок его рассуждений, демонстрирующий суть аргументации ученого. Автор пишет: «Мысль о том, что Петр “рассек” Россию надвое, привлекла Достоевского после возвращения с каторги… Достоевский был прав в том, что раздвоение и двойничестство завещано русской историей, что это русская проблема. Но Достоевский был не прав в том, что объявлял Петра родоначальником раздвоения и двойничества. Корни этих явления восходят к XVI веку. Одним из первых русских авторов, писавших о раздвоении и прямо двойничестве, был дьяк Иван Тимофеев, участник и историк событий Смуты. В своем “Временнике” он обратился к царствованию Грозного (там люди начала XVII века прозорливо видели истоки Смуты) и порицал его за то, что он “всю землю державы своея, яко секирою,

наполы никаком разсече"…» [6, с. 246–247]. Опричнина вызвала всеобщую ненависть, и с 1572 года устранена как форма управления, даже слово это было запрещено к употреблению. Но главный ее итог состоит в создании прецедента.

А. В. Лубский также отмечает кардинальную метаморфозу на Руси именно во второй половине XVI века. В этот период наблюдается окончательное утверждение технологии экстенсивного пашенного земледелия, когда способом повышения экономического благосостояния населения и государства становится территориальная экспансия, колонизация и распашка все новых земель. Страна в результате специфического разрешения социально-экологического кризиса перешла с эволюционной на мобилизационную траекторию развития (см. [4, с. 372–373]).

Широко известно, что XVII век оказался для страны переходной эпохой. Крестьянские войны, городские и стрелецкие восстания, конфликт светской и церковной властей, а главное раскол внутри самой Церкви ознаменовали эпоху «Великой смуты», которая потрясла всю русскую жизнь. Существует много оснований для того, чтобы опричнину объединить со Смутой в один период, так как одно вытекает из другого. Зато позднее свершившийся церковный раскол XVII века – явление особое, можно сказать, двуслойное. Если опираться в его рассмотрении на литературу, выражающую церковно-религиозную позицию, остается непонятным, как из-за споров о внешней стороне церковной обрядности (двоеперстие-троеперстие, сугубая и трегубая ектения и проч.) от одной четверти до трети населения Руси ушло в раскол. Наиболее точно в метаисторическом плане ситуация определяется В. Н. Топоровым. В статье «Московские люди XVII века (к злобе дня)» (1993) он сравнивает век семнадцатый с веком двадцатым и находит их типологически сходными, даже тождественными по характеру и настроению – переходными, эсхатологическими и апокалипсическими. Обобщая фактологию, автор, похоже, сам испытывает изумление перед открывшейся картиной тождества эпох. Приведем один отрывок: «XVII век развертывает перед нами длинную и яркую вереницу своих героев – обыватели, горожане, крестьяне, холопы, служилый люд, военные люди, духовенство, самозванцы, "избавители", "подмененные" цари, люди духа, святые, пророки, юродивые, искатели правды, мученики, самосожженцы, но и мучители, палачи, разбойники, убийцы, душегубы, грешники и лгуны. Завистники, интриганы, пьяницы, сквернословы, развратники и блудницы, приверженцы содомского греха, корыстолюбцы. Во многих из них угадывается нечто знакомое и возникает соблазн слишком полного соотнесения дня нынешнего с днем XVII столетия» (цит. по [15, с. 104]).

На возможное возражение – а *что* здесь особенного, когда не было в истории развратников, душегубов и других людей в этом роде? – следует заметить, что дело не в наличии подобных персонажей в любые времена, а в пропорции, сгущении порока на узком временном промежутке. В. Н. Топоров, например, отмечает невероятную жестокость в XVII веке, когда насильственно умерщвленных во второй половине XVII века оказывается реально больше, чем при объявленном старообрядцами антихристом Петре I.Н. А. Бердяев по поводу мучений, которым был подвергнут и вытерпел вождь старообрядцев Аввакум, пишет в сочинении «Русская идея», что они превосходят человеческие силы. Ознакомление с биографией Аввакума, написанной французским ученым П. Паскалем (см. [7]), в которой дан материал по «исправительным мерам», которые применялись никонианами и царской властью к лидерам раскола, в частности, боярыне Морозовой (Феодосии Прокопьевне Соковниной), наводит на мысль, что превзойти в этом отношении «истязательскую» реальность той эпохи трудно даже в воображении.

Идеологический аспект истории и культуры XVII века затрагивает А. М. Панченко. Основная идея ученого состоит в том, что за поверхностью споров о церковной обрядности и правильности или неправильности «исправления книг» Никоном скрывается непримиримая оппозиция двух тенденций – радикального оцерковления культуры и всей жизни Руси, к которому склонялся вначале сам Никон и его сторонники – «боголюбцы» (Иван Неронов, Аввакум и др.), и стремление «догнать» Европу в области светской культуры, науки, философии, техники, искусства, военного дела и т. д., к чему призывали «западники» – заезжий латинист Симеон Полоцкий, его ученик Сильвестр Медведев, Карион Истомин и др. Борьба в области культуры не уступает по остроте ожесточению противостояния

сторонников старого и нового церковного обряда. Пожалуй, впервые в истории Руси мы встречаемся в духовно-интеллектуальной сфере именно с инверсионным поворотом – идейным взаимоотрицанием с целью полного реального уничтожения противной стороны. Речь идет об оппозиции *свет – тьма* в идейных спорах сторон. Одна сторона настаивала на ничтожестве, другая – на величии, на «правде» старины. Обе «партии» не щадили друг друга в словесной перепалке. Спор не содержал в себе возможности примирения, так как носил мировоззренческий характер. XVII век в истории Руси-России, действительно, особый век. Ю. Крижанич одним из первых именно в этот период отметил у русских резко выраженную черту национального характера – «отсутствие меры».

Эпоха Петра I в России характеризуется завершением наметившейся ранее тенденции социального и культурного раскола. Сами по себе реформы Петра в стремлении преодолеть научную, техническую, военную отсталость страны были крайне необходимы и предполагали поиски новых идей и альтернатив, но тот двойственный вид, в котором они утверждались, привел к усугублению социального и культурного раскола. Разрушение традиционного уклада жизни широкими массами воспринималось как действие сил зла, носителем которого уже было не только начальство, но и сам царь. Деятельность Петра I рассматривалась как продолжение богопротивных дел Никона. Отсюда в народе, особенно среди старообрядцев, стали появляться легенды о Петре-Антихристе, от которого гибнет вера, а его царство есть наступление конца мира.

Резкие и радикальные преобразования, отрицание прежних традиций, вызвавшие к жизни гипертрофию государства (этатизм), централизацию управления, мощное бюрократическое сословие, обозначили прерывистость развития русского общества, ознаменовали очередную ломку эволюционного типа развития. С этого исторического периода раскол в русском обществе стал связываться не только с расколом церковным, он приобрел поистине всеобщий масштаб. Начало осмыслению раскола в России в результате реформ Петра I положено славянофилами. С тех пор трудно назвать более-менее известного мыслителя или крупного историка, который бы не коснулся этой темы, историография ее необозрима. Факт тотального социально-культурного раскола констатировали самые разные, далекие друг от друга деятели науки и культуры: историк В. О. Ключевский, философы Г. П. Федотов, Н. А. Бердяев, богослов Г. Флоровский, писатели А. И. Герцен, А. Белый, Д. С. Мережковский, вождь русского большевизма В. И. Ленин. В словах Г. П. Федотова о Петровском расколе сконцентрирована мысль и страсть множества русских умов. В знаменитой статье «Трагедия интеллигенции» (1926) он с горечью говорит о «сплошном кощунстве и надругательстве, каким преломилась в жизни Петровская реформа», заключая перечисление ужасов этого времени словами: «Не знаю, было ли все это неизбежно… Откуда эта разрушительная ярость всех исторически обоснованных процессов русской истории? Они протекают с таким “запросом”, что под конец не знаешь – и через столетия не знаешь, – что это, к жизни или к смерти?» [13, с. 80].

Итоги проведенного нами анализа состоят в следующем. Эсхатологический комплекс отложился в менталитете русского народа в период первоначального христианства на Руси в силу исторических обстоятельств формирования корпуса православной книжности, приходившей из Болгарии и Византии. В период Киевской Руси он присутствовал в сознании узкого аристократического – боярско-княжеского – слоя, но был интродуцирован в сознание широких масс в процессе их прогрессирующего воцерковления в течение XIV–XV столетий. Исторический выбор Руси в XVI–XVII веках в пользу самодержавия, крепостничества, территориальной экспансии обусловил периодическую актуализацию эсхатологического комплекса на пиковых поворотах дальнейшей истории Руси-России, и дожил в определенных слоях (старообрядчество, низовое христианство, творчество создателей духовных стихов) вплоть до настоящего времени. Он неизменно выходил на поверхность при социально-исторических катаклизмах, в ситуациях безнадежности в застойные времена.

В процессе секуляризации российского общества эсхатологический фактор отнюдь не утрачивался. Следует согласиться с А. С. Ахиезером, что он оставался в ментальности народа как своеобразный «код» нации, провоцируя реализацию инверсионного проекта мгновенного и окончательного преобразования мира. Инверсионная специфика социально-культурной динамики обусловила

на ряде этапов историческое развитие российского общества через катастрофическую прерывистость и радикальное изменение типов цивилизации, понимаемых как смену разительно отличающихся друг от друга культурно-исторических парадигм и стилей культуры.

Домонгольский период русской истории следует вслед за Г. П. Федотовым определить как типологически близкие, если не тождественные, собственно западной истории. О таком тождестве свидетельствует развитие вечевой демократии в Великом Новгороде и Пскове, фактически парламентский режим функционирования Боярской думы в XV веке, что показал В. О. Ключевский, и ряд других моментов. Эсхатологический аспект православия актуализировался в специфических исторических условиях, к которым можно отнести многовековую борьбу Древней Руси со степняками, величайшее напряжение физических и духовных сил в период татаро-монгольского нашествия и, наконец, падение Византии в XV веке, породившее у русских ощущение конфессиональной изоляции.

Дополняя логику рассуждения А. Л. Янова (см. [18]) и этого круга авторов, отметим, что факторами перехода российской истории к инверсионному (взрывному) типу социокультурной динамики непосредственно явились политико-экономические процессы, связанные с переходом к централизованному государству в условиях малой численности населения и аграрной экономики, функционировавшей преимущественно в экстенсивной форме. Закрепощение крестьянства и рождение самодержавия как разновидности восточной деспотии определили многовековой вектор развития, в основании которого был заложен в качестве возмущающего фактора неразрешимый социально-сословный конфликт. Неутихающая борьба крестьянства за «землю и волю» с государством и господствующим дворянским сословием является глубинной причиной разрушительной инверсионности, взрывчатости российской истории на социально-политическом уровне системности русского общества. Медиация (опосредование) в политико-идеологической и экономической сферах оказалась проблематичной также потому, что здесь сталкивались материальные интересы, статусные притязания, которые, в отличие от надстроечной интеллектуальной и духовной сферы, являются более конфликтными и трудно поддающимися компромиссу.

Наконец, если представить системную морфологию социума как «слоеный пирог», то необходимо принять положение о полиморфизме, или гетерогенности социально-культурной динамики Руси-России, то есть развитии разных слоев общества и культуры по типологически различающимся траекториям, и с разными «скоростями». В высоко семиотизированных слоях культуры процессы шли не исключительно инверсионным, а иным, более сложным образом, сочетающим в себе разные, включая «медиационный», векторы.

Литература

1. Ахиезер А. С. Россия: Критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). От прошлого к будущему. – 3-е изд., исправл. и перераб. – М.: Новый хронограф, 2008. – 938 с.
2. Ахметова М. В. Конец света в одной отдельно взятой стране: Религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф. – М.: ОГИ: РГГУ, 2010. – 336 с.
3. Бердяев Н. А. Самопознание: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1997. – 624 с.
4. Лубский А. В. Культура российской цивилизации // Культурология: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. Г. В. Драча. – Ростов н/Д.: Феникс, 1995. – С. 367–388.
5. Никитина С. Е. «Стихи духовные» Г. Федотова и русские духовные стихи // Федотов Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). – М.: Прогресс, Гнозис, 1991. – С. 137–153.
6. Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ // Панченко А. М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. Раб. разных лет. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. – С. 81–330.
7. Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало раскола: пер с фр. – М.: Знак, 2010. – 680 с.
8. Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 376 с.
9. Стихи духовные / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. – М.: Советская Россия, 1991. – 336 с.
10. Трубецкой С. Н. Эсхатология // Христианство. Энциклопед. слов.: в 3 т. / гл. ред. С. С. Аверинцев. – М.: Большая рос. энцикл., 1995. – Т. 3. – С. 268–270.

11. Федотов Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). – М.: Прогресс, Гнозис, 1991. – 192 с.
12. Федотов Г. П. Собр. соч.: в 12 т. – М.: Мартис, 2001. – Т. 10: Русская религиозность, ч. I: Христианство Киевской Руси. X–XIII века. – 382 с.
13. Федотов Г. П. Собр. соч.: в 12 т. – М.: Мартис, 2004. – Т. 11: Русская религиозность, ч. II: Средние века. XIII–XV века. – 367 с.
14. Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // Федотов Г. П. Судьба и грехи России: Избр. ст. по философии русской истории и культуры: в 2 т. – СПб.: София, 1991. – Т. 1. – С. 66–101.
15. Хренов Н. А. Культура в эпоху социального хаоса. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
16. Шубарт В. Европа и душа Востока: пер. с нем. – М.: Альманах «Русская идея», 1997. – 448 с.
17. Яковенко И. Г. Познание России: цивилизационный анализ / отв. ред. академик Ю. А. Рыжов; науч. совет РАН «История мировой культуры». – М.: Наука, 2008. – 522 с.
18. Янов А. Л. Историческое распутье России. В защиту центрального тезиса А. С. Ахиезера // В поисках теории российской цивилизации: памяти А. С. Ахиезера / сост. А. П. Давыдов. – М.: Новый хронограф, 2009. – С. 50–106.
19. Ястребов Н. В. Богомилы // Христианство. Энциклопед. слов.: в 3 т. / гл. ред. С. С. Аверинцев. – М.: Большая рос. энцикл., 1993. – Т. 1. – С. 269–274.

Literatura

1. Ahiezer A. S. Rossija: Kritika istoricheskogo opyta (Sociokul'turnaja di-namika Rossii). Ot proshlogo k budushchemu. – 3-e izd., ispravl. i pererab. – M.: Novyj hronograf, 2008. – 938 s.
2. Ahmetova M. V. Konec sveta v odnoj otdel'no vzjatoj strane: Religioznye soobshchestva postsovetskoj Rossii i ih eshatologicheskij mif. – M.: OGI: RGGU, 2010. – 336 s.
3. Berdjaev N. A. Samopoznanie: Sochinenija. – M.: EKSMO-Press; Har'kov: Folio, 1997. – 624 s.
4. Lubskij A. V. Kul'tura rossijskoj civilizacii // Kul'turologija: ucheb. posobie dlja studentov vuzov / pod red. G. V. Dracha. – Rostov n/D.: Feniks, 1995. – S. 367–388.
5. Nikitina S. E. "Stihi duhovnye" G. Fedotova i russkie duhovnye stihi // Fedotov G. P. Stihi duhovnye (Russkaja narodnaja vera po duhovnym stiham). – M.: Progress, Gnozis, 1991. – S. 137–153.
6. Panchenko A. M. Russkaja kul'tura v kanun petrovskih reform // Panchenko A. M. Ja emigriroval v Drevnjuju Rus'. Rossija: istorija i kul'tura. Rab. raznyh let. – SPb.: Izd-vo zhurnala "Zvezda", 2005. – S. 81–330.
7. Paskal' P. Protopop Avvakum i nachalo raskola: per s fr. – M.: Znak, 2010. – 680 s.
8. Pelipenko A. A., Jakovenko I. G. Kul'tura kak sistema. – M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1998. – 376 s.
9. Stihi duhovnye / sost., vstup. st., podgot. tekstov i komment. F. M. Selivanova. – M.: Sovetskaja Rossija, 1991. – 336 s.
10. Trubeckoj S. N. Eshatologija // Hristianstvo. Encikloped. slov: v 3 t. / gl. red. S. S. Averincev. – M.: Bol'shaja ros. encikl., 1995. – T. 3. – S. 268–270.
11. Fedotov G. P. Stihi duhovnye (Russkaja narodnaja vera po duhovnym stiham). – M.: Progress, Gnozis, 1991. – 192 s.
12. Fedotov G. P. Sobr. Soch.: v 12 t. – M.: Martis, 2001. – T. 10: Russkaja religioznost', ch. I: Hristianstvo Kievskoj Rusi. X–XIII veka. – 382 s.
13. Fedotov G. P. Sobr. soch.: v 12 t. – M.: Martis, 2004. – T. 11: Russkaja religioznost', ch. II: Srednie veka. XIII–XV veka. – 367 s.
14. Fedotov G. P. Tragedija intelligencii // Fedotov G. P. Sud'ba i grehi Rossii: Izbr. st. po filosofii russkoj istorii i kul'tury: v 2 t. – SPb.: Sofija, 1991. – T. 1. – S. 66–101.
15. Hrenov N. A. Kul'tura v epohu social'nogo haosa. – M.: Editorial URSS, 2002. – 448 s.
16. Shubart V. Evropa i dusha Vostoka: per. s nem. – M.: Al'manah "Russkaja ideja", 1997. – 448 s.
17. Jakovenko I. G. Poznanie Rossii: civilizacionnyj analiz / otv. red. akademik Ju. A. Ryzhov; nauch. sovet RAN "Istorija mirovoj kul'tury". – M.: Nauka. – 2008. – 522 s.
18. Janov A. L. Istoricheskoe rasput'e Rossii. V zashchitu central'nogo tezisa A. S. Ahiezera // V poiskah teorii rossijskoj civilizacii: pamjati A. S. Ahiezera / sost. A. P. Davydov. – M.: Novyj hronograf. – 2009. – S. 50–106.
19. Jastrebov N. V. Bogomily // Hristianstvo. Encikloped. slov.: v 3 t. / gl. red. S. S. Averincev. – M.: Bol'shaja Ros. encikl., 1993. – T. 1. – S. 269–274.

УДК 7.04

Л. В. Оленич

РОСКОШЬ В РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

Статья посвящается анализу категории «роскошь» и ее преломлению в церковном и светском сознании разных эпох. Рассматриваются эстетические и художественные аспекты произведений из сферы высокого искусства и народного творчества. Автора интересует проявление канона как модели бытия в произведениях русских мастеров.

Ключевые слова: красота, традиция, роскошь, канон, рай, «шестодневное мироощущение».

L. V. Olenich

LUXURY IN RUSSIAN ARTISTIC MEDIEVAL CONSCIOUSNESS OF MODERN TIMES

Nowadays, the category of luxury is disclosed usually in moral values or economic aspect. But this does not exhaust all of its meanings. It must be taken into account that other aspects of this category are related to religious, cultural and artistic values. The purpose of this article is to consider some of the manifestations of luxury in Russian artistic consciousness of the Middle Ages and modern times. The boundary between the secular and religious understandings of luxury are noted, thanks to the prominence of N. N. Punin's article about the Byzantine art culture written in 1913 for the magazine "Apollo". The Russian art critic describes the feeling of luxury, embodied in works of the Byzantine art, bringing together its mystical sense. This, in our view, is consistent with the features of Russian canonical consciousness, the core of which is the theological understanding of beauty. The most complete Christian essence of beauty is shown in the writings of Pseudo-Dionysius the Areopagite, which is reflected not only in the temple and the liturgical space, but also in all structures of the Russian medieval life. Visible beauty of God's creation is the symbolic embodiment of absolute, heavenly beautiful luxury. Man-made objects of medieval art also had to carry the signs of excess, heavenly beauty. The XVIth century had already the distinct cultural differences between Western European and ancient Russian relation to that luxury. For example, the royal ceremonies under Ivan the Terrible, where redundancy of precious materials, palace decorations, icons, treated with the most attention, to the foreign guests, English, it was not understandable, but for the Russians it was sacred. While European sovereigns did not shun excesses. But for them, during the late Renaissance, beauty and luxury were no longer sacred concepts. In many ways, the connection between the heavenly beauty and luxury is preserved in the art of modern times. This can be seen in literary works, and in the works of "popular icons". Dostoyevsky intuitively united in novels luxury image of the natural world and the kingdom of heaven that confirms the views of the writer were the signs of canonical "shestodnevnoe" attitude. Examples of "the folk icon", rafting in itself, establish theological aesthetics and folklore, even in the 20th century bear the archetypal relation to luxuries like excellency of the Sacred Divine Beauty. In this case, painters turn to expensive materials, and their simulation as a luxuryt is not a means and purpose of the image, mandatory property beauty. Considered works of Russian literature and iconography, despite the difference in their historical toiletries, carry the model being that centuries ago rooted in the artistic consciousness, and still retains a sacred understanding of luxury as a manifestation of heavenly beauty.

Keywords: beauty, tradition, luxury, canon, paradise, "shestodnevnoe attitude".

Историко-культурные контексты, в которых употреблялось понятие «роскошь», наполняли его разными значениями, добавляя к тому еще и обширный синонимический ряд. К настоящему времени это сильно редуцировало основные смыслы такой категории. Тем не менее ее актуализация в отношении ценностных аспектов современной жизни приводит к необходимости внимательного рассмотрения художественно-эстетической функции роскоши, претворенной в искусстве разных эпох. В данном случае надо учитывать, что главный водораздел в содержательном наполнении этого понятия выявляется в ситуациях религиозного и светского его преломления.

Очень точно на особенную роль роскоши в художественно-эстетическом сознании христианского Востока указывал в свое время Н. Н. Пунин: «Византия, понятая как проблема красочности и как отстоявшийся синтез духа… через века давлеет нам. <…> Роскошь, вот слово, которое мы употребляем часто в пошловатом или слишком надменном значении. <…> В бесчисленных рядах наших ощущений есть ощущение, не разложимое ни на какие элементы, возбуждаемое только объектами известного порядка и, в то же время, заливающее наше сознание иногда с силой, не меньшей, чем любовь? Каким именем можно было бы определить тот острый и волнующий восторг, который охватывает, повергая в меланхолическую тревогу, во что-то темное и горячее, во что-то мистическое и алчное всякий раз, как мы созерцаем роскошь: золото, драгоценные камни, пурпур и порфир, объекты столь отличные от творчества выработанных предметов? <…> Мы не можем забыть наследия, так осторожно принятого <…> Иоанном III, и, склоняясь долу перед магией Европы, помним, как нас томила магия более величественная. <…> Гордые своим «варварством» и далекие от экзотических свечений Парижа, ищем мы Возрождения Византии. Роскошь ее жизни и великолепие ее искусства разрывают наш долгий и глубокий сон. <…> Народ, привыкший к этой горячей и сверкающей жизни, выносил искусство, столь отличное яркостью своих форм от мраморов Эллады и… росписей Помпейских домов. Сама идея мозаики, может быть, действительно возникшая из «идеи» драгоценного камня, действовала возбуждающе своей ограненной и яркой красотой. Золотые и серебряные фоны, отливающие багряными, изумрудными и молочно-белыми перламутрами в сумерках апсид, парусов и арок, светящиеся долматики и лоры, диадемы и поручни, усыпанные жемчугами, золото и пурпур – возбуждали душу, утомленную бедствиями… ужасами мора, религиозными исканиями, жизнью» [8, с. 20–21]. В такой эмпатической стилистике, свойственной эпохе ар нуво, Н. Н. Пунин выстраивает характеристику чувственного восприятия византийцев, визионерски погружаясь в их мироотношение. В этом русский искусствовед сближается со святоотеческой эстетикой, в которой не отрицалась видимая красота, почитаемая как результат божественного творчества, «как некое указание на прекрасное более высоких уровней, как знак духовно прекрасного» [2, с. 70]. Обращаясь к тварной красоте, византийцы рассматривали ее с разных сторон: иногда метафорически, но важнее здесь были символические аспекты, связанные в патристике с развитием неоплатонической эстетики. Однако, убедительно показав, что роскошь – это элемент прекрасного в сознании Средневековья, Пунин не связывал эту категорию с общей храмово-литургической концепцией, основанной на каноне как христианской модели бытия.

Тем не менее нельзя не учитывать, что канон был культуросозидающим началом в ту эпоху христианской жизни. Как пишет В. В. Василик, «термин канон обладал парадигматическим и дидактическим значением… отчасти соотносился с понятием “образ”. <…> В чем-то канон можно сравнить с печатью, запечатлевшейся в сердце и уме верующего» [3, с. 20].

Ю. М. Лотман относил канон к «эстетике тождества» и считал, что произведение, на ней основанное, выполняет “лишь мнемоническую функцию”» [7, с. 16], напоминает о том, что вспоминающий знает. Такое понимание канона сильно упрощает это понятие, но все же верно указывает на «местоположение» канона – он должен пребывать в сознании любого носителя канонической культуры. Исчерпывающей можно считать характеристику канона, сделанную А. Ф. Лосевым, в которой эта категория представлена как структурно-количественная модель какого-либо первообразца; в данном случае – христианского мироздания, отношение к чему должно быть абсолютно благоговейным – как к творению Бога-Художника. Здесь Красота является неотъемлемым компонентом христианского мироздания, ведь она обращена ко всем, соприродна людям. Богословская эстетика уже на ранних этапах истории святоотеческой мысли наделяет красоту универсальным значением. Это имеет истоки в «Беседах на Шестоднев» Василия Великого: «Поверив Моисею, что сотворил Бог небо и землю, прославим наилучшего Художника, премудро и искусно сотворившего мир, и из красоты видимого уразумеем Превосходящего всех красотою» [4, с. 27]. Отсюда и «шестодневность» как атрибут канонического мировидения.

В сочинениях Дионисия Ареопагита Красота, как и Добро, и Любовь, а также Свет – божественные атрибуты, неотделимые друг от друга. «Из Добра все возникло и существует, будучи выведено из совершенной Причины, и именно в нем все создалось… и в Него все возвращается как в свой

для каждого предел. <…> Умственным Светом называется превосходящее всякий свет Добро… все надмирные, около мира и в мире пребывающие умы от своей полноты просвещающее… обновляющее… всех собою охватывая, объемлющее… все умственное и разумное собирающее и сочетающее. <…> Это добро воспевается… и как Прекрасное, и как Красота, и как Любовь… и другими… благолепными, применяемыми к Богу наименованиями… Прекрасное и Красота не должны различаться в Их все соединяющей Причине. <…> Сверхсущественное Прекрасное называется Красотой потому, что от Него сообщается собственное для каждого очарование всему сущему, и потому, что Оно – Причина благоустроения и изящества всего и… потому Оно всех к Себе привлекает, отчего и называется красотой; и потому что Оно все во всем сводит в тождество» [5, с. 107].

Все это можно соотнести и с пространством, в котором Бог открыт зрению людей, – с раем, несущим полноту и даже переизбыток Прекрасного. В восточнохристианском миропонимании райская роскошь полнее и превыше всякой другой, поскольку соединяется с истинным блаженством. На Земле рай и воплощается, и прообразуется Церковью. «Рай сей не обнаруживается усилиями человека – он открывается Иисусом Христом тем из живущих на земле людей, которые приняли Его, примирились с Богом и составили новую семью чад Божиих, «новую тварь». <…> После своей кончины верующий переходит из земного рая воинствующей Церкви в Рай небесный – Церковь торжествующую. Там его душа наслаждается присутствием Божиим. <…> Но райское блаженство этим не заканчивается. Поскольку человек имеет не только душу, но и тело, последнее, по замыслу Творца, тоже станет причастным сего блаженства – в той окончательной форме райского бытия, которое откроется после Второго пришествия Господа <…>. Тела умерших воскреснут, а тела живых станут нетленными и обретут новые физические свойства» [11, с. 75–76]. Ничто не может быть роскошнее освобожденной от тлена материи, всегда пребывающей в высшей точке своего совершенства. Таким пониманием роскоши было пронизано средневековое мировосприятие и на Востоке, и на Западе, но сохранялось оно в Византии и на Руси значительно дольше, чем в Средиземноморье и более северных территориях.

В западноевропейском сознании роскошь как религиозно-эстетическая категория очень рано, вскоре после завершения крестовых походов, начинает вытесняться вполне секулярным отношением ко всему избыточному, чувственно влекущему. И тут надо отметить несколько высказываний, раскрывающих западное отношение к роскоши. П. А. Гольбах (в «Левиафане» и других сочинениях) писал о роскоши как о таком положении в обществе, в котором стремление к обогащению превратилось в основную страсть; стяжательство вызывает энтузиазм, стремление быстрее обогатиться денежными знаками, символами богатства, власти, удовольствий. Нации, которые одурманены этим, постоянно измышляют мнимые и противоестественные потребности. Не противоречит этому мнению и то, что думал о роскоши К. Льюис («О том, как неестественна роскошь»), убежденный в ее порочности, порабощающей духовно нездорового человека; а для нормальных, простых людей она сразу узнаваема, поскольку несет в себе отталкивающую жуть. З. Вернер в книге «Любовь, роскошь, капитализм» (1913) справедливо указывает на истоки роскоши в королевских дворцах Италии, Франции и распространение ее в других европейских странах. Конечно, этот автор не мог не заметить, что роскошные объекты, на которые затрачено больше, чем требуется в пределах необходимого, имеют разные причины для появления: ради посвящения Богу или ради удовлетворения эгоистической потребности. Но Вернер, как и вышеназванные авторы, подробно исследует только роскошь второго типа, в основе которой неуемный гедонизм буржуазной цивилизации. Он убедительно показывает, как размывались в конце Возрождения духовные связи Западной Европы с сакральным ядром ее культуры. На этом фоне хорошо видна сильная культурная обособленность позднесредневековой Руси.

В таком отношении показательна ситуация из русской дворцовой жизни: «Царь Иван регулярно устраивал пиры для сотен и даже тысяч гостей. Он был любителем ярких зрелищ… В огромных палатах, своды которых опирались на разукрашенные многоцветными орнаментами пилоны, ставились столы длинными рядами... <…> Длинные скамьи, на которых сидели приглашенные, покрывали парчовыми тканями и бархатом, а иногда по воле Государя гостей обряжали в расшитые золотом

длинные кафтаны и охабни, отороченные горностаем. Царь Иван восседал на высоком резном троне, украшенном жемчугами и бриллиантами. Трон опирался на резные львиные лапы, а на его спинке был изображен позолоченный двуглавый орел с распростертыми крыльями. На стене висело множество икон» [9, с. 74]. В этом свидетельстве английского путешественника Ченслера высказано крайнее удивление не столько пышной избыточностью церемониала, сколько непонятной сакрализацией форм придворного быта на Руси. Иностранцы, сами уже развращенные прихотливым гедонизмом своих королевских дворов, не видели в царском гостеприимстве ничего другого, кроме экзотической причуды. К XVI веку уже сформировалась разница между западноевропейскими и древнерусскими эстетическими установками. В Европе тогда уже возобладало позднеренессансное понимание красоты, в котором рукотворная красота, выверенная и воплощенная художником, ставится выше природной. А Русь еще сохраняла преемственность с византийской эстетикой, с концепцией «умонепостигаемой» Красоты и сакрализацией роскошно-прекрасного. Видимый мир оставался объектом благоговения. Отсюда обращенность церковного искусства к роскошной красоте, соединяющей природное и рукотворное, принятие ее в видимом мире как отражения Царствия Небесного.

Начиная с «Откровения» Иоанна Богослова, все авторы, описывающие или изображающие Царствие Небесное, стремились как можно более убедительно представить роскошь райской красоты, которую увидят те, кто спасется. На почве этого сформировались мощные литературные и художественно-изобразительные традиции воплощения райских видений, дарованных через мытарства. В диапазоне многих текстов на такую тему и «Мытарства блаженной Феодоры», рассказ о которых выделен из жития прп. Василия Нового, и современный образ рая в книге «Мои посмертные приключения» у Ю. Вознесенской. В классической литературе такая тема очень последовательно развивалась Ф. М. Достоевским, но рай у него – это, чаще всего, внутреннее состояние духовной радости. И все-таки обнаруживаются визуальные сближения между ощущениями Феодоры и, например, Алеши Карамазова. Конечно, в одном случае речь идет о небесном рае, а в другом – о первозданной красоте земли и неба, но роднит их открытое героям ощущение восторга перед Божественным творением. В рассказе послушницы Василия Нового повествуется: «И водили меня святые ангелы всюду, так что я видела множество прекрасных селений и обителей, исполненных славы и благодати, <…> которые были уготованы любящим Бога. <…> Каждая обитель была неизреченной красоты. Размером они равнялись Константинополю, но при этом были несравненно красивее, имея много светлых нерукотворных палат. Всюду в тех обителях раздавался глас радости и веселия духовного, и видны были лики веселящихся праведников» [12, с. 30]. А такими предстают впечатления Алеши Карамазова: «Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звезд. С зенита до горизонта двоился еще неясный Млечный Путь. Свежая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Белые башни и золотые главы собора сверкали на яхонтовом небе. <…> Тишина земная как бы слилась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездою. <…> Алеша стоял, смотрел и вдруг как подкошенный повергся на землю <…>. Как будто нити ото всех <…> миров Божиих сошлись разом в душе его» [16, с. 328]. В обоих случаях присутствует полнота райского «веселия духовного». В чем его источник на земле? Писатель видит его в особенной чуткости непорочной души Алеши к совершенству божественного творения. Этот восторг перед земной красотой заповедан Василием Великим, что стало одним из оснований канонического мироотношения, его «шестодневным» ядром. Рядом с этим свойством христианского сознания нераздельно соседствует и «летописный» принцип восприятия истории, когда библейское понимание события экстраполируется на земную реальность. Так Божественное начало сближается с человеком, монументализируя бренное событие, обретающее свою эстетическую значимость. В художественной интуиции Достоевского присутствуют оба эти принципа, преломляясь и в организации текста, и в характерах персонажей. Несмотря на всю вовлеченность писателя в западноевропейскую культуру, в нем генетически сохранилось родство с канонической моделью бытия, где красота всегда сакральна, роскошна.

В отличие от эпохи, завершающей классический период русской культуры, в начале XX века, на фоне активного распространения модернистской утопии, а также и в настоящее время, на фоне

антиутопии, многие сочинители и художники часто представляют жизнь как ад, но вне библейского контекста. Однако рай небесный почти исключен из сферы художественных интересов. Только в церковном искусстве трансцендентная тематика остается традиционной, и образ Царствия Небесного должен не просто копироваться, но и переживаться художником. Представители церковного искусства обязаны осознавать переизбыточность как свойство райской красоты, всегда обновляющейся, первозданной. До сих пор это имеет причастность к вероучительным смыслам иконы. Через решение задач их выражения осуществляется предназначение образа.

В высокопрофессиональной иконе, по мнению современного мастера, должно отражаться триединство «богослова – ученого-историка – художника» [10, с. 20]. Почти такое же триединство было свойственно и средневековой иконе, только роль ученого-историка исполняла глубоко укорененная каноническая традиция, ответственность перед которой не подвергалась сомнению. Поэтому и в элитарной, и в народной иконе редко встречаются догматические искажения или дерзкое нарушение иконографии. При этом в образе часто присутствует фольклорный компонент как синтез этнокультурных и христианских традиций. Интерпретируя высокий образец, народный изограф обращается к почвенным художественным приемам, иногда возвращая их из отдаленного прошлого.

В ряду народных икон из экспозиции Музея истории православия на земле Кузнецкой есть несколько произведений, в которых, на наш взгляд, особенно ясно проявляются черты этнокультурных изобразительных традиций с особенным пониманием роскоши. Первая из них, по времени создания, самая ранняя, относится к XVII веку – «Рождество Богородицы». Сюжет размещен на крупной доске без паволоки. Композиция стиснута с боков и развивается зигзагообразно, ее динамика направлена к кульминационной сцене с родителями Богородицы – «ласкание младенца». Цветовая гамма отличается яркой декоративностью. Краски иконы звучные, насыщенные – киноварь, золото, охра, травяная и малахитовая зелень, белила. Живописные пятна распределяются по принципу контрастности, но при этом хорошо сбалансированы. В данном случае неожиданно то, что в арсенале наивного художника оказались дорогие пигменты, использованные очень смело, даже импульсивно. Все действующие лица объединяются в три группы, размещенные симультанно, как близкие по времени фрагменты одного священного события. Трижды присутствует в этих группах святая Анна: сидящая на ложе, с девами-помощницами обмывающая родившуюся Марию и вместе со св. Иоакимом ласкающая младенца. В каждой из сцен есть свои иконографические особенности. Женские образы, кроме св. Анны и новорожденной Марии, здесь предстают простоволосыми. Так разграничиваются их статусы: святость Анны и Марии, «заземленность» остальных. Из немногих бытовых деталей, поднятых до символа, мастер удивительно тонко выстраивает сакральное пространство, наполненное любовью – даром св. Духа. Здесь царственная роскошь дома потомков Давидовых создается золочеными деталями с пышными орнаментами. Особенно выделена арочная сень, под которой родители Богородицы любуются ею, в соответствии праздничному тропарю, (глас 4) «От корене Ессеева и от чресл Давидовых Богоотроковица Мариам рождается днесь нам: радостию бо радуются всяческая <…>, Иоаким веселится и Анна торжествует, зовущи: неплоды рождает Богородицу и Питательницу жизни нашея» [1,с. 347]. Так показана литургическая связь между словом и образом, с творческой свободой осмысленная изографом.

К числу народных икон Новейшего времени в экспозиции можно отнести произведения ныне пребывающей на покое схимонахини Дионисии (в миру А. И. Кувшинова, год рождения 1923), прожившей всю жизнь в Кузбассе. С 1951 года по обету она занялась иконописанием, несмотря на все запреты советского режима в отношении «религиозной пропаганды». Не имея возможности получить профессиональное образование, будущий мастер брала консультации у соседа, С. Н. Корчагина, художника-самоучки, писавшего «лебединые» ковры на клеенке для продажи. Их тематика, как правило, была ориентирована на идиллические сюжеты и обязательно включала красивый, как эдем, пейзаж с водоемом, животными, птицами (чаще всего с лебедями). Это было воплощением народной мечты о гармоничной жизни. Такую эстетику схимонахиня Дионисия соединила с религиозными смыслами. Она писала иконы, создавала настенные росписи так, как подсказывал ей собственный вкус и духовные дарования. Изучая немногие иконостасы, которые сохранялись в ситуации гонения на Церковь, художница сформировала свою стилистику, синтезирующую народные традиции и некоторые приметы академической

иконы. В экспозиции музея находятся хоругви работы монахини Дионисии, выполненные на рубеже 50–60-х годов прошлого века. Знамена имеют большие прямоугольные форматы, с типичным трехчастным разделением в нижней части полотнища. По краям хоругвь обрамлена бахромой, сделанной вручную из желтых хлопчатобумажных ниток (вместо шелковой тесьмы). К верхним перекладинам полотнищ прикреплены тяжелые золоистые кисти, отрезанные от советских знамен. Живоподобные изображения сделаны на клеенке, приклеенной к основе из бордового сукна, имитирующего дорогой бархат. Основной сюжет – «Богоявление». Квадратный формат композиции обрамляется зелено-желтым барочным орнаментом с шестиконечными звездами по углам, что заменяет позолоченный позумент. Сюжет выстроен по вертикальной оси, в центре которой – фигура Спасителя. Вверху – не парящий, а как бы стоящий с раскрытыми крыльями символ Святого Духа, по сторонам – Иоанн Предтеча и группа ангелов. Внизу, на отворотах, в середине расположен стоящий ангел, маленькие, тоже вырезанные из клеенки херувимы и символы Евхаристии. Цветовое решение имеет характерный для живописи на клеенке (без грунта, масляными красками) матово-тусклый оттенок. Но художница стремится облагородить колорит, сочетая контрасты, сближая цвета. За счет мягкости очертаний, холодной гаммы, дающей перспективу, создается особое мистическое пространство. Фронтально располагая главных персонажей, мастер дает возможность не просто разглядеть их лица, но встретиться взглядом, попасть под «излучение» широко распахнутых глаз. Именно так в народных представлениях выражается благообразие божественного лика. Тут нет какого-то этнически ориентированного типа красоты, но все-таки, довольно отвлеченно, выражается народный идеал каллокагатии. Несмотря на то, что в распоряжении художницы был предельно ограниченный набор материалов, она достигает традицинного соединения красоты и, хоть поддельной, но роскоши.

Рассмотренные произведения из русской словесности и иконописания, несмотря на разницу в их исторической принадлежности, несут в себе ту модель бытия, которая столетия назад укоренилась в художественном сознании и до сих пор сохраняет сакральное понимание роскоши как проявления райской красоты.

Литература

1. Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителя. – М.: Издат. отд. Москов. патриархата, 1993. – 1794 с.
2. Бычков В. В. Малая история византийской эстетики. – Киев: Путь к истине, 1991. – 408 с.
3. Василик В. В. Происхождение канона. (Богословие, история,поэтика). – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – 306 с.
4. Василий Великий. Беседы на Шестоднев. – Минск: Изд-во Белорус. экзархата, 2006. – 223 с.
5. Дионисий Ареопагит. О божественных именах. О мистическом богословии. – СПб.: Глагол, 1994. – 437 с.
6. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1976. – Т. 14. – Кн. 1–10. – 511 с.
7. Лотман Ю. М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. – М.: Наука, 1973. – С. 10–24.
8. Пунин Н. Н. К проблеме византийского искусства // Аполлон. – 1913. – № 3. – С. 20–21.
9. Масси С. Земля Жар-птицы. Краса былой России. – СПб.: Лики России, 2000. – 576 с.
10. Мурзин Е. Традиция и новаторство // Храмоздатель. – 2012. – № 1. – С. 20–28.
11. Стергиос Н. Саккос. Рай и ад. – М.: Святая гора, 2008. – 160 с.
12. Судьба за гробом. Мытарства блаженной Феодоры. – М.: Лоза, 2007. – 32 с.

Literatura

1. Bulgakov S. V. Nastol’naja kniga dlja svjashchenno-cerkovno-sluzhitelja. – M.: Izdat. otd. Moskov. patriarhata, 1993. – 1794 s.
2. Bychkov V. V. Malaja istorija vizantijskoj estetiki. – Kiev: Put’ k istine, 1991. – 408 s.
3. Vasilik V. V. Proishozhdenie kanona. (Bogoslovie, istorija, poetika). – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2006. – 306 s.
4. Vasilij Velikij. Besedy na Shestodnev. – Minsk: Izd-vo Belorus. ekzarhata, 2006. – 223 s.
5. Dionisij Areopagit. O bozhestvennyh imenah. O misticheskom bogoslovii. – SPb.: Glagol, 1994. – 437 s.

6. Dostoevskij F. M. Brat'ja Karamazovy // Dostoevskij F. M. Poln. sobr. soch.: v 30 t. – L.: Nauka, 1976. – T. 14. – Kn. 1–10. – 511 s.
7. Lotman Ju. M. Kanonicheskoe iskusstvo kak informacionnyj paradoks // Problema kanona v drevnem i srednevekovom iskusstve Azii i Afriki. – M.: Nauka, 1973. – S. 10–24.
8. Punin N. N. K probleme vizantijskogo iskusstva // Apollon. – 1913. – № 3. – S. 20–21.
9. Massi S. Zemlja Zhar-pticy. Krasa byloj Rossii. – SPb.: Liki Rossii, 2000. – 576 s.
10. Murzin E. Tradicija i novatorstvo // Hramozdatel'. – 2012. – № 1. – S. 20–28.
11. Stergios N. Sakkos. Raj i ad. – M.: Svjataja gora, 2008. – 160 s.
12. Sud'ba za grobom. Mytarstva blazhennoj Feodory. – M.: Loza, 2007. – 32 s.

УДК 008

О. Ю. Астахов

ЖИЗНЕТВОРЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СЛОВА В ЭСТЕТИКЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО (на материале статьи «Магия слов»)

В статье рассматриваются характеристики жизнетворческого содержания слова в эстетике Андрея Белого. Анализируется его статья «Магия слов», посвящённая рассмотрению символики слова как способа преображения мира.

Ключевые слова: слово-образ, жизнетворчество, символизм, кризис культуры.

O. Yu. Astakhov

LIFE CREATING CONTENTS OF SPEECH IN AESTHETICS OF ANDREI BELY (on the article "Magic Words")

As the fundamental basis of artistic practices and cultural philosophical constructions Andrei Bely should consider a relation to the word as a key symbol that defines the content of human life, which is most clearly demonstrated in metapoetic article "Magic Words". In the beginning of this article, the author effectively sets the basic idea associated with unconditional approval coincidence naming the process and existence of any object and phenomena. Such a coincidence defines the ontological essence of the word, as a symbol capable of the world transformation. Living content of a word is determined by its mythological characteristics that can be supported solely by the act of creation.

Unconditionally accepting this program works, Andrei Bely serves to continuing the life creating traditions developed in Russian culture after the 1850s, when the key points should be considered Vl. Solovyov's philosophy. Enthusiasm for his ideas leads the author to believe that the cultural crisis, a crisis of consciousness is a consequence of breach of possible manifestations building the life creating words designed not merely reflect and generate new meanings and values of culture.

Keywords: word-image, life creation, symbolism, cultural crisis.

Одним из важнейших художественных течений конца XIX – начала XX века явился русский символизм. Символизм в России, особенно активно развивающийся в 1910 году, может быть определен и как художественное направление, и как миропонимание, мировоззрение, своеобразная философия жизни. Особенно сложным переплетение этих линий было у Андрея Белого.

Считается, что теоретическая аморфность существенно затрудняет восприятие символизма как мировоззренческого направления, которое видится отчасти имплицитным, а отчасти рассеянным в ли-

тературной критике и публицистике, отдельных статьях и письмах. Однако в исканиях символистов характер нового миропонимания поддается ясному определению.

Обращаясь к творчеству Андрея Белого, следует отметить взаимосвязь его философских и художественно-эстетических исканий, что наложило отпечаток на характер исследований, посвященных изучению его наследия. В научно-исследовательской литературе творчество А. Белого оценивалось в разной степени с позиций литературоведения, эстетики, философии, культурологии. Обзор его теоретических взглядов встречается практически в каждой работе, касающейся вопросов истории русской литературы конца XIX – начала XX века.

С начала 70-х годов XX века появляются исследования, посвященные анализу литературного и философско-эстетического наследия А. Белого в контексте эстетики символизма и культуры Серебряного века (например, работы А. Л. Казина, А. В. Лаврова, Л. К. Долгополова).

С 1990-х годов происходит переиздание трудов А. Белого, появляются исследования, осмысляющие философское творчество мыслителя и его культурологические идеи (например, работы И. Э. Чистяковой, В. Пискунова и С. Пискуновой, З. Юрьевой, Р. Кейса, В. Г. Белоуса, Ю. Асояна и А. Малафеева, Л. А. Сугай, Л. Силарди и др.).

Однако при рассмотрении творчества Андрея Белого требуется интегративный подход, предполагающий синтез его художественных исканий, эстетических, философских и культурологических взглядов.

В качестве фундаментального основания художественных практик и теоретических построений следует рассматривать его отношение к слову как ключевому символу, определяющему содержание жизнедеятельности человека, что наиболее ярко продемонстрировано в метапоэтической статье «Магия слов». В начале статьи Андрей Белый фактически задает основную мысль, связанную с утверждением безусловного совпадения процесса называния и существования любого предмета и явления: «Язык – наиболее могущественное орудие творчества. Когда я называю словом предмет, я утверждаю его существование. Всякое познание вытекает уже из названия. Познание невозможно без слова. Процесс познавания есть установление отношений между словами, которые впоследствии переносятся на предметы, соответствующие словам» [3, с. 131]. Но, прежде всего, язык связан не столько с актом познания, сколько с творчеством: «в слове дано первородное творчество; слово связывает бессловесный незримый мир, который роится в подсознательной глубине моего личного сознания с бессловесным, бессмысленным миром, который роится вне моей личности. Слово создает третий мир – мир звуковых символов, посредством которого освещаются тайны вне меня положенного мира, как и тайны мира, внутри меня заключенные; мир внешний проливается в мою душу; мир внутренний проливается из меня в зори, в шум деревьев; в слове и только в слове воссоздаю я для себя окружающее меня извне и изнутри, ибо я – *слово* и только *слово*» [3, с. 131]. Таким образом, для Андрея Белого деятельной причиной подлинного творчества является само слово, которое он рассматривает как символ, способный к преображению мира и самого «я». Именно онтологическое содержание слова создает возможность наполнения деятельности жизненными силами, поэтому автор отмечает, что «всякое слово есть заговор» [3, с. 132].

Следует различать деятельность творческую, которая обращена к живому слову, слову-образу, и деятельность аналитическую, которая обращена к отвлеченным понятиям: «сама живая речь есть непрерывная магия; удачно созданным словом я проникаю глубже в сущность явлений, нежели в процессе аналитического мышления; мышлением я различаю явление; *словом,* я подчиняю явление, покоряю его; творчество живой речи есть всегда борьба человека с враждебными стихиями, его окружающими; слово зажигает светом победы окружающий меня мрак» [3, с. 132].

Хотя автор обращает внимание и на то, что существуют нейтральные слова-термины, связанные с аналитическим мышлением и необходимые для выявления функционального содержания явлений. По этому поводу Андрей Белый в форме метафорических суждений отмечает в различных фрагментах статьи следующее: «слово-термин – прекрасный и мертвый кристалл, образованный благодаря завер-

шившемуся процессу разложения живого слова»; «идеальный термин – это вечный кристалл, получаемый только путем окончательного разложения» [3, с. 135]. Не случайно автор обращается к живописному образу кристалла, символизирующему отвлеченную красоту и порядок. Сравнение слова-термина с кристаллом обнаруживает его отвлеченное начало, которое способно фиксировать застывшие смыслы и значения.

В отличие от слова-образа и слова-термина существуют более распространенные образования, которые, по мнению Андрея Белого, способны разрушить подлинную жизнь и культуру: «другое дело зловонное слово полуобраз-полутермин, ни то, ни се – гниющая падаль, прикидывающаяся живой: оно как оборотень, вкрадывается в обиход нашей жизни, чтобы ослаблять силу нашего творчества клеветой, будто это творчество есть пустое сочетание слов, чтобы ослаблять силу нашего познания клеветой, будто это познание есть пустая номенклатура терминов» [3, с. 135]. Фактически Андрей Белый заявляет о кризисе, а именно о кризисе сознания, связывая его со смертью, на что указывает ряд достаточно образных характеристик: «обычное прозаическое слово, то есть слово, потерявшее звуковую и живописующую образность и еще не ставшее идеальным термином, – зловонный, разлагающийся труп»; «… вся наша жизнь полна загнивающими словами, распространяющими нестерпимое зловоние; употребление этих слов заражает нас трупым ядом, потому что слово есть прямое выражение жизни» [3, с. 135].

Противопоставление жизни и смерти становится ключевым в статье «Магия слов». Как отмечает Райнер Грюбель, для Андрея Белого кризис культуры – это смерть живого образного слова [5, с. 40]. Эсхатологические настроения, связанные со смертью культуры, были распространены в искусстве и философии конца XIX – начала XX века. Как уже отмечалось нами ранее в другой работе, «следствием кризисного мироощущения явилась внутренняя потребность русской культуры прийти в ходе своего исторического развития к целостному интегративному стилю. В свою очередь символизм в искусстве можно рассматривать как попытку создания нового интегративного стиля культуры» [2, с. 10–11].

Подобного рода интегративность стиля связана в творчестве Андрея Белого с обращением к слову-образу. В отличие от аналитического мышления творческая сила живого слова способна к преображению мира, и в этом преображении Андрей Белый отмечает значимость обращения к синтетическому, целостному мифу: «живая речь – вечно текущая, созидающая деятельность, воздвигающая перед нами ряд образов и мифов; наше сознание черпает силу и уверенность в этих образах; они – оружие, которым мы проницаем тьму» [3, с. 134]. Обращение автора к мифу в качестве живой интенции слова не является случайным. Именно мифологические характеристики слова в акте творчества порождают его бытийное содержание. Поэтому Андрей Белый утверждает, что эстетическому творчеству, связанному с утверждением живого слова, либо предшествует мифологическое творчество, и в этом случае оно выступает в качестве основы новой изобразительности, либо следует за ним как реакция на упадок культуры и всеобщий скепсис. Таким образом реализуется переход от словесной метафоры к символу и мифу: «создание словесной метафоры (символа, то есть соединение двух предметов в одном) есть цель творческого процесса; но как только достигается эта цель средствами изобразительности и символ создан, мы стоим на границе между поэтическим творчеством и творчеством мифическим» [3, с. 141].

Обращение Андрея Белого к жизнетворческому содержанию слова, способного преобразовывать мир, делает позитивную программу автора теургичной, и его эстетическая концепция становится ориентированной на этическую. В связи с этим можно говорить о продолжении развития идей Вл. Соловьева о преобразующей силе художественной реальности: «значит, требуется, чтобы настоящее художество было *важным делом,* значит признается за истинною красотою способность глубоко и сильно воздействовать на реальный мир» [6, с. 30]. Е. Н. Горбова отмечает следующее значение жизнетворческих идей Вл. Соловьева: «По мнению философа, это означает реальное превращение физической жизни в духовную, которая обладает следующими характеристиками: содержит в себе слово или откровение, способное выражаться во вне; обладает способностью преображать, одухотворять материю или воплощаться в ней; пребывает в вечности, то есть свободна от материальных процессов» [4, с. 103]. Характер жизнетворчества оказывается в тесной связи с возможностью слова в познании и преображении мира. По образному выражению Андрея Белого, «слово – единственный реальный корабль, на котором мы

плывем от одной неизвестности в другую – среди неизвестных пространств, называемых землею, небом, эфиром, пустотой и т. д., среди неизвестных времен, называемых богами, демонами, душами» [3, с.137].

Андрей Белый отчетливо осознает свою роль продолжателя традиций жизнетворчества, развивающихся в культуре России второй половины XIX века. Эту программу творчества автор принимает безоговорочно и воплощает в течение всей своей жизни, включая и личную жизнь, дружбу и антропософские искания. В конечном итоге жизнетворческий максимализм Андрея Белого, по мнению И. А. Азизян, направлен на созидание главной культурообразующей единицы – личности, и в этой связи нельзя не отметить роль влияния на автора учения Штейнера о человеческой индивидуальности (см. [1, с. 64]). Развитие возможно при условии творения своего «я».

Статья «Магия слов» завершается некоторым намеком на идеи Данилевского, связанные с указанием на «молодость» культуры. Культура в своем развитии, как и живой организм, проходит стадию молодости, за которой неизбежно приходит расцвет: «игра словами – признак молодости; из-под пыли обломков разваливающейся культуры мы призываем и заклинаем звуками слов. Мы знаем, что это – единственное наследство, которое пригодится детям.

Наши дети выкуют из светящихся слов новый символ веры; кризис познания покажется им лишь только смертью старых слов. Человечество живо, пока существует поэзия языка; поэзия языка жива.

Мы – живы» [3, с.142].

Статья завершается фактически гимном жизни. Культура существует, живет, развивается пока в ней есть слово-образ, отражающее и закрепляющее ее бытийное состояние, что оказывается возможным благодаря эстетическому содержанию (музыкальность, живописность), которое, в свою очередь, должно быть нацелено на мифологичность. А кризис культуры, который понимается в контексте оппозиции смерти и жизни, это есть утрата слова, что приводит к пустоте, бессмысленности, безличности.

Литература

1. Азизян И. А. Диалог искусств Серебряного века. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 400 с.
2. Астахов О. Ю. Эстетика импрессионизма в поэзии русских символистов (В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт, И. Ф. Анненский). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 122 с.
3. Белый А. Магия слов // Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – С. 131–142.
4. Горбова Е. Н. Динамика трактовки культуротворческих идей в художественной жизни России 1920–1930-х годов // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 23 – С. 101–106.
5. Грюбель Р. Два кризиса культуры – Андрей Белый и Михаил Бахтин // Кризисы культуры и авторы на границе эпох в литературе и философии: сб. ст. – СПб.: Петрополис, 2013. – С. 35–56.
6. Соловьев В. С. Красота в природе // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. – М.: Искусство, 1991. – С. 30–73.

Literatura

1. Azizjan I. A. Dialog iskusstv Serebrjanogo veka. – M.: Progress-Tradicija, 2001. – 400 s.
2. Astahov O. Ju. Estetika impressionizma v poezii russkih simvolistov (V. Ja. Brjusov, K. D. Bal'mont, I. F. Annenskij). – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2004. – 122 s.
3. Belyj A. Magijaslov // Belyj A. Simvolizm kak miroponimanie. – M.: Respublika, 1994. – S. 131–142.
4. Gorbova E. N. Dinamika traktovki kul'turotvorcheskih idej v hudozhestvennoj zhizni Rossii 1920–1930-h godov // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul'tury i iskusstv. – 2013. – № 23 – S. 101–106.
5. Grjubel' R. Dva krizisa kul'tury – Andrej Belyj i Mihail Bahtin // Krizisy kul'tury i avtory na granice epoh v literature i filosofii: sb. st. – SPb.: Petropolis, 2013. – S. 35–56.
6. Solov'ev V. S. Krasota v prirode // Solov'ev V. S Filosofija iskusstva i literaturnaja kritika. – M.: Iskusstvo, 1991. – S. 30–73.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

ART STUDIES

УДК 7

С. Н. Саратовский

РУССКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ КАК ФАКТОР ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭТЮДОВ С. М. ЛЯПУНОВА

В статье рассматривается, как знание различных факторов, влияющих на создание музыкальных произведений, коренным образом меняет и обогащает исполнительское прочтение. Анализируются два сочинения С. М. Ляпунова из его фортепианного цикла этюдов. Делается вывод, что предложенный исследовательский подход применим для изучения музыки широкого круга композиторов.

Ключевые слова: Ляпунов, фортепиано, этюды, интерпретация, русская культура, программная музыка, Лист.

S. N. Saratovsky

AWARENESS OF RUSSIAN CULTURAL TRADITION AS A FACTOR IN INTERPRETING SERGEI LYAPUNOV'S ÉTUDES

The music of Russian composer Sergei Mikhailovich Lyapunov (1859–1924), remains largely unknown today. Even his monumental cycle and best known work for piano, the *Douze études d'exécution transcendante*, Op. 11, continues to be neglected and misinterpreted in both academic writings and performances, being often cited merely for its historical significance. I contend that a basic reason for this lies in a lack of appreciation of the music's cultural essence, whereby it is regarded as a second-rate copy of Liszt's work of the same name. Certainly, Liszt had a profound effect on Lyapunov's compositional and pianistic techniques. Nevertheless, most of Lyapunov's études are very Russian in spirit and reveal that the composer was inspired by the rich cultural traditions in which he was deeply rooted.

In this study, I present some facts and sources that are generally unknown. By examining them, I uncover some of what these études are about. In particular, I focus on exploring programmatic references in two of the études that represent an enormous impact of Russian culture on Lyapunov. On this basis, I offer interpretive suggestions that add to the authenticity of a performance and its artistic effect.

I start with a cursory introduction to Lyapunov, his music, and the *Douze études*. I trace Liszt's influence and point out the other sources of inspiration on Lyapunov. I consider general and specific similarities between Lyapunov's studies and their Lisztian models and highlight another connection between the two composers: their common attraction to "program music".

I continue with investigation of an intriguing publication history of the Étude No. 3, *Carillon*. I explain the meaning of an enigmatic asterisk sign found in one of the editions, which points to the music's quoting of a major hymn of the Russian Orthodox Church. I demonstrate how awareness of this distinctive and meaningful reference can greatly influence the interpretation of *Carillon*.

Another example of how knowledge of cultural context enhances the interpretation of this music is furnished by the Étude No. 8, *Chant épique*. I show how features of this étude arise from the text of a Russian folk song that Lyapunov collected during his folk research expedition and quoted in this work. I had the great good fortune to find the original music and lyrics of this song in a rare 1899 book, *Songs of Russian People*. I offer my own translation of this poetic text.

In conclusion I emphasize that interpretation is insufficiently informed without taking into account the widest possible context, broadly understood; any programmatic or extra-musical elements behind a given composition; and, finally, the general cultural environment that surrounded the composer. In light of this, I suggest how the ways in which I have examined the *Douze études* could be applied not only to compositions by lesser-known Russian composers, but also to the celebrated pieces by the renowned masters.

Keywords: Lyapunov, piano, études, interpretation, Russian culture, program music, Liszt.

Sergei Mikhailovich Lyapunov (b. Yaroslavl, Nov. 18/30, 1859; d. Paris, Nov. 8, 1924) was a distinguished Russian composer, pianist, conductor, ethnomusicologist, editor, and pedagogue of the late nineteenth and early twentieth centuries. A younger contemporary of Tchaikovsky and Borodin, Lyapunov belonged to that category of composers who, during a time of rapid and immense changes in Western art music (set in motion by Debussy and Scriabin and continued by Schoenberg and Stravinsky, among others), rejected avant-garde trends of composition and remained faithful to the late Romantic tradition and to the aesthetic principles of the Russian classics.

Although Lyapunov's creative output encompasses nearly all of the leading musical genres of his time (with the exception of opera) and includes symphonic, choral, vocal, sacred, and chamber compositions, the principal medium for his artistic expression was the piano. More than half of his works were written for this instrument[2] and it is his piano compositions that continue to be regarded as being particularly attractive and among the composer's highest artistic achievements. The piano also plays a central role in his two piano concerti, in the *Rhapsody on Ukranian Themes* for piano and orchestra, as well as in the piano sextet and a number of songs.

It seems unjust that Lyapunov's piano music remains largely unknown today. This is despite the fact that it was highly esteemed and widely performed during his life by such legendary artists as Josef Hofmann, Josef Lhévinne, Ferruccio Busoni, Ricardo Viñes, José Vianna da Motta, Konstantin Igumnov, and Vladimir Horowitz[3]. Even his monumental cycle and best known work for piano, the *Douze études d'exécution transcendante*, Op. 11 (1897–1905), hardly ever finds its way onto the modern concert stage, either in or outside of Russia, and is often cited merely for its historical significance.

Several reasons might account for the continuing neglect of Lyapunov's piano music. One possible explanation of what discourages pianists from approaching this étude cycle in particular is its tremendous technical and musical demands, which often surpass those set by Chopin and Liszt in their corresponding étude collections. However, I would suggest that a basic reason for the neglect lies in a lack of appreciation of the music's cultural significance, whereby it is regarded as a second-rate copy of Liszt's work of the same name. Certainly, Liszt had a profound effect on Lyapunov's compositional and pianistic techniques, as well as on his programmatic approach, as I point out below. Nevertheless, most of these études are very Russian in spirit, and consequently involve a great deal more than mere imitation of Liszt's style. One of the primary goals of the present essay is to demonstrate that Lyapunov was deeply rooted in the richest traditions of Russian culture. It is my hope, therefore, that a better understanding of the nature of Lyapunov's music will bring deserved attention to these exquisite masterpieces.

In this study, I present some facts and sources that are generally unknown. By examining them, I attempt to uncover some of what these études are about. In particular, a substantial part of my article is devoted to exploring programmatic references in two of the études that represent a tremendous influence of Russian cultural heritage on Lyapunov. I explain the meaning of an enigmatic asterisk sign found in one of the edition of *Carillon*, which points to the music's quoting of a major hymn of the Russian Orthodox Church. Also I show how features of *Chant épique* arise from the text of a Russian folk song that Lyapunov collected during his folk research expedition and quoted in this étude. On this basis, I provide interpretive and practical suggestions that can add to the authenticity of a performance and its artistic effect.

---

[2] Of the seventy-one works bearing *opus* numbers, thirty-five are original composition for solo piano. This number does not cover several works for solo piano without *opus* numbers, a few arrangements of Lyapunov's and other composer's works, and a number of unpublished piano compositions.

[3] The respect that Lyapunov enjoyed during his life is also evident from the fact that his early Piano Concerto No. 1 in E-flat minor, Op. 4 (1890) won the renowned Belyaev Glinka Prize in 1904, along with such celebrated works as Rachmaninoff's Second Piano Concerto, Scriabin's Third and Fourth Piano Sonatas, Arensky's Piano Trio in D minor, and Taneyev's Symphony in C minor.

Liszt's Influence and Other Sources of Inspiration

Lyapunov's *Douze études d'exécution transcendante*, Op. 11 belong to the middle period of the composer's career and undoubtedly represent the summit of his artistic achievement. They were written in tribute to Franz Liszt, and more specifically as a corresponding set to the third version of his twelve transcendental studies bearing the same title: *Études d'exécution transcendante* (1852). While Liszt's études descend from the open to the flat keys (from C major and A minor to D-flat major and B-flat minor), Lyapunov's studies occupy the remaining tonalities: those in the sharp keys left out by Liszt, commencing with F-sharp major and D-sharp minor and finishing with G major and E minor. In addition, the final étude in Lyapunov's collection is entitled *Elégie en mémoire de François Liszt*, and is a monumental homage to the composer's favourite hero.

Along with the numerous general similarities between Lyapunov's studies and their Lisztian models, there are more specific parallels between some of the études in each of the sets, with a number of Lyapunov's studies having their equivalents in Liszt's. The most obvious and illustrious example of these correspondences is seen between Lyapunov's *Ronde des sylphes* (No. 11) and Liszt's *Feux follets* (No. 5). Here, the similarities seem to penetrate almost all the aspects of the music: the common time signature (2/4) and the initial dynamic marking of *piano*; commencement with the off beats and by the right hand alone, with the left hand joining in the middle of the second measure; the ascending chromatic run of thirty-second notes at the beginning; frequent employment of diminished-seventh harmonies; almost identical performance indications (*allegretto*, *leggierissimo*, *scherzando*, *dolce*, etc.); and technical concern with double notes and extremely difficult wide leaps. The more general representational matters relate to portraying the supernatural world of elusive spirits, which requires the most imaginative approach from a pianist in order to achieve a fleeting and weightless atmosphere; and the widest possible palette of tone colours to heighten the effect of miraculous harmonies and modulations and the impact of transparent and etherial textures.

In other cases, the similarities between the particular études are less radical and explicit, yet still readily recognizable (and evident even on a visual comparison of the scores). For example, the opening material of Lyapunov's *Carillon* (No. 3) has an evident textural resemblance to Liszt's *Harmonies du soir* (No. 11). Here, in both introductory sections, the low bass notes in the left hand are followed in a similar way by eighth-note chordal bell motives in the right hand in the middle register. The texture of Lyapunov's *Harpes éoliennes* (No. 9) is clearly inspired by Liszt's *Chasse-neige* (No. 12), since both studies incorporate continuous rapid tremolos, written as sixty-fourth notes, to portray the blowing of wind. The two studies also share compound time signatures (9/8 and 6/8 respectively), canonic treatment of themes, and the effect of juxtaposing quintuplets in one hand against sextuplets in the other. Lyapunov's *Nuit d'été* (No. 5) is closely related to Liszt's *Ricordanza* (No. 9) by virtue of having a similar structure and sharing an improvisatory nature and a lyrical atmosphere. It has been noted by many that Liszt's Étude in F minor (No. 10) served as a model for Lyapunov's *Tempête* (No. 6), particularly since the latter incorporates similar technical devices. Some writers also trace connections between *Idylle* (No. 7) and *Paysage* (No. 3), and between *Chant épique* (No. 8) and *Eroica* (No. 7), by Lyapunov and Liszt, respectively.

Another notable connection between Lyapunov and Liszt is their common attraction to "program music". The majority of Liszt's works are associated with programmatic or extra-musical subjects, and the representation of poetry or abstract ideas through music became central to the composer's conception. Liszt invented the term "program music" and defined a program as a "preface added to a piece of instrumental music, by means of which the composer intends to guard the listener against a wrong poetical interpretation, and to direct his attention to the poetical idea of the whole or to a particular part of it" [14]. Analogous to Liszt's studies, all études in Lyapunov's collection are examples of "program music". Each of them contains extra-musical and programmatic elements, bearing a depictive title in French[4] evocative of the subject matter.

As I declared earlier, it would be unfair to restrict the compositional influences on Lyapunov to Liszt. One can also trace many other sources of inspiration, including Balakirev, Borodin, Rimsky-Korsakov,

[4] Only two studies are supplied with the Russian translations under their French titles in the Zimmermann edition: *Carillon* (No. 3) and *Chant épique* (No. 8). See [9], vol. I, 16 and vol. III, 8.

Mussorgsky, Lyadov, Tchaikovsky, Chopin, Schumann, and Henselt. Moreover, Lyapunov's reverence for that central presence in Russian life, the belief system of the Russian Orthodox Church together with its various material and symbolic expressions (which is manifested through his employment of Russian Orthodox liturgical music and his references to Russian church bells); his very deep love of, and fascination with, ancient folk traditions; his finding inspiration in the best Russian poetry and other literary genres – all these elements profoundly affected Lyapunov's style and led directly to salient features in the *Douze études*.

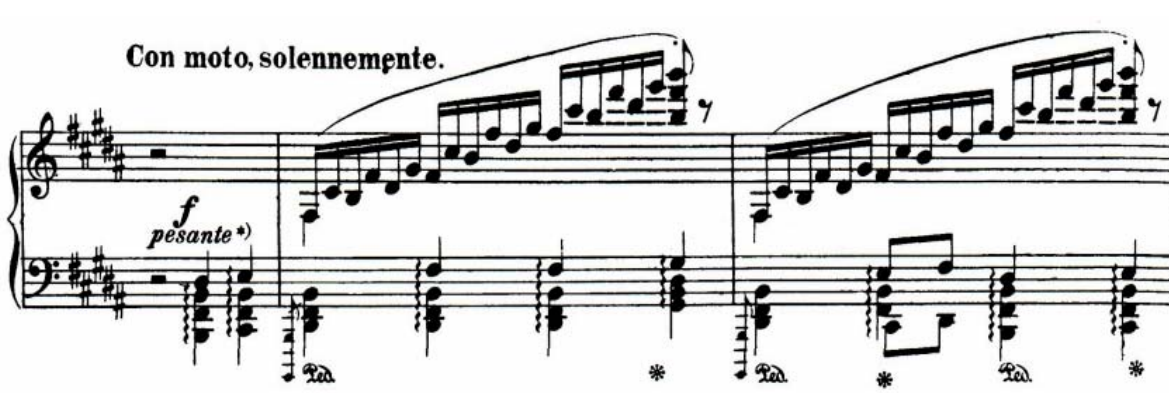
Mysteries in the Publication History of *Carillon*

A striking example of apparent concealment of the facts for political reasons, one that relates directly to the subject of interpretation, is found in a 1947 Soviet edition of the transcendental etudes [11]. The score of the third étude has the following subtitles: "Étude III" and the Russian title "Трезвон" [11, p. 4], translated to both French and English as *Carillon*. In the Zimmermann edition of 1958[5], however, the page preceding the music of *Carillon* is provided with a written program by Lyapunov himself, presented in four languages: Russian, French, German, and English [9, vol. I, p. 15]. The program describes the sounds of majestic church singing that alternates, and is later interspersed, with the triumphant ringing of church bells. I present the English text here: "In the distance is heard the ringing of a bell, across the measured strokes of which come the sounds of a hymn. The ringing grows louder and louder and the church-chimes blend with the sounds of the principal bell. The solemn tones of the hymn alternate with the sounds of the bells, ending in a general majestic choral effect interspersed with the deep sounds of the great bell" [9, vol. I, p. 15].

It goes without saying that if the composer decides to publish a program or an epigraph along with the score of a musical work[6] or to provide some other guide to representation,[7] such cues are essential to the work's meaning and its interpretation and cannot be ignored. It seems most likely that in the case of this étude, the Soviet editors omitted the program because of the politically unwelcome allusions to the Russian Orthodox Church and what they might be presumed to reveal about the religious views of the composer.

The mysteries of *Carillon* do not end with the omission of the program in the Soviet edition. This is evident from a simple comparison of the editions, which reveals another programmatic aspect that poses questions requiring more research, being as yet inadequately explained. In measure 38 of the Zimmermann edition, the marking *pesante* is followed by an enigmatic asterisk with a close parenthesis, which suggests the presence of an explanatory footnote (see Example 1).

Example 1. Lyapunov, *Carillon*, Op. 11, No. 3, mm. 38–40 [9, vol. I, p. 19]



[5] Julian Heinrich Zimmermann was the first to publish Lyapunov's études in Leipzig between 1900 and 1905.

[6] For example, in Ravel's *Gaspard de la Nuit* or Brahms's *Intermezzo* Op. 117, No. 1.

[7] For example, in Liszt's *Spozalizio* and *Il Penseroso* the composer requested that both pieces be illustrated with the drawings of Raphael's painting *The Marriage of the Virgin* and Michelangelo's sculpture on the inner title page.

However, the corresponding footnote can be found neither at the bottom of the page nor anywhere else in the four volumes of this edition. Michael Burford is the only one who attempted to solve this mystery and did so only partially. He discovered that in the autograph, the asterisk was placed not at the second (m. 38), but at the first appearance of the chant-like theme (m. 7), after the identical performance indication, *pesante*. There, the asterisk has a corresponding footnote at the bottom of the page: "Mélodie de l'église orthodoxe russe" [4, p. 201]. Burford further pointed out that the Peters edition is the only one that did justice to the autograph by supplying the asterisk with the relevant footnote, still, however, not in measure 7 as originally indicated by Lyapunov but in measure 38. Burford explained that the reason for placing the asterisks in relation to the second appearance of the theme in both Zimmermann and Peters editions can be traced to the uncorrected proofs of the étude, where the asterisk with its footnote is deleted from measure 7 and inserted instead into measure 38 [4, p. 202].

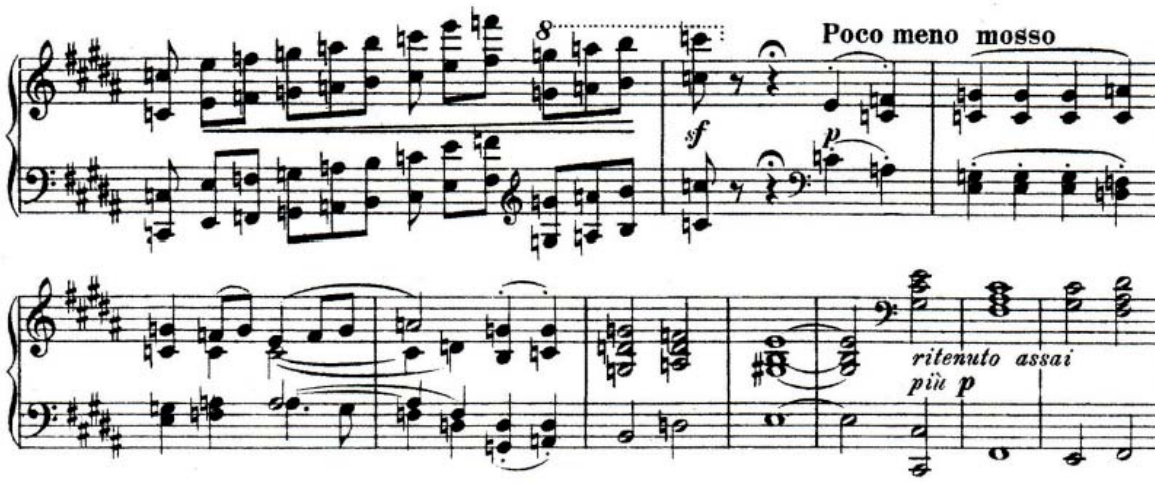
Although worthy of attention, this confusion on the location of the asterisk and the omission of the footnote is not the most remarkable attribute of this publication history. What is striking is that in the 1947 Soviet edition, neither asterisk nor footnote is found, either in measure 7 or in measure 38 [11, p. 14, 17]. While Burford assumes that the omission of the footnote in the Zimmermann edition reflects carelessness on the part of the editor [4, p. 202], I am not convinced this is the case with the Soviet edition. Obviously, the editors knew what the asterisk meant (as it is very unlikely that they didn't have access to the autograph) and purposely removed it and the footnote, in the same way as they omitted the entire program to this étude by the composer.

Not surprisingly, some Soviet musicologists (and following them, their Western colleagues) describe this theme using such vague words as, for example, "solemn melody of Russian origin" [16, p. 65] or "joyful Russian melody" [5, p. 13]. Banks gets more specific but still claims that the main theme is only "reminiscent of an Orthodox chant melody" [3, p. 98]. Burford went to considerable effort to identify the true source for this church hymn but unfortunately did not do so correctly, claiming that this theme is a setting of Psalms 135 and 136 [4, p. 143]. Only Onegina rightly identified the origin of this theme as one of the main Orthodox Church hymns, "O come, let us worship" [13, p. 144]. The words of this ancient chant, sung by the choir at every Divine Liturgy on Sundays and major feast days, are: "O come let us worship and fall down before Christ; O Son of God Who rose from the dead, save us who sing unto Thee: Alleluia" [17, p. 8]. While Lyapunov would have assumed that most Russians knew this hymn, he probably indicated the melody's origin, in general terms, with a view toward Western consumption of the music. It is perhaps an indication of how successful the Soviet regime was in temporarily obliterating this central feature of Russian culture from the minds even of educated people, that musicians and scholars of the Soviet era could not immediately place it.

I believe that the knowledge of these words and their context can have a great impact on the interpretation of *Carillon*. Traditionally, the Orthodox Church does not use musical instruments for its services, and instead relies on chanting and choral a capella singing, since the human voice is seen as the most perfect instrument of praise. In the case of this étude, the main theme (in m. 7 and again in m. 38) evokes the singing of the male choir, mainly in four-part harmony. In view of this, it would be inappropriate, in performing these passages, to give prominence only to the top voice and to treat the other three voices as serving a subordinate, accompanying role. The same approach should also not be applied to the last statement of this theme, *Poco meno mosso* (mm. 99–107), which depicts the pious prayer now sung by a mixed choir and as if now heard coming from the church but afar (see Example 2).

In fact, performers of this étude often overemphasize the top voice in these places, thus depriving the music of the splendid resonance and richness associated with choral singing, and making it sound too pianistic. Instead, one should pay attention to all the voices, especially bringing out those that are moving either in parallel or contrary motion. That way, there is also no need for an exaggerated volume of sound. Note that Lyapunov indicates only *forte* in measure 38 and that *fortissimo* does not come until the victorious and majestic restatement of the main theme in measure 84, perhaps referring to the words "Who rose from the dead". Even there, one should achieve a monumental and powerful effect without forcing the sound and resorting to unnecessary bodily tension, just as a choir, no matter how large, need never sound forced to create an impression of great strength. I would also like to point out that excessive body movements and virtuosic histrionics

Example 2. Lyapunov, *Carillon*, Op. 11, No. 3, mm. 98–107 [11, p. 22].



would be completely out of place in the performance of this étude, bearing in mind the evocation of prayer and the seriousness of the text. Similarly, excessive *rubato* and frequent changes of tempi, often heard on recordings, are inappropriate for this music. An overly Romantic approach to singing, involving ostentatious affectations, is simply absent from worship in the Orthodox Church.

I think that the best way to summarize my own interpretive conclusions is to provide the recollections of the composer's daughter, Anastasiya Lyapunova, concerning the performance manner of her father, especially since they relate directly to the interpretation of *Carillon* and run along lines parallel to those of my observations. These words are not direct quotations from Lyapunova but are as paraphrased in Onegina's dissertation: "According to the recollections of A. S. Lyapunova, the performance of her father was distinguished by the absence of external effects and convulsive tension, even in the most technically difficult places, by the attention to all details of the composition, and by the fullness and power of the sound. Outstanding in this regard was the composer's interpretation of the étude *Carillon*, which Lyapunov performed with majestic simplicity. The bass sounds combined with the small bells struck their rhythm precisely and evenly, without any fuss. In the final *Grandioso* the tension was also absent, which to a large extent was compensated by the power inherent in the music itself" [13, p. 162–163].

Chant épique and Lyapunov's Folk Expedition

Another example of how a program enhances the interpretation of the music is found in one of the grandest études of the series, No. 8, *Chant épique*. This time, the existence of the program is not explicit since it does not appear in the score. I believe I have discovered one, but only as a result of research. The programmatic aspect in this étude also has a very different origin, being derived from Lyapunov's fascination with collecting folk music. According to Anastasiya Lyapunova, her father loved Russian folk songs from his childhood and regarded them as a very rich source of musical creativity [12, p. 91].

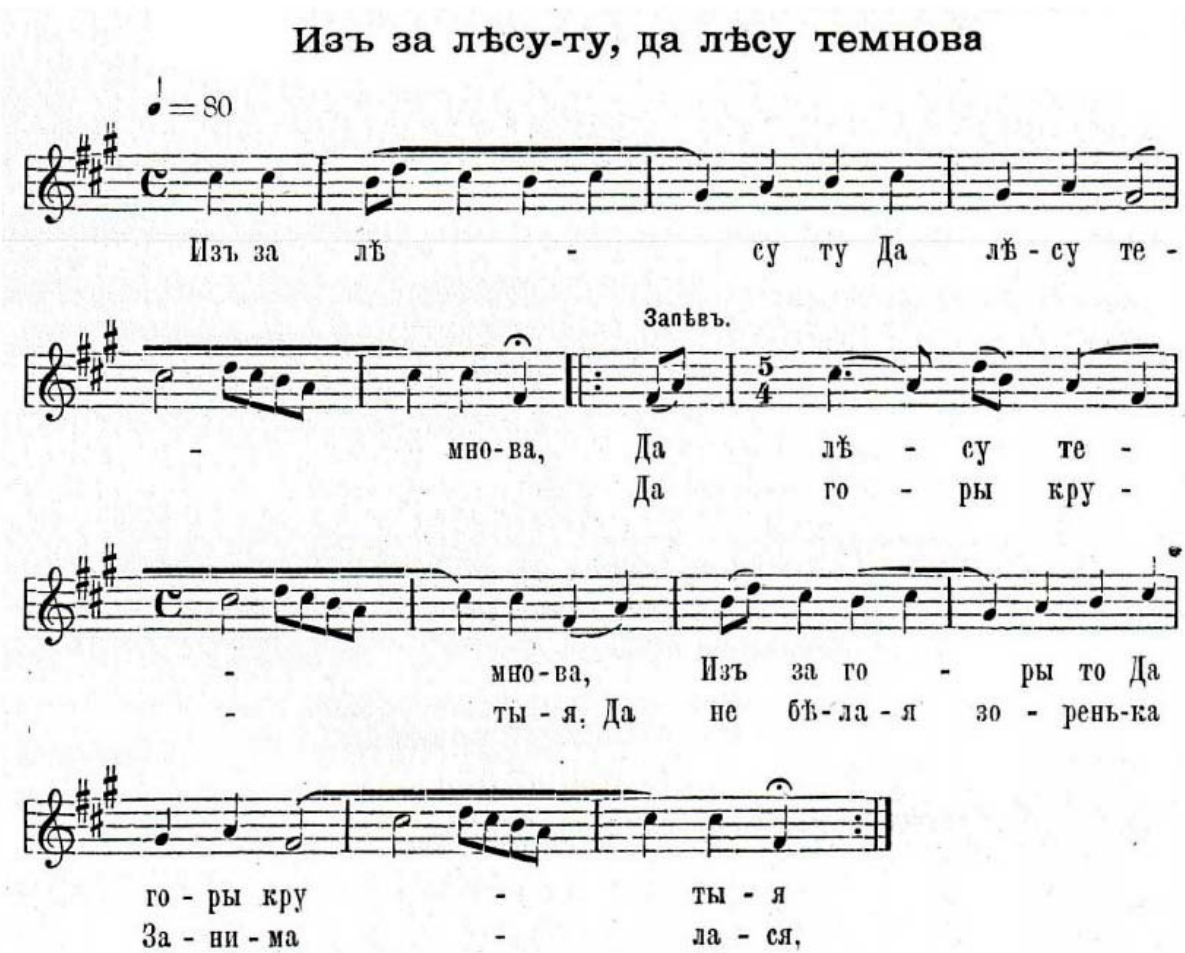
In 1893 Lyapunov became a member of the Imperial Russian Geographic Society. In the same year the Society commissioned him, together with Fyodor Mikhailovich Istomin to collect ancient Russian folk songs from the regions of Vologda, Vyatka, and Kostroma, to the north-east of Moscow. While Lyapunov was in charge of the musical part of their journey, Istomin was responsible for writing down the texts and making notes on the customs associated with the folk singing. The expedition was productive, returning with 265 folk songs, 165 of which were published by the Society in 1899 as the *Songs of Russian People* [7]. Besides gathering folk songs, Lyapunov was also very interested in discovering rare examples of folk instrumental music. He penned several examples of church bells, one of the shepherd's pipe tunes he heard, and a few

melodies played on *gusli* and other rare Russian folk instruments. This 1893 expedition had enormous impact on Lyapunov's creativity, and since that time, as Anastasiya Lyapunova has reported, a folk element entered securely into her father's musical language, permeating not only his piano compositions but also his vocal and symphonic works [12, p. 92].

Chant épique is based on one of the folk songs, *Iz za lesu-tu, da lesu temnova* ("Out of the Woods, Dark Woods") from the *Songs of Russian People*. While most scholars provide the name of this song in connection to this étude, none of them cites this book in a bibliography, and as a result, none of them presents the text. I had the great good fortune to find this rare book and to study it in detail. Its 165 songs represent a variety of important Russian ancient song genres, including wedding, love, family, dance, ritual, funeral, epic, soldiers', thieves', and prisoners' songs, as well as spirituals and Christmas carols.

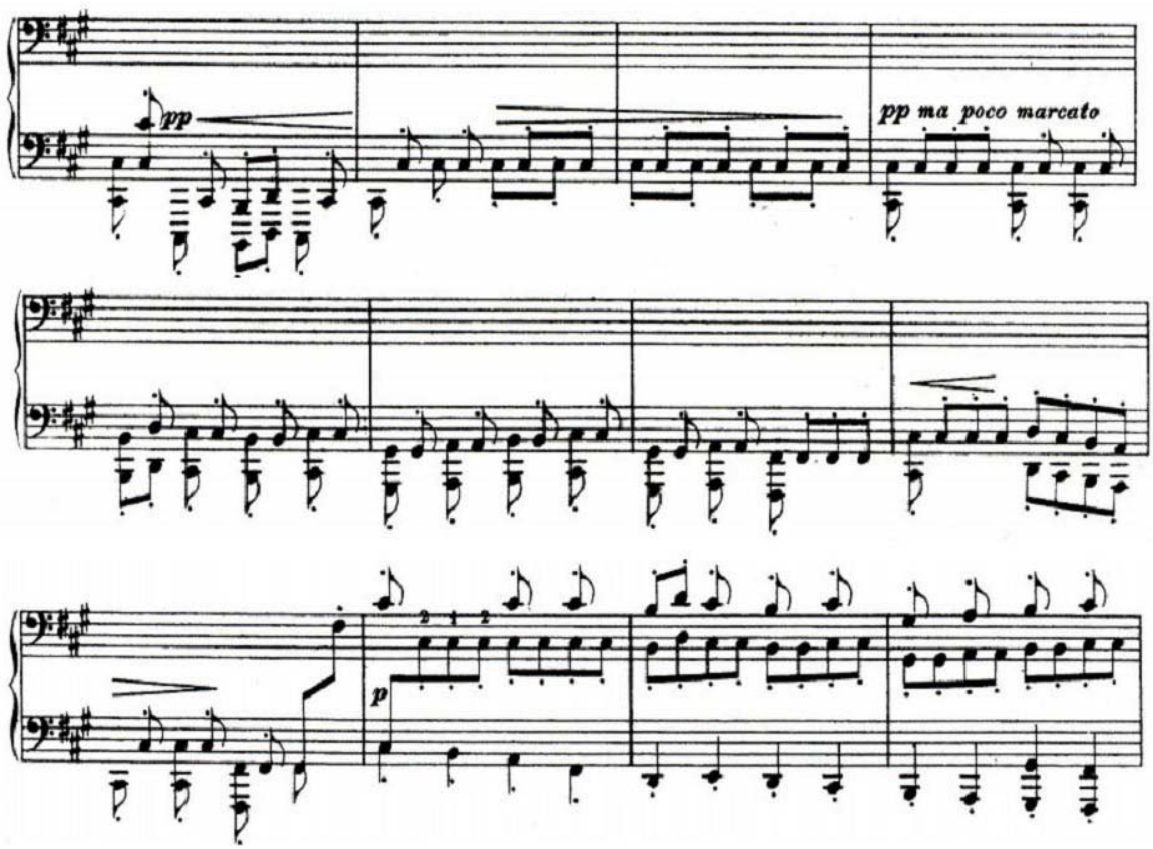
The folk song, "Out of the Woods, Dark Woods", appears under the general category of so called "drawn out" or "prolonged" songs (*protyazhnaya pesnya*), a type of melismatic peasant song, which usually begins on a decorated fifth of the scale and descends to the tonic. This song also falls into a second subcategory, that of a recruits' and soldiers' songs. I present the beginning of this song as it appears in the *Songs of Russian People* (see Example 3).

Example 3. The Folk Song "Out of the Woods, Dark Woods" [7, p. 249]



Although it was a challenge to translate this poetic nineteenth-century Russian text into English, I offer my own translation in Appendix. It is interesting to note that Lyapunov retained the song's original tonality of F-sharp minor, writing *Chant épique* in the same key. The first time that the melody of this folk song is quoted in the étude is in measures 41–46 (see Example 4). Please compare this example to the previous one to see that these six measures of the étude almost literally follow the first six measures of the song, the only exception being that the first measure in the étude is complete while in the song it consists of only the two quarter notes.

Example 4. Lyapunov, *Chant épique*, Op. 11, No. 8, mm. 38–49 [11, p. 65–66]



Taking into account the song's melody and the fact that almost all statements of this theme in the étude retain its original contour, I would like to offer one piece of practical advice. Consider the presentation of the theme in measures 71–76, which is comprised of broken staccato octaves in the left hand and continuous sixteenth-note movement divided between both hands. Although there are no extra stems to identify the melody more clearly, it is essential to bring it out. Therefore, it is decidedly not that one should emphasize every first sixteenth note played by the left hand's thumb, and only those notes. There are three instances in which the thumb of the right hand must also be brought out, as though it had an imaginary eighth-note stem: on the second sixteenth note of the first beat in measure 72 (D4) and on the second sixteenth note of both the third and fourth beats in measure 75 (C-sharp 4 and A3). That way, the melody becomes clearly audible instead of being lost among the accompanimental layers.

Some scholars deem *Chant épique* to be less successful than the other studies, criticizing it for its length (about eight minutes) and a lack of thematic development that allegedly renders it static [1, p. 105]. Even Lyapunov's teacher, Karl Klindworth, to whom the composer sent a copy of the cycle's second edition for his assessment, while generally admiring the achieved result, had the following criticism to make: "Pianistically the work is both effective and original. But I would have preferred the form to be more compact; the more over-extended the form becomes the more it becomes apparent that the melodic content does not demand it. This deficiency was particularly noticeable to me in 'Bylina' ('Chant épique') where the theme of 6 bars is tiresomely rephrased through 19 pages" (cit. in [4, p. 253]).

While not denying Lyapunov's tendency to exaggerate formal proportions and a predilection for unhurried thematic development in some of his large-scale works (for example, his Sonata in F minor, Op. 27), I believe that this leisurely and cumulative approach is totally appropriate and even necessary in the case of this étude. First, as one can see, the text of this song itself is rather long, especially considering the fact that every second line has to be repeated. In addition, the poetic narrative unfolds in a very unhurried manner, thus creating a feeling of suspense and uncertainty. For example, after hearing the initial two strophes: "out of the woods dark woods", and "out of the mountain steep mountain", one cannot predict what is about to happen. Even after reading the third and fourth strophes, "it was not the white dawn that appeared," and "it was not the red sun that rose", one still cannot comprehend the song's meaning, or even guess at it. Moreover, from the melodic point of view, we again see this slow moving development, since the setting is usually melismatic (hence "drawn out" song). Thus, for example, the word forest extends over one and a half measures, and the word dark, over two and a half measures (see Example 3). In light of this, I do not consider Lyapunov's numerous repetitions of short fragments of the song in augmentation (introduction, mm. 1–40) to be redundant and unnecessary in any way. Quite the opposite, they seem to correspond exactly with the suspense projected by the song's words. I believe that it is the task of a performer to create this feeling of uncertainty. Moreover, I do not feel any sense of monotony or lack of musical process in this introductory section, precisely because none of these short fragments (or for that matter, any of the future statements of the theme) is literally repeated. Compare measures 1–3, 11–13, 20–21, 23–24, 26, and 35–38 to notice that there are changes in dynamics and articulation, and variation by way of fragmentation and diminution, all of which contribute to achieving the effect of soldiers slowly approaching from the depths of the forest. Once again, I am convinced that it is up to the performer of this étude to pay attention to all these little differences and, by never repeating similar passages in exactly the same way, to produce the desired effect. Even the first two motives (mm. 1–3 and 11–13), although identical, contain slight changes in dynamics, *poco sf* and *sf*, respectively, and one should definitely convey these differences in the performance.

This étude poses another interpretive problem for the performer, one that deserves a brief commentary. In the introductory section (mm. 1–40), and later at the return of the main theme (beginning in m. 165), the short fragments of the folk song's melody are interspersed with arpeggiated figures marked *armonioso imitante salterio* (appearing in m. 4). This indication has challenged several scholars. Thus, Chernyshev defined these arpeggios as being harp-like [5, p. 22], while both Banks and Kaiserman suggested that the music of these passages should remind one of the bard who accompanies his singing on a psaltery [3, p. 89]. Only Shifman and Burford have rightly pointed out that Lyapunov, in this passage, is imitating the effect of *gusli*[8], the oldest Russian plucked keyboard instrument of the psaltery family [15, p. 133; 4, p. 89].

While most performers find, in one way or another, the piano sound appropriate for illustrating bells, flute, piccolo, and shepherd's pipe (imitated in études Nos. 3, 4, and 7), it seems that the indication *armonioso*

[8] According to some scholars, *gusli* may have come to Russia from Byzantium by the year 1000. This instrument is considered to be a symbol of Russia's musical culture and used to play a major role in the life of every Russian, being loved by the Tzars, nobility, and peasants alike. *Gusli* was the principal instrument of the *skomorokhi*, the professional wandering minstrels. It was also used by professional bards as well as by peasant storytellers, who accompanied their sung or spoken epic heroic poems (*bylinas*) on this instrument.

imitante salterio is generally misinterpreted not only in writings, but also in performances. Pianists too often overemphasize the highest voice (and/or the lowest notes) in these arpeggiated passages, treating them harmonically or chordally. By losing the presence and clarity of the inner voices, they make these passages sound too pianistic and sometimes even achieve a quasi-impressionistic effect. Without claiming to be an expert on the performance practice of *gusli*, I will nevertheless offer some practical suggestions on how to achieve the closest approximation to the sound of this folk instrument on the piano. Since the *gusli* is a plucked instrument, every note should be treated with equal value, and played with a more or less similar attack. I would suggest not playing these arpeggiated figures with relaxed fingers and, as a result, combining the eight notes into one gesture. Rather, I would urge the performer to treat them more melodically and to employ a precise attack on each of the eight notes. Quite a challenging task, considering that in some cases Lyapunov asks us to execute them with a *piano* or *pianissimo* dynamic, and also with the pedal being held for some time (implied by the long pedal tones in the bass). I also mention that despite the fact that *gusli* (when played solo) is a rather quiet instrument, it nevertheless has a certain brightness of tone and at times even a ringing sound. As such, these passages should not be played too quietly (perhaps, with the exception of mm. 169–173 and 177–181, where Lyapunov indicates *pianissimo*), but rather in such a way as to create an effect of resonance and to allow the overtones to spread in the air. Consider the episode in measures 85–89, in which, I believe, Lyapunov evokes the effect of an entire ensemble of *gusli* players. Although marked *piano*, Lyapunov adds the additional indication, *ma sonore*. I contend that one should apply the same performance directive to measure 4, also marked *piano*, and even more so to corresponding passages, which follow and in which the dynamic level rises. That way, these figures will not sound bleak and pale, but will rather acquire a certain resonance, brightness, and liveliness, namely, those characteristics typically associated with the *gusli*.

I also want to consider a question first raised in an article by Richard Davis: "What was the significance of devising the last bar [of *Chant épique*] as a modification of the last bar of Balakirev's piano Fantasy on themes from Glinka's opera, *A life for the Tsar*?" [6, p. 194]. The last measures of both works are indeed very similar, since they contain only rests for the duration of the entire measure, with the marking of *fermata* in the case of Lyapunov's étude. However, there are countless examples in the piano literature in which the final measure contains only silence. But this fact has absolutely no significance. What Davis had surely meant is that at least the last eight measures of Lyapunov's étude bear a striking resemblance to the material in the final eight measures of Balakirev's *Fantasy*, a piece that was written as early as 1855 but revised in 1899, just a few years before the completion of this etude [11, p. 81; 2, p. 29].

Moreover, both works share the tonality of F-sharp minor and incorporate a number of Lisztian techniques (most notably bravura passages, tremolos, and octaves). What is the more telling, however, is that both compositions conclude in the parallel key of F-sharp major. In the case of the étude, Chernyshev understands this change to major as typical of the *bylina* genre[9], saying that the coda "becomes a patriotic dance in celebration of victory over the invaders and the traditional happy ending to the Bylina" [5, p. 23]. In the case of Balakirev's *Fantasy*, one must turn to the libretto of Glinka's *A Life for the Tsar* to learn that, in the epilogue on the stage, the crowd of people celebrate the triumph of the new Tzar by proclaiming glory to him and to Susanin's heroic memory. After I acquainted myself with the words of the song collected by Lyapunov, the answer to Davis's question became clear to me. Just as is the case with the libretto of Glinka's opera and, by association, with Balakirev's *Fantasy*, the lyrics of the song also refer to the Russian Tzar, and Lyapunov's use of this song as the basis for *Chant épique* reflected his patriotic and monarchistic worldview. Had Lyapu-

[9] *Bylina* is the Russian title of *Chant épique* and appears underneath the French title in the Zimmermann edition since there is no adequate translation of this word to any language, *Chant épique* being only an approximate translation. *Bylina* is a traditional Russian epic heroic poem, traced by some historians as far back as the tenth century. Typically, *bylinas* depicted a heroic struggle of Russian people against various invaders and their mighty deeds and heroic victories.

nov chosen to hint at the program for this étude (e. g. by naming the song, or providing its initial lines or the entire text in the score), that would have undoubtedly aggravated the Soviet authorities. Had they suspected any reference to the Tzar in connection with the music of this étude, they would surely have removed the program as they did in the case of *Carillon*, and just as they changed the words of Glinka's opera and its original title, *A Life for a Tsar*, to the more general and disguised title, *Ivan Susanin*.

* * *

I cannot stress enough that interpretation is insufficiently informed when one does not take into account the widest possible context – consideration of the composer's biography; his cultural, political, philosophical, social, and religious views; any programmatic or extra-musical elements behind a given composition; and, finally, the general cultural environment that surrounded the composer, which may be one of absorption in a vast national heritage. I believe, then, that the ways in which I have examined the *Douze études* by Lyapunov could and should be applied not only to obscure compositions by lesser-known composers, but also to very prominent works by, for example, Tchaikovsky, Rachmaninoff, and Stravinsky. How much this approach might illuminate the content of such popular work as Stravinsky's *Three Movements from the Ballet "Petrouchka"*! How much more meaning the interpretation of this work would acquire if the performer were to realize that Stravinsky uses two Russian folk songs in the third movement of that work, each with more than a nod to its lyrics, as well as imitating some Russian folk instruments! But this is a subject deserving a separate essay.

In conclusion, while it is true that Lyapunov's music did not have an explicit, or any sort of determining, influence on future generations of Russian composers, his attitude to ambitious music, which was that it should reflect the basic sources and preoccupations of its cultural context, broadly understood, is common to most of the major Russian composers of his time, and is a major reason for the depth of conviction with which they composed, and for the evident success they had. Moreover, realizing this and drawing the appropriate insights therefrom should provide the musical community with an avenue for the more sympathetic consideration that I hope many fine Russian composers from the end of the long nineteenth century, and others similarly neglected, will enjoy in the future.

Appendix. Translation of the Folk Song *Iz za lesu-tu, da lesu temnova*[10]

Out of the Woods, Dark Woods

Out of the woods
Dark woods.
Out of the mountain,
Steep mountain.
It was not the white dawn
That appeared,
It was not the red sun
That rose.
There appeared rather
The Tzar's crest.
The crest of the Tzar
Of the Emperor.

Behind the crest
The White Tzar leads,
And after Himself he leads
His mighty legions,
His forces,
And not small ones.
Not small forces
But forty-three regiments.
Forty-three regiments,
Dense with soldiers.
All the soldiers
Who are new recruits.

[10] My own translation from nineteenth-century Russian into English is as literal as possible and does not capture the song's original flow, charm, and rhythm.

In front march
All the volunteers,
And behind lag
All the conscripts.
And the volunteers
Burst out with songs,
And the conscripts
Cried tearfully.
Then spoke
The White Tzar:
"Do not cry,
My dear soldiers.
When the morning comes I will
Present you gifts.
And I will not grant you rubles,
Or *poltinas*[11],
But six *arshins*[12]
Of the dark blue cloth.
Of the dark blue cloth,
And of the precious, dark red one!"
Then they raised their voices
All the soldiers:
"Let us sew then
A great coat for everyone,
And out of the leftovers
We'll sew caps for everyone,
And out of the clippings
We'll sew gloves for everyone!"

Literature

1. Alekseyev A. D. *Russkaya fortepiannaya muzyka: konets XIX – nachalo XX veka* [Russian Piano Music: From the End of the XIX to the Beginning of the XX Century]. – M.: Nauka, 1969.
2. Balakirev M. *Complete Works for Piano*. – M.: Muzyka, 1952. – Vol. I.
3. Banks A. G. C. O. Musical Influences Which Shaped the *Twelve Transcendenta Studies* Op. 11 by Sergei Liapunov (1859–1924). DMA dis. – West Virginia University, 2004.
4. Burford M. Ch. The Transcendental Studies of S. M. Lyapunov. M. Mus. dis. – University of Sheffield, 1988.
5. Chernyshev I. An Historical and Analytical Survey of the Transcendental Etudes by Sergei Liapunov. DMA dis. – University of North Texas, 2007.
6. Davis R. Sergei Lyapunov (1859–1924), The Piano Works: A Short Appreciation // Music Review. – Vol. XXI, № 1 (February 1960): 186–206.
7. Istomin F. M., Lyapunov S. M., eds. *Pesni russkago naroda. Sobrany v guberniyakh Vologodskoi, Vyatskoi i Kostromskoi v 1893 godu* [Songs of Russian People. Collected in the Regions of Vologda, Vyatka and Kostroma in 1893]. – SPb.: Imperial Russian Geographic Society, 1899.
8. Kaiserman D. N. The Solo Piano Music of S. M. Liapunov (1859–1924): An Essay Together with a Comprehensive Project in Piano Performance. DMA dis. – University of Iowa, 1977.
9. Liapounow S. *12 Études d'exécution transcendante pour le piano*. Frankfurt am Main: Musikverlag Zimmermann, 1958.
10. Liszt F. *Études d'exécution transcendante*. – Munich: G. Henle Verlag, 2004.
11. Lyapunov S. *Soch. 11: Dvenadtsat' etyudov osobo-trudnogo ispolneniya dlya fortepiano* [Op. 11: Twelve Transcendental Études for Piano]. – M.: State Music Publishing, 1947.
12. Lyapunova A. S. M. Lyapunov // *Sovetskaya Muzyka*. – No. 9 (1950): 90–93.
13. Onegina O. V. Fortepiannaya muzyka S. M. Lyapunova. Cherty stilya [Piano Music of S. M. Lyapunov. Characteristics of Style]. Ph. D. dis. – SPb.: State Conservatory, 2010 (The translation in mine).
14. Scruton R. Programme Music [Electronic resourse] // *Grove Music Online*. – URL: http://www.grovemusic.com (accessed: 21 May 2009).
15. Shifman M. Ye. Dvenadtsat' etyudov S. M. Lyapunova i nekotorye cherty ego fortepiannogo stilya [Twelve Études of S. M. Lyapunov and a Few Features of His Piano Style]. Ph. D. dis. – M.: Moscow State Conservatory, 1953.
16. Shifman M. Y. *S. M. Lyapunov. Ocherk zhizni i tvorchestva* [S. M. Lyapunov. A Sketch of His Life and Work]. Moscow: State Music Publishing House, 1960.
17. *The Divine Liturgy of St. John Chrysostom*. – Stratford, Connecticut: The Savoy Press, 2002.

[11] *Poltina* was a Russian Imperial silver coin, it was equal to the one half of the Russian rubble – 50 kopecks.
[12] *Arshin* is an old Russian measurement unit of length equaling to 28 inches or 71 centimeters.

УДК 781.9

О. В. Синельникова

СТРАНИЦЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА РОДИОНА ЩЕДРИНА

В статье рассматриваются особенности воплощения событий отечественной истории в творчестве выдающегося композитора нашего времени Родиона Щедрина. Многие события истории России XX века легли в основу трагических концепций произведений Щедрина, таких как хоровая опера «Боярыня Морозова», «Российские фотографии» для струнного оркестра, вокальный цикл «Век мой, зверь мой» и др.

Ключевые слова: история России, жизнь и творчество, Родион Щедрин, трагические события, православная культура, русская литература.

O. V. Sinelnikova

THE RUSSIAN HISTORY THROUGH RODION SHCHEDRIN'S LIFE AND CREATIVE WORK

Rodion Shchedrin is one of the outstanding domestic composers, who has preserved underlying traditions of the Russian musical culture. At the same time his music is a bright and innovative phenomenon of domestic music in the 20th and 21st centuries. Shchedrin'screative biography lies beyond any definite standards. He led the Union of Composers without following any of the keys of the Soviet era; he worked a lot abroad keeping the brightly expressed national colouring in his music; he mastered various avant-garde composition techniques of (dodecaphony, sonorism, aleatory music) but was never keen on any of them preserving his own style. A talented pianist, Shchedrin, is known as a performer of his piano compositions. Also, he writes librettos for his theatre works.

The article deals with the features of implementation of events from the Russian history in creative works of modern outstanding composer Rodion Shchedrin. Many events from the Russian history of the 20th century served as the basis for tragic concepts of Shchedrin's works such as choral opera "Boyarynya Morozova", "Russian Photographies" for string orchestra, vocal cycle "My Age, My Wild Beast" and others. Theme of the Russian history is experienced and felt deeply by Shchedrin. For example, an important place in his creative work is the Russian Orthodox theme. Russian liturgy "The Sealed Angel" for mixed choir and flute, "Stikhira for the Millennium of Christianization of Russia" for symphony orchestra, "The Frescoes of Dionysios" for nine instruments, opera for the concert presentation "The Enchanted Wanderer", based on the story of Nikolai Leskov, choral opera "Boyarynya Morozova" are among works which most brightiy reflect this stratum of Russian culture. The composer's spiritual and creative needs originating in the family and upbringing were materialized in these opuses.

Shchedrin in his memoirs "Autobiographical Notes" gives a personal assessment of the political situation and life in the former Soviet Union. He looks back on his eventful life and admits exciting insights behind the scenes of the international music world. He develops his personal view on the consequences of the political and ideological repression for the artistic practice. In the short anecdotes and humorous hints, sometimes mixed with a bitter irony, reveal a very pleasant side of Shchedrin as a man, who, in spite of some adverse experiences, has kept his cheerfulness and joy of life.

Keywords: Russian history, life and creative works, Rodion Shchedrin, tragic events, Orthodox culture, Russian literature.

Я счастлив, что прожил свою жизнь в музыке.
Счастлив, что был рожден в России.
Родион Щедрин

Русская тема – доминантный признак стиля Родиона Щедрина, магистральная линия его творчества, начиная с самых ранних произведений (балет «Конек-Горбунок», Первый фортепианный концерт, Первая симфония) до опусов, созданных совсем недавно (хоровая опера «Боярыня Морозова», «Бельканто на русский лад» для виолончели и фортепиано, «Эпиграф графа Толстого к роману "Анна Каре-

нина”», «Виват!» Санкт-Петербургская увертюра для симфонического оркестра и др.). Русская тема, в свою очередь, разветвляется на множество сквозных линий в творчестве Щедрина, каждая из которых могла бы составить область самостоятельного исследования:

- диалоги с русской литературой;
- образы русской истории;
- традиции православной культуры;
- воплощение русского фольклора в произведениях разных жанров;
- традиции русской композиторской школы.

Тема истории России глубоко пережита и прочувствована Щедриным. Ведь сами факты биографии композитора и истории его семьи наглядно иллюстрируют трагические события, происходившие в стране. Достовернее всего это отражают воспоминания самого Щедрина, вышедшие в 2008 году и названные «Автобиографические записи» [2]. Книга композитора – это, конечно, не исповедь, но, безусловно, честный и часто неожиданный взгляд на собственную судьбу и творчество. Субъективные заметки на полях истории отечественной музыки.

Вся семья его из духовенства. Дед по отцовской линии, Михаил Михайлович, был священником в маленьком городке Алексин Тульской губернии на Оке. Отец Щедрина, Константин Михайлович, и семь его братьев окончили Тульскую духовную семинарию. Самый старший брат, Иван Михайлович (дядя композитора), впоследствии в ней же преподавал и служил регентом. Бабушка, Елизавета Николаевна (в девичестве Докторова), тоже была из духовенства.

Семья Щедрина знает не понаслышке о страшных 30-х годах: «Лишь тот факт, что ты поповский сын, было обвинением в классовой неблагонадежности, контрреволюции, измене. Это тогда рушили, сбрасывали колокола, жгли древние иконы, гадили на алтарях, убивали, ссылали, стригли наголо служителей культа» [2, с. 12]. Двое из братьев отца не избежали трагической участи и пропали в подвалах НКВД. Все сыновья священника из Алексина были одарены яркими музыкальными способностями, но только один – Константин Михайлович, отец Родиона Щедрина – стал профессиональным музыкантом-педагогом, окончив Московскую консерваторию в тот роковой для России 1917 год. Мать композитора, Конкордия Ивановна, была глубоко верующим человеком и воспитала своего сына в духе православия, хотя в советском тоталитарном государстве это было непросто. При рождении Родиона в 1932 году, его тайно крестили на окраине Москвы в Сокольниках, что было вовсе небезопасно.

Дед Щедрина по материнской линии, Иван Герасимович Иванов, из среды тамбовских мещан был железнодорожником и поучаствовал в революционных событиях. В дни разгрома революции 1905 года он вывез из Москвы отряд революционных рабочих, за что получил одним из первых в СССР звание «Герой труда». Эта грамота деда явилась своего рода «охранной грамотой» для пестрой по социальным корням беспартийной семьи. Бабушка по материнской линии, Прасковья Афанасьевна Аболешева, из аристократического рода, окончила Смольный институт благородных девиц и владела тремя языками, а члены ее семьи эмигрировали во Францию.

Такова вкратце история семьи Щедрина, которая способствовала становлению его личностных и профессиональных качеств. Очевидно, что они проявились со временем в музыкальных замыслах композитора. В первую очередь, генетический код семьи стимулировал интерес Щедрина к истории русского православия. Он хорошо знает тексты богослужебных книг, преклоняется перед красотой православной иконы, обращается к житийной литературе, к исследованиям историков в этой области, увлеченно перечитывает Н. Лескова – своего любимого писателя. Герои повестей и рассказов Лескова, как правило, лица воцерковленные и истово верующие, а тексты изобилуют цитатами из священного писания. Произведения по мотивам и на сюжеты Лескова – Русская литургия *«Запечатленный ангел»* (1988) и опера для концертной сцены *«Очарованный странник»* (2002) – принадлежат к наиболее вдохновенным творениям Щедрина. В них реализуется удивительное слияние православного миросозерцания писателя и композитора, во многом сформированного в детстве. Предки Лескова тоже были священниками.

Иконописной теме Щедрин посвятил инструментальное сочинение *«Фрески Дионисия»* (1981) для 9 инструментов, а музыкальные составляющие православной культуры, такие как знаменный рас-

пев и колокольный звон, наполняют многие сочинения Щедрина. Назовем наряду с упомянутыми только самые показательные: «Звоны», «Автопортрет» и «Стихира на 1000-летие Крещения Руси» для симфонического оркестра, фортепианный цикл «Тетрадь для юношества», Четвертый концерт для фортепиано с оркестром. Историческая тема в произведениях Щедрина корреспондирует с православной линией его творчества, которая особенно ярко высветилась в опусах, созданных в 1988 году специально к знаменательной дате 1000-летия Крещения Руси («Стихира на 1000-летие Крещения Руси» и «Запечатленный ангел»), хотя религиозное начало присутствовало и в более ранних сочинениях композитора. Роль музыкальных символов православной культуры в творчестве Щедрина с каждым новым произведением становится все более очевидной, хотя собственно церковных произведений, соответствующих канонам литургической службы композитор не писал.

Особенно выделяется в этом ряду совсем недавняя премьера хоровой оперы *«Боярыня Морозова»*, где Щедрин омузыкаливает трагическую страницу истории церковного раскола и возникновения старообрядчества на Руси. Премьера оперы состоялась 25 октября 2006 года в Москве. В ней нет оркестра, только труба и группа ударных. Зато хор – и участник, и комментатор событий, и средство звукописи. Хоровую оперу на собственное либретто Щедрин сочинил, взяв за основу тексты знаменитых хроник литературы XVII века «Житие протопопа Аввакума» и «Житие боярыни Морозовой, сестры ее княгини Урусовой и Марьи Даниловой», а также «Письма протопопа Аввакума к боярыне Феодосии Морозовой». Помимо других источников, огромную роль для Щедрина сыграла книга, изданная в 1971 году в Мюнхене на русском языке: Зеньковский «История старообрядчества в России»[13]. Для Щедрина имеет значение точная передача материала: диалоги и сцены, заимствованные из исторических и литературных источников, приводятся в опере на древнеславянском языке[14]. Однако проблема художественного воплощения образов волновала композитора в первую очередь.

Воспоминания детства и страшные годы сталинского режима нашли отражение в инструментальном творчестве Щедрина. В 1994 году им создано сочинение под, казалось бы, безобидным названием *«Российские фотографии»* для струнного оркестра. На четырех музыкальных «фотографиях» – «Старинный город Алексин», «Тараканы по Москве», «Сталин-коктейль», «Вечерний звон» – запечатлены картинки российской действительности и советской истории: скорбные, печальные, даже траурные, и шутливые, ироничные. В одних – глубина и серьезные раздумья о судьбе целой страны («Сталин-коктейль», «Вечерний звон»), в других – легкость, игра и столь присущий Щедрину музыкальный юмор («Тараканы по Москве»). Воспоминания автора соединяются здесь с мыслями, полными боли и горечи за Россию. «Печаль, далекий перезвон полуразрушенных церквей, покривившиеся кресты на куполах, заросшие бурьяном деревенские кладбища, карканье ворон, людское безверие, запустение, смута на сердце…», – так описывает Щедрин содержание IV части. Трагический колорит окрашивает здесь всю музыку, за исключением юмористического скерцо «Тараканы по Москве»[15] [1, с. 236].

Автор дает пояснения к каждой части, чего ранее практически не делал. Это свидетельствует о том, что Щедрину важно направить размышления слушателя и связать их с конкретными образами: маленький городок Алексин, тараканьи бега (хотя вполне можно было бы вообразить и что-нибудь другое, если бы не программа), наконец, прямые цитаты из музыки, связанной с текстом (тема из «Кантаты о Сталине» А. В. Александрова, «Марш энтузиастов» И. Дунаевского, популярная в 30-е годы песня «Вечерний звон»), а также пение оркестрантов в финале («Вечная память»). Третья часть «Сталин-коктейль» – смысловой и драматургический центр цикла, где ярко передан драматический конфликт той эпохи: внешней помпезности и человеческих страданий. «В драматургии пьесы играют роль отголоски маршевых мотивов, прославлявших в бывшем СССР преступного “вождя народов”.

[13] Недавно этот труд вышел в России – С. А. Зеньковский «Русское старообрядчество».

[14] Когда опера демонстрировалась по ТВ на канале «Культура», то специально был привлечен чтец, передающий содержание либретто.

[15] Первоначально была написана наиболее драматичная III часть «Сталин-коктейль» как отдельная пьеса по просьбе В. Спивакова в связи с тысячным концертом «Виртуозов Москвы». В издательстве предложили сделать сочинение более масштабным и добавить другие части.

А также звуковые краски – как трели далеких барабанов, стоны жертв, эхо расстрелов, трескотня парадов (все это так схоже с годами власти Гитлера в Германии…). Мелькает мелодия старинного романса “Очи черные” – говорят, что Сталин любил напевать этот мотив…» (Из программы Щедрина к III части «Российских фотографий»). Эти конфликтные образы персонифицированы в темах-цитатах: «Песня о Сталине», с одной стороны, и «Марш энтузиастов» – с другой. Для усиления образной конкретности Щедрин обогащает пассакалию множеством изобразительных приемов: в первой вариации – пиццикато контрабаса с ударом о гриф, имитирующее звуки выстрелов, в конце третьей вариации – подражание барабанной дроби древком смычка. Композицию венчает резкий, отчаянный крик всех музыкантов оркестра.

Один вокальный опус Щедрина начала XXI века существенно дополняет историческую тему сталинских репрессий. Это вокальный цикл на стихи О. Мандельштама *«Век мой, зверь мой»* (2003) для тенора, рассказчицы и фортепиано, где тема советского террора 30-х получает иное освещение. В цикле использовалась не только поэзия Мандельштама, но и фрагменты дневниковых записей А. Ахматовой, повествующих об аресте поэта. Вокальный цикл «Век мой, зверь мой» – трагическая история взаимоотношений поэта и судьбы. Подобную судьбу приготовила эпоха советского тоталитарного государства многим. История жизни и творчества Мандельштама подана в ее кульминационный момент. Эмоциональный накал предельный (стон, плач, крик). В. Ашкенази, по заказу которого написан этот цикл, сказал, что это «страшная черно-белая музыка, настоящий удар для слушателя».

Щедрин много вспоминает о своем «военном» детстве: бомбежки, побеги на фронт, эвакуация в Куйбышев и голод. Вот что он пишет: «Зиму 1941 года, а она была лютая, малоснежная, с ветрами, я вспоминаю с плохим чувством. Мы по-настоящему голодали. Я ходил по бесконечному замерзшему, чуть припорошенному снежной поземкой полю и искал оставшиеся несобранными картофелины» [2, с. 22]. А параллельно в другом измерении в том же Куйбышеве протекала другая жизнь, про которую ни шустрый Родион, ни его сверстники не знали. «Мы не пронюхали, что в самом центре города, где располагался обком партии, за несколько месяцев в рекордные сроки был построен подземный бункер для Сталина и его Политбюро. На глубине 37 метров. С лифтами, со сложной системой вентиляции <…>. Абсолютная копия того, что было у вождя всех народов и его партийных бонз в Москве» [2, с. 25]. Сейчас этот бункер открыт для посещений, и Щедрин спускался в него в один из приездов в Самару: «Это был как бы спуск на лифте в мое военное детство» [2, с. 25].

Но в этот же период Щедрин стал свидетелем и других значительных для российской культуры и истории музыки событий. Это репетиции Седьмой симфонии Д. Шостаковича, которые мальчик мог посещать. На генеральной репетиции, когда первый раз целиком прозвучало это великое произведение, ему посчастливилось быть. «На премьере я не был, не взяли. Если бы понимал хоть в сотую долю значимость этого вчера, то прорвался бы, пролез, перелез, прополз, проник бы. Но без малого 10 лет – возраст самый несознательный», – пишет Щедрин [2, с. 24]. С Шостаковичем отец Щедрина работал в эвакуации, занимая должность ответственного секретаря Союза композиторов. Шостакович много помогал семье Щедриных. Шостакович оказал огромное влияние на Щедрина и как личность, и как выдающийся композитор.

Общение продолжалось и далее. «Вот высочайший нравственный пример глубочайшей порядочности, мужества, стойкости в самом пекле советского ада, – пишет Щедрин в своих воспоминаниях. – Писать первый скрипичный концерт, возвращаясь с надругательских мракобесных стыдобищ в 1948 году, или создавать Четвертую симфонию, как бы отвечая на мерзость ждановской статьи “Сумбур вместо музыки”. Это ли не подвиг?!» [2, с. 101–102]. Велико негодование Щедрина, когда он, читая постперестроечную литературу, видит, как искажаются факты, извращаются мотивы поступков, домысливаются малопонятные простому обывателю действия. «Корят Шостаковича, что бесовские письма подписывал, тем советскую систему защищал» [2, с. 102]. Дело в том, что великий композитор действительно подписывал, не читая всяческие прошения и обращения, отвечая при этом: «Что дали, то и подписал». Такие эпизоды не раз наблюдал Щедрин в Союзе композиторов. «Беспринципность, подумает некто, а я скажу – мудрость великого человека. Этим он сохранил свой мозг для музыки, где он был исповедален и бескомпромисен» [2, с. 103].

«И при сем, смертная удавка террора все у́же затягивалась вокруг самого Шостаковича: был расстрелян его дядя, арестован муж старшей сестры, а она сама сослана, в ссылке томилась и мать его жены. Сам Дмитрий Дмитриевич был близко дружен с расстрелянными Сталиным маршалом Тухачевским, с режиссером Всеволодом Мейерхольдом, на квартире которого он часто останавливался в дни своих приездов в Москву. Какое же скудоумие демонстрируют те "исследователи", кто с умной миной всерьез рассуждает – был ли Шостакович придворным композитором советского режима» [2, с. 102]. Щедрин отдал дань памяти великому музыканту в своих статьях и публикациях в «Правде», сборнике «Д. Шостакович. Статьи и материалы», произнес речь на гражданской панихиде в Большом зале консерватории 15 августа 1975 года[16].

Это были исключительно теплые отношения: интерес двух композиторов был взаимным. Нельзя не упомянуть и об отзывах Шостаковича на премьеры тогда еще молодого композитора. Он восхищался «Поэторией», очень хвалил Первую фортепианную сонату и другие ранние опусы. В архиве Щедрина хранятся письма, записки и поздравительные телеграммы от Шостаковича. Такой по-настоящему творческий диалог. Поэтому появление своеобразного приношения своему великому предшественнику, «Микеланджело музыки» (как назвал его Щедрин) в какой-то степени закономерно. Это оркестровое произведение Симфонические этюды *«Диалоги с Шостаковичем»* (2001).

Обозначенное автором жанровое решение «Диалогов» убедительно отражает сформулированную идею. Одночастная композиция рождается как последовательность кратких этюдов, собираемых способом монтажа небольших контрастных построений. Здесь и фрагменты воспоминаний, и отголоски стиля Шостаковича, и намеки на богатый мир образов его музыки, и даже отблески жанрово- и темброво-персонифицированных тем, мотивов, но ни одной цитаты. Наконец, оркестр Щедрина в этом произведении, как обычно с добавлением индивидуальных красок, но все же, восходящий к инструментальному составу, который применял Шостакович. Все это формирует особую атмосферу стилевого диалога двух выдающихся музыкантов XX столетия. Закономерно присутствие знаковой для современных композиторов монограммы DSCH, с которой начинается произведение (1–2 такты в партии виолончели) и автографа автора SHCHED, которым оно завершается (5-й такт после ц. 45 в партии контрабаса).

Эпизоды «военного» детства Щедрина откликаются в замысле *Второй симфонии* (1965), посвященной воспоминаниям о войне. В необычном цикле 25 прелюдий представлены контрасты мирной жизни и картины военных действий с подчас натуралистическими изобразительными фрагментами: «Я хотел столкнуть музыкально мирные повседневные звуки окружающей нас жизни со звуками вой-ны, которые я хорошо помнил с дней своего "военного" детства – гул летящих бомбардировщиков, скрежет танков, дальние разрывы снарядов, стоны раненых, марши шагов кованных солдатских сапог по мостовой...» [1, с. 280]. Симфонии предпослан эпиграф из стихотворения А. Твардовского «Когда окончилась война». Тремя годами позже Щедрин вновь обратился к военным стихам Твардовского, которые легли в основу цикла из четырех хоров: «Как дорог друг», «Прошла война», «Я убит под Ржевом», «К вам, павшие». Этот опус Щедрин посвятил памяти своего двоюродного брата Олега, не пришедшего с войны.

Сочинение симфонии проходило в процессе творческого общения с Шостаковичем летом 1964 в Дилижане близ озера Севан, где тогда располагался дом композиторов. Соседом Щедрина по даче был Д. Д. Шостакович. «Шостакович работал в то лето над IX и X струнными квартетами одновременно, и я несколько раз имел радость показать ему готовые уже страницы своей симфонии да послушать в его исполнении на рояле только что законченные части его новых квартетов. У Шостаковича и его поколения было принято делать ход продвижения своей работы достоянием близких тебе коллег («начал вторую часть», «нелады с финалом», «в альтовой партии мало воздуха...») и знать, что сейчас делают и они» [1, с. 279–280].

[16] Статьи и выступления Щедрина о Шостаковиче с комментариями автора собраны в книге «Родион Щедрин. Монологи разных лет».

История Советской России почти вся прошла на глазах Щедрина. Он был свидетелем многих событий, а в иных и сам участвовал в силу своего положения и авторитета в музыкальных кругах. Так, в 1968 году он (как К. Симонов и А. Твардовский) отказался подписать письмо в поддержку вступления войск стран Варшавского Договора в Чехословакию. Радиостанция «Голос Америки» начала регулярно вещать об этом, называя их имена. «Я сегодня горжусь этим, – пишет Щедрин. – Но началось такое давление, что вспоминать противно. У тоталитарной власти есть тысячи возможностей безо всякого шума неприметно расправиться с каждым, кто не мил. Каким бы родом деятельности "непослушенец" не занимался. А с творческим человеком и того легче» [2, с. 141]. С Майей Михайловной в театре многие перестали здороваться, у Родиона Константиновича назрел конфликт с партийной организацией Московской консерватории, члены которой решили, что настало время «проветрить мозги» Щедрину. Кульминацией стало его заявление об уходе из консерватории (в знак солидарности это же сделал и А. Эшпай).

Щедрин вынужден был пойти на компромисс – в виде оратории *«Ленин в сердце народном»* (1969) к 100-летнему юбилею вождя, подобно тому, как Шостакович в свое время написал «Песнь о лесах», Прокофьев – «Здравицу», Хачатурян – «Поэму о Сталине». Избегая помпезного тона, Щедрин использовал в своей оратории бытовую прозу – рассказ латышского стрелка, работницы завода, кроме того – слова современной сказительницы М. Крюковой. Талантливая оратория не только спасла официальное положение беспартийного автора. За нее, а за одним и за оперу «Не только любовь» ему присудили Государственную премию СССР (1972). «И сегодня я не намерен отрекаться от своей оратории "Ленин в сердце народном". Ни за одну ноту в партитуре мне и по сей день не стыдно. А слова? Что ж, в 2001 году к этому сюжету я обращаться бы не стал. Но в 1969 году это сочинение ощутимо самортизировало напряжение моих отношений с властью», – так пишет об этом сам Щедрин [2, с. 143].

В 1973 году Щедрин избирается на пост председателя Союза композиторов Российской Федерации, на который был благословлен Д. Шостаковичем, его основателем и первым председателем. В этом качестве он проработал до 1990 года, добровольно его покинув, после чего был оставлен в роли почетного председателя СК России. То, что во главе огромной российской композиторской организации столько лет стоял серьезный композитор новаторской направленности, сыграло чрезвычайно прогрессивную роль. Велика была и его личная помощь композиторам, музыковедам, дирижерам.

Однако бдительность власти не ослабевала никогда. За направленностью работы Союза композиторов пристально следил отдел культуры ЦК. В секторах отдела культуры, как правило, трудились музыканты (бывшие скрипачи, кларнетисты, фаготисты и пр.), которых Щедрин помнил еще со студенческой скамьи и которые больше преуспевали по линии комсомольской и партийной работы, чем в занятиях на своем инструменте. С момента знакомства и начала бурного романа с Майей Плисецкой в 1958 году, за «неблагонадежной» парой неустанно следовала машина КГБ. К тому времени Плисецкая уже завоевывала заметную артистическую известность, не раз была на гастролях за границей и, соответственно, находилась под большим подозрением.

Картины истории России отражаются в творчестве Щедрина и через произведения русской литературы, воплощенные в его музыкально-театральных и хоровых полотнах на сюжеты А. С. Пушкина (хоровые циклы «Казнь Пугачева», «Строфы "Евгения Онегина"»), Н. Гоголя (опера «Мертвые души»), Н. Лескова (опера «Очарованный странник» и русская литургия «Запечатленный ангел»), Л. Толстого (балет «Анна Каренина»), и путем глубокого проникновения в традиции русской православной культуры («Стихира…», «Фрески Дионисия», «Боярыня Морозова»).

Отечественная история предстает в произведениях Щедрина, окрашенных трагическими тонами, что в целом противоречит расхожему мнению о Щедрине, как о композиторе позитивной, оптимистической направленности, мнению, основанному по большей части на раннем творчестве композитора с задорными частушечными мотивами, виртуозным началом и юмористическими эффектами. От этой линии творчества Щедрин не отказывается и сейчас, свидетельство тому – несколько премьер последних лет: «Балалайка» для скрипки соло без смычка «На посошок» для шести виолончелей и альтовой блокфлейты (или для флейты, гобоя, кларнета, трубы и виолы), «Виват!» Санкт-Петербургская увертюра для симфонического оркестра, «Бельканто на русский лад» для виолончели и фортепиано.

Исторические сочинения Щедрина составляют отдельную группу сочинений, где композитор использует наиболее сильные музыкальные, литературные, театральные и кинематографические средства, чтобы показать жестокие испытания, выпавшие на долю русского народа. Причем в качестве сюжетов и замыслов у Щедрина фигурируют переломные этапы истории России: церковный раскол, пугачевское восстание, эпоха советского террора 30-х годов. Только один этот факт говорит о том, что Щедрин, называя себя «ветвью на большом древе русской музыки», продолжает великие традиции русских композиторов. Вспомним «Жизнь за царя» Глинки, «Хованщину» и «Бориса Годунова» Мусоргского, «Войну и мир» Прокофьева.

Наконец, одно из последних сочинений – *хоровой Диптих на стихи А. Вознесенского («Век двадцатый», «Беженка»)* (2002), где осмысливаются трагические события XX века, можно считать неким обобщением исторической темы в творчестве Щедрина.

Если б были чемпионаты, кто в веках
по убийствам первый, –
ты бы выиграл, Век Двадцатый.
Усмехается Век Двадцать первый.
Если б были чемпионаты, кто по лжи
и по подлостям первый, –
ты бы выиграл, Век Двадцатый.
Усмехается Век Двадцать первый.
Если бы были чемпионаты, кто по подвигам
первый, –
нет нам равных, наш Век Двадцатый.
И безмолвствует Век Двадцать первый.

Таковы будоражащие душу строки Вознесенского в первой части диптиха.

«Мы вновь живем во время сотворения неправд, новых неправд. Кому-то из музыкантов бывшего СССР ныне очень выгодно “слепить” свой имидж не только из профессиональных достоинств (часто весьма скудных), но и добавить к ним политический капиталец: был, дескать, в СССР изгоем, не отмечен был премиями, не давали играть, творить что хотел, притесняли, не исполняли», – говорит Щедрин в одном из интервью [1, с. 277]. Особые страницы книги «Автобиографические записи» посвящены отношениям Щедрина с коллегами и властью. Композитор уверяет, что в стране никогда не было диссидентов от музыки. В то же время он не согласен с тем, что на его композиторском пути не было никаких преград. Нередко он и протестовал. Тем не менее, композитор почти ничего не писал в стол.

В настоящее время, периодически живя и работая в Мюнхене, Щедрин много наблюдает, как интерпретируется история России, особенно советского времени за границей: «Легковерие культурной элиты Запада – поразительно. Полное непонимание и незнание жизни в далекой загадочной стране. Да еще в такой, как придушенная коммунизмом Россия. Языка не знаешь, был с десяток дней туристом. Повстречался с верткими “отверженными”, послушал их стенания, небылицы. Все принял за чистую монету. Будто нет более на свете профессиональной зависти, конкуренции, оговоров, комплексов неполноценности. Вернулся и засел за статью, а то и за книгу о музыкальной жизни в СССР. Там он спутает – как случилось недавно – маршала Жукова с аппаратчиком Ждановым. Объединит обоих (дабы оба на “Ж”) в один персонаж» [2, с. 114]. История трещит и ломается под воздействием мощных государственных пропагандистских машин. «Меня досадуют люди, кто облачил себя самовольно в судейские мантии и вершит приговоры другим. Давая тем понять, что сам-де судящий был святым, безгрешным праведником, жившим цельной бескомпромиссной жизнью, без лжи и раздвоенности. Неправда это. Все, так или иначе, лгали, приспосабливались к советскому режиму», однако «при любой политической системе, в любые смутные времена Моцарт всегда остается Моцартом», – говорит Щедрин [2, с. 104].

Литература

1. Холопова В. Н. Путь по центру. Композитор Родион Щедрин. – М.: Композитор, 2000. – 310 с.
2. Щедрин Р. К. Автобиографические записи. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: НОВОСТИ, 2008. – 288 с.

Literatura

1. Holopova V. N. Put'po centru. Kompozitor Rodion Shchedrin. – M.: Kompozitor, 2000. – 310 s.
2. Shchedrin R. K. Avtobiograficheskie zapisi. – M.: AST: AST MOSKVA: NOVOSTI, 2008. – 288 s.

УДК 7

Н. Л. Прокопова

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РЕЧЕВОГО ИСКУССТВА КАК РЕЗУЛЬТАТ ОБЪЕДИНЕНИЯ РАЗНЫХ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК (на материале спектакля «футуризмЗрим»)

В статье аргументируется эффективность контаминации (переплетения, смешения) и модификации типов речевого искусства. Методологической основой статьи служит культурно-исторический подход к анализу речевого искусства. Мастерство звучащего слова рассматривается на материале спектакля «футуризмЗрим» как часть художественного направления в искусстве, как репрезентант культуры. Автор доказывает, что в современных образцах речевого искусства эффект художественной значимости является результатом одновременного использования выразительных средств, корреспондирующихся как с классическим, так и с современным опытом в области театрального искусства.

Ключевые слова: речевое искусство, контаминация, модификация, тип речевого искусства, спектакль, художественная значимость, признаки образцов речевого искусства.

N. L. Prokopova

ARTISTIC IMPORTANCE OF THE SPEECH ART AS A RESULT OF COMBINATION OF THE DIFFERENT VALUES (as in play "futurizmZrim")

The author of this article gives a new evidence of the usefulness of previously proven concepts of speech art evolution. Dependence of the transformation of speech art from changes in cultural context is based. There are some arguments of ideological and aesthetic diversity of contemporary speech art there.

The cultural historical approach to the analysis of the theater speech art, is worked out by the author of this article as the methodological basis of the research. Testing the expediency determines the general content of the publication. Speech art of the performance "futurizmZrim", which was marked on the prestigious Russian and international theatre festivals, is an empirical material of the article.

The author investigates the voice speech part of the theatre play as a representative of the culture. An accordance of the speech arts of performance "futurizmZrim" to two systems at the same time (the paradigm of eloquence and dramatic paradigm), and the ideas of three conceptual models of speech art (rhetorical, psycho-realistic, and conventional theatre style). is proved in conformity of the standards (and also The author identifies how the cause of artistic significance and effect proves that modern narration samples of art is the result of the simultaneous use of expressive means, corresponding the classical and contemporary experiences in the field of theatre. The article is based on combining different values and shall be certified by the transformation process of vocal art, expressed at the turn of the 20-th and 21-st centuries in contamination and modification of different conceptual models.

The author proposes a reflection on mounting on dialogue as one of the important values of modern art reveals differences of speech categories "storyteller" and "character" in the stage incarnation of the poetry of the futurists. In the speech arts, a performance provides proof in theatrical practice of an appropriate technological approach to performing the texts of poets-futurists. To detect the cause and effect of this technological approach, the author seeks the reasoning in the history of modern voice pedagogy at the St. Petersburg Theatre School.

Under scrutiny the acting skills of performers of the performance “futurizmZrim”, the article focuses on deep analysis of speech components. The author of the article reassures that the free use of the techniques of technology, belonging to different types of vocal arts, allows you to broadcast cultural meanings by means of voice and speech.

Keywords: Speech Art, contamination, modification, type of speech art, performance, art value, signs of speech art patterns.

В современном речевом искусстве отсутствует идеологическое и эстетическое единство. Явления речевого искусства, принадлежащие разным системам стандартов (парадигме красноречия и парадигме драматизма) и их основным концептуальным моделям (риторическому типу, психолого-реалистическому типу, условно-театральному типу), соседствуют. Более того, нередко один и тот же образец речевого искусства в определенные моменты сценического времени, в зависимости от художественной задачи, проявляет признаки разных ценностных установок. Такие образцы содержат черты не только контаминации (переплетения, смешения), но и черты модификации типов речевого искусства. При этом указанное смешение подчас способно придать образцу речевого искусства особую художественную значимость.

Ярким примером речевого искусства, в котором удачно переплетены признаки ценностных установок разных художественных направлений, служит спектакль «футуризмЗрим». Он создан профессором Санкт-Петербургской академии театрального искусства Юрием Васильевым со студентами мастерской Анатолия Праудина как рубежный экзамен по сценической речи. На художественную значимость этой постановки указывает высокая оценка театральных педагогов и критиков. Спектакль «футуризмЗрим» получил экспертную оценку на многочисленных фестивалях. Назовем лишь самые значимые творческие форумы. В декабре 2011 года спектакль принял участие в фестивале «100 лет “Бродячей собаке”». Также этот спектакль был представлен на фестивале актерских школ мира «Открытый урок: Станиславский продолжается», посвященном 150-летию со дня рождения Станиславского (октябрь, 2012). На фестивале «Мелодрама» в Польше (август, 2012) спектакль был признан лучшим. В ноябре 2012 года «футуризмЗрим» был показан на Всероссийской конференции «Сцена. Слово. Речь». Всесторонняя оценка спектаклю была дана на фестивале, организованном совместно театром «Балтийский дом» и Европейским союзом театральных академий E:UTSA. Речь идет о Международном театральном фестивале «Балтийский дом», где параллельно с основной программой проводился фестиваль студенческих спектаклей «Театр XXI века» (октябрь, 2011). В процессе фестивальной работы известные и начинающие российские театроведы по достоинству оценили «футуризмЗрим». Авторитетный петербургский театровед Н. Песочинский по поводу спектакля сказал следующее: «О проекте студентов Мастерской А. А. Праудина Петербургской академии “футуризмЗрим” на конференции студентов-театроведов из Москвы, Петербурга, Ярославля, проведенной в рамках студенческой программы “Балтийского дома” под руководством А. В. Бартошевича, говорили как о серьезном событии. Его нужно рецензировать подробно. А если вкратце, то студенты-режиссеры делали трагический театр “из ничего”, из того беспредметного “минус нуля” формы (по определению Малевича), к которому стремились создатели футуристического поэтического текста. В стихотворных текстах Хлебникова, Крученых, Маяковского, Гуро, Третьякова, даже если есть внешний, предметный сюжет, он – мнимый. Работа в классе речи Ю. А. Васильева привела к очень “продвинутому”, сложному, современному пониманию того, что такое театральный “текст”» [1]. Кроме того, названный спектакль много раз играл на других российских и международных фестивалях, и всегда с неизменным успехом. В сети Интернет в 2011–2012 годах неоднократно появлялись отзывы о нем. Так, подтверждение высокой оценки спектакля находим на сайте критика Павла Руднева: «Фаворитами фестиваля стали англичане и немцы, поляки и венгры. Но самым сильным зрелищем был “футуризмЗрим”, спектакль курса Праудина, сделанный Юрием Васильевым» [2]. В рецензии А. Пронина на фестиваль «Ученики мастера» читаем: «Всеобщий восторг вызвали этюды, показанные петербургскими студентами мастерской Анатолия Праудина. Педагог по речи Юрий Васильев и театровед Николай Песочинский представили уникальный проект, осуществленный к 100-летию русского футуризма. Студенты Праудина взяли стихи Хлебникова, Ма-

яковского, Лившица, Крученых и дали этим непростым текстам сценическое воплощение, придумав к каждому стихотворению психологическую ситуацию и разыграв ее в экспрессивной манере, с изощренной пластикой и сложной речевой партитурой. Особенно здорово смотрелся парный номер “Русская рулетка” на стихи Бенедикта Лившица, убедительное высказывание о свойствах страсти. Несомненной удачей следует счесть и резкий, горький гиньоль “Великолепные нелепости” по мотивам стихотворения Маяковского – публицистический пафос стихов был запросто снят: их рассказали от имени… трупов жертв Первой мировой» [3]. Автор приведенного материала не ставил перед собой задачи обнаружения причин успешности спектакля, ограничившись констатацией его уникальности. Что же касается речевого искусства, то в статье указано лишь на «сложную речевую партитуру». Осмелимся заметить, что речевая партитура не просто сложная, но редкая и во многом уникальная. Благодаря этой партитуре спектакль может рассматриваться как яркий пример, в котором успешно сочетаются ценности риторического[17], психолого-реалистического[18] и условно-театрального[19] типов речевого искусства.

Цель предлагаемой статьи – аргументация эффективности контаминации (переплетения, смешения) и модификации типов речевого искусства. Методологической основой статьи избран культурно-исторический подход к анализу речевого искусства. На материале спектакля «футуризмЗрим» предполагается рассмотреть мастерство звучащего слова как часть художественного направления в искусстве и культуре, соотнести его с существующими в речевом искусстве традициями. Для достижения цели проанализируем мастерство звучащего слова в спектакле «футуризмЗрим», выявим его отличительные признаки, установим принадлежность к типу речевого искусства (то есть к концептуальной модели), сопоставим с системой стандартов, соотнесем с тенденциями развития речевого искусства.

Отчасти переплетение признаков разных типов речевого искусства в спектакле «футуризмЗрим» имеет историческую обусловленность. Признаки психолого-реалистического типа речевого искусства обеспечиваются во многом благодаря традициям русской театральной школы. Общеизвестно, что русское театральное искусство XX – начала XXI столетия опирается большей частью на литературный материал психолого-реалистического направления. Принципы этого направления составляют также основу обучения актеров и режиссеров в театральной школе. Поэтому в русском речевом искусстве вполне естественно наличие признаков психолого-реалистического типа.

Иначе обстоит дело с отражением в русском речевом искусстве тенденций условно-театральных направлений. Так исторически сложилось, что современная русская театральная школа не может похвастать сформировавшейся методологией обучения, опирающейся не только на наследие К. С. Станиславского, но и на гениальные опыты В. Э. Мейерхольда, А. Я. Таирова, Е. Б. Вахтангова. Хотя в настоящее время единичные работы по этой проблематике и появляются[20], утверждать, что наследие названных режиссеров получило подробное теоретическое осмысление и практическое освоение, а также заняло свое место в программах обучения российских театральных школ нельзя. Художественная значимость спектакля «футуризмЗрим» состоит уже в том, что идеи В. Э. Мейерхольда в нем обретают очертания настоящей театральной практики, причем в очень плотном соотнесении как с ценностями психолого-реалистического направления, так и с тенденциями современного культурного контекста.

---

[17] Риторический тип – это концептуальная модель парадигмы красноречия. Свидетельством принадлежности к риторическому типу служит наличие хотя бы нескольких из принадлежащих ему признаков: «установка на монолог», «однозначность смысла», «пафосная воодушевленность», «эмоционально-чувственная дистанция от идей и фактов транслируемого текста», «внешнее изящество».

[18] Принадлежность психолого-реалистического и условно-театрального типов речевого искусства к одной системе стандартов обусловливает у них наличие общих («установка на диалог», «многозначность смысла», «процесс мыследействия») и специфических признаков. К специфическим признакам психолого-реалистического типа относятся: «наполнение глубоко личными смыслами», «разговорность», «характерность».

[19] Специфические признаки условно-театрального типа – «музыкальность», «темпоритмическая пластичность», «вокализация звучания».

[20] Например, следует упомянуть недавно опубликованную книгу «Сценическая речь в системе Вахтанговской школы» (М., 2012), а также диссертацию А. В. Попова «Стиль сценической речи. Анализ на материале аудиозаписей» (СПб., 2009).

Ряд признаков дает основание для идентификации мастерства звучащего слова спектакля «футуризмЗрим» как образца речевого искусства, принадлежащего к системе стандартов «Парадигма драматизма» [4]. Прежде всего, таким признаком служит «установка на диалог». Это один из важных критериев идентификации парадигмы драматизма. Как указано выше установка на диалог является общим признаком психолого-реалистического и условно-театрального типов речевого искусства. По ходу заметим, что благодаря поискам речевых педагогов[21] установка на диалог была реализована сначала в форме речевых спектаклей, а впоследствии – в форме драматических спектаклей на литературной основе. Разница между названными формами заключается в степени трансформации повествования в диалог, в уровне напряженности психологического импульса, в качестве партнерского взаимодействия. В настоящее время драматические спектакли на литературной основе можно увидеть не только в театральных вузах на экзаменах по сценической речи, они занимают свое место в афишах профессиональных театров[22].

Установка на диалог реализуется в речевом искусстве спектакля «футуризмЗрим» уже на этапе трансформации повествовательной фактуры авторского текста в сценический вариант. Несмотря на то, что текстовой базой постановки являются 22 (в некоторых версиях – 23) самостоятельных поэтических текста (стихи В. Хлебникова, В. Маяковского, А. Крученых и др.), «футуризмЗрим» – это полноценный драматический спектакль. Стихи различных авторов проанализированы как диалоги и полилоги конкретных персонажей (а не высказывания рассказчиков, как в речевом спектакле) и воплощены как сцены драматургического текста (а не рассказы и повествования). При восприятии спектакля не возникает и тени сомнения в том, что перед нами не рассказчики, а именно персонажи. В отличие от рассказчика (по сути наблюдателя за происходящими событиями) персонаж всегда имеет свои личные, сугубо индивидуальные цели, субъективную, персональную заинтересованность в развертывании событий и разрешении конфликта. Сразу отметим, что «перевод» рассказчика в статус персонажа наделяет речевое искусство спектакля «футуризмЗрим» таким характерным для психолого-реалистического типа признаком, как «наполнение глубоко личными смыслами». Благодаря анализу поэтического текста с позиций обнаружения поступков персонажа, выраженных в авторском слове, отобранные и соединенные в один массив стихи получают в сценическом воплощении новое качество. Они обретают форму единого драматургического произведения, в котором действуют персонажи. Главные действующие лица спектакля – футуристы, провозгласившие культ будущего и разрушение прошлого, восхвалявшие необычные формы в искусстве. Весь спектакль в целом – это их высказывание. Частные реплики в этом едином высказывании отданы музыкантам (играющим «на чем придется»: на отрезках труб, например), солдатам, влюбленным и т. д. Скрепами всех пассажей избраны этюды без слов, которые придуманы исполнителями. Значимое место в таких этюдах занимает оркестр, который, по мысли автора одной из публикаций И. Ефимовой, играет особую роль в создании атмосферы и стиля спектакля. Оркестр не совсем обычен: он состоит «из подручных материалов – стиральная доска, части велосипеда, молот, колеса, водосточные трубы и пр. На этих “инструментах” выпускники демонстрируют не просто свои музыкальные способности, как это происходит в большинстве дипломных работ, а поистине виртуозное мастерство извлекать чудную музыку из совершенно не подходящих для этого предметов» [5]. Наряду с оркестром в качестве скреп используются параязыковые возможности актерской игры. Во всех скрепах-этюдах разворачиваются предыстории сцен (пассажей). Сценическая жизнь персонажа начинается до того, как рождается его первая речевая реплика из текста поэта-футуриста. Актеры реализуют сценическое действие посредством музыки, пластики, танца, бессловесного звучания голоса (вокала, звукоподражания, крика и т. д.). Уже эти первые наблюдения позволяют идентифицировать речевое искусство «футуризмЗрим» как результат объединения ценностных установок разных художественных направлений.

[21] Термин «речевые педагоги» введен в научный оборот профессором Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства Ю. А. Васильевым.

[22] В качестве примера приведем спектакль Новокузнецкого драматического театра «Дуэль» по одноименной повести А. Чехова (режиссер Петр Шерешевский, 2003). Кстати сказать, режиссер Петр Шерешевский является учеником Ю. А. Васильева по Петербургской театральной академии (класс профессора И. Б. Малочевской).

Особенно рельефно присутствие в речевом искусстве спектакля «футуризмЗрим» признаков условно-театрального типа. Этому служит исходный литературный материал – стихи поэтов-футуристов. По ходу отметим, что в русском театральном искусстве случаи обращения к футуристической поэзии редки, этот материал если и обретает сценическую версию, то, как правило, в учебных работах театральных школ, в рамках предмета «сценическая речь». Полагаем, спектаклем «футуризмЗрим» внесен значимый вклад в практическое освоение идей В. Э. Мейерхольда, связанных с методологией речевого ис-кусства условно-театрального направления. Голосо-речевое действие в спектакле не целесообразно классифицировать как речевое или вокальное, потому что между этими двумя способами звукообразования здесь почти нет демаркационной линии: один способ звучания естественно перетекает в другой. Нередко слово рождается из крика или плача. При этом техники причитания и плача, являющие собой песенно-речитативные импровизации, используются органично, то есть психологически оправданно. Кроме того, для голосо-речевого действия спектакля «футуризмЗрим» характерна гибкая смена темпоритма. По аналогии с определением футуристической поэзии как языковой инженерии, речевое искусство в данном случае также можно назвать голосо-речевой инженерией, потому что способы звучания здесь соединяются друг с другом и модифицируются в зависимости от задач сценического воплощения. Музыкальность, темпоритмическая пластичность, вокализация звучания – это те признаки, которые указывают на принадлежность речевого искусства спектакля «футуризмЗрим» к условно-театральному типу.

Как уже было отмечено выше, речевое искусство спектакля «футуризмЗрим» демонстрирует пример объединения разных ценностных установок. И в большей степени здесь переплетены психолого-реалистический и условно-театральный типы. Однако есть фрагменты спектакля, в которых для достижения художественного эффекта актеры используют потенциал системы стандартов «Парадигма красноречия», применяют выразительные возможности риторического типа речевого искусства. При этом способы переплетения средств выразительности также очень органичны: полотно сценического речевого действия не обнаруживает швов, соединяющих приемы риторического, психолого-реалистического и условно-театрального типов. Такое сочетание средств выразительности можно наблюдать уже в самом начале спектакля. Музыкально-шумовым эпиграфом постановки «футуризмЗрим» служит прелюдия, исполняемая на отрезках водосточных труб (и других предметах, которые также не являются музыкальными инструментами). За эпиграфом, создающим атмосферу бунтарства и душевного несогласия с окружающим миром, следует собственно речевое начало спектакля – пассаж «Воззвание председателей земного шара» В. Хлебникова. С него стартует высказывание футуристов, которое продлевается до финала сценического действия. Суть высказывания – сопротивление уничтожению свободомыслия и свободотворчества. В этой сцене футуристы являются ораторами, провозглашающими манифест. Они стоят на массивном черном столе, который служит им площадкой для провозглашения воззвания. Речевое поведение актеров можно охарактеризовать как призыв. Это тот вариант действия, когда важен не обмен мнениями, а утверждение собственной позиции. Поэтому речевое действие пронизано решительностью, твердостью и, в определенном смысле, ультимативностью. Внутреннюю мотивацию вербального акта футуристов отличает категоричность. Такая безапелляционная трансляция убеждений с задачей подавления иных позиций близка к признаку риторического типа речевого искусства «установка на монолог». С точки зрения голосо-речевой техники – это «крупная» речь: «круглое» звучание ударных гласных, наличие редукции в предударных и заударных слогах; отчетливое произношение окончаний, в рождении звука использована смешанно-диафрагмальная дыхательная основа, устойчивый и объемный резонанс. К возможностям классического словесного действия следует отнести и установку на доминирование в процессе речевого действия мысли, ее точное отправление адресату-зрителю (последовательное ясное ведение перспективы мысли). Признаки «установка на монолог», «однозначность смысла» и, в определенном смысле «внешнее изящество» идентифицируют речевое действие этого пассажа с риторическим типом речевого искусства.

Но уже второй пассаж «Жить чудесно» создан с использованием не только возможностей классического словесного действия, но потенциала нонклассики в области голоса и речи. В этот потен-

циал входят, например, элементы звукоподражания, а именно имитация действия умывания водой, вибрирование губами, наподобие звукоподражания шуму самолета из детской игры в самолетики. Такие вкрапления на первый взгляд можно именовать иллюстрацией, потому что звукоподражание словно *повторяет* то, что *называет* слово. Однако звукоподражание в данном случае не иллюстрация, а *проживание* и *действие*, выполненное средствами параязыка. Таким образом, во втором пассаже «Жить чудесно» действие реализуется вербальным и одновременно невербальным (параязыковым) способами. С одной стороны, способ реализации вербального действия с его установкой на проживание «здесь и сейчас» соотносится с ценностями психолого-реалистического направления. С другой стороны, параязыковой (невербальный) способ действия, выполненный приемом звукоподражания, указывает на принадлежность к ценностям условно-театрального направления. Причем в данном случае звукоподражание представляет собой импровизацию подобную той, которая возникает в музыкальном искусстве. Здесь мы имеем дело с импровизацией на тему, где темой служит вскрытое в авторском поэтическом тексте событие. Так импровизацией на тему «Жить чудесно» выступает событие, связанное с проживанием радости жизни через физическое действие умывания и обрызгивания водой.

Нельзя не отметить, что уже в этом пассаже речевое искусство представляет собой не просто совмещение двух основных концептуальных моделей парадигмы драматизма (психолого-реалистического и условно-театрального типов), а их модификацию с особым вниманием к раскрытию и воплощению сенситивных ценностей. На этот факт указывает деконструкция, которую претерпевает авторский текст В. Каменского. Суть деконструкции как творческого приема обнаруживает себя в разрушении прежней конструкции слова (или фразы) и формировании его новой формы [6]. Актеры словно «разрывают» авторскую словесную ткань, включая в нее проживание действия, реализованное звукоподражанием. Правда, таких фрагментов немного – всего лишь два: звукоподражание процессу умывания и процессу обрызгивания водой (на звук «ф-р-р»). «Текст» звукоподражания (заметим, по своей природе – параязыковой, актерский) будто врезан, вмонтирован в языковую основу стихов В. Каменского. Прием деконструкции очень органичен для сценической версии футуристической поэзии. И для текстов футуристов, и для деконструкции как приема речевого искусства, характерно разрушение прежней конструкции слова (или фразы) и формировании его новой формы. С этим приемом исполнители спектакля «футуризмЗрим» справляются блестяще. Наше мнение подтверждает и автор публикации «Мастерская Анатолия Праудина» Ирина Ефимова: «Студенты чутко воспринимают рваный ритм этой поэзии, сложные построения букв и слогов, из которых ими создаются гротесковые невероятные образы, передающие не буквальный смысл текста, а его эмоциональную составляющую» [7]. Присутствие деконструкции свидетельствует о том, что речевое действие уже принадлежит не столько психолого-реалистическому или условно-театральному типам, сколько их объединенному и модифицированному варианту.

В последующих пассажах речевая деконструкция являет себя более открыто: авторская словесная ткань предваряется плачем, а классическое речевое действие сменяют напевно-речевые фрагменты. Так, например, в третьем пассаже «Мама и убитый немцами вечер» применены техники причитания и плача, представляющие собой песенно-речитативные импровизации. Кроме того, в классическое речевое действие «врезана» техника крика. Здесь, как и в других сценах (пассажах), действуют не рассказчики, а персонажи, в данном случае – плакальщица. Интересно, что сам речевой поступок в пассаже «Мама и убитый немцами вечер» рождается из техники плача. Напевно-речевые фрагменты указывают на условно-театральный тип речевого искусства. В свою очередь «врезание» техники крика в классическое речевое действие свидетельствует о деконструкции, а значит, опять-таки о модификации приемов психолого-реалистического и условно-театрального типов речевого искусства.

Нужно сказать, что присутствие деконструкции в одном пассаже вовсе не означает его обязательного появления в другой сцене. Так, например, в пассаже «Атака» деконструкция отсутствует. Здесь художественный эффект достигается посредством сочетания нескольких способов речевого звучания. Эпиграфом к сцене служит пение государственного гимна Российской империи (с 1833 года по 1917 год) «Боже, Царя храни!», символизирующее бравый настрой на победу в ожидаемом бою. Начало сценической версии произведения С. Третьякова «Атака» пластически решается как ритмическая

смена сцен схватки солдат, в которой участвуют два персонажа (Геннадий Блинов и Арсений Воробьев). Благодаря ритмической фиксации фрагменты схватки предстают перед зрителем как выхваченные камерой кадры кинохроники. Ритмическая фиксация пластики тела акцентирует эмоциональное состояние мучений, переживаемых теми, кто был подвергнут нападению. Контрапунктом в этой части сцены звучит сценическое слово: негромко, нерезко, даже достаточно мягко, словно противопоставление жестко «выкадрованной» пластике тела. Такой контраст способствует усилению внутреннего напряжения в сценическом поведении исполнителей. Далее способ звучания меняется: контрапункт слова и пластики сходит на «нет» и резкость в движениях тела поддерживается четкостью ритмически зафиксированного сценического слова. Ритм речевого поведения актеров (Геннадия Блинова и Арсения Воробьева) передает неразбериху, сумятицу, хаос атаки. Мастерство звучащего слова в сцене «Атака» можно охарактеризовать как соединение приемов психолого-реалистического и условно-театрального типов речевого искусства.

Яркий пример модификации этих типов речевого искусства представляет пассаж «Великолепные нелепости». Возможность утверждать, что перед нами не только контаминация (переплетения, смешения), но и модификация дает основание такой признак, как «ритмомелодика иронии». Персонажи этой сцены (пассажа) – трупы жертв Первой мировой войны. Зритель видит по центру сценической площадки покрытый белым полотном стол и расположившиеся на нем две говорящие головы. Лица говорящих голов измазаны краской. Персонажи-жертвы начинают свое действие с агрессивного смеха-гогота. Они не жалуются, не просят о помощи, не сыплют проклятья. Они издеваются средствами иронии. И строки В. Маяковского «Бросьте! / Конечно, это не смерть» получают прямо противоположный смысл. Пассаж «Великолепные нелепости» пронизан, не то чтобы иронией, жесточайшим сарказмом. В «Великолепных нелепостях» находит свою реализацию идея поэтов-футуристов, связанная с освобождением творца от диктата общественного вкуса. Мысль о том, что перед нами модифицированный тип речевого искусства, подтверждает агрессивность, проявленная в ритме и мелодике звучащего слова.

Еще более отчетливо ритмомелодика агрессии выражена в пассаже «Гимн обеду». Здесь уместно привести размышления С. Е. Юркова о футуризме. Он отмечает, что «Путь, ведущий к “освобождению”, предполагал эпатаж, кардинальную творческую новацию, разбивающую классическую норму художественного восприятия, привычную для зрителя» [8]. Сценическое воплощение эпатажа футуристов находит свое выражение в отказе от классических норм речевого искусства. Здесь звучащее слово совершенно не стыкуется с традиционно ревностно охраняемой в речевом искусстве категорией прекрасного. Если в предшествующих пассажах действовали люди, пусть душевно покалеченные, убитые горем (пассаж «Мама и убитый немцами вечер»), пусть измученные муками войн (пассаж «Атака»), пусть утратившие веру и бьющиеся в агонии иронии (пассаж «Великолепные нелепости»), то здесь их место занимают бунтари, которые ведут себя словно представители социального «дна». Они сознательно пренебрегают любыми нормами поведения – могут ради эпатажа и поблевать на глазах у почтенной публики. Их реакция на любую условность, действующую в обществе – жесткий стеб. Именно в грубом бунтарском отказе от правил и законов, навязанных государством, кроется их способ неравнодушного отношения к жизни и, главное – способ уравновешивания их собственного душевного дисбаланса. Лица персонажей изрисованы краской (кстати сказать – отражение идей футуристов, считавших, что покрытие лиц сажей и краской – это один из способов вторжения искусства в жизнь), они не говорят, а орут, они не смеются, а ржут. Все названные способы речевого поведения словно аннулируют влияние одной из важнейших в психолого-реалистическом направлении категории прекрасного. Деактуализация этой категории указывает на то, что перед нами речевое искусство, принадлежащее направлению постмодернизма. Поэтому мастерство звучащего слова в пассаже «Гимн обеду» можно определить как модификацию психолого-реалистического и условно-театрального типов с особым вниманием к раскрытию и воплощению сенситивных ценностей. Действие принципов постмодернизма обусловливают особенности художественной выразительности, где на первый план вырывается не лексическая, а звуковая оболочка слова, его интонационно-мелодические возможности. Как известно, поиски футуристов были направлены на создание языка, семантический акцент которого был бы смещен в звуковую

сторону, их опыты, безусловно, предшествовали оформлению постмодернизма. Содержание ритмомелодики образцов речевого искусства указанного модифицированного типа – ирония, агрессия, эротизм. К их акустическим признакам следует отнести внешнюю и внутреннюю интенсивность темпа и ритма речи. Кроме того, в языковой и ритмомелодической сторонах таких образцов речевого искусства нередко проявляются приемы деконструкции.

Все названные особенности речевого искусства невольно дают основания для ассоциации пассажа «Гимн обеду» со спектаклями, созданными в XXI столетии на базе «новой драмы». И в том и в другом случае сценическое речевое звучание актеров отличается агрессией. Правда, приемы агрессии в речевом поведении актеров спектакля «футуризмЗрим» и постановках «новой драмы» не идентичны. В постановках «новой драмы» приемы проявления агрессии в речевом мастерстве носят бытовой характер и перенесены практически в неизменном виде из реальной (бытовой) жизни, а мелодика речевых поступков заимствована (подсмотрена) у представителей маргинальных слоев общества (бомжей, проституток и т. д.). Для персонажей-маргиналов агрессия речевого поведения – это совершенно закономерный способ голосо-речевого существования. Крик, ор и вопли в речевом искусстве «новой драмы» – это проявления не «личины», а «лица», вполне органичные и естественные для персонажа способы защиты и самоутверждения. В то время как для действующих лиц спектакля «футуризмЗрим» агрессия, явленная в речевом поведении, – маска, это, во-первых. Во-вторых, реализуемая здесь через речевое поведение агрессия характеризуется ритмомелодикой, скорее театральной по своей природе, чем перенесенной без изменений из жизни. Кроме того, в «новой драме» в создании эффекта агрессии, наряду с прямолинейностью и грубостью бытовых ритмомелодических конструкций, активно используются языковые средства нападения – жаргон, обсценная лексика. В спектакле «футуризмЗрим» найдены приемы, заменяющие эти средства атаки. Указанная разница в реализации агрессии посредством речевого поведения обусловлена, прежде всего, тем, что в первом и во втором случае действуют персонажи, относимые к разным социальным слоям. В «новой драме» – это, как правило, маргиналы, а в спектакле «футуризмЗрим» – творческая интеллигенция. В «новой драме» – это социальные уроды, а в спектакле «футуризмЗрим» – те, кто намеренно надевает на себя маску социальных уродов.

Персонажи спектакля «футуризмЗрим» – это поэты, написавшие манифест «Пощечина общественному вкусу». Поэтому основное действие актеров в спектакле – это эпатаж. Довольно трудно определить характер действующих лиц спектакля, но при этом их речь наделена очень яркими особенностями. И скорее эту совокупность речевых особенностей следует именовать не характерностью, а театральной речевой маской. Исполнители будто дистанцированы от реальных реакций на события и факты. Но дистанцированы не потому что не думают об этом, не потому что не переживают, а потому что определены условия их взаимоотношений с окружающим миром, сформировано отношение к нему, выработана устойчивая ритмомелодическая речевая опора поведения. Так нередко случается и в реальной жизни: стремление не раскрывать своих истинных мыслей и чувств заставляет бессознательно находить удобные ритмомелодические конструкции, которые служат некоей защитой и применяются в качестве маски. Психолого-реалистические реакции (оценки) действующих лиц спектакля «футуризмЗрим» не обнажены. Они имеют свой камуфляж, спрятаны за найденной маской.

Речевые маски в спектакле «футуризмЗрим» невольно рождают ассоциацию (как бы это не показалось странным) с речевым звучанием в постановках Пекинской оперы. Конечно, эта ассоциация не прямая: русский и китайский языки (русская и китайская театральные культуры) очень далеки друг от друга по своей мелодике (по своим художественным принципам). Причина такой ассоциации кроется в том, что и речевое искусство спектакля «футуризмЗрим», и речевое искусство Пекинской оперы имеют одну условно-театральную природу рождения и реализации сценического слова. И в том и в другом случае сценические персонажи используют в своем поведении голосоречевые маски.

В спектакле «футуризмЗрим» особенно часто применяемыми масками служат ирония и сарказм. В речевом искусстве такие маски находят свое проявление в ритмомелодике кривляния, паясничества. Именно такова основа речевых поступков в ряде сцен-пассажей. Например, персонажи пассажа «Ве-

ликолепные нелепости» посредством голосо-речевых возможностей словно выламываются, корчатся, выстебываются, выеживаются. Такое речевое поведение объясняется существованием в речевой маске и выступает как прием реализации иронии и сарказма в речевом действии, как некий камуфляж, маскировка нормальных речевых человеческих реакций. Вероятно, именно этот прием имел в виду автор публикации, посвященной проходившему в Ярославле фестивалю «Будущее театральной России – 2013». В материалах, размещенных в Интернете, читаем: «Следующий день фестиваля начался с пассажей на темы русского футуризма в исполнении студентов Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства. “ФутуризмЗрим” настолько поразил многих зрителей гротескными сценами на грани безумия, что сразу вошел в их личные рейтинги “самых впечатляющих спектаклей”. Противопоставление внешней стороны жизни и ее внутренней сути, выворачивание слов и событий “наизнанку”, раскрытие тончайших нюансов чувств и отношений – то, чем силен спектакль “ФутуризмЗрим” и чем он выделяется из всей программы “БТР’13”» [9]. О том, что гротескное поведение «на грани безумия» – это камуфляж и маскировка, наиболее убедительно говорит пассаж «Хвои», завершающий первую часть спектакля.

В этой сцене-пассаже два исполнителя (Олег Молитвин и Дмитрий Удовиченко). Между ними существует взаимодействие, но при этом они лишены личностных примет: оба одеты в одинаковые костюмы Дедов Морозов, у обоих лица закрыты масками Дедов Морозов, речевое действие отличается определенной дистанцией от произносимых фактов. Личностное отношение спрятано за таким речевым приемом, как фиксированная мелодика, служащая голосо-речевой маской. Содержательную составляющую ритмомелодики представляет опять же не столько ирония, сколько сарказм. Речевое действие – жесткий стеб по поводу времени и себя в этом времени. Лишь в конце пассажа персонажи снимают костюмы и маски, а их речевое действие трансформируется в «человеческую» речь – психолого-реалистическое речевое поведение. Жесткий стеб сменяет пронизанный драматизмом и горечью призыв к Вере в лучшее будущее – «Будет елка» – читай: «Будет праздник, будет будущее, истина одержит победу (правда, через боль, разочарование и утраты)». И только тут в содержательной составляющей ритмомелодики исполнителей появляется установка на трансляцию личностных смыслов и предшествующий стеб уже понимается как временная душевная закрытость в связи с пережитыми разочарованиями. В пассаже «Хвои» отчетливо стыкуются ценностные установки разных художественных и культурных пластов речевого искусства. Если в начале сцены-пассажа (до снятия костюмов и масок Дедов Морозов) речевое действие исполнителей (Олега Молитвина и Дмитрия Удовиченко) являет собой условно-театральный тип речевого искусства, то в ее финале – психолого-реалистический тип. Почти на протяжении всей сцены-пассажа исполнители балансируют на грани театрального символизма и постмодернизма (относимых к условно-театральному направлению в речевом искусстве), и только в конце пассажа (в момент, когда сняты костюмы и маски) их речевое действие обретает черты психолого-реалистического направления.

Полагаем, переплетение приемов, свойственных разным художественным направлениям, обусловлено особенностями сценического высказывания в спектакле «футуризмЗрим»: о конфликте художника и власти «кричит» поколение молодых актеров и режиссеров XXI столетия. Спектакль создан на совмещении разных культурных пластов: мировоззрении и поэзии футуристов (начало XX столетия) и мировоззрении современных режиссеров и актеров (начало XXI столетия). Этим совмещением культурных пластов определяется структура спектакля и его внутренние связи. Спектакль (также как тексты поэтов футуристов начала XX века) держат не линейные логические соответствия и причинно-следственные связи, а возможности ассоциативного монтажа. Вся первая часть (то есть 11 пассажей) о человеке и государстве, о высокомерии государства по отношению к человеку (личности), об уничтожении машиной государства творческого духа человека. Послание актеров – бунт свободной личности против государства-машины. Поэтому первые два пассажа «Воззвание председателей земного шара» В. Хлебникова и «Жить чудесно» В. Каменского звучат как противопоставление отрицания власти государства и утверждение радости жизни. Сцена-пассаж «Жить чудесно» – это лишенный пафоса призыв к радо-

сти восприятия жизни. Мысль о непродолжительности таких моментов реализуется в спектакле за счет стыковки сцен «Жить чудесно» и «Атака». Классические приемы речевого искусства сменяют приемы нонклассики (реализуемые через звукоподражание, звуковые каскады, крик, плач и т. д.), что и служит реализации смысла спектакля – преодоление государства-машины творческим духом личности.

И если в первой части спектакля приемы речевого действия связаны с реализацией идеи футуристов о разрушении прошлого, то во второй – с идеей восхваления необычных, новых форм в искусстве. Вторая часть отличается от первой тем, что перед нами уже чаще мелькают персонажи, у которых отсутствуют маски. В ряде пассажей созданные образы уже менее абстрактны. К ним относятся: молодая мать, задавившая подушкой ребенка (пассаж В. Шершеневич «Я оставалась одна»), бомжи в пассаже А. Крученых «Человек ниоткуда», влюбленные в пассаже В. Хлебникова «Симфония “Любь”». Здесь и техника рождения звука, и речевые поступки вполне укладываются в формат классической сценической речи. Правда, этот формат все-таки не отличается тем, что принято называть «чистотой формы». За счет присутствия в нем всевозможных способов звучания, которые формируют в сознании зрителей не столько конкретные умозаключения, сколько рождают эмоции подчас не поддающиеся вербализации. Этим речевое искусство второй части корреспондируется с искусством музыки, где главное – это выражение чувств. При восприятии музыки мы не анализируем все звучащие фразы как части логического высказывания, не стремимся к вербализации значения каждого музыкального фрагмента. Здесь существенно само восприятие эмоционального, чувственного наполнения, которое содержит в себе музыка. Именно это можно сказать и о спектакле «футуризмЗрим» в целом, и о второй его части в особенности.

Вторую часть начинает сцена-пассаж «Смерть искусству» В. Гнедова. Ее предваряет своеобразный параязыковой эпиграф. Он состоит из стыковки женского пения в стиле «акапелла» и танца, исполняемого юношами. Интересно, что в песню в стиле профессионального хорового искусства «акапелла» уже через несколько секунд звучания «врезано» звукоподражание кудахтанью куриц (возникает ассоциация со звуками, доносящимися с птичьего двора). Такое парадоксальное соединение служит внесению ироничной ноты в звучание песни «А я бабочка», вполне серьезное и насыщенное глубинным проживанием тоски. Напор иронии усиливается в момент смены женского пения танцем. Танец исполняется четко, технично и внутренне отстраненно. Стыковка женского акапельного пения, отличающегося погружением в переживание, и техничного танца читается как метафора трансформации подлинного в подделку, настоящего – в симулякр. В данном случае женское пение убеждает своей аутентичностью, а танец воспринимается как пародия. Движения юношей в черных деловых костюмах лишь формально соотносятся с душевным народным танцем. Их пляс – это издевка над искренностью народного искусства. Такой подтекст танца использован в спектакле намеренно с целью отсылки зрителя к современному искусству, в котором крайне часты примеры банальной эксплуатации основ аутентичной народной культуры. Этот эпиграф к пассажу «Смерть искусству», кстати сказать, служит также скрепой-этюдом, соединяющей первую и вторую части спектакля. В данном случае слово в сцене-пассаже «Смерть искусству» рождается из сплава вокала и хореографии. Мысль о высокомерном отношении к художнику продолжает пассаж «Памятник» В. Каменского. В нем уже открытым текстом бросается обвинение в том, что художника принимают лишь после его смерти: только тогда ему возводят памятник.

Если в ряде пассажей звучащее слово определялось как принадлежащее модифицированному типу речевого искусства, то в сценах «Мизиз» и «Цвесна» мастерство речи представляет очень колоритный образец условно-театрального типа. В сценах-пассажах «Мизиз» и «Цвесна» по стихам А. Крученых на редкость ярко и художественно проявляются все признаки условно-театрального типа речевого искусства: музыкальность, многозначность смысла, темпоритмическая пластичность, вокализация звучания, установка на диалог, процесс мыследействия. Эти два пассажа хоть и не следуют один за другим, но имеют много общего. Их объединяет не только то, что они написаны одним автором – А. Крученых, исполняются одной актерской парой (Александрой Мамкаевой и Вадимом Гусевым), но сам стиль,

который можно было бы назвать речевым импрессионизмом. Глаза исполнителей в пассаже «Мизиз» закрыты белой лентой, в пассаже «Цвесна» – полумаской. Этот прием устранения возможности восприятия через зрение позволяет актерам сосредоточиться на чувствах. И в том и в другом исполнении есть и вторая закономерность: в действующей на сцене актерской паре один задает тон, второй – привносит обертональное наполнение. Так, сцене-пассажу «Мизиз» тон задает Вадим Гусев, ему и принадлежит пальма первенства в трансляции авторского текста А. Крученых. В то время как Александра Мамкаева наполняет голосо-речевое «оркестровое» звучание Вадима Гусева обертонами чувств. Голосо-речевое звучание и того и другого исполнителя не столько обращено к разуму, сколько к чувству, не столько к мысли, сколько к эмоции. Поэтому исполнители сосредоточены не на классическом словесном действии, а на параязыковом потенциале голоса и речи. Признаки «музыкальность», «темпоритмическая пластичность», «вокализация звучания» идентифицируют речевое искусство в сценах-пассажах «Мизиз» и «Цвесна» с условно-театральным типом.

Анализ примененных в спектакле приемов приведен с целью аргументации высокого уровня голосо-речевой техники, которая уже сама по себе дает основания называть речевое искусство спектакля «футуризмЗрим» художественно значимым событием. Но, говоря о голосо-речевой технике, необходимо указать на один интересный факт. Размышления о современном речевом искусстве требуют сосредоточения внимания на факте слияния слова со всевозможными средствами выразительности. В статье уже упоминался оркестр из *не*-музыкальных инструментов, обращалось внимание на роль пластики и хореографии. Заметим, что соединение слова, движения, вокала и музыки – это, тот вектор, в котором ленинградская-петербургская театральная школа очень активно развивалась на протяжении всего XX столетия. Но спектакль «футуризмЗрим» демонстрирует указанное стремление к синтезу выразительности в ином качестве. Здесь следует говорить о совокупности футуристического слова, футуристического движения, футуристического вокала и футуристической музыки, создаваемой футуристическим оркестром, звучащим сродни «флейтам водосточных труб». Учитывая это, заметим, что любое искусство не может развиваться без авангардных *вылазок*, без решительных бросков в неизведанное, этим, в свое время, и отличался русский футуризм. Так и развитие искусства сценической речи, в ее педагогическом аспекте, требует авангардистских действий. Они в этом спектакле налицо во всем: и в подходе к речевой, голосовой партитуре пассажей, и во всех элементах, образующих футуристический синтез. Выразительность ритма и мелодии «добывается» в этой постановке из всего, что способно не только издавать звук, шум, шорох, но хоть как-то проявлять себя в пространстве. Создание музыки из «ничего», посредством предметов подчас вполне бытовых и «случайных», пожалуй, прием более тонкий, чем использование известной выразительности, созданной совмещением вокала, слова, хореографии. В XX столетии приемы соединения, опирающиеся на сочетание самодостаточных видов искусства, вполне «отработаны». Постмодернизм, акцентировавший художественность нехудожественных предметов, требует и от речевого искусства театра иных технологических приемов выразительности. Поэтому «добывание» выразительности ритма и мелодии из «случайных» предметов крайне интересно в контексте искушенного искусства XXI столетия. Именно этим стремлением пронизан спектакль «футуризмЗрим». Косвенным подтверждением высказанной мысли служат размышления режиссера постановки Ю. А. Васильева. Он неслучайно высоко оценил актерские и голосо-речевые открытия исполнителей пассажа «Чудовищные похороны» (Анны Петросян и Михаила Каргапольцева). По мысли Ю. А. Васильева, «этот номер наполнен играми выразительности, феноменальными интонационными (ритмическими, звуковысотными, динамическими, темповыми) переменами. И все это в сочетании со звуками неречевыми: оркестровыми, пианино, звоном ножей и вилок, ударяющих по тарелкам, ударами ножа о фужер… И что самое неожиданное: возникновение непредсказуемых, но оправданных пауз! Оправданных смыслом и игровой ситуацией. Вся эта звуковая *какофония* несколько раз ударяется в идеальную тишину и в замирание тел актеров. Особенная экзальтированная пластика передается и голосам. Тела работают сверхсинхронно. Речь актеров сливается в синхронности: больше ни в одном пассаже такого достичь не удалось. Мне до сих пор самому не понятно, в чем заключает-

ся механизм речевых ритмов, создаваемых этими двумя актерами, на чем основывается единение – не знаю. Хотя я сам это и изобрел. Все исходя, разумеется, из Маяковского. Ритмические перемены, дуэтное произнесение стиха, паузы, особенное интонационное скольжение из одной высоты в другую, “перескоки” с паузы на речь – все это создает и придает невообразимую трагичность и стихотворению, и актерам. Они блистательно несут внутренний трагизм, если учитывать особенности тех масок улыбчивости и широко раскрытых наивных глаз, которые нарисованы на их лицах. И водная феерия: брызги вина резко в лицо у парня и медленное размокание лица девушки от плавно льющейся струйки воды. В этом пассаже происходит редкостное слияние речи, пластики, игры, смысла, ритма стиха и актерской экспрессии» [10]. Ю. А. Васильев в этих строках письма автору статьи словно формулирует цель поисков, предпринятых в спектакле «футуризмЗрим». Полагаем, эта цель связана с разработкой и технологическим осмыслением сверхтонких приемов синтеза выразительности, что, безусловно, составляет художественную значимость авангардных исканий в области педагогики сценической речи.

Кроме того, художественную значимость придают также и особенности сценической версии футуристической поэзии. Особое значение в размышлениях о художественной значимости обретает решение вопроса сценического воплощения стихотворного материала. В настоящее время, когда действуют разные системы ценностей, когда отсутствует цензура, когда нет жесткой необходимости соблюдать традиции, вопрос сценического воплощения стихотворного материала крайне актуален для театрального искусства.

Как известно, тяготение русского театрального искусства к психолого-реалистическому направлению обусловило у многих режиссеров и педагогов приоритетное отношение к процессам переживания мыслей и чувств в ущерб законам стихотворной речи при воплощении этого материала. В связи с чем уже к концу XX столетия театральная общественность по сути дела разделилась на тех, кто был убежден в необходимости сохранения баланса между правдой переживаемого чувства и заданной ритмической формой стихотворного материала, и тех, кто счел невозможным решение проблемы единства формы и содержания. Позиция первых реализовалась в отказе от пренебрежения законами стихотворной формы. Позиция вторых проявилась в принятии установки, которую можно было бы сформулировать так: органичное, «живое» слово важнее следования законам стихотворной речи. В речевом искусстве это двойственное отношение к сценическому воплощению стихотворного материала находило свое выражение в спектаклях, которые либо отличало прекрасное владение стихом и при этом «мертвое» речевое звучание, либо – «живой», органично рожденный речевой поступок и прозаизация стихотворного материала. Названный конфликт многие театральные педагоги и режиссеры считают непреодолимым.

В этом дискуссионном контексте о принципах воплощения стихотворного материала спектакль «футуризмЗрим» выступает примером, когда «и волки сыты, и овцы целы». Указанный конфликт преодолен, достигнута гармония между законами сценического воплощения стихотворной речи и законами естественного рождения словесного действия. При восприятии спектакля возникает впечатление, будто сценическое слово имеет вовсе не стихотворную основу. И этот эффект возникает абсолютно не потому, что нарушены законы стихотворной речи. Эффект обусловлен тем, что в речи актеров метр не подавляет ритм стиха и не существует отдельно от транслируемой мысли. Ритм сценического существования исполнителей рождается из ритма стихотворных текстов. Уже на этапе создания спектакля сценический аналог футуристических текстов сочинялся в движении. Вероятно, этот факт во многом способствовал не чтению стихов, а «жизни» и действию в их ритме. Кроме того, решение проблемы указанного конфликта следует искать в подчиненности спектакля музыкальным законам. Сложную речевую партитуру спектакля «стягивают» ритмические, ритмомелодические скрепы – ритм. Ритм задается и реализуется музыкально-шумовыми инструментами, речью, пластикой актеров (их шагами, прыжками, хлопками).

Указанные особенности создания спектакля и принципы существования в нем роднят «футуризмЗрим» с театральными опытами режиссера первой половины XX века В. Э. Мейерхольда. Подтверждение этой мысли находим в высказывании Н. Песочинского, известного исследователя творчества В. Э. Мейерхольда, относительно спектакля «футуризмЗрим»: «Для проникновения в смысл поэзии

нужно было передать внутренний, не соответствующий жизненным реалиям план, оформленный в стихах довольно сложными способами, игрой с ожиданиями читателя, разрушением привычной коммуникации. Ребята почувствовали за комической суетой обломков рифм вой мировой войны, отчаяние одинокого человека, мучительное одиночество творчества, проникновение человека в непознаваемые пространства мыслей и чувств. Они создали над обломками словесного текста театральные, абсолютно не иллюстративные сюжеты. Пропели, протанцевали, разрисовали реальность, которая была библейски “безвидна и пуста”. Как сценический оркестр собрали из частей предметов, не имеющих отношения к музыке, и музыка зазвучала, также из обрывков человеческих объяснений, движений, стремлений складывалась полифония жизни» [11]. Указание Н. Песочинского на то, что студенты *«пропели, протанцевали, разрисовали реальность»*, а также на то, что *«полифония жизни»* сложилась в спектакле из *«обрывков человеческих объяснений, движений, стремлений»* – все это убедительно свидетельствует о том, что речевое поведение в спектакле во многом несет в себе признаки условно-театрального искусства. Спектакль наполнен духом авангардных экспериментов театральной культуры первой половины XX столетия (идей В. Э. Мейерхольда, А. Я. Таирова, Е. Б. Вахтангова).

Как видим, речевое искусство спектакля «футуризмЗрим» пронизано идеями двух систем стандартов (парадигмы красноречия и парадигмы драматизма), идеями трех концептуальных моделей речевого искусства (риторического, психолого-реалистического, условно-театрального типов). При этом выразительные средства всех типов речевого искусства корреспондируются с классическими традициями и современным опытом в театральном искусстве. Таким образом, художественная значимость речевого искусства спектакля «футуризмЗрим» слагается из многих факторов. В этом ряду следует, прежде всего, назвать оформление технологического подхода, дифференцированно направленного на сценическое воплощение футуризма. Особого внимания заслуживает голосо-речевая техника исполнителей, творческое применение приемов выразительности, характерных разным типам речевого искусства. Однако в данном случае художественная значимость речевого искусства спектакля определяется не только решением задач в области театральной практики. Спектакль «футуризмЗрим» демонстрирует процесс трансформации речевого искусства, выразившийся на рубеже XX–XXI столетий в контаминации и модификации разных концептуальных моделей. Мастерство актеров, опирающееся на свободное использование приемов вне зависимости от типа речевого искусства, создало условия для трансляции культурологических смыслов средствами голоса и речи.

Литература

1. Песочинский Н. Новое поколение выбирает… [Электронный ресурс] // Петерб. театр. журн. – URL: http://ptj.spb.ru/archive/66/fest-teatr-xxi-veka-66/novoe-pokolenie-vybiraet-3/
2. Руднев П. Закрылся «Открытый урок» [Электронный ресурс]. – URL: http://teatr-live.ru/2012/10/zakrylsya-otkrytyj-urok/
3. Пронин А. «Ученики мастера»: Театральноязычная диаспора [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fontanka.ru/2010/12/04/001
4. Подробнее о признаках см.: Прокопова Н. Л. Формирование критериев анализа образцов речевого искусства как репрезентантов культуры // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 22, ч. 2 – С. 114–123.
5. Ефимова И. Мастерская Анатолия Праудина [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vashdosug.ru/spb/theatre/article/70633/
6. Подробнее о деконструкции см.: Прокопова Н. Л. Явление деконструкции в сценической речевой культуре // Вопр. культурологии. – 2008.– № 7. – С. 58–59.
7. Ефимова И. Мастерская Анатолия Праудина [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vashdosug.ru/spb/theatre/article/70633/
8. Юрков С. Е. «Эстетизм наизнанку»: футуризм и театры-кабаре 1910-х годов // Юрков С. Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI – начало XX века). – СПб., 2003. – С. 190.
9. Фестиваль «Будущее театральной России – 2013» [Электронный ресурс]. – URL: http://yarcult.org/events/16061/

10. Васильев Ю. А. Письмо Н. Л. Прокоповой от 04.08.2013 // Личный архив автора.
11. Песочинский Н. Новое поколение выбирает… [Электронный ресурс] // Петербургский театральный журнал. – URL: http://ptj.spb.ru/archive/66/fest-teatr-xxi-veka-66/novoe-pokolenie-vybiraet-3/

Literatura

1. Pesochinskij N. Novoe pokolenie vybiraet… [Electronnyj resurs] // Peterb. teatr. zhurn. – URL: http://ptj.spb.ru/archive/66/fest-teatr-xxi-veka-66/novoe-pokolenie-vybiraet-3/
2. Rudnev P. Zakrylsja "Otkrytyj urok" [Electronnyj resurs]. – URL: http://teatr-live.ru/2012/10/zakrylsya-otkrytyj-urok/
3. Pronin A. "Ucheniki mastera": Teatral'nojazychnaja diaspora [Electronnyj resurs]. – URL: http://www.fontanka.ru/2010/12/04/001
4. Podrobnee o priznakah sm.: Prokopova N. L. Formirovanie kriteriev analiza obrazcov rechevogo iskusstva kak reprezentantov kul'tury // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul'tury i iskusstv. – 2013. – № 22, ch.' 2. – S. 114–123.
5. Efimova I. Masterskaja Anatolija Praudina [Electronnyj resurs]. – URL: http://www.vashdosug.ru/spb/theatre/article/70633/
6. Podrobnee o dekonstrukcii sm.: Prokopova N. L. Javlenie dekonstrukcii v scenicheskoj rechevoj kul'ture // Vopr. kul'turologii. – 2008. – № 7. – S. 58–59.
7. Efimova I. Masterskaja Anatolija Praudina [Electronnyj resurs]. – URL: http://www.vashdosug.ru/spb/theatre/article/70633/
8. Jurkov S. E. "Estetizm naiznanku": futurizm i teatry – kabare 1910-h godov // Jurkov S. E. Pod znakom groteska: antipovedenie v russkoj kul'ture (XI – nachalo XX veka). – SPb., 2003. – C. 190.
9. Festival' "Budushchee teatral'noj Rossii – 2013" [Electronnyj resurs]. – URL: http://yarcult.org/events/16061/
10. Vasil'ev Ju. A. Pis'mo N. L. Prokopovoj ot 04.08.2013 // Lichnyj arhiv avtora.
11. Pesochinskij N. Novoe pokolenie vybiraet… [Electronnyj resurs] // Peterburgskij teatral'nyj zhurnal. – URL: http://ptj.spb.ru/archive/66/fest-teatr-xxi-veka-66/novoe-pokolenie-vybiraet-3/

УДК 7.067

А. И. Дмитриев

ГЕРОИ В. М. ШУКШИНА КАК НОСИТЕЛИ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Статья посвящена историческим предпосылкам появления творчества В. М. Шукшина, анализу логики его развития и оценке его героев как носителей русского национального характера.

Ключевые слова: герой-чудик, праздник души, анонимное существование, русский национальный характер, трагическая драма, философская притча, крестьянская цивилизация, культура города, совесть, «естественный» человек.

A. I. Dmitriev

HEROES OF V. M. SHUKSHIN AS MEDIAS OF RUSSIAN NATIONAL CHARACTER

The era in which we now live, will undoubtedly go down in the history of Russia, as the next and probably the most powerful period of its "Westernization". This led to the fact that cultural individuality of our country and its people have faded into the third plans pronounced archaic. Particularly traditional culture of the Russian people is affected in this situation. For this reason, recent idols of the 1960–1970s "village prose writers" and creativity of V. Shukshin were not popular. We think that the time saturated by values of the West is approaching, which was alien to the Russian people, clearly, has come to its expected slowdown. In this situation, V. Shukshin's heritage, in our view, becomes of obvious relevance, including its study, the intensity of which is in the past. This applies to its literary heritage and especially cinematic. The object of this article is to study the cultural and historical period of 1950–1970s, causing the unique life (as a writer, actor, director) work of V. Shukshin. The aim of the article is to identify the logic of artist development and evaluation

of his heroes as carriers of Russian national character. With the advent of Shukshin's cinematography and literature in the whole galaxy of brilliant writers "villagers", vital national issues have become, finally, the subject of study in the arts. Chief among these problems, especially Shukshin's worry, there was a problem of the state of the Russian soul at the moment of the transition of society into a new social existence "village", which was formed by the Russian national character in "urban". Shukshin, without exaggeration, was the first to realize that this transition will not be a major difficulty in the development of urban culture of a former villager, and their clash with the "anonymity" of the urban environment to which they absolutely were not ready. That's why Shukshin's heroes always carry traits (good and bad) of the Russian national character, often cannot resist the new environment, cannot fit in and out of desperation, being self-destructive. One of the most valuable qualities of the characters of Shukshin's cinematic and literary heritage is their nature, which they inherited as a legacy from the centuries-old process of formation of the Russian national character. Nature is often intuitively understood by Shukshin's heroes as manifested primarily in their response to any kind of man-by-man humiliation. Complete rejection of his heroes almost always leads to unpredictable results. The process of work used scientific methods, adequate research problems, comparative-historical method and art analysis.

Keywords: "hero faddist", a soul celebration, anonymous existence, the Russian national character, a tragic drama, a philosophical parable, a "peasant" civilization, culture of the city, conscience, "natural" man.

Василий Макарович Шукшин вошел в историю отечественного искусства и культуры как гениальный актер второй половины XX века, ярчайший писатель, выделявшийся даже на фоне талантливейших «писателей-деревенщиков» 60-х годов, и кинорежиссер, стоявший особняком в тогдашнем кинопроцессе и потому не оставивший после себя ни талантливых последователей, ни бездарных подражателей. Сам Шукшин неоднократно говорил о том, что надо как-то определиться, выбрать что-то одно. В последние годы он склонен был отдать предпочтение писательству, хотел оставить Москву, уехать на Алтай. Однако и сразу после смерти в 1974 году, и, тем более, сегодня, очевидно, что все наследие Шукшина удивительно цельное, а каждая грань его уникального актерского, писательского и режиссерского таланта принадлежит одному «бриллианту» искусства России.

Благодатные процессы и в жизни, и в искусстве, имевшие место во второй половине 50-х, начале 60-х годов XX века, названные «оттепелью», вызвали к жизни феномен Василия Шукшина. Ощущение трагедии минувшего времени, связанной с войной и «культом», и надежды на возрождение духовной самостоятельности человека, породило новую литературу и новый кинематограф. Вершиной последнего стал фильм Михаила Калатозова «Летят журавли» (1957), в котором это ощущение «трагедии и надежды» было воплощено в традиционном для русского, но чуждого советскому искусству, мотиве «вины и искупления». Шукшин оттолкнулся от завоеваний художников периода «оттепели» и пошел дальше. Он показал сначала на страницах своих рассказов, а затем и в фильмах не просто героев из народа, а тех, в ком органично уживались и современные черты, и те, что были сформированы в недрах многовековой русской истории.

В этой статье мы остановим свой взгляд, в основном, на Шукшине-кинорежиссере. Он снял всего 5 полнометражных фильмов, но именно они обозначают логику развития всего его творчества. Иначе говоря, Шукшин обращался к кинематографу тогда, когда назревала необходимость поговорить со своим читателем и зрителем о самом главном и наболевшем, когда необходимо было обобщить, подвести итог пройденному и в жизни, и в искусстве. Далеко не всегда это удавалось. Он не смог, к примеру, осуществить грандиозный замысел картины «Я пришел дать вам волю», и по этой причине вместо нее появился самый неудачный, на наш взгляд, но от этого не менее шукшинский фильм «Странные люди» (1969).

Воплотив в первом своем полнометражном фильме «Живет такой парень» образ Пашки Колокольникова, в исполнении Леонида Куравлева, в котором со всей очевидностью проглядывали национальные и даже фольклорные черты, и, сказав зрителям, что он живет среди нас, Шукшин во втором фильме – «Ваш сын и брат» – исследовал те пути, которые открылись ему в 60-е годы с их громадными социально-политическими переменами в стране, и доказал, что он наш с вами «сын и брат». В сценарии «Я пришел дать вам волю» Шукшин исследовал исторические корни русского национального героя, прежде всего, в лице самого Степана Разина и, конечно же, плотника Матвея Иванова.

В «Печках-лавочках» Василий Макарович впервые отправил своего любимого героя-чудика в путешествие, в большой и сложный для деревенского человека мир, который, в сущности, не принял его и нарушил его нравственную цельность. Разве можно подумать, к примеру, глядя на первые кадры фильма, что в финале герой Иван Расторгуев, в исполнении самого Шукшина, отважится дать взятку главврачу санатория, а потом на пляже всем своим видом демонстрировать свою полную неадекватность окружающим людям. В финале картины автор возвращает Ивана на свою родину и тот, глядя в объектив, скажет: «Ну, все, конец, ребята!». И это будет не столько конец фильма, сколько тех мытарств, которые испытал наш герой в своей поездке «к югу». Наконец, путешествие, предпринятое шукшинским героем в поисках «праздника души», находит свое полное завершение в возвращении «на круги своя» Егора Прокудина, в «Калине красной» – картине, придавшей всему творчеству Шукшина очевидную, с нашей точки зрения, логическую стройность и завершенность.

Хорошо известно, что советское искусствоведение и литературоведение вплоть до 60-х годов старалось избегать термина «русский», предпочитая «советский», если речь, конечно же, не шла о Древней Руси или дореволюционном искусстве. С приходом в кино Василия Шукшина, а в литературу целой замечательной плеяды писателей-«деревенщиков», коренные национальные проблемы, в которых они видели опору в тогдашних духовных исканиях, стали, наконец-то, предметом исследования в искусстве. Главная из этих проблем, особенно волновавшая Шукшина, была проблема состояния русской души в момент перехода общества в новое социальное бытие – из «деревенского», в котором сформировался национальный характер русских, в «городское». Шукшин, без преувеличения, первым понял, что в этом переходе главным будет не трудность освоения городской культуры бывшим сельским жителем, а столкновение их с «анонимностью» городской среды, к которой они абсолютно не были готовы. Вот почему шукшинские герои, являясь всегда носителями черт (хороших и плохих) русского национального характера, чаще всего не могут противостоять новой среде, не могут в нее вписаться и, от отчаяния, оказываются способны к самоуничтожению. Достаточно вспомнить, к примеру, такие рассказы Шукшина, как «Жена мужа в Париж провожала» или «Суразъ», чтобы убедиться в этом.

Одним из самых ценных качеств героев и кинематографического, и литературного наследия Шукшина является их естество, доставшееся им по наследству от многовекового процесса формирования русского национального характера. Естество, чаще всего интуитивно осознаваемое героями Василия Шукшина, проявляется, прежде всего, в их реакции на всякого рода унижения человека человеком. Полное неприятие его практически всегда приводит героев к самым непредсказуемым результатам. Вот всего несколько примеров:

- не понравились «поганые ухмылочки» первого попутчика Ивану Расторгуеву из фильма «Печки-лавочки», и он, обозвав его «профурсеткой», пообещал псевдокультурного горожанина пустить «пешком, по шпалам!»;

- заскучал по дому Степка Воеводин из фильма «Ваш сын и брат» и тут же совершил, с точки зрения обывателя, немотивированный побег из мест заключения за три месяца до окончания срока;

- возмущенный безучастностью к человеческой судьбе в «анонимном» городе, совершает один за другим алогичные поступки Витька Борзенков из рассказа «Материнское поле», за что попадает надолго в тюрьму;

- изменила герою рассказа «Беспалый» жена, а он взял и отрубил себе два пальца.

Конечно же, естество героев Василия Шукшина далеко не всегда положительно. Автор не идеализировал их, не сочинял про них мифы, хотя у всех видел черты русского национального характера:

- не приемлемо «естество» героя Глеба Капустина, который своим агрессивным невежеством «срезал» в деревне всех заезжих интеллигентов в рассказе «Срезал»;

- вызывает сожаление герой Иван Расторгуев из «Печек-лавочек», который утрачивает в своей поездке «к югу» свою нравственную чистоту и лишь в финале ленты становится равным самому себе;

- смешон и жалок Игнат Воеводин на фоне своей деревни и земляков из фильма «Ваш сын и брат», хвастающийся своей жизнью в Москве;

- Андрей Корчуганов из рассказа «Свояк Сергей Сергеевич» даже не заметил того момента, когда в обмен мотора на лодку, подаренную ему нахрапистым рвачем – свояком, он, в сущности, теряет свое нравственное «я».

Среди героев творчества Шукшина немало и таких, чье «естество» невероятно воинствующего свойства. Таков, к примеру, мастер по ремонту телевизионной аппаратуры и доморощенный философ Н. Н. Князев из гениального рассказа «Штрихи к портрету». Как он пытается, несмотря ни на какие обстоятельства, доказать всем окружающим, что жизнь – это бесконечный процесс созидания лучшего общества, которым, по его наивному мнению, можно и должно разумно управлять.

Таков, конечно же, и Егор Прокудин из пронзительной «Калины красной». Этот кинематографический шедевр мы рассмотрим наиболее подробно.

«Калина красная» вышла на экраны страны в марте 1974 года. Ее успех был феноменальный, и на этот-то успех наложилась совершенно неожиданная смерть Шукшина (ему было всего 45 лет) 2 октября 1874 года, которая была воспринята как национальная трагедия [1]. Картина пользовалась успехом у всех слоев общества. Одни увидели в ней мелодраму, другие – трагическую драму. Одни успех ее объясняли тем, что миллионы людей невинно пострадали в сталинские времена и потому Егор Прокудин заслуживает не осуждения, а жалости, несмотря на то, что свои 5 судимостей он получил за воровство. Другие сочувствовали герою, исходя из знаменитой поговорки: от тюрьмы да от сумы не зарекайся. Одни увидели в ней конкретную, полную жизни историю любви бывшего заключенного и «заочницы» Любы Байкаловой в исполнении Лидии Федосеевой, а другие очень глубокий обобщающий смысл, касающийся целой исторической эпохи перехода России из «деревенского» в «городское» социальное бытие. Кроме того, «Калина красная» была духовной автобиографией самого Шукшина и потому воспринималась как исповедь сына своего века. Шукшин не раз говорил о том, что в его жизни вполне могла бы быть и воровская судьба.

О главном герое – Егоре Прокудине – его убийца Губошлеп в исполнении Георгия Буркова сказал: «Он человеком никогда не был. Он был мужик. А их на Руси много». Этот мужик, изменивший двадцать лет назад традициям жизни своих предков – землепашцев, но удивительным образом не утративший коренные черты русского национального характера, главная из которых – это, конечно же, совесть, начинает на наших глазах мучительную борьбу за возвращение самого себя в ту среду, в которой сформировался его тип и характер. Поиск Егором Прокудиным «случившейся утраты» оказался настолько убедительным, настолько бередил душу зрителей, что подавляющее большинство из них, совсем недавно таких же деревенских жителей, восприняли картину Шукшина как зеркало своего духовно-социального состояния. Вот откуда потрясающий успех «Калины красной» в целом у нашего народа. Отсюда же ощущение завершенности творчества Василия Макаровича Шукшина и исполнение им в полной мере своего предназначения как художника. Если говорить о доминирующей жанровой природе этого фильма, то со всей ответственностью можно говорить о том, что это философская притча об исторически неизбежном переходе России из крестьянской цивилизации в городскую с резкой потерей культурного континуума русского национального характера. Егор Прокудин – вор, который в человеческом общежитии является анонимом, в силу «анонимного» существования человека в городе. Но сохранившиеся в этом герое черты русского национального характера все время бередили его душу, и потому он предпринял несколько попыток возвращения в сельскую среду, осознал всю трагичность своей измены (особенно после встречи с матерью), а так как в этой жизни, по словам Василия Шукшина, за все нужно платить, история заканчивается трагической смертью героя.

Литература

1. Коробов В. И. Василий Шукшин. – М.: Молодая гвардия, 1999. – 416 с.

Literatura

1. Korobov V. I. Vasilij Shukshin. – M.: Molodaja gvardija, 1999. – 416 s.

УДК 77.373

И. В. Шестакова

ПРИЕМЫ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КИНО» В НОВЕЛЛЕ «ДУМЫ» (ФИЛЬМ «СТРАННЫЕ ЛЮДИ») В. ШУКШИНА

Статья посвящена эксперименту В. Шукшина по переводу вербальных мыслеобразов в визуальные. Киноновелла «Думы» – это попытка реализации эстетической программы по использованию кинематографических средств для изображения внутреннего мира человека. Художественному «почерку» режиссера свойственны усиленное авторское начало, своеобразный кинематографический язык с метафорами, крупными планами в сочетании с игрой ракурсов, закадровым голосом,

Ключевые слова: актер, внутренний монолог, закадровый голос, мотив, новелла, литературный сценарий, фильм, экранизация.

I. V. Shestakova

METHODS OF INTELLECTUAL CINEMA IN THE SHORT STORY “DUMY” (THE FILM “STRANGE PEOPLE”) BY V. SHUKSHIN

The article is devoted to the experiment of V. Shukshin on conversion of the verbal mental images into visual ones. The attempt of realization of the aesthetic program of the use of cinematic means for representation of the inner human world was made in the film version of the story with the significant title “Dumy” (“Thoughts”). The author’s idea focuses on the character’s consciousness willing to understand the soul of peasant. The inner monologue, close to the inner speech, is made up of visual images inextricably linked with the characteristics of the protagonist and his life and destiny. While consistently conversing the text of the script, the director uses the visions, dreams, close-ups, body plastic combined with the change of angles, parallel landscape or atmospheric images, music and sound compositions for the expression of the inner world of the character. Using these techniques, he attempts to find way into the inner world of the character, to observe the progress of thought, to trace the logic of his actions. The meditative plot is transformed into a motif of the search for the truth in a dispute of characters on spiritual values and material necessity, the fate of the village and the Russian national culture. On the material of the story some stylistic features, its semiotic and socially relevant issues are being considered.

Artistic manner of the director is characterized by some typical features of the “intellectual cinema” like an intense authorship, a specific cinematic language, a special choice of the cast. The use of the specific techniques such as associative parallels, metaphorical constructions, the materialization of the inner monologue of the character, the voiceover indicates his desire to fill the niche between the traditional and avant-garde movements in the Soviet cinema. The poetic manner of the movie debunks the image of Shukshin as “an artist by instinct”.

The article “Means of Literature and Cinema” helps to interpret the experimental strategy of the author; Shukshin evaluates the possibilities of screen adaptations of literary works and summarizes his experience as a director and screenwriter. Transformation of stories “Dumy” and “Stenka Razin” into the literary and film scripts confirms the author’s thoughts about the natural incompatibility of literary and cinematic imagery. The main difference between the film and the story is the redistribution of the functions of the subjects of the inner psychological action. While in the story the author was only a mediator between the minds of the character and the reader, in the movie, on the contrary, the characters have become mediators of the author’s thoughts.

Keywords: actor, inner monologue, voice-over, motive, short story, literary script, film, screen version.

Во второй половине 1960-х – 1970-е годы кинематограф пытается воссоздать на экране не только сферу чувств, но и движение мысли: на Западе возникает течение экспериментального «интеллектуального кино» («Дневная красавица» Л. Бунюэля, «Сатирикон» Ф. Феллини), в котором пробуют себя и советские режиссеры: Г. Козинцев («Гамлет»), М. Калик («Любить»), А. Тарковский («Солярис»), Т. Абуладзе («Мольба»), С. Параджанов («Цвет граната»), О. Иоселиани («Листопад»).

По мнению А. И. Куляпина, в фильмах второй половины 1960-х годов. В. Шукшин «все еще пытается не слишком уклониться от принципа отражения реальности, но уже внимательно присматривается к опыту тех художников, которые отдают предпочтение искусству интеллектуальному, условному» [1, с. 103]. Им руководит желание понять, как делается интеллектуальное кино, поэтому он экспериментирует в фильме «Странные люди», используя разные приемы для отображения внутреннего мира персонажа. Осмыслить его стратегию помогает статья «Средства литературы и средства кино», в которой писатель исследует, как рождается, развивается мысль без помощи автора в образной системе повести Л. Толстого «Три смерти». Режиссер представляет, как можно было бы перенести этот мыслительный процесс на экран.

Попытаемся проанализировать художественную ткань и образно-смысловую структуру киноновеллы со знаковым названием «Думы» картины «Странные люди», направленную на овладение кинематографическими средствами для изображения внутреннего мира человека [2]. Перед нами предстает рефлексирующий, думающий герой Матвей Рязанцев. Авторская мысль направлена на его сознание в желании понять, чем жива душа крестьянина, у которого всю жизнь была на уме только работа. Рассудительный председатель колхоза, с одной стороны, принадлежит партийно-советской номенклатуре, с другой стороны, остается частью деревенского мира, что выражается в несовместимости официальной идеологии и крестьянской психологии. В его внешнем облике прослеживается контрастность крестьянской телесности и костюма. Рязанцев одет, как интеллигенция на селе, в традиционную белую рубаху без галстука, костюм, на голове – кепка, что лишает его величавой начальственной стати. Фигура Матвея, сильные руки, бойкий язык, изучающие глаза свидетельствуют о личности незаурядной, вечном труженике с обычной крестьянской судьбой: вступление в колхоз, две войны, женитьба. Вслед за мыслями о годах, отданных колхозу, встает тема коренной привязанности к земле, отчему дому.

Сначала в сценарии, а потом и в самом фильме Шукшин осуществляет перевод вербальных мыслеобразов в визуальные. Динамические описания, диалогические фрагменты двух рассказов «Думы» и «Стенька Разин» автор переносит в литературный сценарий без изменений. Например, мысли Матвея о том, бывает ли настоящая любовь, или люди притворяются, Шукшин переводит из несобственно-прямой речи в диалог и дополняет описанием яркой зрелищной картины сновидения Матвея, построенного на резком ритмическом контрасте музыкальных мотивов: «спокойная старая русская песня, которую поет, кружась, хоровод» молодых, нарядных девушек на зеленом лугу… Песне подыгрывают три балалаечника. Вдруг в хоровод врывается Колька со своей гармозой трехрядной, «сломал хоровод, и девки, и парни пошли давать трепака – по-теперешнему с озорными частушками. И, что самое удивительное, сам Матвей и его жена теперь, Алена, тоже молодые, – тоже так лихо отплясывают…» [5 с. 320]. Эти живописно-декоративные картинки, словно сошедшие с палехских шкатулок, вносят не характерную для рассказа, выдержанного в элегическом модусе, эксцентрику. При этом яркий визуальный мыслеобраз открывает и акцентирует новый мотив в изображении сознания главного героя, выступая свидетельством его культурной национальной памяти. В то же время картинки сновидения развивают тему любви: гармонь Кольки воскресила в душе Матвея забытые чувства, которые находят выражение то в целомудренном кружении хоровода, то в страстном ритме трепака.

В лунном свете у окна маячит фигура Рязанцева, думающего, вспоминающего детство. В экранизации эпизода из детства Матвея Шукшин не обошелся без закадрового голоса. Авторский комментарий (режиссер сам читает текст), кратко сообщающий историю смерти брата на покосе, опосредует психологическое действие героя. Визуализация памяти осуществляется посредством сильного затемнения, в котором всплывают смутные очертания речного ландшафта, контрастно высвечивается белая рубаха, лицо отца, облик подростка Матвея. Но Шукшину-режиссеру явно не удалось на экране отразить тот миг, когда в душе мальчика слились восторг и горечь жизни. Фигуры персонажей статичны. Эмоциональный эффект концовки эпизода достигается за счет звукозрительного контрапункта: на черном экране – спина лежащего на земле отца, вздрагивающие от рыданий лопатки под белеющей рубахой, профиль мальчика – и звонкий хор девичьих голосов, утверждающих силу любви, сливающийся с горестным плачем матери над умершим сыном.

Внутренний мир героя овнешняется посредством последовательной диалогизации текста сценария. В фильме появляются новые участники диалога, оппоненты Матвея в споре о смысле жизни. Под сенью деревьев, залитых лунным светом, он исповедует душевное волнение, вызванное воспоминаниями своей юной дочери. В крупных выразительных чертах тонкого лица, в огромных глазах девушки (актриса Е. Санаева) трепещет своя первая мука души (не поступила в институт), отзывающаяся на душевную боль отца. Но согласия в вопросе об устройстве судьбы дочери они не находят. Уходя, Матвей долго и молча вглядывается в лицо девушки, пытаясь понять, чем живет ее душа. Этот долгий, пытливый, молчаливый взгляд героя Шукшин неоднократно использует как средство психологической характеристики персонажа.

Далее Шукшин развертывает мотив воображаемой смерти, при этом инсценируя онейрические образы похорон, где взрывает элегическую интонацию монолога Матвея эксцентрикой видения. Страшная картинка становится визуальным выражением психологического состояния героя, связанного с мыслями о смерти. Эпизод воображаемых похорон существенно модифицирован по сравнению с текстом сценария. Критик Ю. П. Тюрин, не разгадав замысел автора, пишет о мистически страшном в картине – явлении покойника на собственных похоронах: «Оператор Гинзбург снял сцену эту в определенной условной манере: на контрастах черного и светлого, даже с гротесковостью. Не знаю почему, но мне это напомнило стилистику фильмов-ужасов, фильмовзагадок, например, фильмов Кавальканти…» [3, с. 177]. Однако страшное, в духе гоголевского «Вия», сохранившегося в памяти Шукшина со времени его детского чтения, запечатлено в сценарном варианте: табун лошадей, врезающийся в похоронную процессию, разбегающиеся в страхе сельчане, гроб уронили, из гроба встает Матвей…

В фильме Шукшин по требованию членов худсовета студии им. М. Горького значительно сокращает воображаемые похороны председателя, вводит закадровый текст, стараясь избежать какой-либо мистификации. Трижды закадровый голос автора предупреждает, что это только воображение героя. По ходу сцены камера то и дело возвращает зрителя к крупному плану лица Матвея, лежащего в постели рядом с женой, сосредоточенно-задумчивого, печального, в то время как на воображаемых похоронах лик Матвея светел и спокоен. Мало того, режиссер переводит сцену в комический с оттенком иронии модус. Комизм рождается из множества бытовых деталей, снижающих сакральный смысл события, из контраста скорбной торжественности момента и обычного начальственного поведения покойного председателя, озабоченного регламентом «мероприятия», в которое превратился обряд советских похорон: огрел по спине парнишку, пытавшегося закрыть борт катафалка, любуется опрятной пирамидкой со звездочкой, хвойными траурными венками; в кадре – ноги женщин, хлопочущих в кузове грузовика. Он отмахнулся было от журналиста, но тут же вновь входит в роль хозяина торжеств и дает интервью, делясь своими тайными мыслями. Наконец, идет говорить «речь» – и внезапно перед зрителем в перспективе возникают сияющие купола, словно парящие над темной толпой, утверждая, вопреки советскому атеизму, христианскую идею бессмертия человеческой души.

Образ церкви, впервые появившийся в картине русской жизни кинематографа Шукшина, не имеет здесь религиозно-мистического смысла, представляя собой часть духовной культуры и истории России, как и изба крестьянина, как и народные легенды о Разине, как и шаляпинское исполнение песни об атамане Кудеяре-разбойнике. Недаром в следующем за сценой похорон в кадре открывается картина широкого скошенного луга, озаренного солнцем. Вдоль ряда плотных стогов сена шествует Матвей, который лукаво глядит из-под кепочки с экрана прямо в зал.

Главным отличием фильма от сценария стало перераспределение функций субъектов внутреннего психологического действия. Если в сценарии позиция автора выражалась в основном в новых текстовых вставках, в назидательной риторике героя в финале, то в фильме, напротив, герои стали, по сути, медиаторами авторской мысли. Мысль автора-режиссера питают последние статьи и публичные выступления, в которых его волнует судьба деревни и, шире, судьба русской национальной культуры. Пытаясь донести свою тревогу до самых широких масс, он переводит их на язык кинематографа. Так, в фильм Шукшин вставляет новую сцену в сельсовете, инсценирующую его размышления

о духовных потерях, которые несет современная деревня. Среди них особенно беспокоит писателя отношение к богатствам русского национального языка. Эта мысль звучит в отповеди Матвея своему помощнику, «салютующему» председателю вместо обычного русского приветствия. Свою речь, исполненную досады на модные словечки, Матвей произносит под плакатом «Защита почвы от водной эрозии», выражающим в ассоциативном контексте сцены идеи русского «почвенничества».

Движение идей писателя обретает свою кульминацию в другой вставной сцене, следующей за эпизодом в кузнице. В ней Шукшин сталкивает три сознания людей разных жизненных позиций. Старшее поколение, которое представляют Матвей и старый кузнец, отстаивает необходимость жить по принципу «как надо», принимая на себя ответственность за землю, за Отечество, за колхоз. Колька (писатель Ю. Скоп) судит стариков за то, что они не прочитали за свою жизнь ни одной книжки. В контексте данной мизансцены «правда» каждого персонажа оказывается неполной и оспаривается в построении кадра. Так, «правда» Матвея выговаривается на фоне церковного кладбища, где отчетливо выделяется на темном фоне светлый православный двухскатный крест как знак возвращения к христианской обрядовой культуре, а ближе, прямо за плечом Матвея, черные кресты заброшенных могил, предвосхищающие мысли героя о том, как скоро забудут о нем земляки после его смерти. Далее в кадре – крупный план ссутулившейся спины Матвея, сидящего в раздумье. Затем он встает и, как сидел спиной к церкви, идет мимо сенокосилки, а навстречу ему движутся страшные черные зубья машины, так что Матвей словно захватывается адской пастью.

Логика развития этого образа существенно трансформирует эпизод хоровода в литературном сценарии. В киноновелле переборы балалаек сменяются гитарным бряцаньем, русская пляска – профанным дурным твистом. Матвей пытается противостоять бесовству: стащил на землю повисшего на суку гитариста, пнул ногой в спину затесавшегося в круг беснующихся Кольку. Видение шабаша мотивирует скепсис Матвея в отношении к любви: может ли быть любовь у Кольки, который кричал в бесовской пляске: «Надо девочек!». Со своей досадой и сомнением он обращается к дочери. И вновь ее отзывчивость, понимание жены и, главное, обстановка семейного домашнего уюта, любовно выписанного режиссером и оператором как идеал современного сельского дома, сочетающего технические новшества (телевизор, электрический утюг, проигрыватель) с эстетикой национального русского быта умиротворяют растревоженную душу Матвея. Все это воскрешает в нем забытые чувства и желания, которые оформляются на экране в новое видение героя, любопытно выстроенное: он проходит по коридору, образованному двумя рядами вывешенного для просушки белья, в облаках которого в перспективе является на качелях милая девушка в русском наряде, танцевавшая с ним в хороводе. Она ласково льнет к его тяжелой руке, пеняя за то, что, забыв о любви, бранит молодых. Видение пропадает в далекой дымке. Матвей с молодым задором раскачивается на качелях. В растворенном окне – тревожные лица жены и дочери, возвращающих зрителя в реальность: «Отец сам с собой разговаривает».

Однако для Матвея остается еще одна нерешенная проблема: как примирить материю с духом, которая в реальном плане ставит героев перед выбором между необходимостью ремонта дырявой крыши и жаждой самоотдачи «бесполезному творчеству». На «говорящем» фоне разрушенной крыши большого родового дома Кольки и обветшавшей лестницы на чердак, где устроил свою мастерскую резчик «кукол», продолжается старый спор, в который включается сельский интеллигент Захарыч (актер П. Крымов). Этот герой оказывается в фильме не только оппонентом Матвея, но и еще одним носителем авторской мысли и слова. В ответ на упрек Матвея Кольке, не приложившему умения и сил, чтобы продолжить дело отца по устройству и сбережению родного дома, Захарыч перефразирует суждение Шукшина о «неподдельном чувстве прекрасного» в русском народе, которое «не позволило забыть древнюю простую красоту храма, душевную песню, икону, Есенина, милого Ваньку-дурачка из сказки» [6, с. 23]. После появления Захарыча линия действия Матвея отходит на второй план: он присутствует на экране, но в роли пассивного слушателя то рассказа учителя о Разине, то песни о Кудеяре-разбойнике, продолжая молчаливо думать о своем.

Таким образом, уступая место размышлениям автора, сюжет-размышление героя преобразуется в мотив поиска героем истины в споре между духовными ценностями и материальной необходимостью: в первое утро после бессонной ночи Матвей идет по селу навстречу храму, но бой кремлевских курантов вместо колокольного звона уводит его в сторону, к сельсовету, к сенокосу; видение бесовства молодежи колеблет убежденность героя, но семейный уют открывает духовные радости любви, «исторические уроки» Захарыча пробуждают культурную память Матвея, которая приводит его к храму и обретению истины.

Шукшин мыслит «кинематографически», применяя иные, внесловесные средства, чтобы проникнуть во внутренний мир Рязанцева. Он использует монтажный выход из реального в психологическое пространство для прямого изображения воспоминаний, внутреннего монолога. С одной стороны, эти эпизоды отвечают принципам кинематографической зрелищности, с другой, они как бы материализуют думы об итогах жизни Матвея Рязанцева, придавая им метафорическую форму. Режиссер использует кинематографическое клише: лицо становится задумчивым, наезд камеры, и мы уже проникли во внутренний мир героя, с которым вспоминаем о прошлом.

Итак, сам опыт размышлений, рефлексий героев на экране чрезвычайно важен в творческой эволюции Шукшина. В киноновелле «Думы», отличающейся реалистической фактурностью, бытовой детализацией, наблюдается строгая простота и ясность видения жизни, глубина проникновения в ее противоречия, точность психологического анализа, что составляют особенность его режиссерской манеры. В отличие от фильма «Живет такой парень», где он показывает типажи людей, в картине «Странные люди» перед нами – характеры героев [4, с. 23]. В дискуссионное поле поэтики входит представление о Шукшине как художнике, пользующемся приемами интеллектуального кино в выражении внутреннего мира героя: крупные планы актера, пластика тела в сочетании с игрой ракурсов, параллельные ландшафтные или атмосферные образы. Он пытается занять нишу между авангардным и традиционалистским течениями, стремясь «докричаться» со своими мыслями и тревогами до «многомиллионной аудитории». Все это дает возможность оценить картину как определенный этап творчества Шукшина-режиссера, связанный с новыми поисками своего пути.

Литература

1. Куляпин А. И. Проблемы творческой эволюции В. М. Шукшина. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2000. – 200 с.
2. Странные люди [Видеозапись]: художеств. фильм / авт. сцен. и реж. В. Шукшин; к/с им. М. Горького, 1969. – 95 минут.
3. Тюрин Ю. Кинематограф Василия Шукшина. – М.: Искусство, 1984. – 319 с.
4. Шестакова И. В. Проблема жанра фильма В. Шукшина «Живет такой парень» // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 21. – С. 230–237.
5. Шукшин В. М. Собр. соч.: в 8 т. / под общ. ред. О. Г. Левашовой. – Барнаул: Барнаул, 2009. – Т. 3: Рассказы 1966–1968. Ваш сын и брат. Странные люди. – 384 с.
6. Шукшин В. М. Собр. соч.: в 8 т. / под общ. ред. О. Г. Левашовой. – Барнаул: Барнаул, 2009. – Т. 8: Публицистика. Статьи. Интервью. – 532 с.

Literatura

1. Kuljapin A. I. Problemy tvorcheskoj evoljucii V. M. Shukshina. – Barnaul: Alt. gos. u-t, 2000. – 200 s.
2. Strannye ljudi [Videozapis']: hudozhestv. fil'm / avt. scen. i rezh. V. Shukshin; k/s im. M. Gor'kogo, 1969. – 95 minut.
3. Tjurin Ju. Kinematograf Vasilija Shukshina. – M.: Iskusstvo, 1984. – 319 s.
4. Shestakova I. V. Problema zhanra fil'ma V. Shukshina "Zhivet takoj paren'" // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul'tury i iskusstv. – 2012. – № 21. – S. 230–237.
5. Shukshin V. M. Sobr. Soch.: v 8 t. / pod obshch. red. O. G. Levashovoj. – Barnaul: Barnaul, 2009. – T. 3: Rasskazy 1966–1968. Vash syn i brat. Strannye ljudi. – 384 s.
6. Shukshin V. M. Sobr. soch.: v 8 t. / pod obshch. red. O. G. Levashovoj. – Barnaul: Barnaul, 2009. – T. 8: Publicistika. Stat'i. Interv'ju. – 532 s.

УДК 7.036

Е. Н. Черняева

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕАЛЬНОГО ОБРАЗА СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА В ПРАКТИКАХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ 1920-Х ГОДОВ

В статье рассматриваются процессы формирования идеального образа советского человека в художественных практиках 1920-х годов, характеризующихся жизнестроительной направленностью.

Ключевые слова: жизнестроительство, авангард, советское искусство, советский человек, художественный образ.

E. N. Chernyaeva

CREATING THE PERFECT IMAGE OF THE SOVIET MAN IN THE 1920-S ART CULTURE PRACTICES

The first decades of the 20-th century are characterized by a heightened interest in various social practices, which manifests itself in the artistic culture through updating the scope of arts and crafts. In the first years after the revolution in Soviet Russia, there was a movement commonly associated with the formation of industrial art. Within this movement, there was a transition of many representatives of Russian avant-garde art from the “pure art” to the project activity. Project program production art, finally formed in the constructivist project, bore the features of a social utopia as artistic design was conceived as a way to convert a social being and consciousness, design environment.

Another artistic direction, tending to translate life building principles into practice, was constructivism. Like the “industrials”, constructivists sought to move from a purely artistic activity to practice-oriented. Another merit of the constructivists is that they went to the provisions of the development of the production of art, much more on the theoretical and practical levels. Constructivists, as production workers, were critical to the previous tradition in art and tough enough to delineate their projects from the works of arts and crafts.

Extensive discussion on this field to the fore some particularly thorny issues, among which is the problem of forming the image of the Soviet man. Art and culture gradually formed a perfect image of the Soviet man. The new Soviet man is the personification of the new world (the future of the Soviet state), creates a new way of life, consisting entirely of “things”, new works of art, for it builds a new life through all of that new art.

Thus, the art scene of the 1920-s was impregnated with a sense of anticipation of the new era, as manifested in art approval images of the future in the present.

Keywords: life building, avant-garde Soviet art, Soviet man, artistic image.

Начало 1920-х годов характеризуется повышенным вниманием к различным социальным практикам, в том числе и в сфере искусства. Вообще 1920–30-е годы характеризуются подчеркнуто социальным аспектом. В центре системы ценностей оказывается общественность, поэтому актуализируется, прежде всего, декоративно-прикладное искусство с его установкой на социальные практики.

Произведения декоративно-прикладного искусства являются как частью материальной культуры человечества, так и неотъ-емлемой частью духовной культуры, удовлетворяя и материальные, и духовные потребности человека. Кроме того, что декоративно-прикладное искусство является самостоятельной сферой художественной деятельности, оно является специфической формой отражения и познания мира. Произведения этого вида искусства обладают возможностью не только отображать, используя специфический для них язык, но и преобразовывать окружающую действительность. Это та область художественного творчества, с которой человек находится в непосредственной близости и контакте всю свою жизнь.

Способность к преобразованию действительности, его синтетический характер сделали декоративно-прикладное искусство особенно привлекательным для художников еще в конце XIX века, в пору расцвета стиля Модерн. Коллективный характер народного декоративно-прикладного искусства, учи-

тывая общую социальную направленность искусства рассматриваемого периода, делает его еще более привлекательным для художественных практик начала XX века.

В первые послереволюционные годы в Советской России широко развернулось движение, связанное с формированием производственного искусства. Производственное искусство – чрезвычайно неоднозначное явление, которое достаточно трудно классифицировать. Явление производственничества лишь отчасти можно назвать художественным направлением в искусстве, поскольку оно носит черты историко-культурного, социально-политического события. Именно в рамках этого движения произошел переход многих представителей русского художественного авангарда от «чистого искусства» к проектной деятельности. Именно в рамках данного направления произошла попытка практического воплощения идей жизнестроительства. На основе разработок художников-производственников (А. М. Родченко, А. М. Гана и др.) создавались рассчитанные на массовое производство новые типы посуды, арматуры, мебели, которые должны были преобразовать жилую среду человека, его бытовую сферу. Художники разрабатывали рисунки для тканей (В. Ф. Степанова, Л. С. Попова) и модели одежды (В. Ф. Степанова, В. Е. Татлин А. М. Родченко), призванные преобразовать внешний вид человека, а вслед за этим и его сущность. Производственное искусство, а затем и конструктивизм сыграли значительную роль в развитии плакатной графики (фотомонтажи братьев Стенбергов, Г. Г. Клуциса, А. М. Родченко) и конструирования книги (использование выразительных возможностей шрифта и других наборных элементов в работах А. М. Гана, Л. М. Лисицкого и др.). В театре конструктивисты заменяли традиционные декорации подчиненными задачам сценического действия «станками» для работы актеров (работы Л. С. Поповой, А. А. Веснина и др. над постановками В. Э. Мейерхольда, А. Я. Таирова).

Художники этого направления стали основоположниками советского дизайна, проповедуя о том, что внешняя форма непосредственно определяется функцией, инженерной конструкцией и технологией обработки материала.

Программа проекта производственного искусства, сформировавшаяся окончательно в конструктивистском проекте, несла на себе черты социальной утопии, поскольку художественное проектирование мыслилось как способ преобразования общественного бытия и сознания людей, конструирования окружающей среды.

В горячих спорах о форме и функциях искусства, новых социально-политических условиях, о роли художника в новом обществе «производственники» выводят на первый план принцип соотношения красоты и пользы художественного произведения. В ноябре 1918 года состоялся митинг под красноречивым названием «Храм или завод?», где один из лидеров производственного искусства О. Брик выступил с критикой искусства, о чем сообщал первый номер газеты «Искусство коммуны», где была помещена его статья «Дренаж искусства», включающая основные тезисы его выступления [2]. О. Брик провозглашает «принципиальный разрыв с буржуазным искусством прошлого. Последнее не творило, а искажало жизнь. Буржуазное искусство – идейный чад, болото. Производило оно искажение жизни путем «срисовывания» природы. Но копировать природу не нужно, так как сама природа существует в виде лучшем, чем ее копии. Не нужны также «идеи» вещей. Нужны самые вещи» [2, с. 1]. Далее от имени пролетариата Осип Максимович диктует следующие задачи искусства: «делать новые, невиданные вещи. Художники должны идти на фабрики и заводы для творческой работы. Рабочие их ждут» [2, с. 2].

Мысль о том, что произведением современного искусства теперь должна быть «вещь», прозвучала и в выступлении Николая Пунина. Самым же утилитарным видом искусства, производящим собственно «вещи» является декоративно-прикладное искусство, к которому обращаются художники, стремясь соответствовать новой идеологической установке на фронте искусства.

Другим художественным направлением, стремившимся к воплощению жизнестроительных принципов на практике, был конструктивизм. Как и «производственники», конструктивисты стремились перейти от чисто художественной деятельности к практико-ориентированной. Еще одна заслуга конструктивистов состоит в том, что они пошли в разработках положений производственного искусства гораздо дальше как на теоретическом, так и на практическом уровне. Конструктивисты, вслед за про-

изводственниками были критически настроены к предшествующей традиции в искусстве и достаточно жестко разграничивали свои разработки от произведений декоративно-прикладного искусства. Л. С. Попова писала: «Новое индустриальное производство, в котором должно принять участие художественное творчество, будет коренным образом отличаться от прежнего эстетического подхода к вещи тем, что главное внимание будет направлено не на украшение вещи художественными приемами (прикладничество), а на введение художественного момента организации вещи в принцип создания самой утилитарной вещи» (цит. по [6, с. 128]). Дух конструктивизма быстро распространился среди авангардистов, и многие из них отказались от станковых форм искусства в пользу конструирования объектов социальной среды – чистому жизнестроительству.

Е. Деготь отмечает, что задачи первой рабочей группы конструктивистов ИНХУКа, созданной в 1921 году могут удивить своей смелостью: «построение жизни по единому плану, внедрение техники, преобразование сознания людей, построение их в ячейки и преодоление индивидуализма, активизация субъектов и агитация в пользу нового» [5, с. 82]. Задачи эти, должные раскрываться в каждом предмете, в каждой «вещи», созданной художниками, практически полностью совпадают с задачами партии. Такая слитность партии и левых художников отражена в уставах многочисленных художественных группировок, pro-революционной направленности. Высказывания о путях развития советского костюма носили очень резкий характер. На этом дискуссионном поле переплетались различные противоречивые и запутанные социологические аспекты костюма. Статьи на эту тему в многочисленных периодических изданиях тех лет публиковали М. В. Алпатов, В. М. Инбер, А. В. Луначарский, В. Шкловский, Г. Б. Якулов, Н. Форрегер, К. Ф. Юон и другие деятели культуры; в различных журналах появлялись рисунки костюмов, выполненные И. М. Зданевичем, Б. Г. Эрдманом, В. И. Козлинским, Л. С. Поповой, В. М. Ходасевич и др.

На этом обширном дискуссионном поле на первый план выходят несколько особенно острых вопросов, которые в общих чертах сводятся к следующим положениям. Во-первых, отрицание моды как явления, понятия и термина. Само слово приобретает резко негативную окраску. Термин «мода» в этот период становится крайне размытым: то сливается с понятием одежды, то разграничивается с ним, то воспринимается как процесс смены форм одежды. Во-вторых, происходит утверждение производственного искусства как способа создания новой реальности для советского человека. В-третьих, в искусстве и культуре складывается идеальный образ советского человека (Нового человека, Человека будущего, даже Сверхчеловека). Новый советский человек является олицетворением нового мира (будущего советского государства), для него создается новый быт, состоящий сплошь из «вещей» – произведений нового искусства, для него выстраивается новая жизнь посредством все того же нового искусства. Прежде всего, с образом советского человека связан проект прозодежды. С помощью костюма художники стремились выделить из толпы человека будущего.

Вопрос формирования образа советского человека носит междисциплинарный характер и является предметом исследования как с точки зрения культурологии, так и с позиций искусствоведения. Культурологами образ советского человека рассматривается как часть идеологии советского общества, а так же является предметом исследований антропологов с позиций гендерного подхода. Первые попытки историко-антропологических исследований в этой области были сделаны в странах Запада. А. Бородина и Д. Бородин отмечают, что «интерес этот в условиях “холодной войны” был сугубо прагматическим: чтобы одержать победу на идеологическом фронте, Запад хотел знать своего противника в лицо. Так в США и Западной Европе возникает особое направление в гуманитарных исследованиях, занимающееся изучением различных аспектов жизни коммунистических обществ (прежде всего СССР)» [1].

Отечественные исследователи обращаются к феномену «советского человека» несколько позже, пик исследовательской активности по данной тематике приходится на рубеж XX–XXI веков. Среди обилия материала особо стоит отметить исследования Н. Н. Козловой, М. Я. Геллер.

Для искусствоведения образ советского человека представляет интерес как художественный образ, выражающий некий идеал. Выявление идеального образа, как примера для подражания, становится

целью послереволюционного искусства. «Кроме демонстрации чудо-машин и обслуживающего обезличенного персонала большое место в книгах 1920-х годов занимало изображение положительного персонажа, – пишет Е. Штейнер, – создание нового героя, действующего активно и социально правильно, составляет существенную сторону поэтики того времени» [9, с. 104].

Первым идеалом новой советской женщины, что вполне закономерно, стала героиня, рожденная в огне революции и гражданской войны. Как отмечает Барбара Клеменс: «Советская героиня сначала появилась на страницах периодических изданий как медсестра, комиссар в армии, даже как боец. Она была скромна, тверда, преданна, отважна, смела, трудолюбива, энергична и часто молода. Она не задумывалась о своем личном благополучии. Если она была нужна на фронте, она могла, хотя и с сожалением, оставить своих детей; она могла мириться с физическими трудностями, не дрогнув принять бой, а в случае пленения – пытку и даже смерть, веря, что ее жертва стала вкладом в построение лучшего мира» (цит. по [1]).

Такой самозабвенной революционеркой изображена новая советская женщина в произведениях Н. Островского (Тая в романе «Как закалялась сталь»), Ф. Гладкова (Даша в романе «Цемент»), В. Вишневского (Комиссар в «Оптимистической трагедии»), Б. Лавренева (Марютка в рассказе «Сорок первый»).

Близкий образ транслировался в советских плакатах, таких как «Женщина! Грамотность залог твоего раскрепощения» (1920) Н. С. Изнар, «Знания и труд новый быт нам дадут!» (1924) Л. М. Емельянова, «Раскрепощенная женщина, строй социализм!» (1924) А. И. Страхова-Браславского, наконец, «Работать, строить и не ныть!» (1933) А. А. Дейнеки.

Здесь необходимо отметить, что в 1920-е годы искусство плаката переживает очередной расцвет. Советские плакаты тех лет, кроме характерных для плаката вообще лаконичности и броскости, обладают определенными качествами монументальности. Являясь частью «плана монументальной пропаганды», они оживляют улицы городов, стены домов, повседневную жизнь советского человека. Язык плаката – необыкновенно яркий, образный, доступный даже неграмотному, но в то же время лаконичный, резкий, скупой.

Если образ европейской женщины начала XX века воплощают знаменитые красавицы, запечатленные на кинопленке, то образ русской женщины того же периода можно посмотреть на советском плакате. Советский плакат активно пропагандирует те преимущества, которые дала женщине революция. Ключевое из этих преимуществ – свобода, политическое равенство с мужчиной. Идея равенства была убедительно воплощена в лучших произведениях выдающихся мастеров агитационного искусства 1920–1930-х годов – Д. Моора, Н. Кочергина, Н. Когоута. Художники изображали женщину-работницу рядом с символической фигурой кузнеца, поставили ее в один ряд с мужчинами, на празднике 1 мая 1920 года. Кульминационное звучание идея равенства и единства мужчин и женщин обретет в одном из самых замечательных плакатов 1920-х годов – афише Э. Лисицкого к советскому павильону Международной выставки печати в Кельне 1928 года. На плакате изображены слитые в единое целое, подобно сиамским близнецам головы юноши и девушки, которые являются символом будущего молодого советского государства.

Государство, в лице партии большевиков, ставит перед женщинами сложную задачу – женщина, получившая свободу внешнюю, через декларацию, должна обрести свободу внутреннюю: стать активной в вопросах политики, участвовать в культурной революции, овладеть грамотностью. Женская тема в плакате 1920-х годов определяется именно этими задачами, и пропагандистами ее выступают сами женщины: это мастера станковой графики Е. Кругликова и Н. Изнар, участница оформления агитпоездов и агитпароходов А. Соборова.

Плакат Наталии Сергеевны Изнар «Женщина! Грамотность залог твоего раскрепощения» (1920) показывает нам эволюцию женских образов от прошлого, через настоящее, к будущему. Женщины прошлого изображены в правом нижнем углу, это самое темное место плаката. Они сгорбились, ссутулились над своими типично женскими заботами – дети и дом. Женская работа по дому бесконечна, поистине беспросветна, и такой темной она предстает на этом плакате. Женщина настоящего –

внизу слева – также изображена склонившейся над трудной работой, но эта работа – чтение, образование, освоение грамотности. Склонившаяся над книгой женщина как бы освещена сиянием, исходящим от книги – самое светлое пятно плаката. Женщина будущего – центр композиции. Она возвышается над своими соратницами. Она раскрепощенная и свободная, ее руки не заняты ненавистной работой, ее спина прямая, а за ней возвышаются трубы заводов и фабрик, олицетворяющие будущее, когда труд будет механизирован. Эта раскрепощенная, светлая, будто светящаяся сочетанием желтого и белого цвета женщина будущего есть воплощение идеальных представлений о советском человеке, практически заменившее собой эстетический идеал.

Плакат дает идеальный образ советской женщины, являющейся частью идеального образа советского человека, через гиперболизацию отдельных сфер жизни. Так, плакаты 1920-х годов, очень часто идеализируют социальный статус женщины. «Каждая кухарка должна научиться управлять государством», – популярная фраза В. И. Ленина становится лозунгом и эпиграфом множества агитационных произведений. Призыв А. Страхова-Браславского «Раскрепощенная женщина, строй социализм!» (1924) конкретизируется во многих произведениях, указывающих на важную роль женщины на производстве, в кооперации, в выборах, в борьбе против мировой буржуазии. Женские образы советских плакатов затрагивают широкий спектр проблем. Идеальная гражданка советского государства, женщина-товарищ, призывает уничтожить проституцию, снять паранджу и овладеть навыками какой-нибудь профессии.

Женщина-работница 1920-х годов, представленная на плакатах тех лет, довольно аскетична. Пример тому – знаменитая пролетарка А. Страхова-Браславского «Раскрепощенная женщина, строй социализм!». Словно отлитая из стали, монохромная фигура, данная крупным планом на фоне труб заводов и солнечного диска, олицетворяющих будущее, в скромной, почти мужской косоворотке, сосредоточенна и спокойна, монументальна и значительна, уподоблена скульптуре. Важнейшими атрибутами образа являются косынка, красное знамя и дымящие трубы фабрик. Плакат решен практически монохромно, лишь красное знамя и красные буквы лозунга яркими пятнами притягивают внимание зрителя. Автор, скульптор по образованию, делает свою работницу близкой знаменитому образу В. Мухиной. Но в ней нет ничего женственного, черты женственности, мягкости, материнства, как и половые признаки полностью отсутствуют. Внутренняя сила и убедительность позволяют приблизить ее к героическому мужскому образу красноармейца в плакате Д. Моора «Ты записался добровольцем?» (1920). Революционная символика ставит женщину А. Страхова-Браславского в один ряд с мужскими героическими персонажами.

Характерной чертой плакатов 1920-х годов является подчеркнутое различие образов работницы и крестьянки, причем, главным образом в одежде, как, например, на плакате Л. Емельянова «Знания и труд новый быт нам дадут...» (1924). На плакате изображены две женщины – работница и крестьянка, на фоне городской и сельской школ соответственно, обе держат в руках книги. Работница одета в рубаху или блузу с закатанными по локоть рукавами, на подобие мужской, красную свободную юбку, на голове повязана косынка, из под которой выбиваются коротко стриженые волосы. Крестьянка же изображена в лаптях, темной юбке с орнаментом и телогрее, на голове ее платок – так художник пытается показать элементы традиционного русского костюма. Но есть в их образах нечто общее: красная косынка, завязанная у городской женщины узлом сзади, у сельской – под подбородком. Этот элемент женской одежды, встречавшийся в плакате еще до 1917 года, в революционно-ориентированном искусстве получает символический, знаковый смысл. Красная косынка и в реальной жизни оставалась модным элементом повседневной одежды.

В обобщенном и схематичном образе женщины-труженицы 1920-х годов, образ которой нам дан скупым и лаконичным языком плаката, аксессуары костюма имеют подчеркнуто символический характер. Кроме упомянутой красной косынки, знаковой функцией наделяется еще и фартук, сближающий женский облик с мужским, как элемент рабочей одежды. В качестве символического элемента используется красный цвет – он выделяет не только головной убор, но и платье, детали антуража, буквы. Он – символ революционной активности, символ свободы и будущего. Социальная функция женщины, которой ее наделяет новое общество и государство, заставляет ее быть активной, часто она выступает

в роли агитатора и пропагандиста, как, например, в плакате И. П. Макарычева и С. Б. Раева «Каждая кухарка должна научиться управлять государством!» (1925). Конструкция этого плаката символична: на темном фоне – круг с изображением Совета, будто лучом прожектора высвечено здание, символизирующее государство, над которым высится образ работницы им управляющей. Облик женщины подчеркнуто монументален и андрогинен. Женственность выявлена с помощью красной косынки, которая здесь не только символ революционной пропаганды, но и своеобразный признак женщины.

Односторонние, подчеркнуто социальные, острополитические черты плакатных женских образов проявляются и в коммерческой рекламе, расцвет которой приходится на вторую половину 1920-х годов. Она приоткрывает некоторые аспекты быта и досуга женщины, в ней обобщенность образа уступает место характерности, позволяющей покупательницам идентифицировать себя с героинями плаката. Так, огромной популярностью пользовалась веселая крестьянка, изображенная В. Баюскиным на рекламе галош Резинотреста. Она переиздавалась несколько раз в разных форматах, репродуцировалась в газетах и журналах. Широко улыбающаяся крестьянка в красной рубахе и цветастой косынке изображена, однако, на фоне все тех же дымящихся заводских труб. Индивидуализации женских образов способствовал фотомонтаж, введенный в полиграфию мастерами производственного искусства и конструктивистами, в первую очередь А. М. Родченко. В качестве основы для рекламы изданий Ленгиза (1925) Родченко взял фотографию Лили Брик.

Более многосторонне раскрывал образ современной женщины кинематограф. Сюжеты современной жизни, изобразительный ряд, построенный на реалиях действительности, давали богатый материал для женских персонажей, в которых индивидуальные характеристики преобладали над социальной функцией женщины. Кинематограф идеализировал внешность и костюм своих героинь, давал им более широкий спектр эмоций, психологических состояний и событийных коллизий, в том числе и тех, которые были немыслимы в политизированном советском плакате. Киноискусство предоставляло советскому человеку возможность запечатлеть не только современницу, но и представительниц прошлого и будущего. Хотя это было скорее исключением и редкостью в пропагандистской практике, рисующей облик современной советской женщины, прежде всего, как общественницы, освобождающейся от пут домашнего рабства.

Еще одной сферой трансляции и распространения идеального образа советского человека явились средства массовой информации. Что касается женских образов, то здесь следует обратиться прежде всего к дамским журналам. Как подметила Т. Дашкова, журналы 1930-х годов удивляют тем, что в них обнаруживается сосуществование двух совершенно противоположных друг другу типов женских образов, которые автор, весьма условно, называет «рабоче-крестьянский тип» и «артистический тип» [4]. «Артистический тип» – наиболее часто встречающийся в женских журналах, посвященных моде, а также в журналах по театру, кино. Это тип утонченной, чуть манерной актрисы, заимствованный из европейского кинематографа и европейских журналов. В журналах мод такой тип женственности особенно часто использовался в эскизах вечерних платьев – утомленное лицо с тонкими выразительными чертами, большие печальные глаза, тонкие брови и яркие, четко очерченные губы.

«Рабоче-крестьянский тип» характеризовался большей натуралистичностью, чаще всего он встречался на фотографиях, причем в таких женских журналах как «Крестьянка», «Работница». Для этого типа были характерны широкое лицо с крупными, выразительными чертами: широкие брови, ярко выраженные скулы, коротко стриженные волосы. Фигура обычно коренастая, крепкая, шея короткая, плечи широкие. На страницах журналов мод подобный тип – редкость. Чаще всего такого типа женские фигуры можно было заметить в эскизах спортивной и производственной одежды.

Конструктивный супрематический изобразительный язык 1920-х годов практически не коснулся эскизов для журналов мод за редким исключением, это связано с тем, что сфера моды являлась маргинальной, отрицаемой сферой. «Язык левого искусства был ярким, выразительным, убедительным и притягательным. Резкие ракурсы, динамические композиции, сдвинутые оси, наклонившиеся в быстром движении вертикали и горизонтали – все это заражало пафосом, тащило вперед, подстегивало

записываться добровольцем и строить пятилетку в четыре года. Простые яркие цвета без полутонов, плоские заливки одной краской, контрасты черного и белого, красного и черного кричали со стен и заборов, останавливали внимание, заставляли отбросить интеллигентские колебания, помогали дышать глубже, шагать шире и рубить с плеча» [9, с. 13–14].

Новый человек должен был внешне отличаться от человека, каким его создала история, и очевидным способом было бы облачить его в новый костюм. В сущности уже конец XIX века выдвинул положение о человеке в творческом всемогуществе равном, по крайней мере, богу. Представления о титане, сверхчеловеке было подготовлено Ф. Ницше, В. С. Соловьевым, Н. А. Бердяевым и др. Художник-революционер мыслил себя не иначе, как воплощением титанического образа. Одним из главнейших своих врагов художники-революционеры считали мелкобуржуазную стихию. Действительность, повседневность была выражена архаичным бытом, нуждавшемся в преобразовании. «Между возвышенными устремлениями и трезвой реальностью существовал чудовищный разрыв», – пишет И. Уварова в статье «Вещи тянут к себе в нору…», посвященной проблематике социального взаимодействия художника и среды в 1920-е годы [7, с. 30]. «Вещи были “обывательщины нити”, которые могли опутать революцию. Диванчик и блюдце они ненавидели, как Чемберлена и Врангеля, классовой ненавистью. Александру Родченко мельхиоровый столовый нож казался белогвардейской шашкой» [7, с. 30]. Новая жизнь, реальность, действительность, должна утверждаться иными вещами. И конструктивисты создавали эти вещи, призванные создать новую действительность для нового человека. Это чистая, простая конструкция, близкая к манящим контурам вещей будущего. Даже самые простые вещи, выдержавшие критическую оценку и допущенные в «Новую жизнь» для Нового Человека подвергались полному переосмыслению. Эскизы тех лет представляют предмет сразу со всех сторон, будто привнося в композицию движение в пространстве. Эскизы костюмов представляют нам не человека в костюме, а обнажают конструкцию кроя, выявляют составные части костюма: рукава, манжеты, ворот, стан и т. д.

Художественная жизнь 1920-х годов была пропитана воздухом ожидания того, что скоро сформируется Человек Будущего, «титан, гигант мысли, навсегда похоронивший личные недостатки, гармонично развивший все свои достоинства. Это мог быть жилец дома коммуны, производственник-ударник, физкультурник и отличник учебы» [7, с. 31]. Этот человек еще обходился старым, дореволюционным чайником, спал на плюшевом диване, носил косоворотку с кожаной курткой. Но Александр Родченко уже проектировал для него функциональный и конструктивно-декоративный чайник, удобную функциональную, складную мебель. В. Степанова, Л. Попова, А. Экстер уже проектировали для него производственную и спортивную одежду для работы и отдыха, отвечающую принципам экономии, функциональности, гигиеничности.

Литература

1. Бородина А., Бородин Д. Баба или товарищ? Идеал новой советской женщины в 20–30-х годах [Электронный ресурс] // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете. – Тверь, 2000. – С. 45–51. – URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/borodini.htm#note4 (дата обращения: 06.07.2013).
2. Брик О. М. Дренаж искусству // Искусство коммуны. – 1918. – № 1. – С. 1–2.
3. Горбова Е. Н. Динамика трактовки культуротворческих идей в художественной жизни России 1920–1930-х годов // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 23. – С. 101–106.
4. Дашкова Т. Трансформация женских образов на страницах советских журналов 1920–1930-х годов [Электронный ресурс] // Женский дискурс в литературном процессе России конца XX века. – URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/dashkova.htm (дата обращения: 07.07.2013).
5. Деготь Е. Русское искусство XX века. – М.: Трилистник, 2000. – 224 с.
6. Мунипов В. М., Зинченко В. П. Эргономика: человеко-ориентированное проектирование техники, программных средств и среды: учеб. – М.: Логос, 2001. – 356 с.
7. Уварова И. «Вещи тянут к себе в нору…» // Декоративное искусство. – 1968. – № 9 (130). – С. 29–33.
8. Черняева Е. Н. Воплощение образа советского человека в эскизах костюмов журналов мод 1930-х годов // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 24. – С. 163–167.
9. Штейнер Е. Авангард и построение нового человека. Искусство советской детской книги 1920-х годов. – М.: Новое литератур. обозрение, 2002. – 256 с.

Literatura

1. Borodina A., Borodin D. Baba ili tovarishh? Ideal novoj sovetskoj zhenshchiny v 20–30-h godah [Elektronnyj resurs] // Zhenskie i gendernye issledovanija v Tverskom gosudarstvennom universitete. – Tver', 2000. – S. 45–51. – URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/borodini.htm#note4 (data obrashchenija: 06.07.2013).
2. Brik O. M. Drenazh iskusstvu // Iskusstvo kommuny. – 1918. – № 1. – S. 1–2.
3. Gorbova E. N. Dinamika traktovki kul'turotvorcheskih idej v hudozhestvennoj zhizni Rossii 1920–1930-h godov // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul'tury i iskusstv. – 2013. – № 23. – S. 101–106.
4. Dashkova T. Transformacija zhenskih obrazov na stranicah sovetskih zhurnalov 1920–1930-h godov [Elektronnyj resurs] // Zhenskij diskurs v literaturnom processe Rossii konca XX veka. – URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/dashkova.htm (data obrashchenija: 07.07.2013).
5. Degot' E. Russkoe iskusstvo XX veka. – M.: Trilistnik, 2000. – 224 s.
6. Munipov V. M., Zinchenko V. P. Ergonomika: cheloveko-orientirovannoe proektirovanie tehniki, programmnyh sredstv i sredy: ucheb. – M.: Logos, 2001. – 356 s.
7. Uvarova I. "Veshchi tjanut k sebe v noru…" // Dekorativnoe iskusstvo. – 1968. – № 9 (130). – S. 29–33.
8. Chernjaeva E. N. Voploshchenie obraza sovetskogo cheloveka v eskizah kostjumov zhurnalov mod 1930-h godov // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul'tury i iskusstv. – 2013. – № 24. – S. 163–167.
9. Shtejner E. Avangard i postroenie novogo cheloveka. Iskusstvo sovetskoj detskoj knigi 1920-h godov. – M.: Novoe literatur. obozrenie, 2002. – 256 s.

УДК 725.94

Н. С. Попова

ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОГО МЕТОДА АРХИТЕКТОРА Й. Б. ВАН ЛОХЕМА (на примере голландских периодов творчества)

Статья посвящена исследованию биографических данных и обзору первого голландского периода деятельности голландского архитектора Йоханеса Бернардуса Ван Лохема. Целью публикации является исследование особенностей стиля архитектурных памятников и градостроительных проектов, созданных Й. Б. Ван Лохемом в Голландии в 1909–1926 годах. В число задач входит определение особенностей творческого почерка мастера и стилистических тенденций его архитектурной деятельности.

В ходе решения поставленных автором задач описаны основные этапы биографии и профессионального становления архитектора Й. Б. Ван Лохема.

Ключевые слова: градостроительство, функционализм, группа «Стиль», принципы рационального проектирования, жилой комплекс.

N. S. Popova

FEATURES OF ARCHITECT J. B. VAN LOCHEM CREATIVE METHODS (in his dutch creative period)

The article reviews biographical data and the first period of Dutch architect Johannes Bernardus van Lochem activities. The purpose of this publication is the study of the peculiarities of architectural monuments style, and urban development projects created by J. B. Van Lochem in the Netherlands in 1909–1926. The tasks include determining artistic signature features and stylistic tendencies in his work.

The course of solving the problems posed by the author describes the main stages of the biography and professional development architect J. B. Van Lochem . Addition of a creative method and views on architecture from the J. B. Van Lochem occurred in the second half of the 1910s, at the time the architect joined the art group "Style" Until 1926 J. B. Van Lochem shared the principles of "Style".

However, his commitment to the ideals of “Style” did not have imitation as still crucial for J. B. Van Lochem were objective factors: the size of plot, terrain, characteristic properties of the construction materials and more. After returning to Holland, style of his work more in harmony with the European architecture of functionalism. The article also describes the direction of architectural activity, J. B. Van Lochem in the Netherlands and analyzed features of the 1909–1926-s architectural projects.

Keywords: town planning, functionalism, De Stijl, rational design principles, residential complex.

В последнее десятилетие со стороны европейских историков архитектуры наблюдается пристальный интерес к архитектурному наследию Й. Б. Ван Лохема в городе Кемерово. Так, в середине 1990-х годов кемеровским периодом творчества Й. Б. Ван Лохема заинтересовалась голландская исследовательница Рудольфина Эггинк, которая, совместно с доктором архитектуры Яном Молемой и президентом Фонда анализа зданий (STAG) Питером Ван дер Тоорном, приняла участие в организации в Кемерово музея-заповедника «Красная Горка». С российской стороны некоторые аспекты деятельности Й. Б. Ван Лохема в Кемерово освещали главный архитектор города Кемерово Ю. С. Зюзьков, историк архитектуры И. В. Захарова и ведущий научный сотрудник музея-заповедника «Красная Горка» З. Ф. Волкова.

К сожалению, достаточно обширный материал о жизни и творчестве Й. Б. Ван Лохема существует в России только на голландском языке. Крупицы ценного материала о двух голландских периодах творчества можно найти в фотофонде музея-заповедника «Красная Горка» и в переведенном на русский язык неопубликованном фрагменте диссертации Рудольфины Эггинк «Й. Б. Ван Лохем – архитектор оптимистического поколения». Данный фрагмент, большей частью посвященный кемеровскому периоду творчества и опирающийся на многочисленный фактический материал, хранится в фондах музея-заповедника «Красная Горка». Ценным материалом являются статьи голландских и отечественных исследователей творчества Й. Б. Ван Лохема, вошедшие в альманах «Красная Горка» за 2001 год. Так, вопросы творческого метода поднимает Я. Молема в статье «В поисках золотого сечения» и Р. Эггинк в статье «Архитектор оптимистического поколения». Проблему творческого становления Й. Б. Ван Лохема разрабатывает преподаватель Дельфтского технического университета И. Невзгодин.

Однако исследования, посвященного голландскому периоду деятельности Й. Б. Ван Лохема и рассматривающего его архитектурные и градостроительные проекты с позиций искусствоведения, на русском языке в Кемерово до сих пор нет. Также не исследована взаимосвязь кемеровского и двух голландских периодов творчества архитектора. Большая часть материалов архитектурной и градостроительной деятельности Й. Б. Ван Лохема, хранящихся в фондах музея-заповеднека «Красная горка», до сих пор не введена в научный оборот. Материалы голландских исследователей не переведены на русский язык и также не доступны российскому читателю.

В Голландии биография Йоханеса Бернардуса Ван Лохема достаточно хорошо изучена. Изыскания ряда голландских исследователей систематизировали журналист Вим де Вагт, опубликовавший в 1995 году монографию о жизни Й. Б. Ван Лохема, и Рудольфина Эггинк, как уже говорилось выше, защитившая в 1998 году докторскую диссертацию о его творчестве. Для отечественного исследователя сведения о биографии Й. Б. Ван Лохема и двух голландских периодах его творчества приходится собирать по крупицам.

В экспозиции музея-заповедника «Красная Горка» хранится анкета Йоханеса Бернардуса Ван Лохема, заполненная им при въезде в СССР в 1926 году. Из этой анкеты следует, что Й. Б. Ван Лохем родился в Гарлеме 19 октября 1881 года. Отца архитектора звали Иоанн Якоб, и по профессии он был садовником. По национальности Й. Б. Ван Лохем – голландец и в 1926 году имел голландское гражданство. На вопрос о семейном положении Й. Б. Ван Лохем ответил, что его семья, состоящая из 5 человек (не считая самого Й. Б. Ван Лохема), жена Берте, дочери Маргарита (13 лет) и Эрна (10 лет), сыновья Иоанн (12 лет) и Иоаннен Якоб (8 лет) остались в Голландии.

На вопрос анкеты об образовании и профессии Й. Б. Ван Лохем ответил, что имеет высшее образование, так как в 1909 году закончил курс Дельфтской высшей архитектурной школы. Также Й. Б. Ван

Лохем написал, что владеет профессией инженера-архитектора, имеет стаж в этой профессии 16 лет и с 1909 года является членом Проф-союза архитекторов Голландии. В разделе анкеты о владении языками Й. Б. Ван Лохем ответил, что владеет 5 языками – голландский, немецкий, английский, французский, русский.

Европейские исследователи творчества Й. Б. Ван Лохема уточняют некоторые анкетные данные архитектора. Опираясь на документальные свидетельства, И. Невзгодин утверждает, что Й. Б. Ван Лохем родился в семье состоятельного предпринимателя, а не садовника, как было указано самим архитектором в анкете [3, с. 39]. Голландский исследователь Ян Молема объясняет длительность обучения Ван Лохема в Дельфтской технической высшей школы. Й. Б. Ван Лохем получил аттестат о среднем образовании в 1898 году. Таким образом, для получения диплома о высшем образовании у него ушло около 10 лет. Я. Молема объясняет этот факт тем, что специальный факультет архитектуры в Дельфте был открыт только в 1905 году. До этого студенты отделения архитектуры специализировались только на гражданской архитектуре. «Так как Ван Лохем стремился стать настоящим архитектором, он, возможно, продлил свою учебу по этой причине еще на несколько лет» [2, с. 29]. Таким образом, Йоханес Бернардус Ван Лохем вероятно учился в Дельфтской высшей технической школе около 8–10 лет и получил диплом инженера в 1909 году.

Описывая особенности Дельфтской архитектурной школы, Н. Л. Крашенинникова характеризует ее как консервативную. Лидером Дельфтской архитектурной школы был М. Я. Гранпре-Мольер, являвшийся также профессором Высшей технической школы Дельфтского университета. Вот какую характеристику дает Дельфтской школе Н. Л. Крашенинникова: «Ярые противники функционализма, они отдавали предпочтение усложненным формам и, так же как и Берлаге, стояли за кустарный ручной метод труда, но вопреки его рационализму проповедовали воссоздание исторических стилей» [1, с. 15]. Объединившись с протестантскими архитекторами – «Группой 1932 года» – весной 1932 года представители Дельфтской архитектурной школы сформулировали свои теоретические установки. Сутью этих теоретических установок стал тезис об использовании современных материалов и конструкций для воссоздания старой, традиционной голландской архитектуры.

Творчество Йоханеса Бернардуса Ван Лохема можно разделить на три этапа: 1) первый голландский период – 1909–1926 годы; 2) кемеровский период – март 1926 года – сентябрь 1927 года; 3) второй голландский период – 1927–1940 годы. Сравнительная однородность стилистики внутри одного периода и резкое их отличие друг от друга позволяют предположить стремительную эволюцию его взглядов на архитектуру.

Так, несмотря на направленность своей alma mater, в первый период творчества Й. Б. Ван Лохем сформировался как сторонник функционализма и примкнул к группе «Стиль». Переход от традиционализма Дельфтской школы к функционализму группы «Стиль» хорошо аргументирует Р. Эггинк. По ее мнению, на изменение его профессиональных взглядов оказал влияние интерес к социальным изменениям в обществе [4, с. 20]. О принадлежности архитектора к группе «Стиль» свидетельствуют данные, представленные в монографии Н. Л. Крашенинниковой «Современная архитектура Нидерландов»: среди архитекторов, входивших в группу «Стиль», она называет и Й. Б. Ван Лохема [1, с. 22].

Обозначенная эволюция творческих принципов от традиционализма Дельфтской школы к функционализму группы «Стиль» не могла миновать влияния Х. П. Берлаге. Известно, что Й. Б. Ван Лохем познакомился с идеями Х. П. Берлаге через курс прочитанных им в Цюрихе в 1908 году и позднее опубликованных лекций. О том влиянии, которое оказал Х. П. Берлаге на творческое кредо молодого архитектора, упомянул сам Й. Б. Ван Лохем в некрологе на смерть Берлаге «Нашему мастеру»: «Величайшим и определяющим моментом стала для меня первая встреча с ним (Берлаге) на еще незавершенной Бирже. Неуверенность и любопытство были доминирующими чертами характера того молодого студента, каким я был, и встреча эта коснулась их как волшебной палочкой, дала направление хаотичному движению молекул моей души. Они были приведены в порядок и дисциплинированы» [2, с. 29].

Обращаясь к первому периоду творчества Й. Б. Ван Лохема, Ян Молема фиксирует формирование уникального метода работы над архитектурным произведением. Вероятно, в своих основных чертах его метод сформировался в период между 1909 и 1926 годами. В основе метода Й. Б. Ван Лохема лежали принципы рационального проектирования, введенные в Европе французским теоретиком Эженом Виоле-ле-Дюком. Сущность метода сводилась к строгому пропорциональному соотношению всех элементов конструкции и архитектурной композиции здания. При этом архитектор исходил из двух факторов: реальное положение дел и идеальные гармонические соотношения. На основе сопоставления обмеров зданий, построенных Й. Б. Ван Лохемом, Ян Молема делает вывод, что, начиная работу над проектом, архитектор тщательно изучал участок под застройку и особенности строительных материалов. При этом разрабатывая архитектурную форму, Й. Б. Ван Лохем стремился приблизить ее пропорции к соотношениям золотого сечения. Другими словами, при проектировании зданий Й. Б. Ван Лохем стремился связать гармонией реальные условия строительства – участок земли, размер кирпича, вид кирпичной кладки, особенности строительства и так далее. Этот метод особенно ярко выступает в его кемеровский период творчества. Анализ проведенных обмеров и исследование плана города, составленного Й. Б. Ван Лохемом, позволяют исследователям его творчества Я. Молеме и Р. Эггинк сделать вывод, что при проектировании типов домов и плана города основными измерениями стала серия из 62,5 – 125 – 187,5 – 250 и так далее [2, с. 30].

Размышления Й. Б. Ван Лохема об архитектуре, стремление проникнуть в сущность современного строительного мастерства выдают в нем способности к аналитике. Действительно, кроме архитектурной практики Й. Б. Ван Лохем активно участвовал в дискуссиях об архитектуре, выступал в печати с полемическими статьями и опубликовал две монографии. Так, в 1916–1918 годах Ван Лохем был соредактором «Строительного еженедельника» («Bouwkundig Weekblad»). В 1918–1925 годах он был редактором знаменитого архитектурно-художественного журнала «Вендинген» («Wendingen» – «Повороты»). После возвращения из России, в 1928 году, Й. Б. Ван Лохем становится членом архитектурной группы «Де Опбау», а в 1932–1940 годах является редактором архитектурного журнала «De 8 en Opbouw». В 1932 году в Амстердаме выходит первая книга Й. Б. Ван Лохема «Здания нового строительства в Голландии» («Bouwen-Bauen-Batir-Building. Holland»), которая, по мнению современников, явилась манифестом функционализма в Голландии. В 1936 году Й. Б. Ван Лохем издает свою вторую книгу «Акустика и теплоизоляция в строительстве». Кроме того, в 1930-е годы в журнале «Новый Роттердамский Курант» вышли публицистические статьи» Й. Б. Ван Лохема.

Об архитектуре и решении градостроительных задач, над которым работало архитектурное бюро Й. Б. Ван Лохема в Голландии, можно судить по копиям фотографий тех лет, хранящимся в музее-заповеднике «Красная Горка». Исследователи творчества Й. Б. Ван Лохема пишут, что за первый период своей архитектурной практики Й. Б. Ван Лохем построил 6 экономичных жилых комплексов и около 25 частных домов, большая часть из которых расположена в Гарлеме. В фондах музея-заповедника «Красная Горка» находятся планы и копии фотографий 3 жилых комплексов и 14 частных особняков первого голландского периода, из них один дом принадлежал самому архитектору. О втором голландском периоде можно судить по копиям фотографий 4 памятников архитектуры.

Стилистика его архитектурных сооружений первого голландского периода неоднородная. По мнению Р. Эггинк, стилистический поиск архитектора проходит через традиционную кирпичную архитектуру в духе Х. П. Берлаге к игре рационалистическими формами экономичного жилья для малоимущих [4].

Произведения Й. Б. Ван Лохема первого голландского периода (в музее-заповеднике «Красная Горка» хранятся фотографии его работ 1910–1924 годов), можно условно разделить на две группы. В первую группу входят архитектурные сооружения, созданные под влиянием тенденций национального романтизма в архитектуре и творчества Х. П. Берлаге. Во вторую группу входят те работы, в композиции которых получают реализацию творческие принципы группы «Стиль».

Для частных особняков, относящихся к первой группе характерна сложная многофигурная планировка с включением эркеров. Основными принципами объемных композиций в архитектуре особняков этого периода явились принципы симметрии и крупномасштабности. Взаимосвязь архитектурных форм основана на тождестве и нюансе, что придает композициям особняков статичный характер. Все особняки имеют высокие двускатные черепичные крыши с мансардой. Чаще всего основным строительным материалом был кирпич и дерево. Большое количество дерева использовано в интерьере особняков. Оконные и дверные проемы часто имеют арочную конструкцию. Типичная архитектурная декорация особняков этой группы включает в себя компактные лепные медальоны на фасадах, в том числе с сигнатурой фирмы Й. Б. Ван Лохема, и украшение дверных оконных проемов узором, полученным путем сдвига кирпича или изменения направления кирпичной кладки.

В архитектуре частных особняков, построенных Й. Б. Ван Лохемом в 1918–1924 годах можно проследить тяготение к более простым архитектурным формам и отказ от архитектурной декорации. В основе композиций особняков этого периода лежат принципы симметрии, ритмичности, сомасштабности частей. Появляются плоские крыши и сильно вытянутые по горизонтали окна, в том числе угловые. Характерной чертой работ этого периода стало членение фасадов ризалитами или лопатками, а также функциональное использование козырька перед входом для устройства балкона. По-прежнему излюбленными строительными материалами архитектора являются кирпич и дерево, фактура которых создает декоративный эффект его сооружений.

Особенный интерес представляют фотографии трех жилых комплексов Гарлема – Tuinwyk Zuid, Tuinwyk Noord и Rosehaghe, хранящиеся в фондах музея-заповедника «Красная Горка». Все три комплекса были построены в одно время – в 1918–1922 годах. При сходстве архитектурного и градостроительного решений застройка каждого из перечисленных жилых комплексов оригинальна.

Во всех жилых комплексах, построенных архитектором в этот период, чувствуется влияние архитектурного новаторства Х. П. Берлаге. Как и Х. П. Берлаге, Й. Б. Ван Лохем обнажает кирпичную кладку и демонстрирует тектонику стеновой конструкции здания. В тоже время, в архитектуре этих жилых комплексов чувствуется влияние архитектурных принципов группы «Стиль». Так Й. Б. Ван Лохем функционально обосновывает введение каждого элемента и изыскивает декоративный эффект из функциональных деталей композиции фасада. Использование архитектором не бросающейся в глаза центральной симметрии жилых блоков и сложного ритма архитектурных форм призвано было сделать акцент на равновесии равновеликих объемов. Визуальное дробление объема на плоскости и разложение плоскостей на отдельные элементы, также провозглашенное архитекторами группы «Стиль», прослеживается в использовании Й. Б. Ван Лохемом в композиции фасадов ризалитов и приема нарастания масс. Этим же приемом он достигает другого принципа, провозглашенного архитекторами группы «Стиль», – пересечения объемов здания под прямым углом. Таким образом, можно сделать вывод, что архитектура жилых комплексов в Гарлеме создана Й. Б. Ван Лохемом под влиянием идей группы «Стиль».

После возвращения из России Й. Б. Ван Лохем снова создает архитектурное бюро, однако его архитектурные произведения этого периода не столь многочисленны. В архитектуре этого периода преобладают функциональные решения и использования свойств современных строительных материалов. Характерными приемами в архитектуре Й. Б. Ван Лохема стали лентообразное остекление, плоские крыши, использование простых геометрических фигур (круг, прямоугольник, квадрат) при проектировании плана здания и решении архитектурных форм. Видимо в этот период архитектор больше строил в бетоне.

Кемеровский период творчества оказал значительное влияние на творческий метод архитектора-новатора. Й. Б. Ван Лохем отказывается от многих своих идеалов. Так, в частности, архитектор полностью отказывается от архитектурной декорации и многообразия архитектурных форм. Таким образом, кемеровский период сыграл роль очищения его архитектурного языка. А в духовном плане работа,

посвященная больше конструированию узкофункциональных зданий и проектированию объектов коммунального хозяйства и технических приспособлений, опустошили архитектора.

В заключение необходимо отметить основные этапы сложения индивидуального стиля Й. Б. Ван Лохема. После окончания Дельфтской высшей технической школы Й. Б. Ван Лохем не примкнул к Дельфтской архитектурной школе, а начал собственный творческой поиск. Уже с начала самостоятельной архитектурной практики в его работах чувствуется влияние идей Х. П. Берлаге. Сложение творческого метода и взглядов на архитектуру у Й. Б. Ван Лохема произошло во второй половине 1910-х годов, когда архитектор примкнул к художественной группе «Стиль», принципы которой разделял вплоть до 1926 года: ориентация на равновесие равнозначных объемов, дробление фасадов на плоскости, воспевание эстетики прямого угла, ритмичность архитектурной композиции. Однако его приверженность идеалам этой группы не носила подражательного характера, поскольку все-таки определяющими для Й. Б. Ван Лохема были объективные факторы: размеры участка под застройку, рельеф местности, характеристика свойств используемых строительных материалов и многое другое. При этом Й. Б. Ван Лохем, несмотря на идеалистические взгляды на общество и государственное устройство, прочно стоял на земле и не имел склонности к увлечению отвлеченными от практики эстетическими теориями. Использование в композиции фасадов принципов симметрии, что вообще противоречит идеям группы «Стиль», свидетельствует о том, что архитектор не бездумно интерпретирует идеи группы, а творчески их перевоплощает, сохраняя верность своему кредо.

После возвращения в Голландию, стилистика его творчества созвучна не столько принципам группы «Стиль», сколько европейской архитектуре функционализма. Видимо на стилистику второго голландского периода оказала влияние деятельность CIAM и распространение кодифицированного функционального стиля Ле Корбюзье. И вновь архитектор сохраняет верность своему творческому кредо: при создании архитектурного произведения исходить из объективных факторов, современных представлений об удобстве и классических принципов пропорций.

Литература

1. Крашенинникова Н. Л. Современная архитектура Нидерландов. – М., 1971.
2. Молема Я. В поисках золотого сечения // Красная горка. – Кемерово, 2001. – Вып. 2.
3. Невзгодин И. Истинное призвание // Красная горка. – Кемерово, 2001. – Вып. 2.
4. Эггинк Р. Архитектор оптимистического поколения // Красная горка. – Кемерово, 2001. – Вып. 2.

Literatura

1. Krasheninnikova N. L. Sovremennaja arhitektura Niderlandov. – M., 1971.
2. Molema Ja. V poiskah zolotogo sechenija // Krasnaja gorka. – Kemerovo, 2001. – Vyp. 2.
3. Nevzgodin I. Istinnoe prizvanie // Krasnaja gorka. – Kemerovo, 2001. – Vyp. 2.
4. eggink R. Arhitektor optimisticheskogo pokolenija // Krasnaja gorka. – Kemerovo, 2001. – Vyp. 2.

УДК 7.72

Е. А. Бегунова

ЭВОЛЮЦИЯ ХРАМОВЫХ ТИПОВ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье рассматриваются основные этапы эволюции христианской храмовой архитектуры в Византийской империи, основные архитектурные формы христианского мира, а также главные особенности храмового зодчества Византийской империи.

Ключевые слова: храм, базилика, архитектурный стиль, центрическая система, крестово-купольная система, христианство.

E. A. Begunova

EVOLUTION OF TEMPLE TYPES IN THE BYZANTINE EMPIRE

Byzantium had a huge impact on the culture of the world in the field of Christian art. First and foremost, this influence affected countries directly bordering or had cultural ties with Byzantium. It laid the foundation in the Christian Byzantine architectural tradition. Since the IV-th century the Byzantine Empire had active construction of the Christian temple complexes, which were based on the ancient Roman public and secular buildings. The temple architecture of Byzantium throughout all stages of its development was an active search of architectural form, which would be fully consistent with the Christian dogma. During these searches, the Byzantine church architecture took several distinct stages. The main stages of this evolution is considered to be a new reinterpretation of the ancient, especially Roman, architecture, laid the foundation of the Christian centric architecture, and completed the addition of cross-dome type of the Christian church. Because of Byzantium, the Christian culture and art have great symbolic and dogmatic saturation. Construction of basils opened a wide scope for the many options of interior layout, which responded to the artistic tastes, traditions, material possibilities of a particular area of the Byzantine Empire. Centric system combines the features of the basilica architecture and new architectural system of the cross-domed church, which later became the dominant form of architecture of the Christian world. With the development and complexity of Christian symbolism, the dogma became accessible and understandable for parishioners. So, the cross-dome system came to replace the temple centric planning since the main value of this type of temples, was primarily symbolic in deep saturation. Thus, the Byzantine architecture evolved the Christian temple types and formed the foundations of Christian architecture, and most of all the Orthodox temple types.

Keywords: Temple, basilica, architectural style, centric system, cross-dome system, Christianity.

Роль Византии в истории мировой культуры исключительно велика. Проблемами византийской культуры и искусства занимались такие видные ученые, как А. П. Каждан, С. С. Аверинцев, В. В. Бычков, Г. С. Колпакова. В своих работах эти авторы рассмотрели основные проблемы византийского искусства, а также взаимосвязь искусства и религии в византийской культуре. Воздействие византийского искусства ощущается не только в странах славянского мира и православного Востока, но и в Западной Европе. В византийской архитектуре были найдены формы, наиболее соответствовавшие православному религиозному мировоззрению. В поисках таких архитектурных форм было переосмыслено огромное античное и, в первую очередь, римское наследие.

Первые византийские христианские храмы имели формы базилик. Вопрос о путях происхождения базилики издавна обсуждается в научной литературе. Однако многие исследователи сходятся во мнении, что христианская базилика является непосредственной преемницей античной – римской базилики. Базиликальная форма постройки хорошо удовлетворяла тем требованиям, которые необходимы для христианской литургии. Такие постройки обеспечивали хорошую видимость и слышимость происходившей внутри здания церковной службы. Базилики были не сложны по своей конструкции, это давало возможность осуществлять их массовое строительство не только в крупных центрах, но и в мелких населенных пунктах.

Обычно базилика представляла собой прямоугольное здание, которое завершалось с восточной стороны одним или несколькими полукружиями апсид. Прямоугольный зал здания разделялся колоннадой или столбами на несколько продольных частей – центральный неф, который обычно был более широким, и несколько боковых нефов. Иногда базилика была однонефной, но чаще встречаются трех- или пятинефные здания. В некоторых случаях устраивалось и большее число нефов.

В базиликах, как правило, восточная – алтарная – часть здания отделялась от основного зала поперечно расположенным нефом, который назывался трансептом. С запада был расположен другой поперечный зал – нартекс. В некоторых случаях базилика имела во втором этаже хоры, на них входили по лестницам, размещавшимся в западной части базилики.

Перед храмом обычно устраивался открытый четырехугольный двор, или атриум, окруженный крытой колоннадой. В центре него обычно находился колодец, который служил для омовения. В некоторых случаях восточная часть колоннады, окружавшей атриум, заменяла нартекс.

Строительство новых базилик, начавшееся в IV веке, открывало широкий простор для многих вариантов планировки интерьера, который отвечал художественным вкусам, традициям, материальным возможностям той или иной местности Византийской империи. Наряду с богато оформленными базиликами в городах, особенно в столице, встречаются и скромные здания, часто перестроенные из старых, античных храмов, колоннады которых использовались для членения базилики на продольные нефы. Исходя из этого можно сказать, что базиликальная система была первой ступенью в эволюции архитектуры христианского храма.

Второй ступенью в эволюции архитектуры христианского храма можно считать центрическую систему построения здания. Проблематика центрических раннехристианских сооружений очень важна в изучении византийской архитектуры, поскольку тесно связана с генезисом крестово-купольных храмов – основного архитектурного типа, разрабатываемого византийским зодчеством.

Типология центрических сооружений в основном была определена плановыми решениями: это могли быть круглые сооружения, тетраконхи, восьмигранники или шестигранники, любые многогранники, которые вписывались в квадраты, равноконечные кресты и др. Любой из этих типов мог нести как каменный, так и деревянный купол.

Как пишет известный искусствовед Г. Колпакова: «Самыми ранними центрическими постройками являются мартирии, символическим архетипом которых стал самый первый мартирий – храм Гроба Господня в Иерусалиме. Генезис центрических сооружений довольно сложен. Существенную роль в нем сыграли эллинистические и позднеримские постройки погребального характера – мавзолеи и др. Также на нем сказалось воздействие дворцовых помещений со сложной плановой конфигурацией и изощренным пространственным решением – таких, как круглые залы, вписанные в восьмигранники, четырехколонные залы во дворце Диоклетиана в Сплите, многоугольные залы во дворце Диоклетиана в Антиохии. Нашла отражение и традиция развитых пространственных композиций фригидариумов (холодных бань), кальдариев (горячих бань) и тепидариумов (теплых бань) в термах (Стабианские термы, Каракаллы). Не забыт был и опыт таких оригинальных построек, как десятигранник с экседрами, открывающимися на каждой грани, перекрытый многогранным куполом (нимфей Лициниевых садов), или совсем отдаленные прообразы, как храм Солнца в Баальбеке (он представлял собой ротонду с шестигранным внутренним двором).

Именно за мартириями с ранних времен христианства устойчиво закрепилось понятие центрического храма, крытого куполом. По всей вероятности, на раннем этапе центрических сооружений (и в этом отличие от базилик) не было строгого зонирования пространства храма с постоянным закреплением за ним определенных функций» [1, с. 81].

Простые мартирии просуществовали недолго. Со второй половины IV века до начала VI столетия центрические сооружения эволюционируют в сторону все большего усложнения.

Далее Г. Колпакова уточняет: «Одной из самых знаменитых построек центрического типа является церковь Сан Витале в Равенне, построенная в 547 году на средства сторонника Юстиниана, Юлиана Аргентария, и освященная епископом Максимианом, утвержденным на равеннской кафедре византийским императором. Церковь Сан Витале создана после храма Св. Софии, но по типу, архитектурным особенностям относится к более ранней эпохе, подобно своему знаменитому образцу. Тем не менее в этом храме уже довольно ясно заметны изменения на уровне планировки. Равеннская ротонда не вписана в прямоугольник, а обведена восьмигранником внешних стен, идеально дублирующих контуры центра. Из-за этого пространственные ячейки обхода абсолютно одинаковы, как стереотипная единица, умноженная в пространстве. Восьмигранник ротонды лишен сложного чередования ниш, характерного для константинопольского храма. В каждой грани буквально повторен идентичный мотив» [1, с. 98–99]. С другой стороны, заметна несвойственная византийской архитектуре задача ясного, отчетливого прочтения пространственных зон и пластических объемов и их взаимного обособления. Все пространство храма в Равенне подчеркнуто распадается на отдельные структуры.

Дальнейшая эволюция центрических сооружений определена стремлением приспособить мартирии для совершения литургии. Сначала к основному архитектурному плану здания добавляются алтарные апсиды, затем сакристии, обходы, повторяющие конфигурацию основного плана и позволяющие вместить большее число верующих. Так в архитектуре появляется вид мартирия – конгрегационной церкви. Основным ключевым моментом для эволюции центрических храмов стал 450 год – год Халкидонского собора, утвердившего двуединство природ Христа и подчеркнувшего главенство Константинопольской патриархии для христианской ойкумены. Именно с этого времени Константинополь начинает занимать центральное место во всех архитектурных и художественных процессах. И в это же время практически исчезает прежнее жесткое, иерархическое разделение архитектурных типов и функций, которые предписывались храмовым строениям. С конца V века планы храмов начинают значительно усложняться и центрические здания начинают использоваться для литургического богослужения. Они могут функционировать одновременно как мартирии, как приходской храм, как кафедральный собор и как дворцовая церковь.

Купольные базилики – один из многочисленных для Византии вариантов приближения к главной для нее архитектурной идее – созданию центрического сооружения, осененного куполом. В ее основе лежала глобальная для византийского сознания цель: достичь переживания Царствия Небесного здесь и сейчас. Это позволяло соединить преходящее земное с вечностью, со сверхпространством, создать единый космический универсум.

С наибольшей полнотой и совершенством эти художественные и духовные устремления ранневизантийской эпохи отразились в главном храме империи – Св. Софии Константинопольской. В пространственном решении храма Св. Софии нашла идеальное воплощение тема космоса, в понимании не только православного человека, но и человека античного. Комплекс идей, понятий и ассоциаций, которые присутствуют в этом строении, не исчерпывается богословием, он шире догматических теологических толкований (хотя и отвечает им). Св. София дала мощный импульс для движения в этом направлении, но осталась уникальной, стоящей вне типологического ряда и не имеющей аналогий.

Конструктивный план храма Св. Софии не имел повторений. Однако ее основная идея (сочетание базилики с центрическим зданием, перекрытым куполом) явилась чрезвычайно плодотворной для дальнейших судеб византийской архитектуры. Именно из купольной базилики, распространенной в Византии в VI–IX веках, развился крестово-купольный храм позднейшего времени.

Центрическая система является промежуточным этапом в эволюции христианской архитектурной формы. Она соединила в себе черты базиликального зодчества и зарождающейся новой архитектурной системы крестово-купольного храма, которая в дальнейшем стала главенствующей формой зодчества христианского мира.

С развитием и усложнением христианской символики и догматики появилась необходимость в доступном и понятном для прихожан способе ее выражения. Так на смену центрической храмовой планировке приходит крестово-купольная система. Но не смотря на это в VII веке архитектура Византии вступила во временный период упадка. В архитектуре начинают преобладать небольшие и упрощенные по формам постройки. Тем не менее предпочтение отдается именно крестово-купольному типу храма, так как главная ценность такого типа храмов состояла, прежде всего, в глубокой символической насыщенности.

Новый расцвет в развитии византийской архитектуры, равно как и других видов искусства, начался в IX–X веках. Начиная с этого времени крестово-купольный тип храма (в разных его вариантах) является главным в архитектуре Византии. Другие типы являются редкими исключениями.

В классическом крестово-купольном храме квадратное в плане здание делилось рядами столбов или колонн на нефы, идущие от входа к алтарю. Нефов обычно было 3, 5 или 7, причем ширина центрального нефа обычно вдвое превышала ширину боковых. Точно по центру здания в центральном нефе симметрично располагались четыре главных столба, несущих купол. Эти столбы выделяли в простран-

стве храма еще один неф – поперечный или трансепт. С центральным куполом могли соседствовать от 4 до 12 меньших куполов (главный купол символизирует Христа, 5 куполов – Христа с евангелистами, 13 куполов – Христа с апостолами). Вход в храм располагался с западной стороны. С восточной стороны располагался алтарь, где происходила важнейшая часть христианского богослужения. В области алтаря стена выдавалась полукруглыми выступами – абсидами (апсидами), крытыми полукуполами – конхами.

В VIII веке крестово-купольные храмы заняли главенствующее положение в византийской храмовой архитектуре, так как такой тип храма позволял наиболее полно и доступно для простых прихожан выразить всю сложность христианской символики и догматики. Этот тип храма воплотился в средневизантийское время в нескольких вариантах: храма «вписанного креста», храма на четырех колонках и храма на тромпах.

Византийский архитектурный стиль – пожалуй первый и единственный среди западных архитектурных стилей, в котором наиболее полно удалось соединить всю полноту цветового богатства с мощными и рационально выверенными конструктивными формами, обладающими высокой степенью функциональной цельности.

Таким образом, подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать вывод, что культурное влияние Византии распространилось более или менее сильно в искусстве и культуре народов, которые имели какое-либо соприкосновение с ней. Из Византии на Русь пришло христианство, а вместе с ним и все достижения христианской культуры, которые оказали сильное влияние на всю русскую художественную культуру последующих столетий. И главным образом это культурное влияние отразилось на храмовой архитектуре.

Период активного развития византийской архитектуры продолжался с VI века по XV век, в IV–VI веках ему предшествовал этап становления, а с середины XV века начался период развития производных стилей. Именно в архитектуре Византии произошла эволюция христианских храмовых типов. А также сложились основы христианской архитектуры, и прежде всего это касалось православных храмовых типов.

Литература

1. Колпакова Г. Искусство Византии. Ранний и Средний периоды. – СПб.: Азбука-Классика, 2005. – 528 с.
2. Якобсон А. Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры: Центральные области Византии, Греция, Малая Азия, Сирия, Месопотамия, южнославянские страны, Древняя Русь, Закавказье, Средняя Азия. – Л.: Наука, 1985. – 152 с.

Literatura

1. Kolpakova G. Iskusstvo Vizantii. Rannij i Srednij periody. – SPb.: Azbuka-Klassika, 2005. – 528 s.
2. Jakobson A. L. Zakonomernosti v razvitii srednevekovoj arhitektury: Central'nye oblasti Vizantii, Grecija, Malaja Azija, Sirija, Mesopotamija, juzhnoslavjanskie strany, Drevnjaja Rus', Zakavkaz'e, Srednjaja Azija. – L.: Nauka, 1985. – 152 s.

ФИЛОСОФИЯ
PHILOSOPHY

УДК 1

Д. А. Филин

ЛИЧНОСТЬ СОКРАТА В СВЯТООТЕЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Данная статья посвящена проблеме использования античного философского наследия в христианской патристике. Автор обращается к одной из самых значимых фигур древнегреческой философии – Сократу и анализирует отношение к нему отцов и учителей христианской церкви.

Ключевые слова: история христианской церкви, патристика, древнегреческая философия, Сократ, святоотеческая традиция, Иустин Философ, Климент Александрийский, Иоанн Златоуст.

D. A. Filin

THE PERSONALITY OF SOCRATES IN THE PATRISTIC TRADITION

The Antique philosophy is an integral part of the Byzantine and Western European cultural heritage. At the same time, the attitude of Christian theologians to the ancient philosophers is ambiguous. In this sense, the greatest research interest is the figure of ancient Greek philosopher Socrates. Opinion of all Christian authors of Socrates can be divided into three groups: the first group are those who thought of Socrates as “a Christian to Christ”. These are Justin the Philosopher and Clement of Alexandria. The second group are great Cappadocians and Augustine. They are less admired by Socrates and pragmatically urged to take all decent Christians his life and philosophy, and cast it aside. The third group are those who deny the usefulness of pagan philosophy to Christianity. These include John Chrysostom, stressing the idolatry of Socrates. Socrates appears on the fields of patristic literature in the II-nd century and soon became the favorite character from the philosophers. This was due to several reasons. First, the proponents unlike the “men of the apostles” were widely educated scientists. Therefore, they are the first to wonder about the possibilities of ideological convergence of Christianity and ancient culture. Secondly, the early Christian writers defended Christianity, against the pagan emperors, why it was important to stress the superiority of the new religion before paganism. Finally, Socrates their lives and partly ideas, his martyrdom reminded Christians of the first centuries, therefore, it becomes “their” in the Christian camp, “ally” in the struggle with paganism. Actually Christian philosophy is born largely thanks to the ideas of the ancient Greek thinkers. In turn, Socrates, stating that virtue is knowledge, becomes a figure, bringing ancient Greek philosophy and Christian religion. In this way Justin the Philosopher and Clement of Alexandria say about the famous philosopher. Justin the Philosopher even proclaims Socrates Christian. Historically, Socrates was a figure more complicated and ambiguous. In turn, this raises other points of view of the Holy fathers on the teachings of the ancient Greek philosopher. An example of the “Golden mean” in relation to the ancient heritage and personality of Socrates, in particular, is the position of the great Cappadocians, considering him the first major representative of moral philosophy among the Greeks. John Chrysostom expresses definitely a negative point of view on Socrates and the entire ancient Greek philosophy, resisting in this sense, the opinion of apologists. Such a view on the ancient philosophy and its representatives could be called unhistorical. At the same time, this diversity of opinions in the patristic tradition against Socrates testifies to the topicality of its ideas for Christian authors of the II–V centuries ad.

Keywords: history of the Christian Church, the Church fathers, ancient Greek philosophy, Socrates, patristic tradition, Justin Martyr, Clement of Alexandria, John Chrysostom.

Сократ, пожалуй, самая интересная личность в истории древнегреческой философии. Отношение к Сократу Отцов и Учителей Церкви отражает их отношение к этой философии в целом. Здесь перед нами полный разброс мнений. Всех христианских авторов можно разделить на три группы: первая – те,

кто считал Сократа «христианином до Христа». Это Иустин Философ и Климент Александрийский. Вторая – великие каппадокийцы и Августин. Они меньше восхищались Сократом и прагматично призывали брать все приличное христианам из его жизни и философии, а иное – отбрасывать в сторону. Третья – те, кто отрицал полезность языческой философии для христианства. К ним следует отнести Иоанна Златоуста, подчеркивающего идолопоклонство Сократа.

Первым христианским автором, упоминающим Сократа, был Иустин Философ (ум. в 60-е годы II века). Пик «патристической сократианы» приходится на II–III века, IV–V века – ее относительный спад, а последующее время (до эпохи «Македонского ренессанса») – «затишье». В 529 году Юстиниан Великий закрывает Академию в Афинах, потом анафемствует оригенизм, чем «провоцирует» наступление Средневековья в жизни и мысли. Сократ появляется на полях патристической литературы во II веке и сразу становится ее любимым персонажем из философов. Это обусловлено рядом причин:

Апологеты, в отличие от «мужей апостольских», были людьми учеными, широко светски образованными, поэтому перед ними первыми встал вопрос: как сблизить их главные мировоззренческие составляющие – христианство и античную культуру. Отсюда рождается синтез того и другого – христианская философия.

Апологеты защищали христианство перед лицом языческих императоров, поэтому им важно было подчеркнуть, что христианство не противоречит всему доброму, что было в языческом мире, а превосходит во всем этом язычество, является, так сказать, «полной мерой» его доброделания: «все, что сказано кем-нибудь хорошего, принадлежит нам – христианам», – не сомневался святой Иустин [10, с. 119].

Сократ своей жизнью и отчасти мыслью, своей мученической кончиной напоминал христиан первых веков, поэтому он становится «своим» в христианском лагере, «союзником» в борьбе с язычеством.

Действительно, Сократ принял мученическую смерть за отрицание богов и за нравственное воспитание людей, точнее – его обвинили, как известно, в безбожии и растлении молодежи. Однако в том же самом обвиняли и первых христиан: в отрицании отеческих богов и эдиповом разврате (развращенные язычники и не могли себе представить, что на христианских агапах можно заниматься чем-то иным!). Апологеты и Климент верили, что Сократ действительно был монотеистом. Так в «Апологии» он обращается только к Богу, а про богов говорит не напрямую, а косвенно: «Если я признаю божественные знамения, то мне уже никак невозможно не признавать гениев», если же «гении вроде как побочные дети богов, от нимф или каких-то еще существ, как это принято думать, то какой же человек, признавая божьих детей, не будет признавать богов?» [16, с. 31]. И тех и других в патристической традиции отождествляли с ангельскими существами [10, с. 35]. То, что Сократ все-таки обращался и к отеческим богам, объяснялось христианскими авторами так: Платон и Ксенофонт боялись яда цикуты и поэтому писали о монотеизме учителя не явно, а прикровенно [10, с. 424; 11, с. 104]. Самоубийство Сократа – вынужденное, смысл его в том, чтобы сохранить благочестие и оправдаться перед Богом. Подобных христиане называли «святые самоубийцы» и считали их мучениками. Также афинского мудреца с христианами сближало то, что он был бессеребренником, который всю жизнь искал истину. «Похоже ли на что-нибудь человеческое, что я забросил все свои собственные дела и сколько уже лет терпеливо переношу упадок домашнего хозяйства, а вашим делом занимаюсь всегда, обращаясь к каждому частным образом, как отец или старший брат, убеждая заботиться о добродетели», – говорит сын Сафрониска судьям [16, с. 35]. Богатство и знатность, полагал он, приносят лишь дурное [5, с. 102]. Все видели, что Сократ беден, одевается как попало, ходит босиком. Софист Антифонт упрекал честного, но не умного, в его глазах, Сократа за то, что жил он так, что даже ни один раб при таком образе жизни не остался бы у своего господина: «Еда у тебя и питье самые скверные, – выговаривал он ему, – гиматий ты носишь не только скверный, но один и тот же летом и зимой; ходишь ты всегда босой и без хитона. Денег ты не берешь, а они – доставляют радость, когда их приобретаешь, а когда владеешь ими, дают возможность жить и приличнее, и приятнее». Антифонт полагал, что, внушая ученикам подражать своему злополучию, Сократ и был учителем злополучия [12, с. 32]. Сам автор «Воспоминаний о Сократе» подчеркивает: учитель полагал, что не иметь никаких потребностей есть свойство божества, а иметь потребности минимальные – значит быть близким к божеству, то есть к совершенству [12, с. 32].

Следует подчеркнуть, что Сократ был очень вынослив и мужественен (см. [17, с. 130–132]). При этом он «не противился злому». Так как «в спорах он был сильнее, то нередко его колотили и таскали за волосы, а еще того чаще осмеивали и поносили; но он принимал все это не противясь: однажды, даже получив пинок, он и это стерпел, а когда кто-то подивился, он ответил: «Если бы меня лягнул осел, разве стал бы я подавать на него в суд?» [5, с. 99–100]. Василий Великий с похвалой отзывается о поступке Сократа, когда тот, избитый пьяным, не сопротивлялся, а только «как на статуе пишут имя художника, написал на лбу: “делал такой-то” и тем отомстил». Святитель подчеркнул, что это сходно с тем, что Христос говорит в Нагорной проповеди (Мф 5, 39; [1, с. 354–355]).

Таким образом, в личности Сократа, его учении было немало такого, за что христианские авторы II–III веков считали его «своим». Из них для нашей темы наиболее важны – Иустин Философ и Климент Александрийский. Для них христианская философия – «святое занятие», синтез всего лучшего, что каждая из школ говорит о справедливом и благочестивом знании. Подобно вакханкам, эти школы «разорвали нового Пентея (истину), и полученной частью каждая хвастается так, будто владеет всей истиной». При этом христианские авторы полагали, что зерна истины эллинская философия заимствовала от Моисея и пророков, которые древнее ее. Существование философии для них – вещь необходимая, поскольку «нет познания, которое не имело бы связи с верой, равно как нет и веры, которая не зависела бы от познания», – подчеркивал Климент Александрийский (см. [14]). Сократ, который первый стал утверждать, что добродетель есть знание, стал фигурой, сближающей древнегреческую философию и христианскую религию.

Святой Иустин Философ писал в контексте общепринятого тогда отношения к философии как учительнице жизни: «Мы научены, что Христос есть перворожденный Бога, и мы выше объявили, что Он есть Слово, коему причастен весь род человеческий. Те, которые жили согласно с Словом, суть христиане, хотя бы [со стороны язычников] считались за безбожников: таковы между эллинами – Сократ и Гераклит и им подобные, а из варваров – Авраам, Анания, Азария и Мисаил, и Илия и многие другие…» [10, с. 76–77]. Сократ назван святым Иустином христианином! Что может быть выше такого имени, если свое христианское призвание Отцы и Учители Церкви ставили выше всего в жизни?

Наиболее полно из христианских авторов первых веков писал о Сократе Климент Александрийский. Сократ для него – великий проповедник справедливости, очаровавший эллинов, «утверждавший, что «человек праведный и человек счастливый – одно и тоже». Ради морали он покинул своего учителя натурфилософа Архелая. Сократ всю жизнь боролся с софизмом – общим врагом христианства и философии: «философия есть надежное оружие против софистов», она «устраняет тайные сети, расставляемые истине», – подчеркивал Климент [14, с. 82–83]. Вспоминая сократову майевтику, он называл афинского мудреца помощником в поисках истины. Любопытно, что Климент, из всех христианских авторов, наиболее «снисходителен» к даймониону Сократа: «Для Сократа демон был [положительной] двигательной причиной его деятельности, прямо одобряя известные его действия, а не только не воспрещая того или другого; он прямо побуждал его к известного рода деятельности, а не то чтобы всего лишь отговаривал от нее» [14, с. 73; ср. 12, с. 5].

В пику Клименту Киприан Карфагенский подчеркивал: «Есть нечистые блудящие духи, которые погрязли в мирских пороках и, чрез пристрастие к земному отделившись от силы небесной, не престают – сами погибшие – губить, сами развратные – распространять разврат. Поэты знают их под именем демонов, и Сократ рассказывал, что он от демона получает наставления и управляется его произволом» [14, с. 275]. «Сам Сократ ожидал мнения демона, – вторит Киприану современник Тертуллиан, – Как было ему не ожидать его? Говорят, что он с детства находился в нем, отклоняя его, конечно, от добра» [18, с. 254]. «Платон молится в “Тимее” чтобы не сказать ничего не угодного богам, а разве угодная демонам философия может быть Божией или от Бога данной? У Сократа был демон, который конечно уж посвятил его в свои тайны; видно, он же и свидетельствовал, что Сократ превосходит всех мудростью», – как бы подытоживает отрицательное мнение по поводу даймониона Сократа на закате византизма святитель Григорий Палама (см. [4]).

Следует подчеркнуть, что феномен мировой религии невозможен без феномена религиозной философии. Иустин Философ и Климент Александрийский первые стали сближать древнегреческую философию с христианской верой, искать пути их синтеза. И провозглашение Иустином Сократа христианином было отправной точкой этого синтеза.

Сократ Иустина Философа и Климента Александрийского – это христианизированный Сократ. На деле, конечно, исторический Сократ был более сложной фигурой, в которой «чувствуется что-то очень не простое, очень извилистое» [13, с. 51].

Во-первых, он не отрицал отеческих богов, приносил им жертвы. «Жертвы он приносил часто как дома, так и на общих государственных алтарях: это все видели, – свидетельствует Ксенофонт, – к гаданиям прибегал: это тоже ни для кого не было тайной. По всему городу ходили слухи о рассказах Сократа, что божественный голос дает ему указания: это-то, мне кажется, и послужило главным основанием для обвинения его в том, что он вводит новые божества» [12, с. 5]. Как же можно объяснить поклонение отеческим богам с обращением к одному и тому же Богу (в «Апологии»)? Полагаем, что, как и в случае с Платоном, Аристотелем, Плотином, Бог здесь Единое, Ум, Отец и творец всяческих, а боги – это отдельные эйдосы, его самотождественно различные «умные изваяния», эманации. Сократ применяет диалектическое соотношение, которым потом воспользуются другие философы.

Во-вторых, Сократ полон иронии и притворного лукавства. Как правило, он не дает простого прямого ответа на вопрос, как это делал сам Иисус Христос, но верит, что при помощи его майевтического метода в душе собеседника может родиться истина.

В-третьих, Ксенофонт подчеркивает, что от любви к красавцам Сократ советовал тщательно воздерживаться [12, с. 24; ср. 14, с. 174], но всем памятен эпизод из «Пира», о котором рассказывает Алкивиад [17, с. 130]. Христиане же просто «бегали блуда»! По словам Аристотеля, Сократ женат был дважды: «первый раз на Ксантиппе, от которой у него был сын Лампрокл, и во второй раз на Мирто, дочери Аристида Справедливого, которую он взял без приданого и имел от нее сыновей Софрониска и Менексена. Другие говорят, что Мирто была его первой женой, а некоторые (в том числе Сатир и Иероним Родосский) – что он был женат на обеих сразу; по их словам, афиняне, желая возместить убыль населения, постановили, чтобы каждый гражданин мог жениться на одной женщине, а иметь детей также и от другой, так поступил и Сократ» [5, с. 100; ср. 18, с. 278]. Таким образом, у него было более сложное отношение к плотской любви, чем у первых христиан.

В-четвертых, Алкивиад в «Пире» подметил, что «до выпивки Сократ не был охотник, но уж когда его принуждали пить, оставлял всех позади, и, что самое удивительное, никто никогда не видел Сократа пьяным»! [17, с. 130–131]. Такой «псевдолибертинизм» был чужд первым христианам.

Таким образом, личность Сократа явно выходит за те рамки, которые определили ей Иустин Философ и Климент Александрийский. Это и породило две другие точки зрения, которые мы обозначили в начале статьи.

Примером «золотой середины» в отношении к античному наследию, и личности Сократа в частности, является позиция великих каппадокийцев, манифестом которой можно назвать знаменитую беседу «К юношам о том, как пользоваться языческими сочинениями» Василия Великого. «Не должно, однажды навсегда предав сим мужам кормило корабля, следовать за ними (язычниками), куда ни поведут, – наставляет святитель молодых слушателей, – но заимствуя у них все, что есть полезного, надобно уметь иное и отбросить». Если между христианским и языческими учениями есть «какое-либо взаимное сродство, то познание их будет нам кстати, – полагает святой Василий. – Если же нет сего сродства, то изучать разность учений, сличая их между собою, немало служит к подтверждению лучшего учения» [1, с. 374]. Из этого руководства вытекает, в частности, и более сдержанное отношение каппадокийцев к Сократу, его учению, чем у Климента Александрийского и Иустина Философа. Так, Григорий Богослов, с одной стороны, с похвалой отзывается о Сократе, который «зимой целую ночь стоял, погрузившись в созерцание», и в «исступлении не чувствовал холода», но, с другой стороны, замечает, что христианские подвижники подобным образом подвизаются всю жизнь [2, с. 111].

Восхищаясь Сократовой нестяжательностью, святой Григорий здесь же восклицает: «Но как гнусно многое у язычников! Например, покров из плащей, под которыми сей доблестный муж (подлинно, это божественно!) беседовал с юношами; потому, что одни красивые даровиты! Никто не добывай добродетели через плотскую любовь – да погибнут такие рассуждения!» – заключает он [2, с. 221]. Ученик Сократа Платон порицается каппадокийцами за то, что из-за чревоугодия он оказался в гостях у Дионисия. Но они же его хвалят за то, что болезненность, телесную немощь философ признает полезной для обуздания страстей [1, с. 361–362; 3, с. 601; ср. 18, с. 288].

Таким образом, в отношении к личности Сократа, его учению, как и античному наследию в целом, каппадокийцы заняли как бы «равновесную середину». По сути, такова же позиция Августина Блаженного, вслед за Климентом Александрийским и Ипполитом Римским считавшего Сократа первым крупным представителем нравственной философии среди греков.

Третью, почти однозначно отрицательную точку зрения на Сократа и всю древнегреческую философию высказывает Иоанн Златоуст. Здесь он – противоположность Иустину и Клименту. Вероятно, на Златоуста повлияло то обстоятельство, что он был ритором, а не философом по призванию, получившим светское образование в Антиохии, а не в Афинах, как Василий Великий и Григорий Богослов. Златоуст подчеркивает, что среди всего «бреда философов» учения Пифагора и Платона были лучше других. Однако и эти главные, к стыду своему, оказались во всем смешнее детей. Их учение о душе было самое постыдное. Они говорили, что души человеческие делаются мухами, комарами, деревьями. «Подлинно душа Платонова – муха; не в муху превратилась, но муха вошла в душу, обитавшую в Платоне», – негодует Златоуст. Платон «поверг душу в какое-то опьянение и грязь». В учении о гражданском обществе он «предписал гнуснейшие правила. Пусть, говорит он, жены будут общие, пусть обнаженные девицы борются на глазах любовников, пусть будут общими и отцы, и рождающиеся дети. Не выше ли это всякого безумия?» – риторически вопрошая, заканчивает святитель инвенктиву, которая является своего рода клише его проповедей [8, с. 49]. Сократ, по мысли Златоуста, был привержен тем же идолам, что и ученик, «так как он, именно, приказал принести петуха в жертву Эскулапу» [9, с. 513]. При этом Сократ – единственный из философов, названный Златоустом в дошедших до нас текстах великим! «Великий Сократ, превосходивший всех их своей философией, потому и выпил яд, что был подозреваем в некоторых нововведениях касательно богов» (см. [6]).

Таким образом, Сократ для Златоуста прежде всего идолопоклонник, пустобредящий философ. Здесь нет углубленного анализа проблемы, как у Климента Александрийского или Иустина Философа, например; здесь все почти одно сплошное обвинение в адрес языческой философии. Мы бы назвали такую точку зрения аисторической: можно ли требовать от человека, выросшего в языческой традиции, быть монотеистом? Однако определенная доля аисторизма в отношении к Сократу есть и в высказываниях Иустина Философа, и у Климента Александрийского. Эти две противоположные позиции доказывают одно: Сократ был такой личностью, которая никого не могла оставить равнодушной! Сократ – эта, «может быть, самая волнующая, самая беспокойная проблема из всей истории, античной философии» [13, с. 82] оказалась весьма актуальной для христианских авторов II–V веков н. э.

Литература

1. Василий Великий. Творения: в 5 т. – М.: Типография Августа Семена, 1846. – Т. 4. – 407 с.
2. Григорий Богослов. Собр. творений: в 2 т. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. – Т. 1. – 832 с.
3. Григорий Богослов. Собр. творений: в 2 т. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. – Т. 2. – 688 с.
4. Григорий Палама. Триады в защиту священнобезмолствующих. – М.: Канон, 1995. – 344 с.
5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль. – 571 с.
6. Иоанн Златоуст. Полн. собр. творений: в 12 т. – М.: Православ. кн., 1991. – Т. 10, кн.1. – 398 с.
7. Иоанн Златоуст. Избр. творения. Беседы на Евангелие от Иоанна Богослова. – М.: Издат. отд. Москов. патриархата, 1993. – Кн. 1. – 483 с.
8. Иоанн Златоуст. Избр. творения. Беседы на деяния Апостольские. – М.: Издат. отд. Москов. патриархата, 1994. – 485 с.

9. Иоанн Златоуст. Избр. творения. Беседы на Послания к римлянам. – М.: Издат. отд. Москов. патриархата, 1994. – 863 с.
10. Иустин Философ и мученик. Творения. – Б. м.: Паломник: Благовест, 1995. – 486 с.
11. Климент Александрийский. Увещевание к язычникам. Кто из богатых спасется / пер. с древнегреч., вст. ст., коммент. и указатель А. Ю. Братухина. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006. – 288 с.
12. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. – М.: Наука, 1993. – 379 с.
13. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. – М.: Искусство, 1969. – 716 с.
14. Отцы и учители церкви III века. Антология: в 2 т. / сост. Иеромонах Иларион (Алфеев). – Б. м: Либрис, 1996. – Т. 1. – 379 с.
15. Отцы и учители церкви III века. Антология: в 2 т. / сост. Иеромонах Иларион (Алфеев). – Б. м: Либрис, 1996. – Т. 2. – 464 с.
16. Платон. Собр. соч.: в 4 т. / общ. ред. А. Ф. Лосева и др. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – 860 с.
17. Платон. Собр. соч.: в 4 т. / общ. ред. А. Ф. Лосева и др. – М.: Мысль, 1990. – Т. 2. – 528 с.
18. Тертуллиан. Апология. – М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2004. – 423 с.

Literatura

1. Vasilij Velikij. Tvorenija: v 5 t. – M.: Tipografija Avgusta Semena, 1846. – T. 4. – 407 s.
2. Grigorij Bogoslov. Sobr. tvorenij: v 2 t. – Minsk: Harvest; M.: AST, 2000. – T. 1. – 832 s.
3. Grigorij Bogoslov. Sobr. tvorenij: v 2 t. – Minsk: Harvest; M.: AST, 2000. – T. 2. – 688 s.
4. Grigorij Palama. Triady v zashchitu svjashchennobezmolstvujushchih. – M.: Kanon, 1995. – 344 s.
5. Diogen Lajertskij. O zhizni, uchenijah i izrechenijah znamenityh filosofov. – M.: Mysl'. – 571 s.
6. Ioann Zlatoust. Poln. sobr. tvorenij: v 12 t. – M.: Pravoslav. kn., 1991. – T. 10, kn. 1. – 398 s.
7. Ioann Zlatoust. Izbr. tvorenija. Besedy na Evangelie ot Ioanna Bogoslova. – M.: Izdat. otd. Moskov. patriarhata, 1993. – Kn. 1. – 483 s.
8. Ioann Zlatoust. Izbr. tvorenija. Besedy na dejanija Apostol'skie. – M.: Izdat. otd. Moskov. patriarhata, 1994. – 485 s.
9. Ioann Zlatoust. Izbr. tvorenija. Besedy na Poslanija k rimljanam. – M.: Izdat. otd. Moskov. patriarhata, 1994. – 863 s.
10. Iustin Filosof i muchenik. Tvorenija. – B. m.: Palomnik: Blagovest, 1995. – 486 s.
11. Kliment Aleksandrijskij. Uveshchevanie k jazychnikam. Kto iz bogatyh spasetsja / per. s drevnegrech., vst. st., komment. i ukazatel' A. Ju. Bratuhina. – SPb.: Izd-vo Olega Abyshko, 2006. – 288 s.
12. Ksenofont. Vospominanija o Sokrate. – M.: Nauka, 1993. – 379 s.
13. Losev A. F. Istorija antichnoj estetiki. Sofisty. Sokrat. Platon. – M.: Iskusstvo, 1969. – 716 s.
14. Otcy i uchiteli cerkvi III veka. Antologija: v 2 t. / sost. Ieromonah Ilarion (Alfeev). – B. m.: Libris,1996. – T. 1. – 379 s.
15. Otcy i uchiteli cerkvi III veka. Antologija: v 2 t. / sost. Ieromonah Ilarion (Alfeev). – B. m.: Libris,1996. – T. 2. – 464 s.
16. Platon. Sobr. soch.: v 4 t. / obshch. red. A. F. Loseva i dr. – M.: Mysl', 1990. – T. 1. – 860 s.
17. Platon. Sobr. soch.: v 4 t. / obshch. red. A. F. Loseva i dr. – M.: Mysl', 1990. – T. 2. – 528 s.
18. Tertullian. Apologija. – M.: AST; SPb.: Severo-Zapad Press, 2004. – 423 s.

УДК: 1(091)

Г. П. Ковалева

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ КАТЕГОРИИ «ДУХОВНОСТЬ» В ОНТОЛОГИИ ТРАНСЦЕНДЕНТНОГО КОСМИЗМА

В статье рассматриваются эмпирические истоки происхождения терминов «космос» и «духовность», дается обзор определений понятия «духовность», анализируется этимология происхождения этого термина. Согласно онтологии трансцендентного космизма Платона, Аристотеля, Плотина, Оригена, Ф. Шеллинга, В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева, основа «духовности» человека заключается в его космическом статусе, который проявляется в самосознании, нравственности и способности к интеллектуальной деятельности.

Ключевые слова: космос, дух, духовность, трансцендентность.

G. P. Kovaleva

EMPIRIC SOURCES OF THE CATEGORY "SPIRITUALISM" IN ONTOLOGY OF TRANSCENDENTAL COSMISM

In ontology of transcendental cosmism of Plato, Aristotel, Plotin, Origen, Shelling, Solovyev, Bulgakov, Florensky and Berdyaev the idea of the overall being predominates over the rest. It became the main basis for the reconstruction of the notion "spiritualism". During the process of the generalizing of the notion "spiritualism", transcendental cosmists made the following conclusions: 1. Ontologically, "spiritualism" is the philosophic category that shows metaphysical structure of space. 2. Anthropologically, "spiritualism" is a part of the anthropic cosmic principle that allows the man to develop self-conciousness and the ability to intellectual activity. It helps to obtain ethic standards and to form moral persconality. 3. Metaphysically, "spiritualism" is the manifestation of the transcendental (Godlike) origin in the man and space (living spirit) allowing the man to be the centre of the overall of ideal and material worlds and to work on the transformation not only of his own physical, mental and intellectual nature but the whole space. The main purpose of the man in the space evolutionary process is the necessity of cognition, self-conciousness and activity for public welfare. The rate of "spiritualism" development is vividly seen in personal and moral characler of the man, his active vital position directed to the reformation of the nature and the society.

Keywords: cosmos, spirit, spiritualism, transcendence.

Эмпирические истоки происхождения терминов «космос» и «духовность» обнаруживаются в философии Античности. Уже тогда была подмечена взаимосвязь этих двух понятий, что позволяет говорить о «космическом статусе» представлений о «духовности». Исследователи считают, что понятие «космос» впервые приобрело свое специфически-космологическое значение у представителей Милетской школы. Есть сведения, что Диоген и Платон связывали первое употребление этого термина с именем Пифагора, поскольку пифагорейцы представляли мир как организованное целое, функционирующее на основе определенных закономерностей, поддающихся адекватному выражению в геометрических образах. Философия того времени была «космоцентричной», так как древнегреческие натурфилософы размышляли о первооснове мироздания. Известно, что применение понятия «космос» как всеохватывающего, упорядоченного целого характерно для тех мыслителей, которые следовали натурфилософской традиции Милетской школы. Первоначально понятие «космос» имело эстетический характер, затем приобрело социально-политическое значение, а в последствии стало исходным для космологии и натурфилософии.

Эмпирические истоки философских воззрений о «духовности» тоже восходят к натурфилософским традициям. Уже у Платона, Аристотеля, Плотина прослеживается генетическая связь между категориями «космос» и «духовность». В их произведениях можно обнаружить следы мифологических представлений о космосе, в которых «духовность» трактуется как свойство мироздания. Эти интерпретации космологического значения понятия «духовность» наложили свой отпечаток на философскую традицию всеединства: от Оригена до русских религиозных космистов – В. С. Соловьева. С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева. А платоновско-аристотелевская интерпретация космологического знания наложила отпечаток на всю последующую научную традицию: от Птолемея до Коперника. По замечанию А. Турсунова, «речь идет о различении двух типов астрономической науки – астрохимии зримого и астрономии подлинного (по Платону), или математической и физической астрономии, как правило, отождествляемой с космологией» [6, с. 24].

Например, в «Метафизике» Аристотеля излагается суть математической и физической астрономии. По мнению Аристотеля, математическая астрономия имеет дело с формами, размерами небесных тел, количественными аспектами их движений. Физическая астрономия обнаруживает причины небесных явлений («материю», «форму», «цель» и «силу»). Перестраивая математически организованный космос своих предшественников (Пифагора, Анаксагора и др.), Аристотель имел целью объяснить небесные явления в соответствии со сложившимся эстетическим идеалом греков, ассоциируемым с всеобщей и неизменной упорядоченностью, выраженной гармонией идеального и материального

миров. Аристотелевский космос представлял собой «высочайшее проявление порядка по Вселенной» (А. Ф. Лосев), и этот порядок мыслился неотрывно от красоты и совершенства, подобного эстетике художественных произведений.

На основе представлений о космосе, понимаемом как гармония идеального и материального миров, Платон, Аристотель, позднее Плотин размышляли о «духовности» как неотъемлемом качестве космоса-системы, исходящем из «Единого-Блага». Они представляли, что в результате эманации (излияния) из первоосновы мироздания («Единого-Блага») жизненной энергии образуются трансцендентные структуры космоса («Ум-Нус», «Мировая Душа», «эйдосы»), космические существа, человек, материя. В этом ключе «духовность» носит космологический (как энергия «Единого-Блага») и персоналистический (относительно личности человека) характер.

В Средние века мыслители пытались приспособить древнегреческие теоретические схемы к своим практическим нуждам, упростив аристотелевскую систему, сведя ее к 8 концентрическим сферам (у Аристотеля их было 55). Такое упрощение прослеживается уже в ранней патристике, например трансцендентном космизме Оригена. Ментально увязав геоцентризм с телеологией, христианские теологи возвели это построение в ранг незыблемой картины мироздания, которая предопределила весь стиль эпохи. «Духовность» у христианских мыслителей рассматривается как проявление в человеке «Божественного духа», а значит, также может расцениваться как «космологическое» свойство, в качестве «дара Бога».

Гелиоцентрическая концепция Н. Коперника повлияла на картину мира и философское мировоззрение эпохи Возрождения и Нового времени. Уже в эпоху Просвещения распространяется деизм – позиция, признающая акт творения «Бога» и одновременно самостоятельность деятельности человека. Развитие научно-философской мысли в XVII–XVIII веков привело к пониманию Вселенной не как совокупности вечных и совершенных «Божественных» тел, а как мировой гармонии систем, взаимодействующих и эволюционирующих астрономических тел, связанных между собой как звенья единой природной цепи. Это нашло отражение в онтологии трансцендентного космизма Нового времени. Уже у Ф. Шеллинга, а потом в русском философско-религиозном космизме (В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, Н. А. Бердяев) креационистская идея увязывается с естественно-научными представлениями, а в качестве связующего звена идеального и материального миров рассматривается человек.

Изначальным основным противоречием в онтологии трансцендентного космизма выступает диада: «космос – человек», или «Макрокосм – микрокосм». В древнегреческих философских контекстах, связанных с учением о микро- и Макрокосмах можно выделить два момента: человек рассматривался в качестве уменьшенной модели космоса, а также Земли и полиса. Как подчеркивает А. Турсунов, «в основе этого монистического взгляда лежит убеждение в вещественной и структурной идентичности всех уровней организации универсума», которая рассматривалась с физической точки зрения (первоэлементы как строительный материал мироздания) и математической (особая числовая и буквенная символика) [6, с. 18–19].

Суть диады «Макрокосм – микрокосм» состояла в установлении между «Человеком» и «Космосом» отношений по типу: часть – целое; причем активной стороной выступал «микрокосм – человек». В такой постановке вопроса ряд исследователей обнаружили наличие рационального зерна для теоретико-познавательного плана в лице человека, как «высшего цвета» (Ф. Энгельс) движущейся материи, в котором природа приходит к осознанию самой себя, и «мыслящий дух» может рассматриваться как «живое зеркало Вселенной» (Лейбниц). С этой точки зрения идея человека как микрокосма сыграла положительную роль в интеллектуальной и социальной истории человечества (например, выросшая на этой почве идея суверенного разума в европейском рационализме). Из античной идеи «Макрокосма – микрокосма» начало формироваться современное методологическое и мировоззренческое представление о Вселенной как физическом целом, законы функционирования которого доступны для познания человеческим разумом. Но поскольку представления о «духовности» в онтологии трансцен-

дентного космизма трактуются как неотъемлемое свойство космоса-системы, то, следовательно, категорию «духовность» можно раскрывать с помощью современных методологий на основе рационалистических понятий.

В онтологии трансцендентного космизма Платона, Аристотеля, Плотина, Оригена, Ф. Шеллинга, В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева диада «Макрокосм – микрокосм» трансформируется в триаду «*космос – духовность – человек*». В этой триаде: тезис – «космос» («Единое-Благо» и «Материя» у античных трансцендентных космистов, «Абсолют-Бог» и субстанция «ничто» у европейских и русских трансцендентных космистов) – дифференцируется в антитезис «духовность» (трансцендентная «творящая» энергия), в следствие этого процесса в синтезе образуется «человек» (как взаимосвязь трансцендентного и природного). Таким образом, «духовность» является важной метафизической категорией в онтологии трансцендентного космизма, задающей структуру, качество, принцип развития и движения к всеединству в космосе-системе.

Для того чтобы выявить основания категории «духовность» в онтологии трансцендентного космизма, необходимо сделать общий сравнительный обзор различных представлений о «духовности», чтобы не поддаться автоматизму привычного взгляда. «При сравнительном анализе, к сожалению, никогда не удается избежать упрощения и некоторой схематизации, поскольку эмпирическая действительность многообразна, а стоящее за ней просто и может быть выражено в нескольких основоположениях: надо знать не многое и сложное, но главное и простое», – считает Д. В. Никулин [5, с. 10].

В онтологии трансцендентного космизма Платона, Аристотеля, Плотина, Оригена, Ф. Шеллинга, В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева, несмотря на многообразие взглядов, доминирует идея всеединства сущего. Поэтому можно говорить об онтологии трансцендентного космизма как о генетически-родственном, исторически оформленном типе мировоззрения, чьи основные положения обладают единством в полифоническом поле философских учений. Это единство прослеживается во взглядах на проблему взаимоотношений идеального и материального, космоса и человека, представлений о «духовности».

Термин «духовность», «духовный» широко распространен в современном мировоззренческом поле. В основном понятие «духовности» исследуется в психологии, социологии, педагогике, культурологии, религии, эзотерике, славянском ведичестве [10]. Можно привести следующие примеры формулировок понятия «духовности». «Духовность – высший уровень развития и саморегуляции зрелой личности, на котором основными мотивационно смысловыми регуляторами ее жизнедеятельности становятся высшие человеческие ценности» (Большая психологическая энциклопедия). «Духовность – религиозность, душевность, интеллектуальность, церковность» (Словарь синонимов). «Духовность – отрешенность от низменных грубо чувственных интересов, стремление к внутреннему совершенствованию, высоте духа» (Толковый словарь Д. Н. Ушакова). «Духовность – свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными» (Толковый словарь Ожегова). «Духовность – духовная, интеллектуальная природа, внутренняя нравственная сущность человека (противополагаемая его физической, телесной сущности)» (Толковый словарь русского языка Кузнецова). «Духовность – высшая деятельность души, устремленность к стяжанию Духа Святого, безгрешности, моральному совершенству, преображению души. Русская духовность выражается в древней духовной традиции Православия и добротолюбия, иконописания и церковных песнопений» (Русская история). «Духовность в самом общем смысле – совокупность проявления духа в мире и человеке. В социологии, культурологии, а еще чаще в публицистике «духовностью» называют объединяющие начала общества, выражаемые в виде моральных ценностей» (Википедия) и др. В марксизме представления о «духовности» ассоциировались с идеологией.

С. К. Бондырева и Д. В. Колесов в работе: «Духовность (психология, социология, семантика)» утверждают, что «духовность» – это свойство материи. В частности, они пишут: «Научный подход к проблеме материи и ее свойства – духовности – дает возможность не противопоставлять одно другому, тогда как религиозный подход возможность и даже как бы необходимость такого противопостав-

ления порождает. …Научный подход хорошо совместим с принципом развития материи: от низших форм – к высшим, вплоть до человека. Религиозный подход делает как бы ненужным бытие форм жизни ниже уровня человека…» [1, с. 5]. Критику религиозного подхода к проблеме «духовности» С. К. Бондырева и Д. В. Колесов строят на единственной философской работе Н. А. Бердяева «О человеке, его свободе и духовности». Они считают, что «с научной точки зрения духовность – изначальное свойство материи, наиболее ярко воплощенное в человеке, причем духовность может развиваться и в ходе эволюции, и в ходе индивидуальной жизни» [1, с. 10]. С. К. Бондырева и Д. В. Колесов размышляют о понятиях «одушевленности» и «одухотворенности», утверждают наличие «положительной» и «негативной» «духовности».

Фундаментальных гносеологических исследований феномена «духовности» на основе онтологии космизма практически нет. Можно назвать следующих авторов, в чьих работах в той или иной мере нашло осмысление понятие духовности: А. А. Корольков, А. П. Мозелов, В. В. Гречанская, С. Б. Токарева, М. Н. Каюмов, А. С. Савенко, В. Г. Малая, О. Звонова, П. А. Порошина и др. В. Х. Манеров, в частности, отмечает, что «духовность» человека по-разному трактуется в светской (научной) и христианской традициях. В первой – она сводится к душевности, нравственности, интеллектуальности, добродетельности, во второй – это понятие выводится за пределы бытия «души» (психики). В обоих случаях, – подчеркивает В. Х. Манеров, – речь идет о высшей ценности природы человека, которая понимается по-разному в этих двух несовпадающих мировоззренческих системах и соответствующих им антропологических системах [4].

А. А. Корольков в работе «Духовная антропология» утверждает, что «духовность – это способ бытия и просветление стремлений», поэтому «духовные идеалы не могут быть формализованы или выражены в понятийно-рационалистическом виде» [3, с. 190]. С точки зрения А. А. Королькова, «русская духовность, питающаяся любовью к Богу, а стало быть преодолевающая прагматический эгоизм, никогда не сводилась к теологической схоластике, а становилась самой жизнью, лишь выражая себя изредка то в богословии, то в художественной литературе, то в философии, то даже в учении о государстве и праве» [3, с. 192].

Философские словари тоже дают многозначную трактовку понятию «духовность»: 1) нематериальность, бесплотность; 2) одухотворенность, наполненность духом творчества, творящим духом; 3) процесс гармоничного развития духовных способностей человека [11]. Например, «духовность» называют главным условием нравственного возрождения людей. Выделяют «позитивную духовность», которая связана с ориентацией человека на высшие общечеловеческие ценности: любовь, доброту, сострадание, милосердие, укоренение их в своей повседневной жизни. Одним словом, «духовность» понимается как человечность, стремление делать другим то, что ты желаешь себе [8].

В психологии и акмеологии «духовность» трактуется как достижение человеком высшего уровня развития, предполагающего преобладание «духовных» ценностей, то есть идеального ценностного плана и уровня жизни, дающего не только способность преодоления трудностей, но и способность взвешивать и усиливать сущность других людей отношением, своим примером, своей жизнью. Также «духовность» связывают с мудростью, способностью с позиций человечности отнестись к слабостям и ошибкам людей, воодушевляя и укрепляя их душевно и «духовно». Рассматривают «духовность» как компонент акме личности.

Таким образом, в различной литературе и словарях даются многочисленные трактовки «духовности», имеющие достаточно пространное, порой абстрактное содержание. С логической точки зрения такие трактовки иногда тавтологичны, то есть объясняют «духовность духовностью» (например: «духовность» – это «духовные» свойства личности, ориентированность на «духовные» ценности и т. п.). На основании содержания выше приведенных определений, можно сказать, что родственными понятиями категории «духовность» являются: «дух», «внутренний мир», «вера», «разум», «совесть», «идеология», «просвещение», «нравственность», «искусство», «ценности», «традиции», «любовь», «душевность», «интеллектуальность», «религиозность».

Разберем этимологию понятия «духовности». Термин «духовность» происходит от слова «дух». «Дух» (лат. – spiritus, греч. – pneuma) означает «движущийся воздух», «дуновение», «дыхание» (как носитель жизни); «душа» как сущность, которая может временно или навсегда покинуть тело; сущность «Бога» («Бог есть дух»); сама жизнь (Гёте: «Ибо жизнь – это любовь, а жизнь жизни – дух») и др. В настоящее время философское понятие «духа» употребляется в качестве противоположности физической природе. «Дух» выступает в трех формах бытия: а) «дух» отдельного индивида («личный дух»); б) «общий дух» («объективный дух»); в) «объективированный дух» (совокупность завершенных творений «духа»). Гегель говорил также об «Абсолютном Духе», независимом от какого бы ни было земного носителя, тождественном с чистым «Божественным духом», рассматриваемым как идеальное целое. В английском языке для обозначения «духа» и «духовности» употребляется термин «spirituality».

П. С. Гуревич отмечает, что понятие «дух» интерпретируется философами в трех значениях: 1) «Божественном» (третье лицо Пресвятой Троицы – «Дух Святой»); 2) онтологическом («Дух» как первооснова мира); 3) психологическом («дух» как выражение определенных психических возможностей и способностей человека, стремления к идеалу) [2, с. 113–114]. Таким образом, понятие «дух» многозначно: 1) «дух» связывают с феноменом «Божественного», запредельного, неземного; 2) светские мыслители отождествляют «дух» с идеалом, со стремлениями человека к совершенству; 3) на базе понятия «дух» разрабатываются программы нравственного совершенствования; 4) «дух» ассоциируется с определенными способностями людей и т. д. Можно предположить, что поскольку существует несколько трактовок понятия «дух», постольку должны формироваться и различные трактовки понятия «духовность».

Родственным понятиям «дух» и «духовность» является термин «душа». «Душа» (греч. psyche, лат. anima) – в обычном словоупотреблении совокупность побуждений сознания (и вместе с тем основа) живого существа, особенно человека; антитеза понятий тела и материи. Философское понятие «души» следующее: «душа» – в отличие от индивидуального «духа» – совокупность тесно связанных с организмом психических явлений, в частности, чувств и стремлений («витальная душа») [7, с. 147]. До Нового времени предметом метафизики был вопрос: является ли «душа» субстанцией? Большинство досократиков рассматривали «душу» как субстанцию и приписывали ей свойства тончайшего вещества. Платон считал «душу» нематериальным образованием, предшествующим существованию любой вещи и человека. Аристотель называл «душу» первой энтелехией жизнеспособного тела, «разумную душу» человека он называл «духом» и считал безмерной. В патристике преобладало понимание «души» как непространственной, нематериальной субстанции. Для И. Канта «душа» являлась предметом внутреннего чувства в его связи с телом, но не субстанцией. Г. Спенсер разработал учение о «душе», назвав его психологией. Для современной психологии «душа» является носительницей бессознательного и выражением тех структурных качеств микрокосмоса, которые сообщают его частям (индивидуальные и специфические) положения, важность и динамику [7, с. 148].

Из понятия «душа» вытекает понятие «душевность». С. К. Бондырева и Д. В. Колесов считают, что «душевность» – это черты психики индивида, в совокупности определяющие качество человечности. Они отождествляют «душевность» с нравственностью, которую тоже расценивают как человечность. Поскольку нравственность связана с добротой, доброжелательностью, способностью к сочувствию и сопереживанию, отзывчивостью, склонностью к сотрудничеству, – то все эти черты являются проявлением «душевности», а не «духовности». Это мнение С. К. Бондыревой и Д. В. Колесова [1, с. 113].

Представитель русской философии всеединства С. Л. Франк считал «духовную» жизнь «высшей и более глубокой формой объективного сознания» [9, с. 791] в отличие от предметного сознания в его обычном понимании. С его точки зрения чувства и желания не входят в предмет «духовной» жизни, которую люди понимают как «душевную» жизнь. С. Л. Франк рассматривал самосознание человека как внутреннее проявление «духовной» жизни.

Таким образом, понятия «дух», душа», «духовность» являются трансцендентными, поскольку означают выход за границы возможного опыта, человеческого сознания. Напомним, что понятие «трансценденция» в онтологическом смысле выражает признание бытия, которое не оказывается объ-

ектом наших представлений и восприятий. Свой «духовный» опыт от древности до наших дней люди выражают с помощью трансценденций. Именно трансценденции («Единое-Благо», «Мировая душа», «Ум-Нус», «Абсолютное-Бог», «София», «дух», «душа» и др.) являются центральными в онтологии трансцендентного космизма, с их помощью раскрывается содержание категории «духовность».

Обобщая представления трансцендентных космистов о «духовности», можно сформулировать следующие определения этого понятия.

Онтологически *«духовность»* *– это философская категория, раскрывающая метафизическое устройство космоса.*

Антропологически *«духовность»* *– это составляющая антропного космологического принципа, позволяющая человеку вида homo sapiens развивать самосознание и способность к интеллектуальной деятельности, овладевать этическими нормами, формировать нравственную личность.*

Метафизически *«духовность»* *– это проявление трансцендентного («Божественного») начала в человеке и космосе («живого духа»), позволяющего человеку быть центром всеединства идеального и материального миров, сознательно трудится над преобразованием не только своей физической, психической и интеллектуальной природы, но и всего космоса.*

С позиций онтологии трансцендентного космизма не бывает «негативной духовности» (как считают С. К. Бондырева и Д. В. Колесов [1, с. 56–113]). «Духовность» как возможность становления и развития человеческой личности изначально заложена в каждом человеческом индивиде, поскольку является онтологическим принципом космоса-системы. Все представители трансцендентного космизма однозначно указывали на то, что «духовность» человека, как проявление в нем «Божественного духа», является неотъемлемым свойством каждого разумного человека, изначально потенциально присутствующим в нем. Смысл человеческой эволюции заключается в проявлении каждым индивидом своего «духовного начала» через познание, самосовершенствование и деятельность на общее благо. Проявляется степень развития «духовности» в личностно-нравственных характеристиках человека, его активной жизненной позиции, направленной на преобразование природы и общества на основе этических норм. Тех людей, которые не следуют нравственно-этическим нормам, называют «духовно-неразвитыми». Тех людей, которые не осознают своего космического статуса и реализуют свои способности исключительно в эгоистически-корыстных целях, а то и во вред обществу, называют «бездуховными».

В онтологии трансцендентного космизма важное место занимает понятие «духовного идеала». Рассуждения о «Богочеловечестве», «новой космической эпохе», «новой Земле и новом Небе» и т. п. были устремлены на необходимость формирования общественного нравственного идеала, исходя из «принципа духовности». Особенно отчетливое выражение представления о нравственном («духовном») идеале нашли в онтологии русского трансцендентного космизма В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева. Не случайно, размышляя на тему значимости «духовно-этического» идеала в русской философии, А. А. Корольков, в частности, подчеркивает: «Сосредоточенность многих русских философов и богословов на высоком смысле понятия Богочеловечества – лишь особая форма все того же видения идеала. У Вл. Соловьева Богочеловечество выражено как Абсолютно-сущее (Христос) и как Абсолютно-становящееся (идеальное состояние человечества, устремленное к совершенству). Если в Христе единение Бога и человека свершилось, то для человека и человечества – это задача будущего преображения, идеал здесь исключительно духовный, ибо всякий материальный идеал, не соединенный с духовным устремлением, способен заворожить прогрессизмом, но опустошает человека и человечество» [3, с. 190].

Из этого следует, что несовершенство личности, общества и всего человечества трансцендентные философы-космисты связывали с отпадением от «духовного идеала», с разъединенностью в человеке «Божественного» («духа», «души») и материального («телесности»), то есть утратой целостности. О целостности человеческой личности размышляли еще Платон, Плотин, Аристотель, Ориген. Например, Платон указывал на то, что реальность человеческой жизни протекает в соответствии с идеями-эйдосами (образцами), среди которых важнейшими являются «духовность» и этические архетипы.

То есть уже античные мыслители расценивали представления о «духовности» в качестве этического идеала, обусловленного свойствами космического бытия (эманацией «Единого-Блага», «Мировой Душой», идеальными эйдосами и др.).

В онтологии русского трансцендентного космизма (В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков) важная роль в формировании «духовности» отводилась религии. Вместе с тем русские трансцендентные космисты, подчеркивая значимость религиозной веры для формирования «духовности», выводили представления о ней за пределы узко-церковных рамок – в социальное русло. Например, Н. А. Бердяев в работе «Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности» указывал на неверное толкование «Священного Писания» относительно понимания «духовности» человека. Размышляя над основными постулатами христианства, он, в частности, отмечал тот факт, что в силу узко-религиозного (церковного) понимания «духовности» вся творческая жизнь человека оказалась секуляризованной, выброшенной во «внедуховную сферу». Он утверждал, что произошло резкое разделение «духовности» на «сакральную» и «профанную», причем лишь «сакральная духовность» признается настоящей, служащей делу спасения. Н. А. Бердяев убежден, что «дух» имеет историю, поэтому существует лишь «вечная духовность», которая может стать «новой духовностью».

Таким образом, трансцендентные философы-космисты искали целостности, синтетического единства всех сторон бытия и движений человеческой «духовности». Из их учений следует, что *основа «духовности» человека заключается в его космическом статусе, заложенном в антропном космологическом принципе, который проявляется в самосознании, нравственности и способности к интеллектуальной деятельности*. Все представители трансцендентного космизма высшим проявлением интеллектуальной деятельности считали философию («духовную философию», этику). Все они размышляли о проявлениях нравственности, пытались сформулировать этические нормы поведения человека.

Литература

1. Бондырева С. К., Колесов Д. В. Духовность (психология, социология, семантика). – М.: МПСИ; Воронеж: НПО МОДЭК, 2007. – 144 с.
2. Гуревич П. С. Этика. – М.: ЮРИТИ-ДАНА, 2006. – 416 с.
3. Корольков А. А. Духовная антропология. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 324 с.
4. Манеров В. Х. Духовность человека как ценность и предмет христианской психологии [Электронный ресурс]. – URL: htpp://www.portal-slovo/ru/pefagogy/380075.php
5. Никулин Д. В. Метафизика и этика. – М.: Греко-лат. кабинет Ю. Шичалина, 2005. – 235 с.
6. Турсунов А. Человек и мироздание: Взгляд науки и религии. – М.: Советская Россия, 1986. – 208 с.
7. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФОРМ, 2002.
8. Философский словарь [Электронный ресурс]. – URL: htpp://www/philosophiydic. ru/duhovnost
9. Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. – 992 с.
10. Духовность [Электронный ресурс]. – URL: htpp://epistemology_of_science.academic.ru/188/
11. Мир словарей [Электронный ресурс]. – URL: htpp://mirslovarei. com/content_ fil/duhovnost-5345.html

Literatura

1. Bondyreva S. K., Kolesov D. V. Duhovnost' (psihologija, sociologija, semantika). – M.: MPSI; Voronezh: NPO MODEK, 2007. – 144 s.
2. Gurevich P. S. Etika. – M.: JuRITI-DANA, 2006. – 416 s.
3. Korol'kov A. A. Duhovnaja antropologija. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005. – 324 s.
4. Manerov V. H. Duhovnost' cheloveka kak cennost' i predmet hristianskoj psihologii [Elektronnyj resurs]. – URL: htpp://www.portal-slovo/ru/pefagogy/380075.php
5. Nikulin D. V. Metafizika i etika. – M.: Greko-lat. kabinet Ju. Shichalina, 2005. – 235 s.
6. Tursunov A. Chelovek i mirozdanie: Vzgljad nauki i religii. – M.: Sovetskaja Rossija, 1986. – 208 s.
7. Filosofskij enciklopedicheskij slovar'. – M.: INFORM, 2002.
8. Filosofskij slovar' [Elektronnyj resurs]. – URL: htpp://www/philosophiydic.ru/duhovnost.
9. Frank S. L. Predmet znanija. Dusha cheloveka. – Minsk: Harvest; M.: AST, 2000. – 992 s.
10. Duhovnost' [Elektronnyj resurs]. – URL: htpp://epistemology_of_science.academic.ru/188/
11. Mir slovarej [Elektronnyj resurs]. – URL: htpp://mirslovarei.com/content_fil/duhovnost-5345.html

УДК 130.122

Е. О. Гаврилов

МИКРО- И МАКРОИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ РЕЛИГИИ: ПРОБЛЕМА КООРДИНАЦИИ

Статья раскрывает особенности существования религии с позиций микро- и макроподходов к исследованию общества. Показано что, каждый подход дает специфическое видение религии как социального явления, но в то же время ведет к одномерному ее восприятию. Ни одно из измерений религии не может быть рассмотрено в качестве доминирующего или репрезентативного. Адекватное описание социального бытия религии может быть дано только при совмещении данных микро- и макроподходов.

Ключевые слова: религия, символ, действие, институт, метанарратив, функция, социальное.

E. O. Gavrilov

MICRO AND MACROMEASUREMENT OF SOCIAL LIFE OF RELIGION: PROBLEM COORDINATION

Article opens features of existence of religion from positions micro and macroapproaches to society research. It is shown that, each of these approaches gives specific vision of religion as social phenomenon, but at the same time conducts to its one-dimensional perception.

So, within microapproach, the religion can be presented as a lasting number of creative acts, continuous generation of new meanings, interpretations, actions. The religion as integrity disappears, breaks up to a set of any actions. In perception and behavior of each believer, it is, eventually, different. Refraction of religious ideas in experience of individuals creates infinite opportunities of its diversification, any declared religious unity is only fiction. In such interpretation, the religious institute, as well as other social structures, appears as a game, improvisation, juggling by the symbols and meanings entirely depending on the situation and a whim of the individual: religious experiences, fears, search of meaning of life, aspiration to domination, self-affirmation, etc. In the sphere of the religious relations the difference between deviation and norm is erased.

Within macroapproach of religion, ability to social domination over individuals, ability to make on them organizing, normalizing influence, ability to fix and support an existing social system is attributed. At macrolevel the religion is considered already as set of stable, rigid social structures and systems of the coordinates which aren't depending on individual will or separate events. It as result of collective activity appears as a mediator of moods of masses, spokesman of social and historical regularities.

The religious canon here acts as a way of reproduction of cultural values, initial bases of morals, means of social integration. The exit out of limits of the established framework is fraught with sanctions of religious or nonreligious character. Thanks to it, a variety of religious life becomes a kind of rather strict opposition of a norm and anomy.

The conclusion is drawn that any of measurements of religion can't be considered as dominating or representing. The adequate description of social life of religion can be given only at combination of data micro and macroapproaches. Idea of an equivalence and correlation of two measurements of social life of religion is as a result formed. Coordination of levels is difficult and can be shown in their complementary interaction or, on the contrary, a mismatch and even opposition. Such ratio is distinctly looked through during the periods of the religious transformations testifying the discrepancy of spiritual needs of individuals to religious traditions of dogmatic interpretation, cult practice and principles of the organization. In turn, religious transformations, at the same time, are the evidence of serious social shifts, emergence of new forms of social life and their subsequent fixing. And the religion owing to the multidimensionality has potential of both, producing and stabilizing the new forms of sociality.

Keywords: religion, symbol, action, institute, metanarrative, function, social.

Сегодня в недрах религии совершаются трансформации, стимулом которых, в частности, является желание субъектов религиозной активности сохранить или занять подобающее место в обществе. Именно поэтому в религиозной жизни осваиваются новые формы социальных трансакций, заполня-

ются те социальные ниши, которые ранее воспринимались как абсолютно светские. Процессы десекуляризации в одних сферах протекают параллельно с процессами секуляризации в других. В этой связи религия все чаще становится объектом пристального внимания специалистов, переосмысления ее роли и назначения в современной культуре. Примечательно, что в рамках дискуссий о перспективах развития общества выражается сомнение в способности религиозных объединений быть полноценными участниками социальных процессов, оспаривается способность религии в условиях техногенной цивилизации выступать в качестве регулятора общественных отношений. Само наличие подобных споров свидетельствует о том, что современному человеку психологически сложно принимать религию в качестве необходимой составляющей повседневной жизни, а зачастую просто этого не хочется.

Это суждение может вызвать возражение, так как на первый взгляд социальное измерение религии представляется достаточно прозрачным. С момента своего формирования она выступает органичной составляющей социума. Поэтому аутентичность трактовки религии естественным образом предполагает изучение её социального измерения, что и является основной задачей нашего исследования.

Сегодня интерпретации социального аспекта религии по своему разнообразию напоминают пеструю мозаику. В определенной степени это объясняется тем, что роль религии как социального явления со временем изменяется, меняя при этом и угол зрения специалистов. Кроме того, неоднозначность интерпретаций ее характеристик обусловлена авторской позицией, либо признающей ее влияние в различных сферах общества, либо, напротив, отрицающей. Также нельзя забывать, что трудности, с которыми сталкивается исследователь социального бытия религии, обусловлены и тем, что само общество оказывается лишенным однозначных очертаний. Диапазон значений социальности как никогда широк. Более того, в радикальных по своему содержанию концептуализациях постмодернизма даже само бытие социального ставится под сомнение.

И все же это не означает полной элиминации понятия общества и его производных из словаря специалистов. Его бытие подобно бытию природных объектов раскрывается в обладающих выраженной специфичностью аспектах микро- и макроизмерений. Проблема координации этих аспектов и является основанием разделения позиций исследователей общества и религии как его важной части. Формирование и распространение комплексного подхода к социальному измерению религии, в котором будут преодолены названные крайности дело будущего. Пока же мы, анализируя социальный статус религии, будем использовать потенциал двух во многом противоположных концепций, берущих свое начало в классических теориях общества и акцентирующих внимание на одном из измерений социального. Дж. Ритцер называет их микро- и макроподходами [12, с. 415–479][23].

Специфика функционирования религии на микроуровне социального раскрывается, согласно П. Бергеру и Т. Лукману, в процедуре «экстернализации» и встречного ему процесса «интернализации» [3, с. 102]. Речь идет о том, что религия находит свое выражение, прежде всего, в накоплении и опредмечивании индивидуально-субъективного опыта. Это сторона и составляет суть экстернализации (от фр. – внешний), то есть процесса социальной объективации этого опыта, его социального «овнешнествления». Те первоначальные интуиции, дающие индивиду убежденность, что *нечто*[24] *есть, в результате объективации сообщают ему убежденность, что нечто* есть в тех явлениях, которые полагаются в качестве репрезентаций объекта религиозной веры. На эти явления транслируется религиозная активность, а сами они выступают в качестве носителей характеристик объекта религиозной веры вплоть до полного отождествления с ним.

Релевантной формой объективации субъективного религиозного опыта выступает знак. Действительно, вся совокупность религиозных явлений, все феноменологическое поле религиозного может

[23] В истории социальных исследований они приобрели известность и под иными именами: субъективизм и объективизм, теории действия и теории структуры, социальный номинализм и социальный реализм, волюнтаризм и детерминизм, индивидуализм и холизм и т. п. Каждая из приведенных пар имеет набор индивидуальных черт. В то же время ряд существенных схожих положений позволяет рассматривать их в качестве синонимов.

[24] То, что принято обозначать понятиями сверхъестественного, сакрального, нуминозного, мистического и т. д.

быть истолковано и понято как знаки, соединяющие субъективное религиозное содержание духовного мира человека с внешним миром. Эти знаки, играющие роль индикаторов субъективного опыта человека и аккумулирующие сакральные смыслы путем их объективации, играют роль символов. Предназначение последних состоит в том, чтобы в лаконичной, часто наглядно-образной форме засвидетельствовать отношение содержания внутреннего духовного мира человека и полагаемых им объективных значений внешнего мира. Так, религиозный символ можно представить, как две половинки единого целого: одна часть – духовный план личности, вторая – материальная форма его выражения.

Именно экстернализация религиозных смыслов выводит на передний план так называемых «религиозных виртуозов» и «харизматических лидеров» (М. Вебер), медиумов и пророков, интенсивно продуцирующих сакральные символы синтез субъективного и объективированного, духовного и вещественного. Репрезентантами религиозных значений может быть все что угодно. Ими становятся феномены, непосредственно продуцируемые в качестве средств выражения религиозного опыта: молитва, камлание, каноническое религиозное изображение, религиозное сооружение. В этот круг вовлекаются явления живой и неживой природы, полагаемые в качестве объектов религиозной веры: метеорологические явления, животные, светила, явления магнетизма и т. д. Религиозным значением могут наделяться также предметы и события повседневной жизни, не полагаемые изначально в качестве знаков сверхъестественного: рождение, случайно разбитая посуда, застолье, пение, труд, болезнь, чрезвычайное происшествие – все это может быть воспринято как выражение религиозного смысла. Интенсивное творчество в сфере трансляции религиозных смыслов встречается и в наши дни. Так, отечественные СМИ в сентябре 2013 года отметили возникновение в Челябинске «религиозной группы… приверженцев культа чебаркульского метеорита» [1].

Вторая же сторона процесса функционирования религии на микроуровне выявляется в соотнесенности религиозного опыта индивида с религиозным опытом окружающих. Этот аспект фиксирует понятие социального действия, то есть такого действия, которое, согласно М. Веберу, по смыслу соотносится с действиями других людей и ориентируется на них [5, с. 602–603]. Нечто, явленное одним человеком и воспринятое другим, допустимо рассматривать как репрезентацию социального. Социальный аспект религии обнаруживается в том, что она выступает в качестве необходимого элемента духовного мира отдельного человека и одновременно в качестве связующего звена с другими людьми. Это свойство религии проявляется в интернализации (от лат. внутренний), «посредством которой объективированный социальный мир переводится в сознание в ходе социализации» [3, с. 102]. Способность символа быть средством соотнесения субъективно полагаемых значений объекта веры и таким образом превращающего субъективное в интерсубъективное, оказывается чуть ли не более важной, чем обеспечение им объективации и опосредования религиозного опыта.

Символы транслируют содержание субъективного опыта в плоскость контакта и взаимодействия с другими индивидами. Данный контакт оказывается возможным на основе более или менее сознательно принимаемых соглашений (конвенций), относительно полагаемого предмета взаимодействия. Так, например, ношение амулета, независимо от того демонстрируется он или нет, становится социальным действием, а это значит, что оно выражает определенную ориентацию (положение) человека в социуме: его социальную роль (например, шамана), движущие им мотивации и интенции (например, стремление защититься), его принадлежность к той или иной группе (например, клану). Одновременно с этим данное действие становится свидетельством принятого в данном обществе соглашения относительно используемой формы выражения того или иного религиозного содержания. Соответственно, предмет, используемый в качестве амулета, воспринимается окружающими не как простое украшение, а как «приемопередатчик» особых «энергий». Аналогичным образом формируется понимание, что человек варит зелье, а не суп, молится, а не читает стихи, совершает ритуал, а не пляшет и т. п.

Можно констатировать, что микроуровень социального бытия религии, раскрывающийся в акте социального действия представляет собой процесс о-значения, или, выражаясь словами П. Бергера и Т. Лукмана, процесс «сигнификации» или, если пользоваться энциклопедическим определением про-

цесс «референции» [3, с. 115]. По мнению этих авторов, все знаки являются объективациями, а все объективации используются как знаки, даже если при их создании такого намерения не было: повседневная жизнь «не просто полна объективаций, она возможна лишь благодаря им» [3, с. 62].

Для нас означение предполагает, во-первых, что продуцируемые религиозные смыслы находят адекватные формы своего выражения в системах символов, которые образуют специфический язык религии, выделяющий ее из других явлений. Во-вторых, закономерное в ходе сигнификации формирование конвенций подразумевает, что эти символы и заключенные в них смыслы аутентично воспринимаются и усваиваются другим. Фактически речь идет о специфическом языке религии как комплексе значений (символов), в которых задается своеобразие бытия объекта религиозной веры, происходит разграничение сакрального и профанного, обосновывается необходимость взаимодействия со сверхъестественным, вырабатываются поведенческие стереотипы, учитывающие наличие этого сверхъестественного.

Любопытное сравнение двух семантических полей – религиозного и нерелигиозного – предлагают те же самые П. Бергер и Т. Лукман. Они замечают, что одна и та же картина психической патологии будет интерпретироваться совершенно иначе в деревнях Гаити, где имеет широкое распространение культ Вуду, и в среде «среднего класса еврейских интеллектуалов Нью-Йорка», получающих консультацию психоаналитика. В первом случае наиболее адекватной будет трактовка болезни как следствия одержимости демонами, а во втором – как результат вытесненных в бессознательное психотравмирующих паттернов. «Ни боги Вуду, ни либидонозная энергия не могут существовать за пределами мира, определяемого соответствующим социальным контекстом. Но в таком контексте они существуют благодаря социальному определению и интернализируются как реальности по ходу социализации. Сельские жители Гаити одержимы, интеллектуалы Нью-Йорка невротичны. Одержимость и невроз являются составляющими элементами как объективной, так и субъективной реальности в таких контекстах», – отмечают авторы [3, с. 284].

Следует отметить, что специалисты, постулирующие примат микроизмерения социального, сталкиваются с определенными методологическими трудностями. С одной стороны, для них продуцирование знаков, наполнение их смыслом и формирование на этой основе ситуаций взаимодействия носят во многом спонтанный, вероятностный характер. С другой стороны, они замечают, что одни и те же формы общественной жизни воспроизводятся с завидной регулярностью и в результате приобретают как бы надсубъективные качества. Попытка объяснить их существование, не отходя от принятой релятивистской методологии, приводит сторонников микроподхода к моделированию особых конструкций: «Обобщенный Другой» (Дж. Мид), «зеркальное Я» (Ч. Кули), «рутинизированная харизма» (М. Вебер), «социализация» и «институционализация» (П. Бергер и Т. Лукман).

Но все эти модели так и не приобретают в теориях перечисленных авторов статуса объективных социальных феноменов, существующих вне и помимо субъекта. Так, представители символического интеракционизма объясняют рождение стандартов социального поведения тем, что индивиды сами вырабатывают единые способы разрешения возникающих жизненных ситуаций. Однако нет никаких гарантий, что в следующий раз один усвоенный образ действий не будет заменен другим [8, с. 271]. Другими словами, любые принципы, нормы, роли и прочие манифестации «универсалий» в рамках микроподхода воспринимаются в большей или меньшей степени как своего рода условность.

Экстраполируя выводы сторонников микроподхода на религию, можно представить ее как длящийся ряд творческих актов, непрерывную генерацию новых смыслов, интерпретаций, действий. Религия как целостность исчезает, распадается на множество произвольных действий. В восприятии и поведении каждого верующего она, в конечном счете, разная. Преломление религиозных идей в опыте индивидов создает бесконечные возможности ее диверсификации, любое декларируемое религиозное единство лишь фикция. В такой интерпретации институт религии, как и другие социальные структуры, предстает как игра, импровизация, жонглирование символами и смыслами, целиком зависящими

от ситуации и прихоти индивида: религиозных переживаний, страхов, поиска смысла жизни, стремления к доминированию, самоутверждению и т. п. В сфере религиозных отношений стирается разница между девиацией и нормой. Девиация, например, ересь здесь следствие «наклеивания ярлыков» (Г. Беккер) [2, с. 145], «результат коллективного определения» (Г. Блумер) [4, с. 153].

В теориях макроподхода трактовка этих факторов социального творчества и воспроизводства поведения субъектов совершенно иная. Его представители часто используют те же категории актор, действие, символ, норма, ценность что применялись в рамках исследования микроуровня социальности. Но приспосабливая эти понятия, имеющие как субъективные так и интерсубъективные коннотации, они расставляют собственные акценты. В результате социальные явления, в том числе и религия, приобретают иной, нежели в микротеориях, вид. Так, Э. Дюркгейм, рассматривая ее как заметный элемент социальных связей или как, по его выражению, «социальный факт», пишет: «Верующий при рождении своем находит уже готовыми верования и обряды своей религии; если они существовали до него, то, значит, они существуют вне его» [7, с. 412, 421].

В интерпретациях макроуровня социального бытия религии обращают на себя внимание два аспекта. Во-первых, ее существование в качестве институционализированной системы (Т. Парсонс), или, иначе, института (Э. Дюркгейм), объективного по отношению к индивиду и обладающему в силу этого внешне принудительным характером. И, во-вторых, влияние, которое она оказывает на другие социальные институты. Институционализация представляет, согласно Т. Парсонсу, «формирование социальных взаимоотношений через приобщение к нормативным компонентам культуры, которые уже прямо становятся структурными частями исходной социальной системы» [10]. При таком подходе явления, которые в микроисследованиях рассматриваются только как абстракции или удобные для теоретических обобщений фикции, становятся жесткими, объективно существующими структурами. Социальное ли это действие, социальная роль, социальный статус или социальная функция, так или иначе, все они выступают в качестве строго соподчиненных элементов иерархически упорядоченной социальной системы, где диапазон возможных действий индивида задается объективными, неподконтрольными ему параметрами. «Ценностные эталоны, – пишет Т. Парсонс, – …под действием ролевого механизма, в сочетании с другими элементами организуют поведение взрослых членов общества. В процессе социализации они… обеспечивают становление структуры нового взрослого члена общества, оформляя пластичность детской личности» [11, с. 453–454].

Конечно, в рамках макроподхода индивидуальное, также как и надындивидуальное, не обделено вниманием специалистов. Зачастую эти уровни социальности даже не противопоставляются друг другу, а связываются в рамках единой теоретический модели, правда, через отношение подчинения. Для макроуровневых теорий за признанием некоторой свободы в действиях индивида всегда следует презюмирование их детерминированности объективными факторами. Религия выступает объективной силой благодаря своим социальным функциям, реализующимся в системе непреложных правил и управленческих бюрократизированных структур. Так, согласно Э. Дюркгейму, она обеспечивает социальное единство, по мнению З. Фрейда, – препятствует инцесту, с позиции К. Маркса, – закрепляет определенную социальную и политическую иерархию, в представлениях Т. Парсонса, – осуществляет репродуцирование социальной структуры, образцов поведения и т. п.

Независимо от нюансов образа религии, сложившегося в представлении конкретных специалистов, ей приписываются способности доминировать над индивидами, оказывать на их поведение организующее воздействие, закреплять и поддерживать существующий социальный строй. Если в рамках микроподхода постулируется понимание религии как результата индивидуальной активности, в значительной степени обусловленной обстоятельствами конкретной жизненной ситуации и внутренних побуждений субъекта, то на макроуровне религия рассматривается уже в качестве совокупности стабильных, жестких социальных структур и систем координат, не зависящих от индивидуальной воли или отдельных событий. Она как результат коллективной деятельности предстает в качестве медиатора умонастроений масс, выразителя социальных и исторических закономерностей.

В соответствии с этими методологическими установками мы можем иначе, чем в рамках микроуровнего подхода, истолковать роль «религиозных виртуозов», языка религии и объекта веры. Религиозный лидер здесь не столько творец религиозных смыслов, сколько их ретранслятор. Будучи представителем той или иной общности, он чутко улавливает ее интересы, облекает их в смысловые сакральные формы и выражает с помощью эффективных средств коммуникации. Фигура пророка, гуру, религиозного вождя отступает на второй план перед объективной системой социальных факторов: социальными отношениями, социальными функциями, социальным порядком и т. п.

Тот язык, который на микроуровне рассматривается как средство выражения личностно-субъективного религиозного смысла, на макроуровне уже представляет собой некий устойчивый надындивидуальный комплекс, связный текст, задающий способы и рамки интерпретации явлений, обосновывающий социальную иерархию и систему ценностей, регламентирующий повседневную жизнь. Язык здесь придает религии способность к уточнению, легитимации и закреплению определенного порядка действий, отношения социальных ролей и статусов, способов коммуникаций. В конечном счете, речь может идти о функционировании религии в качестве «метанарратива», как его понимал Ж.-Ф. Лиотар [9], то есть в виде универсального языка описания действительности, системы культурных форм и моделей поведения, жестко упорядоченных в соответствии с онтологизированной иерархией смыслов.

В макроуровневом аспекте объект религиозной веры выполняет конституирующую роль по отношению ко всей системе социальных связей, что обеспечивается наличием доктринального единства. Конечно, институционализация не приводит к образованию раз и навсегда определенных форм. Вариативность религиозной активности индивидов сохраняется. Но если на микроуровне в трактовке объекта религиозной веры ярко проявляет себя творческое начало, то на макроуровне особое значение приобретают процессы стабилизации и закрепления определенного порядка действий, унификация трактовок сакральных смыслов, единые формы религиозной самопрезентации и коммуникации. Здесь возможные варианты взаимодействия индивидов как бы предзаданы сложившимися характеристиками системы, пронизывающей и скрепляющей общество в упорядоченную целостность. Религиозный канон выступает в качестве способа воспроизводства культурных ценностей, исходных основ морали, средства социальной интеграции. Выход за пределы установленных рамок оказывается чреват санкциями религиозного или нерелигиозного характера. Благодаря этому разнообразие религиозной жизни принимает вид достаточно строгой оппозиции нормы и аномии, ортодоксии и гетеродоксии, фундаментализма и модернизма и т. п.

Возможно, что в момент своего зарождения религия не имела всей полноты черт макрообъекта. Может быть, некоторое время она существовала всего лишь как элемент мышления и деятельности первобытного человека, была эпифеноменом широкого круга прагматических жизненных целей. Этим можно объяснить встречающееся у примитивных народов достаточно небрежное отношение к тому, что может быть обозначено как предмет культа. Так, Э. Эванс-Притчард пишет, что святилища племени азанде используются для помещения даров во время церемоний «но когда они… не используются по прямому ритуальному назначению, азанде находят весьма удобным прислонять к ним копья или же вообще не обращают на храмы никакого внимания» [14, с. 69–70].

В то же время, являясь результатом выражения развития внутренних качеств человека, религия никогда не была только субъективным психологическим явлением. Поэтому можно предположить, что и в самом начале своего развития она являлась одной из форм выражения правил архаичного общества, то есть выступала как надындивидуальное начало. Со временем религия обретает необходимую комплексность, целостность и самостоятельность именно в статусе общественного института. Тот социальный аспект религии, который на микроуровне выражает себя в индивидуальном акте (действии), на макроуровне социальности проявляется в виде устойчивых порядков поведения, оформленных социальных структур, где религиозное и нерелигиозное образуют выраженную соотнесенность. Охотничьи ритуалы связаны с добычей пропитания, сакрализацией власти фиксируются отношения

господства и подчинения, освящением брака закрепляется форма семейных отношений. Такие социальные институты как государство, семья, собственность, образование, наука и многие другие появляются и развиваются не помимо религии, а при её активном участии.

Итак, рассмотренные выше подходы к определению социального статуса религии постулируют доминантное влияние одного уровня на другой. В этом их одномерность и ограниченность. Современная социальная теория более чем когда-либо нацелена на осмысление и преодоление этих крайностей. В неклассических социальных теориях XX века общество рассматривается уже как многомерное явление, чьи характеристики не могут быть редуцированы до одного элемента, среза или уровня. Авторы этих теорий довольно явно артикулируют отказ от абсолютизации каких бы то ни было репрезентаций социальности, демонстрируют интенцию на конструирование интегральной социальной теории, органично синтезирующей в себе весь спектр исследовательских подходов, которые ранее воспринимались как противоположные и, следовательно, малосовместимые.

Однако методологический потенциал микро- и макро подхода, в том числе и применительно к изучению религии далеко не исчерпан. По своему продуктивным оказывается рассмотрение индивида как автономного источника и носителя религиозности. Имеет перспективы и исследование религии как феномена предшествующего любому субъективному опыту, а активность верующего как выражение социальной функции. Эвристичность этих исследовательских позиций возрастет, если мы начинаем рассматривать оба измерения социальности как равнозначные, соотносимые факторы религиозной жизни.

Координация уровней сложна и может проявляться в их комплементарном взаимодействии или, наоборот, рассогласовании и даже противопоставлении. Такое соотношение отчетливо просматривается в периоды религиозных трансформаций, свидетельствующих о несоответствии духовных запросов индивидов религиозным традициям догматического толкования, культовой практики и принципам организации. В свою очередь религиозные трансформации есть одновременно свидетельство серьезных социальных сдвигов, появления новых форм социальной жизни и их последующего закрепления. Причем религия в силу своей многомерности имеет потенциал как продуцирования, так и стабилизации новых форм социальности.

Литература

1. Аверьянова Л. Церковь лежащего метеоритного осколка [Электронный ресурс] // Лента.Ру. – URL: http://lenta.ru/articles/2013/09/17/meteorit/ (дата обращения: 28.11.13).
2. Беккер Г. Девиантность как следствие «наклеивания ярлыков» // Контексты современности – II: хрестоматия. – 2-е изд., перераб. и доп. / сост. и ред. С. А. Ерофеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – С. 145–150.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
4. Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение // Контексты современности – II: хрестоматия. – 2-е изд., перераб. и доп. / сост. и ред. С. А. Ерофеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – С. 150–160.
5. Вебер М. Основные социологические понятия // Избр. произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 602–639.
6. Гаврилов Е. О. В поисках методологических оснований изучения религии // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 25. – С. 97–104.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. и послесл. Л. Б. Гофмана. – М.: Наука, 1990. – 575 с.
8. Коллинз Р. Четыре социологических традиции / пер. Вадима Россмана. – М.: Территория будущего, 2009. – 320 с.
9. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. – М.: Ин-т эксперимент. социологии. – СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
10. Парсонс Т. Система современных обществ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gtmarket.ru/laboratory/basis/5395/5403 (дата обращения: 28.11.13).
11. Парсонс Т. О структуре социального действия. – Изд. 2-е. – М.: Академ. Проект, 2002. – 880 с.
12. Ритцер Дж. Современные социологические теории. – 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 688 с.
13. Шейкин А. Г. Означение (референция) // Культурология. XX век: энцикл.: в 2 т. / гл. ред. и авт. проекта С. Я. Левит. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2007. – Т. 2. – С. 115.
14. Эванс-Притчард Э. Теории примитивной религии. – М.: ОГИ, 2004. – 142 с.

Literatura

1. Aver'janova L. Cerkov' lezhashchego meteoritnogo oskolka [Elektronnyi resurs] // Lenta.Ru. – URL: http://lenta.ru/articles/2013/09/17/meteorit/ (data obrashchenija: 28.11.13).
2. Bekker G. Deviantnost' kak sledstvie «nakleivanija jarlykov» // Konteksty sovremennosti – II: hrestomatija. – 2-e izd., pererab. i dop. / sost. i red. S. A. Erofeev. – Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2001. – S. 145–150.
3. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znanija. – M.: Medium, 1995. – 323 s.
4. Blumer G. Social'nye problemy kak kollektivnoe povedenie // Konteksty sovremennosti – II: hrestomatija. – 2-e izd., pererab. i dop. / sost. i red. S. A. Erofeev. – Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2001. – S. 150–160.
5. Veber M. Osnovnye sociologicheskie ponjatija // Izbr. proizvedenija. – M.: Progress, 1990. – S. 602–639.
6. Gavrilov E. O. V poiskah metodologicheskih osnovanij izuchenija religii // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul'tury i iskusstv. – 2013. – № 25. – S. 97–104.
7. Djurkgejm E. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sociologii / per. s fr. i poslesl. L. B. Gofmana. – M.: Nauka, 1990. – 575 s.
8. Kollinz R. Chetyre sociologicheskih tradicii / per. Vadima Rossmana. – M.: Territorija budushchego, 2009. – 320 s.
9. Liotar Zh.-F. Sostojanie postmoderna / per. s fr. N. A. Shmatko. – M.: In-t eksperiment. sociologii. – SPb.: Aletejja, 1998. – 160 s.
10. Parsons T. Sistema sovremennyh obshchestv [Elektronnyi resurs]. – URL: http://www.gtmarket.ru/laboratory/basis/5395/5403 (data obrashchenija: 28.11.13).
11. Parsons T. O strukture social'nogo dejstvija. – Izd. 2-e. – M.: Akadem. Proekt, 2002. – 880 s.
12. Ritcer Dzh. Sovremennye sociologicheskie teorii. – 5-e izd. – SPb.: Piter, 2002. – 688 s.
13. Shejkin A. G. Oznachenie (referencija) // Kul'turologija. XX vek: encikl.: v 2 t. / gl. red. i avt. proekta S. Ja. Levit. – M.: Ros. polit. encikl. (ROSSPEN), 2007. – T. 2. – S. 115.
14. Evans-Pritchard E. Teorii primitivnoj religii. – M.: OGI, 2004. – 142 s.

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

УДК 8

Иванова Неля Стефанова

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ КОНЦЕПТА «УСПЕХ» В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Успех является достижением желаемого и результатом целенаправленных усилий человека. Успех – это потребность, благо, жизненная стратегия и философия, счастье и удовлетворение жизнью.

Метафорические представления о таком абстрактном понятии, как концепт «успех», в болгарском языке имеют пространственную образность. Успех «занимает» определенное положение в пространстве, «движется» в конкретном направлении, как в горизонтальном, так и в вертикальном. В статье приводятся примеры наиболее употребительных пространственных метафор концепта «успех» в болгарском языке: дороги, движения вперед, лестницы, вершины, полета ввысь, прыжка, правильного средства передвижения, координатной системы точки отсчета, начальной точки и др.

Ключевые слова: концепт «успех», пространственные метафоры, болгарский язык.

Ivanova Nelly Stefanova

SPACE IMAGES OF THE CONCEPT “SUCCESS” IN THE BULGARIAN LANGUAGE

Success is the achievement of the desired goal and the result of deliberate human effort. Success is need, good life strategy and philosophy, happiness and life satisfaction. Metaphorical representation of such an abstract concept as the concept of “success” in the Bulgarian language have a spatial imagery. Success “has” definite position in space, “move” in a particular direction in both horizontal and vertical space.

The article gives examples of the most common spatial metaphors of the concept of “success” in Bulgarian: the road forward, stairs, tops, flying up, jump, use right vehicle, the coordinate system of the reference point, the starting point, etc.

Keywords: success, spatial images, Bulgarian.

ПРОСТРАНСТВЕНИ ОБРАЗИ НА КОНЦЕПТА “УСПЕХ” В БЪЛГАРСКИЯ ЕЗИК

Успехът е постижението на някаква желана цел и резултат чрез целенасочените усилия на човека. И заедно с това успехът е потребност, благо, жизнена стратегия и философия, щастие и удовлетвореност от живота. За всички тези негови същности ни разказва езикът – така, както хората, които го говорят, са ги почувствали, разбрали, осмислили. В центъра на настоящото изследване е метафоричната представа за успеха на българите.

Най-вероятно поради унаследения динамичен компонент в семантиката на ключовата дума, чрез концепта “успех” на първо място се реализира ***представата за път и за движение***.

За да успее, човек трябва да се движи: ***да намери пътя, да върви по правилния път, да върви в правилната посока, да прави крачки напред, да не отстъпва назад, да излезе на правия път, да не кривва от правия път, да излиза на широкия път (друм), да търси пряк път (пътека), да стига напред, надалече по пътя, да си пробива път напред*** [2].

Неуспехът’ е крачка назад, *излизане от пътя, от правия път, кривване от пътя*, а безизходицата, липсата на напредък – ***стигане до сляпа улица, задънена улица.***

Без движение успехът се оказва невъзможен:

*"Трябва да се **движиш,** трябва да пробваш много неща и да специализираш едно"* [3, с. 65].

*В учението не **отиде (твърде) надалеч, не напредна много".***

*"Да имаш **ясна посока** ли е **пътят към успеха**?"* [3, с. 141].

*"Без упоритост Вие няма да **излезете на широкия друм, няма да си пробиете път"*** [2].

*"Това, което един успешен човек разбира, е, че успехът **никога не е само една крачка**. Той е **много крачки** и всеки иска, като **мине 1 крачка**, да има малка поддръжка. ... в такъв смисъл донякъде успокоително е, че успехът никога не е занимание самотно, затова трябва да си помагаме повече"* [3, с. 43].

Линейното движение напред към успеха нарушава законите на физиката: вървейки към определена точка в пространството, човек метафорично се «издига» (променя своя статут в обществото):

*"Ето това е проблем. Не може постоянно да се атакува всичко и всички. Ако някой направи нещо в България, винаги се измисля, че той е постигнал това било чрез връзки, било чрез кражби ... просто съм **извървяла своя път нагоре,** с всички препятствия и болки по него и съм благодарна за това на съдбата"* [3, с. 203].

Образът, който често се асоциира с постигането като вертикално движение нагоре, при което се преодоляват препятствия, е ***образът на стълбата и стъпалата*** (предимно в кариерата):

"Но как може някой на най-долното стъпало да бъде лидер?" (интервю, интернет-ресурс).

*"Те (тази компания) ти дават шанс всяка година да се **изкачваш едно стъпало нагоре" (интервю, интернет-ресурс).***

***"Изкачването* на по-горно *стъпало** в кариерата* води до истински екстаз. Втора дивизия е **най-високото *стъпало, до което* мога да достигна**" *(Интервю с Р. Моу: (част I), интернет-ресурс).*

*Когато правиш нещата правилно, отговорът на въпроса как **да се изкачиш по кариерната стълба** ще дойде лесно. Работи усърдно и давай резултати над очакваното и скоро ще започнеш **да се движиш нагоре**" (интервю, интернет-ресурс).*

***"Асансьор до успеха няма.** Налага се **да използваме стълбата"** (В. Генова, есе, интернет-ресурс).*

В литературата около този пространствен образ се изграждат различни сюжети. В българската литература имаме мъдрото произведение на Хр. Смирненски "Приказка за стълбата", представящо моралните измерения на постигането и успеха.

Различни превозни средства придвижват човека напред по неговия път към успеха: българите хващат **правилния влак** *(англичаните –* **правилния автобус***, или* **лодка***, ако съдим по това, какво казват при неуспех. Последният израз внася национален колорит в речта, имайки предвид географското разположение на страната – островна държава). За руснаците – средството е* **влакът (***"***Ваш поезд ушел***, так заявили мне в администрации города", интернет-ресурс).*

"*Когато **не се качиш на правилния влак**, след това всички спирки са грешни"* [3, с. 72].

Образът на водната стихия е представен с приливи и отливи, а ***вълната на успеха***, (която може да се стовари с цялата си сила върху някого, в руския: волна **накатила, захлестнула схлынула***)*, може и да бъде "хваната", "насочвана", "управлявана", според следните примери:

"Настройте детето на ***вълната на успеха***" (интернет-ресурс).

"Нисан" отново на ***вълната на успеха*** (в-к "Монитор", 09.06. 2007).

Американската автомобилна индустрия отново ***яхва вълната на успеха*** (i-news.bg).

Движението към дъното, потъването се асоциира с ***провал, неуспех, фалит***:

*Българският театър никога няма **да потъне** (И. Константинов, "Монитор", 06.04.2013).*

Неуспехът се асоциира с вертикалното движение надолу, с движение по улица без изход, със загуба на посоката на движение:

*БФБ не **стигна доникъде** през тази седмица (Дарик радио, 02.12. 2011).*

Естествената позиция на човешкото тяло в пространството също бива представяна като ориентир на достижението:

*"За да имаме успех, всеки трябва да **е на мястото си***" [3, с. 190].

Постигайки целта си, човекът изкачва, покорява ***върхове,*** а не успявайки, се проваля в ***пропаст.*** Човекът ***на върха*** е успелият човек. Постигането на тази висока позиция може да бъде сравнено дори с изкачването на Еверест:

"За мен успехът е да бъдеш щастлив. Това е ултимативната цел за всеки човек, независимо как тя се прагматизира конкретно. За едни щастието означава власт, за други – пари, за трети – да имат добро семейство. Или да ***изкачат Еверест****. Става дума за различна индивидуална формула, но вярвам, че* ***пътят и*** *стремежът към щастието и постигането му в определени моменти прави живота успешен и пълноценен"* [3, с. 154].

Но височината, която реално е преодоляна, може впоследствие да бъде преценена като доста скромна:

"Всеки ***връх*** *е голям успех – аз знаех това! Започнах да се изкачвам. Едва на върха разбрах, че всъщност това е* ***обикновен камък****, а аз съм един обикновен охлюв, който през цялото време е пълзял. А ми беше толкова трудно!" (в-к "24 часа", 27.06.2012).*

Високата позиция е резултат от ***полет нависоко***, а провалът – ***падане от високо:***

Българският отбор няма намерение да спира ***полета си*** (бг спорт). *Защо се* ***сгромоляса*** *кабинетът на Борисов? (в-к «Сега», 22.02.2013).*

Препятствията (пропастта, дъното) могат да бъдат преодоляни със скок:

България е ***на дъното****. ... Електронното правителство е пътят да направим един много голям* ***скок*** *(в-к «Сега», 30.11.2012).*

Кариерната стълба също може да бъде изкачена със скокове:

"За мен удовлетвореността не е в това да ***подскачаш по служебната йерархия*** *и да взимаш по-висока заплата, а от това какво си направил за обществото"* [3, с. 154].

Пространствената ситуираност на успеха се представя и чрез математически термини (***точка, ос, траектория, координатна система***):

"Любовта като ***отправна точка на успеха****" (розали, интернет-ресурс).*

Пространствени асоциации има в следните определения за успеха: ***повърхностен успех****,* ***вътрешен, външен:***

Но Благодумов не се благодареше на тоя ***повърхностен успех****, дължим само на теоретически охулвания министерството и на ловките игрословия и присмехулства въз консерваторите: като практически човек той искаше да ги убие в мнението на избирателите си чрез хитро експлоатиране техните лични недоволства или случките из техния ежедневен живот, затова, като гълчеше с Гурка, когото неусетно пак тури на коляното си, той внимателно даваше ухо на разговорите, за са се възползува от първия повод да употреби новата си тактика. Тоя повод скоро му се даде – от друго място (Ив. Вазов, «Нова земя).*

По отношение на концептуализацията на успеха ***във вертикалното и хоризонталното пространство*** могат бъдат направени съпоставки между българския и английския език.

Според нас, в британската езикова картина концептуализацията на пространството по ***вертикална координата*** е много съществено. Интересен е следният паралел. Ние казваме: '***търся навсякъде' ("надлъж и нашир»„ под дърво и камък), 'живея нашироко'***, а англичаните, съответно: '***to search high and low',' to live high'.***

Този кратък обзор на метафоричните представи за успеха в българския език ни убеждава, че образът на успеха «има» пространствени измерения: той "заема" определено положение в пространството и се "движи" в конкретна посока както в хоризонталното, така и във вертикалното пространство.

Предприетият анализ, макар и в много конкретен ракурс, позволява да се види картината на света в езика, да се получи чрез езика определена представа за неговите носители. Той очертава актуален подход на съвременната лингвистика, съответстващ на антропоцентричната ѝ парадигма.

Литература

1. Андриенко А. А. Концепт «успех» в американской и русской культуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д., 2009.

2. Влахов С., Георгиева А., Гочев Г., Гочева С., Превиш-Квинто Е. И., Томева Т., Шкодрова Д. Руско-български тематичен речник на фразелогизмите = Русско-болгарский тематический словарь фразеологизмов. – В. Търново, 1994. – 272 с.
3. Георгиев А., Стайков Г., Спахийски Е. Моделът на успеха 22. Или как да успяваш в България. Училище за успех. – София, 2012.
4. Иванова Н. Ценностните аспекти на разбирането. Концептът "успех" в българската, руската и британската речева практика. – Бургас: Либра Скорп, 2012.

Literatura

1. Andrienko A. A. Koncept "uspeh" v amerikanskoj i russkoj kul'ture: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Rostov n/D., 2009.
2. Vlahov S., Georgieva A., Gochev G., Gocheva S., Prevish-Kvinto E. I., Tomeva T., Shkodrova D. Rusko-bŭlgarski tematichen rechnik na frazelogizmite = Russko-bolgarskij tematicheskij slovar' frazeologizmov. – V. Tŭrnovo, 1994. – 272 s.
3. Georgiev A., Stajkov G., Spahijski E. Modelŭt na uspeha 22. Ili kak da uspjavash v Bŭlgarija. Uchilishche za uspeh. – Sofija, 2012.
4. Ivanova N. Cennostnite aspekti na razbiraneto. Konceptŭt "uspeh" v bŭlgarskata, ruskata i britanskata recheva praktika. – Burgas: Libra Skorp, 2012.

УДК 8

Дюлгерова Кремена Каменова

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ОПИСАНИИ ВНЕШНЕГО ВИДА ЧЕЛОВЕКА В БОЛГАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются болгарские и русские словосочетания, которые описывают внешний вид человека на основе сравнений. Выбор этой темы для анализа определяется нашим интересом к вопросам словесных ассоциативных реакций людей, относящихся к специфическим проявлениям языка и культуры ввиду своей устойчивости, образности, воспроизводимости. В статье мы следуем тем положениям современных лингвистов (Ю. Апресяна, В. Масловой и др.), которые рассматривают концептуальные и языковые картины как содержащие оценки людей в качестве такой же реальности, как и отражаемые объекты. Оценки людей, содержащиеся во фразеологических словосочетаниях, имеют неповторимый колорит, так как выражают чувства говорящих и их стремление к образной речи. Фразеологизмы несут культурную информацию о данном народе.

В нашем исследовании мы рассматриваем соматизмы, называющие разные части человеческого тела, в составе фразеологических единиц в болгарском и русском языках и сосредоточиваем свое внимание на тех из них, которые характеризуют внешний вид человека, его глаза, тело, голос, губы, зубы, руки, лицо, нос, фигуру. Качественное описание представляем на основе характеристик «*приятный как*», «*красивый как*». Отмеченную большую частотность этих словосочетаний мы связываем с их ролью в качестве яркого номинативного и образного средства.

Ключевые слова: соматические характеристики, фразеологические словосочетания, семантические параллели, языковая картина мира.

Dyulgerova Kremena Kamenova

BULGARIAN AND RUSSIAN SEMANTIC PARALLELS OF VERBAL PHRASES DESCRIBING THE MAN'S APPEARANCE ON THE BASIS OF COMPARISON

The article examines Bulgarian and Russian phrases that describe the appearance of man on the basis of comparison. The choice of this topic for analysis is determined by our interest in the issues of verbal associative reactions of people, which refer to specific manifestations of language and culture, as they are resistant, imaging, reproducible.

The article follows the theses of some modern linguists, who examine the conceptual and linguistic pictures as containing the evaluations of the people as such reality as reflected objects.

The evaluations of the people contained in the phraseological collocations have unique colors, expressing the feelings of the speakers and their aspirations towards imaginative speech.

Idioms carry cultural information about the specific nation. In our study, we consider verbal expressions with somatic referents, referring to different parts of the human body, in the composition of the phraseological units of Bulgarian and Russian language, and we focus on those that characterize the appearance of the man, his eyes, body, voice, lips, teeth, hands, face, nose, figure. The qualitative description we present on the basis of the characteristics of "as nice as", "as beautiful as". The noted higher frequency of these phrases we associate with their role as a bright nominative and imaging agent.

Keywords: somatic features, phraseological idioms, semantic parallels, language world.

СЕМАНТИЧНИ ПАРАЛЕЛИ В ОПИСАНИЕТО НА ВЪНШНИЯ ВИД НА ЧОВЕКА ЧРЕЗ СРАВНЕНИЯ (ВЪРХУ МАТЕРИАЛ ОТ БЪЛГАРСКИ И РУСКИ ЕЗИК)

В съвременната психолингвистика най-често предмет на изучаване са някои проявления на спецификата на езика и културата у изследваните лица върху материал от словесни асоциативни експерименти. Избрах точно фразеологизмите, понеже представляват интерес за мен, а и в периода на моето следване изучавам подобни дисциплини, което провокира у мен голям интерес.

"Всяка цивилизация, всяка социална система се характеризира със своя специфичен начин на възприемане на света" [6, с. 46]. "Оттук следва, че манталитетът на всяко лингвокултурно общество е обусловен в значителна степен от неговата концептосфера, в която са репрезентирани виждането му на света и отношенията на неговите членове», – пише Н. С. Иванова [6, с. 44]. Според Ю. Д. Апресян, всеки естествен език възприема и организира света по различен начин [1, с. 11, 56]. В съвременната психолингвистика най-често предмет на изучаване са някои проявления на спецификата на езика и културата у изследваните лица, върху материал от словесни асоциативни експерименти. Както отбелязва В. А. Маслова, картината на света не е прост набор от "фотографии" на предмети, процеси, свойства, тя съдържа и позицията на отразяващия субект, неговото отношение към наблюдаваните явления. В. А. Маслова подчертава, че позицията на субекта е също такава реалност, както и отразяваните обекти (цит. по [6, с. 46]). Поради тази причина, смята изследователката, концептуалните картини на света могат да се различават при различните хора, например, при представителите на различни епохи, социални и възрастови групи, на различни области на научното знание. От друга страна, хората, които говорят различни езици, могат да имат при определени условия (еднаква професия, хоби) близки концептуални картини, а хората, говорещи един език, – различни [8, с. 51, 102].

Фразеологизмите съставят фразеологичния фонд на езика, а те са отражение на своеобразната картина на света, като придават на речта неповторим колорит, за да изразят чувствата на говорещия и стремежа му към образна мисъл. Устойчивите словосъчетания се използват в изречението като готов материал. Те са семантично и синтактично неразделими. Така фразеологизмите носят културна информация за даден народ.

Ексцерпираните в изследването апелативи, назоваващи различни части на човешкото тяло, т. нар. "соматизми" са компоненти на множество фразеологични единици както в българския език, така и в руския език. Голямата продуктивност на фразеологизмите с компоненти „соматизми" в тези езици е обусловена от нуждите на всекидневното общуване, в което те изпълняват ролята на ярко номинативно и характеризиращо средство, чието значение най-често е свързано с някакъв образ. Целта на настоящото изследване е да се анализират и съпоставят някои български и руски фразеологични единици от типа на устойчивите сравнения, за да се покаже и близостта, и различието между културите както в мисленето, така и във възприемането на словото. Изследването се базира върху външните качества на хората.

Ексцерпираните външни качества систематизираме според техния стимул:

Анатомически органи на човека в български и руски език: “очи”, “глаза”; “тяло”, “тело”; “глас”, “голос”; “устни”, “губы”; “глава”, “голова”; “зъби”, “зубы”; “ръце”, “руки”; “лице”, “лицо”; “нос”, “нос”; “фигура”, “фигура”.

Качественото описание представяме върху основа на следните характеристики: в б. “приятен”, р. “приятный”; б. “красив”, р. “красивое”; силен, р. “сильный” и др.

Осъществените наблюдения от психолингвистичния експеримент довеждат до констатации в следния ред:

I. Фразеологизми с компонент “очи” б. – р. “глаза”:

1) Сравнения с природни обекти и природни явления:

в бълграски език:

очи сини като морето, като небето, очи красиви като звезди, блестящи като слънце;

в руски език:

глаза голубые, как небо, как озера, как море, как омут, как темная вода, как вода, как родник, глаза красивые, как закат, блестящие, как роса, как утренняя заря, как солнце;

2) Сравнение с растения:

в български език: очи като бадеми, очи красиви като мак, очи като череши;

в руски език: глаза, как вишня, как кора дуба, глаза красивые, как незабудки, как цветок;

3) Сравнение с известни личности:

в български език: очи като на Мадона;

в руски език: глаза выразительные, как у Мадонны, как на картине, как у Мальвины, как у Киркорова.

II. Фразеологизми с компонент б. “глас”, р. “голос”:

1) Сравнение с природни обекти и животни:

б. глас хубав като славейче, тънък като струна, тих като в пустиня;

р. голос, как рокот ручья, как рев слона, как у птички, как у кошки, как у попугая, нежный, как журчание ручья, приятный, как у соловья.

III. Фразеологизми с компонент б. “устни”, р. “губы”:

1) Сравнение с растения и природни явления:

б. устни червени като корал, нежни като коприна, меки като памук;

р. губы алые, как заря, как закат, как рассвет, как маки, как лепестки розы, как малина, как ягоды, как вишня, как сок граната, как рябина.

III. Фразеологизми с компонент б. “тяло”, р. “тело”:

1) Сравнение с природни обекти: б. тяло силно като скала, р. тело сильное, как камень;

2) Сравнения с растения: б. тяло стройно като топола, като фиданка; р. тело сильное, как дуб, как дерево, как ствол дуба;

3) Сравнение с животни: б. тяло като слон, силно като орангутан, като щраус; р. тело сильное, как у слона, как у льва, как у лошади, как у тигра, как у кита, как у гориллы, как у удава, как у змеи, как у орла; мускулистое, как у тигра, как у гепарда;

4) Сравнение с хора от различни професии: б. тяло като на атлет, силно като спортист, здраво като борец; р. тело сильное, как у атлета, как у спортсмена, мускулистое, как у кочегара, как у культуриста, как у борца.

IV. Фразеологизми с компонент б. “лице”, р. “лицо”:

1) Сравнение с природни обекти, явления и растения:

б. лице бяло като сняг, лице кръгло като месечина, като слънце, румено като мак;

р. лицо овальное, круглое, как луна, как солнце; бледное, как луна, как снег, красивое, румяное, как солнце, как заря, как закат, как рассвет, как яблоко, как спелое яблоко, румяное, как помидор, как с мороза.

V. Фразеологизми с компонент б. “зъби ”, р. “зубы ”:

1) Сравнения с природни явления и растения: б. зъби като бисер, като ориз; р. зубы редкие, как деревья; зубы ровные, как лес, как чеснок;

2) Сравнение с животни: б. зъби като на заек, р. зубы ровные, как у лошади, как у белочки, острые, как у волка, как у акулы, как у щуки, как у белки, как у кошки, как у мыши, как у хищника, как у тигра [8, с. 102].

Наличието на толкова много словосъчетания със сравнителен елемент показват колко голямо значение отдават двата славянски народа на описанието на външния вид на човека и на неговата субективна преценка от възприемащия. В тези словосъчетания, според нас, се наблюдават повече семантични сходства, отколкото различия. Особено интересен е фактът, че могат да бъдат изведени общи еталони / образци за сравнение.

В словосъчетанията, които анализирахме, това най-често са такива външни физически характеристики, като форма /очи като бадеми, череши; глаза как вишня/, цвят /очи сини като небето, морето; глаза голубые, как небо, как озера, как море/. Семантично сходство наблюдаваме и в референцията към обекти от растителния свят и природни явления, като, според нас, в руския език тези референтни обекти са по-многобройни и разнообразни /б. зъби като на заек, р. зубы ровные, как у лошади, как у белочки, острые, как у волка, как у акулы, как у щуки, как у белки, как у кошки, как у мыши, как у хищника, как у тигра/.

В съпоставителен аспект най-много са сравненията, които определят соматизмите “очи” и “тяло”.

Ексцерпираният материал дава възможност да се наблюдават и определени разлики. Те, според нас, са в изразяването на субективни възприятия и предпочитания, особено чрез словосъчетания с качественото определение “красив като”, “приятен като” /б. очи красиви като звезди, блестящи като слънце; глаза красивые, как закат, блестящие, как роса, как утренняя заря; б. устни червени като корал, нежни като коприна, меки като памук; р. губы алые, как заря, как закат, как рассвет, как маки, как лепестки розы, как малина, как ягоды, как вишня, как сок граната, как рябина/.

Националната специфика в референтните обекти /памук, рябина и др./ отразява различията в бита на хората, а представите им за красивото са пресъздадени чрез образите на природата и космоса.

Тези особености предполагат възможност за по-нататъшни изследвания и изводи относно семантичните паралели в описанието на външния вид на човека чрез сравнения в българския и руския езици.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопр. языкознания. – М., 1993. – № 3. – С. 27–35.
2. Апресян Ю. Д. Избр. тр. – М.: Шк. «Яз. Рус. культуры»: Вост. лит. РАН, 1995. – Т. I: Лексическая семантика.
3. Буров С. Т. Познанието в езика на българите. Граматично изследване на концептуалната категоризация на предметите. – Велико Търново: Фабер, 2004.
4. Георгиева С. Т. Русская фразеология в зеркале болгарского языка. – София: Херон Прес, 2011.
5. Иванова Е. Сопоставительная болгарско-русская грамматика. Синтаксис. – София: Велес, 2009.
6. Иванова Н. Ценностните аспекти на разбирането. Концептът “успех” в българската, руската и британската речева практика. – Бургас: Либра Скорп, 2012.
7. Иванова Н. Език и потенциалност (руско-български паралели). – Бургас: Либра Скорп, 2007.
8. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2010.

Literatura

1. Apresjan Ju. D. Metafora v semanticheskom predstavlenii emocij // Vopr. jazykoznanija. – M., 1993. – № 3. – S. 27–35.
2. Apresjan Ju. D. Izbr. tr. – M.: Shk. “Jaz. rus. kul’tury”: Vost. lit. RAN, 1995. – T. I: Leksicheskaja semantika.
3. Burov S. T. Poznanieto v ezika na bŭlgarite. Gramatichno izsledvane na konceptualnata kategorizacija na predmetite. – Veliko Tŭrnovo: Faber, 2004.
4. Georgieva S. T. Russkaja frazeologija v zerkale bolgarskogo jazyka. – Sofija: Heron Pres, 2011.

5. Ivanova E. Sopostavitel'naja bolgarsko-russkaja grammatika. Sintaksis. – Sofija: Veles, 2009.
6. Ivanova N. Cennostnite aspekti na razbiraneto. Konceptŭt "uspeh" v bŭlgarskata, ruskata i britanskata recheva praktika. – Burgas: Libra Skorp, 2012.
7. Ivanova N. Ezik i potencialnost (rusko-bŭlgarski paraleli). – Burgas: Libra Skorp, 2007.
8. Maslova V. A. Lingvokul'turologija. – M.: Akademija, 2010.

УДК 821.162

Ангелова София Ангелова

АМНЕЗИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ (СОЦИАЛЬНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АМНЕЗИИ В РОМАНАХ «ВЕСЫ» ПАВЛА ВЕЖИНОВА И «ЖЕЛТЫЙ ДОМ» ДОНЧО ЦОНЧЕВА)

Объектом анализа в данной статье является амнезия как художественный факт в романах Вежинова и Цончева, выполняющая функцию инструмента для рассмотрения ряда психологических, философских, этических и социальных вопросов. Цель настоящего исследования – выяснить на материале художественных текстов, каким образом травматическая потеря личностной памяти вызывает отказ, поиск и достижение личностной идентичности.

Ключевые слова: амнезия, личностная идентичность, болгарский роман.

Angelova Sophia Angelova

AMNESIA AND IDENTITY (SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF AMNESIA IN THE NOVEL "LIBRA" BY PAVEL VEZHINOV AND "THE YELLOW HOUSE" BY DONCHO TSONCHEV)

The paper treats the interpretation of amnesia in the novels "Libra" by Pavel Vezhinov and "The Yellow House" by Doncho Tsonchev. Amnesia in these novels serves as a background for a discussion of a number of psychological, philosophical, ethical and social issues, arising in Bulgarian society in the 80s years of the twentieth century. As far as personal memory is the core of any self-identification, the purpose of this paper is to investigate how its traumatic loss leads to a refusal, demand and achieve of personal identity by comparative analysis of the two novels.

The traumatic amnesia as a main motive raises the questions of personal choice, personal responsibility and the limits of personal freedom, thus generating a number of situational similarities but also significant differences in the interpretation by the two authors.

The main character in Vezhinov's novel in search of his lost identity reaches insight on the need for harmony between rational and emotional in human nature that makes him rethink his entire previous life and revise his relations with other people.

While Vezhinov's novel is centered on the moral and psychological problems of the individual, the work of Tsonchev, building a romantic hero type, seeks a generalization of the ills of society in the comparison between madness and normality. The "mad" hero discovers the fundamental similarity between the madhouse and the outside world (the same crazy, but larger) and sees his vocation as being a doctor of the people in the outside world, problematizing the established social order.

The comparative analysis of the two novels reaffirms some of the basic functions and uses of madness in literature as an alternative point of view and a corrective to the ills of society on one hand. On the other hand though essentially diverging in their messages the novels are symptomatic and representative of the interiorization or the resistance to the ideological pressure not only in the works of two of the most popular Bulgarian authors, but of the Bulgarian prose as a whole at the beginning of the 80s of the twentieth century.

Keywords: amnesia, personal identification, Bulgarian novel.

Паметта е в основата на всяка самоидентификация. Тя е не само и не толкова натрупаното позитивно познание за обективната реалност, но и внушените, самоналожените, усвоени и инкорпорирани стереотипи на живеене и мислене, мирогледните нагласи, формираните поведенчески модели и нравствени корективи, както и самият фундамент на отношенията и връзката с другите. Тя е самопознанието, разпознаваемият образ на собственото Аз, който отграничава личността от останалия свят, давайки й опит не само за света, но и най-вече за себе си.

През 1982 г. в българската литература едновременно се появяват два романа – «Везни» [2] от Павел Вежинов и «Жълтата къща» [3] от Дончо Цончев, които експериментират върху темата за личностната памет, по-точно за загубата й, напрегнато търсейки отговор на въпроса какво се случва с личността, оголена от познанието за самата себе си, от всяка възможност за самоидентификация.

Настоящият текст се интересува от амнезията като художествен факт в романите на Дончо Цончев и Павел Вежинов и като инструмент за поставяне на редица философски, психологически, етични и социални проблеми на българското общество от 80-те години на XX век. Целта му е да проследи как травматичната загуба на личностната памет провокира в литературните текстове отказ от, търсене и постигане на идентичност. Литературната амнезия, като една от проявите на анормалното, на психичното разстройство, е примамливо, непознато и неизследвано поле, откриващо широки перспективи за поставяне или поне загатване на иначе подлежащи на идеологическа санкция питания, за проблематизиране на изглеждащите устойчиви рамки и отношения вътре в установения социален ред. Заедно с това предоставя възможности за препотвърждаване на една от основните употреби на литературната лудост – като най-неуязвимото спрямо какъвто и да било външен натиск пространство на свободата на личността и нейните избори.

Общото в тематиката – изгубената самоидентичност в резултат от амнезия – генерира редица сходства в двата романа. Сходството е най-натрапчиво при генезиса и характерните прояви на самата амнезия. И при двамата герои тя е причинена от черепно-мозъчна травма, придружена от загуба на съзнание, т. е. има органичен произход, но клиничните й характеристики са от психогенно естество. От една страна, у героите липсват спомени за инцидента, довел до амнезията – те не са в състояние да си отговорят на въпросите кога, как, от кого, при какви обстоятелства и защо е причинена травмата – нещо типично за амнезия от органичен произход. От друга, и в двата романа проявленията на заболяването клонят към типичната дисоциативна амнезия, като част от групата на дисоциативните (конверсионни) личностни разстройства, които имат психогенен, а не органичен произход и характер, и представляват внезапни и обикновено временни промени в интегративните функции на паметта, съзнанието и/или идентичността. Клиничните изяви на психогенната амнезия и у двамата герои се изразяват в загубата на памет за всяка личностна информация за собствения живот и собствената личност при пълно съхраняване на универсални знания.

Приема се, че психогенната амнезия, наричана още истерична, се причинява от прекомерно изтласкване на неприятни мисли и импулси или от потребността от бягство от житейски ситуации, смятани за непоносими. При нея липсва органична компонента – черепно-мозъчна травма, мозъчно заболяване и пр. Свързана е обикновено с травмиращи събития, неразрешими проблеми, разстроени взаимоотношения и силен стрес. В основата й е преживяна остра или хронична психотравма, а функционалните причини са от психологическо естество – включване на защитния механизъм на дисоциацията. Спомените съществуват, но са дълбоко потиснати в съзнанието и не могат да бъдат припомнени. Поради това дисоциативната амнезия има локализиран по отношение на времето и селективен по отношение на конкретни травмиращи събития характер. Особено устойчива, що се отнася до амнестичните процеси, е информацията, засягаща самоидентификацията, включително невъзможността за припомняне на собственото име и най-значимите събития от собствения живот. Такава остра изява на ретроградна амнезия има психогенен генезис и се наблюдава при истерия.

Привидното «нехайство» на двата наратива към контаминацията на различен тип генезис на болестта е функционално оправдано. Органичната травма и в двата романа е естественият резултат от

неосъзнатото неприемане на собственото поведение и несправянето с отношенията с другите на героя от «Везни» и «рицарството» като основна характеристика на героя от «Жълтата къща», последователно проявяваща се през целия роман – от причината за травмата преди началото на повествованието до финалната травма в края му. А амнезията – еднократна във «Везни», начално-финална в «Жълтата къща», е експерименталното поле за поставяне на екзистенциалните, нравствените и социалните питания и в двете книги, и най-вече за изява на сериозния антропологичен кризис, настъпил в българското общество през 80-те години на XX век (в този смисъл е и дефинирането на Вежиновата проза като «антропологична» от Сабина Беляева [1, с. 58]).

Ситуационното тъждество предпоставя редица други сходства, продиктувани от спецификата на самото заболяване, но и от целите, които романите си поставят.

В живота си до инцидентите и двамата герои са високообразовани и уважавани в своите среди (виден столичен архитект на ръководна длъжност – главен директор на «Интерстроежи», и студент по геология, «*прекрасен младеж*», «*чудесен, умен, добър*»), притежаващи висока обща и специална култура, завидни познания и аналитични умения, които им помагат да се справят с изпитанията в напълно непознатата за тях, нова поради скъсаните връзки с миналото, действителност.

И двамата попадат в клиника, която бързат да напуснат, за да потърсят себе си и своето място в света. Сравнително бързо (още в рамките на престоя в клиниката) се възстановява паметта им за всичко, освен за събитията от миналия им живот и за самите себе си. Което, освен че съответства на симптоматиката на дисоциативната амнезия, е и функционално оправдано предвид свръхзадачата и на двете произведения – постигане на автентичната идентичност, на автентичното Аз и на автентичното битие чрез освобождаване от бремето на спомените и натрупванията от предишния живот.

Характерните белези на дисоциативната амнезия – неприемането на себе си – се проявяват и в общата за двамата герои невъзможност за припомняне на собственото име, и в чуждостта, неразпознаваемостта и дори първоначалното нехаресване на собствения образ в огледалото, с който те впоследствие постепенно привикват. Макар че всъщност и двамата са представени като привлекателни мъже с хубава външност.

Общ и за двата романа детайл с изключително висока психологическа подплатеност, е разколебаността по отношение на собствената възраст. Героят на Вежинов се мисли за около тридесет годишен, макар че всъщност е на четиридесет и шест. Героят на Цончев – в рамките на седемгодишното си пребиваване в амнезията – все не успява да запомни дали е на двадесет и седем, или на двадесет и осем, доколкото това е факт сред верига от дати и числа, останали от миналия живот и личност, несъществени за новото му битие. В този смисъл амнестичният процес оголва характерното различие между реалната възраст и вътрешното усещане за нея, специфичната процедура на «подмладяване», присъща на нашето възприемане на самите себе си.

Различните цели, които двата романа си поставят, изискват и налагат обаче съществени различия в подхода и стратегиите към сюжета за загубената самоидентичност. Макар и тръгнали от обща точка, те значимо се разминават в разработката му, а оттук и в посланията, които носят.

В романа на Вежинов центърът – на сюжета, доколкото го има, на внушенията и посланията, е собственото Аз на героя, то е единственото възможно средоточие на повествуването, размишленията, отклоненията, а останалите герои са възможни само чрез и през призмата на неговото Аз. Успоредно с това «Везни» е не просто вариант на мотива за метафоричното «пътуване към себе си» и намирането на предишната личност, а за постигането на нова самоличност в края на това пътуване. В тази нова самоличност е осъзнато и попълнено липсващото звено, довело да отричането от себе си – хармонията между рационално и емоционално, балансирането им във вътрешния свят и в съзнанието на героя («*моите везни да бъдат колкото се може по-добре балансирани*»). По тази причина развръзката е вътрешно преживяна като постигане на собствената личност такава, каквато би трябвало да бъде, а не такава, каквато е била преди инцидента. Подобна амбициозна задача предопределя и избора на наративни стратегии – епистоларен жанр под формата на дневник (бележки, записки) на героя, но ориентирани не към себе си и за себе си, а към предполагаемите други («*всеки читател*», «*вие*»). Този избор не е

случаен, доколкото първоличното повествуване, както става ясно в последните страници на романа («Из моя бележник»), има за цел да подведе «*под една обща идея, на една принципна основа*» изводите, достигнати в резултат от «*двойното съществуване*» на Вежиновия герой. Амбицията му е обоснована чрез убеждението, че «*моят личен опит е много по-богат, самото ми преживяване е вече едно откритие, чиято точност гарантирам*». Разбира се, уникалността на опита е съществено основание за подобна самонадеяност, но от друга страна, е и показателна за типа герой, на който Симеон Игнатов Балевски се явява вариация в късното творчество на Павел Вежинов – хладен, дистанциран от околните, рационален и свръхегоцентричен («*Хората не те интересуват…*»; «*Там е работата, че те интересуваха само техните творчески и делови качества. А не човекът изобщо…*»). Този герой обикновено е творческа личност, талантлив, способен, амбициозен, често с високо обществено положение или с професия, която му дава относителна свобода в социалното пространство. Подобен социален статус някак автоматично го освобождава от битовите подробности и неволи на социалистическото ежедневие, характерни за 70-те и 80-те години на XX век, поставя го в привилегировано положение – максимално извисен над тях, за да може да се отдаде необезпокоявано на собствения си вътрешен свят. В «случая Балевски», както и в днешния ни дистанциран поглед към интерпретацията на сюжетите отпреди повече от три десетилетия, колкото и да е оправдано поради философско-психологическата насоченост на романа, такова съществуване изглежда твърде лустросана обвивка на експеримента за разрешаване както на екзистенциалните проблеми на човешкото битие, така и на трудностите в по-интимната страна на човешките взаимоотношения – с майка, сестра, съпруга, любовница, колеги.

Социалното положение на Балевски – главен директор на «Интерстроежи», му осигурява – научаваме в хода на повествованието – възможност за свободно пътуване и пребиваване в чужбина, за чести командировки отвъд «Желязната завеса», за разполагане с немалки суми, включително и в чужда валута, т. е. все неща, трудно постижими или по-скоро недостъпни за редовите български граждани от онези години (като изключим, разбира се, организираните екскурзии на «Балкантурист»). Картината се допълва от просторното, и със собствен кабинет, жилище на бездетното семейство в самия център на столицата, недалеч от Орлов мост (макар че героят произхожда от село Брестник, Ловешко), и от охолното съществуване без материални притеснения, въпреки неработещата съпруга, принудителния отпуск и намалената заплата. На този фон като по-дребни привилегии изглеждат безпроблемното предоставяне на стая в хотел «София» («*тук всички ме познаваха, от пиколото до готвача*»), въпреки ограниченията за простосмъртните жители на столицата да наемат хотелски стаи в собствения си град, както и ежедневното, богато и изискано меню, приготовлявано грижливо от съпругата (наличието на необходимите, но трудно намиращи се продукти е мимоходом обяснено с «доставчиците», т. е. с «връзките» на Лидия). На такъв герой по подразбиране, след претърпяната операция, съответства и подобаваща клиника (неврохирургическа, предполага се) извън очертанията на града, а не баналната лудница, в която попада, под номер 69, също тъй загубилият паметта си поради черепномозъчна травма студент по геология от «Жълтата къща». На такъв герой не съответстват типичните за болестта анормални прояви, поради което те са и целенасочено спестени. Мащабите на работа и живеене, както и високият пост на Балевски са представени като естествен резултат от несъмнения му талант, деловите му качества и безкомпромисния му характер, от заслуженото уважение и оценката на професионалния му кръг. И в никакъв случай не се разглеждат в пряка връзка с ремсисткото му минало и партийните му заслуги. Дори напротив – тези заслуги са сериозен аргумент, подпомагащ издигането за заместник на човек с буржоазен, т. е. вражески произход. В здраво утаилите се, макар и подмолно проявяващи се, схеми на писане и мислене именно този «чужд» елемент се оказва неблагодарник, предал доверието на шефа си, което и става повод за тежкия инцидент. В такъв контекст на героя му е предоставено времето и свободата на нелекия път обратно към себе си, на постепенното спомняне на истината за собствената личност и откриване смисъла на съществуването. Въпреки мъчителното им достигане, те се оказват до голяма степен тривиални и банални: смисълът е в самото съществуване, амнезията е резултат от емоционалната обърканост, угризенията и вътрешната неудовлетвореност от собственото поведение и от живота – своя, а и на близките хора, който сам е уредил по

собствен образец и воля. В този смисъл загубата на личностната памет в романа, освен че придобива морални и етични измерения, представлява охудожествена илюстрация на истеричната амнезия като изтласкване на особено неприятни, «неизгодни» за героя събития и обстоятелства, чиято кулминация са отношенията със сестрата на Лидия и сексуалният акт с нея, извършен в присъствието на спящата съпруга. Трудното постигане на истинското, цялостното, хармонично Аз за Балевски е в сливането на рационално и емоционално начало във финала. Един от лайтмотивите на първоличния разказ е именно отсъствието на емоции – завръщането в родния дом, при майка и сестра, срещите с първата ученическа любов, отношенията със съпругата и любовницата предизвикват аналитични наблюдения и рационални изводи, но емоция липсва. Другият лайтмотив, обговорен пространно при срещите с д-р Топалов и в размишленията на героя във връзка с проявите на амнезия, е предполагаемото наличие и на емоционална памет. И двата лайтмотива са обвързани с все по-натрапчивото усещане за обичта като водещо начало в човешката личност. Във финалната сцена завръщането на изгубеното куче Пинки е метафора за мощното нахлуване на емоциите и апотеоз на обичта. Въпреки метафоричната си природа обаче, тази развръзка донякъде поставя под съмнение (нетърсено, а и вероятно нежелано от автора) «откритието», доколкото обичта към/на едно куче противостои на нечувствителността и емоционалната дистанцираност на героя към хората – майка, сестра, съпруга, колеги. Това противоречие донякъде разколебава «гаранциите», които той е заявил пред читателя в несъмнеността на своя личен опит.

В този контекст от особена важност за новите търсения, новата проблематика и новата гледна точка към човешката личност в българската литература от този период е съзнателно акцентираната роля на сънищата. Без да го изговаря пряко – годината е 1982 – романът на Вежинов се опира на психоаналитичния аспект в осмислянето на истеричната амнезия и начините за овладяването й, централно място, в които заемат сънищата на героя. Сюжетът на най-важния от тях е свързан с несъзнаваното – несъществуващото мазе в Христофоровата вила, населено с бесове, които в крайна сметка се оказват фигура на мъж (обезглавен владетел) и на жена (със символично прерязана утроба). Този сън, и опитите на Балевски за неговото тълкуване, играят възлова роля, доколкото подпомагат процеса на осъзнаване на изтласканите спомени и оказват влияние върху решенията и изборите на героя – отказ от високия ръководен пост в полза на свободата на творчеството, преосмисляне на отношенията със собствената съпруга и пр.

През призмата на травматичната амнезия романът на Цончев си поставя съвсем други задачи, на които съответстват и различни наративни техники – третоличен разказ, в който героят е представен и от други гледни точки – на д-р Димов, на Червенушка, умело дозирана употреба на «потока» на болното съзнание и пр. Доколкото целта на повествованието не е да се върне изгубената самоличност, а да се потърси автентичният смисъл на човешкото съществуване, в цялата първа част на романа героят пребивава под номер 69 според досието си в лудницата и чак във втората част научава истинското си име, тъй като успява да открадне паспорта си от Червенушка (информацията за собственото име, възраст, професия са услужливо поднесени на героя във «Везни» от лекуващия лекар веднага след излизането му от кома, а диагнозата е категорично поставена само след отговора на 2–3 въпроса). Данните в документа са просто приети като даденост, без да окажат каквото и да било влияние върху по-нататъшното му седемгодишно пребиваване в амнезията и без да провокират търсене на изгубената самоидентичност. Функционалната ненужност на фактите от предишното съществуване за експеримента по търсене на автентичното Аз в романа на Цончев е оправдана чрез опасността за живота на героя от чужда намеса в изгубените спомени, а внезапните нахлувания на миналото в съзнанието предизвикват тревожност, придружена с болка вляво на челото и връщане към първоначалните затруднения в мисленето и речта, към болестния поток на съзнанието, в който препинателните знаци се превръщат в «препънителни». Разказът за Богомил Тодоров Бижев е центриран около няколко основни лайтмотива – за свободата, за лъжата, за «Жълтата къща» (името, с което героите назовават лудницата) и за смисъла на човешкото съществуване. Тези лайтмотиви предпоставят интерпретирането на амнезията в романа като своеобразен вариант на авантюрното време и пространство, в които героят «пропада» седем години, за да бъде после обратно върнат към предишната си самоличност. Това защитено от миналото пространство (родителите са починали, обичащата и обичана Червенушка е напуснал по своя воля) всъщност оси-

гурява максимално широко поле на свободата – на избор на идентичност за героя и на експеримент за повествованието. В рамките на изцяло скъсаните връзки с миналото е представен герой, пълен антипод на Вежиновия. В поведението и мисленето му отсъства егоцентризъм. Начално-финалната амнезия не е бягство от себе си, изтласкване на неудобни спомени, а резултат от «рицарското» (според Червенушка) отношение на Богомил към другите («*умен, добър, кротко усмихнат*»; «*Пълен с любов към нея и към всичко наоколо*»; «*С неизказано неутолимо желания да се живее… "пълно и хубаво"… "нелакомо" и "справедливо"… – с вяра за цял батальон рицари на благородното и красивото*»). И романът отстоява тази характеристика от началото до края, представя я като дълбоко интериоризирана, неповлияна от амнезията – в спонтанната двукратна помощ за спасяване на лекаря и на пациентите от агресията на лудия Херкулес, в отказа от Червенушка (тя е истинската любима, най-обичаната и затова не може да я обвърже със себе си поради болестта си), в саможертвения акт при аварията в отделението с бидоните. Именно тези качества, както и стремежът към свобода е в основата на избора на героя да се озове сред «природните» хора – рибарите, и да се почувства при тях като при свои, да усети сладостта на свободния труд и живот, въпреки впечатленията на външните за тази общност наблюдатели, че е *между* тях, но не е един от тях. Впечатление, което се препотвърждава донякъде и впоследствие, в отношенията с Милутин на големия строеж. Разбирането за свободата като върховна ценност, амнезията – осигуряваща максимална мобилност и право на избор – като своеобразен вариант на мотива за пътешествието, предпочитанията към «природните» хора, жестът на «освобождаване» на любимата изграждат един романтически по същността си герой, чийто сблъсък със снобизма и фалша на «елита» в лицето на семейството на дипломата Владиков, като представителни за лицемерието и фалша на самото общество, е неизбежен. Така «изпадането» на героя от реалното му битие и самоличност е всъщност изборът на повествованието да провокира подривни спрямо системата внушения. Антисистемният им характер е последователно прокаран от мотото на романа («*И все пак: какъв беше животът ни, след като аз, един от най-големите лъжци, които познавам, минавах за честен човек?*») до обобщителната метафора за света извън «Жълтата къща» (т. е. лудницата с ограничаващите свободата железни врати и решетки на прозорците и детайлно описаната двуметрова ограда с ръждясала бодлива тел) като същата «Жълта къща», само че по-голяма («Една *жълта къща е целият свят…*»; «*цялото земно кълбо е една "жълта къща"*»; «*Разликата между малката и голямата жълта къща не съществува в дълбочината си*»). Цялата обществена система с нейните институции и техните наказателни и дисциплиниращи практики, отношенията между луди и нормални, престъпници и осъждащи ги бива преосмислена в специфичното превъртане на позициите («*пренаказаните затворници са по-чисти от много съдии*»; «*Затворените в малката жълта къща понякога са далеч по-умни, по-нежни, от много лекари, генерали, блюстители на реда*»). «Лудостта» на героя е всъщност техника на обезопасяване и застраховане на повествованието от всевиждащото око на институционализираната идеологическа доктрина. В този смисъл тя се вписва в една от основните функции и употреби на литературната лудост: свободата да се задават едни от най-същностните, неудобни и поради това подлежащи на санкция, питания за устройството на социалния ред («*Затуй ли затваряха всъщност невинни? Затуй ли заключваха някои "луди"? Да скрият себе си – за какво друго?*»). Напрегнатото търсене на собственото място в такъв свят намира отговора си в разбирането, че смисълът на съществуването е в това да се служи на другите, защото другите не са адът, а животът и единствената реална сила е човешката солидарност. Оттук и парадоксалната смяна на ролите – пациентът на малката «Жълта къща» провижда мисията си като доктор в голямата. Мотивът е майсторски разигран както на равнището на сюжета, така и на равнището на смисъла чрез буквалната и метафорична функция на «Гражданската отбрана». На равнището на сюжета героичният жест на спасяването на хората от аварията става причина за повторната амнезия на финала. На равнището на смисъла разбирането за гражданската отбрана като спасяване на гражданите от самите себе си – от собствената им глупост, леност, безумие, прераства във вътрешното убеждение, че «*разумът на човека трябва да се отбранява от лудостта… И не от лудостта в жълтата къща, а от онази – в голямата жълта къща*». Светът като лудница и антисистемният, «лудият» герой, «ужасното дете»,

като охранител на разума и спасител на другите – това е финалното прозрение на героя, преди за втори път да изпадне в кома и амнезия, и финалното внушение на романа за двете жълти къщи – малката и голямата, и за екзистенциалните избори на личността.

Сравнителният анализ на двата романа, тръгнали по едно и също време от една и съща изходна позиция, но същностно разминали се в посланията си, освен че препотвърждава някои от основните функции и употреби на лудостта в литературата, е и симптоматично представителен за натиска на, интериоризирането или съпротивата спрямо идеологическото както в творчеството на двама от най-популярните автори, така и на самата българска проза от 80-те години на XX век.

Литература

1. Беляева С., Вежинов П. Речник по нова българска литература. – София: Хемус, 1994. – С. 57–59.
2. Вежинов П. Везни. – София: Български писател, 1982. – 259 с.
3. Цончев Д. Жълтата къща. – София: Профиздат, 1982. – 102 с.

Literatura

1. Beljaeva S., Vezhinov P. Rechnik po nova bolgarska literatura. – Sofija: Hemus, 1994. – S. 57–59.
2. Vezhinov P. Vezni. – Sofija: Bolgarski pisatel, 1982. – 259 s.
3. Conchev D. Zholtata koshcha. – Sofija: Profizdat, 1982. – 102 s.

УДК 8

Йорданова Марина Владева

ИСТОРИЯ КАК ТЕМА. ИСТОРИЯ КАК ТЕКСТ (наблюдения над развитием исторической беллетристики в сербской литературе начала XIX – середины XX века)

Целью этой статьи является описание основных направлений в генезисе и присутствия романов с историческим сюжетом в сербской литературе в указанный период. Как часть южнославянского культурного наследия, историческая тема является приоритетной для исследователей и творческих деятелей, несмотря на то, что роман как жанр поздно развивается на Балканах. В этом заключается причина отсутствия в долгий период времени точно дефинированного и признанного как жанр исторического романа. Вопреки этому, историчность присутствует в основе мышления писателей и при обработке художественного материала, а общественные, социополитические и культурные явления предопределяют разнородные цели, которые стоят перед исторической беллетристикой в разные периоды ее развития.

Ключевые слова: историография, факт, реализм, исторический сюжет.

Jordanova Marina Vladeva

HISTORY AS A SUBJECT. HISTORY AS TEXT (observations on the development of historical fiction in Serbian literature at the beginning of the XIX to the mid-twentieth century)

The purpose of this article is to outline the main aspects in the genesis and the presence of the novels with a historical theme in the developmental path of Serbian literature during that period in the title. As part of the South Slavic heritage historical topic is a priority for researchers and artists, although late novel as a genre in the Balkans. This is why long absent here categorically defined and recognized historical novel genre. However, historicity is the basis of the writers' thinking and processing of artistic material, social, socio-political and cultural phenomena determine disparate goals facing historical fiction in different periods of its development.

Keywords: historiography fact realism, historical story.

ИСТОРИЯТА КАТО ТЕМА. ИСТОРИЯТА КАТО ТЕКСТ (наблюдения върху развитието на историческата белетристика в сръбската литература от началото на XIX до средата на XX век)

Южнославянските народи са носители на силно усещане за време. Исторически стеклите се обстоятелства – дълготрайна загуба на политическа и обществена независимост, както и смяната на империите – Османска с Австро-Унгарска – за дълго обричат на забавено културно развитие част от населението на Балканите. Това е една от причините хората на полуострова да осъзнават почти болезнено необходимостта от превръщането на протеклата история в памет, на миналата свобода – в спомен; да осмислят протекцията над родната история като единствен самосъхранителен механизъм, спасяващ етноса от плесента на забравата и дори на изчезването. На Балканите често войните се оказват не само мощен регулатор на историческите процеси, но и активен катализатор на промени в цялостния литературен развой. Кръстопътната балканска земя, този «агонален и драматичен исторически предел» (Св. Игов), често е обект на чужди политически амбиции и апетити. Затова тук войните са неизбежна част от диалектиката на човешкото живеене-умиране и причина за, до голяма степен, апокалиптичния светоглед на хората.

Есхатологичното преживяване на времето предопределя и модалността на творческото мислене. Южнославянските писатели осъзнават своята културна роля – да запълнят някои съществуващи празнини в историческото битие на своята нация, да осмислят отминалите и съвременните събития и да определят обществено-историческото им значение. Литературният историк и критик Миодраг Матицки, подчертавайки рефлексията на милитаристичните конфликти върху литературата, смята, че войните разделят литературата на периоди – преди войната, по време, и след нея; че те генерират не само сюжети, но и нови жанрове и затова не е пресилено да се говори дори за «войната като жанр» в литературата (вж. [6, с. 239–253]). Безспорно историческото съзнание се формира активно най-вече в гранични, преломни за съдбата на нацията и на индивида катаклизми, каквито са войните. То е плод на естествения стремеж да се осмислят механизмите и законите на случващото се. Така фактите от действителността се интериоризират, а в съзнанието на индивида връзките в триадата на времето – между минало, настояще и бъдеще – стават оразличими.

Сръбските писатели са хора с изострени сетива за времето, с будно историческо съзнание и способност да разбират своята обществена роля. Затова историческата тема е неизменна част от тази литература от самата й поява чак до наши дни. Въпреки историчността на авторовото мислене обаче, оформянето на жанра роман в южнославянските литератури, и на историческия роман като негов подвид, е сложен и бавен процес. Младенческият период на романа продължава твърде дълго и в сръбската литература.

В своята «История на новата сръбска литература», издадена през 1914 г., Йован Скерлич свидетелства, че «историческият роман е напълно пренебрегнат – до днес сръбската литература няма истински автор на исторически романи, макар че народът ни има толкова активни и живи исторически традиции» [10, с. 443]. Едва с появата на Църнянски и на първия том на неговите «Преселения» през 1929 г., посрещнат с критическо и читателско въодушевление, се поставя началото на активното присъствие на историческата тема в новата сръбска литература.

Скерлич е прав, но не съвсем. Въпреки спорните им в известна степен художествени качества, произведенията на Милован Видакович, Яков Игнятович, Владан Джорджевич, Янко М. Веселинович, Стеван Сремац и др., предхождащи романа-Църнянски, поставят началото на интереса към историческата романистика, чиито корени отвеждат към началото на XIX век.

В самото начало на XIX в. целите, с които се създава историческа проза, са подчинени на идеята за националното Възраждане, за освобождение и независимост на Балканите. (Славното) минало е това, което трябва да даде не само утеха, но и сила за борба. Обобщени черти на прозата в първите десетилетия на XIX век са идеализацията на старината, топлата връзка между бит и история, дидактичните повествователни цели, липсата на психологизъм при обрисуването на героите, подчертана роля на етнографския детайл, отказа от запазване на историческата правда, сантиментален под-

ход към изобразяваните събития и др. Съгласно тезата на литературния критик Зоран Константинович, съществува известно «закъснение в развоя на историческия роман при по-малките народи» [5, с. 84], което може да се обясни със забавеното, а в последствие ускорено-сгъстено, според оспорваната концепция на Г. Гачев, развитие на културата при повечето от тях. Първият исторически роман с близки до типологията на жанра характеристики[25] в сръбската литература е «Самотният юноша» («Усамљени јуноша», 1810) на Милован Видакович – произведение, което е далеч от качествата на образците във френската или английската литература, създадени през същия период. С появата на първите сръбски романи обаче се ражда и сръбската критика. Милован Видакович принадлежи на преходното време от Просвещението към Романтизма. С него започва новата сръбска литература. Макар че е автор и на лирика, Видакович остава в историята на литературата най-вече като романописец и един от основоположниците на жанра. Въпреки че романите му имат подражателски и възпитателен характер (това може да се обясни с просвещенските нужди на времето), той, подтикван от родолюбие, пресъздава миналото на своя народ като слага и историческа рамка на повествованието. Стилът му е сантименталноморализаторски, а произведенията му са до голяма степен посърбени немски образци. Първо Вук Караджич, а след това и Йован Деретич са твърде критични към него, обвинявайки го в «липса на исторически усет и способност да се потопи в духа на епохата, която описва», в «непоследователност и противоречивост», в «хронологически и топографски грешки» [1, с. 154]. Онова, за което критиците са единодушни, е не художествения, а националния принос на Видакович, защото «той задоволява духовните потребности на широката читателска публика в началото на XIX век, култивира любов към книгите и към миналото на народа, засилва националното чувство. <...> Всичките му романи включват редица исторически елементи, заради което съвременниците му са го наричали «сръбския Уолтър Скот»[26]. Романтичната трактовка на миналото тук се свързва с преданието, което отделя засужено внимание на редица национално значими събития: управлението на Стефан Дечански и цар Душан, Косовската битка и др. Очистени от романтичните наслоения и предубедения прочит на историята, век по-късно тези събития ще послужат за основа в романа «Времето на смъртта» на Добрица Чосич.

От времето на Просвещението са и произведенията (с по-малки или по-големи художествени достойнства) на Димитрие Давидович, Джордже Магарашевич, Йован Хаджич, Данило Медакович, Сима Милотинович Сараилия, Йован Стерия Попович[27] и др., намиращи се на границата между художествена литература и история. Всъщност именно съчиненията на просветителя и книжовника Доситей Обрадович и тези на Йован Стерия Попович стоят в основата на наследството на сръбската историческа белетристика. И в този период преобладават разказите за събития от посткосовския период с очакваното възкресение на славната държава, а погледът към миналото е изпълнен с възхита от идеала за велик и свободен народ – идеал, проектиран в история. Общият художествен модел на произведенията е пряко свързан със сходната цел на създаването им, а именно културно-просветната, с образователна насоченост на романите, със стремежът да се запълнят празнините в познанието на родната история, да се увековечи спомена за славни битки, велики дела и пожертвователни герои. Много романтика и сантименталност, патриотичен възторг и будна съвест се съдържат на страниците на техните книги – учебници по родолюбие.

[25] За първи роман в сръбската литература Лилия Кирова (вж. [4, с. 24]) възприема романа на Атанасий Стойкович «Аристид и Наталия» (1801), дидактично-сантиментален по тон и нагласа, с кратък литературен живот и ограничена публика.

[26] Пак там. В допълнение към казаното ще привлечем още едно мнение, валидно за голяма част от романите през XIX век: в своята книга за сръбския исторически роман през посоченото десетилетие, Т. Йовичевич пише: «Като правило при формирането на картината за свят в посочените произведения се появява противопоставянето между две сили – на светлината и мрака, на доброто и злото – видени като еманация на всяко исторически случване. Това е един вид манихейска концепция за историята, при което доброто и злото са ясно оразличими и противопоставими» (за повече подробности вж. [3, с. 166]).

[27] Попович е автор и на редица исторически драми и трагедии: «Смъртта на Стефан Дечански» (1841), «Хайдуци» (1842) и др., а някои от тях са със сюжети от българската история «Владислав» (1842) и «Лахан» (1842).

Романтичната представа за миналото се допълва от наличието на различни фолклорни мотиви, повторенията и устойчивите сравнения, познати от народните песни[28]. Водещ маниер при интерпретирането на миналото е подчертаната историчност, реализирана предимно като желание на автора да остави свидетелство за събитията, които описва, да зафиксира онази част от миналото, която включва същината на историята.

Тези черти на литературата се запазват до голяма степен и в следващия период – този на Романтизма, обхващащ времето на панслависичните и омладински идеи след 1848 г. Центърът на сръбската духовност е преместен от Беч в Нови Сад, а, въпреки цензурата и стъпкването на омладинското национално движение, нито то, нито литературната дейност прекъсват напълно. Повлиян от немския романтизъм, с посредничеството на словашкия и словенския, в Сърбия пълнокръвно се развива Романтизмът. След 1865 г. нараства ролята и значението на движението Обединена сръбска омладина, в което участие вземат не само ученици, но и търговци, млада интелигенция, занаятчийство, чиято основна цел е да събуди народния дух и да способства за развитието на книжовността. Идеологията на това движение включва и идеализация на сръбското минало, и повишено внимание към сръбската история, която трябва да събуди националната гордост. С попечителството на движението се издават много политически ангажирани вестници и списания, като «Сръбски дневник», «Видовден» и др. Що се отнася до литературата, създавана в духа и естетиката на Романтизма, тя най-общо се характеризира с оттласкване от рационализма на предишния период. Отново господства романтичното светоусещане на твореца при обработката на художествения материал и изискването за сантименталност и идеализация на старината. Периодът се свързва с разцвета на лириката и драмата, със засилен интерес към фолклора, който намира в лицето на Вук Караджич своя щателен изследовател. Онези, които създават проза на историческа тематика, обръщат поглед към Средновековието и виждат в него не толкова историческия факт, колкото собствените си представи за протеклото време. Народния живот и език са издигнати в свръхценност, а невъзможната национална свобода е проектирана в миналото величие. През периода на Романтизма е осезаемо влиянието на народното творчество и най-вече на юнашките епически песни, които водят до вторична актуализацията на фолклора. Повечето автори на романи и драми със сюжети от историята не държат сметка за конкретните факти, а избират за девиз мотото: «В историята всичко е свято». Писателите от този период могат най-общо да се нарекат «романтични историци и исторически романтици» (Скерлич). По-изявени творци, автори на произведения, интерпретиращи теми от историята, са Йоксим Нович Оточанин, Джура Якшич, Милан Миличевич, Милорад Шапчанин и Чедомил Миятович.

Както в повечето европейски литератури, така и в сръбската, след доминацията на Романтизма като художествено-естетическо направление, идва ред на Реализма. Последният обхваща периода от 1870 до 1900 г., когато на свой ред ще отстъпи на Модернизма. Характеризиран от Деретич като доста широка, интересна и разнообразна панорама на литературни явления в продължителен период от време (цит. съч. [1, с. 157]), сръбският реализъм се развива изключително под влияние на руския. Превеждат се и добре се познават произведенията на Гогол, Тургенев, Достоевски, Чернишевски и Толстой. Макар че реализмът възниква като реакция срещу романтизма и постулираните от него идеи, двете направления дълго време съществуват успоредно, а в творчеството на отделни писатели (Яков Игнятович, възприеман като ранен реалист) са застъпени в еднаква степен. Политическата независимост способства за развитието на активна културна дейност, а от 70-те години тя се осъществява в новия духовен център на Сърбия – Белград. Там се издават и двете водещи периодични издания от 90-те години – «Дело» («Дјело») и «Сръбски преглед» («Српски преглед»). През този период преобладават по-кратките, служещи за непосредствена емоционална реакция жанрове, какъвто е разказът например. Развива се сатирата, пишат се фейлетони и комедии, а също и документалните жанрове (мемоари, очерци), които са

[28] Като обобщение на казаното ще привлечем думите на литературния историк Матицки, според когото през целия XIX век прозата се намира под силното влияние на устната традиция – взема от нея готови ситуации и общи места, цитира народни песни и епически стихове (за повече подробности вж. [7, с. 34]).

по-близо до публицистиката, отколкото до художествената литература. Реализмът открива малкия човек и неговия свят, насочва вниманието си към бързо разпадащите се патриархални отношения. Реализмът не държи толкова на креативността, колкото на точното възпроизвеждане, на обективната оценка на заобикалящия свят. Неговата цел не да развлича, а да изобразява живота с всекидневните му проблеми. През този период доминират малките прозаически късове, посветени на селския човек и неговото битие. Успех бележи и романът, благодарение на Яков Игнятович, Янко Веселинович, Стоян Новакович, Андра Гаврилович, Симо Матавул, Стефан Сремац, Светолик Ранкович и Драгутин Илич. Пишат се, без особен успех, и редица исторически драми. Виден е стремежът през този период за оттласкване от сантиментализма и романтичните представи за света. Желанието е историята да не бъде четена и мислена само романтично, а на мястото на сантименталността да се настани трезвия анализ. С името на Иларион Руварац[29] се свързва преходът на сръбската история от обект на патриотичната литература към превръщането й в предмет на науката. Яков Игнятович, първият сръбски реалист и същевременно последен романтик, работи в областта на социалните («Патница» 1888 и др.) и историческите романи («Джурадж Бранкович» – 1880–1881, «Дели Бакич» – 1886, «Кралска снаха» – 1885, последните два – недовършени), на историческите разкази («Манзор и Джемила» – 1874, «Кръв за рода» – 1878). Идеализирайки сръбския народ като цяло, той идеализира и неговата история. Писателят не успява добре да обработи, подреди и овладее историческия материал, който слабо познава. Игнятович се движи между две карайности – или преразказва сухо и монотонно фактите, или стига до фантазни крайности при интерпретацията на миналото. Всичко това може да се обясни с факта, че Игнятович е предтечата на сръбския реализъм и в творчеството му се срещат двете естетики, две умонагласи – на романтизма и на реализма. Грешките на този писател, изтъквани от критиците, и неговите романтичните залитания, ще бъдат избягнати до голяма степен в произведенията на Янко М. Веселинович. Макар че Веселинович работи основно в областта на разказа, пресъздавайки картини на селския живот, видян с очите на «идиличния реализъм» (Деретич), в историята на сръбската литература този писател остава най-вече с добилия широка популярност исторически роман «Хайдук Станко» (1896). Въпросният роман е посветен на Първото сръбско въстание, но залага и на сюжета за несправедливо оклеветения и за неговото страшно отмъщение. Макар да е популярна и четена до днес творба, «Хайдук Станко» е типичен пример за романтично пътуване в миналото, при което строгото придържане съм историческите факти съвсем не е задължително. И ако все пак романът и днес задържа вниманието на специалистите, то това се дължи на народопсихологическите наблюдения и на вярно уловената и пресъздадена атмосфера на епохата, подвластна на идеята за извоюването на свободата.

Друг реалист, автор на исторически повествования, е Стеван Сремац, по-популярен със своите сатирични произведения и с разработването на сюжети от обичния Ниш. Той създава и цикъл от исторически картини, посветени на Великия жупан Часлав, на Владимир Дуклянин, Великия жупан Властимир, Крал Драгутин, на смъртта на цар Лазар, Забравените Обиличи и др. Доброто познаване фактите писателят дължи на професионалната си историческа подготовка, но въпреки това не гледа на миналото единствено с очите на науката, а и с тези на творческото вдъхновение. За него историята има плът и кръв, има човешко лице И Сремац се стреми да подчертае именно човешкия фактор като основен двигател на историческия процесс.

В края на XIX век е публикувана и част от историческата драма на Милорад Митрович «Деспот Лазар Бранковић», романите на Андре Гаврилович («Прве жртве», «Бањско злато», «Деспотова властела»), «Цар Душан» на Владан Джорджевич, «Иконија, везирова мајка», «Рајко од Расине» на Чедомил Миятович, «Хаџи Ђепа» на Драгутин Илич – доказателство за особения интерес към историческата тема в периода на сръбския реализъм.

Сръбската литература от началото на XX век до края на Първата световна война не създава постижения-образци в областта на историческите романи. Полъхът на «Модерна» – та обаче дава пло-

[29] Известен като първия «неродолюбив историк», защото поставя обективната истина над идеала и разрушава редица смятани за непоклатими митове от сръбската история.

дове и в сферата на поезията, и в тази на прозата. На мястото на класическия реалистичен маниер на отразяване и пресъздаване на действителността идва времето на други методи, на нови теми. Периодът се характеризира с повишен интерес към вътрешния свят на човека и неговата разкъсвана от противоречия душа, а вместо идилични картини на селския живот се създават основно произведения, посветени на града и на неговите обитатели. Що се отнася до романите, превес имат посветените на съвременния живот, в които често се поставят и социални въпроси.

Известно тежнение към историята проявяват и романите на Борисав Станкович, който изследва разпадането на патриархалните отношения в началото на новия XX век. Борисав Станкович (1876–1927) е автор на един от първите модерни психологически романи в сръбската литература – «Нечиста кръв» (1910). Сюжетът е свързан с родната Враня и представлява разказ за разорението на богато чорбаджийско семейство – това на ефенди Мито, изобразено на фона на променящия облика си град, в който ориенталското и европейското се пресичат. Сюжетоорганизиращ стожер са силните душевни преживявания на неговата дъщеря Софка, върху която рефлектира основния сблъсък на епохата – конфликта между патриархалността и нейните традиции срещу неумолимия ход на времето, което носи неизбежна промяна. В образа на Софка си дават среща противоположните копнения на плътта и духа, конфронтират се сетивните и душевни възприятия. Под формата на семейна хроника е проследен и се разгръща мотивът за нечистата кръв на предците, за допуснатите от тях грешки, чието бреме ще тежи на плещите на потомците. В романовата тъкан е проектиран и сблъсъкът между селото и града като вместилище на различни светогледи и на противоречиви естетики. Лирико-психологичният реализъм на писателя, който изразява и много от естетиката на символизма, възкресява в съзнанието на реципиента отминали, но реално съществували хора и събития, разположени в кръстопътната зона между Изтока и Запада. Неговата Враня, в която съжителстват хора от различни етноси и вери, напомня на Вишеград и Травник, изобразени с много любов и толерантност в романите на Иво Андрич. Модерните течения в литературата от първите две десетилетия на XX век възпрепятстват появата на крупни исторически платна, особено на такива с историческа тематика.

Първата световна война влече със себе си катастрофичното усещане на загубилия опорите си свят. Тази цивилизационна драма рефлектира във всички литературни жанрове. Новите светоусещания търсят нова стилистика, различни изразни средства, които адекватно да отразят душевната дисхармония на хората след катаклизма. Лириката, заедно с по-кратките белетристични форми, се оказва предпочитана, тъй като е способна по-експресивно и мигновено да отговори на промените в заобикалящата действителност. Въпреки че белетристиката изостава в количествено отношение, историческата тема си пробива път в произведенията на Бранимир Чосич и Милош Црнянски. Литературната равносметка след войната доказва, че нито един сръбски исторически роман до момента не е достигнал европейските или руски образци, що се касае до сравняване на философско-естетическите концепции за историята. По-скоро този период е време на подготовка за романа, за кристализирането на романовото мислене. Йован Деретич е категоричен: «до 50-те години на XX век сръбският роман изостава не само от европейските образци, но и от други жанрове в литературата» (цит. съч. [1, с. 25])[30]. По наше мнение този извод не бива да се генерализира, защото рискуваме да пренебрегнем постиженията на междувоенната романистика в лицето на Црнянски, например. Всяко историческо време подсказва адекватните литературни форми, в които да се побере, и ако за периода до Първата световна война това е лириката, то в края на междувоенния период ще се наблюдава истински „глад по епичност".

В междувоенния период водещо е името на Милош Црнянски. Първият том от неговите «Преселения» (1929; втори том, 1962) залага на срещата между индивидуалната и националната съдба.

[30] Подобно е становището и на Г. И. Илина, която обаче визира само 20-те години на XX век. Според нея «през втората половина на 20-те години в сръбската литература романа е все още периферен жанр. Няколкото произведения (Б. Чосич «Шабаш» – 1925, «Две царства» – 1928; Александър Вучо «Зрителен ъгъл» – 1928), макар и привлекли внимание, не изменят в дълбочина съотношенията в жанровата система през този период» (вж. [2, с. 48]).

Църнянски добросъвестно проучва голямо количество исторически материали – мемоари и архивни данни, без обаче никога да определя жанрово романа си като исторически. Неговите герои принадлежат в еднаква степен и на историята, и на фикцията, без от това да губят достоверността си – в смисъл на действителни или поне възможни личности. Изследователят Рудяков изброява няколко фактора, които категорично обуславят принадлежността на «Преселения» към жанра на историческия роман. Според него това са: изграждането на романа на основата на исторически материали, избор на сюжет от отдалечено спрямо авторовото и читателското настояще време; използването на архивни материали и спомени на очевидци на преселенията към Русия в средата на 18 век (например спомените на Симеон Пишчевич). И не на последно място – това е разказ за значимо събитие от миналото, което, по думите на Рудяков, отдавна е неотменима част от сръбската историческа наука. Като друг аргумент в полза на становището може да се приеме и стремежът на писателя да се придържа стриктно към историческата истина, а също и фактът, че цялото развитие на действието, основните конфликти и герои са подчинени на историческите случвания. В крайна сметка критикът стига до извода, че първата книга на «Преселения» «е пример за един от вариантите на историческа белетристика, без обаче да е само и единствено исторически роман» [9, с. 118]. Църнянски не се бои да бъде нито субективен, нито лиричен. Неговата цел е не толкова да възкреси епоха (макар че го постига), колкото да пречупи рефлексията на историческите събития през екзистенцията на личността (малко по-късно това ще направи и Андрич, стремейки се обаче към пределна обективизация на повествованието и към универсалност, наднационалност на обобщенията).

Краят на «Модерна» – та (и олевяването на литературата) реабилитира реализма в изкуството и води до нова негова разновидност, а именно социалния реализъм. Той най-общо представлява едно възраждане (но с известни корекции) на критическия реализъм от XIX век. Виждаме го реализиран в чист вид в романите на Бранимир Чосич. В центъра на изображение застават народните маси, които са издигнати до първопричина и двигател на всяка обществена промяна. Народът е колективния герой и в «Сръбската трилогия» (1934–1936) на С. Яковлевич, а също така и в неговия роман «Смяна на поколенията» (1940), посветени на историята на Сърбия от Първата световна война и на зараждането на революционните брожения в средите на младите.

Ако трябва да обобщим направените до тук наблюдения, става ясно, че историческата тема, намерила адекватно обиталище в жанра на историческия роман, има дълбоки корени в сръбската литературна традиция и е част от нея още от началото на XIX век. Но за разлика от българската литература например, в съседната южнославянска страна има изобилие от исторически четива през периода преди Първата световна война, а не веднага след нея. Макар и писани с образователна и/или възпитателна цел, романите на Милован Видакович, Янко М. Веселинович, Яков Игнятович и др. засилват интереса към миналото и провокират зараждането на историческо съзнание, което ще се реализира години по-късно в творчеството на Църнянски и, разбира се, в романите на Нобеловия лауреат Иво Андрич («Мостът на Дрина», «Травнишка хроника», «Омер паша Латас»). Колкото и различна да е художествената стойност на създадените през XIX век белетристични произведения с исторически сюжети от тези през XX век, важно от днешна гледна точка е извървяването на прехода от сантиментално-дидактичното към метафизично-екзистенциалното преосмисляне на историческата фактология; извървяването на пътя от просвещение към историософия. Началото на модерния сръбски роман, възникнал на базата на преодоляната (допълнена и обновена) традиция, е именно междувоенния период, който ще бъде последван от т. нар. «време на романа» в средата на XX век. След социално-психологическия и лиричния роман от 20-те и 30-те години, идва времето на изповедния и интелектуално-психологическия роман, а също и на романите-хроники и романите-епопеи, създадени от Иво Андрич, М. Лалич, Б. Чопич, Д. Чосич, М. Павич, М. Селимович и др. През втората половина на XX век интересът към историята се задълбочава, а историческият роман отново излиза на литературната сцена, разрушавайки предзададената представа за жанра и за неговите възможности. За сръбската литература с особена сила важат думите на литературния историк Предраг Палавестра, който смята, че «историческият роман

се движи в много широко пространство: от романизовани исторически студии, изградени на строго документална основа, през жанрово силно застъпените военни романи за Първата и Втората световна война, през тривиални, авантюристични и криминално-шпионски романи, романи за големи исторически завери, патетични родолюбиви романи от националната история в романтичния стил на старата школа – до лични, семейни и генеалогични романи» (вж. [8, с. 87]). Романите на Иво Андрич, Меша Селимович, Добрица Чосич, Борислав Пекич, Данило Киш и Михайло Лалич отварят нова страница в историята на сръбската литература, реализирайки нови идеи, мотиви, поетика и стил върху тестамента на традицията. А историята като тема и историята като текст се оказват винаги актуални на Балканите, където политика и войни не спират да прекрояват географските карти на полуострова, провокирайки нови и различни културни и литературни маршрути.

Литература

1. Деретић Ј. Историје српске књижевности. – Београд, 1996.
2. Ильина Г. Я. Развитие югославского романа в 20–30-е годы XX века. – М., 1985.
3. Јовићевић Т. Српски историјиски роман XIX века. – Београд, 2007.
4. Кирова Л. Сходни процеси и явления в литературата на балканските славяни. – С., 1988.
5. Константиновић З. Историја и историчност. О епском казивању српске прошлости у контексту литературе малих народа // Историјиски роман, Београд, 1996.
6. Матицки М. Писац и рат // О српској прози. – Београд, 2000.
7. Матицки М. Почетак и крај историјског романа // Књижевност и историја. – Ниш, 2001. – Кн. 4.
8. Палавестра П. Обнова историјиског романа // Историјиски роман. – Београд, 1996.
9. Рудјаков П. Историја као роман. – Београд, 1998.
10. Скерлић Ј. Историја нове српске књижевности. – Београд, 1967.

Literatura

1. Deretich J. Istorije srpske knizhevnosti. – Beograd, 1996.
2. Il'ina G. Ja. Razvitie jugoslavskogo romana v 20–30-e gody XX veka. – M., 1985.
3. Jovichevich T. Srpski istorijiski roman XIX veka. – Beograd, 2007.
4. Kirova L. Shodni procesi i javlenija v literaturata na balkanskite slavjani. – S., 1988.
5. Konstantinovich Z. Istorija i istorichnost. O epskom kazivanu srpske proshlosti u kontekstu literature malih naroda // Istorijiski roman. – Beograd, 1996.
6. Maticki M. Pisac i rat // O srpskoj prozi. – Beograd, 2000.
7. Maticki M. Pochetak i kraj istorijskog romana // Knizhevnost i istorija. – Nish, 2001. – Kn. 4.
8. Palavestra, P. Obnova istorijiskog romana // Istorijiski roman. – Beograd, 1996.
9. Rudjakov P. Istorija kao roman. – Beograd, 1998.
10. Skerlich J. Istorija nove srpske knizhevnosti. – Beograd, 1967.

УДК 81'367; 81'373

Н. Ф. Алефиренко

ЗНАКОВО-СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ СЛОВА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ[31]

Рассматриваются семиотико-семасиологические аспекты соотношения слова и предложения. Утверждается мысль о возможности смыслопорождения лишь на дискурсивно-речевом уровне высказывания. С другой стороны, доказывается, что в отличие от смысла феномен значения присущ единицам языковой системы – лексемам и предложениям (типовым моделям синтагматических построений).

Ключевые слова: языковой знак, слово, предложение, значение, смысл, сознание, ноэма.

[31] Работа выполнена в рамках госзаданияе № 633662011.

N. F. Alefirenko

CHARACTER AND SEMIOLOGICAL PROBLEMS OF WORD AND SENTENCE CORRELATION

The article examines the relations of sentences and words contains the idea that the whole mechanism of the language associated with the operations not with values but meanings. This, in turn, suggests the possibility of attributing the phenomenon of meaning only to the sentence but not the word. However, such a categorical decision cannot but cause additional issues related to the dual nature of the sentence, which can act as a unit of language (at first incarnation of the system), and as a unit of speech (in the activity-dynamic aspect). Communicative meaning of the word is determined by the context and situation. Understanding the sense of a verbal sign in the act of communication means to understand what it refers to specifically designated data word. Such denoted, in fact, motivates the choice of a word by communicants. The word, which turned out a particular sign situation and was extracted from the context, loses its meaning.

Keywords: language sign, word, sentence, meaning, sense, mind, noema.

Проблема первичности слова или предложения – предмет давних междисциплинарных дискуссий. Особую остроту она приобрела с появлением знаковой теории языка, согласно которой язык – по природе своей знаковый феномен – представлен весьма разнотипными знаками, но важнейшими из них все-таки признаются слово и предложение. В трудах разных ученых базовым поочерёдно выступает то одно, то другое образование. Создается впечатление о тупиковой ситуации, сходной с давним спором о том, что первично – курица или яйцо. Не случайно появляются примирительные суждения: дескать, слово и предложение равновеликие единицы. Пожалуй, предельно ясно в этом плане выразился К. Бюлер. Критикуя распространённое в XIX веке мнение о том, что в языке первично предложение, а не слово, он заявляет, что «предложение также не может существовать до слова, как и слово до предложения, поскольку они являются коррелятивными элементами одного и того же (скорее всего достаточно продвинутого) состояния человеческого языка» и что «абстрактная схема предложения без словесного наполнения также не может существовать, как какое-либо отношение без членов этого отношения» [5, с. 70–71].

Данной концепции противопоставляется другая, согласно которой номинация зависит от коммуникации и, соответственно, слово подчинено предложению: «И если из чего и состоит язык, то разве только из целых предложений. Ведь язык есть орудие общения, а общение предполагает те или иные высказывания, понятные тем, кто владеет данным языком. Но высказывание чего-нибудь о чём-нибудь есть приписывание чего-нибудь чему-нибудь, …или предицирование чего-нибудь о чём-нибудь» [9, с. 245]. Осуществляется же номинация и предицирование только в рамках предложения. Слова вне предложения в живом языке вообще не существуют. Более того, «всякая живая лексика уже так или иначе пропозициональна» [9, с. 246]. Концепции А. Ф. Лосева придерживаются и другие исследователи. В. М. Солнцев, например, подчеркивает, что именно в рамках действия синтаксической конструкции задаются те синтаксические связи, в которые могут вступать слова, реализуя свой валентностный потенциал [15, с. 297]. Аналогичное суждение высказывает В. Б. Касевич, замечая, что слово вне синтаксической конструкции, даже грамматически оформленное, неопределенно и синтаксически, и семантически [8, с. 242].

Приоритетный статус предложения (по его отношению к слову) обусловлен когнитивно-прагматической природой языка. Р. Г. Авоян указывает, что исходным пунктом исследования языкового процесса должно быть признано не слово, а предложение, так как, в отличие от слова, без предложения не рождается мысль, без него она не может быть сообщена другим. Только через предложения осуществляется воздействие на поведение людей. В связи с этим, по мнению Р. Г. Авояна, предложение – не только структура языка, но и форма деятельности, поскольку предложение не только мыслительное, но и деятельностное средство. Не будет преувеличением сказать, что в предложении отражается природа и сущность языка. Правда, отнесенность слова к действительности, его денотативные

реляции, регистрируемые словарями, кажутся вполне автономными, независмыми от предложения. «То, что они относятся к миру, – как замечает Р. Г. Авоян, – создаёт иллюзию, будто их значения не зависят от того предложения, в котором они употребляются. Бытие слова вне предложения есть абстракция» [1, с. 69–70, 94]. Поэтому представленные в словарях лексические значения слов на самом деле оказываются обобщениями, искусственно извлечёнными из их естественной среды – предложения.

К заключению о примате предложения над словом приводит и анализ роли языковой номинации и коммуникации Э. Д. Сулейменовой. По её мнению, номинация и как процесс, и как определённая система средств, формируется только в условиях коммуникации, самостоятельность и независимость номинации от коммуникации только относительна – свойства номинации полностью реализуются и раскрываются только в процессах коммуникации. Далее она пишет в развитие этой же мысли, что всякая материализация результатов мышления прежде всего ориентирована на сообщение, поэтому неполным оказывается представление о номинации как неизменном и самодостаточном компоненте языка [16, с. 8]. Наоборот, номинативная деятельность, выбор языкового знака не являются первичными. Реализуя коммуникативную функцию языка, предложение одновременно служит условием осуществления номинативной функции.

Такого рода аргументы оказываются убедительными для тех учёных, которые делают весьма рискованный шаг, коренным образом перекраивая знаковую теорию языка. Они пытаются доказать, что основной знаковой единицей языка является не слово, а предложение. Вслед за Л. Приетом, Э. Бейссансом и В. Г. Гаком, они рассматривают предложения-высказывания собственно знаковыми сущностями. При этом единицы низлежащих уровней оказываются в их подчинении. Не составили исключения и слова, которые из центра лингвосемиотической системы по этой схеме перемещаются в субзнаковую зону (см. [17, с. 43]).

С семасиологической точки зрения, зависимость слова от предложения всплывает каждый раз, когда мы при общении с другими пытаемся выяснить семантику употребленного слова. Собеседник, как правило, с целью разъяснить лексическое значение слова, помещает его в рамки предложения. Соответствующим психологической реальности признает приоритет предложения над словом и У. Кинч [18, с. 428].

В рамках представлений о примате предложения над словом содержится мысль о том, что весь механизм языка связан с осуществлением операций не над значениями, а над смыслами. Это в свою очередь наводит на мысль о возможности отнесения феномена смысла лишь к предложению, но никак не к слову. Однако столь безапелляционное решение не может не вызывать дополнительных вопросов, связанных с двойственным характером предложения, которое может выступать и как единица языка (на уровне системной ипостаси языка), и как единица речи (в деятельностно-динамическом аспекте).

Интерпретация природы смысла, несомненно, зависит от придания предложению системно-статического или деятельностно-динамического статуса.

Характер смысла предложения как языкового знака определяется В. М. Солнцевым следующим образом: смысл предложения возникает в результате целого ряда языковых факторов, к числу которых относятся конкретные слова языка, конструкции (или модели), определяющие общее конструктивное значение предложения, само это значение, в сфере и на фоне которого взаимодействуют индивидуальные значения слов, грамматические правила данного языка, регулирующие сочетаемость/несочетаемость слов и способы их соединения. При этом слова в формирующемся предложении приобретают функциональные значения, соотношение которых фактически формирует общее конструктивное значение предложения; конкретный же смысл предложения возникает в результате взаимодействия общего значения предложения и значений отдельных слов, отягчённых в предложении функциональными значениями [15, с. 300–301]. Развивая мысль о взаимодействии общего конструктивного значения предложения со значениями входящих в его состав слов, автор приходит к выводу о нелинейном характере такого взаимодействия, так как значения входящих в предложение слов органически входят в общее

конструктивное значение, конкретизируя его; последнее выступает в качестве организующего момента при формировании смысла. «Накладываясь» друг на друга, общее конструктивное значение и значения слов обнаруживают, таким образом, нелинейное взаимодействие. Однозначно отдаёт приоритет предложению перед словом и Л. Витгенштейн, заявляя, что имя обретает значение лишь в контексте предложения [6, с. 13].

Говоря о многоаспектном и разнообразном характере взаимодействия разноуровневых значений в предложении, В. М. Солнцев приходит к заключению о несуммативной природе его смысла. По сути, речь идёт о невозможности сведéния смысла предложения как к совокупности лексических значений составляющих его слов, так и к «чистому» конструктивному значению без учета семантики его конституентов [15, с. 311–312].

Таким образом, смысл предложения как относительно стабильного и статичного языкового знака может быть исчислен, так как принципиально конечны и обозримы генерирующие его параметры, а именно: модель предложения, по которой оно строится, значения входящих в его состав имён, а также правила их комбинаторики. Такой смысл условимся называть узуальным смыслом предложения.

Второй модус бытия предложения есть его функционирование в качестве высказывания в речевой коммуникации. Правомерно ожидать, что смысл предложения-высказывания, то есть речевой смысл будет характеризоваться иначе, чем смысл предложения как виртуального языкового знака. Как полагает А. В. Бондарко, речевой смысл результирует из взаимодействия и взаимосвязи следующих компонентов: 1) эксплицитная языковая (по своему источнику) информация, вытекающая из взаимосвязи и интеграции речевых реализаций языковых значений в данном тексте, выраженных формальными языковыми средствами; 2) имплицитная контекстуальная информация, не выраженная непосредственно языковыми средствами данного текста, но вытекающая из его соотношения с более широким контекстом; 3) прагматическая информация, вытекающая из эмоциональных, экспрессивных, образных и других стилистических элементов текста; 4) неязыковая информация – ситуативная (связанная с речевой ситуацией) и энциклопедическая (связанная со знанием и опытом говорящего и адресата) [4, с. 13–14].

Идея противопоставленности различных видов смысла в рамках противопоставления более общего порядка (язык/речь) находит своё развитие и в других трудах А. В. Бондарко. Так, в одной из его недавно опубликованных статей говорится о том, что в понятии «смысл» могут быть выделены два аспекта: системно-категориальный и речевой. Имеются в виду, с одной стороны, такие понятия, как семантическая (мыслительная, понятийная, когнитивная, ноэматическая) категория, предикатно-аргументная структура, а с другой – речевой, актуальный смысл, смысл высказывания и текста. В первом случае речь идет о категориях и категориальных структурах как элементах когнитивной системы, о системе смыслов, а во втором – о смыслах, связанных с процессами и результатами мыслительно-речевой деятельности. Таким образом, в сфере смысла намечаются различия, сходные с соотношением языка и речи [4, с. 23]. Сопоставимую трактовку смысла предложения-высказывания находим у Д. А. Сальковой, согласно мнению которой, значение предложения, представляющее собой определенный набор лексических и грамматических сем его конструкции, соотносится с его смыслом, как соотносятся постоянные (или высокочастотные) семантические компоненты и случайные.

В решении проблемы соотношения значения и смысла важную роль должно сыграть адекватное понимание сущности дискурса. Такого рода построение теории дискурса опирается на осмысление механизмов соотношения языка и действительности, работающих на уровне системы языка и речи.

Основной недостаток всех предложенных до сих пор подходов в исследовании знаков (в частности, их смыслов, значений, значимостей и «содержаний») заключается, по нашему убеждению, в том, что не учитывается принципиальное отличие их как объектов и предметов изучения от всех других предметов, в исследовании которых естественные науки достигли к настоящему времени известных успехов; в результате все существующие концепции знака и речи-языка как знаковой системы дают недопустимо переупрощенное представление о них и делают невозможной разработку новых эффективных методов исследования.

1. Рассмотреть «смыслы» и «значения» с деятельностной точки зрения – это значит ввести и изобразить в соответствующих схемах такие системы деятельности (или системы, принадлежащие к деятельности), относительно которых «смыслы» и «значения» являются элементами и частичными организованностями; это даст возможность выводить затем функции и основные характеристики строения этих элементов, исходя из наших представлений о процессах и механизмах функционирования и развития систем деятельности.

Действуя согласно этому принципу, предположим на первом этапе анализа, что для «смысла» такой системой, принадлежащей к деятельности, является система акта коммуникаций, включающая: (1) действия первого индивида в некоторой «практической» ситуации, (2) целевую установку, делающую необходимой передачу определенного сообщения второму индивиду, (3) осмысление ситуации с точки зрения этой целевой установки и построение соответствующего высказывания-сообщения-текста, (4) передачу текста-сообщения второму индивиду, (5) понимание текста-сообщения вторым индивидом и воссоздание на основе этого некоторой ситуации возможного действования, (6) действия в воссоздаваемой ситуации, соответствующие исходным целевым установкам второго индивида и содержанию полученного им сообщения.

2. Обыденное употребление слов «понимание» и «смысл» наталкивает на то, чтобы определить «смысл» как то, что понимается нами при прочтении текста; и многие исследователи прямо переносят это представление из обихода в науку; тогда оно мыслится в ряду подобных же определений: «то, что воспринимается», «то, что преобразуется», «то, что получается» и т. д., и «смысл» в силу этого выступает либо как предмет понимания, либо как его продукт.

Однако такое определение «смысла», совершенно естественное, само собой разумеющееся и, как представляется, схватывающее суть, на деле оказывается мнимым: оно не имеет ни операционального, ни онтологического содержания. Выход из тупика следует искать в феноменологической плоскости знаково-семасиологического соотношения слова и предложения.

С феноменологической точки зрения, по Э. Гуссерлю, сознание не может быть ни чем иным, как процессом придания смысла и построения смыслового горизонта предметности. Э. Гуссерль вводит понятие «ноэтическое переживание», которое означает не просто психический акт как таковой, а психологический акт придания смысла или значения явлению или предмету [7]. Ноэма, в представлении Э. Гуссерля, означает структуру сознания, благодаря которой возможно удерживать различные смыслы или значения предмета, выделять их инвариант при построении смыслового горизонта. Не предмет, согласно Гуссерлю, характеризует ноэму, но структура ноэмы содержит отношение, оценку и смыслы, которые порождает сознание в процессе рефлексии по отношению к предмету.

Э. Гуссерль вводит понятие «ядро» ноэмы – смысловой центр, ядерный слой – инвариант, состоящий из устойчивых элементов (понятие, аналогичное «культурным константам» в культурологии); этот центр группирует вокруг себя все возможные, усматриваемые сознанием смыслы, образующие полную ноэму как инвариант смысловых значений.

М. Мерло-Понти, французский философ, представитель экзистенциально-феноменологического направления в философии, продолживший феноменологические исследования Э. Гуссерля, придавая большое значение трактовке Э. Гуссерлем понятия «феномен», определяет человеческое поведение как «символическое», которое не просто имеет значение, несводимое к объективным детерминациям, но и само рождает смысл, благодаря которому культурный мир выстраивается вокруг человека, становится родственным ему. В своем труде «Феноменология восприятия» М. Мерло-Понти углубляет феноменологическую редукцию и интенциональный анализ Гуссерля и вслед за ним утверждает, что интеллектуалистская рефлексия не способна быть последовательной и полной, поскольку утратила понимание своего собственного начала, углубляясь в абстрактные формы представления о мире и на этом пути окончательно потеряла способность непосредственного восприятия и переживания «феноменов» окружающей действительности. Исходя из этого, Мерло-Понти считает, что все усилия трансцендентальной

феноменологии должны быть направлены на то, чтобы вернуться к «живому опыту феноменов», описывать и изучать априорные структуры нашего присутствия в мире, его восприятия и его переживания [12]. М. Мерло-Понти, понимая редукцию как выдвижение на первый план смысловой связи сознания и мира, а интенцию в ее всеобщем значении – как «формулу единого поведения перед лицом Другого, Природы, времени, смерти, словом, особый способ оформления мира» [11, с. 18], утверждает, что с помощью интенциональности и редукции как принципов феноменологической философии возможно смысловое конституирование жизненного мира как «интенционального мира» (по Гуссерлю, мира символических значений) или картины мира. Одновременно с этим М. Мерло-Понти считает, что многие философские доктрины и психологические исследования при изучении человеческой субъективности игнорируют мир культуры и обращаются только к миру объектов, который не исчерпывает интересы феноменологии, так как не является актуальным с точки зрения смыслообразования и семиозиса.

Итак, в широком понимании смысл можно интерпретировать как открывшийся нашему сознанию мотив. Данное понимание смысла справедливо и по отношению к слову, и по отношению к предложению. Смысл и значение этих единиц в языке и речи может быть коммуникативным и этимологическим.

Коммуникативный смысл слова определяется контекстом и ситуацией. Понять смысл словесного знака в акте коммуникации значит уяснить, какое именно конкретное обозначаемое обозначается данным словом. Такое обозначаемое, собственно, и мотивирует выбор того или иного слова коммуникантами. Слово, оказавшееся вне конкретной знаковой ситуации и извлеченное из контекста, лишается своего смысла. Так, слово *мир*, извлеченное из контекста, утрачивает смысл, так как лишается конкретного означаемого: им может быть и «вселенная», и «отсутствие войны». Этимологический же смысл слова определяется не контекстом, в котором употреблено слово, а его мотивацией, то есть пониманием его внутренней формы. Все непроизводные слова языка в том или ином языке не мотивированы и, следовательно, лишены смыслового содержания. Только при условии актуализации этимона нашему сознанию раскрывается его смысл, мотивируемый его внутренней формой.

Литература

1. Авоян Р. Г. Значение в языке. – М.: Высш. шк., 1985. – 103 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
3. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. – Л.: Наука, 1978. – 177 с.
4. Бондарко А. В. О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики. – СПб.: Наука, 1998. – С. 51–63.
5. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка. – М.: Прогресс, 1993. – 528 с.
6. Витгенштейн Л. Философские работы. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с.
7. Гуссерль Э. Логические исследования // Избр. раб. / сост. В. А. Куренной. – М.: Территория будущего, 2005. – С. 5–64.
8. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – М.: Наука, 1988. – 309 с.
9. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. – М.: МГУ, 1982. – 480 с.
10. Манаенко Г. Н. Значение языкового выражения и его онтология // Предложение и слово: сб. науч. ст. – Саратов: Наука, 2010. – С. 195–200.
11. Мерло-Понти М. Око и дух. – М.: Искусство, 1992. – 63 с.
12. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб.: Ювента: Наука, 1999. – 605 с.
13. Михайлов В. А. Смысл и значение в системе речемыслительной деятельности. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992.
14. Самигулина Ф. Г. Речевая коммуникация: когнитивный и синергетический аспекты // Предложение и слово: сб. науч. ст. – Саратов: Наука, 2010. – С. 248–253.
15. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. – Изд. 2-е, перераб. – М.: Наука, 1977. – 340 с.
16. Сулейменова Э. Д. Понятие смысла в современной лингвистике. – Алма-Ата: Мектеп, 1989. – 160 с.
17. Сыроваткин С. Н. Значение высказывания и функции языка в семиотической трактовке // Вопр. языкознания. – 1973. – С. 43–50.
18. Kintsch W. Learning, memory, and conceptual processes. – New York: Wiley, 1970. – 498 p.

Literatura

1. Avojan R. G. Znachenie v jazyke. – M.: Vyssh. shk., 1985. – 103 s.
2. Alefirenko N. F. Spornye problemy semantiki. – M.: Gnozis, 2005. – 326 s.
3. Bondarko A. V. Grammaticheskoe znachenie i smysl. – L.: Nauka, 1978. – 177 s.
4. Bondarko A. V. O stratifikacii semantiki // Obshchee jazykoznanie i teorija grammatiki. – SPb.: Nauka, 1998. – S. 51–63.
5. Bjuler K. Teorija jazyka: Reprezentativnaja funkcija jazyka. – M.: Progress, 1993. – 528 s.
6. Vitgenshtejn L. Filosofskie raboty. – M.: Gnozis, 1994. – 612 s.
7. Gusserl' E. Logicheskie issledovanija // Izbr. rab. / sost. V. A. Kurennoj. – M.: Territorija budushhego, 2005. – S. 5–64.
8. Kasevich V. B. Semantika. Sintaksis. Morfologija. – M.: Nauka, 1988. – 309 s.
9. Losev A. F. Znak. Simvol. Mif. – M.: MGU, 1982. – 480 s.
10. Manaenko G. N. Znachenie jazykovogo vyrazhenija i ego ontologija // Predlozhenie i slovo: sb. nauch. st. – Saratov: Nauka, 2010. – S. 195–200.
11. Merlo-Ponti M. Oko i duh. – M.: Iskusstvo, 1992. – 63 s.
12. Merlo-Ponti M. Fenomenologija vosprijatija. – SPb.: Juventa: Nauka, 1999. – 605 s.
13. Mihajlov V. A. Smysl i znachenie v sisteme rechemyslitel'noj dejatel'nosti. – SPb.: Izd-vo SPbGU, 1992.
14. Samigulina F. G. Rechevaja kommunikacija: kognitivnyj i sinergeticheskij aspekty // Predlozhenie i slovo: sb. nauch. st. – Saratov: Nauka, 2010. – S. 248–253.
15. Solncev V. M. Jazyk kak sistemno-strukturnoe obrazovanie. – Izd. 2-e, pererab. – M.: Nauka, 1977. – 340 s.
16. Sulejmenova Je. D. Ponjatie smysla v sovremennoj lingvistike. – Alma-Ata: Mektep, 1989. – 160 s.
17. Syrovatkin S. N. Znachenie vyskazyvanija i funkcii jazyka v semioticheskoj traktovke // Vopr. jazykoznanija, 1973. – S. 43–50.
18. Kintsch W. Learning, memory, and conceptual processes. – N. Y.: Wiley, 1970. – 498 p.

ПЕДАГОГИКА
PEDAGOGICS

УДК 37

Н. А. Заруба

ПОДГОТОВКА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КОМПЕТЕНТНЫХ КАДРОВ ДЛЯ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ТРАНЗИТИВНОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассмотрены особенности подготовки специалистов для сферы культуры в условиях транзитивного общества на основе компетентностного подхода; определены признаки транзитивного общества; выделены принципы подготовки профессионально-компетентных кадров и др.

Ключевые слова: транзитивное общество, система социокультурного образования, организатор социально-культурной деятельности и др.

N. A. Zaruba

PREPARATION OF COMPETENT PROFESSIONAL SERVICES PERSONNEL FOR CULTURE IN TRANSITIVE SOCIETY

The consequence of the transitivity of the modern Russian society was that it was fractured at the level of the values of life, and at the level of life-styles, that it was devoid of social significance of the national idea, etc. In these conditions are put in a new issue of training and education of personnel, which requires a fundamental reform of the entire system of social and cultural education. New to the national system of vocational education was a priority to ensure graduates are not only professional, but also basic social and cultural competencies and attitudes.

Given that the socio-cultural sphere – the area primarily creative rather than craft and reproductive activity, that the activity is not possible to organize the scheme, according to standard methods and technologies to be considered as the essential ideas of innovation, promotion of continuous, multi-level, multi-disciplinary, multi-dimensional training as the strategic direction of the reform of professional training of socio-cultural sphere.

Qualitatively new specialist – is a skilled organizer of social and cultural activities, and not just her professional performer. Such a specialist in culture transitive society, which is characterized by confrontation and conflict (economic, ideological, political, and national), is able to implement integrative actions to ensure civil harmony and stability, bringing people together, respect for human dignity.

Keywords: transitive society, socio-cultural system of education, the organizer of social and cultural activities, etc.

Социально-экономические реформы и демократические преобразования в российском обществе обусловили инновационные тенденции подготовки профессиональнокомпетентных кадров для сферы культуры в условиях транзитивного общества. По мнению ведущих российских ученых, «задача каждого государства, каждого разумного человека», состоит в том, чтобы «сделать XXI век более безопасным и более справедливым, чем XX век» (см. [1; 2; 3] и др.). Но решение этой задачи невозможно без формирования гуманного общества, а также социального государства. Российское общество на современном этапе развития, как считают многие исследователи, – это «безответственное общество» (см. [1; 3] и др.).

С точки зрения науки социологии, «безответственным» можно назвать общество, в котором обнаруживается глобальный дефицит продолжительности жизни и здоровья граждан, а также дефицит информации, интеллекта, благоразумия, милосердия, культуры, толерантности и других общечеловеческих ценностей. К этому следует отнести и снижение уровня потребности общества в работниках

высшей и высокой квалификации, и повышение уровня спроса в работниках низкой квалификации. Безответственность общества выражается и в том, что сравнительно образованное население России живет недолго и бедно, а также во многом другом. Это свидетельствует, к сожалению, о деинтеллектуализации населения нашей страны; о том, что бедный и недолго живущий российский гражданин не в состоянии испытать комфорт и не в состоянии стремиться к прогрессу общества в целом.

Хаос и неразбериха современной жизни, развал семей, общественных институтов – все это следствие утраты ответственности. Не отвечая за содеянное, человек не имеет возможности адекватно оценить глубину и характер нарушений, он не может осознать свою безответственность, а следовательно, и меру ответственности за эти нарушения. Разрушается его связь с окружающим миром и людьми, обескровливается само содержание жизни в обществе, формируется безответственное общество. В безответственном обществе рождается, в свою очередь, безответственное искусство как продукт безответственного общества.

О транзитивности современного российского общества уже много писалось и говорилось. Например, о том, что оно расколото и на уровне ценностей жизни, и на уровне стилей жизни; что оно лишено социально значимой национальной идеи; что в нем господствуют насилие, коррупция, незащищенность многих социальных групп (см. [1] и др.).

«Транзитивное общество», с точки зрения целого ряда исследователей, – это переходное, модернизирующееся, трансформирующееся общество, находящееся на этапе перехода из одного состояния (нестабильности) в другое (стабильности) (см. [2; 3] и др.). «Транзитивное общество», в целом, описывает состояние динамического перехода к обществу с относительно стабильной структурой. Итогом транзитивного состояния в развитии любого общества является вступление его в иную стадию и утверждение новых социальных отношений.

В. Б. Агранович, обобщив ряд исследований, выделил атрибутивные признаки транзитивного общества:

- неустойчивость, неравномерность протекающих социальных процессов, как правило, необратимых по своему характеру;
- временный характер;
- вероятность, альтернативность, многовариантность развития;
- быстрота протекающих процессов и состояние социальной нестабильности;
- отсутствие целостности, полноты свойств и признаков социальных форм отношений и др. (см. [1] и др.).

Думается, что эти признаки не являются окончательными и устоявшимися; их выявление – это процесс постоянно осуществляющийся, исследователи, например, к числу признаков также относят: *адаптивность* транзитивного общества, его *диверсифицированность, перманентность* и др. [1 и др.].

Перспектива такого общества, очевидно, может быть связана, во-первых, с *технологиями,* которые способны повысить результативность труда и здоровья населения, если они направлены на его качество жизни; *во-вторых, с социальной организацией общества*, с необходимостью его обновления и модернизации.

Следует заметить, что в России уже существует разрыв между технологической «переразвитостью» и социальной недоразвитостью общества [1]. Это касается прежде всего, информационной технологизации общества в последние десятилетия.

С одной стороны, люди информированы, активны и общаются в масштабах всего мира, и эти качественные преобразования социума *не только* свидетельствуют о его технологизации, но и позволят преодолеть его *транзитивность*.

С другой стороны, информационные технологии могут еще больше расколоть общество в результате информационного давления и господства, свидетелем этого мы были, наблюдая за революционными событиями в Каире.

Решающим *фактором* и ресурсом в преодолении *транзитивности общества* выступает *развитая человеческая личность*. Следовательно, поиск и реализация средств, направленных на ее разви-

тие, – важнейшая задача современности. Конечно, хочется надеяться, что именно на это направлены модернизация образования, реформы высшего профессионального образования и, прежде всего, в сфере социокультурной подготовки профессионально компетентных кадров.

Каковы же *роль и место* образовательных учреждений, осуществляющих подготовку специалистов в области культуры, в решении вышеозначенных проблем? В чем особенность подготовки профессионально компетентных специалистов?

Понятно, что радикальные *политические, экономические, социальные* преобразования, произошедшие в нашей стране за последние два десятилетия, не могли не сказаться на мировоззрении людей, их культуре. В течение краткого периода времени мы пережили резкий *спад* интереса к образованию и последовавший сразу же за ним лавинообразный *спрос* на него.

В *современном транзитивном обществе* образование воспринимается большинством населения не столько как внутренняя потребность, сколько как внешняя необходимость. И исследователи, и преподаватели отмечают общее снижение интереса к учебе у нынешнего поколения студентов, их подчеркнутое нежелание следовать принятым в процессе обучения нормам, более того, стремление вступать с этими нормами и их носителями в открытую конфронтацию. Студенты переносят в учебные аудитории сленг, манеру поведения и общения, не характерные для общественных организаций и учреждений. Их кругозор предельно узок, настолько, что само употребление термина «кругозор» очень часто бывает просто неуместно.

В стране, несмотря на кризис, происходит «образовательный бум», почти 90 % выпускников средних школ поступают в вузы, многие сразу же после поступления начинают параллельно получать «второе высшее». Но результаты этих образовательных стратегий не впечатляют: качество подготовки специалистов низкое, рынок труда испытывает дефицит профессионально компетентных кадров. В обществе растет число обладателей дипломов о высшем образовании, а общая культура населения неуклонно снижается.

В соответствии с Государственной программой Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы, принятой 27.11.2012, одной из острейших проблем высшего профессионального образования определена проблема *несоответствия* структуры профессионального образования и потребностей рынка труда. В ней обращается внимание на то, что сохраняется и проблема низкой инновационной активности вузов, и неоправданно недостаточного вклада высшей школы в развитие национальной экономики *по инновационному сценарию.*

На этом фоне особым вызовом является полноценное разворачивание современной магистратуры и аспирантуры в соответствии с принципами Болонского процесса. Да, за последние годы резко увеличилось количество аспирантов и магистров, но, все согласны с тем, что их научно-инновационная продуктивность не растет. Присоединение России к Болонскому процессу стало прорывом в многолетней изоляции российского высшего образования от глобального рынка талантов, знаний и технологий. Однако до полноценной *интеграции* в мировое образовательное пространство еще далеко.

Важнейшей проблемой для системы высшего профессионального образования является качество и квалификация работников всех ее уровней. Сегодня только треть преподавателей вузов ведет исследования, меньше 10 % из них интегрированы в международное академическое сообщество. Качественное обновление преподавателей высшей школы предполагает не только защиту диссертаций, написание научных статей, но и изменение их функций и роли как преподавателей вуза.

Указанные в Программе вызовы и проблемы перед отечественным профессиональным образованием, понятно, не способствуют снижению уровню транзитивности российского общества, не способствуют его безопасности и справедливости. Сложившаяся социально-культурная ситуация в российском транзитивном обществе по-новому поставила проблемы обучения и воспитания кадров, потребовала коренного реформирования всей *системы социокультурного образования.*

Новой для отечественной системы профессионального образования является приоритетная задача обеспечения выпускников не только профессиональными, но и базовыми *социальными и культурными компетенциями и установками*. К ним относятся и компетенции *организации коллективной*

работы, *межкультурной коммуникации*, в том числе через *радикальное обновление системы практик*, через вовлечение студенческой молодежи в позитивную *социальную деятельность*, включая занятия физкультурой и спортом.

Однако начавшиеся процессы реализации новых подходов к профессиональной подготовке специалистов социально-культурной сферы, адаптации системы образования к запросам быстро меняющегося транзитивного общества сталкиваются с рядом противоречий следующего порядка:

- между социальными проблемами и образованием (наличие острой потребности в человеке нового общества и сложность его формирования с помощью социокультурного образования в связи с кризисом в экономике и социальной сфере);

- между необходимым уровнем образования, определяемым мировым образовательным пространством, и недостаточной теоретической разработанностью социокультурного образования, его новой образовательной стратегии и тактики, приверженностью утрачивающим свою актуальность формам и содержанию образования;

- между уровнем прежних теоретических разработок (философских, психологических, педагогических) развития системы *культурно-просветительного образования* и методологией, обосновывающей практику подготовки *специалистов социально-культурной сферы;*

- между новой теорией развития личности в системе *непрерывного социокультурного образования* и новой практикой, при которой требуется новый методологический уровень разработки проблемы, технологий для успешного решения задачи развития самосознания человека, его творческого потенциала.

Учитывая, что социокультурная сфера – область преимущественно творческой, а неремесленно-репродуктивной деятельности, что данный вид деятельности по схеме, по стандартным методикам и технологиям принципиально невозможен, необходимо рассматривать сущностной идеей инноваций выдвижение непрерывной, многоуровневой, многопрофильной, многоаспектной профессиональной подготовки как стратегического направления реформирования профессиональной подготовки специалистов социально-культурной сферы.

К приоритетным направлениям реализации этой идеи следует относить:

- замену императивной педагогики педагогикой сотрудничества и развития;

- конструирование учебного процесса с двух сторон (обучение через деятельность);

- актуализацию содержания и методов обучения за счет активного использования в учебном процессе результатов и технологий научного поиска;

- создание психологически комфортной среды обучения, обеспечивающей академические свободы преподавателю и студенту в выборе форм и методов обучения, создание условий и стимулирование ритмичной интенсивной учебной работы студентов;

- использование технологий обучения, которые пробуждают познавательную активность обучаемого, содействуют становлению самостоятельности мышления и деятельности; представляют собой учебные занятия по сопровождению, направлению, поддержке развития обучающегося способами, активизирующими его самостоятельную деятельность;

- интенсификацию учебной деятельности, требующую, с одной стороны, высокого научно-методического уровня работы и постоянного творчества преподавателя, с другой – формирования у студентов умения работать в условиях учебной группы, вместе искать ответы на вопросы преподавателей, осуществлять анализ, обобщение, доказательство, решение познавательных, творческих задач и др.

Для решения этих и многих других проблем нужен *качественно новый специалист*, а именно, *умелый организатор социально-культурной деятельности, а не просто ее профессиональный исполнитель.* Так как в руках этого специалиста культура в условиях транзитивного общества, состоящего из конфронтации и противостояний (экономических, идеологических, политических, национальных), и она остается единственной интегрирующей силой, которая еще может обеспечить гражданское согласие и стабильность, объединить людей в общих чувствах добра, справедливости, правды, уважения человеческого достоинства.

Литература

1. Социальное взаимодействие в транзитивном обществе: сб. науч. тр. / под ред. д-ра эконом. наук М. В. Удальцовой. – Новосибирск: НГАЭиУ, 2003. – Вып. V. – 472 с.
2. Технологическое и профессиональное образование в России и за рубежом как фактор устойчивого развития общества: мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. – Новокузнецк, 2011. – Ч. 2. – 271 с.
3. Шпак Л. Л., Заруба Н. А. Дезадаптация в контексте повседневной жизни. – Кемерово, 2009. – 446 с.

Literatura

1. Social'noe vzaimodejstvie v tranzitivnom obshchestve: sb. nauch. tr. / pod red. d-ra ekonom. nauk M. V. Udal'covoj. – Novosibirsk: NGAEiU, 2003. – Vyp. V. – 472 s.
2. Tehnologicheskoe i professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom kak faktor ustojchivogo razvitija obshchestva: mat-ly VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Novokuzneck, 2011. – Ch. 2. – 271 s.
3. Shpak L. L., Zaruba N. A. Dezadaptacija v kontekste povsednevnoj zhizni. – Kemerovo, 2009. – 446 s.

УДК 37

Т. Ю. Рубцова, М. И. Губанова

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ АКТУАЛИЗИРОВАННЫХ ЖИЗНЕННЫХ ПЕРСПЕКТИВ БУДУЩИХ АБИТУРИЕНТОВ ВУЗА

В статье рассматриваются актуальные проблемы жизненных перспектив будущих абитуриентов вуза, когда в ситуации социальной неопределенности, неустойчивости решающее значение приобретает не внешняя, а внутренняя детерминация в социальном поведении человека. Представлены новые подходы к решению проблемы формирования жизненных перспектив.

Ключевые слова: актуализированные жизненные перспективы, качество личности, сформированность и несформированность жизненных перспектив.

T. Y. Rubtsova, M. I. Gubanova

THE FORMATION FEATURES OF THE FUTURE HIGHER EDUCATION ENTRANTS' UPDATED VITAL PERSPECTIVES

The relevance and the practical importance of the chosen research subject are caused by several circumstances. Leaving school falls on the life period preceding the introduction of a person in early maturity. Graduates will have to begin new activity, and it is necessary that they would be socially active, joined by various forms of social practical work, and participate in problem solving for our society. Boys and girls have to conduct search with understanding of the world around, with adequate vision of themselves in it. The task becomes complicated also, because choosing the way in modern quickly changing conditions, seniors have to be guided not as much for today as for tomorrow's. Young people need to learn to predict, forecast, and be aware of requirements and opportunities in future social and economic situation. But graduates of modern educational institutions also experience the greatest difficulties solving this task.

Activities for formation of the updated life outlooks of the future higher education entrants include three interconnected and interdependent processes: social, pedagogical, psychological.

The author of the article discloses formation features of the updated life outlooks of the future higher education entrants, considering such aspects as factors and reasons of insufficient formation of personal ideas about the future, forming the stages of life outlooks, and the personal qualities, necessary for successful realization of vital perspectives.

In the author's opinion, such personality qualities as responsibility, ability for planning, ability for time-management, ability for life organization allow to realize successfully vital perspectives to the high school students, and the formation's condition motivational significant vital perspectives of the future entrants is realization of personal activity in the course of socialization.

Keywords: updated life outlooks, personality quality, maturity and immaturity of life outlooks.

В современном мире создается глобальная общность людей и одновременно обостряется потребность в сохранении человеком своей индивидуальности. Юноши и девушки не всегда находят правильные пути разрешения этого противоречия, теряют свою индивидуальность. Чтобы этого не случилось, необходимо поддерживать их духовные силы, развивать творческие способности, включать в инновационную деятельность, создавать условия для полноценной самореализации.

В качестве базового определения «актуализированных жизненных перспектив» мы рассматриваем внутреннее побуждение к деятельности, построенной в соответствии с жизненными целями и планами, актуальными для личности, жизненную ценность в процессе обучения и саморазвития личности. Можно ли говорить об общих для всех людей закономерностях их жизненного пути, актуализированных жизненных перспектив, если каждый путь индивидуален, представляет собой индивидуальную «историю» личности?

В исследованиях К. А. Абульхановой-Славской, Е. И. Головахи, И. В. Рябикиной, И. В. Ульяновой и др. показаны факторы и причины недостаточной сформированности представлений человека о своем будущем.

В реальных жизненных условиях возможны различные формы осознания будущего, иногда весьма далекие от его идеала. В чем же ещё находит проявление несформированность представлений человека о своем будущем? Причиной *несогласованности жизненных перспектив* старшеклассников является недостаточная самостоятельность и готовность к самоотдаче в будущей самореализации.

Причиной *несогласованных ценностных ориентаций является* невозможность осуществить выбор наиболее значимых сфер жизнедеятельности, когда равные по значимости ценности конкурируют в сознании человека, ему трудно определить первоочередные направления деятельности, на которых следует сосредоточить свои усилия. Это ситуация, когда хочется достигнуть успехов по многим направлениям, что далеко не всегда осуществимо в связи с ограниченностью индивидуальных ресурсов человека, прежде всего, «энергетических» [2, с. 263]. Противоречивость ценностных ориентаций, их конкуренция в ситуации жизненного выбора – исходный момент рассогласования того, чего хочет добиться человек в будущем и что он будет для этого предпринимать.

Содержательная и хронологическая неопределенность целей проявляется в отсутствии четких планов на будущее и сроков их реализации.

Причина несформированности представлений человека о своем будущем – неадекватность жизненных целей. Знание цели недостаточно для успешной деятельности, если нет представления о средствах ее достижения. Неадекватность жизненных целей и абстрактность жизненных планов могут проявляться в различных жизненных ситуациях. Одной из наиболее распространенных является ситуация выбора профессии, когда из тысяч профессий нужно выбрать одну, наиболее соответствующую склонностям и способностям старшеклассника.

Значимым для нашего экспериментального исследования стало утверждение Е. И. Головахи [1], что решение противоречий между намерением человека и встречными требованиями жизни предполагает прикладывание определенных усилий, творческий подход в поиске выхода из создавшейся ситуации. Для того чтобы возможности стали реальностью, необходимо:

- во-первых, чтобы планируемые события были увлекательными, способствовали удовлетворению индивидуальных интересов юношей и девушек, рождали в них стремление к осуществлению намеченных планов;
- во-вторых, они не должны быть искусственными, специально создаваемыми только для развлечения, нужна их неразрывная связь с жизнью, направляющая все усилия человека на серьезные социально-полезные дела;
- в-третьих, поставленная перспектива должна быть доведена до логического конца.

Таким образом, формирование актуализированных жизненных перспектив возможно в результате постоянного доминирования определенных мотивов (внутренней направленности личности), постоянной внутренней работы, сознательных актов воли, а также в процессе последовательного прохождения трех основных этапов:

- выбора основного для человека направления жизни;

- решения противоречий между намерением человека и встречными требованиями жизни;
- творческого созидания своей жизни.

Рассмотрим следующий аспект содержания формирования актуализированных жизненных перспектив будущих абитуриентов вуза – *качества личности*, необходимые для успешной реализации жизненных перспектив. В результате изучения различных исследований данного вопроса (К. А. Абульханова-Славская, Е. И. Головаха, И. С. Кон, С. Л. Рубинштейн, В. Франкл, В. Э. Чудновский и др.) мы пришли к выводу, что важными качествами человека для реализации своих возможностей и жизненных планов являются:

- *ответственность* (ответственность возникает в связи с тем, что каждое совершающееся «сейчас» действие необратимо. Ответственность – это способность человека детерминировать события, действия в момент их осуществления, по ходу их свершения, вплоть до радикального изменения всей жизни, способность отвечать не только за себя, но и за других людей, за их судьбы, за характер своих с ними взаимоотношений);
- *способность к планированию* (план – это бросок в будущее, план дня – это будущее сегодня. Грамотное планирование – продумывание оптимального распорядка дел и общего направления жизни, соответствующего жизненным ценностям личности. Такое планирование не только не исключает отдых и развлечения в жизни человека, напротив, в некоторых случаях обязывает отдыхать. Грамотное планирование развивает самоконтроль, самоуважение, собранность, внушает оптимизм, придает энергии. Планирование жизни можно начать с самого простого – со списка дел и занятий на каждый предстоящий день);
- *способность управлять временем* (личность рассматривается как субъект времени; только выступая в качестве реального субъекта, организующего время своей жизни, человек получает возможность своевременно и адекватно включаться в решение общественных задач, соотносить необходимое и свободное время своей жизни, как на основании социальных запросов, так и на основании собственных планов, перспектив);
- *способность к организации жизни* (заключается в том, чтобы не поддаться жизненному потоку, не раствориться в нем, забыв о собственных целях, задачах. Это и способность так связать и осуществить дела, ситуации, чтобы они подчинились единому замыслу, сконцентрировались на главном направлении, придать им желательный определенный ход).

Следовательно, такие качества личности, как ответственность, способность к планированию, четкой организации жизни, способность управлять временем позволяют успешно реализовывать свои жизненные планы. Условием формирования актуализированных жизненных перспектив будущих абитуриентов является реализация активности личности в процессе социализации. Для этого требуется следующее:

- создание образовательного пространства, ориентированного на открытость, вовлечение социума, семьи;
- включение старшеклассников в социально полезную деятельность;
- формирование единства профессиональной и жизненной перспективы, реализуемое через профориентационную деятельность, что позволит старшеклассникам в процессе рефлексии осознать собственные ценности, проанализировать и понять социокультурную ситуацию, мобилизовать индивидуальные ресурсы, мотивационную и волевую готовность к решению жизненных проблем.

Особенности формирования актуализированных жизненных перспектив будущих абитуриентов вуза заключаются в следующем:

- на *организационном* уровне:

а) актуализация различных видов профориентационной деятельности старшеклассников (мастер-классы, деловые игры, Дни знакомств с институтом, встречи с преподавателями вуза, клубы по интересам и т. д.);

б) создание особого образовательного пространства в Центре довузовского образования (спектр направлений деятельности, учитывающий интересы старшеклассников, их востребованность), способствующего реализации не только интеллектуального и творческого потенциала старшеклассников, но и конкурсных достижений выпускников школ в период подготовки к поступлению в вуз;

- на *содержательном* уровне: применение индивидуального подхода к будущим абитуриентам вуза, с учетом их личного выбора, активизация деятельности старшеклассников;

- на *технологическом* уровне: отбор, выбор, разработка организационных форм деятельности будущих абитуриентов вуза, направленных на их самоопределение.

Технологическое обеспечение выбора мотивационно значимых жизненных перспектив в организации деятельности старшеклассников включает:

- разработку программ, в том числе модульных курсов, индивидуальных подходов в обучении старшеклассников на курсах по подготовке к поступлению в вуз;

- разработку и внедрение проектов деловых игр «Школа юного инвестора», «Школа юного профи», «Школа юного менеджера» и т. д.;

- разработку практических пособий по математике, русскому языку, истории, обществознанию для слушателей курсов по подготовке к поступлению в вуз;

- разработку проектов: «Мастер-класс», «День знакомства с институтом», «Фокус-группа», «Звездный час», награждение победителей и призеров олимпиад школьников имени Н. П. Румянцева и других конкурсов.

В процессе теоретического осмысления мы выделили основные направления деятельности будущих абитуриентов вуза, способствующие формированию их жизненных перспектив, создали пространство, где старшеклассники могут реализовывать творческий, интеллектуальный потенциал и в процессе деятельности находят свой способ самовыражения и самоопределения как субъекта деятельности, строят собственную жизненную перспективу.

Таким образом, деятельность по формированию актуализированных жизненных перспектив будущих абитуриентов вуза включает три взаимосвязанных и взаимозависимых процесса: *социальный, педагогический, психологический.*

Для успешного решения проблемы формирования жизненных перспектив старшеклассников необходимо объединить усилия их самих, семьи, общеобразовательных учреждений, определить перспективы взаимодействия, что является одной из задач Центра довузовского образования и профессиональной ориентации.

Многоаспектная деятельность Центра довузовского образования переродилась в идею создания «Школьного экономического университета» как сообщества обучающихся 8–11 классов. Мы посчитали, что название «Школьный экономический университет» отражает более полно деятельность Центра, его цели и задачи. Мы создали сайт для школьников, где размещались новости «Школьного экономического университета», результаты деятельности, достижения школьников, были разработаны информационные буклеты для старшеклассников и их родителей.

Структура «Школьного экономического университета» (ШЭУ) соответствует основным направлениям деятельности Центра довузовского образования и профессиональной ориентации:

- «Довузовская подготовка» – практико-ориентированное обучение (курсы по подготовке к поступлению в вуз);
- «Путь к научным знаниям» – привлечение старшеклассников к исследовательской деятельности;
- «Олимпиадное движение» – проведение олимпиад школьников;
- «Школа экономики и права» – организация цикла деловых игр;
- «Арт-площадка» – творческая деятельность старшеклассников;
- «Профориентатор» – профориентационная деятельность, диагностика (тестирование по программам «Профориентатор», «К-ЕГЭ: подготовка»).

В Центре довузовского образования в рамках «Школьного экономического университета» (ШЭУ) сегодня, а этого требует время, и это главное в нашей практике, осуществляется комплекс подходов в профориентационной работе: диагностический, информационный, развивающий. Именно включение старшеклассников в реализацию проектной деятельности, исследовательскую работу, привлечение к участию в деловых играх и т. д. дает возможность им самоопределиться, выстроить жизненную перспективу на ближайшее будущее.

Литература

1. Головаха Е. И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. – Киев: Науковая думка, 1988. – 128 с.
2. Мудрик А. В. Социализация человека: учеб. пособие. – М.: МСПИ; Воронеж: МОДЭК, 2010. – 624 с.

Literatura

1. Golovaha E. I. Zhiznennaja perspektiva i professional'noe samoopredelenie molodezhi. – Kiev: Naukovaja dumka, 1988. – 128 s.
2. Mudrik A. V. Socializacija cheloveka: ucheb. posobie. – M.: MSPI; Voronezh: MODEK, 2010. – 624 s.

УДК 37

Иванова Тинка Димитрова

ОБУЧЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЮ В БОЛГАРСКОЙ ШКОЛЕ

В истории болгарского образования христианская культура имеет постоянное место. Одним из наиболее используемых способов ее вхождения в школьное образование является специальный предмет для изучения православия. Еще с момента возникновения болгарской школы в эпоху Средневековья создается традиция воспитания грамотных болгар и добрых христиан. Школа и церковь работают совместно для передачи этой традиции из поколения в поколение. В статье делается хронологический обзор, который доказывает историческое присутствие православия в болгарском образовании. Основными средствами воспитания добрых христиан является не только учебное содержание, но и ритуалы, обычаи, праздники, создающие невидимые «мосты» между школой и церковью во имя добродетели.

Ключевые слова: обучение православию, учебное содержание, школьное законодательство, атеистическое образование, религия как учебный предмет.

Ivanova Tinka Dimitrova

EDUCATION OF ORTHODOXY IN BULGARIAN SCHOOL

There is a special subject called Orthodoxy in the history of Bulgarian educational system. This subject has gone through various stages of development, which differ in continuity, social importance of religious education, the number of pupils taught in religion, the name of the religious subject and the training of teachers in this area. These stages are:

- During the Ottoman rule in monastery schools which existed for four centuries and had typical medieval religious character;
- From 1878 to 1944 as the Law of God, the subject was mandatory in all schools;
- From 1944 to 1946, as the Law of God, the subject was an optional subject and was taught only in primary schools and in secondary schools;
- From 1947 to 1997 there was no subject connected with the Christian religion and education in the Bulgarian schools and there was an emphasized atheism;
- From 1997 to 2003 as a school subject Religion, which was initially introduced as a freely elective subject and later as compulsory elective subject for training of students from I-st grade to VIII-th grade;
- From 2003 to present days – the subject Religion is part of the compulsory elective and freely elective training of students from I-st to XII-th grade for one hour weekly for each type of training.

Ever since the Bulgarian educational system emerged in the Middle Ages, the Church Slavic liturgical language and literature were placed in the center of the religious schools. Under the Ottoman rule, the Orthodox educational system proved to be a reliable way of defending the Bulgarian identity and preserving faith.

The liberation of Bulgaria in 1878 changed the socio-economic conditions in the development of the education. The educational legislation in force during the period from 1878 to 1944 recognized Religion as a subject, not only in public but also in private schools. The orthodox education in mainstream schools was carried out directly and indirectly. The direct education was connected with the teaching by the Law of God, while the second was connected through training of other subjects. The Christian culture is present in school life through solemn ceremony and the celebration of the greatest Christian holidays.

The political events of 9.9.1944 had a direct impact on religious education in mainstream schools. With the constitution of 1947 and the Act on Religion of 1949 the education of religion was completely eliminated from the curriculum in Bulgarian schools. Five decades of atheistic upbringing followed.

The subject Religion was introduced in the Bulgarian educational system from 1997 to 2003, which could be taught from the 1-st grade to XII-th grade by all students who were interested in this area in the form of compulsory and/or elective training classes. Instruction № 2 of 2003 is the specific regulation which deals with the organization, procurement, financing and control of the religious education in public schools.

The historical review demonstrates traditional presence of Orthodoxy in Bulgarian schools.

Keywords: Orthodoxy education, subject content, educational legislation, atheistic education, subject Religion.

ОБУЧЕНИЕТО ПО ПРАВОСЛАВИЕ В БЪЛГАРСКОТО УЧИЛИЩЕ

В историята на българското образование християнската култура има своето запазено място, макар че са различни пътищата, по които тя навлиза в училищното ежедневие. Един от най-често използваните начини е като учебно съдържание и специален учебен предмет за изучаване на православие. Той също преминава през различни етапи на развитие, отличаващи се по продължителност, обществена значимост на религиозното образование, брой обучавани ученици по религия, название на религиозния учебен предмет, подготовка на учителите в тази област. Въз основа на посочените критерии могат да се обособят следните етапи в обучението по православие в масовото българско училище:

• по време на османското владичество в килийни училища, които съществуват около четири века и имат типичния за Средновековието религиозен характер;

• от 1878 г. до 1944 г. като Закон Божи, който е задължителен учебен предмет във всички училища;

• от 1944 г. до 1946 г. като Закон Божи, който е избираем учебен предмет и се изучава само в началните училища и в прогимназиите;

• 1947 г. до 1997 г. в масовото българско училище няма учебен предмет, свързан с християнската религия и възпитанието има подчертано атеистичен характер;

• от 1997 г. до 2003 г. като учебен предмет Религия, който е въведен първоначално само за свободноизбираема подготовка, а след това и за задължителноизбираема подготовка на учениците от I до VIII клас;

• от 2003 г. до настоящия момент като учебен предмет Религия, който присъства в задължителноизбираема и/или свободноизбираема подготовка на учениците от I клас до XII клас с един час седмична натовареност за всеки вид подготовка.

Още с възникването на българското училище през Средновековието се създава традиция за възпитаване на грамотни българи и добри християни. Училището и църквата работят съвместно за нейното предаване от поколение на поколение. Това особено ясно проличава по време на османското иго, когато килийните училища съхраняват езика и вярата на поробения народ. В тях се изучават Часослов, Псалтир, Апостол, църковно пеене. Учениците, които се подготвят за бъдещи свещеници, се запознават и със Светчето и Требника. Средновековният тип образование поставя в центъра на килийното училище църковнославянския език и богослужебната литература.

С появата на идеята за светско образование и развитието на българската педагогика през Възраждането започва подбор на православното учебно съдържание съобразно възрастта на учениците и включването му като отделен раздел в буквари, читанки, учебници по география. То значително намаля по обем, но трайно присъства в обучението, защото възпитаването на добри християни остава като една от основните задачи на българското училище. С утвърждаването на светския характер на образованието постепенно религиозното обучение започва да се провежда само в рамките на един учебен предмет. Неговото наименование и конкретно съдържание до Освобождението през 1878 г. зависят от училищното настоятелство и подготовката на учителите, назначени от него. В различни населени места то носи различно название – Закон Божи, Катехизис, Благонравие и християнска етика, Църковна история [1].

Предметите, свързани с усвояването на православието, оформят вероизповедното направление в учебния план на училището и винаги се поставят на първо място. Те имат за цел християнското възпитание на подрастващите. Неговите основни предимства през XVIII в. – XIX в. учители и духовници виждат в признаване и уважаване на отделната личност, в неговата еднаквост за двата пола.

Религиозното обучение поражда и необходимостта от учебници. В периода 1824 г. – 1850 г. за православното образование на българите са издадени 4 Катехизиса, 4 Свещени истории, 1 Нов завет, 1 Свещено цветосъбрание. В следващите десетилетия до Освобождението има подем в развитието на учебникарството и за целите на българското образование се издават около 281 учебника. От тях 41 учебника са насочени към изучаването на православието в масовото училище. Това са 20 Свещени истории, 14 Катехизиса, 4 Кратки свещени истории и кратък катехизис, 2 Закон Божи, 1 Българска църковна история. Част от учебниците са преведени от немски, гръцки и руски език като преобладават преведените от руски. Сред преводачите и авторите на тези учебници са видни български възрожденци – Тодор Хрулев, Йоаким Груев, Христо Г. Данов, Драган Манчов, Сава Радулов, Петко Р. Славейков, Иван Момчилов, Христо Ваклидов, Никола Михайловски. В условията на робство православното образование се оказва сигурно средство за отстояване на българското самосъзнание, за запазване на вярата [5].

Освобождението на България през 1878 г. променя социално-икономическите условия за развитие на образованието. То се отразява непосредствено и върху облика на училището. Наследило демократичните традиции от Възраждането, по законодателен път училището получава светски характер. Първият нормативен акт, който регламентира неговата организация в условията на Третата българска държава, е Привременен устав за народните училища, утвърден от княз Дондуков-Корсаков на 29 август 1878 г. Според този закон целта на първоначалното училище е да учи децата на четене и писане, да развива в тях началните религиозни и нравствени понятия и да им дава първоначални полезни познания за живота. През последните десетилетия на XIX в. православието също остава фактор за обединяването и издигането на българската нация.

Просветното законодателство, действащо в периода 1878–1944 гг., утвърждава Вероучението като учебен предмет не само в обществените, но и в частните училища. Макар че след Освобождението масовото училище има светски характер, възпитанието в него се осъществява в духа на православието, защото нравствено-религиозното възпитание се приема като негова съществена задача. Доказателство за това е, че във всички учебни планове и програми религията се поставя на първо място. В посочения период се приема, че присъствието на религията като учебен предмет не противоречи на светския характер на образованието, тъй като под «светско» училище тогава се разбира училище, «в което липсва религиозният учебен материал или се дава в скромен размер, възпитанието не става в религиозен дух, учителите не се подбират с оглед на тяхното религиозно верую и ръководството принадлежи на светските власти – общински, областни или държавни» [2, с. 112]. По този начин светският характер на масовото българско училище не изключва религиозния материал от обучението, но го ограничава в рамките на един учебен предмет. Според Михаил Герасков той е “необходим” и като такъв присъства в учебните планове, защото:

- част от обществото е религиозно, църквата съществува като обществен институт;
- религията е важен културен фактор в миналото и днес не е изгубила своето значение;
- християнството съдържа морални елементи, които са общоприети човешки ценности;
- детето трябва да се подготви за правилни отношения с религията и религиозните организации и училището не може да пренебрегва това [2].

Православното възпитание в масовото училище се осъществява по пряк и косвен начин. Първият е свързан с обучението по Закон Божи, а вторият – чрез обучението и по други учебни предмети като Четене, Пеене, Нравоучение, История. Християнската култура присъства в училищното ежедневие и чрез иконата, поставена на видно място, за да закриля учениците; чрез тържествения водосвет, с който по традиция се открива всяка учебна година, освещава се всяка нова учебна сграда. Училището отбелязва големите християнски празници. Дори имената на ваканциите са свързани с тях – Коледна и

Великденска. Учениците задължително участват в молебени, отслужвани по различни поводи, в панахиди в памет на падналите за отечеството, в благотворителни утра и вечеринки. Училището и църквата заедно отбелязват Деня на народните будители (1 ноември), Деня за християнизиране на младежта (3 декември), Деня на Светите Братя равноапостоли Кирил и Методий (11 май). Посоченото е доказателство за връзката между църковния и училищния календар, което още повече укрепва православните традиции в българското образование. Това се отразява и върху избора на училищните настоятели, почитането на църковни празници от учители и ученици.

Макар че непрекъснато променя съдържанието, обема и значението си, Вероучението или Закон Божи присъства във всички учебни планове от Освобождението до учебната 1945/46 година. То се изучава без прекъсване от началното училище до горните класове със седмична натовареност, варираща между един и два часа. По отношение на учебното съдържание в часовете по Закон Божи се изучават най-често използваните молитви в живота на един православен християнин, провеждат се беседи за значението на религиозните празници в тяхната последователност през годината като се свързват със събития от Свещената история, наизустява се Символът на вярата, обясняват се молитви и църковни ритуали. Този учебен предмет предоставя на подрастващите не само необходимите познания за християнството като религия, но и утвърждава неговите ценности и добродетели, възпитава уважение към църквата като обществена институция.

Както всички учебни предмети, така и Закон Божи се преподава от учителите, но в тази област Министерството на просвещението се съобразява с препоръките на специален съвет към Светия Синод, който следи за методиката на обучение. Масовото обучение по религия изисква и подготвени в тази област учители. Закон Божи или Вероучение като предмет присъства в различните видове учебни заведения за подготовка на учители по един или два часа седмично най-често през първата и втората година на обучение. Според Светия Синод през разглеждания период просветното министерство трябва допълнително да уточни изискванията си към учителите, които преподават Вероучение. Църковната власт предлага те да не бъдат лица от неправославното вероизповедание, както и лица с материалистически или противорелигиозни убеждения. Още в края на XIX в. с допълнение на просветния закон се забранява на учителите "да дразнят" с думи и дела религиозните чувства на населението.

Политическите събития от 9.IX.1944 г. се отразяват пряко върху религиозното обучение в масовото училище. С няколко Окръжни от края на 1944 г. и началото на 1945 г. Министерството на народната просвета премахва Вероучението от учебната програма както в основното училище, така и в педагогическите училища. То отменя четенето на молитви преди и след часовете. През учебната 1945 г. – 1946 г. Вероучение може да се изучава факултативно, по един час седмично в първоначалните училища и в прогимназиите. Със заповед на временния просветен министър д-р Рачо Ангелов през януари 1946 г. се нарежда училището да остане на неутрални позиции спрямо църквата. С конституцията от 1947 г. и Закона за вероизповеданията от 1949 г. Вероучението напълно отпада от учебното съдържание на българското училище. Така почти за половин век се прекъсва една от традициите в българското образование. Прекъсването на традицията не се случва изведнъж, макар че управляващите имат такива механизми за действие. Преминаването на обучението по религия от задължително в избираемо, отпадането му за някои образователни степени и видове училища се явява като отдушник на общественото несъгласие с водената през посочения период образователна политика.

Следват пет десетилетия на атеистично възпитание. Социално-икономическите промени през 90-те години на XX в. отново поставиха на дневен ред възстановяване на традицията за обучение по православие в българското училище. От 1997 г. до 2003 г. след много дебати и различни мнения то извървя отново пътя за въвеждане на учебен предмет Религия. Нормативните актове, върху които се основава обучението по него, са:

- Конституция на Р. България – чл. 6. ал. 1, ал. 2; чл. 13. ал. 1, ал. 2, ал. 3;
- Закон за вероизповеданията – чл. 4. ал. 1, ал. 4;
- Закон за народната просвета – чл. 4. ал. 1, ал. 4; чл. 5; чл. 15. ал. 1;

• Правилник за приложение на Закона за народната просвета – чл. 4. ал. 1, ал. 2, ал. 3;

• Закон за степента на образование, общообразователния минимум и учебния план – чл. 10. ал. 4; чл. 15. ал. 3;

• Инструкция № 2 на Министерство но образованието и науката от 23 юни 2003 г. за провеждане на обучението по учебен предмет Религия.

Създадената нормативна база в българското образование в края на XX в. и първото десетилетие на XXI в. регламентира учебния предмет Религия, който под формата на задължителноизбираема и/или свободноизбираема подготовка може да се изучава от I клас до XII клас от всички ученици, заявили интереса си към тази област. Инструкция № 2 от 2003 г. е конкретният нормативен акт, който разглежда организацията, осигуряването, финансирането и контрола на обучението по религия в обществените училища [8]. Чрез нея се утвърждава неконфесионален модел на религиозно образование в училище, което е с регламентиран светски характер на обучението. Препятствия в тази насока се оказаха както последствията от атеистичното възпитание, съществувало при социализма, така и надценяването на конфесионалния модел от по-далечното минало, който обаче има богати традиции в България [7].

Историческият преглед доказва традиционно присъствие на православието в българското образование. Основни средства за възпитаването на добри християни е не само учебното съдържание, но и ритуали, обичаи, празници, създаващи невидими «мостове» между училището и църквата в името на добродетелта. Това ни задължава да не забравим и да предадем на следващите поколения, че началото на първото българско светско училище в Габрово през 30-те години на XIX в. се полага с клетвата на Никола Палаузов и Васил Априлов «Во имя Отца и Сына и Светого духа. Амин».

Литература

1. Атанасов Ж. Религията и възпитанието в началното училище // Начално образование. – 1991. – Кн. 5. – С. 14–18.
2. Герасков М. Основи на дидактиката. – София, 1934.
3. История на образованието и педагогическата мисъл в България. – София, 1975. – Т. 1.
4. История на образованието и педагогическата мисъл в България. – София, 1982. – Т. 2.
5. Иванова Т. Религията като учебен предмет в българското училище или възможните поуки от една традиция // Шести Светиниколаевски православни образователни четения. – Бургас, 2008.
6. Иванова Т. Европейски практики и насоки за обучение по религия в държавните училища // Годишник на Университет «Проф. д-р Асен Златаров». – Бургас, 2009. – Т. XXVIII.
7. Иванова Т. Обучението по религия в българското училище – между традициите и принципите от Толедо // Предизвикателства на висшето образование и научните изследвания в условията на криза: междунар. науч. конф. – Бургас, 2010.
8. Наредба № 2 от 23 юни 2003 г. за провеждане на обучението по учебен предмет «Религия» // Държавен вестник. – Бр. 60.

Literatura

1. Atanasov Zh. Religijata i vŭzpitanieto v nachalnoto uchilishche // Nachalno obrazovanie. – 1991. – Kn. 5. – S. 14–18.
2. Geraskov M. Osnovi na didaktikata. – Sofija, 1934.
3. Istorija na obrazovanieto i pedagogicheskata misŭl v Bŭlgarija. – Sofija, 1975. – T. 1.
4. Istorija na obrazovanieto i pedagogicheskata misŭl v Bŭlgarija. – Sofija, 1982. – T. 2.
5. Ivanova T. Religijata kato ucheben predmet v bŭlgarskoto uchilishche ili vŭzmozhnite pouki ot edna tradicija // Shesti Svetinikolaevski pravoslavni obrazovatelni chetenija. – Burgas, 2008.
6. Ivanova T. Evropejski praktiki i nasoki za obuchenie po religija v dŭrzhavnite uchilishcha // Godishnik na Universitet "Prof. d-r Asen Zlatarov". – Burgas, 2009. – T. XXVIII.
7. Ivanova T. Obuchenieto po religija v bŭlgarskoto uchilishche – mezhdu tradiciite i principite ot Toledo // Predizvikatelstva na vissheto obrazovanie i nauchnite izsledvanija v uslovijata na kriza: mezhdunar. nauch. konf. – Burgas, 2010.
8. Naredba № 2 ot 23 juni 2003 g. za provezhdane na obuchenieto po ucheben predmet «Religija» // Dŭrzhaven vestnik. – Br. 60.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES

УДК 374.7

О. А. Калимуллина

ДОСУГ КАК СФЕРА ПРОЯВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

В статье мы говорим о том, что досуг интегрирует множество разрозненных аспектов жизни человека в единое целое, формируя у него представления о полноте своего существования, то есть досуг является нелинейной самоорганизующейся структурой, в которой происходит формирование творческой направленности личности.

Ключевые слова: досуг, досуговое время, личность, творческая направленность, творческая направленность личности, подход, социокультурная деятельность.

O. A. Kalimullina

LEISURE AS A SCOPE AND CREATIVE DIRECTION OF A PERSONALITY

Creative personality orientation is one of the few topics that are not often seen as an object of scientific analysis, for several reasons: more widespread study of creative activity of the individual, creative and self-development needs, while the direction of a person, being the multi-component complex phenomenon, allows us to offer this study. The main feature of the formation of creative orientation of the individual in terms of leisure is to direct the main potential of the individual in the right direction, to ensure the development of his need-motivational systems in the works to create the conditions to meet the basic needs of the creative personality, and to ensure the formation of the main component of the creative orientation of the individual goal setting creativity and the ability to apply a basic form of creative knowledge and skills into practice. It serves as a structural element of free time, the content is filled with activities, which allows not only to overcome the stress and fatigue, but also to develop the spiritual and physical quality on the basis of socio-cultural needs of an individual. Under leisure the author understands of free time, which the individual spends in his sole discretion in not immutable duties, and realization of individual interests and formation of his creative orientation.

Keywords: leisure, leisure-time, identity, creative direction, creative personality orientation, approach, sociocultural activities.

В общей стратегии воспитания в образовательной системе России досуговая деятельность выделяется как важнейший компонент духовно-творческого развития как детей и молодежи, так и взрослого населения. Проблема досуга не новая, однако в ней много нераскрытых проблем с учетом современной динамичной и меняющейся социально-культурной ситуации, так как последствия реализации досуга могут быть неоднозначными и полярно противоположными. В истории цивилизации со времен Античности формируются разные идеи и на их основе – концепции о сущности досуга в процессе обучения и воспитания. С одной стороны, досуг является проявлением духовности, признаком вершины творческого развития личности, с другой – приводит к асоциальным явлениям и даже криминальным последствиям. Неслучайно в работах современных исследователей появились такие понятия, как «массовизация досуга» (М. М. Поплавский), «криминальный досуг», «девиантный досуг» (Е. В. Омельченко), что подчеркивает проникновение асоциальных практик в широкое культурное пространство современного человека. Тем не менее в какой бы форме досуг не существовал, он всегда был и остается предметом внимания государства как важнейший компонент мировоззрения.

Проанализируем некоторые формы человеческой жизнедеятельности, так как они интегральны относительно друг друга и многодоминантны. Под многодоминантностью мы будем понимать различ-

ные формы, методы и виды досуга как нелинейной системы. Наиболее репрезентативной методологией такого анализа представляется теоретикометодологический подход структурно-функциональной парадигмы научного анализа. Данная парадигма сосредоточивается на исследовании организационно-функциональных, системных аспектах досуговой жизнедеятельности. Соответствующим образом мы будем рассматривать и сферу досуга, при рассмотрении которой акцентируется внимание на структурных элементах построения данной подсистемы современного социума и на особенностях ее функционирования. Теоретические и прикладные условия оптимизации социально-культурной деятельности в сфере досуга раскрываются в работах М. А. Ариарского, Г. М. Бирженюка, Г. В. Брындиной, С. Н. Иконниковой, А. П. Маркова, В. В. Кирсанова, Р. Г. Салахутдинова, А. А. Сукало, В. Я. Суртаева, Б. А. Титова и др.

Анализ структурной и функциональной организации досуговой жизнедеятельности позволяет выявить ее синергетические аспекты, которые воплощены в социально-личностных характеристиках современного индивида. Для этого мы будем рассматривать досуг как самостоятельную систему жизнедеятельности, детерминирующую в себе функции, факторы, особенности, присущие структурно-функциональному подходу. Сфера досуга и отдыха – важнейшая часть повседневности, к тому же за годы экономических перемен в стране она претерпевает своеобразную «революцию предпочтений». Это выражается не только в том, что существенно расширяются возможности заполнения своего досуга для большинства населения страны, но, в частности, и в том, что происходят качественные типологические сдвиги по отношению к свободному времени, его ценности как таковой. Именно поэтому в современном обществе возникает острая потребность в правильной организации досуга, так как свободное время людей – важнейшая социальная сфера, требующая государственной поддержки и правильной организации. От того, как организован досуг, зависит морально-психологический климат в обществе, культурный уровень данного общества, физическое и нравственное здоровье данного общества. Работники, которые провели отпуск, выходные, праздничные дни в форме интеллектуального, образовательного досуга реже заболевают, меньше конфликтуют, обладают сформированной творческой направленностью.

Отдых квалифицируется как процесс, направленный на создание среды, способствующей открытию в себе и развитию черт, которые делают человека счастливым. К выбору вида отдыха нужно подходить с такой же серьезностью, как к выбору любого дела, так как полноценный отдых позволяет повысить качество жизни вообще.

В диссертационном исследовании Е. Ю. Шеховцовой обозначены следующие модели досуговой активности личности:

1) познавательная модель основана на предпочтениях тех видов досуговой активности, которые позволяют получать познавательную информацию, знания, необходимые в процессе образования, в практической деятельности;

2) коммуникативная модель – предпочтения отданы тем видам досуга, которые обеспечивают взаимодействие в группах и обществе в целом (в среднем по всем возрастным группам эмоциональное и дружеское общение составляет главное направление);

3) развлекательная модель – характеризуется потребностью в расслаблении, переключении в видах деятельности, направленных на выход положительной энергии за счет посещения кафе, баров, ресторанов;

4) творческая модель – позволяет реализовать творческий потенциал, направленный на самореализацию, самовыражение в творчестве;

5) пассивная модель подразумевает нежелание заниматься никаким видом деятельности при выборе досуговой активности, предпочтение «ничегонеделания» и отдыха любому активному виду досуговой активности;

6) в смешанной модели используются различные комбинации предыдущих моделей досуговой активности [11].

По определению отечественного исследователя Г. А. Аванесовой, под досугом современного человека подразумевается время, которое свободно от необходимого труда в сфере общественного производ-

ства, а также от воспроизводства человеком своих жизненных функций в рамках домашнего хозяйства и социальных отношений [1, с. 7]. В. Е. Новаторов отмечает, что «культурно-досуговая деятельность представляет достаточно сложную систему, элементами которой выступают миссия, конкретные цели деятельности, объект и субъект деятельности, содержание, средства достижения поставленных целей, формы и методы (в других случаях – способы и приемы) выполнения тех или иных работ, наконец, материальная база и финансовое обеспечение» [6, с. 109]. Как и во всякой социальной системе, в культурно-досуговой деятельности все элементы тесно взаимосвязаны.

А. Д. Жарков считает, что досуг – это часть свободного времени, используемая для общения, потребления ценностей духовной культуры, развлечений и других видов нерегламентированной деятельности, обеспечивающих отдых, а среди разнообразных социальных характеристик досуга наиболее важными представляются две:

- досуговая деятельность является, как правило, непроизводственной деятельностью;
- досуговые виды деятельности выбираются самостоятельно, по собственной инициативе [4].

По его мнению, в сфере досуга перекрещиваются интересы личности и общества. Личность, не включенная в профессиональную деятельность отрасли культуры, фактически не имеет другого, кроме досугового, времени для собственного культурного волеизъявления.

Кроме этого А. Д. Жарков отмечает, что в последнее время появляется тенденция повышения интереса ученых и практиков к исследованию воспитательного потенциала досуга. Это объясняется многими причинами, порождаемыми современными процессами, и глубинными, соответствующими самой природе человека. Как отдельному человеку, так и целому социальному слою свойственны виды деятельности, реализация которых возможна лишь в сфере досуга. Таковы, в частности, потребности в индивидуальной и коллективной творческой деятельности, в знакомстве с произведениями искусства, посещении культурно-досуговых программ, чтении художественной литературы, просмотре телевизионных передач и др.

В аспекте нашего исследования особенно важна мысль А. Д. Жаркова о том, что главной ценностью сегодня выступает досуговая деятельность, которая соответствует общечеловеческим нормам морали, высоким образцам художественного вкуса, задачам творческого роста личности, что соотносится с целями формирования досуговой культуры [4].

Досуг выступает в качестве структурного элемента свободного времени, его содержание наполнено деятельностью, позволяющей не только преодолевать стрессы и усталость, но и развивать духовные и физические качества исходя из социокультурных потребностей личности. В то же время досуг является относительно самостоятельной сферой жизнедеятельности личности. Основной признак, отличающий время досуга от свободного времени, – это возможность выбора видов деятельности исходя из своих социокультурных интересов и духовно-нравственных предпочтений. Человек волен распоряжаться временем досуга по своему собственному усмотрению в соответствии со своими ценностными ориентациями.

В. Е. Триодин считает, что «досуг следует рассматривать как форму любительской деятельности, психологически воспринимаемую как удовольствие, а субъективно оцениваемую как высшую ценность» [8, с. 152]. Автор отмечает, что по мере духовного роста человека последовательно обогащается и его досуг, и если нет условий для его поступательного развития, это приводит к негативным последствиям. Именно в условиях неразвитости конструктивных начал досуговой деятельности, свободное времяпрепровождение превращается в фактор антикультуры, порождает условия для пьянства, наркомании, разврата и других антиподов образа жизни любого цивилизованного общества. В. Е. Триодин выявил, что структура досуга, соответствующая прогрессивному усложнению и развитию потребностей личности, представляется рядом уровней деятельности, отличных друг от друга по своей культурной значимости [8].

Ю. А. Стрельцов к основным характеристикам досуга относит свободу от обязанностей (все необходимое уже выполнено и можно делать то, что хочется); возможность выбора (поскольку мы свободны и наше поведение управляется изнутри, мы приобретаем великое право самостоятельно выбирать вид и род занятий); неутилитарность досуговой деятельности (она самодостаточна и обладает процессуаль-

ной ценностью), гедонистичность досугового поведения (личность находится в поисках радости и удовольствия, наслаждения); компенсационность (возвышающая активность направлена на возмещение того, что люди недополучают в других сферах своей жизнедеятельности) [7].

Ю. А. Стрельцов отмечает, что досуг имеет свой объем и величину, свою структуру и содержание. Под структурой досуга понимается построение, взаиморасположение и связь его основных частей. К последним автор относит потребление культурных ценностей (чтение, слушание, телесмотрение, посещение всевозможных культурно-досуговых центров), самообразование, культурно-творческие занятия, любительские занятия типа хобби, физкультурно-оздоровительные мероприятия, игровую деятельность, досуговое общение, пассивный отдых («ничегонеделание») и затраты времени, совпадающие с явлениями антикультуры. «Характеристика досуга как состояния человека, – считает автор, – в данный отрезок времени базируется на квалификации физического и психического самочувствия, расположения духа, настроения. Применительно к досуговым знаниям – это практически всегда фиксируемый сознанием личности уровень ее психологического комфорта, степень ощущения удовольствия, наслаждения. Вполне понятно, что возникающие здесь переживания могут иметь неодинаковый характер, но, как правило, они развиваются в позитивном, мажорном ключе» [7, с. 7].

Д. В. Шамсутдинова рассматривает досуг в ракурсе социально-культурной интеграции личности. По ее мнению, досуг имеет ресурсы оптимизации процессов социально-культурной интеграции личности в силу того, что он выступает одновременно и как социальное, и как культурное явление:

«Во-первых, в социальной перспективе он создает дополнительные по отношению к другим институтам условия для социальной интеграции личности;

Во-вторых, обеспечивает гармонизацию процессов инкультурации и самореализации личности за счет свободного и личностно-детерминированного потребления и создания культурных благ» [10, с. 153].

Под досугом автор понимает часть свободного времени, которую индивид расходует по собственному усмотрению не на непреложные обязанности, а на реализацию индивидуальных интересов.

Д. В. Шамсутдинова пришла к выводу, что досуговая деятельность обладает значительными ресурсами, создавая дополнительные условия для социализации и одновременно обеспечивая гармонизацию процессов инкультурации и самореализации личности – за счет своего культурного содержания, коллективных форм организации и личностной мотивации [10].

Н. Ф. Максютин, анализируя особенности влияния досуга на формирование личности, выделяет следующие направления организации досуга:

1. Досуг обеспечивает формирование нового круга общения и притязания личности на признание, связанного также с формированием нового ролевого статуса, что важно для саморазвития личности.

2. Деятельность в сфере досуга – это деятельность по интересу и по свободному желанию, которая максимально способствует развитию интереса, возвышению потребности, с которой этот интерес связан. В сфере досуга мы имеем шанс формирования неодномерной личности.

3. Досуг формирует навыки социальной активности, самоорганизации и самоуправления. Отсюда – мостик к развитию политической культуры и творческой активности личности в других областях общественной жизни.

4. Досуговая деятельность, коллективная, социализированная в значительной мере, ставит поведение личности в сфере досуга под социальный контроль, оказывается фактором управления поведением личности. Речь идет, конечно, о социализированных формах досуга. То есть сам факт вовлечения человека в орбиту деятельности библиотеки, музея, клуба, кинотеатра, театра и других досуговых учреждений, независимо от уровня интереса и активности индивида, уже педагогически положителен.

5. Смена среды общения в досуге и свобода выбора видов деятельности является важным фактором гармонического развития личности [5, с. 18–19].

Кроме того, досуг в его античном понимании был мерой оценки не только человеческого в человеке, но и сверхчеловеческого, божественного. Критерием для подобной оценки являлись мудрость, интеллектуальное развитие, достигаемое в досуговое время. Поэтому свобода мысли, творческого воображения, созидающая человека в человеке и приближающая его к подобию бога, являлась ключевым

смыслом и целью досуга. И в этом контексте, по мнению современного исследователя С. В. Андреевой, феномен досуга был родственен тому смыслу понятия «игра», который вкладывал в него нидерландский историк культуры Й. Хейзинга (см. [2, с. 43]). Согласно его концепции, игра – более древнее состояние мира, чем культура, первородное по отношению к человеку, присущее животным и являющееся фактором превращения неразумного примата в человека [9, с. 37]. Исходя из всего вышесказанного, С. В. Андреева делает вывод о том, что сущностью досуга является игра как свободное действие, сопровождающее человека осознанием «иного бытия». В своей статье «Феномен досуга: история и современность» она пишет: «Современное досуговое время неоднородно и протекает в трех параллельных плоскостях – реальной, виртуальной и идеальной. И хотя в досуговом пространстве эти плоскости зачастую смешиваются, но вместе с тем они находятся как бы в обособленном состоянии от общественного бытия, как игра по концепции Й. Хейзинги. По этому принципу Хейзинга сравнивает игру с неким “сакральным действием”, священным культовым актом. Это, в свою очередь, определяет досуг как сакральное игровое действие, осуществляемое в мире реального бытия» [2, с. 42].

Если посмотреть на феномен досуга с ценностной точки зрения, то главной аксиологической характеристикой данного феномена является самореализация личности. Иными словами, то, как человек проводит свободное время, говорит не только о его склонностях, интересах, деятельностной направленности, уровне интеллектуального и духовного развития, но и о том, в каких направлениях он хочет развиваться и самосовершенствоваться.

Другими важными аксиологическими позициями досуга являются отдых и движение, служащие восстановлению физических сил и душевного равновесия. Также в жизни общества досуг ценен для стабилизации, снятия напряженности, предотвращения общественных конфликтов, укрепления солидарности, взаимосвязи поколений, общения, удовлетворения потребностей личности в радости и т. д. От умения направлять свою деятельность в часы досуга на достижение общезначимых целей, реализацию своей жизненной программы, развитие и совершенствование своих сущностных сил во многом зависит социальное самочувствие человека, его удовлетворенность своим свободным временем.

Общеизвестно, что сфера повседневной жизнедеятельности личности делится на две основные подсистемы: трудовую и рекреативную. Последняя, в свою очередь, делится на бытовую и досуговую. Современная парадигма в области досуговой жизнедеятельности человека складывается из общей совокупности методов, средств, форм и подходов к интересующей нас проблеме. Свободное время индивида на современном этапе развития социума складывается из общей совокупности календарного времени личности и общества. Если рассмотреть интегральную позицию свободного времени, то оно представляет собой некую нелинейную систему (то, о чем мы говорили в предыдущих главах нашего исследования), которую можно рассматривать через систему научного анализа.

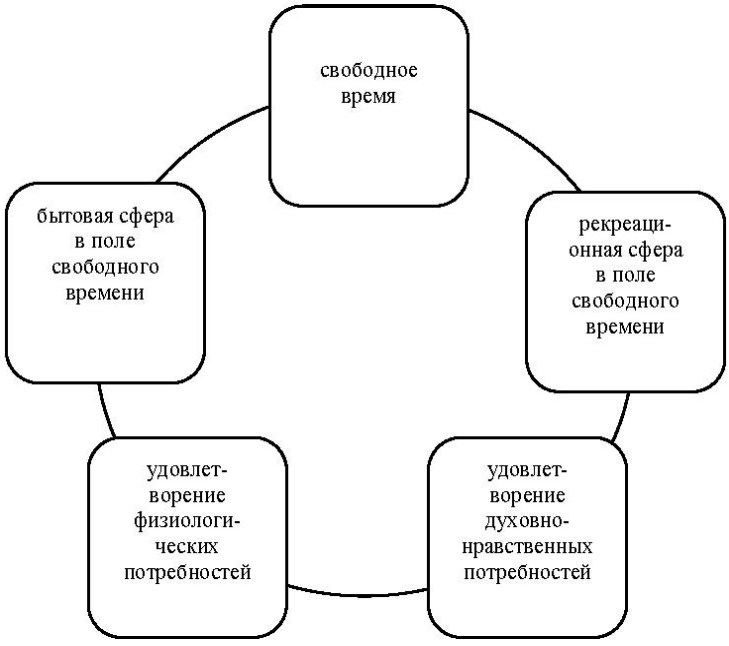


Рис. 1. Интеграционно замкнутый круг свободного времени

Свободное время, то есть время свободное от основной трудовой деятельности личности, мы можем представить, как интеграционно замкнутый круг (рис. 1).

В своем исследовании мы решили опереться на научную теорию Е. М. Бабосова, который выделяет следующие виды бытовой жизнедеятельности людей. Это интересно для нашего исследования, так как мы рассматриваем досуговое время в качестве флуктуационной позиции, которая непосредственно входит в свободное время индивида и является сложным нелинейным пространственным временем [3] (табл. 1).

Итак, Е. М. Бабосов предлагает следующие виды:

Таблица 1

1. Домашний труд	- повседневное обслуживание и самообслуживание, повседневная домашняя работа (приобретение товаров, приготовление пищи, уборка помещения, уход за одеждой и т. п.); - труд в домашнем и подсобном хозяйстве (труд в саду, огороде, ремонт мебели, помещений, уход за домашними животными и т. д.)
2. Занятия, посвященные детям и семейному общению	- непосредственный уход за малолетними детьми; - прочие занятия с детьми (игры, беседы, прогулки, проверка подготовки к урокам, встречи с учителями и т. п.); - беседы и общение взрослых членов семьи
3. Личностное досуговое общение с целью отдыха и развлечения	- общение с гостями и в гостях; - прогулки, встречи с друзьями и знакомыми вне дома, посещение парков, клубов, ресторанов, кафе, дискотек, и т. п.; - неспортивные игры – карты, домино, лото и др.
4. Повседневная культурная жизнь	Досуговое потребление культуры с целью отдыха, развлечения, получения информации, которое подразделяется на: - преимущественно домашние формы потребления культуры (просмотр телепередач, видеофильмов, слушание радио, звукозаписей, чтение журналов и газет); - посещение публичных зрелищ (кинотеатров, театров, концертов, музеев, спортивных соревнований и др.). Потребление культуры с целью личностного развития, повышения квалификации, уровня образования, сюда относятся: - учеба в вечерних и заочных школах, техникумах, вузах, на курсах и связанные с этим занятия; - самообразование. Непрофессиональное творческое изобретательство, любительство (рисование, резьба по дереву, вышивание и т. п.)
5. Занятия, посвященные активному физическому саморазвитию и общению с природой	- спорт и физическая культура; - отдых за городом, туризм, охота, рыболовство, собирательство
6. Занятия, связанные с удовлетворением физических потребностей	сон, еда, уход за собой, лечение

Анализируя данные научной систематизации Е. В. Бабосова, можно увидеть, что наиболее обширной по своим возможностям и потребностям является пункт, связанный с социокультурными потребностями человека, из чего напрашивается вывод, что именно социокультурная сфера досугового времени является одной из наиболее значимых в жизнедеятельности человека [3].

Мы выделяем ряд специфических социальных функций бытовой жизнедеятельности, которые составляют интегральную пирамиду социальных и социокультурных потребностей личности в условиях его свободного времени:

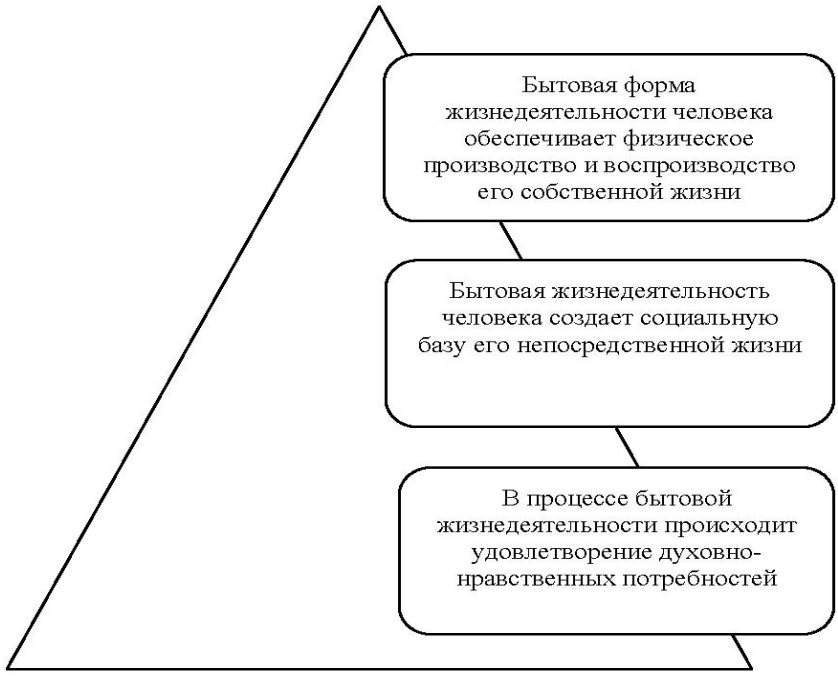


Рис. 2. Интегральная пирамида социальных и социокультурных потребностей личности

Таким образом, мы рассмотрели различные методологические подходы к определению границ быта и досуга человека и пришли к выводу, что именно бытовая форма образует собственно его свободное время, где досуг представляется относительно самостоятельной сферой деятельности индивида хотя и являющейся структурным элементом интегрального поля, которое является свободным временем в процессе жизнедеятельности человека и позволят формировать творческую направленность личности.

Литература

1. Аванесова Г. А. Культурно-досуговая деятельность: Теория и практика организации: учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 236 с.
2. Андреева С. В. Феномен досуга: история и современность // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2011. – № 3. – С. 42–45.
3. Бабосов Е. М., Вайнилович Э. Г., Бабосова Е. С. Управление персоналом. – М.: ТетраСистемс, 2012. – 288 с.
4. Жарков А. Д. Теория и технология культурно-досуговой деятельности. – М.: МГУКИ, 2007. – 480 с.
5. Максютин Н. Ф. Педагогические ресурсы досуга. – Казань: Медицина, 1996. – 140 с.
6. Новаторов В. Е. Современные технологии культурно-досуговой деятельности: состояние, проблемы, перспективы развития // Вестн. Ом. ун-та. – 2005. – Вып. 3. – С. 109–114.
7. Стрельцов Ю. А. Культурология досуга: учеб. пособие. – М.: МГУКИ, 2002. – 178 с.
8. Триодин В. Е. Педагогика клубной работы. – М., 1984. – 225 с.
9. Хейзинга Й. Homo Ludens: Статьи по истории культуры / пер. с гол. Д. В. Сильвестрова. – М.: Прогресс-Традиция, 1997. – 416 с.
10. Шамсутдинова Д. В. Социально-педагогические условия интеграции лиц с ограниченными возможностям: моногр. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 215 с.
11. Шеховцова Е. Ю. Досуг учащейся молодежи: состояние и перспективы развития: автореф. дис. … канд. социол. наук. – Тамбов, 2006. – 22 с.

Literatura

1. Avanesova G. A. Kul’turno-dosugovaja dejatel’nost’: Teorija i praktika organizacii: ucheb. posobie dlja studentov vuzov. – M.: Aspekt Press, 2006. – 236 s.
2. Andreeva S. V. Fenomen dosuga: istorija i sovremennost’ // Vest. Tom. gos. un-ta. – 2011. – № 3. – S. 42–45.
3. Babosov E. M., Vajnilovich E. G., Babosova E. S. Upravlenie personalom. – M.: TetraSistems, 2012. – 88 s.
4. Zharkov A. D. Teorija i tehnologija kul’turno-dosugovoj dejatel’nosti. – M.: MGUKI, 2007. – 480 s.
5. Maksjutin N. F. Pedagogicheskie resursy dosuga. – Kazan’: Medicina, 1996. – 140 s.
6. Novatorov V. E. Sovremennye tehnologii kul’turno-dosugovoj dejatel’nosti: sostojanie, problemy, perspektivy razvitija // Vestn. Om. un-ta. – 2005. – Vyp. 3. – S. 109–114.

7. Strel'cov Ju. A. Kul'turologija dosuga: ucheb. posobie. – M.: MGUKI, 2002. – 178 s.
8. Triodin V. E. Pedagogika klubnoj raboty. – M., 1984. – 225 s.
9. Hejzinga J. Homo Ludens: Stat'i po istorii kul'tury / per. s gol. D. V. Sil'vestrova. – M.: ProgressTradicija, 1997. – 416 s.
10. Shamsutdinova D. V. Social'no-pedagogicheskie uslovija integracii lic s ogranichennymi vozmozhnostjami: monogr. – Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2002. – 215 s.
11. Shehovcova E. Ju. Dosug uchashchejsja molodezhi: sostojanie i perspektivy razvitija: avtoref. dis. … kand. sociol. nauk. – Tambov, 2006. – 22 s.

УДК 37.013:378.1

В. П. Пешкова

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматриваются педагогические технологии формирования корпоративной культуры студенческой молодежи, ориентированные на формирование личностной и профессиональной идентичности. Отмечено особое значение социально-культурных технологий, используемых в учебном и воспитательном процессе, показана их незаменимая роль в формировании корпоративной культуры студенчества.

Ключевые слова: корпоративная культура студенческой молодежи, социально-культурные технологии, педагогические технологии, интерактивные технологии, социализация, инкультурация.

V. P. Peshkova

SOCIO-CULTURAL TECHNOLOGIES OF FORMING THE CORPORATE CULTURE OF STUDENTSHIP

A relevance of a search problem of the effective pedagogic technologies of forming the corporate culture of studentship is defined by different causes. The most important and marketable traits of a modern personality, that make possible a successful professional activity are: a sense of purpose, intellectual curiosity, diligence, critical thinking, creativity, risk appetite, compliance with the pressures, leadership.

These qualities are the basic elements of corporate culture of studentship as values, norms and behavioral models altogether obtained by a future specialist in the course of educational activities.

Corporate culture creates a role, rational and pragmatist space for personal and professional qualities development; it harmonizes intellectual and emotional spheres of a personality, providing the socialization together with self-fulfillment and construction of a personal and a professional identity. Nevertheless, the last few years' literature marks a deficit of the effective pedagogic technologies, that go within the time-spirit and the scale of the arising educational and socialization problems of the younger generation. In that context a problem of adaptation of effective socio-cultural technologies to the university specificity can enrich and enhance joint pedagogic effect.

A degree of the problem scientific development. The last few years, a considerable number of works was published, where the authors tried to classify pedagogic technologies, to show the creative abilities of a person, to educe the essential traits and to view technological process generally and apart (the researches by V. P. Bespalko, V. I. Bogolyubov, A. A. Verbitskii, A. M. Voronin, V. V. Guzeev, I. A. Zimney, G. L. Iliin, V. A. Katirev, N. V. Kuzmin, B. T. Likhachev, I. Y. Lerner, V. M. Monahov, V. Y. Pityukov, A. Y. Saveliev, P. K. Selevko, A. G. Semushkin, V. A. Slastenin, F. Yanushkevich and others).

A pedagogic technology is viewed as a "systematic and consistent implementation of a beforehand designed educational process", an educational system project, implemented in practice (V. P. Bespalko), a system of consistent and interdependent actions of a teacher, focused on pedagogic tasks solving as a systematic and consistent implementation in practice of a pedagogic project process (V. A. Slastenin), a psychological and pedagogic attitude cluster, that defines the development of educational methods as a pedagogic process tool (B. T. Likhachev).

Academic novelty. The analysis of socio-cultural activity technologies, used in the educational process is shown in work, as well as its essential role in corporate culture development of studentship.

The research results approbation. The faithfulness of the presented results are proved by the approbation, led in the period from 2011 to 2013 at the premises of a non-State educational institution of higher vocational education "Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences".

Keywords: a studentship corporate culture, sociocultural technologies, pedagogic technologies, interactive technologies, a socialization, an acculturation.

В условиях модернизации высшей школы, перехода на многоуровневую систему обучения существенно меняются квалификационные требования к подготовке специалистов, к уровню их профессиональной компетентности. Образовательные институты, выполняя заказ общества, формируют личность в соответствии с требованиями социума и рынка труда, обучают и воспитывают студенческую молодежь с максимальным учетом тех социальных условий, в которых ей придется жить и работать, решать профессиональные, социальные или жизненные проблемы, ориентируясь на гуманистические ценности. В число наиболее значимых и востребованных рынком труда характеристик современной личности, обусловливающих возможность успешного выполнения профессиональной деятельности, входят: целеустремленность, познавательная активность, трудолюбие, критичность, креативность, способность к риску, стрессоустойчивость, лидерство.

Данные качества являются базовыми элементами студенческой корпоративной культуры как совокупности ценностей, норм и моделей поведения, которые приобретает будущий специалист в процессе образовательной деятельности. Корпоративная культура создает ролевое, смысловое и деятельностное пространство для развития личностных и профессиональных качеств, необходимых будущему специалисту, она гармонизует интеллектуальную и эмоциональную сферы личности, обеспечивая социализацию в единстве с самореализацией, формирование личностной и профессиональной идентичности, гармонизацию представлений о себе и социуме.

Важнейшей функцией корпоративной культуры является формирование личностной и профессиональной идентичности, при этом значимым элементом среды общения, формирующим коммуникативное поле общности «мы» и особую духовную атмосферу, выступает социально-психологический климат профессионального сообщества.

Особое значение в процессе формирования личности имеет аксиологический ресурс студенческой корпоративной культуры, составляющими которого являются: мировоззрение личности как система представлений о мире, детерминирующая отношение человека к другим людям, обществу и природе; корпоративные ценности и значимые явления организационной жизни членов сообщества; институциональные нормы и неформальные требования, предъявляемые вузом и обеспечивающие сохранение и развитие корпоративного сообщества. Корпоративная культура способствует включению студента в жизнь образовательного учреждения, особенно на стадии его адаптации, так как фиксирует сведения о нормах, правилах, идеалах, стандартах деятельности, традициях, обычаях, ритуалах образовательного учреждения.

Корпоративная культура как объект и результат педагогических усилий требует использования всей совокупности личностно-ориентированных приемов и методов. Не случайно поиск эффективных педагогических (воспитательных, образовательных) технологий является ключевой проблемой педагогики всех времен. Не является исключением и сегодняшняя ситуация. В последние годы вышло значительное число работ, в которых авторы пытаются классифицировать педагогические технологии, показать их человекотворческие возможности, выявить сущностные характеристики и рассмотреть технологический процесс в целом или его отдельные структуры (исследования В. П. Беспалько, В. И. Боголюбова, А. А Вербицкого, А. М. Воронина, В. В. Гузеева, И. А. Зимней, Г. Л. Ильина, В. А. Катыреваа, Н. В. Кузьмина, Б. Т. Лихачева, И. Я. Лернера, В. М. Монахова, В. Ю. Питюкова, А. Я. Савельева, П. К. Селевко, А. Г. Семушкина, В. А. Сластенина, Ф. Янушкевича и других). Педагогическая технология рассматривается как «систематическое и последовательное воплощение заранее

спроектированного учебно-воспитательного процесса», реализуемый на практике проект педагогической системы (В. П. Беспалько); система последовательных и взаимосвязанных действий педагога, сосредоточенных на решении педагогических задач, как планомерное и последовательное воплощение в практической деятельности проекта педагогического процесса (В. А. Сластенин); совокупность установок психолого-педагогического характера, определяющих разработку способов, методов, приемов обучения и воспитания, как инструментарий педагогического процесса (Б. Т. Лихачев). Наиболее универсальная трактовка педагогической технологии рассматривает ее в трех аспектах: в научном (часть педагогической науки, занимающаяся изучением и разработкой целей, содержания, методов обучения); процессуально-описательном – как алгоритм процесса, система взаимосвязанных компонентов – целей, содержания, методов и средств достижения планируемых результатов обучения); процессуально-деятельностном – в виде непосредственной реализации технологического (педагогического) процесса, в котором задействованы личностные, инструментальные и методологические педагогические средства (Г. К. Селевко).

В структуре педагогической технологии выделяют базовые взаимосвязанные компоненты: концепцию, а также содержательную и процессуальную части. При этом любая педагогическая технология должна соответствовать ряду основных методологических требований: базироваться на определенной научной концепции, включающей философское, дидактическое, психологическое и социально-педагогическое обоснование целей образования; представлять собой систему, состоящую из взаимосвязанных компонентов и отражать логику технологического (педагогического) процесса; быть управляемой, что предполагает возможность диагностики целеполагания, планирования, проектирования процесса обучения, его коррекции с целью достижения запланированных результатов; быть эффективной с точки зрения соотнесения результатов и оптимальных затрат; быть воспроизводимой в иных похожих условиях.

В психолого-педагогической литературе (В. Г. Гульчевская, В. П. Беспалько, В. Т. Фоменко) представлены различные классификации педагогических технологий. В основу классификации могут быть положены различные критерии: по уровню применения технологии делятся на локальные (модульные), частнометодические (предметные) и общепедагогические; по философской основе технологии могут быть научными (сциентистскими) и религиозными; материалистическими и идеалистическими; диалектическими и метафизическими, гуманистическими; по ориентации на личностные структуры: личностно-ориентированные, гуманно-личностные, авторитарные, дидактоцентрические, антропософские и теософские, технологии сотрудничества и антигуманные, свободного воспитания и принуждения, прагматические и экзистенциалистские и другие; по ведущему фактору развития психики – социогенные, биогенные, психогенные и идеалистические технологии); по типу управления и организации познавательной деятельностью учащихся они делятся на взаимодействующие учителя с учеником и «разомкнутые»; цикличные (самоконтроль, контроль и взаимоконтроль); направленные или рассеянные (фронтальные); автоматизированные (с помощью технических средств) или вербальные; по критерию способ-метод-средство (репродуктивные, догматические, диалоговые, объяснительно-иллюстративные, игровые, творческие, коммуникативные, программированного, проблемного, развивающего, саморазвивающего обучения и др.) [1, с. 11].

В педагогической литературе последних лет отмечается дефицит эффективных педагогических технологий, соответствующих духу времени и масштабу возникающих проблем воспитания и социализации подрастающего поколения. В такой ситуации особую актуальность получает проблема адаптации к специфике вуза эффективных социально-культурных технологий, способных дополнить и усилить совокупный педагогический эффект. Практика показывает, что социально-культурные (культурно-досуговые, социальные) технологии способны эффективно решать задачи социализации, инкультурации, социально-культурной интеграции и реабилитации личности. Г. Н. Новикова определяет социально-культурные технологии как педагогические системы организационно-управленческих действий последовательных и алгоритмических, функционирования личностных, методологических и ин-

струментальных средств, направленных на достижение запланированных результатов. Е. И. Григорьева рассматривает технологию как методы, средства, формы социально-культурной деятельности, используемые в учебном процессе и с помощью которых достигаются планируемые результаты образования». А. Д. Жарков в технологии социально-культурной деятельности предлагает выделить «организацию» и «методику». Т. Г. Киселева и Ю. Д. Красильников рассматривают технологию социально-культурной деятельности как систему общей, функциональной и социально-дифференцированных методик, пополняющихся за счет современного и исторического опыта, накопленного в сфере культуры, просвещения, досуга и быта народами различных стран и континентов.

Педагоги среднего образования и высшей школы все чаще связывают повышение качества образования в вузе с личностно-ориентированными и диалоговыми технологиями, с интерактивными технологиями организации самостоятельной образовательной деятельности студентов. Основной репертуар технологий социально-культурной деятельности включает: образовательные, культуротворческие, культуроохранные, социозащитные, управленческие, исследовательские, проектные, информационные, коммуникативные, этнокультурные, рекреативные, альтернативные (инновационные) и другие. Технологии социально-культурной деятельности, используемые в учебном и воспитательном процессе, направлены на развитие личности, включение ее в культурно-ценностные социально-значимые отношения как главный смысл воспитания. Именно в этом проявляется их педагогический эффект. Как показывает практика вузовского образования, формирование и становление личности студента представляет собой непрерывный процесс качественного самоизменения, в рамках которого под воздействием различных факторов формируется субъектно-деятельностная позиция студента, потребность в саморазвитии, самосовершенствовании с учетом реализации жизненных ориентаций и потребностей как поиска своего места в жизни.

Социально-культурные технологии играют незаменимую роль в формировании корпоративной культуры студенчества. Дело в том, что их «площадкой» является сфера свободного времени, которое имеет особую значимость для всестороннего развития личности, приобщения к достижениям культуры, формирования профессиональной идентичности. В процессе совместной учебной и досуговой деятельности студентов накапливается социальный опыт, основными элементами которого выступают знания, умения, навыки, культурная компетентность, появляются различные социальные роли и функции, формируется эмоционально-ценностное отношение к действительности.

Следовательно, в рамках образовательного учреждения необходимо обеспечить широкий спектр видов внеучебной деятельности, способствующих индивидуализации и самореализации личности, а именно: включать студентов в научно-исследовательскую деятельность, в работу научно-практических конференций студентов и молодых ученых, в организацию конкурсов профессионального мастерства. Развитию личности способствует участие в работе творческих коллективов, фестивалей, спортивных соревнований, праздничных концертов, в международных конкурсах и фестивалях. Значимыми образами личностного развития могут стать встречи с авторитетными в своём деле людьми, с выпускниками, достигшими высоких результатов в своей профессии. Социально-культурные технологии способствуют формированию профессиональных компетенций, профессиональному самоопределению, профессиональному становлению и развитию личности на всех этапах внеучебной практической деятельности субъектов образовательного процесса, они позволяют интегрировать педагогическую среду вуза в общее социокультурное пространство. При этом значимую роль играют те виды социально-культурной деятельности, которые наполнены культурно-творческим содержанием, компенсирующим дефициты личностного развития и расширяющим возможности решения личностных проблем студента, предупреждают изолирующие тенденции в образе жизни и обеспечивает интеграцию студента в университетскую субкультуру.

Успешное формирование и развитие корпоративной культуры студентов вуза может быть обеспечено комплексным использованием нескольких базовых технологий. Одной из ведущих является

социально-культурное проектирование, в компетенции которого находится разработка модели корпоративной культуры, обоснование направлений и форм ее практической реализации. Социокультурное проектирование как технология представляет собой конструктивную, творческую деятельность, сущность которой заключается в анализе проблем и выявлении причин их возникновения, выработке целей и задач, характеризующих желаемое состояние объекта, разработке путей и средств достижения поставленных целей. Социальнокультурное проектирование выступает эффективным педагогическим инструментом формирования основ корпоративной культуры студенческой молодежи в сфере досуга, способствуя вовлечению студентов в субъективно значимые виды досуговой деятельности, стимулированию участия в творческих проектных инициативах.

Особый воспитательный смысл имеет *технология инкультурации*, способствующая приобщению индивида к ценностям и нормам, традициям и обычаям родной культуры, формированию вузовских традиций путем закрепления корпоративных ценностей и норм в культурных артефактах. Институт образования не имеет себе равных в решении задач инкультурации, в формировании в сознании человека целостной социокультурной картины мира, поэтому содержание образования, представляя собой часть культуры, одновременно выступает способом сохранения ее ценностно-нормативного ядра. Процесс инкультурации – это комплекс целенаправленных взаимодействий субъектов образовательного процесса на основе интериоризации духовных и материальных ценностей культуры, результатом которых становится мировоззрение личности и освоение всей совокупности ценностей, культурное развитие и духовное совершенствование личности.

В этом ряду следует назвать *технологию социализации*, сущность которой заключается в освоении личностью основного репертуара социальных ролей. В технологическом аспекте социализация предполагает включение личности в социально-коммуникативные и культурно-творческие виды деятельности, а также оптимизацию основных социально-психологических сфер жизнедеятельности подростка: семьи, учебной группы, субкультурного сообщества. В институциональном аспекте социализация основана на воспроизводстве социокультурного опыта, необходимого для полноценного включения подростка в общественную жизнь. Результатом социализации выступают: уровень развития личности (степень реализации способностей и возможностей); качество образа жизни (включая субъективно приемлемую широту рамок свободы и независимости, участие в социальных взаимодействиях, уровень культурной компетенции, удовлетворение культурно-досуговых потребностей). При этом базовыми критериями эффективности социализации являются: позитивная самооценка качества исполнения социальных ролей, поддерживаемая знаками признания со стороны ближайшего окружения; степень удовлетворенности личности своим социальным статусом в значимых сообществах и социально-психологических средах [3, с. 112]. Осуществляя передачу социального опыта от поколения к поколению, формируя у студентов не только общие и профессиональные компетенции, но и принятые в обществе особенности мышления и стили поведения, образовательное учреждение тем самым упорядочивает процесс социализации, используя ее позитивные и компенсируя негативные тенденции в учебно-воспитательном процессе. Механизм социализации эффективно действует в рамках той субкультуры, к которой относится человек и ровно настолько, насколько эта субкультура и ее члены значимы для человека. Субкультура интегрирует психологические и моральные признаки, характерные для людей конкретной профессии, культуры, возраста. В результате данного соединения возникает особый стиль жизни, способ мышления в той или иной возрастной, религиозной, профессиональной или социальной группе. Межличностный механизм социализации функционирует в процессе взаимодействия человека с субъективно значимыми для него (референтными) лицами (родители, друг, просто взрослый уважаемый человек). Через общение с этими людьми в человеке воспитываются категории нравственного порядка, составляющие основу для развития духовности [6, с. 102]. Характер влияния на социализацию человека тех или иных механизмов зависит от его возраста, пола, принадлежности к той или иной культуре и др. Эффективность процессов социализации студентов вуза зависит от следующих факторов: личностной

характеристики студента (аксиологический, практический, мотивационный и рефлексивный аспекты); отношения к учебно-воспитательному процессу в вузе; потребности студента к самообразованию и отношение к внешним источникам информации, в том числе и отрицательно влияющим на характер личности; успешности адаптации в вузе; взаимосвязи учебно-воспитательного процесса с требованиями будущей профессии; особенностей управления процессом социализации в вузе; роли внешней оценки успешности социализации (по результатам, со стороны преподавателей, товарищей и т. п.).

Особое значение имеет так называемая социализация в рамках будущей профессии. Как показывает практика вузовского образования, основная проблема молодых специалистов не отсутствие знаний, а неумение исполнять профессиональные обязанности, отсутствие профессиональной социализации. Под профессиональной социализацией понимают социопсихологический адаптационно-интеграционный процесс, в ходе которого, на основе существующей внутренней ориентации индивида, развития личностных ресурсов, под влиянием определенных агентов и институтов происходит усвоение профессиональных ролевых установок, знаний, норм, образцов поведения с последующим их воспроизводством в профессиональной деятельности [5, с. 97].

Для обеспечения успешной социализации молодого специалиста в профессиональной среде, его адаптации к нормам и требованиям, преобладающим в этой среде, безболезненному вхождению в трудовой коллектив через общую систему ценностей, традиций и норм поведения в вузах разрабатываются новые образовательные концепции, идеи, технологии, направленные на решение целого ряда педагогических задач: социально-культурных (ценностно-смысловых, морально-нравственных, познавательных), социально-психологических (связанных со становлением самосознания личности, самореализацией и самоутверждением, ее профессиональным самоопределением). В качестве значимого фактора и сферы формирования корпоративной культуры студенческой молодежи рассматривается досуговая деятельность, претерпевающая в настоящее время существенные изменения [4, с. 56].

Особый педагогический эффект в сфере досуга имеют интерактивные технологии, успешно решающие задачи трансляции корпоративных ценностей и норм, обеспечения взаимопонимания носителей корпоративной культуры, основанные на взаимодействии (преподавателя и обучающегося) и диалоге (непосредственном или опосредованном при помощи компьютерной техники), при котором студент становится активным субъектом этого взаимодействия. Понятие «интерактивный» происходит от английского interact (inter – взаимный, act – деятельность). Следовательно, интерактивные – основанные на взаимодействии, а эффективное взаимодействие предполагает диалог. Результативность диалога в образовательном процессе обеспечивается реализацией принципов, лежащих в основе диалогового общения (ценностно-смысловой контекстности содержания учебного диалога; рефлексивности субъектов диалога; согласованности в диалоге ценностей его субъектов (личностных и профессиональных); интерактивности и позиционной открытости в ситуации диалога; креативности и проективности их совместной деятельности, а также ценностно-смысловыми составляющими содержания образовательного процесса, создающими педагогические условия выбора определенной профессиональной позиции [7, с. 81].

Реализация и развитие интерактивных технологий в вузе возможны только через освоение новых методик, трансформацию имеющегося методического инструментария в интерактивный, исключающий доминирование какого-то одного участника или идеи в учебном процессе (например, лекция-диалог, лекция-беседа, семинар-дискуссия, компьютерное тестирование и т. д.). В процессе реализации интерактивных технологий решаются следующие задачи: активизации участия обучающего в создании образовательного результата, демократизации образовательного процесса; формирования творческих общепрофессиональных компетенций, востребованных работодателем. Основные методические инновации в профессиональном образовании связаны с применением интерактивных технологий не только в обучении, но и воспитании. Для формирования корпоративной культуры студенческого сообщества вуза в образовательном процессе используются следующие активные и интерактивные технологии:

проведение видеоконференций, интерактивных экскурсий, круглых столов (дебаты и дискуссия), ролевых деловых игр, применение метода case-study (анализ определенных ситуаций), «мозговой штурм», мастер-класс и различные виды тренингов. Особую значимость для студенчества в плане формирования корпоративной культуры имеют встречи за круглым столом с видными учеными, деятелями искусства, экономистами, юристами, представителями других государств и общественных организаций, учебно-воспитательных и культурно-просветительных учреждений, государственных органов и др.

По критерию средств воздействия социально-культурные технологии можно классифицировать на три группы: 1) вербальные технологии, использующие преобразующие возможности слова; 2) технологии, опирающиеся на культурную символику и предполагающие стимулирование в процессе обучения нормативного поведения аудитории путем целенаправленного ассоциирования стиля жизни (или его элементов) с определенной культурной символикой; 3) технологии, использующие в качестве основного средства воздействия образ значимой личности – компетенцией последних является формирование нормативных параметров отношения аудитории к различным явлениям и атрибутам жизнедеятельности (ценностям, стилю жизни, формам досуговой деятельности и т. д.) путем позиционирования аналогичного отношения со стороны субъективно значимых личностей или социальных групп. В образовательном пространстве университета эта технология реализуется через учреждение института почетных докторов, привлечение к преподаванию выдающихся деятелей культуры, науки, образования, обогащение университетского пространства портретами выдающихся деятелей культуры и искусства, которые оказывают стимулирующее воздействие на духовный рост личности студенческой молодежи. Социально-психологическая основа технологии референтации – универсальный механизм идентификации личности, обеспечивающий трансляцию и социокультурную преемственность: личность и деятельность определенного рода людей становятся образцом для подражания, тем самым приобретая своеобразную культурную функцию и становясь смысловым и семиотическим центром социума. Технология референтации является одной из наиболее эффективных в процессе формирования ценностей, норм и правил корпоративной культуры и степени воздействия на сознание и поведение студенческой молодежи [2, с. 78]. В психокультурном плане референтация является важнейшим условием самореализации личности, которая стремится найти в условиях внешней или внутренней среды тождественные ей, но «инобытийные» феномены – позитивные и негативные референты, выступающие в сензитивные моменты в качестве дополнительных элементов ее собственного развития [2, с. 78]. При этом другой человек становится значимым (референтным) для личности только тогда, когда он: является проекцией ее собственной сущности, то есть имеет значимые для личности идеальные и осуществившиеся в биографии другого человека личностные качества; являет собой персонифицированный способ решения жизненных проблем.

Таким образом, формирование студенческой корпоративной культуры в молодежной среде предполагает использование всего комплекса социальных, педагогических, социально-воспитательных и социально-культурных технологий, способных в совокупности сформировать социально-психологическую общность «мы», обеспечить формирование личностной идентичности и гармонизировать основные составляющие профессиональной подготовки: ценности, цели, знания и методы.

Литература

1. Борытко Н. М., Соловцова И. А., Байбаков А. М. Педагогические технологии: учеб. для студентов пед. вузов / под ред. Н. М. Борытко. – Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2006. – 59 с. – (Сер. «Гуманитар. педагогика». – Вып. 2).
2. Гатальский В. Д. Педагогическая пропедевтика как инновационная образовательная система профилактики девиантного поведения учащейся молодежи // Человек и образование. – 2011. – № 1. – С. 74–79.
3. Запесоцкий Ю.А. Реклама как фактор социализации современной молодежи // Изв. Рос. акад. образования. – 2013. – № 1.– С. 110–119.
4. Котельникова Н. В. Инновационные тенденции в сфере молодежного досуга в современной России: дис. ... канд. социол. наук. – Ставрополь, 2003. – 204 с.

5. Крапивко Е. Н. Социокультурные девиации студенчества в контексте переоценки ценностей в современной России: дис. ... канд. социол. наук. – Ставрополь, 2006. – 158 с.
6. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст: Проблемы становления личности: пер. с нем. – М.: Мир, 1994. – 320 с.
7. Семенова Г. А. Учебный диалог как способ формирования профессиональной позиции будущего учителя: дис. ... канд. пед. наук. – Н. Новгород, 2005. – 360 с.

Literatura

1. Borytko N. M., Solovcova I. A., Bajbakov A. M. Pedagogicheskie tehnologii: ucheb. dlja studentov ped. vuzov / pod red. N. M. Borytko. – Volgograd: Izd-vo VGIPK RO, 2006. – 59 s. – (Ser. «Gumanitar. pedagogika». – Vyp. 2).
2. Gatal'skij V. D. Pedagogicheskaja propedevtika kak innovacionnaja obrazovatel'naja sistema profilaktiki deviantnogo povedenija uchashchejsja molodezhi // Chelovek i obrazovanie. – 2011. – № 1. – C. 74–79.
3. Zapesockij Ju. A. Reklama kak faktor socializacii sovremennoj molodezhi // Izv. Ros. akad. obrazovanija. – 2013. – № 1. – S. 110–119.
4. Kotel'nikova N. V. Innovacionnye tendencii v sfere molodezhnogo dosuga v sovremennoj Rossii: dis. ... kand. sociol. nauk. – Stavropol', 2003. – 204 c.
5. Krapivko E. N. Sociokul'turnye deviacii studenchestva v kontekste pereocenki cennostej v sovremennoj Rossii: dis. ... kand. sociol. nauk. – Stavropol', 2006. – 158 s.
6. Remshmidt H. Podrostkovyj i junosheskij vozrast: Problemy stanovlenija lichnosti: per. s nem. – M.: Mir, 1994. – 320 s.
7. Semenova G. A. Uchebnyj dialog kak sposob formirovanija professional'noj pozicii budushchego uchitelja: dis. ... kand. ped. nauk. – N. Novgorod, 2005. – 360 s.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ
DOCUMENTARY INFORMATION

УДК 908

М. Ю. Сдобникова

СТАНОВЛЕНИЕ СЕТИ БИБЛИОТЕК ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (20–30-Е ГОДЫ XX ВЕКА)

В статье рассмотрен процесс организации сети библиотек Владимирского региона в первые послереволюционные десятилетия (20–30-е годы XX века). Дана характеристика основных направлений работы центральной губернской, районных, центральных уездных, волостных библиотек и библиотек изб-читален губернии. Подробно рассмотрена работа библиотек всех уровней как центров внестационарного обслуживания населения губернии.

Ключевые слова: центральная губернская библиотека, волостная библиотека, уездная центральная библиотека, библиотека избы-читальни, передвижная библиотека, передвижной книжный фонд, внестационарное библиотечное обслуживание.

M. Yu. Sdobnikova

FORMATION OF THE LIBRARY NETWORK OF VLADIMIR GUBERNIA IN THE FIRST DECADES OF THE SOVIET RULE (1920–1930S)

The process of organizing libraries in Vladimir gubernia was held within the framework of the nationwide process and was typical of the provinces of Central Russia: in the province there were established basic types of county libraries that existed at that time: public county libraries, people's county libraries, reading rooms and school libraries. They provided library services to various strata of the province population and became the centers for the spread of culture and knowledge. On the threshold of October revolution in 1917, Vladimir library system comprised 10 urban and 226 rural libraries.

After October 1917, Vladimir public libraries became state ones, private and church libraries were closed, people and public libraries were called into requisition. The pre-revolutionary province library system was in the nature of the things bound to undergo substantial transformation.

With the aim of regulating library system development, the Government of the RSFSR set a task to centralize library system and organize a unified library system. After the adoption of the Decree "On the centralization of library services in the RSFSR" (1920) new libraries were organized and existing library system regulation began in Vladimir gubernia. The following main types of libraries were established: 1) urban, central and district, 2) volost, and 3) mobile ones. During the first two post-revolutionary years, the Vladimir library system doubled and comprised 677 (in 1919) libraries, according to some sources, and 498 public libraries, according to other ones.

In two years, the works on establishing the library system were suspended due to the country's transition to new economic policies and the lack of budgetary funds. Therefore, by the end of 1923, the number of urban and rural libraries, a subject to the general jurisdiction of Gubpolitprosvet, decreased by more than 2 times, three years later, only 240 libraries and village reading rooms from 498, that existed in 1920, were functioning. Most of the focus in those years was on the organization of the Central Provincial Library in the city of Vladimir, as the major methodological center and main book depository of the gubernia.

Under the conditions of further library system expansion underfunding, movable library stocks became the main form of rendering library services to the population of the gubernia. Movable library stocks extended the capabilities of public libraries to attract new readers and advance books into the masses of workers and peasants. Since the period from

1923 till 1924, accelerated development of a mobile library system and formation of movable library stocks at the central provincial, county and large volost libraries took place. If in 1921–1922, urban and rural libraries had only 42 mobile library stocks, then in 1927–1928, there were already 1058 ones. On the average, there was one mobile library per 4 settlements in the gubernia.

Due to the activating of mobile library services in Vladimir gubernia, the book population ratio increased: by 1927, the urban and rural book population ratio was 0.3 and 0.9 books per capita respectively, whereas during the pre-revolutionary period it was 0.07 books per capita.

The basic line of library services development in 1930 became the proliferation of public libraries with the library system extension in line with the economic and political objectives set up by the Party. Library system extension was caused by organization of libraries in rural areas: at collective and state farms, at machine and tractor stations (MTS). Support libraries at the MTS became to be considered as a part of public library system.

Thus, within the period from 1920 till 1930, there was given grounding in the fundamentally new library services system in Vladimir region. Public libraries system established in the region was built in accordance with the administrative-territorial division of the gubernia and comprised the central province library, district libraries, central district libraries, volost libraries and village reading rooms. Its main distinctive feature was the desire to bring library books closer to the residents of towns and villages by way of organizing movable library stocks. Libraries' activities in Vladimir gubernia during that period were aimed at attracting workers to building the new socialist society.

Keywords: central province library, volost library (rural municipality library), county central library, library reading rooms, travelling library, bookstock for library service, movable library stock service.

Развитие библиотечного дела Владимирской губернии было обусловлено историческими, экономическими условиями развития региона. Накануне октября 1917 года Владимирская губерния представляла собой промышленно развитый регион, занимавший второе после Московской губернии место по общему объему производства, что обусловило возможность увеличения средств, направляемых на усовершенствование местной инфраструктуры, на нужды просвещения, здравоохранения и культуры. Этот процесс был связан с деятельностью земств, при активном содействии которых открывались школы, больницы, библиотеки. Дореволюционная сеть библиотек Владимирской губернии включала в себя 10 городских библиотек и 226 сельских [5, л. 47][32]. К началу 1913 года во Владимирской губернии, согласно переписи библиотек в «Сведениях о народных и публичных библиотеках Владимирской губернии», функционировала 351 сельская библиотека, содержащаяся на средства земств [3]. Надо отметить, что процесс организации библиотек во Владимирской губернии проходил в русле общероссийского, был типичен для губерний Центральной России. В губернии были созданы основные виды существовавших в то время земских библиотек: земские публичные библиотеки; земские народные библиотеки-читальни; школьные библиотеки. Они охватывали библиотечным обслуживанием различные слои населения губернии и стали центрами по распространению культуры и знаний. Во многих из них были собраны довольно значительные книжные фонды, которые впоследствии унаследовали государственные общедоступные библиотеки.

После октября 1917 года в области развития библиотечного дела в губернии, как и в России в целом, берется курс на полное его огосударствление при строгой централизации. Как отмечает М. Н. Тищенко, «прекратилась общественная и частная инициатива в библиотечном деле – главная движущая сила библиотечного строительства старой России» [16, с. 130]. Согласно декретам Совнаркома от 17.07.1918 «Об охране библиотек и книгохранилищ» и от 26.11.1918 «О порядке реквизиции библиотек, книгохранилищ, складов и книг вообще», во Владимирской губернии были закрыты и реквизированы частные, церковные библиотеки, проведена национализация народных и публичных библиотек. Была отменена плата за пользование губернскими, земскими, городскими публичными библиотеками.

[32] Примеч.: не учтены школьные библиотеки. Кроме того, по данным на 1909 года, было 26 городских и 226 сельских (Положение народного образования во Владимирской губернии по исследованию 1910 года // К первому общеземскому съезду по народному образованию. – Владимир на Клязьме: Типолитография Губернской земской управы, 1911. – Вып. IV: Внешкольное образование. – С. 6–7.

Общедоступные библиотеки стали государственными. Сложившаяся дореволюционная библиотечная сеть губернии неизбежно должна была подвергнуться существенным изменениям.

Строительство послереволюционной сети библиотек проходило под руководством государственного аппарата губернии: губернского (ГубОНО) и уездных (УОНО) отделов народного образования исполкомов Советов рабочих и крестьянских депутатов, при которых создавались внешкольные подотделы с библиотечными секциями (позже – отделы при Губполитпросвете). Под их руководством в губернии и уездах разрабатывались проекты организации библиотечной сети в городах и в сельских населенных пунктах.

В целях упорядочения библиотечного строительства правительством РСФСР была поставлена задача централизации библиотечного дела и организации единой системы библиотечного обслуживания. На основе решений I библиотечной сессии Наркомпроса и III Всероссийского совещания заведующих внешкольными подотделами губернских отделов народного образования (февраль 1920 года) был разработан проект централизации библиотечного дела. В ряде губерний (Казанской, Симбирской), в том числе и Владимирской, были разработаны планы централизации сети библиотек. А в ноябре 1920 года принят декрет «О централизации библиотечного дела в РСФСР».

В 1917–1920 годах предполагалось, что библиотечная сеть России будет состоять из следующих звеньев: центральная губернская библиотека; уездная центральная библиотека; городская центральная библиотека; районная библиотека (волостная); сельская библиотека или изба-читальня; передвижная библиотека, пункт выдачи и т. п. Анализ многочисленных источников позволил нам выделить несколько вариантов создания библиотечной сети в губерниях. Как правило, это было обусловлено учетом таких факторов, как размер территории губернии, численность населения и его расселенность, что определяло структуру библиотечной сети, необходимость включения в нее тех или иных звеньев. Не менее существенной была причина экономическая – отсутствие достаточных средств для осуществления масштабных сетей. Поэтому их создание шло разными путями. Так, в Пензенской губернии создали 26 районных библиотек, по две на каждый из 11 уездов, четыре – в губернском городе. В губернском и уездных центрах Костромской губернии образовывались центральные библиотеки, каждый уезд делился на несколько районов библиотечного обслуживания. Все библиотеки района являлись отделениями центральной районной и имели порядковые номера. Волостная библиотека открывалась при волостном народном доме и имела совет из заведующих селенскими (сельскими) библиотеками, которые в свою очередь основывались при учебных и просветительных учреждениях. В мелкие населенные пункты направлялись передвижные и сумочные библиотеки. Таким образом, основным звеном сельской библиотечной сети становилась волостная, а не районная библиотека.

После принятия Декрета о централизации библиотечного дела во Владимирской губернии разворачивается работа по организации новых библиотек и упорядочению существующей библиотечной сети. В короткие сроки Губполитпросветом был разработан и принят ряд документов, регламентирующих работу библиотек. Согласно «Инструкции по организации библиотечной сети во Владимирской губернии» [4, л. 146–146 об.] в губернии устанавливались следующие основные типы библиотек: 1) городские, центральные и районные; 2) волостные; 3) передвижные.

Центральные и районные библиотеки. В каждом уездном городе открывается по одной центральной библиотеке с книжным фондом не менее 10000 томов. Центральная библиотека, кроме широких масс населения, должна обслуживать всех лиц, ведущих специально-научную и лекторскую работу, а поэтому в ее фондах должны быть представлены все отрасли знания с возможной полнотой. Центральная библиотека обслуживает весь город через передвижки.

В городах свыше 10 000 жителей организуются *районные библиотеки*. Они должны обслуживать район самого города (окраины, фабрично-заводские слободы, пригороды и т. д.). Районная библиотека может организовывать филиальные отделения при фабриках и заводах (где фабрично-заводское население свыше 5000 жителей).

Волостные библиотеки создаются по одной на каждую волость и по объему и качеству фондов они должны были соответствовать районной городской библиотеке, с учетом местных особенностей. При волостных библиотеках организуются базы передвижек.

Все существующие сельские библиотеки предполагалось: а) объединить с волостными; б) закрыть и передать их книги в фонд волостных передвижек; в) реорганизовать их в избы-читальни.

Городская районная и волостная библиотеки являлись центром передвижной работы: на них были возложены функции распределения передвижек по избам-читальням, клубам, учреждениям, фабрикам и др.

Избы-читальни. При каждой избе-читальне должна быть передвижная библиотека, постоянный комплект книг которой состоит из 150–300 экземпляров. В крупные села, не имеющие постоянных библиотек, передвижки посылались в первую очередь.

Для реализации плана централизации библиотек при Губполитпросвете и Уполитпросветах были утверждены особые комиссии по проведению централизации библиотечного дела и пополнению библиотек общественного пользования книгами, находящимися в частных руках [4, л. 53−53 об.].

За первые два послереволюционных года сеть библиотек Владимирской губернии увеличилась в два раза и достигла по одним источникам 677 (1919 год) [5, л. 48] библиотек, а по другим данным – 498 массовых библиотек [6].

Развернувшаяся работа по созданию библиотечной сети уже через два года была приостановлена в связи с переходом страны к новой экономической политике. Основной причиной, побудившей к этому, было отсутствие бюджетных средств. На места было разослано «Положение библиотечного дела в связи с новой экономической политикой» (1922 год), подписанное председателем Главполитпросвета Н. К. Крупской [15], в котором была четко прописана структура библиотечной сети РСФСР. Согласно новому положению она должна состоять из двух частей: основной государственной и вспомогательной. В основную государственную сеть входили центральные, городские, районные и волостные библиотеки с передвижным фондом, создаваемым при районных и волостных библиотеках. Количество библиотек на местах определялось Центральной библиотечной комиссией (ЦБК) в соответствии с данными, подаваемыми местными библиотечными органами. Вспомогательная библиотечная сеть состояла из библиотек, открываемых местными Советами в городских и сельских местностях в виде подрайонных библиотек, библиотек при клубах, школах, при отдельных предприятиях и учреждениях. К ней же относились партийные, профсоюзные, медицинские и другие библиотеки. Все они содержались на средства местных советов или тех организаций, при которых открывались.

Во Владимирской губернии к концу 1923 года количество городских и сельских библиотек, подведомственных Губполитпросвету, уменьшилась более чем в 2 раза; из 498 библиотек и изб-читален, существовавших в 1920 году, функционировали спустя три года лишь 240. При государственной поддержке в губернии функционировали следующие библиотеки: 1 губернская библиотека, 13 уездных центральных библиотек, 61 районная (волостная) библиотека, 15–20 изб-читален в каждом уезде. При этом сокращение волостных библиотек (с 233 в 1921 году до 68 в 1923 году) вынуждало уездные власти создавать районные волостные фонды в центральных, наиболее населенных пунктах и из одного фонда организовывать сеть передвижных библиотек. Как отмечалось в отчете Губполитпросвета, в 1922 году из библиотек, переданных на местные бюджеты, большая часть была передана в школы и заведывание ими было возложено на школьных работников. Не лучше обстояло дело и с библиотеками, оставшимся на государственном снабжении: фактически не хватало средств даже для оплаты труда сотрудников [8, л. 35].

Основное внимание в эти годы обращалось на организацию Центральной библиотеки в городе Владимире [8, л. 41–41 об.] как главного методического центра и основного книгохранилища губернии. В 1922 году Владимирская городская публичная библиотека получает статус центральной губернской библиотеки. В ее структуре активно работали абонемент, детский отдел, читальня, справочный отдел, передвижной фонд [7]. Надо отметить, что создание центральных губернских библиотек было принци-

пиально новым явлением в организации библиотечного обслуживания населения России. Земские проекты ограничивались уездной библиотекой, а губернские библиотеки до революции даже официально не именовались губернскими (за исключением Вятской и Тульской) и выполняли функции обычных городских общедоступных библиотек.

В качестве методического центра Центральной губернской библиотекой совместно с внешкольным отделом ГубОНО, а позже – с Губполитпросветом была проведена огромная работа по организационной и методической поддержке библиотек губернии. Сотрудниками библиотеки разрабатывались формы организации единого статистического учета, формы регистрации книг и бланков для работы уездных библиотек, изб-читален губернии. На базе библиотеки регулярно проводились специальные курсы для работников библиотек и изб-читален. При центральной губернской библиотеке работало Владимирское Губернское библиотечное объединение, основная задача которого заключалась в содействии развитию библиотечного дела в губернии. Кроме этого, оказывалась практическая помощь на местах: летом 1924 года состоялось несколько выездов членов общества в волостные библиотеки и избы-читальни. Важным направлением работы библиотечного объединения являлась и профессиональная подготовка библиотекарей по методике и технике библиотечного дела [9, л. 7–8]. В феврале 1924 года при активной работе библиотечного объединения, руководства центральной губернской библиотеки и Губполитпросвета был подготовлен и проведен I губернский съезд библиотечных работников.

Функции центра библиотечного обслуживания всего населения уезда были возложены на *уездные центральные библиотеки (УЦБ)*. Уездные центральные библиотеки (УЦБ) рассматривались как центральные книгохранилища, призванные удовлетворять «повышенные» (то есть невыполнимые в библиотеках более низких уровней) запросы всех жителей уезда. Выполнение этой задачи предполагало, прежде всего, наличие в центральных библиотеках достаточно полных по объему и качественных по составу книжных фондов. Для укрепления их фондов ЦБК в 1921 году постановила передать им всю специальную литературу из районных и реквизированных частных библиотек. Кроме того, уездные библиотеки, согласно «Положению о центральной уездной городской библиотеке» (1922 год), имели право приобретения одного экземпляра всей поступающей в уезд литературы. В УЦБ поступала также литература ликвидированных библиотек сельской библиотечной сети. Все это способствовало закреплению за уездными центральными библиотеками роли центрального книгохранилища и самого крупного библиотечного учреждения уездного масштаба. Обслуживание населения уезда центральные библиотеки вели тремя способами: выдача литературы жителям уездного центра; удовлетворение запросов читателей, проживающих вне уездного центра; передвижная работа.

Центральные уездные библиотеки Владимирской губернии создавались на базе уже существовавших городских публичных библиотек. Например, Муромская городская библиотека, основанная в 1866 году, стала центром библиотечной работы Муромского уезда. В 1919 году ее фонд составил 20000 томов. Это стало возможным благодаря выделенному 1 млн р. из 10-милионной контрибуции, наложенной на предпринимателей города за поднятый мятеж. На эти деньги удалось скомплектовать фонды библиотек уезда и организовать работу центральной городской библиотеки с 7 филиалами и 19 передвижками. Муромская городская библиотека являлась одной из лучших в стране. На Всесоюзном конкурсе районных библиотек (1935–1936 годы) она получила почетную грамоту и книжную премию.

К концу 1920-х годов в каждом уезде Владимирской губернии были созданы центральные уездные библиотеки. Однако, в связи с изменением административно-территориального деления губернии, количество уездных библиотек сократилось до семи. Центральные библиотеки бывших уездных городов (Суздаль, Гороховец, Судогда, Киржач и Меленки) стали волостными, но сохранили функции передвижных фондов для обслуживания ближайших волостей.

Важно отметить, что в 20-е годы XX века УЦБ являлись и центрами библиотечной работы с детьми, для чего в их структуре выделялись детские отделения. Они занимались комплектованием передвижек детской литературы и обслуживали ими уезд.

Региональными центрами библиотечного обслуживания населения были и *волостные библиотеки,* которые вели передвижную работу на селе. В 20-е годы наблюдалось сокращение числа волостных библиотек: к середине 20-х годов государством поддерживались только 66 волостных библиотек губернии. Волостные библиотеки, оставшиеся на местном бюджете, либо сокращались, либо переводились в статус избы-читальни с функцией библиотечного обслуживания населения одного села, что отражалось на библиотечной работе.

Последующими звеньями сети библиотек после волостных были избы-читальни. Они выполняли на селе роль основных агитационно-просветительских центров, совмещали в своей деятельности функции библиотеки и клуба. Избы-читальни губернии были разбиты на основные, то есть находящиеся на содержании уездного бюджета (по одной на волость) и местного населения. При этом сеть бюджетных изб-читален постепенно сокращалась. Так, в 1924–1925 годах их было 167, а в апреле 1929 года осталось только 143. Параллельно увеличивалось количество нештатных изб-читален. Только за период 1928–1929 годов их количество возросло на 39. Расширение сети происходило за счет шефских, кооперативных, профессиональных организаций и инициативы местного населения. В избах-читальнях бюджетной сети из районного бюджета финансировались зарплата избачу, снабжение топливом и газетами, а средств на покупку новой литературы почти не выделялось [2, с. 39]. Практически во всех избах-читальнях были организованы советы изб-читален и справочные бюро.

В условиях недостаточного финансирования дальнейшего расширения сети библиотек главной формой работы становится внестационарное библиотечное обслуживание населения губернии с помощью передвижных фондов. Внестационарная работа расширяла возможности массовых библиотек по привлечению новых читателей, продвижению книги в рабоче-крестьянские массы. С 1923–1924 годов шло форсированное развитие передвижной сети библиотек, формирование при центральной губернской, уездных, крупных волостных библиотеках передвижных фондов. Если в 1921–1922 годах от городских и деревенских библиотек было всего 42 передвижки, то уже в 1927–1928 годах – 1058.

В 1924 году для решения проблемы нехватки литературы в сельских библиотеках при Центральной губернской библиотеке был организован передвижной библиотечный фонд [14]. В работу передвижного фонда входило обслуживание Владимирского уезда и руководство передвижной работой губернии через уездные ЦБ. В это время передвижной фонд Центральной губернской библиотеки содержал 1767 изданий. Каждая передвижка состояла из 50–150 книг. Обязательными были сопроводительные документы: дневник ежедневной статистики, который возвращается в библиотеку заполненным вместе с передвижкой. Согласно статистике, уже в начале второго квартала 1924 года из только что организованного передвижного фонда было распределено по библиотекам губернии 14 передвижек, выдано в них 960 книг. По отраслевому составу это – художественная литература (23 % от общего числа выданных книг), литература по обществознанию (22 %), религии (18 %), прикладным наукам (17 %) [14, с. 26].

До этого времени большинство комплектов книг в передвижках набиралось из случайной литературы, находящейся на складе библиотеки. С 1924 года работа по комплектованию фондов передвижек стала вестись более планомерно: заметен рост фондов за счет пополнения изданий реквизированных помещичьих библиотек, а в последующие 1925−1927 годы – за счет развития советского книгоиздательского дела.

Передвижная работа *уездных центральных библиотек* в 1922–1923 годах приобрела особое значение в связи с сокращением сети волостных и сельских библиотек. В этот период Главполитпросветом и ЦБК был принят ряд документов, ведущих к усилению роли передвижных фондов УЦБ («Об организации передвижных фондов для обслуживания сельского населения», «Инструкция об укреплении работы передвижной библиотеки», «Об усилении передвижной работы»). На уездные центральные библиотеки была возложена задача организационно-методического руководства сетью передвижных библиотек. УЦБ вели эту работу через волостные базы при волостных библиотеках либо просто пере-

правляли в сельские библиотеки и избы-читальни готовые комплекты передвижек. Обслуживание населения передвижными фондами уездных библиотек через волостные базы было более эффективным, так как позволяло последним самостоятельно выбирать пункты обслуживания и комплектовать передвижки с учетом их особенностей. Каждая УЦБ Владимирской губернии имела в среднем 7 волостных баз, при каждой из которых действовало 13–14 передвижек. Аналогичные показатели имели уездные библиотеки и других губерний.

К июлю 1925 года во всех уездах губернии имелись передвижные фонды. В Муромской центральной библиотеке такой фонд существовал уже с 1918 года Бывшие уездные библиотеки (Суздаль, Гороховец, Судогда, Киржач и Меленки) стали волостными, но сохранили функции передвижных фондов для обслуживания ближайших волостей.

До 1926–1927 годов передвижки создавались стихийно, без учета и планирования волостной библиотекой. Поэтому многие из них были закрыты, затерялись по безответственности работников. В 1927 году началась реорганизация прежней сети и создание плановой передвижной сети на базе волостных библиотек. В волостную библиотеку выделялся комплект книг (до 1000 экз.), и библиотека сама строила сеть передвижек, выделяя их из фонда, полученного из уездного передвижного фонда. Волостная библиотека выступала как опорная, направляла и контролировала всю передвижную работу волости. Уже по планово построенной сети в это время имелось 1058 передвижек. Как правило, передвижным фондом волостных библиотек обслуживались красные уголки, избы-читальни, школы. В среднем по губернии одна передвижка приходилась на четыре населенных пункта.

Главным сдерживающим фактором в развитии передвижной работы в уездных центральных библиотеках являлось отсутствие в их передвижных фондах штатных работников.

Дальнейшее наращивание передвижной деятельности волостных библиотек диктовалось усилением процесса коллективизации сельскохозяйственного производства. В середине 1927 года Главполитпросвет указал на необходимость создания передвижек в колхозах и усиления их инструктирования со стороны волостных библиотек. О высокой эффективности передвижной работы волостных библиотек свидетельствовал тот факт, что во второй половине 20-х годов основной контингент читателей волостных библиотек составляли читатели передвижек.

Благодаря активизации передвижной работы библиотек во Владимирской губернии заметен рост книгообеспеченности населения: к 1927 году на селе на одного жителя приходилось 0,3 книги, в городе – 0,9, тогда как в дореволюционный период в губернии на жителя приходилось 0,07 книги.

Параллельно с библиотеками, подведомственными ГубОНО, во Владимирской губернии в 1921–1929 годах интенсивно развивалась сеть профсоюзных библиотек при фабриках и заводах Владимирской губернии, число которых возросло в связи с успешным решением задач индустриализации. К сентябрю 1924 года в губернии уже насчитывалось 159 профсоюзных библиотек, 128 передвижек. Фонд их составлял 225811 экз. В среднем на каждого читателя приходилось 9,9 книги, а на каждого члена профсоюза – 1,9 книги. Число читателей в профсоюзных библиотеках увеличивалось из года в год. Если в 1924 году профсоюзными библиотеками пользовалось 20515 читателей, то в 1925 году уже 30071.

На базе профсоюзных библиотек губернии развернулась работа по организации передвижек: в 1924 году их было 128, а 01.01.1927 количество передвижек увеличилось до 455.

В 1929 году Владимирская губерния, в соответствии с новой структурой административно-территориального деления, была упразднена. Вместе с Костромской и Ярославской губерниями она как округ вошла во вновь образованную Ивановскую промышленную область. Соответственно произошла перестройка библиотечной сети бывшей Владимирской губернии. Центральная губернская библиотека становится центральной окружной библиотекой, с 1930 года библиотека работает как центральная районная. В 1936 году из центральной районной библиотека стала городской. Смена статуса отразилась на комплектовании, составе фондов библиотеки, размерах ее финансирования. Библиотеки бывших уездов Владимирской губернии стали районными; районные библиотеки укрупненных районов – волостными.

1930-е годы стали периодом заметных сдвигов в развитии библиотечного дела. В конце 1920 – начале 1930-х годов был принят ряд документов, оказавших влияние на развитие библиотечного дела в стране[33]. В стране заметно увеличиваются расходы на просвещение: во второй пятилетке расходы на содержание массовых библиотек в стране увеличились с 16,9 млн р. в 1933 году до 105 млн р. в 1937. Резко увеличивались ассигнования на комплектование книжных фондов [12, с. 147].

В 1930-е годы в стране выдвигались новые задачи, связанные с переходом к индустриальной экономике: проводилась политика индустриализации и коллективизации. В соответствии с этим библиотекам страны ставились задачи активного содействия мобилизации масс на выполнение пятилетних планов социалистического строительства. Кроме того, еще более усилилось идеологическое давление на организацию библиотечного обслуживания населения (цензура библиотечного дела, чистки фондов).

С начала 1930-х годов во Владимирском районе, как и в Ивановской области в целом, заметно усилилось внимание к росту количества библиотек в колхозах, совхозах, машинно-тракторных станциях. Так, по постановлению Президиума областного исполкома Ивановской области были организованы опорные библиотеки при Владимирской, Небыловской, Сенинской (Ковровский район), Вязниковской, Суздальской, Юрьевецкой, Меленковской МТС [11]. В исполнение постановления обкома ВКП(б) от 25 декабря 1936 года на территории области только за январь-февраль 1937 года было организовано пять библиотек в колхозах и каждой из них выделено от 500 до 700 р. на приобретение литературы. От Вязниковской и Меленковской районных библиотек организованы по пять передвижек в колхозах, а Владимирской РЦБ – 15 передвижек. Параллельно бибколлектору было выделено 30 000 р. на комплектование передвижек [10].

Опорные библиотеки при МТС стали рассматриваться в этот период как часть сети общедоступных библиотек. Они создавались повсеместно на основании Постановления ЦИК СССР от 27.03.1934 и работали на основе положения «Об опорной библиотеке при МТС». Основной их задачей являлось обслуживание книгами руководящего состава, членов колхозов и единоличников через сеть передвижных библиотек, выдаваемых в колхозы в районе деятельности МТС. Руководило библиотеками районо, финансирование опорных библиотек осуществлялось из средств районного бюджета, МТС и колхоза.

Во всех перспективных народнохозяйственных планах устанавливались контрольные цифры увеличения числа общедоступных библиотек, сеть которых должна была расширяться в соответствии с поставленными партией хозяйственно-политическими задачами. Так, в планах РайОНО Ивановской области ежегодно закладывалось увеличение сети библиотек в основном за счет организации их на селе.

С 1930-х годов четко была осознана роль библиотек как проводников политических идей. Библиотеки вели работу по самым разнообразным направлениям: политическое просвещение масс, пропаганда атеизма, военно-патриотическое воспитание, помощь в самообразовании. Библиотекари устраивали массовые вечера, книжные выставки, недели книги в дни революционных праздников, в рамках предвыборных компаний. В библиотеках устраивались комнаты, «уголки» ленинизма, выставки и витрины, посвященные дням памяти В. И. Ленина, годовщинам Октябрьской революции, Парижской коммуны, дням Первого мая и Международному женскому дню, в рамках Декад обороны и др. Массовая работа в эти годы стала широко проводиться вне стен библиотек: на предприятиях, школах устраивались читательские конференции, диспуты, чтения, выставки литературы. К их проведению широко привлекались читатели, библиотечный актив, члены кружков «Друзей книги», «Друзей библиотеки». Кроме этого, на базе сельских библиотек работали школы малограмотных. Библиотеки были признаны опорными базами Общества «Долой неграмотность» (ОДН), их совместная работа считалась обязательной. Библиотеки организовывали в школах ликбеза передвижки, книгоношество, проводили громкие чте-

[33] Речь идет о постановлениях ЦК ВКП (б) «О деревенских библиотеках и популярной литературе для снабжения библиотек» (1925), «Об обслуживании книгой массового читателя» (1928), «О мероприятиях по улучшению библиотечной работы» (1929), постановлениях Совнаркома РСФСР «О работе массовых библиотек» (1932), ЦИК СССР «О библиотечном деле в Союзе ССР» (1934), «О сельских библиотеках» (1935).

ния, беседы о книгах, экскурсии в библиотеки, развивали культуру чтения и т. д. Благодаря такой активной совместной работе библиотек и ОДН число неграмотных в 1938 году стало не более 15 человек на 1000 населения Ивановской области [13, с. 88].

Таким образом, обобщив все вышеизложенное, можно с уверенностью сказать, что в 1920–1930-е годы во Владимирском регионе были созданы основы принципиально новой системы библиотечного обслуживания населения. Созданная в регионе сеть общедоступных библиотек строилась в соответствии с административно-территориальным делением губернии, состояла из центральной губернской, районных, центральных уездных, волостных библиотек и библиотек изб-читален. Ее главной отличительной чертой явилось стремление приблизить библиотечную книгу к жителям города и села посредством организации внестационарных форм работы библиотек. Деятельность библиотек Владимирской губернии в этот период была направлена на «привлечение трудящихся к строительству нового, социалистического общества, решение задач социалистической индустриализации промышленности, социалистических преобразований в деревне, повышение культурно-технического уровня читателей библиотек» [1, с. 43–44].

Литература

1. Абрамов К. И. История библиотечного дела в России: в 2 ч.: учеб.-метод. пособие для студентов, преподавателей и библиотекарей-практиков / Москов. гос. ун-т культуры и искусства. – М.: Либерея, 2001. – Ч. 2. – 160 с.
2. Волков В. Изба-читальня // Агитатор-пропагандист: ежемесяч. журн. Владимир. Губкома РКП(б). – 1925. – № 1. – С. 38–42.
3. ГАВО. – Ф. Р–1045. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 1–13.
4. ГАВО. – Ф. Р–1045. – Оп. 1. – Д. 396. – Л. 53–53 об., 146–146 об.
5. ГАВО. – Ф. Р–1045. – Оп. 1. – Д. 1211. – Л. 47–60.
6. ГАВО. – Ф. Р–1045. – Оп. 1. – Д. 49. – Л. 5.
7. ГАВО. – Ф. Р–19. – Оп. 1. – Д. 85. – Л. 11–15.
8. ГАВО. – Ф. Р–1045. – Оп. 1. – Д. 421. – Л. 34–35, 41–41 об.
9. ГАВО. – Ф. Р–1045. – Оп. 1. – Д. 765. – Л. 7–8, 68–68 об.
10. ГАИО. – Ф. Р–1707. – Оп. 1. – Д. 62. – Л. 53.
11. ГАИО. – Ф. Р–1707. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 243.
12. Глазков М. Н. Массовые библиотеки в контексте культурно-исторического пути России 1921–1941 годов: моногр. / МГУКИ. – М., 2004. – 236 с.
13. Культурное строительство в Ивановской области: 1917–1987 годы: (сб. док.). – Ярославль: Верх.-Волж. книж. изд-во, 1987. – 384 с.
14. Передвижные библиотеки губернии // Агитатор-пропагандист: ежемесяч. журн. Владимир. Губкома РКП(б). – 1924. – № 20. – С. 25–27.
15. Положение библиотечного дела в связи с новой экономической полити-кой // Сборник руководящих инструкций и положений по библиотечной работе за 1922 и 1923 годы. – М., 1924. – Вып. 2. – С. 10–13.
16. Тищенко М. Н. Общедоступные (публичные) библиотеки в системе местного самоуправления: практ. пособие / науч. ред. проф. А. Н. Ванеев. – СПб.: Профессия, 2006. – 368 с.

Literatura

1. Abramov K. I. Istorija bibliotechnogo dela v Rossii: v 2 ch.: ucheb.-metod. posobie dlja studentov, prepodavatelej i bibliotekarej-praktikov / Moskov. gos. un-t kul'tury i iskusstva. – M.: Libereja, 2001. – Ch. 2. – 160 s.
2. Volkov V. Izba-chital'nja // Agitator-propagandist: ezhemesjach. zhurn. Vladimir. Gubkoma RKP(b). – 1925. – № 1. – S. 38–42.
3. GAVO. – F. R–1045. – Op. 1. – D. 1. – L. 1–13.
4. GAVO. – F. R–1045. – Op. 1. – D. 396. – L. 53–53 ob., 146–146 ob.
5. GAVO. – F. R–1045. – Op. 1. – D. 1211. – L. 47–60.
6. GAVO. – F. R–1045. – Op. 1. – D. 49. – L. 5.
7. GAVO. – F. R–19. – Op. 1. – D. 85. – L. 11–15.
8. GAVO. – F. R–1045. – Op. 1. – D. 421. – L. 34–35, 41–41 ob.
9. GAVO. – F. R–1045. – Op. 1. – D. 765. – L. 7–8, 68–68 ob.

10. GAIO. – F. R–1707. – Op. 1. – D. 62. – L. 53.
11. GAIO. – F. R–1707. – Op. 1. – D. 59. – L. 243.
12. Glazkov M. N. Massovye biblioteki v kontekste kul'turno-istoricheskogo puti Rossii 1921–1941 godov: monogr. / MGUKI. – M., 2004. – 236 s.
13. Kul'turnoe stroitel'stvo v Ivanovskoj oblasti: 1917–1987 gody: (sb. dok.). – Jaroslavl': Verh.-Volzh. knizh. izd-vo, 1987. – 384 s.
14. Peredvizhnye biblioteki gubernii // Agitator-propagandist: ezhemesjach. zhurn. Vladimir. Gubkoma RKP(b). – 1924. – № 20. – S. 25–27.
15. Polozhenie bibliotechnogo dela v svjazi s novoj ekonomicheskoj politikoj // Sbornik rukovodjashchih instrukcij i polozhenij po bibliotechnoj rabote za 1922 i 1923 gody. – M., 1924. – Vyp. 2. – S. 10–13.
16. Tishhenko M. N. Obshchedostupnye (publichnye) biblioteki v sisteme mestnogo samoupravlenija: prakt. posobie / nauch. red. prof. A. N. Vaneev. – SPb.: Professija, 2006. – 368 s.

УДК 021-048.35

Л. В. Новинская

РАЗРАБОТКА АЛГОРИТМА ВНЕДРЕНИЯ АБИС

В статье рассмотрены организационные вопросы процесса внедрения информационно-коммуникационных технологий в библиотечном деле. Представлен алгоритм действий в процессе внедрения АБИС. Весь комплекс работ по успешному внедрению автоматизированных технологий проанализирован на каждой фазе по следующей схеме: цели и задачи этапа, методический подход к проведению работ, выходные документы фазы.

Ключевые слова: Внедрение, автоматизация, инновация, управление изменениями, методология внедрения, проект внедрения, эффективность.

L. V. Novinskaya

ALGORITHM DEVELOPMENT OF ALIS IMPLEMENTATION

Introduction of new technologies in libraries is going hard and efficiently, not only and not so much because of the considerable cost of automation, but also because the ways and methods of implementation of ALIS have often unprofessional character. The accumulated international experience, and existing theory and methodology of ALIS are not used.

Implementation of an automated library information system (ALIS) is the process of identifying projects in which it is assumed for a limited time using the dedicated resources to ensure the functioning of a given information system.

The structure of the process control of successful implementation methodology of ALIS includes certain terms that will necessitate systemic arrangements, and the ordered set of related procedures (algorithm implementation) and formalized action plan of project implementation.

The successful implementation of ALIS requires a number of conditions: understanding and acceptance of the implementation guidance purposes, availability of IT strategy, library reorganization of structure and process optimization, documentation processes, availability of special personnel policies formed on the period for implementation of ALIS, adherence to the principles of the theory of automation, information and innovation management, change management and project management.

The integrated version of the ALIS algorithm implementation performs the following actions: diagnostics of existing technology, logic design, verification and detailed design of a new project, testing and commissioning, monitoring project progress and performance evaluation of the control points and in general. The scope of work in accordance with the developed algorithm includes:

- decision on the introduction and implementation of object-choice;
- create groups for implementation;
- development of goals and objectives for implementation;
- study of the theory and practice of the implementation process;

- pre-project survey of the library;
- choice of software and hardware;
- modeling process cycle;
- choice of performance criteria;
- choice of strategy implementation;
- choice of tactics for implementation;
- the definition of "critical points" of implementation;
- HR policy formation on the implementation period;
- creation of schedule;
- development of the project budget;
- forecasting efficiency of the project;
- implementation of implementation;
- analysis of progress in the implementation of "critical points";
- evaluation of the introduction of the whole.

It is important to consider the iterative project, at every stage, work in a sequential approach to the results and check the conditions to achieve the desired result, virtually at any stage it can be returned for a few steps back.

As a result, we concluded that the successful implementation of automated information system is a strategic resource library that provides its livelihoods and development.

Keywords: implementation, automation, innovation, management change, implementation methodology, implementation project, efficiency.

В условиях мирового экономического кризиса последних лет и постоянно действующего остаточного принципа финансирования библиотечного дела, а также поставленных Правительством РФ задач по оптимизации отрасли крайне остро встает вопрос эффективности использования получаемых финансовых средств и иных ресурсов библиотек.

Для достижения планируемого эффекта от внедрения требуется качественное переосмысление библиотечной технологии, циклов и процессов, подлежащих автоматизации. Внедрение автоматизированной библиотечной информационной системы (АБИС) – это процесс определяемый проектом, в котором предполагается за ограниченное время с использованием выделенных ресурсов обеспечить функционирование заданной информационной системы. Организацию работ по внедрению необходимо осуществлять на основе стандартов управления проектами и методологий внедрения.

По мнению автора в состав методологии управления процессом успешного внедрения АБИС входят определенные условия, требующие реализации системных организационных мероприятий, упорядоченный набор взаимосвязанных процедур (алгоритм внедрения) и формализованный план действий – проект внедрения.

Алгоритм – порядок действий для достижения результата решения задачи за конечное число действий. На рисунке 1 представлен разработанный автором алгоритм действий в процессе внедрения АБИС, в качестве точного предписания последовательности шагов данного процесса. Оно дискретно, определенно, результативно и применимо в массе библиотек.

В укрупненном варианте алгоритм внедрения АБИС заключается в выполнении следующих действий: диагностика существующей технологии; логическое проектирование; верификация проекта и детальная проработка нового проекта; тестирование и запуск, контроль хода проекта, оценка эффективности в контрольных точках и в целом.

Весь комплекс работ по успешному внедрению автоматизированных технологий разделим на фазы (шаги) и рассмотрим каждую в отдельности в хронологическом порядке по следующей схеме: цели и задачи этапа, методический подход к проведению работ, выходные документы фазы.

Первый шаг – ***принятие решения о внедрении и выбор объекта внедрения***. *Цель данной фазы* – инициирование проекта, начальная умозрительная оценка возможности успешной его реализации, выбор объекта внедрения.

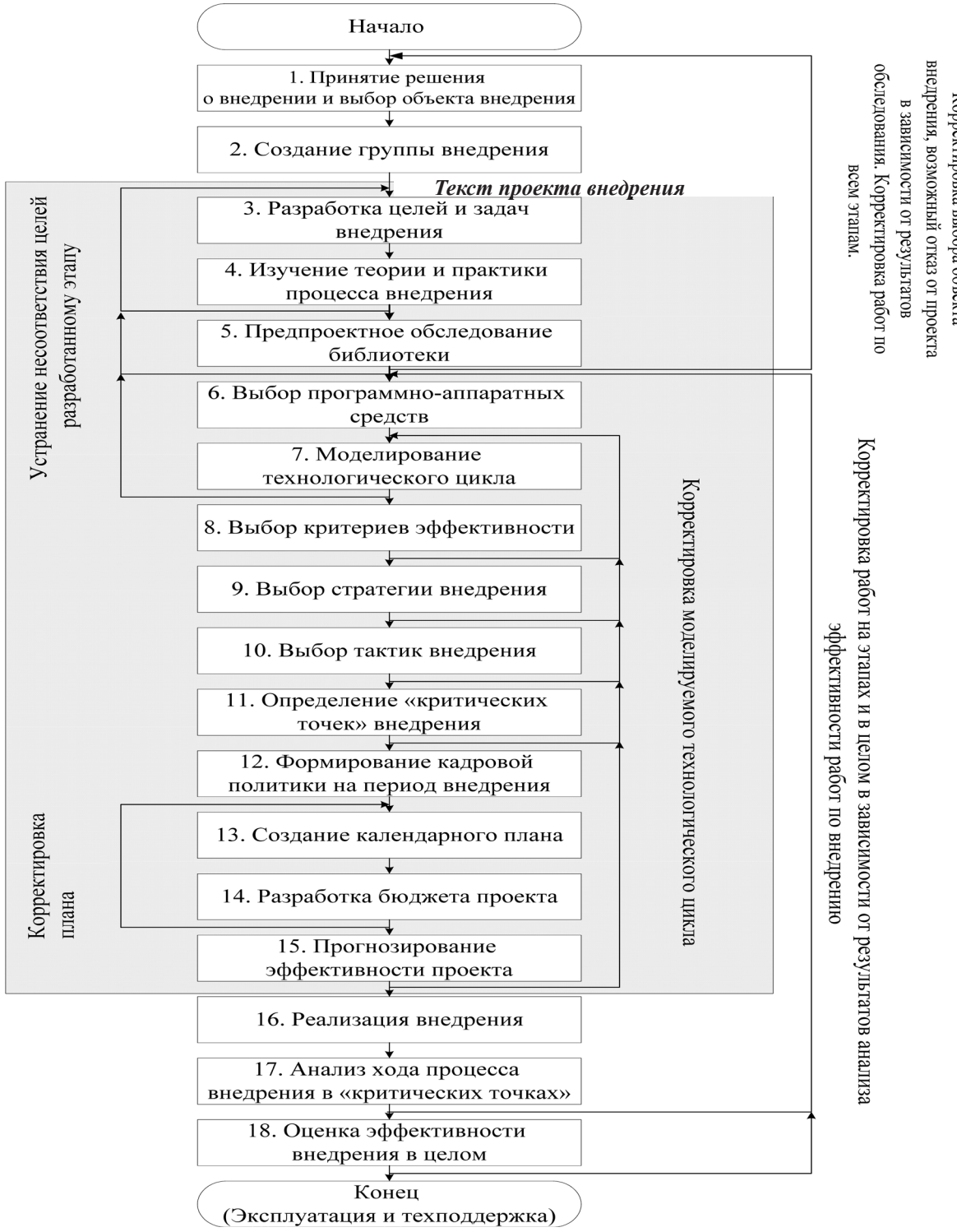


Рис. 1. Алгоритм действий в процессе внедрения АБИС

Процесс принятия решения о внедрении АБИС является сложной, многокритериальной задачей и состоящий из следующих действий: определение целей внедрения, анализа информации, оценки вариантов решений и выбора оптимального объекта. Риски на этапе принятия решения о внедрении конкретного объекта крайне высоки и во многом определяют успех проекта в целом.

Методический подход к проведению работ: в основе выбора метода реализации проекта внедрения лежит принцип целесообразности. Выбирается система/технология, способная решить задачи, стоящие перед организацией, при этом система не должна быть избыточно функциональна.

Большая часть публикаций, освещающих вопросы информационных технологий в библиотечном деле, описывает имеющиеся на отечественном рынке системы, технологии, их достоинства и недостатки с точки зрения пользователей (не всегда опытных), практику их использования в библиотеках. Наиболее эффективным автору представляется следующая последовательность действий при изучении объектов ИТ, перспективных для внедрения:

- первое ознакомление на специализированной выставке, на профессиональных конференциях;
- домашнее изучение теории вопроса при помощи специалистов-технологов библиотечных процессов и ИТ-службы;
- сопоставление функциональных характеристик объекта с целями и задачами, стоящими перед библиотекой;
- разыскание коллег, работающих с этим объектом, и беседы с ними по вашим заранее подготовленным вопросам.

Это минимум операций, необходимых на данном этапе. К сожалению, часто решение принимает руководитель просто по совету хорошего знакомого, или приобретает тот же набор средств, что был у него при работе в другой библиотеке, не взирая на потребности данного учреждения.

Данный этап – это проект в проекте. И при итерационном подходе ко всему циклу проектирования процесса внедрения к этому этапу возможны возвращения и принятие новых, может быть, кардинально отличающихся решений вплоть до отказа от внедрения данного конкретного объекта или средств автоматизации в принципе. Самая вероятная точка возврата – это анализ результатов предпроектного обследования библиотеки.

Выходные документы первой фазы:

- приказ директора о внедрении АБИС;
- обоснование выбора с приложением описаний АБИС, коммерческих предложений фирм-разработчиков, тестовых версий систем с результатами тестирования специалистов библиотеки и рекомендации опытных коллег.

Второй шаг – ***создание группы внедрения***. *Цель данной фазы* – формирование дееспособного коллектива специалистов для формирования и реализации проекта внедрения АБИС.

Методический подход к проведению работ: на этом этапе в работе принимают участие руководство, ведущие специалисты, начальники подразделений библиотеки и специалисты в области информационных технологий. Из этого состава специалистов создается группа внедрения. Важно, привлечь в эту группу специалистов из всех подразделений, тех, которые лояльно относятся к грядущим переменам. В группу внедрения обязательно должен входить хотя бы один человек, относящийся к руководящим работникам.

На этом этапе необходимо определить не только состав группы, но и ее обязанности и полномочия членов, во избежание дальнейших недоразумений с сотрудниками библиотеки, недопонимающими или не принимающими изменения. Важен не количественный состав группы, а ее профессионализм, скоординированность, коммуникабельность.

На группу внедрения возлагается формирование проекта внедрения и его реализация. Члены группы первыми проходят обучение и в дальнейшем обучают остальных членов коллектива библиотеки.

Кроме того, одна из самых существенных задач членов этой группы – поддержка микроклимата в библиотечном коллективе, что достигается через информирование всех сотрудников учреждения

о целях и необходимости внедрения автоматизированных технологий, об изменениях в технологических процессах, о преимуществах для конкретных работников на конкретных участках и возможных негативных последствиях. Поэтому состав группы тщательно продумывается, в нее должный войти не только самые квалифицированные библиотечные специалисты, ИТ-технологи, но и признанные лидеры коллектива, уважаемые члены библиотечного сообщества.

Хотелось бы акцентировать внимание на том, что руководитель группы внедрения должен обладать сильными личностными характеристиками, ему придется постоянно преодолевать сопротивления и руководства, и коллектива, и пользователей. Кроме глубоких знаний библиотечного дела, руководитель группы внедрения должен знать информационные технологии, теорию и практику применения в аналогичных организациях.

Таким образом, специалисты, входящие в состав рабочей группы, должны иметь навыки и теоретические знания в области автоматизации библиотечных процессов, желание осваивать новые технологии, обладать коммуникабельностью, ответственностью, пользоваться авторитетом среди коллег.

Выходной документ второго шага – приказ директора о формировании группы внедрения и распределении их полномочий.

Третий шаг – ***разработка целей и задач внедрения*** проекта. *Данная фаза предполагает* правдивое и четкое определение целей внедрения АБИС и путей их реализации. Если же цели не ясны, то лучший выход – отложить подобное мероприятие или совсем от него отказаться. Частая ошибка, ведущая проект к краху, – отсутствие понимания у руководства и/или коллектива сути изменений следующих за внедрением автоматизированных технологий.

Методический подход к проведению работ: цель логично вытекает из конкретной проблемной ситуации и соответствует миссии данной библиотеки и общей стратегии ее развития, поэтому при всей общности глобальных целей, смысл внедрения новшеств у разных библиотек будет разный.

Цель – идеальное, мысленное предвосхищение результатов деятельности, это то, ради чего начинается действие, она указывает на востребованность обществом данного изменения. Это утверждения, которые трудно измерить количественно.

После понимания целей развития библиотеки и при наличии перспективного плана можно переходить к следующему действию – постановке задач на автоматизацию. Задачи проекта – это конкретные шаги, которые надо предпринять для изменения существующей ситуации, для достижения конкретной цели. Чем яснее задачи, тем легче планировать деятельность.

Задача не является процессом, это скорее конечный результат, это определение состояния дел, которого предполагается достичь по окончании проекта. Каждая задача должна быть закреплена за ответственным специалистом группы внедрения и иметь конкретный срок выполнения.

Внедрение автоматизированных технологий должно быть ограничено как в пространстве – иметь конечную цель, так и во времени. Формулируя задачи, полезно использовать критерии SMART (КИТРО): конкретность, измеряемость, территориальность, реалистичность, определенность во времени.

Четвертый шаг – ***изучение теории и практики процесса внедрения*** автоматизации в библиотечное дело. *Цель данной фазы* – изучение предмета, выявление опыта, определение рисков и ошибок коллег.

Группе внедрения необходимо изучить теорию и практику автоматизации технологических процессов в других отраслях экономики. Это даст представление о методологии автоматизации и позволит не совершить очевидных ошибок. Далее для успешного внедрения потребуются знания основ или определенных аспектов информационного и инновационного менеджмента, управления изменениями и проектами, современного опыта коллег, который можно получить на профессиональных конференциях, семинарах, в печати.

Так, Владимирская областная научная библиотека своему технологическому развитию на более, чем на 80 % обязана конференциям «ЛИБКОМ», «ЛИБНЕТ» и «КРЫМ».

Эффективный метод снижения рисков – проведение качественного ***предпроектного обследования библиотеки***. Это пятый шаг. *Цель данной фазы* заключается в диагностике технологических процессов библиотеки, формализации деятельности библиотеки. Организации предпроектного обследования в литературе уделяется достаточно внимания [11, с. 56–63; 4, с. 174; 1, с. 27].

Методический подход к проведению работ: содержание работ при предпроектном обследовании объекта автоматизации соответствует стадии «Формирование требований к АС» ГОСТ 34.601-90, этапы: «Обследование объекта и обоснование необходимости создания АС», «Формирование требований пользователя к АС», «Оформление отчета о выполненной работе и заявки и ТЗ на разработку АС».

От качества проведенного предпроектного обследования зависит и качество работ по внедрению. Например, по результатам анализа состояния фондов и справочно-поискового аппарата (СПА) принимается ряд решений о наиболее эффективном способе ретроконверсии каталогов. При нечеткости данных или их отсутствии может быть разработана технология, которая потребует многократных переделок, дополнительных ресурсов, и процесс перевода СПА в электронный вид затягивается на годы.

Одной из задач, решаемых на данном этапе, является определение уровня подготовленности библиотеки к изменениям. Среди таких факторов можно выделить следующие: наличие в библиотеке технологической документации, формализующей текущие процессы; квалифицированность персонала организации и группы внедрения; организационная структура библиотеки.

На этом этапе определяются «узкие места», проблемные участки, тормозящие технологические процессы, формируются предложения по оптимизации структуры библиотеки, системы ее управления, технологических процессов. Автоматизация как раз призвана разрешить эти проблемы.

Выходные документы: итоговое представление информации на этапе анализа деятельности играет одну из ключевых ролей во всей дальнейшей работе. Предпроектное обследование библиотеки заканчивается построением набора моделей и схем, описывающих существующую ситуацию, представлением информации в формализованном виде, пригодном для моделирования и проектирования процесса внедрения автоматизированной системы и/или технологии.

Цель следующей фазы – ***выбор программно-аппаратных средств*** для реализации конкретного проекта в конкретной библиотеке. Это шестой шаг.

Методический подход к проведению работ: стоит обратить внимание, что приобретение оборудования и информационных систем происходит только на этом этапе, а не ранее. Иначе это грозит покупкой комплекта техники, не удовлетворяющего целям и задачам проекта внедрения, и финансовые средства будут потрачены зря. Здесь подробно пересматривается первичное решение о внедрении объекта, составляется подробная спецификация и обязательно обоснование выбора. Важно зафиксировать причины, побудившие выбрать какую-либо систему, это важно и для выбора программно-аппаратных средств.

Выбору автоматизированных библиотечных информационных систем (АБИС) посвящено множество работ, как самих разработчиков, так и пользователей АБИС. Наиболее системно и подробно характеристики АБИС раскрыты в работах Я. Л. Шрайберга и Ф. С. Воройского [11; 2; 4].

Выходной документ фазы: обоснование выбора АБИС.

Седьмой шаг – ***моделирование технологического цикла***. *Цель данной фазы* – формализованное построение модели технологических процессов, подлежащих автоматизации.

Методический подход к проведению работ: моделирование технологического цикла библиотеки при работе в автоматизированном режиме состоит, на наш взгляд, из нескольких ступеней:

- моделирование структуры библиотеки для работы в автоматизированном режиме, включая описание взаимосвязи структурных подразделений;
- проектирование технологического цикла в целом;
- разработка схем отдельных процессов;
- разработка пооперационных карт, инструкций и т. п.
- планируемая оценка напряженности труда на различных участках проектируемого технологического комплекса библиотеки.

В ходе данного этапа составляются схемы движения информации (общая и детальные, по одной на функциональную область – комплектование, обработка документов, хранение, предоставление информации и т. д.).

При анализе существующего комплекса технологических процессов констатируются стандарты, нормативы, регламенты и др. нормативно-правовые ограничения, описываются исходные данные и получаемые как результат, оцениваются ресурсы. Особенно важно оценить загруженность различных технологических участков в существующем технологическом цикле и рассмотреть возможность перераспределения ресурсов в проектируемом, в том числе и за счет изменения структуры как самой библиотеки, так и внутри подразделений.

Как показало проведенное исследование эффективности внедрения автоматизированных технологий в библиотеках региона и страны, причины технологических проблем заключаются в отсутствии разработанных моделей технологических процессов, отвечающих существующим современным требованиям. Находясь под влиянием такого подхода, руководители не уделяют должного внимания анализу и оптимизации существующих процессов в организации. В результате информационная система выходит на первый план и автоматизируется существующий «беспорядок». Процессы, несмотря на то, что они уже автоматизированные, по сути остаются прежними. Как следствие, библиотека не получает ожидаемой отдачи от автоматизации.

С методической точки зрения, для успешного освоения системы или технологии разработка технологических процессов должна предшествовать работе по внедрению. Отработанные и регламентированные технологические процессы во многом сами по себе гарантируют слаженную работу библиотеки. Каждое подразделение выполняет свои функциональные обязанности, предоставляя информацию руководству для принятия управленческих решений и координации работы учреждения. Дальнейшая автоматизация ряда рутинных процессов позволяет дополнительно ускорить их выполнение без снижения качества конечного продукта.

Выходные документы данной фазы: схемы, модели, маршрутные карты, пооперационные схемы, технологические инструкции и т. п.

Восьмой шаг – ***выбор критериев эффективности.*** *Цель данной фазы* – определение критериев и показателей, при достижении которых возможно оценить качество текущего процесса внедрения.

Методический подход к проведению работ: при оценке результативности внедрения АБИС целесообразно различать: социальную и экономическую эффективность. В первом случае оценивается достижение библиотекой поставленных целей с учетом потребности пользователей, заключающейся, например, в предоставлении им равных возможностей использования информационных ресурсов библиотек. При расчете экономической эффективности вычисляется отношение полученного результата к затратам.

Индикаторы эффективности внедрения автоматизированных технологий должны носить и экономический, и технологический, и социальный характер. Индикаторы необходимо выбрать такие, которые показывают, как реализуются цели, насколько экономически выгодно или невыгодно внедрение, как меняется объем и качество предоставляемых библиотекой информационных продуктов и услуг.

Выходной документ: перечень критериев эффективности данного проекта внедрения.

Далее следует девятый шаг. *Цель данной фазы* – ***выбор стратегии внедрения*** автоматизированных систем и технологий.

Отсутствие стратегии внедрения приводит к тому, что в ходе реализации проекта внедрения происходят незапланированные изменения способов и характера работ по переходу к новой технологии, что влечет за собой незапланированные расходы времени и ресурсов.

Методический подход к проведению работ: согласно классификации А. А. Максакова [8], стратегии внедрения группируются по следующим основаниям:

- по обособлению этапов внедрения;
- по совмещению старой и новой технологии;
- по способу организации.

В первую группу стратегий А. А. Максаков включает поэтапное внедрение по участкам учета; поэтапное внедрение по объектам автоматизации и комбинированный; внедрение сразу на все предприятие, на всех участках, объектах; комбинированный способ. Необходимо добавить в данный состав также масштабное внедрение по всем участкам и объектам библиотеки и узко направленное внедрение на устранение одной проблемы.

Масштабное внедрение – это перевод на автоматизированных технологии сразу по всей библиотеке, на всех участках и объектах автоматизации.

Поэтапное внедрение по участкам учета – это внедрение по функциональным модулям внедряемой автоматизированной системы. Оптимальность способа зависит от самостоятельности структурных частей автоматизированной системы или технологии. При методичном внедрении учитывается опыт внедрения предыдущих модулей, что позволяет повышать качество внедрения системы в целом.

Поэтапное внедрение по объектам автоматизации предусматривает осуществление проекта внедрения поочередно по структурным подразделениям библиотеки. При этом также учитывается опыт на предыдущих объектах, что позволяет вносить необходимые корректировки в проект внедрения.

Узконаправленное внедрение – это автоматизация части технологического процесса с целью ликвидации определенной остро стоящей проблемы. При использовании последнего похода проект внедрения выполняется только для данного конкретного участка.

Метод комбинирования стратегий – наиболее распространенный на практике и встречается во всех вышеперечисленных классификационных группах.

Следующий тип классификации стратегий предусматривает возможность совмещения старой и новой технологии и вступает в противоречие с одним из главных принципов автоматизации, «в соответствии с которым старая и новая технология (особенно на начальных этапах работы последней) не должны сосуществовать в одних и тех же звеньях системы. Объясняется это, в частности, тем, что сотрудники, привычные к старой технологии, длительное время предпочитают использовать ее средства, независимо от их недостатков. Последнее ведет к существенному удлинению времени их адаптации к новым условиям работы и отрицательно сказывается на качественных показателях работы автоматизированной системы в целом» [33].

Верный путь – полная замена старой технологии на новую в начале внедрения, как на производстве, полная смена оборудования в цехе, замена ручной линии сборки на автоматизированную. Такая стратегия наиболее эффективна. При выборе данного метода необходимо точно смоделировать новый процесс и четко выполнить проектные мероприятия. Следует предусмотреть возможность возврата к старому способу работы при возникновении проблем. Например, во Владимирской областной научной библиотеке при внедрении технологии автоматизированного учета пользователей сразу был продуман порядок действий при выходе из строя системы или оборудования, что помогло спокойно и планомерно работать при масштабном 2-годичном ремонте здания с частым аварийным отключением электроэнергии.

Способы организации стратегии А. А. Максаков [8] подразделяет на: «аутсорсинг» специалистов по внедрению, самостоятельное внедрение только силами специалистов библиотеки, внедрение силами специалистов библиотеки при разовых консультациях со специалистами разработчика (исполнителя) по внедрению и комбинированный метод.

Эксперты в области управления ИТ-проектами считают ошибкой как самостоятельное внедрение [6, с. 39–43], так и полный аутсорсинг [9]. Приглашенные специалисты быстро исполняют проект внедрения. В этом случае необходимо четкое понимание распределения решаемых задач между группой внедрения учреждения и приглашенными специалистами. В библиотеках эта стратегия не применяется из-за высокой ее финансовой составляющей. Однако, если просчитать стоимость самостоятельного внедрения, результат окажется еще выше. Оптимальными по цене и качеству можно назвать комбинированную стратегию и «точечный консалтинг». Последний предполагает кратковременное участие представителей служб поддержки фирм-разработчиков или консультанта для решения сложной проблемы, при этом остальные проблемы специалисты библиотеки решают самостоятельно.

При выборе стратегии внедрения необходимо руководствоваться целями внедрения, объемом ресурсов, критериями эффективности.

Десятый шаг. Эта фаза процедуры внедрения предполагает ***выбор тактик внедрения***.

Методический подход к проведению работ: тактика внедрения автоматизированных технологий – совокупность методов, средств и приемов, направленных на реализацию проекта внедрения. Классификация тактик внедрения представлена в работе А. А. Максакова [8].

Ее продумывают на этапе проектирования для обеспечения оперативного принятия решения в процессе внедрения. Например, именно на этом этапе решается вопрос, кто принимает решение в случае аврала:

- специалисты в отделах;
- коллегиально члены группы внедрения;
- руководитель группы внедрения;
- руководитель библиотеки.

При выборе средств и методов, какой параметр будет приоритетен: экономия ресурсов; сокращение сроков проекта; повышение качества работ?

Вопрос о возможном перераспределения ресурсов при их недостатке на одном из участков работ по проекту также решается заранее в спокойной обстановке. Возможные варианты решения: будут привлекаться дополнительные ресурсы, перераспределяться имеющиеся или будет приостановлен процесс.

Аналогично заранее выбирается тактика работы с персоналом, это отражается в кадровой политике, формируемой на период внедрения АБИС, и контролируется на данном этапе.

На следующей фазе происходит ***определение «критических точек» внедрения***. Это одиннадцатый шаг.

Методический подход к проведению работ: выделение множества критических точек, сгруппированных по соответствию целям внедрения, производится членам группы внедрения.

Критическая точка – это некое ключевое событие в процессе внедрения, которое наглядно демонстрирует окончание выполнения какой-либо задачи или переход объекта из одного состояния в качественно новое. Таким образом, при достижении всех критических точек внедрение будет являться продуктивным, при недостижении хотя бы одной из них – внедрение будет считаться неуспешным.

Выбор критических точек – ключевой этап перехода от стадии планирования к составлению и реализации конкретного плана работ по внедрению.

Формирование кадровой политики на период внедрения – следующая фаза. Это двенадцатый шаг. Он является обязательным требованием как успешного внедрения, так и условием сохранения коллектива, его благоприятного микроклимата или его обновления, что и является целью данной фазы внедрения.

Выходные документы данной фазы:

- план адаптации персонала;
- система мотивации персонала;
- система обучения персонала.

Далее – фаза ***создания календарного плана*** проекта внедрения. Это тринадцатый шаг. Описание механизма реализации проекта позволяет проверить реалистичность проекта в целом, что достижение каждой поставленной цели обеспечено ресурсами, кадрами, технологиями и т. д., а выбранные методы, этапы и последовательность действий по проекту в целом являются гарантией его успешного исполнения.

Методический подход к проведению работ: детальное планирование включает разработку календарного плана работы по проекту с указанием конкретных сроков, исполнителей и ответственных. При необходимости возможно выделение этапов реализации проекта внедрения АБИС.

Календарный план является документом, где перечисляются все события, процессы, процедуры, предусмотренные по проекту. Важно отразить все мероприятия, финансирование которых предусмотрено бюджетом проекта.

М. Н. Ракович в своей работе отмечает, что «нахождение верного баланса между ресурсами, временем разработки и возможностями – ключевой момент в построении решения. После достижения равновесия в этом треугольнике на любой из его сторон для поддержания баланса требуются модификации на другой (двух других) сторонах и/или на изначально измененной стороне» [10].

Выходной документ: календарный план проекта.

Следующая фаза – ***разработка бюджета проекта*** – происходит на основании подробного календарного плана. Это четырнадцатый шаг. Он является обязательным элементом процедуры проектирования внедрения АБИС.

Бюджет – это концентрированное описание проекта языком цифр. Данный раздел проекта должен очень точно соотноситься с другими разделами проекта, особенно с механизмом реализации и календарным планом. В нем перечисляются все расходы по проекту, а также вложенные средства и иные ресурсы. Изменение разделов проекта обязательно отражается на бюджете.

Выходной документ: смета проекта.

Пятнадцатый шаг – это фаза, когда происходит ***прогнозирование эффективности проекта***. Типичными «средними» результатами внедрения автоматизированных технологий в целом можно считать следующие [7]:

- увеличение производительности на 15–25 %;
- уменьшение складских запасов на 10–20 % (для библиотек это необработанные документы в отделах комплектования и ретрочасть фонда, не отраженная в электронном каталоге);
- сокращение сроков выполнения заказов пользователей на 20–50 %.

Формулируются такие показатели, чтобы допроектные значения критериев эффективности были доступны для сравнения с текущими результатами при реализации проекта; объясняются методы оценки проекта; принимается решение, что будет оцениваться в ходе реализации проекта, а что будет оценено только в конце; определяются эксперты, которые будут производить оценку.

Практически с любого шага проектирования возможен возврат и пересмотр целей, задач, стратегий, тактик проекта, моделей процессов и т. д. Чем тщательнее будет проработан этот документ, тем выше будет эффективность работ при внедрении, меньше рисков и ошибок.

Шестнадцатый шаг – это основная фаза – ***реализация внедрения***. Самое важное и трудное во время реализации проекта четко следовать проекту, минимизировать вносимые изменения, внесенные – документировать.

Методический подход к проведению работ: процесс внедрения имеет итеративный характер, то есть выполнение работ ведется параллельно с непрерывным анализом полученных результатов и корректировкой предыдущих этапов работы (рисунок 1). Среди преимуществ такого подхода мы можем обозначить следующие:

- обеспечение эффективной обратной связи группы внедрения с конечными пользователями;
- оперативная оценка результатов проекта на промежуточных этапах;
- использование накопленных на предыдущих итерациях информации и опыта;
- возможность концентрации усилий на наиболее проблемных участках проекта;
- более равномерное распределение нагрузки участников проекта.

Согласно информационному менеджменту, «большую работу всегда приходится проделать и над системой – сделать надстройки, возможно доработки. Нет двух абсолютно одинаковых предприятий с полностью идентичными процессами, поэтому не бывает одинаковых корпоративных систем» [5, с. 212–213].

Выходные документы данной фазы:

- реестр внесенных изменений в проект;
- акт внедрения.

Семнадцатый шаг – фаза для ***анализа хода процесса внедрения в «критических точках»***. Мониторинг и оценка результатов работы проводятся во время реализации проекта внедрения, в «критических точках» и по окончании работ.

Методический подход к проведению работ: мониторинг – это систематический сбор данных о реализации проекта, позволяющий анализировать успешность выполнения мероприятий, определять состояние проекта по ключевым показателям. Он включает в себя постоянное отслеживание многих параметров. В результате в любой момент времени вы можете составить представление о том, насколько качественно выполнятся проект. При наличии такой системы и на основании данных мониторинга легче оценить эффективность проекта, провести оценку.

Оценка – это определение состояния выполнения проекта в определенный момент времени. Она проводится специалистами-экспертами с целью анализа деятельности по проекту в целом и выявления причин неудач, если таковые были. Мониторинг проводится непрерывно, а оценка только на ключевых этапах реализации проекта.

Информация, полученная в результате оценки, может быть использована для принятия различных решений. Вот, например, некоторые из вопросов, которые, на наш взгляд, могут ставить перед собой руководители библиотеки и группа внедрения:

- продолжить, прекратить финансирование проекта;
- каким образом лучше распределить ресурсы между двумя конкурирующими проектами, одновременно реализуемыми в библиотеке;
- каким образом улучшить проект;
- какие новые методы проекта могут быть добавлены в механизм его реализации, а какие – исключены;
- каким образом передать опыт и организовать подобный проект внедрения в другой организации или регионе и т. п.

На каждом этапе проектирования и реализации проекта определяются «узкие места», производится корректировка и моделей, и методов работы по проекту. В критических точках отмечаются основные промежуточные достижения, без которых процесс внедрения АБИС не сможет продвигаться дальше.

Обязательно учитывается мнения и отклики читателей и сотрудников библиотеки, конечных пользователей, четко документируя обратную связь с ними.

И заканчиваем внедрение автоматизации восемнадцатым шагом, фазой ***оценки эффективности внедрения в целом***.

Методический подход к проведению работ: в этой части проекта определяется, насколько удалось достичь поставленных целей и задач проекта. Особое внимание эксперты обращают на соблюдение заявленных объемов и сроков мероприятий. Это вопрос исполнительской дисциплины и ответственности, а также качества выполняемых работ. В случае, если такие сроки и объемы не соблюдаются, требуется выявить причины этого – как внешние, так и внутренние.

Автоматизация любой организации или предприятия является инвестиционной деятельностью, и к ней применимы все подходы, используемые при оценке эффективности вложений. Внедрение автоматизированных средств и технологий обычно производится с целью оптимизации технологических процессов, и результатом внедрения автоматизированной системы на коммерческом предприятии по оценке финансистов должно стать:

- снижение расходов;
- увеличение доходов;
- увеличение оборачиваемости средств, фондов;
- выход на новые рынки;
- повышение эффективности за счет автоматизации контроля работы организации;
- сочетание вышеуказанных характеристик.

По нашему мнению, для библиотеки применимы те же финансовые законы, и должны быть аналогичные результаты:

- снижение доходов, например, через повышение оперативности предоставления пользователям информационных продуктов и услуг. Сокращаются временные затраты, снижается себестоимость продуктов и услуг;

- повышение эффективности за счет автоматизации контроля работы организации – возможность точного сбора статистики в библиотеки по пользователям, по производительности сотрудников, а также с целью анализа трудовой дисциплины;
- выход на новые рынки – предоставление новых видов услуг, например, удаленное обслуживание (электронный каталог, электронная доставка документов, виртуальная справочная служба и т. п.).

Продуманное использование возможностей современных технологий позволяет получить и экономические, и социальные эффекты.

Далее АБИС начинает работать и показывать свою эффективность/неэффективность. Эксплуатация и техническое сопровождение внедренной системы в современной быстро изменяющейся ситуации является трудной задачей. Совершенствование программно-аппаратного комплекса библиотеки из-за физического и морального износа; обязательность мониторинга изменений в законодательстве; потребности в настройки и, возможно, доработки АБИС под новые запросы пользователей; обеспечение информационной безопасности – эти и многие другие вопросы встают перед персоналом, отвечающим за процесс эксплуатации системы.

Расходы на эксплуатации и техническое сопровождение АБИС в организации обычно снижаются за счет эффективной проработки предшествующих этапов. По окончании процесса внедрения наступает стадия эксплуатации, сопровождения, далее вновь следуют фазы модернизации и нового внедрения нового объекта. Это объясняется прогрессом информационных технологий, быстрым развитием средств вычислительной техники.

Для успешного внедрения АБИС обязателен ряд условий: понимание и принятие руководством целей внедрения, наличие ИТ-стратегии библиотеки, реорганизация структуры и оптимизация технологических процессов библиотеки, документированность технологических процессов, наличие специальной кадровой политики, сформированной на период внедрения АБИС, соблюдение принципов теории автоматизации, информационного и инновационного менеджмента, управления изменениями и управления проектами, а также наличие четко структурируемого проекта, выполнение определенной последовательности действий в жестко заданном порядке.

Важно учитывать итерационность проекта, на каждом этапе работ происходит последовательное приближение к результату и проверка условий достижения искомого результата, практически с любого этапа возможен возврат на несколько шагов назад.

В результате мы пришли к выводу, что успешно внедренная автоматизированная информационная система – стратегический ресурс библиотеки, обеспечивающий ее жизнедеятельность и развитие.

Внедрение АБИС – высоко ответственный, сложный и трудоемкий процесс, затрагивающий и перестраивающий всю структуру библиотеки. В состав методологии внедрения автоматизированных библиотечных информационных систем входят определенные условия, требующие реализации системных организационных мероприятий, упорядоченный набор взаимосвязанных процедур (алгоритм внедрения) и формализованный план действий – проект внедрения. Методичное выполнение данной схемы позволит успешно выполнить проект внедрения.

Литература

1. Алешин Л. И. Проектирование библиотечных АИС: учеб.-метод. пособие. – М.: Либерея-Бибинформ, 2008. – 352 с.
2. Воройский Ф. С. АБИС: проблемы выбора и внедрения // Библиотека. – 1993. – № 8. – С. 61–65, № 9. – С. 30–33; 1994. – № 2. – С. 29–33, № 3. – С. 33–38.
3. Воройский Ф. С. Организация и технология переработки карточных каталогов в машиночитаемую форму для создания электронных каталогов [Электронный ресурс] // Библиотеки и ассоциации в меняющемся мире: новые технологии и новые формы сотрудничества: V юбилейная Международная конференция «Крым – 98»: докл. конф.: в 2 т. / ГПНТБ России. – М., 1998. – Т. 1. – URL: http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea98/doc1/doc41.html. – Загл. с экрана. – (02.05.2009).
4. Воройский Ф. С. Основы проектирования автоматизированных библиотечно-информационных систем. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2008. – 453 с.: ил.

5. Информационный менеджмент: учеб. / ред.: Н. М. Абдикеев. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 400 с. – (Высш. образование).
6. Корпоративные информационные системы управления: учеб. / [Абдикеев Н. М. и др.]; под науч. ред. Н. М. Абдикеева, О. В. Китовой. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 464 с. – (Сер. учеб. для программы MBA).
7. Колесников С. Н. Об оценке эффективности внедрения и применения систем управления ресурсами предприятия [Электронный ресурс] // CITFORUM. – [200-]. – URL: http://www.citforum.ru. – Загл. с экрана. – (08.09.2010).
8. Максаков А. А. Обеспечение качества внедрения автоматизированных систем оперативной обработки информации на среднемасштабных предприятиях [Электронный ресурс]: дис. … канд. техн. наук: 05.25.05. – М., 2006. – URL: http://www.diss.ru. – Загл. с экрана. – (02.12.2009).
9. Названы 9 типичных причин провалов BI-проектов [Электронный ресурс] // OLAP.ru. – 16.10.2008. – URL: http://www.olap.ru/home.asp?artId=614. – Загл. с экрана. – (15.06.2010).
10. Ракович М. Н. Внедрение интегрированных систем управления как фактор повышения эффективности российских промышленных предприятий [Электронный ресурс]: дис. … канд. эконом. наук. – Екатеринбург, 2004. – URL: http://www.diss.ru. – Загл. с экрана. – (12.12.2011).
11. Шрайберг Я. Л., Воройский Ф. С. Автоматизированные библиотечно-информационные системы России: состояние, выбор, внедрение, развитие. – М.: Либерея, 1996. – 272 с.

Literatura

1. Aljoshin L. I. Proektirovanie bibliotechnyh AIS: ucheb.-metod. posobie. – M.: Libereja-Bibinform, 2008. – 352 s.
2. Vorojskij F. S. ABIS: problemy vybora i vnedrenija // Biblioteka. – 1993. – № 8. – S. 61–65, № 9. – S. 30–33; 1994. – № 2. – S. 29–33, № 3. – S. 33–38.
3. Vorojskij F. S. Organizacija i tehnologija pererabotki kartochnyh katalogov v mashinochitaemuju formu dlja sozdanija elektronnyh katalogov [Elektronnyj resurs] // Biblioteki i associacii v menjajushchemsja mire: novye tehnologii i novye formy sotrudnichestva: V jubilejnaja Mezhdunarodnaja konferencija “Krym – 98”: dokl. konf.: v 2 t. / GPNTB Rossii. – M., 1998. – T. 1. – URL: http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea98/doc1/doc41.html. – Zagl. s ekrana. – (02.05.2009).
4. Vorojskij F. S. Osnovy proektirovanija avtomatizirovannyh bibliotechno-informacionnyh sistem. – 2-e izd., dop. i pererab. – M.: FIZMATLIT, 2008. – 453 s.: il.
5. Informacionnyj menedzhment: ucheb. / red.: N. M. Abdikeev. – M.: INFRA-M., 2010. – 400 s. – (Vyssh. obrazovanie).
6. Korporativnye informacionnye sistemy upravlenija: ucheb. / [Abdikeev N. M. i dr.]; pod nauch. red. N. M. Abdikeeva, O. V. Kitovoj. – M.: INFRA-M, 2011. – 464 s. – (Ser. ucheb. dlja programmy MVA).
7. Kolesnikov S. N. Ob ocenke effektivnosti vnedrenija i primenenija sistem upravlenija resursami predprijatija [Elektronnyj resurs] // CITFORUM. – [200-]. – URL: http://www.citforum.ru. – Zagl. s ekrana. – (08.09.2010).
8. Maksakov A. A. Obespechenie kachestva vnedrenija avtomatizirovannyh sistem operativnoj obrabotki informacii na srednemasshtabnyh predprijatijah [Elektronnyj resurs]: dis. … kand. tehn. nauk: 05.25.05. – M., 2006. – URL: http://www.diss.ru. – Zagl. s ekrana. – (02.12.2009).
9. Nazvany 9 tipichnyh prichin provalov BI-proektov [Elektronnyj resurs] // OLAP.ru. – 16.10.2008. – URL: http://www.olap.ru/home.asp?artId=614. – Zagl. s ekrana. – (15.06.2010).
10. Rakovich M. N. Vnedrenie integrirovannyh sistem upravlenija kak faktor povyshenija effektivnosti rossijskih promyshlennyh predprijatij [Elektronnyj resurs]: dis. … kand. ekonom. nauk. – Ekaterinburg, 2004. – URL: http://www.diss.ru. – Zagl. s ekrana. – (12.12.2011).
11. Shrajberg Ja. L., Vorojskij F. S. Avtomatizirovannye bibliotechno-informacionnye sistemy Rossii: sostojanie, vybor, vnedrenie, razvitie. – M.: Libereja, 1996. – 272 s.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА
SCIENTIFIC LIFE OF THE UNIVERSITY

УДК 008

В. И. Марков

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ СОВЕТ КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ: НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Статья информирует о возобновлении работы диссертационного совета вуза, подчеркивает значение этого события в научной жизни университета, описывает тематику некоторых исследований и ставит задачи перед молодыми исследователями.

Ключевые слова: диссертационный совет, научный исследования.

V. I. Markov

DISSERTATIONAL CULTUROLOGICAL COUNCIL OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY OF CULTURE AND ARTS: NEW DIRECTIONS

The article informs about the reopening of the dissertation council of the university, emphasizes the importance of this event in the scientific life of the university, describes the themes of some investigations and poses challenges for young researchers.

Keywords: dissertation council, research studies.

Осенью 2013 года Кемеровский государственный университет культуры и искусств получил долгожданное известие: после более чем годичного перерыва приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 7 октября 2013 года была возобновлена работа диссертационного совета Д 210.006.01. За этим событием стояла огромная работа ректората КемГУКИ и научного отдела, сумевших в условиях официально объявленной политики по сокращению числа диссертационных советов добиться столь значимого успеха в научной жизни вуза.

Совет начал работать в обновленном составе. Он и ранее существовал в тесном сотрудничестве с учеными гуманитариями Кемеровского государственного (классического) университета. Согласно утвержденному новому списку членов диссовета в его состав вошли такие известные историки и философы, как А. В. Горбатов, О. И. Жукова, Е. Ф. Казаков, А. Б. Коновалов из КемГУ, В. М. Золотухин из КузГТУ. Наличие новых специалистов позволяет расширить тематику квалифицированной экспертизы научных работ.

Возобновление деятельности культурологического совета КемГУКИ по двум специальностям – 24.00.01 – теория и история культуры и 24.00.03 – музееведение, реставрация и консервация историко-культурных объектов – с самого начала вышло за рамки события регионального значения. Особен-

но после продолжившегося процесса приостановления работы диссоветов (более чем 600 в декабре 2013 года). Фактически многие из них, и в том числе большое число культурологических, прекратили прием диссертаций еще ранее. Поэтому новость о начале работы совета при КемГУКИ вызвала сразу же поток присылаемых для предварительной экспертизы работ – всего 17 за три осенних месяца. География заявок была весьма обширной: от Тамбова до Иркутска.

Это создало возможность выбора лучших и наиболее «зрелых» из них для организации защит в первую очередь. В итоге проделанной всем составом диссовета большой работы уже 26 и 27 декабря прошло 5 успешных защит. Среди них три защиты аспирантов КемГУКИ (одна из них – досрочно), одна – от наших коллег из ЧКГАКИ и одна (по музееведению) – из Иркутского музея «Тальцы».

Работы защитившихся в декабре диссертантов достойно представили одну из особенностей культурологического подхода к анализу социокультурной реальности. Они – правда, в разной степени и с разными акцентами – содержали в себе синтез теоретических и практических начал. Даже, казалось бы, чисто абстрактный вопрос о детерминации русского национального характера (работа А. Г. Миненко), в силу фундаментальной эрудиции автора и проработанности анализа различных вариантов подхода к проблеме в литературе последних столетий, может стать не только основой будущих исследований, но и тесно связан с идейной борьбой современности, с вопросами патриотического воспитания. К другому, практически ориентированному полюсу можно причислить работу Е. Ю. Колгановой, которая фактически оформила с необходимым теоретическим обоснованием в виде диссертации уже проделанную ею практическую работу по созданию музеев под открытым небом ради сохранения уникального культурного наследия переселенцев времен Столыпинской реформы в Прибайкалье.

Близко к ней в этом отношении, но с более акцентированным теоретическим содержанием стало исследование тоже практического работника – преподавателя ЧГАКИ и актрисы театра «Мастерская Новой Пьесы “Бабы”» при этой же академии Я. В. Кривоспицкой. Видоизменив ракурс видения известных характеристик сценического действия и театральной реальности, она доказала, что нынешняя авангардная тенденция визуализации театрального действия с использованием современных информационных технологий есть не только один из перспективных путей развития театра, но имеет и глубокую историческую основу – театр всегда потенциально содержал в себе, в своей сущности характеристики, роднящие его с современными понятиями визуального пространства, визуализации и т. д.

Ну, и, наконец, две работы практических преподавателей кемеровских вузов – М. Г. Хасяновой (Кемеровская государственная медицинская академия) и О. Э. Васькиной (КемТИПП), которые, опираясь на весомый теоретический фундамент, также имманентно содержащий практические аспекты – формирование корпоративной культуры студенчества (М. Г. Хасянова) и проблемы сохранения базовой для России уникальной культуры крестьянства в сложных коллизиях XX века (О. Э. Васькина).

В перспективе в портфеле диссовета есть еще немало интересных творческих исследований, работа над которыми продолжается, идет предварительная работу по их шлифовке и доведению до необходимой степени зрелости. Ведь согласно новым нормативным документам уже на стадии официального представления к защите диссертация выставляется на сайт вуза и с этого момента, естественно, никакие исправления ни в автореферате, ни в основном тексте, уже недопустимы.

Однако, аспирантам и соискателям следует учитывать, что начатый Министерством образования и науки процесс «оптимизации сети диссертационных советов» продолжается. И результаты его в отношении ныне действующих диссоветов никто предугадать не в состоянии. Поэтому всем, у кого научные исследования находятся в завершающей стадии, необходимо сконцентрировать свои усилия на их скорейшем окончании и приложить все старания, чтобы качественно и в возможно более краткие сроки выйти на защиту. Со своей стороны профессиональный коллектив диссовета при КемГУКИ гарантирует помощь на предварительной стадии подготовки к защите, чтобы дать необходимые советы и корректировки, уточнить формулировки и положения диссертационной работы.

УДК 37

Е. В. Веселовская, А. С. Двуреченская, А. В. Киселев, И. А. Сечина

ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОГО КОНКУРСА МЕТОДИЧЕСКИХ РАБОТ «ОБРАЗОВАНИЕ. КУЛЬТУРА. ТВОРЧЕСТВО»

В статье отражены итоги Всероссийского конкурса методических работ педагогов общего и дополнительного образования, работников социокультурных учреждений «Образование. Культура. Творчество», проводимого НИИ прикладной культурологии КемГУКИ. В современной образовательной среде развиваются такие направления, как медиаобразование, народная художественная культура, эстетическое и духовно-нравственное образование, краеведение. Участники конкурса – педагоги дополнительного образования, методисты, преподаватели музыкальных школ, учителя общеобразовательных учебных заведений – едины в желании приобщить обучающихся к культуре своего народа, научить уважению национальных традиций и обычаев, расширить знания в области медийной культуры и краеведения.

Ключевые слова: конкурс, культурология, медиаобразование, народная художественная культура, краеведение, дополнительные образовательные программы, методические разработки.

E. V. Veselovskaya, A. S. Dvurechenskaya, A. V. Kiselev, I. A. Sechina

THE RESULTS OF ALL-RUSSIAN COMPETITION OF METHODICAL WORK “EDUCATION. CULTURE. CREATIVITY”

The article presents the results of All-Russian contest of methodical work of general and supplementary education teachers, workers of socio-cultural institutions “Education. Culture. Creation”, conducted by Research Institute of Applied Culturology of Kemerovo State University of Culture and Arts. Today’s educational environment developed areas such as media education, folk art culture, aesthetic, spiritual and moral education, local history. Participants of the contest are additional education teachers, methodologists, teachers of music schools, teachers of general education institutions united in the desire to involve students in the folk culture, to teach them respect for national traditions and customs, to expand knowledge in the field of media culture and local history.

Keywords: competition, culturology, media education, folk art culture, local history, curricula of additional education, methodical work.

30 января 2014 года подведены итоги Всероссийского конкурса методических работ педагогов общего и дополнительного образования, работников социокультурных учреждений «Образование. Культура. Творчество». Организатором и учредителем конкурса выступил коллектив НИИ прикладной культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Проведение конкурса было обусловлено необходимостью выявления и распространения передового опыта в области дополнительного и общего образования, организации культурно-досуговой деятельности.

Учредители конкурса ставили перед собой следующие задачи: активизировать участие педагогов и работников культуры в конкурсном движении; создать условия для представления и распространения результатов профессиональной деятельности участников конкурса; привлечь внимание общественности к актуальным проблемам образования и культуры.

Участниками конкурса стали не только педагоги общего и дополнительного образования образовательных учреждений, работники социокультурных учреждений РФ, а также учащиеся школ в соавторстве с педагогами. Возраст участников не ограничивался.

Конкурс проводился по следующим направлениям:

- Медиаобразование (фото-, видеотворчество; основы журналистики; обучение информационно-коммуникационным технологиям);

- Народная художественная культура в образовании (этнокультурное и этнохудожественное образование);

- Краеведение (историко-культурное наследие региона);

- Культурологическое направление (мировая художественная культура; эстетическое образование; духовно-нравственное образование).

Конкурсные работы рассматривались по следующим критериям: соответствие тематике и условиям конкурса; актуальность проблемы и новизна предлагаемого решения; теоретическая и прикладная ценность работы; результативность, возможность использования в других образовательных учреждениях; информативность и иллюстративность материала, логичность его структуры; эстетичность оформления.

Экспертная комиссия, в которую вошли сотрудники НИИ прикладной культурологии, высоко оценила работы участников. Наибольшее количество конкурсных работ было подано по культурологическому направлению, которое на сегодняшний день активно развивается в сфере как общего начального, так и дополнительного образования. Следует отметить насущную потребность современных образовательных учреждений в культурологических разработках прикладного характера. Это связано, прежде всего, с огромным потенциалом культурологии в решении актуальных социокультурных проблем. Показательно тематическое и жанровое разнообразие представленных работ: программы дополнительного образования детей, проекты, методические разработки и рекомендации, презентации и т. д. Лучшими в данной номинации были признаны следующие работы: проект «Игры с классиками» Е. А. Селивановой (МБОУ ДОД «Детская школа искусств» г. Стрежевой, Томская область), образовательная программа «Музыкальный фольклор» Т. В. Белоусовой (МБОУ ДОД «Детская музыкальная школа № 43» г. Кемерово), образовательная программа «Сольное пение» И. А. Шикалевой (МБОУ ДОД «Детская музыкальная школа № 43» г. Кемерово). Особое внимание экспертной комиссии привлекли также учебная программа «Народоведение» А. В. Джабаровой, В. В. Гришковой (МБОУ ДОД «Дом детского творчества им. А. Торцева» г. Мурманск); учебно-методический комплекс «История русского исполнительского искусства» В. В. Иванова, Т. С. Ивановой (МБОУ ДОД «Детская школа искусств № 1» п. Черновский Волжского муниципального района Самарской области); проект «От сердца к сердцу» С. Л. Герасимовой (МБОУ «Гимназия № 6», г. Междуреченск).

Медиаобразование – относительно молодое, развивающееся направление в системе дополнительного образования. Для участия в конкурсе по данному направлению были представлены работы, выполненные педагогами городов Кемерово, Анжеро-Судженска, Междуреченска и ориентированные на освоение разных видов медиа: фото, видео, мультимедиа, печатные издания. Обращает на себя внимание и жанровое разнообразие присланных материалов, среди которых – образовательные программы, статьи, видеофильмы, презентации. Лучшей работой в данной номинации по решению экспертов стала работа Т. И. Вольф, педагога ГАОУ дополнительного образования детей Кемеровской области «Областной центр детского технического творчества и безопасности дорожного движения» (г. Кемерово) «Видеозанятие как элемент образовательной технологии». Дипломом II степени награждена С. А. Мешкова (МБОУ «Гимназия № 6 имени С. Ф. Вензелева», г. Междуреченск) за программу «Основы журналистики». Дипломом III степени отмечена Е. В. Борискина (ГАОУ ДОД Кемеровской области «Областной центр детского (юношеского) технического творчества и безопасности дорожного движения»), автор программы «Фототворчество».

Конкурс подтвердил актуальность и востребованность отечественного краеведения в социально-гуманитарном знании. Местный краеведческий материал, благодаря своей наглядности и аксиологичности, полифункционален, сочетает в себе обучающие, воспитывающие и развивающие функции, что активизирует мыслительную деятельность учащихся, помогает более осознанному усвоению самых сложных тем социально-политического, экономического и культурного характера. Особенности предложенных конкурсных работ состоят, во-первых, в комплексном подходе, что отражает

всесторонний характер самого краеведческого знания; во-вторых, в использовании широкого методического арсенала, соответствующего современному уровню развития науки; в-третьих, в том, что основное педагогическое «поле» авторов научно-методических краеведческих разработок – учащиеся младших классов и дети старшего дошкольного возраста. Последняя особенность крайне важна, поскольку методика краеведческой работы основательно проработана только в старших классах образовательных учреждений. Указанные достоинства наиболее ярко представлены в следующих конкурсных работах: дополнительная образовательная программа для воспитанников подготовительной группы дошкольных образовательных учреждений «Занимательное краеведение» И. И. Баршевской (МОУ ДОД ДЮЦ «Ярославич», г. Ярославль); комплексная дополнительная образовательная программа для детей «Город, в котором я живу» И. И. Баршевской, Е. А. Дубовик (МОУ ДОД ДЮЦ «Ярославич», г. Ярославль), рабочая программа по духовно-нравственному воспитанию «Культура и искусство Кузбасса» О. Ю. Моисеевой, Е. В. Чебоксаровой (МБОУ СОШ № 55, г. Кемерово).

Работы, участвующие в конкурсе по направлению «Народная художественная культура в образовании (этнокультурное и этнохудожественное образование)», показали, что народное художественное творчество, включенное в образовательную практику, является базой для развития национального сознания и активной гражданской позиции. В системе дополнительного образования решение задач восстановления ценностей народной художественной культуры обеспечивается применением совокупного потенциала всех возможных способов приобщения ребенка к культурной традиции. Это подтверждается разнообразием жанров конкурсных работ по данному направлению: программы комплексного обучения детей на основе народных традиций, сценарии проведения народных праздников, планы проведения профильных смен по народной художественной культуре в оздоровительных лагерях, презентации по созданию кукол-оберегов и т. д. В конкурсных работах отмечается актуальность обращения к традициям родного края, прослеживается значимость воспитания детей на основе ценностей народной художественной культуры, а также востребованность средств народной педагогики. По решению экспертной комиссии, дипломами I степени отмечены: сборник методических материалов «Приобщение детей к народному творчеству. Этнокультурное и этнохудожественное образование в учреждении дополнительного образования детей» Е. А. Подорожной, Н. В. Андреенко (МБОУ ДОД «Дворец творчества детей и молодежи имени А. П. Добробабиной» г. Белово); методические рекомендации к урокам истории, литературы, технологии, ИЗО «Национальный день. Шорцы» О. А. Соловьянова (МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 19» г. Кемерово); программа профильной смены «Школа народной культуры» С. А. Целюк (ГАОУ ДОД КО «Областной центр дополнительного образования детей» г. Кемерово). Экспертная комиссия отметила, что в учреждениях дополнительного образования детей созданы оптимальные условия для воспитания эстетической культуры детей с использованием потенциала этнокультурной среды.

Экспертная комиссия благодарит участников Всероссийского конкурса методических работ «Образование. Культура. Творчество» – педагогов общего и дополнительного образования, работников социокультурных учреждений за активный методический поиск, интересные идеи и высокий профессионализм. Все работы, занявшие первое место в разных номинациях, с разрешения авторов выставлены на сайте НИИ прикладной культурологии КемГУКИ (http://www.niipk.ru). Благодарственные письма НИИ прикладной культурологии за поддержку конкурсного движения получили руководители образовательных учреждений и учреждений культуры, представившие на конкурс три и более конкурсных работ.

Плодотворное сотрудничество НИИ прикладной культурологии с образовательными и социокультурными учреждениями, осуществляемое в ходе проведения данного конкурса, способствует росту научного и творческого потенциала обеих сторон. Положительные результаты Всероссийского конкурса методических работ педагогов общего и дополнительного образования, работников социокультурных учреждений «Образование. Культура. Творчество» создают предпосылки для того, чтобы сделать его проведение традиционным.

УДК 379.83

А. И. Юдина, О. В. Ртищева, Д. Д. Родионова,
Н. М. Трусова, С. А. Мухамедиева, А. А. Насонов

ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ФОРУМ «ВНУТРЕННИЙ ТУРИЗМ КАК ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ»

В статье освещаются мероприятия Всероссийского научно-просветительского молодежного форума «Внутренний туризм как основа устойчивого развития регионов России», который проходил в Кемеровском государственном университете культуры и искусств в рамках реализации Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)». Основная цель форума – активизировать туристический потенциал регионов России силами творчески мыслящей молодежи, осуществить поиск современных путей выявления и популяризации объектов историко-культурного и природного наследия, а также использования их в развитии внутреннего туризма.

Ключевые слова: внутренний туризм, межкультурное взаимодействие, историко-культурное и природное наследие, музеология.

A. I. Yudina, O. V. Rtischeva, D. D. Rodionova,
N. M. Trusova, S. A. Mukhamedieva, A. A. Nasonov

ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL YOUTH FORUM “DOMESTIC TOURISM AS A BASIS FOR SUSTAINABLE REGIONS’ DEVELOPMENT OF RUSSIA”

All-Russian Scientific and educational youth forum “Domestic tourism as a basis for sustainable regions’ development of Russia” was conducted from 11 to 22 November, 2013 at the Kemerovo State University of Culture and Arts.

The forum was attended by 150 people, including invitees from the leaders and academic staff of educational institutions, representatives of public authorities travel companies, institutions of further education, public museums and other cultural and art figures and students of Siberian, Ural, Volga and Central federal regions educational institutions.

The forum’s goal is strengthening the tourism potential of the Russian regions by creatively thinking young people, searching for ways of identifying and popularizing historical and cultural sites and using them in the development of domestic tourism. The main directions of the forum were: economic problems of developing domestic tourism, identifying modern museum technology, preserving and promoting domestic tourism facilities; intercultural interacting as a resource for domestic tourism, social and cultural activities in the field of domestic tourism, domestic tourism visual space; domestic tourism advertising. Workshops and public lectures were conducted by the leading educators and experts in the field of culture and domestic tourism (the UK and Russia) highlighted the main problems of developing domestic tourism and cross-cultural communication in the above mentioned sphere.

Keywords: domestic tourism, cross-cultural communication, historical, cultural and natural heritage, museology.

11–22 ноября 2013 года на базе Кемеровского государственного университета культуры и искусств состоялся Всероссийский научно-просветительский молодежный форум «Внутренний туризм как основа устойчивого развития регионов России», целью которого была активизация туристического потенциала регионов России силами творчески мыслящей молодежи, поиск современных путей выявления и популяризации историко-культурных объектов и использования их в развитии внутреннего туризма. Основными направлениями молодежного форума являлись экономические проблемы развития внутреннего туризма, современные музейные технологии выявления, сохранения и популяризации объектов внутреннего туризма, межкультурное взаимодействие и социально-культурная деятельность в сфере внутреннего туризма, визуальное пространство и реклама внутреннего туризма.

Молодежный форум стал логическим продолжением ряда мероприятий, проводившихся КемГУКИ в 2012–2013 годах (Первый региональный форум музейных работников «Историко-культурное наследие Кузбасса» [1], II Региональный культурно-образовательный форум «Социально-культурное пространство региона: общество, культура и наука» и др.), однако вышел на более высокий, всероссийский уровень и получил поддержку Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)».

В форуме приняли участие студенты (бакалавры и магистранты), аспиранты и преподаватели КемГУКИ, Кемеровского государственного университета (далее – КемГУ), Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева (далее – КузГТУ), Уральского государственного лесотехнического университета (г. Екатеринбург), Уфимского государственного университета экономики и сервиса (далее – УГУЭС), Сибайского института (филиала) Башкирского государственного университета, Югорского государственного университета (далее – ЮГУ) (г. Ханты-Мансийск), Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, Сибирского федерального университета, Белгородского государственного института искусств и культуры, Оренбургского государственного университета, Вятского государственного гуманитарного университета (г. Киров), Омского государственного института сервиса (далее – ОГИС), Национального исследовательского Томского государственного университета.

На торжественной церемонии открытия форума к гостям и участникам форума с приветственными словами обратились ректор КемГУКИ, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ Е. Л. Кудрина, проректор по научной и инновационной деятельности КемГУКИ, кандидат филологических наук, доцент А. В. Шунков, руководитель Кузбасской ассоциации предприятий туристской индустрии, член Российского совета по туризму, директор туристической фирмы «Ривьера» Г. С. Руднева, директор историко-культурного и природного музея-заповедника «Томская Писаница», заслуженный работник культуры РФ В. А. Каплунов. В ходе пленарного заседания кандидат педагогических наук, доцент, директор института социально-культурных технологий КемГУКИ А. И. Юдина охарактеризовала социально-культурное развитие индустриального региона России, оценив взаимодействие культур в качестве важнейшего фактора их устойчивого развития. Кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики социальной сферы социально-гуманитарного института КемГУКИ Н. М. Трусова осветила проблемы организации внутреннего туризма и обозначила перспективы его развитие в Российской Федерации. Старший научный сотрудник, заведующая отделом экскурсий, туризма и связей с общественностью историко-культурного и природного музея-заповедника «Томская Писаница» Л. В. Юсифова привела конкретные примеры разработки и реализации туристского продукта в Кемеровской области на примере музея-заповедника «Томская Писаница», подчеркнув его уникальность.

13 ноября 2013 года в рамках форума состоялся молодежный симпозиум «Внутренний туризм: развитие на основе запросов потребителя». Работа молодых ученых и практиков осуществлялась по двум направлениям: «Социально-культурные технологии в сфере внутреннего туризма» и «Экономические проблемы развития внутреннего туризма».

Среди вопросов, обсуждавшихся в рамках направления «Социально-культурные технологии в сфере внутреннего туризма» особый интерес вызвали: современные подходы к трансляции и реконструкции объектов нематериального культурного наследия, фиксация и передача опыта работы музеев-заповедников различных регионов России, применение информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) в области культурного туризма, использования культурных карт в разработке маршрутов, применение средств анимации в экскурсиях и многие другие. Так, студентки факультета туризма и коммуникаций УГУЭС К. А. Зиганшина и К. К. Долженко раскрыли специфику фототуризма, анализируя опыт Республики Башкортостан в этой области. Студентка института социально-культурных технологий КемГУКИ, директор экспозиции «Человек и Космос» международного аэропорта Кемерово им. А. А. Леонова М. В. Милько поделилась опытом информатизации экспозиции «Человек и Космос».

Цель работы симпозиума по направлению «Экономические проблемы развития внутреннего туризма» заключалась в обсуждении наиболее актуальных экономических и управленческих проблем, связанных с развитием туристической отрасли регионов России. Актуальность тематики направления обусловлена необходимостью подведения итогов исследований студентов в рамках работы Всероссийского научно-просветительского молодежного форума «Внутренний туризм как основа устойчивого развития регионов России», рассмотрения современных требований развития рынка туристских услуг, совершенствования подготовки специалистов для данной сферы.

Большое внимание было уделено исследованиям по проблемам развития внутреннего и въездного туризма в Кемеровской области, при этом был затронут вопрос оценки экономических факторов и условий развития туризма. Обратил на себя внимание доклад студентки социально-гуманитарного института КемГУКИ Н. С. Аксеновой, в котором был освещен молодежный взгляд на перспективы развития туристкой индустрии Кемеровской области. Исследование студентки института социально-культурных технологий КемГУКИ Е. С. Валько показало, что культурный туризм не просто вид туризма, а ресурс регионального развития Кемеровской области и возможность для интенсификации предпринимательской активности. В докладе студентки института социально-культурных технологий КемГУКИ Е. В. Мухамедиевой был проанализирован кадровый потенциал сферы туризма и предложены методы его формирования, что в реальных условиях может обеспечить значительный экономический эффект [2]. Интересными докладами были представлены исследования студентов социально-гуманитарного института КемГУКИ Д. С. Панкова и А. О. Кабановой, где раскрывались перспективы развития внутреннего туризма посредством реализации экономических олимпийских проектов в г. Сочи и тенденции развития спроса на этот тип туризма. Данные исследования проводились независимо друг от друга, но в результате были определены компактированные тенденции развития внутреннего туризма.

Кроме того, в рамках данного направления молодежного симпозиума также были представлены туристские проекты: «Тайны Закулисья» и «Со спортом дружить – здоровым быть», которые могут быть воплощены на практике и потенциально стать туристским продуктом. Стоит отметить, что участники симпозиума из разных вузов России, при этом имеют научные связи и успешно смогут в дальнейшем сотрудничать в области развития сферы туризма.

14 ноября 2013 года в рамках молодежного форума была организована деловая игра «Разработка туристского продукта для внутреннего туризма», которая проводилась в междисциплинарном поле с использованием знаний, полученных по таким дисциплинам, как «Рекреационные ресурсы», «Туристские маршруты», «Маркетинг», «История туризма», «Основы гостеприимства» и другие. В большинстве рекреационных районов имеется сеть уникальных природных, лечебно-оздоровительных, историко-культурных и этнографических объектов, представляющих интерес для составления маршрутов. Кемеровская область богата рекреационными, культурными, историческими памятниками. Деловая игра была направлена на формирование у студентов профессиональных компетенций по составлению туристского продукта.

Для проведения деловой игры были сформированы команды, состоящие каждая из пяти человек: команда аспирантов и студентов специальности «География» и направления подготовки «Педагогическое образование» кафедры геологии и географии биологического факультета КемГУ, команда специальности «Социально-культурный сервис и туризм» и направления подготовки «Туризм» кафедры социально-культурного сервиса и туризма института экономики и управления КузГТУ, команда аспирантов и студентов направлений подготовки «Туризм» и «Гостиничное дело» кафедры туризма и гостеприимства факультета туризма и коммуникаций УГУЭС, команда студентов специальности «Музейное дело и охрана памятников» и направления подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» кафедры музейного дела института социально-культурных технологий КемГУКИ, команда специальности «Социально-культурный сервис и туризм» кафедры экономики социальной сферы социально-гуманитарного института КемГУКИ.

В качестве модельного региона была выбрана Кемеровская область. Целью деловой игры являлось составление и презентация туристского маршрута выходного дня. Свой туристский продукт участники защищали на экспертном совете, который оценивал конкурсную работу по следующим критериям: привлекательность для потребителей названия и содержания туристского продукта, полнота раскрытия темы, соответствие темы заданию и содержанию, оригинальность подхода. Экспертный совет состоял из представителя бизнес-сообщества, директора туристической фирмы «Виват-Тревэл» Г. Д. Баракиной и преподавателей университетов-участников: кандидата педагогических наук, доцента, заведующей кафедрой геологии и географии КемГУ О. А. Брель, кандидата исторических наук, доцента, заведующего кафедрой социально-культурного сервиса и туризма КузГТУ С. А. Ковалевского, кандидата экономических наук, доцента, заведующей кафедрой экономики социальной сферы КемГУ Н. М. Трусовой, кандидата исторических наук, старшего преподавателя кафедры музейного дела КемГУКИ А. А. Насонова, старшего преподавателя кафедры туризма и гостеприимства УГУЭС А. Ф. Хисамутдиновой.

Названия туристских продуктов говорили сами за себя: тур «Сердце Кемерово: от истоков до наших дней» (КузГТУ), «Удивительный Кузбасс» (КемГУ), интерактивный квест-тур «Дорогами древних шорцев» (УГУЭС), тур «Религиозный туризм» (КемГУКИ), тур «Уникальный тур по Кузбассу» (КемГУКИ). Представленные проекты отличались новизной, оригинальностью и хорошим знанием рекреационных ресурсов области. Самую трудную задачу предстояло решить представителям УГУЭС, поскольку для них Кемеровская область была почти незнакома. Тем интересней выглядел проект этой команды, который они представили и по праву получили первое место.

Все участники отметили нестандартность подходов и умение студентов ориентироваться в тонкостях составления туристского продукта. Директор турфирмы «Виват-Тревэл» Г. Д. Баракина в заключительном слове дала высокую оценку знаний студентов и предложила провести коммуникативный тренинг личностного роста, состоявшийся уже после закрытия форума 27 ноября 2013 года и положивший начало новому этапу сотрудничества КемГУКИ с работодателями.

В рамках молодежного форума были организованы тематические экскурсии по экспозициям музеев г. Кемерово и Кемеровской области, состоялось открытие выставок «Пастель в творчестве сибирских художников», «Экомузей-заповедник “Тюльберский городок” и развитие внутреннего туризма» и другие, прошли мастер-классы и открытые лекции ведущих специалистов. Так, кандидатом философских наук, доцентом, заведующей кафедрой музейного дела КемГУКИ Д. Д. Родионовой была проведена открытая лекция «Основные направления использования ИКТ в музейной и туристской деятельности». На лекции студенты и преподаватели КемГУКИ и УГУЭС обсудили проблемы внедрения ИКТ в музейных учреждениях, обменялись опытом использования магистральных тенденций развития и использования ИКТ в туристской деятельности. Особый интерес у присутствующих вызвали технологии создания аудиогидов в удобном веб-интерфейсе IZI.CMS и матричных QR-кодов для музейных экспонатов, что является особенно актуальной новацией для современного музея в связи с увеличением посетителей, использующих планшетные компьютеры и смартфоны. В ходе лекции был сделан акцент на междисциплинарное изучение технологии выставочной деятельности, что позволит создавать студентам электронные выставки для музеев Кемеровской области и музея КемГУКИ. Обзор технологии PR 2.0, позволяющей значительно расширить аудиторию потенциальных посетителей музея за счет социальных сетей и блогосферы («ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook, Twitter и «Живой журнал»), выявил, что практически все присутствующие студенты уже активно используют ее в учебной деятельности.

Своеобразным продолжением лекции стал мастер-класс «Реализация проекта «Кузбасс на ладони», проведенный кандидатом культурологии, директором музея «Археологии, этнографии и экологии Сибири» КемГУ Н. А. Белоусовой, в рамках которого на примере Кузбасса были созданы ма-

тричные QR-коды для 70 достопримечательных мест области. На конкретном примере рассмотрено внедрение ИКТ в музейную и туристскую деятельности. Студенты на практике познакомились с проектом и предложили новые достопримечательности Кемеровской области для внесения в перечень проекта.

В ходе мастер-класса «Опыт создания уникального этноэкологического музея-заповедника “Тюльберский городок”» доктор исторических наук, директор экомузея-заповедника «Тюльберский городок» В. М. Кимеев и научный сотрудник П. В. Глушковой рассказали о современном состоянии этномузеологии в Сибирском регионе. Стоит заметить, что экомузей-заповедник «Тюльберский городок» является уникальным музеем под открытым небом, включающим в себя два взаимосвязанных комплекса: реконструкцию ритуального средневекового тюльберского городища и воссозданный образ сибирского казачьего острога XVII–XVIII веков с оборонительными, хозяйственными, жилыми и административными помещениями. Присутствующие имели возможность не только узнать об особенностях создания подобного рода музеев, но и познакомится с формами его работы и направлениями деятельности. Директор экомузея и его основатель В. М. Кимеев рассказал о том, как создавался «Тюльберский городок», с какими трудностями ему пришлось столкнуться, и как идея обрела материальное воплощение. Научный сотрудник П. В. Глушкова познакомила участников мастер-класса с инновационными формами работы музея: проведением театрализованных мероприятий, научно-обоснованных реконструкций объектов нематериального наследия народов Притомья. Также участникам мероприятия была предложена виртуальная экскурсия по объектам экомузея. В завершении мастер-класса был показан фильм об экомузее. Ведущие мастер-класса поделились своими планами на будущее и охотно выслушали предложения по дальнейшему развитию экомузея, высказанные участниками форума.

Особое внимание участников молодежного форума привлек мастер-класс «Кукла Берегиня» старшего научного сотрудника отдела фондов историко-культурного и природного музея-заповедника «Томская Писаница» С. В. Ивановой. Ни для кого не секрет, что тряпичная кукла-оберег являлась традиционной для многих народов. Это была самая распространенная игрушка. Считалось, что тряпичная кукла-оберег приносит удачу и богатство, сулит обильный урожай и является символом продолжения рода. Главная особенность этой куклы в том, что делают ее без иголки. У такой куклы лицо не рисовалось – считалось, что кукла с выражением на лице приобретает душу и теряет свои «обережные» свойства. Студенты с большим интересом создавали своих кукол-берегинь, имея под рукой несколько кусочков ткани, нитки, атласные ленты и тесьму для украшения.

Мастер-класс «Дорожная карта Кузбасса» главного специалиста отдела культуры и искусств Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области Г. В. Шинкаренко вызвал большой интерес у студентов специальностей «Музейное дело и охрана памятников», «Социально-культурный сервис и туризм» и «Социально-культурная деятельность». В ходе мастер-класса анализировалась потребность учреждений культуры Кемеровской области в квалифицированных кадрах, рассматривались перспективы развития данных учреждений. Особый интерес вызвало обсуждение оплаты труда молодым специалистам в сфере культуры и искусства, перспективы карьерного роста и создания новых учреждений культуры.

На открытой лекции кандидата философских наук, доцента, директора социально-гуманитарного института КемГУКИ О. В. Ртищевой «Межкультурное взаимодействие как фактор динамики внутреннего туризма» особое внимание уделялось межкультурному диалогу средствами туризма в политике мира и развития. Межкультурная коммуникация концептуализируется как парадигма развития современной системы международного туризма, системообразующий фактор формирования глобального туристского пространства, универсальный инструмент межкультурного взаимодействия его факторов. Диалог культур и цивилизаций в глобализирующемся мире исследуется как актуальная форма

межкультурной коммуникации. Кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии КемГУКИ О. Ю. Астахов на открытой лекции «Социокультурный потенциал региона как фактор устойчивого развития России» акцентировал внимание на том, что ведущим фактором, определяющим устойчивое развитие России, является актуализация социокультурного потенциала региона, предполагающая обращение к базовым ценностям как условию инкультурации личности в контексте современных процессов развития культуры.

В результате полученные знания и умения студенты смогут применить при прохождении практик, написании курсовых и дипломных работ, а самое главное – в дальнейшей практической профессиональной деятельности.

20 ноября 2013 года в рамках форума прошел научно-практический семинар студенческой молодежи «Организация и реализация проектной деятельности в сфере культуры и туризма», включивший круглый стол «Социокультурное проектирование: теория и практика» и практический коллоквиум «Государственные и негосударственные формы поддержки студенческих проектов и инициатив».

Одним из центральных мероприятий молодежного форума стала олимпиада «Историко-культурные достопримечательности Сибири», проходившая в два этапа. В рамках первого, заочного этапа проводился отбор членами жюри лучших конкурсных презентаций участников олимпиады, представленных молодыми учеными вузов Центрального, Уральского Приволжского и Сибирского федерального округов. В ходе второго, очного этапа 21 ноября 2013 года состоялась публичная защита лучших презентаций участниками олимпиады в КемГУКИ. По итогам второго этапа победу одержали студенты КемГУ, КемГУКИ, ЮГУ и ОГИС. Их проекты были посвящены историко-культурному наследию сибирских средних и малых городов, музеям-заповедникам, туристическому потенциалу особо охраняемых природных районов, ностальгическому и духовному туризму. Победители были награждены дипломами в ходе церемонии торжественного закрытия форума, а их научным руководителям вручили благодарственные письма.

Вопросы внутреннего туризма являются многогранной проблематикой. Поиск решений основных научных задач возможен только при объединении усилий не только нынешних специалистов, но и будущих профессионалов. Всероссийский научно-просветительский молодежный форум стал площадкой тесного взаимодействия молодых ученых, обучающихся по направлениям подготовки «Туризм», «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», «Культурология» КемГУКИ и других вузов России. Совместный плодотворный труд, предметная результативная дискуссия молодых ученых позволили обсудить экономические проблемы, популяризацию и бережное использование историко-культурного и природного наследия регионов России для развития внутреннего туризма, презентацию социокультурного облика малых и средних городов Сибири и Дальнего Востока.

Литература

1. Юдина А. И., Кулемзин А. М., Насонов А. А., Родионова Д. Д., Ковешникова Е. А., Тельманова А. С. Первый региональный форум музейных работников «Историко-культурное наследие Кузбасса» // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 20. – С. 258–262.
2. Юдина А. И., Мухамедиева С. А. Определение потребности отрасли культуры в квалифицированных кадрах в области библиотечного дела и социально-культурной деятельности // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 22. – С. 166–174.

Literatura

1. Yudina A. I., Kulemzin A. M., Nasonov A. A., Rodionova D. D., Koveshnikova E. A., Tel'manova A. S. Pervyj regional'nyj forum muzejnyh rabotnikov "Istoriko-kul'turnoe nasledie Kuzbassa" // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul'tury i iskusstv. – 2012. – № 20. – S. 258–262.
2. Yudina A. I., Mukhamedieva S. A. Opredelenie potrebnosti otrasli kul'tury v kvalificirovannyh kadrah v oblasti bibliotechnogo dela i social'no-kul'turnoj dejatel'nosti // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul'tury i iskusstv. – 2013. – № 22. – S. 166–174.

УДК 379.83

Т. Н. Ивлева

КОНКУРС «Я – МЕНЕДЖЕР» НАБИРАЕТ ОБОРОТЫ

В статье освещается опыт подготовки конкурса эссе «Я – МЕНЕДЖЕР» как формы организации внеаудиторной научно-исследовательской деятельности студентов.

Ключевые слова: научно-исследовательская работа студентов, конкурс, менеджер, менеджмент, эссе.

T. N. Ivleva

THE COMPETITION “I AM A MANAGER” GAINS MOMENTUM

The article highlights the experience of preparing the essay competition “I Am a MANAGER” as a form of organization of extracurricular scientific research activity of students.

Keywords: scientific research work of students, contest, manager, management, essay.

Современные молодые люди
должны изучать менеджмент так же,
как их предки изучали основы землепашества.
Питер Друкер

Сегодня профессия менеджера является одной из интересных и востребованных. Она неизменно привлекает к себе интерес. Недостатка желающих попробовать в ней свои силы нет. В обучении менеджменту важно ориентироваться преимущественно на практическую деятельность, что в значительной мере отличает данную область наук от существующих процессов передачи знаний в традиционных областях. Это отличие касается главного – целей обучения. Основополагающая идея обучения менеджменту строится на утверждении, что управление – это скорее поведение, навыки и умения, чем просто знания. Высокий уровень профессионализма будущего менеджера и его управленческой направленности предполагает, что студенты должны проявлять инициативу, применять творческий подход в решении нестандартных задач, планировать и прогнозировать результаты своей самостоятельной деятельности.

Одним из способов решения данной проблемы обучения является самостоятельная работа студентов в рамках проведения конкурса эссе «Я – МЕНЕДЖЕР» [1; 2], которая выступает средством достижения глубоких и прочных знаний, инструментом формирования активности и самостоятельности будущих менеджеров. Участие в конкурсе создает возможности реализации дидактических принципов индивидуализации и дифференциации обучения, положительно влияет на развитие познавательной деятельности студентов, их творческой активности, реализует условия перехода от обучения к самообразованию.

В настоящее время в КемГУКИ на кафедре управления социальной сферы (заведующая кафедрой – кандидат педагогических наук, доцент Е. А. Малкина) идет подготовка к конкурсу эссе «Я – МЕНЕДЖЕР». Модератор конкурса кандидат педагогических наук, профессор кафедры управления социальной сферы Т. Н. Ивлева. Цель конкурса – выявления и развития у студентов интереса к научно-исследовательской деятельности и развития их творческих навыков.

Задачами конкурса являются:

- систематизация знаний студентов в области менеджмента;
- повышение познавательного интереса к проблемам менеджмента;
- обеспечение органичного сочетания учебных занятий с научной работой студентов;

- развитие навыков правильной аргументации;
- стимулирование различных форм студенческого научного творчества;
- выявление и поощрение наиболее способных студентов.

Почему отдано предпочтение жанру эссе? Эссе от фр. essai, англ. essay, assay – попытка, проба, очерк; от лат. exagium – взвешивание. Создателем жанра эссе считается М. Монтень («Опыты», 1580 год). В методических рекомендациях **по написанию эссе** [4] отмечается, что это прозаическое сочинение-рассуждение небольшого объема со свободной композицией и трактовкой какой-либо проблемы. Эссе выражает индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу или вопросу. Как правило, эссе предполагает новое, субъективно окрашенное слово. Эссе студента – это самостоятельная письменная работа на тему, предложенную преподавателем (тема может быть предложена и студентом, но обязательно должна быть согласована с преподавателем). Цель эссе состоит в развитии навыков самостоятельного творческого мышления и письменного изложения собственных мыслей. Писать эссе чрезвычайно полезно, поскольку это позволяет автору научиться четко и грамотно формулировать мысли, структурировать информацию, использовать основные категории анализа, выделять причинно-следственные связи, иллюстрировать понятия соответствующими примерами, аргументировать свои выводы; овладевать научным стилем речи.

Эссе должно содержать: четкое изложение сути поставленной проблемы, включать самостоятельно проведенный анализ этой проблемы с использованием концепций и аналитического инструментария, рассматриваемого в рамках менеджмента, выводы, обобщающие авторскую позицию по поставленной проблеме. В зависимости от специфики дисциплины формы эссе могут значительно дифференцироваться. В некоторых случаях это может быть анализ имеющихся статистических данных по различным проблемам менеджмента, анализ материалов из средств массовой информации и использованием изучаемых моделей, подробный разбор предложенной задачи с развернутыми мнениями, подбор и детальный анализ примеров, иллюстрирующих многообразные аспекты менеджмента и т. д. [4].

Эссеистический подход к менеджменту предполагает ведущую ролью личности автора, которая полностью определяет принципы анализа объекта, то есть является важнейшим структурообразующим фактором эссе. Помимо этого Т. Ю. Лямзина в [3] справедливо отмечает, что для эссе характерна особая связь со временем: повышенная актуализация, экспрессивность и образность. Ведущая роль личности автора и соотнесенность с настоящим определяет способность посредством эссе полемизировать с традиционной трактовкой и предлагать в результате анализа свою «версию» объекта, претендующую на универсальность. Эссеистический подход обязательно предполагает универсальное значение трактовки даже частной темы и характеризуется в функциональном плане доминированием функции убеждения, которая является основной в практической деятельности будущего менеджера. Эссе путем переубеждения предлагает читателю авторскую версию.

10 октября в рамках подготовки конкурса была проведена встреча с Максимом Королевым, ведущим и организатором праздничных мероприятий, ведущим телепередачи «Музыкальная среда» на телеканале СТС-Кузбасс, филологом по образованию.

Следует отметить, что инициатором и организатором этой интересной встречи был Игорь Медведев – студент группы М-121. На встречу были приглашены студенты 1, 2, 3-го курсов направлений подготовки «Менеджмент», «Социально-культурная деятельность»

Максим рассказал, что такое эссе и каковы особенности этого жанра. А также познакомил с вариантами классификации, структурой и принципами построения; показал, как рождается название эссе; посоветовал, к каким литературным источникам и электронным ресурсам можно обратиться. Несомненный интерес у студентов вызвали практические занятия. Максим прочел и проанализировал несколько вариантов эссе разного формата.

По окончании встречи студенты поблагодарили Максима и отметили, что информация, предоставленная им как профессионалом, имеет практическую направленность и будет способствовать не только успешному участию в конкурсе, но и поможет в дальнейшей профессиональной деятельности.

Творческое сотрудничество студентов и преподавателей кафедры управления социальной сферы будет продолжено в рамках проведения конкурса эссе в апреле месяце. Максим Королев дал согласие принять участие в работе жюри.

Таким образом, подготовка к конкурсу эссе «Я – МЕНЕДЖЕР» делает процесс внеаудиторной самостоятельной работы студентов мотивированным, продуктивным, личностно-ориентированным, что способствует формированию и развитию общекультурных и профессиональных компетенций будущих менеджеров.

Литература

1. Ивлева Т. Н. Интерактивные методы обучения в организации самостоятельной работы студентов // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 1. – С. 145–150.
2. Ивлева Т. Н. Конкурс «Я – МЕНЕДЖЕР» как форма организации научно – исследовательской работы студентов // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 24. – С. 309–315.
3. Лямзина Т. Ю. Жанр эссе (К проблеме формирования теории) [Электронный ресурс]. – URL: http://psujourn.narod.ru/lib/liamzina_essay.htm. – Загл. с экрана.
4. Методические рекомендации по написанию эссе [Электронный ресурс] / Гос. ун-т «Высшая школа экономики», С.-Петерб. филиал, 2005. – URL: http://www.hse.spb.ru/edu/recommendations/essay-2005.phtml. – Загл. с экрана.

Literatura

1. Ivleva T. N. Interaktivnye metody obuchenija v organizacii samostojatel’noj raboty studentov // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul’tury i iskusstv. – 2012. – № 1. – S. 145–150.
2. Ivleva T. N. Konkurs «Ja – MENEDZHER» kak forma organizacii nauchno-issledovatel’skoj raboty studentov // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul’tury i iskusstv. – 2013. – № 24. – S. 309–315.
3. Ljamzina T. Ju. Zhanr esse (K probleme formirovanija teorii) [Elektronnyj resurs]. – URL: http://psujourn.narod.ru/lib/liamzina_essay.htm. – Zagl. s ekrana.
4. Metodicheskie rekomendacii po napisaniju esse [Elektronnyj resurs] / Gos. un-t “Vysshaja Shkola Ekonomiki”, S.-Peterb. Filial, 2005. – URL: http://www.hse.spb.ru/edu/recommendations/essay-2005.phtml. – Zagl. s ekrana.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алефиренко Николай Фёдорович, доктор филологических наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Россия). E-mail: n-alefirenko@rambler.ru

Ангелова София Ангелова, кандидат филологических наук, доцент кафедры болгарского языка и литературы, Университет им. профессора Асена Златарова (Бургас, Болгария). E-mail: angelovasophia@gmail.com

Астахов Олег Юрьевич, кандидат культурологии, доцент, начальник научно-редакционного отдела научного управления, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово). E-mail: astahov_oleg@mail.ru

Бегунова Екатерина Александровна, преподаватель кафедры культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово). E-mail: kkult@kemguki.ru

Веселовская Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ прикладной культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово). E-mail: veselovskayaev@yandex.ru

Гаврилов Евгений Олегович, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (Кемерово). E-mail: Gavrilich@yandex.ru

Губанова Маргарита Ивановна, доктор педагогических наук, профессор межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики, Кемеровский государственный университет (Кемерово). E-mail: kasatkina@kemsu.ru

Двуреченская Анастасия Сергеевна, кандидат культурологии, старший научный сотрудник НИИ прикладной культурологии, заведующая кафедрой культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово). E-mail: dvurechenskaya@mail.ru

Дмитриев Александр Илларионович, доцент кафедры культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово). E-mail: kkult@kemguki.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alefirenko Nikolay Fedorovich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia). E-mail: n-alefirenko@rambler.ru

Angelova Sophia Angelova, Candidate of Philological Sciences, Docent of Chair of the Bulgarian Language and Literature, Professor Assen Zlatarov University (Burgas, Bulgaria). E-mail: angelovasophia@gmail.com

Astakhov Oleg Yurievich, Candidate of Culturology, Docent, Head of Scientific Editorial Department of Science Management, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: astahov_oleg@mail.ru

Begunova Ekaterina Aleksandrovna, Teacher of Chair of Culturology, Kemerovo State University of Culture and Art (Kemerovo). E-mail: kkult@kemguki.ru

Veselovskaya Elena Valerievna, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Institute of Applied Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: veselovskayaev@yandex.ru

Gavrilov Evgeny Olegovich, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of Chair of State and Legal Disciplines, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Kemerovo). E-mail: Gavrilich@yandex.ru

Gubanova Margarita Ivanovna, Doctor of Pedagogical Science, Professor of Inter-university Chair of General and Higher Education Pedagogy, Kemerovo State University (Kemerovo). E-mail: kasatkina@kemsu.ru

Dvurechenskaya Anastasia Sergeevna, Candidate of Culturology, Senior Researcher of the Institute of Applied Culturology, Chair of Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: dvurechenskaya@mail.ru

Dmitriev Alexander Illarionovich, Docent of Chair of Culturology, Kemerovo State University of Culture and Art (Kemerovo). E-mail: kkult@kemguki.ru

Думанский Дмитрий Вячеславович, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово). E-mail: dueco21@gmail.com

Дюлгерова Кремена Каменова, магистр болгарской филологии, Университет им. профессора Ассена Златарова (Бургас, Болгария). E-mail: emito_s@abv.bg

Заруба Наталья Андреевна, заслуженный учитель РФ, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачёва (Кемерово). E-mail: kpp@kemguki.ru

Золотухин Владимир Михайлович, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой социологии, политических отношений и права, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева (Кемерово). E-mail: zvm64@mail.ru

Иванова Неля Стефанова, профессор кафедры славянских языков, Университет им. профессора Ассена Златарова (Бургас, Болгария). E-mail: nelya_ivanova@yahoo.com

Иванова Тинка Димитрова, доктор педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии, Университет им. профессора Ассена Златарова (Бургас, Болгария). E-mail: tinche_ivanova@abv.bg

Ивлева Татьяна Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры управления социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово). E-mail: tnivleva@yandex.ru

Йорданова Марина Владева, доктор, преподаватель кафедры болгарского языка и литературы, Университет им. профессора Асена Златарова (Бургас, Болгария). E-mail: m_vladeva@mail.bg

Калимуллина Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент, Казанский государственный университет культуры и искусств (Казань). E-mail: Olca.1970@mail.ru

Киселев Александр Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ прикладной культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово). E-mail: niipk@bk.ru

Dumanskiy Dmitry Vyacheslavovich, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of Chair of Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: dueco21@gmail.com

Dyulgerova Kremena Kamenova, Master of Bulgarian Philology, Professor of Assen Zlatarov University (Burgas, Bulgaria). E-mail: emito_s@abv.bg

Zaruba Natalia Andreyevna, Honorary Teacher of RF, Doctor of Social Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Chair of State and Municipal Management, T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo). E-mail: kpp@kemguki.ru

Zolotukhin Vladimir Mihailovich, Doctor of Philosophical Sciences, Docent, Chair of Sociology, Political Relations and Law, T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo). E-mail: zvm64@mail.ru

Ivanova Nelia Stefanova, Professor of Chair of Slavic Languages, Professor Assen Zlatarov University (Burgas, Bulgaria). E-mail: nelya_ivanova@yahoo.com

Ivanova Tinka Dimitrova, Doctor of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of Pedagogy and Psychology, Professor Assen Zlatarov University (Burgas, Bulgaria). E-mail: tinche_ivanova@abv.bg

Ivleva Tatiana Nikolaevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Professor of Chair of Social Sphere Management, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: tnivleva@yandex.ru

Yordanova Marina Vladeva, Doctor, Teacher of Chair of the Bulgarian Language and Literature, Professor Asen Zlatarov University (Burgas, Bulgaria). E-mail: m_vladeva@mail.bg

Kalimullina Olga Anatolievna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Kazan State University of Culture and Arts (Kazan). E-mail: Olca.1970 @ mail.ru

Kiselev Aleksandr Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Applied Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: niipk@bk.ru

Ковалева Галина Петровна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии, Кемеровский технологический институт пищевой промышленности (Кемерово). E-mail: galinakov3012@rambler.ru

Колин Константин Константинович, заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, профессор, действительный член Международной академии наук (Австрия), Российской академии естественных наук и Международной академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики РАН (Москва). E-mail: kolinkk@mail.ru

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово). E-mail: vikt-markov@yandex.ru

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (Кемерово). E-mail: antropolog-min@mail.ru

Мухамедиева Светлана Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово). E-mail: swet-73@mail.ru

Насонов Александр Александрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово). E-mail: nas-alex-alex@rambler.ru

Новиков Дмитрий Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории народной художественной культуры, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово). E-mail: d.v.novik@mail.ru

Новинская Лариса Владимировна, соискатель ученой степени кандидата педагогических наук, Московский государственный университет культуры и искусств, заместитель директора по автоматизации, Владимирская областная универсальная научная библиотека им. М. Горького (Владимир). E-mail: novinskaya@yandex.ru

Kovaleva Galina Petrovna, Candidate of Philosophical Sciences, Docent of Chair of Philosophy and Political Science, Kemerovo Technological Institute of Food Industry (Kemerovo). E-mail: galinakov3012@rambler.ru

Kolin Konstantin Konstantinovich, Honorary Worker of Science of RF, Doctor of Technical Sciences, Professor, Current Member of the International Academy of Sciences (Austria), the Russian Academy of Natural Sciences and the International Academy of Higher Education, Senior Research Fellow of the Institute of Informatics Problems of the RAS (Moscow). E-mail: kolinkk@mail.ru

Markov Viktor Ivanovich, Doctor of Culturology, Candidate of Philosophical Sciences, Professor of Chair of Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: vikt-markov@yandex.ru

Minenko Gennady Nikolaevich, Doctor of Culturology, Professor of Chair of Culturology, Kemerovo State University Culture and Arts, Correspondent Member of Petrovsky Academy of Science and Arts, Member of International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture (Kemerovo). E-mail: antropolog-min@mail.ru

Mukhamedieva Svetlana Anatolievna, Candidate of Economical Sciences, Docent of Chair of Social Sphere Economics, Kemerovo State University of Cultural and Arts (Kemerovo). E-mail: swet-73@mail.ru

Nasonov Aleksandr Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: nas-alex-alex@rambler.ru

Novikov Dmitry Valerievich, Candidate of Historical Sciences, Docent of Chair of Theory and History of Folk Art Culture, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: d.v.novik@mail.ru

Novinskaya Larisa Vladimirovna, Competitor for Degree of Candidate of Pedagogical Sciences, Moscow State University of Culture and Arts, Deputy Director of Automation, M. Gorky Vladimir Regional Universal Scientific Library (Vladimir). E-mail: novinskaya@yandex.ru

Оленич Людмила Владимировна, доцент кафедры теории и истории искусств, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, член Союза художников России (Кемерово). E-mail: olenich_l@mail.ru

Пешкова Валентина Павловна, аспирантка кафедры социально-культурных технологий, помощник заведующего кафедрой философии и культурологии, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов (Санкт-Петербург) E-mail: culture96@bk.ru

Покровская Анна Федоровна, аспирантка, старший преподаватель кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, заместитель директора по науке Музея-заповедника «Томская Писаница» (Кемерово). E-mail: aspaf@mail.ru

Попова Наталья Сергеевна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово). E-mail: bublikova2007@yandex.ru

Прокопова Наталья Леонидовна, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, профессор кафедры культуры и искусства речи, заведующая лабораторией теоретических и методических проблем искусствоведения, директор института театра, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово). E-mail: n_prokopova@kemnet.ru

Реховская Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово). E-mail: rehowskaia@yandex.ru

Родионова Дарья Дмитриевна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово). E-mail: dasha.d.rodionova@yandex.ru

Ртищева Оксана Владимировна, кандидат философских наук, доцент, директор социально-гуманитарного института, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово). E-mail: ortishheva@mail.ru

Рубцова Татьяна Юрьевна, заведующая сектором довузовской подготовки, Кемеровский институт (филиал) Российского государственного торгово-экономического университета (Кемерово). E-mail: tansib61@mail.ru

Olenich Ludmila Vladimirovna, Docent of Chair of Theory and History of Art, Kemerovo State University of Culture and Arts, Member of the Union of Artists of Russia (Kemerovo). E-mail: olenich_l@mail.ru

Peshkova Valentina Pavlovna, Post-graduate Student of Chair of Social and Cultural Technologies, Assistant of the Chair of Philosophy and Culturology, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions (St. Petersburg). E-mail: culture96@bk.ru

Pokrovskaya Anna Fedorovna, Post-graduate Student, Senior Lecturer of Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts, Deputy Director for Science of Museum Preserve “Tomskaya Pisanitsa” (Kemerovo). E-mail: aspaf@mail.ru

Popova Natalia Sergeevna, Candidate of Art, Docent of Chair of Culturology, Kemerovo State University of Culture and Art (Kemerovo). E-mail: bublikova2007@yandex.ru

Prokopova Natalia Leonidovna, Doctor of Culturology, Candidate of History of Arts, Professor of Chair of Culture and Art of Speech, Head of Laboratory of Theoretical and Methodological Problems of History of Art, Director of Institute of Theatre, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: n_prokopova@kemnet.ru

Rekhovskaya Tatiana Aleksandrovna, Candidate of Historical Sciences, Docent of Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: rehowskaia@yandex.ru

Rodionova Daria Dmitrievna, Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: dasha.d.rodionova@yandex.ru

Rtischeva Oksana Vladimirovna, Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Director of Institute of Social and Humanities, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: ortishheva@mail.ru

Rubtsova Tatiana Yurievna, Head of Section of Preliminary Training, Kemerovo Branch of Russian State University of Trade and Economics Institute (Kemerovo). E-mail: tansib61@mail.ru

Рябчевская Жанна Александровна, кандидат культурологии, доцент кафедры эстрадного оркестра и ансамбля, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово). E-mail: estrkaf@mail.ru

Саратовский Сергей Николаевич, доктор музыкальных искусств, концертирующий пианист (Ванкувер, Канада). E-mail: sergei_saratovsky@hotmail.com

Сдобникова Маргарита Юрьевна, соискатель кафедры библиотековедения и книговедения, специальность: 05.25.03 «Библиотековедение, библиографоведение, книговедение», Московский государственный университет культуры и искусств, заместитель директора по научной работе, Владимирская областная научная библиотека (Владимир). E-mail: cmu03@rambler.ru

Сечина Инга Анатольевна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник НИИ прикладной культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово). E-mail: ingasetchina@mail.ru

Синельникова Ольга Владимировна, доктор искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой оркестрово-инструментального исполнительства, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово). E-mail: sinel1@narod.ru

Тихонов Владимир Викторович, кандидат культурологии, директор Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (Иркутск). E-mail: eukolganova@gmail.com

Трусова Наталья Митрофановна, кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово). E-mail: *trusova_n@mail.ru*

Ултургашева Ирина Григорьевна, кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории народной художественной культуры, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово). E-mail: kemtinhk@mail.ru

Ултургашева Надежда Торжуевна, заслуженный работник культуры Республики Тыва, доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово). E-mail: kemtinhk@mail.ru

Ryabchevskaya Jeanne Aleksandrovna, Candidate Culturology, Docent of Chair of Dance Orchestra and Ensemble, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: estrkaf@mail.ru

Saratovsky Sergei Nikolaevich, Doctor of Musical Arts, Concert Pianist (Vancouver, Canada). E-mail: sergei_saratovsky@hotmail.com

Sdobnikova Margarita Yurievna, Competitor of Chair of Library and Book Science, Specialty: 05.25.03 “Library, Bibliography and Book Science”, Moscow State University of Culture and Arts, Deputy Director for Science, Vladimir Regional Scientific Library (Vladimir). E-mail: cmu03@rambler.ru

Sechina Inga Anatolievna, Candidate of Philosophic Sciences, Senior Researcher of the Institute of Applied Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: ingasetchina@mail.ru

Sinelnikova Olga Vladimirovna, Doctor of History of Arts, Docent, Chair of Orchestral and Instrumental Performance, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: sinel1@narod.ru

Tihonov Vladimir Victorovich, Candidate of Culturology, Director of Architecture and Ethnography Museum “Taltsy” (Irkutsk). E-mail: eukolganova@gmail.com

Trusova Natalia Mitrofanovna, Candidate of Economical Sciences, Docent, Chair of Social Sphere Economics, Kemerovo State University of Cultural and Arts (Kemerovo). E-mail: trusova_n@mail.ru

Ulturgasheva Irina Grigorievna, Candidate of Culturology, Docent of Chair of Theory and History of Folk Art Culture, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: kemtinhk@mail.ru

Ulturgasheva Nadezhda Torzhuevna, Honorary Worker of Culture of the Republic of Tuva, Doctor of Culturology, Professor, Chair of Theory and History of Folk Art Culture, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: kemtinhk@mail.ru

Усков Игорь Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Института экологии человека СО РАН (Кемерово). E-mail: Yskov74@gmail.com

Филин Дмитрий Анатольевич, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово). E-mail: kkult@kemguki.ru

Хотько Елена Геннадьевна, аспирантка Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма (Москва). E-mail: asp.aprikt@rambler.ru

Черняева Евгения Николаевна, преподаватель кафедры культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово). E-mail: gorevega@gmail.com

Шестакова Ирина Валентиновна, кандидат культурологии, доцент кафедры теории искусств и культурологии факультета искусств, Алтайский государственный университет (Барнаул). E-mail: irinaaltkino@rambler.ru

Юдина Анна Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент, директор института социально-культурных технологий, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово). E-mail: yudinaannaivanovna@mail.ru

Uskov Igor Yurievich, Candidate of Historical Sciences, Docent, Researcher at the Institute of Human Ecology of SB RAS (Kemerovo). E-mail: Yskov74@gmail.com

Filin Dmitry Anatolievich, Candidate of Culturology, Docent of Chair of Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: kkult@kemguki.ru

Khotko Elena Gennadievna, Post-graduate Student of the Academy of Retraining in Arts, Culture and Tourism (Moscow). E-mail: asp.aprikt@rambler.ru

Chernyaeva Evgenia Nikolaevna, Teacher of Chair of Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: gorevega@gmail.com

Shestakova Irina Valentinovna, Candidate of Culturology, Docent of Chair of Theory of Art and Culturology of the Faculty of Arts, Altai State University (Barnaul). E-mail: irinaaltkino@rambler.ru

Yudina Anna Ivanovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Director of Institute of Social and Cultural Technologies, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: yudinaannaivanovna@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ВЕСТНИК КЕМГУКИ»

Правила оформления статьи

1. Статья предоставляется в бумажном и электронном вариантах (по E-mail или на диске) в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному.

2. Статья должна сопровождаться:

- названием на русском и английском языках;
- индексом УДК (Универсальной десятичной классификации), отражающим содержание статьи;
- аннотацией статьи (объемом до 400 символов с пробелами) на русском языке;
- ключевыми словами (не более 10 слов) на русском и английском языках;
- наименованием рубрики журнала, где должна быть размещена статья (в соответствии с рубрикатором журнала «Вестник КемГУКИ»);
- авторефератом статьи на английском языке (2500–3000 печатных знаков, включая пробелы) и исходным текстом автореферата на русском языке.

3. Текст статьи должен быть тщательно вычитан и подписан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала; статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем.

4. Ссылки на цитируемую литературу приводятся в конце статьи в списке литературы в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления.

5. Объем статьи – от 6 страниц формата А4.

6. Набор статьи должен быть осуществлен с использованием следующих правил:

- шрифт – Times New Roman;
- размер кегля – 12 пт;
- межстрочный интервал – одинарный;
- форматирование – по ширине;
- все поля – по 20 мм.

Образец оформления статьи

И. О. Ф. автора (по центру, без отступа, курсив, шрифт жирный)

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)

Аннотация…

Ключевые слова:…

И. О. Ф. автора на английском языке (по центру, без отступа, курсив, шрифт жирный)

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)

Аннотация на английском языке ...

Ключевые слова на английском языке:…

Текст……

Сопроводительные документы к статье, направляемой для публикации в журнале «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств», включают:

1. Две рецензии:

- соискатели докторской степени предоставляют две рецензии докторов наук, специализирующихся в данной предметной области;
- соискатели кандидатской степени предоставляют рецензию научного руководителя и рецензию доктора наук, специализирующегося в данной предметной области.

2. Справку об авторе(ах) (в бумажном и электронном вариантах).

3. Письмо-согласие на публикацию статьи и размещение её в Интернете.

Требования к сопроводительным документам

Наименование документа	Необходимые сведения
1. Рецензия	- Фамилия, имя, отчество эксперта (полностью), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - служебный адрес, - контактный телефон, - дата выдачи рецензии, - подпись рецензента, - печать учреждения, заверяющего подпись эксперта
2. Справка об авторе(ах)	- Фамилия, имя, отчество автора (полностью на русском и английском языках), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - место работы (учебы или соискательства), - контактные телефоны, - факс, - E-mail, - почтовый адрес с указанием почтового индекса
3. Письмо-согласие	- подписано автором, - заверено в организации (место работы или учебы)

Материалы для публикации могут быть направлены в редакцию журнала «Вестник КемГУКИ»:

- **почтой:**

по адресу: 650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17, КемГУКИ, научное управление, отв. секретарю О. Ю. Астахову;

- **e-mail:** vestnikkemguki@yandex.ru, отв. секретарю О. Ю. Астахову.

Перечень основных разделов журнала

1. Педагогика.
2. Социально-культурная деятельность.
3. Искусствоведение.
4. Философия.
5. Филология.
6. Культурология.
7. Документальная информация.

Редакционная коллегия правомочна отправлять статьи на дополнительное рецензирование.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Статьи публикуются в авторской редакции.

Отклоненные статьи авторам не возвращаются и не рецензируются.

Подписано к печати 25.02.2014.
Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Заказ № 30.
Уч.-изд. л. 27,9. Усл. печ. л. 34,9.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательстве Кемеровского государственного университета культуры и искусств:
650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru

Signed for print 25.02.2014.
Format 60x84 1/8.
Offset paper. Font «Times».
Order № 30.
Author's sheets 27,9. Printer's sheets 34,9.
Number of copies 500.

Printed at the Publisher of Kemerovo State University of Culture and Arts:
650029, Kemerovo,
19 Voroshilov Street. Tel. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru